

Берды Кербабает "РЕШАЮЩИЙ ШАГ"

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

Дождь, моросивший всю ночь, к рассвету перестал. Влажный ветерок унес облака. Небо очистилось, засверкало, как хрусталь.

Едва солнце, косо выглянув из-за темного края земли, начало подыматься, воздух наполнился серебристым сиянием. Черная земля, сбросив с себя покровы ночи, словно вздохнула: с поверхности ее поднялся беловатый пар и быстро растаял.

Свежий ветерок, прилетевший из-за мягких барханов, доносил с востока запахи саксаула, черкеза, полыни, цветущего мака.

Возле канала, раскинув с востока на запад ряды кибиток, мирно покоился большой, прочно осевший аул. Ничем особенным не отличался он от других селений Тедженского уезда и во всем, как брат, был похож на любой аул Туркмении — страны беспощадного солнца и безводных песков.

Над кибитками курились сероватые дымки тлеющего кизяка. Сливаясь, они тонкой пеленой медленно плыли на запад.

Широкий канал резко отделял аул от песчаной равнины с юга. Восточнее и севернее аула от канала по бахчам тянулись арыки и канавки; равнина была изрезана здесь, точно пресная лепешка, бороздками и ямочками; к западу простиралось необозримо широкое поле.

На самом краю аула, у выхода в поле, стояла кибитка и возле нее шалаш. Небольшой клочок земли вокруг кибитки был когда-то обнесен невысокой изгородью. Прутья из изгороди повывергали, и на ее месте осталось теперь только несколько кольев да невысокий земляной вал, похожий на челюсть, из которой зубы повывалились.

За валом весело резвился гнедой жеребенок. Разбрасывая копытами сырой, смешанный с навозом песок, он с наслаждением катался по земле. Внезапно гнедой вскочил на ноги и шумно отряхнулся.

Откинув край вылинявшего килима (Килим — коврик, которым завешивается вход в кибитку), из кибитки вышел молодой дейханин. Одет он был в синий грубошерстный чекмень, подпоясанный кушаком, большая коричневая папах сидела низко над самыми бровями. На ногах у него были шерстяные онучи и чокай (Чокай — самодельная кожаная обувь). Это был крепкий, хорошо сложенный юноша выше среднего роста. На его смуглом, немного заспанном лице лежала тень недовольства или какой-то заботы. Когда он подошел к жеребцу, из шалаша, что стоял по соседству, послышался голос:

— Эй, Артык, покорми коня!

— Он уже съел свой ячмень, Гандым-ага, — ответил Артык, поглаживая лоб жеребца.

Сняв попону, он обошел вокруг гнедого красавца, любуясь им; погладил круп, высокий, крутой, как купол, потрепал золотистую гриву. Жеребец терся головой о плечо своего хозяина. Артык повел пальцами по бархатной коже под челюстью коня, почесал у него за ухом. Потом он поднялся на вал изгороди и огляделся.

Вся равнина, уходящая далеко на запад, отливала зеленью и синевой. Полосы цветущего мака прорезали ее в разных местах. На северной стороне виднелось стадо

верблюдов. Оно вышло из аула еще перед восходом солнца и теперь было похоже на удалявшуюся тучу. За выгоном на углу играли ослята; тут же неподалеку величавая верблюдица ласкала верблюжонка. Повсюду хлопотали люди: одни шли на канал за водой, другие вели на водопой коней и верблюдов. Куры разгребали когтями навоз.

Раздался крик пастуха:

— Эй, у кого коровы, пуска-ай!

Коровы, отвязанные от своих давно опустевших кормушек, заметались между кибитками и, ища корма, устремились в стойла коней. Размахивая хвостами, облизываясь, они жадно пожирали оставшуюся в кормушках траву. Одна черная, с куцим хвостом и отрезанным ухом, как слепая, ворвалась в стойло гнедого. Следивший за нею косым взглядом жеребец стрелой кинулся ей наперерез. Корова побежала назад, но гнедой успел кунуть ее в спину. Артык, полный гордости за своего коня, засмеялся.

— Ай, молодец! Какой же ты умница! — восхищенно сказал он и, подойдя, опять погладил коня.

Минуту спустя, накинув на коня недоуздок и свободно держа за длинный повод, Артык повел его на канал.

В утренней прохладе жеребец шел легко, ржа и приплясывая, забегая вперед то справа, то слева. Белое пятно на его лбу то и дело мелькало перед глазами Артыка, и он, играя с конем, отвлекся от невеселых дум. Тихо насвистывая, юноша подбежал к каналу и пустил гнедого.

Мутно-желтая вода, наполнявшая канал почти до самых краев, тихо плескалась под ветерком. Она то шла плавно и ровно, то переливалась чешуйками, то кружила воронками.

Артык перестал насвистывать. Неподвижным взглядом смотрел он на воду, и лицо его все более хмурилось. Мысли беспорядочно проносились в голове, кружили, сталкивались, как воронки на мутной поверхности воды. Между сдвинутыми бровями легли морщины.

Ржанье гнедого вывело Артыка из задумчивости. Оглянувшись, он увидел своего ровесника и друга Ашира, который тоже привел поить коня. Ростом Ашир был чуть ниже Артыка и не так ладно скроен, но одет почти так же, как его друг.

— Ну, как поживаем? — спросил Ашир, оборачиваясь к приятелю.

— Да ничего... здоров, — неопределенно отозвался Артык.

Ашир, почувствовав горечь в голосе друга, шутливо сказал:

— Чего это ты раскис? Уж не пал ли у тебя черноухий верблюд?

— А может, потому и грущу, что у меня никогда черноухого верблюда не было, — ответил, все так же глядя в воду канала, Артык.

— Вот еще, тоже скажешь! Стоит ли грустить, если здоров да голова на плечах!.. Ну как, посевы полил?

— Польешь тут!..

— Это почему? Ведь вода в канале прибыла.

— А мне все равно, прибыла она или убыла.

— Как так?

— Да так. Ее мне не достанется.

— Ну что ты говоришь! Разве в этой воде нет твоей доли?

— Конечно, нет.

— Что же ты на рытье арыков не ходил? Или ты пришлый какой? Или у судьи осла украл?

— А ты в чем провинился, Ашир?

— Да ведь когда была моя очередь полива, вода в канале стояла низко.

— Ну вот! Тебе воды не досталось, когда она стояла низко, а для меня ее недостает, когда она течет высоко.

Ашир немного помолчал и уже серьезно спросил:

— Как же это так получается?

— А у тебя ума не хватает разобраться?

Эти слова задели Ашира.

— Гм... Где уж нам быть такими умниками, как ты! — обиженно сказал он, хмурясь.

Артык недовольным взглядом окинул друга.

— Ты не ворчи, Ашир, а послушай: у сына Халназар-бая, нашего ровесника, у младшего и даже у внука — у всех них есть свой пай воды. Но...

— Что «но»?

Артык посмотрел на плавное течение воды в канале и задумчиво сказал:

— ...но у меня нет доли в этой воде.

Ашир громко расхохотался:

— Ах, вон в чем дело... Ну, что ж, будь твой отец побогаче, и ты давно был бы женат (В те времена воду, как и долю земли, давали только женатым).

— Неужели и безбрежные земли господ бога и кипучие воды должны служить только баям?

— У кого нет собаки, у того нет и чашки для нее.

— Будем так говорить — никогда ничего не добьемся.

Выражение обиды и горечи на лице Артыка Ашир понял по-своему:

— Артык, у тебя получается, как в той пословице: если земля жестка, бык пеняет на быка. Разве я виноват, что ты своего не можешь добиться?

— Конечно... виноват и ты, и такие, как ты.

— Вот тебе на! Что же — я Мереду сказал, чтобы он не выдавал свою дочь за Артыка?

— Не сворачивай в сторону...

Ашир, бросив повод своего мерина, медленно подошел к Артыку и положил ему руку на плечо:

— Эх, друг, прячешь ты от меня свое сердце, кому же откроешь?

Артык некоторое время стоял, опустив голову, потом поднял глаза на Ашира. Ничего, кроме простодушия, на лице друга он не увидел и все же ответил ему гневными словами:

— Ашир! Когда надо состязаться в островах — тебя словно наняли; когда надо кого-нибудь высмеять — язык у тебя словно колесо, пушенное под гору; когда надо упрекнуть — ты говоришь за двоих. Но вот когда подсчитывают пай на воду, когда назначают на арычные работы, когда устанавливают очередь на полив — у тебя, да и у всех вас, рты словно воском залеплены. Никто и не пикнет. Если бы мы были заодно, разве удалось бы утаивать от нас по сорок—пятьдесят паев воды на каждом арыке? Разве шест у мираба во время арычных работ удлинялся бы на наших участках и укорачивался бы на участке бая? Разве наши поля лежали бы в пыли, тогда как Халназар и другие поливают свои необъятные земли уже второй раз? Конечно, если мы по-прежнему будем покорно твердить: кто ударит меня, того пусть бог накажет, — то у нас не будет ни чашки для собаки, ни того, что кладут в чашку.

Ашир задумался и почесал за ухом. Не все еще ему было ясно, но в словах друга он почувствовал какую-то правду о неравенстве людей. Однако он не поддержал разговора и постарался отвлечь Артыка от горьких дум:

— Все, что ты сказал, Артык, верно. Однако не стоит тужить, все это как-нибудь уладится. Через два-три дня воду можно будет брать без очереди.

Артык не стал продолжать бесполезный спор, и друзья замолчали.

Жеребец нетерпеливо ржал, и Артык уже хотел вернуться домой. Но в это время, держа на плече кувшин из тыквы, легко ступая, к воде спустилась девушка. Поставив кувшин, она оглянулась по сторонам. Блестки солнца играли на серебряных украшениях ее вышитой шелком девичьей шапочки.

Странное волнение охватило Артыка, все мысли в голове сразу перемешались, потеряли ясность. Гнедой вертелся, тянул за повод в сторону от канала, а его хозяин не мог сдвинуться с места. Длинные косы девушки точно опутали ноги Артыку. Он стоял все так же, немного наклонив голову и как будто глядя вниз, на мутную воду канала, но косил глазами в сторону девушки и не мог оторвать от нее восхищенного взгляда. Ее черные лучистые глаза

казались ему сияющими звездами.

Когда девушка нагнулась, чтобы зачерпнуть воды, позабывший обо всем на свете Артык не удержался от глубокого вздоха:

Ашир шепнул:

— Вот она, твоя Айна!

— «Твоя Айна...» — с грустной усмешкой повторил Артык, притягивая к себе за повод коня.

— А знаешь, Артык? Она пришла сюда не только за водой.

Артык ничего не ответил. Ашир продолжал:

— Конечно, она пришла сюда неспроста. Ей захотелось показаться своему милому.

Артык молчал. Но Аширу хотелось развеселить друга, и он воскликнул:

— Аллах!.. Да разве сердце юноши, который с утра видит себя в своей Айне (Игра слов: айна означает зеркало), может быть печаль? Такое счастье выпадает не всякому.

Артык невесело улыбнулся:

— Счастье, говоришь?.. Будь я счастливым, мой клочок земли при такой воде не лежал бы в пыли.

— А я, клянусь душой, был бы счастлив, если б меня любила такая девушка, не думал бы ни о каких делах.

— Не будет удачи в делах, не будет и Айны, — хмуро проговорил Артык.

Ашир не нашел, что возразить.

«Может, они хотят поговорить наедине», — подумал он вдруг и, взяв своего мерина под уздцы, тихо удалился.

Однако Артыку не удалось поговорить с девушкой — к каналу шли люди.

Между тем Айна легко вскинула на плечо свою тыкву и, еще раз взглянув украдкой на Артыка, пошла домой.

Артык глянул на удалявшуюся фигуру девушки, на воду, на своего коня и решительно дернул повод.

На обратном пути гнедой опять стал играть, но Артык не обращал на него внимания: думы об Айне вытеснили из головы и заботы о воде, и красавца коня. Перекинув повод через плечо, Артык шел, погруженный в думы. Вспомнились детские годы: как ходили они с Айной далеко за аул, выкапывали из земли луковицы тюльпана, собирали дикий лук в песках; как сидели рядышком в пыльной землянке и зубрили тексты корана под свист лозы, которую не выпускал из рук сердитый мулла; как бегали друг за дружкой, возвращаясь из школы, играли и ссорились.

В последнее время Артык стал смотреть на девушку влюбленными глазами. Даже имя ее, произнесенное чужими устами, вызывало в нем трепетное волнение. Ранним утром и поздним вечером ему хотелось видеть свою Айну, перекинуться с ней хоть словом. Но обычай запрещал видиться с девушкой, а тем более разговаривать с ней.

Однажды Артык встретился с Айной в безлюдном месте. Однако нужных слов не нашлось, они только нежно посмотрели друг на друга.

Думая об Айне, Артык и не заметил, как дошел до своей кибитки; он ввел коня в стойло и привязал к колышку.

Гнедой широкими шагами зашагал по кругу. Вот он остановился, поднял голову, понюхал сырой воздух. Побил о землю копытом, затем, наострив уши, громко заржал, завидев вдалеке коня.

Огненный взгляд гнедого, крутой изгиб его шеи снова заставили Артыка залюбоваться своим скакуном. Он взял стоявший у кибитки мешок с половой, подбавил сухой травы и все это понес к кормушке.

Из кибитки вышла миловидная круглолицая женщина лет пятидесяти, позвала молодого дейханина.

— Артык-джан, иди поешь, пока молоко не остыло.

— Иду, мать, — ответил Артык, похлопывая коня по спине.

Когда он, сидя у очага, с аппетитом закусывал, в кибитку вошла женщина из соседнего шалаша. Присев у порога, она стала разглядывать внутренность кибитки. Невольно вслед за нею повел взглядом вокруг себя и Артык.

Старый ковровый мешок с оборванными кистями, наполненный посудой, висел на женской половине, — казалось, кто-то выпятил там живот и раскинул руки. У той же стены притаился украшенный белой жостью сундук; на нем — пять-шесть выцветших одеял. По обеим сторонам решетчатой стенки в задней части кибитки уныло свисали два красных потрепанных чучала. Под ними распластались неопределенного цвета старые торбы. Две прокопченные папахи нашли себе место в углу на сучках деревянной подпорки. Противоположный угол занимали два больших чучала; на одном лежало сито, на другом — седло. У входа висели мотки черной веревки и тяжи из телячьей кожи. Передняя часть кибитки была застлана красной кошмой с вытертыми узорами да паласом с отрепанными краями, у очага лежал ветхий ковер. От свисавшего с купола кибитки тканого шнура с бахромой осталась одна основа, почерневшая от копоти. Концы шестов, поддерживающих купол, у выходного отверстия для дыма изогнулись, как рога у козла. Когда-то крашенная, а теперь уже облезлая и прогнувшаяся перекладина над входом напоминала истертую седлом, покрытую струпами спину осла.

Соседка смотрела на кибитку Артыка, как на ханскую палату, и молила бога, чтобы он даровал ей такое жилище. Да и Артык любил свою старенькую, всю прокопченную дымом, в сто шестов и четыре крыла кибитку. Что с того, что у иных кибитки бывают в двести шестов и на восемь крыльев! Но всякий раз, когда Артык глядел на женскую половинку, ему казалось, что в ней чего-то не хватает и что лишь тогда, когда там сядет Айна, кибитка станет прекрасной.

— Ах, Нурджахан, — сказала соседка, покачиваясь на корточках, — если у тебя найдется время сегодня, будь добра, помоги натянуть основу для коврика.

— Как не помочь? Обязательно приду, помогу, — ответила Нурджахан, устраиваясь за прялкой.

— И ткать-то собираюсь пустяк, — продолжала соседка, — всего лишь торбочку для зерна.

— Ой, не говори, Биби! И торба в хозяйстве нужна...

Начинался обычный разговор, конца которому не предвиделось. Артык вышел из кибитки и стал седлать своего коня.

Глава вторая

Когда Айна вернулась домой, Мерעד, отец ее, собрался и поехал куда-то верхом. Мачеха Мама повесила бурдюк на столб у входа в кибитку, наполнила его сливками и, подпоясавшись платком, приготовилась сбивать масло.

— Айна, убери в кибитке, — сказала она, завидев падчерицу, и сунула в бурдюк мутовку на длинном черенке.

Быстро покончив с уборкой, Айна вышла из кибитки. Мама раскачивалась всем телом: туловище откидывалось назад, когда мутовка поднималась, и падало вперед, когда она опускалась. Грузная, рыхлая женщина дышала тяжело, лицо ее, гладкое и мясистое, покрылось потом. Аине стало немного жаль мачеху, и в то же время ей было смешно, что та пыхтит над такой пустяковой работой.

— Эй, дочка, не стыдно тебе стоять и смотреть, когда я работаю? — с укором проговорила Мама, заметив улыбку на лице Аины. — Разве это мое дело, когда ты дома? А ну-ка становись к бурдюку! — Бросив мутовку, она вытерла лицо пухлой ладонью.

Мама — женское имя, даваемое в честь бабушки со стороны матери.

Айна взялась за мутовку, а Мама прислонилась к кибитке, стараясь прийти в себя. Затем она сказала:

— Слышишь, Айна? Пока ты собьешь масло, я успею сходить к Нурсолтан. — И,

накинув на голову платок, она отправилась к южному ряду кибиток.

Айна была мутовкой все сильнее. Бурдюк то вздувался, то сжимался, издавая глухие, чавкающие звуки. Увлеченная работой, Айна ничего не замечала.

Артык ехал шагом. Он намеревался проехать в поле, но, поравнявшись с кибиткой Мерета, увидел девушку одну и натянул поводья. Белые обнаженные руки Айны ритмично поднимались и опускались, подобно крыльям большой птицы. Серебряные подвески, свисавшие с краев шапочки вдоль обеих щек, слегка колыхались и мягко позванивали. В кожаных башмачках без задников белели маленькие ножки.

Артык не знал, что ему делать — постоять немного или ехать дальше. Что скажет отец Айны, если увидит? Что подумает ее мачеха? Он то опускал, то натягивал поводья, не решаясь заговорить с девушкой. Но у Ар-тыка нашелся помощник: его гнедой вдруг пронзительно заржал. Айна испуганно отшатнулась. Увидев Артыка, она стыдливо опустила голову. Но от внимательного взгляда Артыка не ускользнуло ее волнение.

— Айна... — сказал он дрогнувшим голосом и осекся. Вместо ответа Айна бросила на смущенного джигита ласковый, ободряющий взгляд.

Не зная, как завязать разговор, Артык постукивал рукояткой плети о луку седла.

Гнедой, выгнув шею, грыз удила и нетерпеливо бил копытом. Артык поднял голову, огляделся вокруг и, не увидев кобылицы Мерета за изгородью, сказал первое, что пришло в голову:

— Где твой отец?

— Поехал в поле, — невнятно ответила Айна. Артык повеселел и снова спросил:

— А мать?

— Ушла на южную сторону.

Артык даже опешил немного. Если бы Айна сказала, что отец или мачеха дома, ему здесь нечего было б делать. Он улыбнулся и заговорил смелее:

— А ты совсем молодец. Айна! Оказывается, и масло сбивать умеешь!

Айна потупилась. А Артык выпрямился в седле и стал говорить уже более уверенно:

— Почему же ты молчишь, Айна? Или считаешь меня чужим?

— Нет, — тихо ответила Айна и смущенно прикрыла рукою губы.

— А вы разбогатели, видать. С чего бы это?

— Ой, что он говорит! Какое же тут богатство?

— Где нет богатства, может ли быть бурдюк масла?

— У нас всего две коровы.

— Только две? — переспросил Артык и, не зная, что говорить дальше, опять начал постукивать плеткой о луку седла.

Айна чувствовала, что Артык говорит не то, что хочет. «А что я отвечу, если он спросит о чем-нибудь важном?» — думала она и нехотя раз-другой ударила в бурдюк мутовкой.

Будто вспомнив о чем-то, Артык поднял голову и сказал:

— Айна, ты помнишь, как мы с тобой в детстве играли?

Склонив голову, Айна молча улыбнулась. Артык продолжал:

— А я не могу этого забыть ни днем, ни ночью. Мне даже во сне снится. Как мы гонялись друг за другом... Иногда я ловил тебя и...

Айна вздрогнула, но, сразу овладев собой, прервала Артыка:

— Ой, что он говорит!. Разве мы теперь дети?

— Вот об этом я и тужу... Если б мы были детьми...

— Что было бы тогда?

— Тогда тебе не удалось бы так спокойно сбивать масло.

— Почему?

— Я незаметно подкрался бы и крикнул: «Ав!» Помнишь, как я тебя однажды перепугал, а ты вскрикнула: «Ма-а!»

— Теперь не очень-то испугалась бы! Смеющиеся черные глаза Айны опьяняли

Артыка.

Он восхищенно смотрел на нее, не чувствуя, как мотает головой жеребец, дергая повод. Упершись в стремяна, он сильно осадил коня и сказал:

— А теперь я и играть буду иначе. Подберусь незаметно и... крепко схвачу твои белые руки!

Айна не ответила и отвернулась.

— И тогда не испугаешься? — спросил Артык.

— Ой, что он только говорит!

— Потом...

Айна стала играть черенком мутовки.

— ...потом... поцелую...

Айна тихонько вскрикнула и схватилась за мутовку обеими руками.

Артыку и самому стало не по себе. «В самом деле, шутка получилась неуклюжей», — подумал он и в этот момент заметил, что Айна предостерегающе махнула ему рукой. Артык понял, что кто-то приближается к кибитке, и отпустил повод.

Конь пошел мелкой рысью. Артык оглянулся и увидел, что Айна смотрит ему вслед. Поняв, что его слова не обидели девушку, он стал напевать под цокот копыт:

*Если я белые руки, нежные руки любимой,
Сжимать отважусь, — убьют, а не отважусь, — умру.
Если я мед пьянящий с губ ее ненасытимо
Впивать отважусь, — убьют, а не отважусь, — умру.*

Айна глубоко вздохнула. Последние слова Артыка заставили ее вздрогнуть и каким-то огнем разлились по всему телу. Она посмотрела на свои руки, будто на них могли остаться следы его прикосновения. Ей показалось, что щеки ее горят, и она погладила их. Девушка глянула вслед Артыку. Гнедой бежал плавной рысью. Из-под копыт, как лягушки после дождя, отскакивали комочки земли. Артык играл плеткой и часто оборачивался. Айна долго не могла прийти в себя. Она чувствовала на щеке прикосновение его мягких, едва пробивающихся усов, хотя ее щек касался лишь влажный утренний ветерок.

В детстве Айна дружила с Артыком, и всегда он нравился ей. Теперь она с волнением ощущала в себе что-то совершенно новое. Это уж не детские шалости. Словно зацепил Артык сердце ниточкой, а весь клубок увез. Дорога, по которой он ехал, извивалась змейкой, — тянулась по ней и та ниточка от ее сердца... Руки Айны продолжали взмахивать над бурдюком, а глаза были устремлены туда, на дорогу. И задумчивый взгляд ее то загорался от увлекательной и гордой мечты, то затуманивался от каких-то других, более трезвых мыслей...

Когда Айна стала вынимать из бурдюка сбитое масло, вернулась мачеха.

Мама не отличалась особенной проницательностью, но все же она заметила что-то неладное в лице девушки — оно выражало не то радость, не то печаль.

— Эй, дочка! — сварливо крикнула она. — Ты принялась за работу, когда я уходила, а кончила только сейчас?

— Холодно сегодня, — не поднимая глаз, ответила Айна, — масло плохо сбивается.

Мама хорошо знала, сколько времени она провела в пустых разговорах, и потому не поверила Айне, но и придаться было не к чему. Все же от попреков она не удержалась:

— Скажи лучше, что бездельничала и остудила бурдюк...

Лицо девушки на мгновение затуманилось, но при мысли об Артыке оно вновь засветилось чистой радостью.

Глава третья

Семья Артыка и Ашира имели пай в разных арыках. Прошлой осенью семья Ашира

продала и проела свой пай, а весной брала воду для посева из другого арыка. У Артыка были теперь другие три пайщика, вместе с которыми он работал по очистке канала и арыка. Сегодня он отправился с ними в поле, — надо было проверить, не гибнут ли посевы. Была у Артыка и еще одна забота: его участок лежал высоко, и орошать его было очень трудно. Артык решил прорыть к нему еще одну канаву.

Теплая погода наступила уже в конце зимы, сев дейхане успели закончить еще до новруза. После теплых дождей, выпавших в дни новруза, ячмень и пшеница взошли дружно. Но весной уровень воды в канале не повышался, и это беспокоило дейхан. Это же было и причиной мрачного настроения Артыка. Политые всходы уже ярко и густо зеленели, не-политые оставались редкими и начали вянуть. Однако листочки еще не желтели. Это несколько успокаивало Артыка. «Если не ударит жара, — думал он, — до следующего полива дотянут». И тут же его охватывали сомнения: до его очереди оставалось целых двенадцать дней. Двенадцать дней... — размышлял он. — А полив неполный, да и что это будет за вода, если ее и в эту очередь на мой посев не хватило?»

Когда Артык всадил лопату в землю, намереваясь рыть канаву, им снова овладело подавленное настроение. Невольно припомнилось... Прошлой осенью, когда урожай был снят, наступило время выбирать мираба. В ауле Гоша было около шестисот хозяйств, делились они на четыре рода, четыре арыка. Дейхане были недовольны своим мирабом, — он бессовестно обделял их. Поэтому большинство дейхан говорило: «Надо выбрать такого мираба, который не будет обкрадывать народ и на всех будет смотреть одинаково». Вопрос горячо обсуждался повсюду, каждой группе дейхан хотелось поставить своего человека.

Среди бедных дейхан происходили такие разговоры:

— Теперь с выбором мираба надо хорошенько подумать.

— Э, каждый год мы говорим так, и каждый год мирабство достается таким людям, как Нунна Пак.

— И то верно. Прошлой осенью мы хотели выбрать Пашщи Келя, а стал мирабом Нунна Пак. И все, кто был с ним заодно, разворовывали наше добро.

— Ну, теперь не будем дураками. Выберем Келя.

— Вряд ли. Видно, тогда выберем, когда у Келя вырастут волосы (Кель — лысый, плешивый (игра слов)).

— Почему же не выйдет? Вот что, люди! Нас много, давайте сговоримся и отдадим мирабство Артыку. Он из рода кертыков, а кертыкам уже много лет не доставалось мирабство.

— Вот это дело! Артык — крепкий парень и честный. Он не станет нас надувать, как Нунна Пак.

— Как знать? Может, и станет...

Об этих разговорах слышал и Артык. Сам он считал избрание его мирабом таким же неслыханным делом, как немой — возможность заговорить. И в то же время думалось: «Воля народа священна. Ну, а если выберут меня, справлюсь ли с мирабством? Нет, не соглашусь!» — отвечал он себе и тут же начинал спорить: «А что, разве я был бы хуже этих мирабов?! У меня же, конечно, не будет одна мерка для бая, другая — для бедняка. Уж если я возьмусь, так не буду рабом Халназар-бая и не дам одним лишь богачам народную воду...»

Так думал Артык. Но в богатых кибитках, за пловом, рассуждали иначе:

— А что, если и в этом году мирабство отдать Нунне Паку?

— Дейхане не согласятся. Этот шельмец хватил, кажется, через край.

— Тогда, может быть, выберем Мамед-хана?

— И Анна-бек был бы подходящим мирабом.

— Лучше всего выбрать Андар-мираба. Он хорошо разбирается в этих делах.

И вот пришло распоряжение арчина (Арчин — старшина) всем собраться для выборов мираба, а затем выйти на работы по расчистке арыков.

Был прохладный осенний день. Дейхане сошлись к шалашу посреди аула. С разных сторон выкрикивали имена, не вызывавшие ни поддержки, ни возражений. Некоторое время

разговор велся в шутливом тоне. Наконец человек, степенный на вид, в каждом движении которого чувствовалось самодовольство, овладел вниманием собравшихся.

— Кого бы мы ни избрали, — говорил он, — с делом как-нибудь справится. Среди тех, чьи имена здесь назывались, многие заслуживают уважения. Но ведь дело не в том, чтобы отбыть срок мирабства. Нужен человек, который мог бы повести за собой людей, умел бы выполнить все, что требуется.

Со всех сторон послышались голоса:

— Меле-бай правильно говорит!

— Правильно!..

— Верно!..

— А если так, — продолжал Меле-бай, — то, как говорится, благое намерение — половина богатства — давайте поручим в этом году мирабство Мамед-хану, у него рука благодатная. Он, может быть, и откажется, но если мы попросим один годик послужить народу, я думаю, — согласится, у него сердце не каменное.

Черный от загара человек с глубокими морщинами на лбу и тремя прядями волос на подбородке погладил средний клоч бороды и произнес: «Гм-м...» Хотя это и показывало его несогласие, он заговорил учтиво:

— Ты хорошо сказал, Меле-бай, но дейханином и ханом одновременно быть нельзя. Давайте не будем смешивать достоинства хана с пылью и отдадим мирабство тому, кто кормится с ушка лопаты. И то еще надо сказать: мирабство только со стороны кажется почетным делом, а по правде говоря — это собачья должность. Не будет тот настоящим мирабом, кто перед одним орет, а перед другим спину гнет. Надо выбирать такого человека, который и в глаза и в затылок глядит одинаково.

И это предложение понравилось собравшимся.

— Дядюшка Черкез правильно сказал! — зашумели кругом.

Тут рябоватый парень с лихо закрученными кверху усами и в шапке набекрень не долго думая вы-выпалил:

— Э-гей, люди, отдадим мирабство Анна-беку!

Черкез улыбнулся. Эта насмешливая улыбка относилась и к парню, и к названному им беку. Всем она была понятна, только парень не понял насмешки и снова крикнул:

— Ну, люди, как думаете?

Черкез поднял тяжелые веки и бросил на парня едкий взгляд, собираясь сразить его язвительным словом. Но, решив, видимо, что у того не хватит ума понять, жалят его или гладят, сдержанно, со скрытой насмешкой сказал:

— Сынок Баллы! Хан и бек подобны ушам одного и того же коня, — ни одного из них нельзя ставить выше или ниже другого. Если мы считаем непристойным смешивать с пылью достоинство хана, как же мы можем иначе отнестись к беку. Таким людям, как Мамед-хан и Анна-бек, больше к лицу занимать почетное место на свадьбе или в кругу друзей за беседой.

Из задних рядов раздался голос:

— Анна-бека на курение терьяка еще хватит, а уж до мирабства куда ему!

— Вот и выбирайте его, если хотите пустить свои паи дымом по ветру!

Предложили избрать мирабом Артыка. Сторонников Артыка на собрании было мало, многие отсутствовали. И все же нашлись голоса в его защиту:

— Хорошо. Вполне подходит парень!

Меле-бай снова заговорил:

— Люди, мирабство — не игрушка, не юзук (Юзук — кольцо, игра в колечко), который можно сунуть в карман первому попавшемуся. Тут нужен человек, отведавший и холодного и горячего, опытный человек. Артык еще юнец, не испытывший ни стужи, ни зноя. Он, может, и честен, но ум его еще не созрел для такого дела. Вот если б жив был его отец Бабалы, тот подошел бы в мирабы. Хоть и беден был, но в делах земли и воды хорошо разбирался.

Артык не гнался за мирабством, но такой отзыв о нем показался ему унижительным.

Ему хотелось резко ответить Меле-баю, однако он понимал, что это показалось бы нескромностью с его стороны. «Ах, если бы Ашир был здесь! — подумал он. — Тот сумел бы ответить баю».

Жалеть об этом долго не пришлось: Черкез с успехом заменил Ашира.

— Меле-бай, — обратился он к баю, — годы не прибавят ума, если в голове его нет. Знает не тот, кто больше жил, а кто больше видал. Хотя голова у Артыка и молодая, он на своем веку немало повидал пыли да глины, знает цену и земле и воде. Если выбрать его, он никому не даст поблажки, и не будет расхищать народное добро, как Нунна Пак. И вот что еще скажу: если и в этом деле соблюдать очередность, то давно следует выбрать мирабом одного из рода кертыков. А ведь Артык из этого рода.

Слова Черкеза звучали убедительно, и все же согласиться с ним Меле-бай считал ниже своего достоинства.

— Да, конечно, — вяло проговорил он, — последние твои слова правильны. Но если уж выбирать из рода кертыков, надо взять человека постарше.

Подошедший с опозданием Халназар-бай раскрыл было рот, чтобы поддержать Меле-бая, но его сын Баллы выскочил и опередил отца:

— Что ты говоришь, Черкез-ага! — выкрикнул он. — Какое может быть право на мирабство у человека, не состоящего в браке, не имеющего своего надела и своей доли воды? У Артыка нет ни собаки, ни горшка для нее.

Артыка и без того злило, что из-за бедности отца он не мог вовремя жениться и потому теперь перебивается без права на землю и воду, не может говорить с людьми как равный. От слов Баллы на нем словно загорелась одежда. Он вскочил и, дрожа от гнева, сказал:

— Баллы-хан, мирабство ты сунь туда, где у тебя пусто. И не лай, как собака, придержи язык!

Они в детстве не умели ладить. Баллы всегда смотре на Артыка свысока. Получив такой отпор, он на минуту опешил, потом пошевелил толстыми губами и угрожающе произнес:

— А что, как не придержу?

— Я тебе...

Артык не договорил. Баллы, сдернув с плеча шелковый халат, кинулся на недруга с кулаками. Люди бросились их разнимать. Баллы рвался из рук и хрипло кричал:

— Пустите! Я его...

Артык стоял молча, закусив губу.

...Вспомнив обо всем этом, он с силой вогнал лопату в землю и прислонился к ней: кровь бросилась ему в лицо, брови сдвинулись, между ними легла глубокая складка. Впрочем, он тут же заулыбался, припомнив, как Баллы плаксиво вопил: «Пустите меня! Я не буду мужчиной, если не расквитаюсь с ним».

Собравшиеся разделились на две враждебные группы, готовые вступить в драку. Сторонники Артыка по пословице: «Если сытого не потревожить, голодный не насытится», считали момент удобным для расправы с некоторыми баями. Но баям и старикам такое положение показалось опасным. Халназар-бай, почувствовав, что дело может пойти слишком далеко, выругал своего сына и тех, кто защищал его, и тем несколько успокоил толпу. Некоторое время длилось напряженное молчание, слышались тяжелые вздохи. Затем опять начались шумные пререкания.

В спор вмешался сидевший в середине Мамедвели-ходжа — старик с продолговатым лицом цвета ящерицы, с узкой, козлиной бородкой и бельмом на глазу. Вынув свою белую маленькую руку из длинного рукава полосатого халата, он огладил бородку и примирительно начал:

— Люди, я не принадлежу ни к одному из ваших родов. Я потомок пророка и для всех вас ходжа (Ходжа — у туркмен племя, якобы ведущее свою родословную от пророка Мухаммеда), поэтому я думаю, что вы послушаете меня. Пророк наш говорил: «Сеющий раздоры — не мусульманин». Да избавит нас бог от раздоров — покаемся! И деды наши

говорили: «Живущим согласно бог помогает, враждующих отвергает». Не подобает враждовать мусульманам. Так как я потомок пророка — мой долг призвать вас к согласию. И потому прошу вас поручить мне выбор мираба в этом году.

Меле-бай и старик суфий (Суфий — монах-отшельник; здесь — служитель мечети), одетый в шерстяной халат песочного цвета, в один голос воскликнули:

— Очень хорошо, ходжам! (Ходжам — почтительное обращение к ходже) Тебе и поручим!

Слова Мамедвели пришлись по душе и Черкезу.

Правда, он вспомнил, что ходжа питается байским хлебом, что байские кони часто стоят на привязи у кибитки потомка пророка, но воздержался от новой ссоры с баями. Мысли Черкеза бродили в голове Артыка, и еще кое у кого, однако никто не решился возражать ходже, и тот продолжал:

— Я не хочу вставать ни на ту, ни на другую сторону. Я хочу назвать человека, который поймет нужды всех. Этому человеку будет, конечно, очень трудно, но я призыву его исполнить веление пророка во имя согласия мира в народе.

По взгляду, брошенному при этом ходжой, Артык понял, кого наметили в мирабы, и хотел крикнуть, чтобы не давали такого права Мамедвели, но опоздал.

— Люди, — обратился Мамедвели-ходжа к собравшимся, — поднимите руки, — я дам вам благословение. Пусть это будет не моим благословением, а благословением моих отцов и дедов. Пусть в этом году будет вашим мирабом приносящий счастье... Халназар-бай! Пусть удачны будут его дела, а усы закручены. Во имя бога милосердного, милостивого... Велик аллах!

Меле-бай, как бы совершил омовение, провел ладонями по лицу и поспешил опередить отклик народа:

— Ходжам, ты сказал как раз то, что было у меня на душе! Люди, наш ходжа угодил желаниям всех: вы хотели, чтобы мирабом стал один из кертыков — вот он и стал. Идите же, и да будет обилен ваш урожай!

— Ай, что ты наделал, ходжам! — важно откашлявшись, проговорил Халназар. Но просиявшее лицо его показывало, что он рад такому исходу выборов.

Никто открыто не выразил недовольства — одни боялись возражать ходже, другие лицемерили перед Халназаром или заискивали перед ним, третьи остерегались вызывать большие раздоры. А те, которые были недовольны избранием Халназар-бая, старались успокоить себя: «Ведь только на один год, как-нибудь и это переживем!»

Но Артык не выдержал и громко сказал:

— Халназар, и не будучи мирабом, забирал всю силу воды, а теперь вам и вовсе ничего не достанется!

Однако никто ему не ответил. Кто-то сзади крикнул:

— Если мираба назначает ходжа, то нечего было нам и собираться!

Но и на этот выкрик не обратили внимания.

Торжественно вручив мирабство Халназар-баю, люди разошлись.

Был ясный весенний день, солнечные лучи заливали поля веселым сиянием, но еще не палили, как летом. Артык работал в одной рубашке, в тубетейке. Все думая об этих выборах мираба, он и не заметил, как прокопал канавку до самого арыка. Рубашка у лопаток взмокла от пота. Артык сунул лопату в рыхлую землю, взглянул на пересекающий поля, еще не наполненный водою арык. Вспомнилось, как два месяца он работал на расчистке главного канала и арыков под началом нового мираба.

Воды реки Теджен, пройдя по территории Афганистана и южной Туркмении, у Каррыбентской плотины растекались по пяти рукавам. Один из них назывался Патышалык, то есть Царский канал, так как входил в личную собственность царя. Вода из него давалась в неограниченном количестве, и земли, им орошаемые, по площади были равны землям, орошаемым всеми другими рукавами — каналами дельты Теджена. Четыре других рукава назывались: Векиль, Бек, Утамыш и Кяль. По течению Кяля было расположено пять

арчинств, и аул Артыка входил в одно из них. За последние пять-шесть лет Кяль не расчищался, и русло его, занесенное илом, сильно обмелело. Поэтому, когда уровень воды в Теджене бывал низким, в Кяль поступало ее мало, а когда вода прибывала, Кяль выходил из берегов. И тем не менее до земель, расположенных в нижнем его течении, вода почти не доходила. Уже не первый год говорили о необходимости углубить Кяль. Наконец поздней осенью дейхан погнажи на расчистку канала.

Перед началом хошарных работ (Хошарные работы — совместные работы по очистке каналов или арыков) Халназар задумал произвести пересчет паев на воду. Он созвал старейшин аула и, расспрашивая их о составе семей, стал откладывать шарики овечьего помета, по одному на каждый пай. Куча росла. Когда он шарики подсчитал, их оказалось сто сорок восемь. Дейхане были удивлены, но Халназар-бай утверждал, что считал правильно.

— Если сомневаетесь, пересчитаю еще раз, — сказал он. Вновь пересчитал, и опять шариков оказалось сто сорок восемь.

В числе присутствующих был и Артык. Ему показалось, что в подсчетах есть что-то неправильное. Почувствовали это и другие, но, так как никто ничего не говорил, начал Артык:

— Бай-ага, тут что-то не так. Может, посчитаешь получше?

Вмешательство Артыка разозлило бая, он сдвинул брови, и похоже было — сейчас обругает парня. Но какая-то мысль остановила его, и выражение лица смягчилось.

— Но, сынок, — сказал он, обращаясь к Артыку, — если не веришь, я буду называть семьи, а ты считай, — и подвинул кучу овечьего помета.

Артык понял, что Халназар хитрит.

— По-моему, бай-ага, — возразил он мирабу, — нет надобности считать овечий помет. Прошлогодние сто тридцать шесть паев в этом году никак не могли превратиться в сто сорок восемь. Попробуйте пересчитать вновь женившихся.

Когда по пальцам пересчитали вступивших в брак, их оказалось четыре пары.

Черкез пристально посмотрел в лицо Халназара и удивленно сказал:

— Гляди, ведь это получается всего сто сорок четыре. Откуда же взялось еще четыре?

Артык снова вмешался:

— Нет, дядюшка Черкез, это не так: надо еще скинуть умерших и выбывших.

«Мертвых» паев оказалось тоже четыре.

Халназар, как выяснилось, откладывал шарики и на умерших; кроме того, положил один шарик на внука, думая в этом году женить его; один шарик — на Баллы, который и так имел пай воды, — но он полагал, очевидно, вторично его женить, а два шарика проскочили так, невзначай, между пальцев.

Когда, наконец, было установлено, что трудовых паев на самом деле сто сорок, дейхане, захватив с собой лопаты и припасы, отправились к водоразделу Тед-жена и остались там на несколько дней.

Водораздел Теджена отстоял от аула на полтора дневных перехода. Поручив своего коня Сахату Го-лаку, отцу Ашира, и навьючив продукты на осла одного из дейхан, вместе со всеми пришел сюда и Артык. Так как он не был женат и одного пая воды, принадлежащего его матери, им не хватало, он взял еще один пай в аренду. Теперь ему приходилось работать за два пая.

В первый же день Артык заметил, что шест, которым мираб отмерял участки на канале, для одних удлинялся, для других укорачивался. Однако, не желая на этот раз спорить, Артык приступил к работе.

Лопатой, сделанной знатным мастером Хозом, он выбрасывал в один мах больше пуда земли выше, чем на высоту человеческого роста. Жилы на шее вздувались, лицо синело, плечи немели, но он все так же размеренно вскидывал лопату, и влажная земля ложилась за ним по берегу канала ровным валом. Пот струился по его запыленному, обветренному лицу, домотканая рубаха стала от пота жесткой, как кожа, а он, не останавливаясь ни на минуту, все бросал и бросал тяжелые глыбы земли.

Вокруг него раздавались оживленные голоса:

— А ну, шевелись!

— Давай быстрее!

— Не отставай от Артыка!

Закончив свой участок раньше всех, Артык взбежал на высокий берег сухого русла канала и ладонью отер пот с лица. Он, словно борец, победивший в борьбе, огляделся вокруг и увидел, что многие справились с работой только наполовину.

Ожидая, пока ему отмерят новый участок для очистки, он присел на валу, вынул из-за кушака лепешку и стал жевать. Лепешка показалась ему необычайно вкусной. Но появление мираба отбило у него охоту к еде. Как только очередь дошла до Артыка, шест в руках Халназара стал удлиняться. Тогда Артык подошел к баю и ухватился за шест.

— Погоди, мираб-ага, дай-ка отмерим еще разок, чтоб ошибки не вышло!

Халназар-бай злобно ощерился. Может быть, он и ударил бы Артыка, но, боясь вызвать недовольство дейхан, только процедил сквозь зубы:

— Упрям же ты, парень!

Когда во второй раз отмерили участок, оказалось, что шест не достает до сделанной раньше отметки аршина на два. Однако Халназар сейчас же нашелся.

— Ты что — ослеп, не видишь, где я отметил? — строго сказал он разметчику и провел по земле новую черту.

После этого шест для Артыка уже больше не удлинялся. Но Халназар все время искал повод для придирок. «Стенку не выровнял», «дно не вычистил», «землю выбрасываешь слишком близко», — говорил он, как только появлялся подле Артыка. Но тот умел постоять за себя.

Наступила зима с крепкими морозами ночью, с холодными дождями и пронизывающим ветром днем. Артык и три его товарища жили в землянке. Начинали работу задолго до рассвета, а заканчивали в сумерки.

Не каждый день удавалось сварить суп, питались больше лепешками, испеченными на углях костра.

Работы на Кяле продолжались месяц. На расчистке больших арыков дейханам пришлось поработать еще месяц с лишним. Но это дало возможность расширить площадь посевов. Дейхане вышли в этом году на целину и засеяли обширную лощину в степи Атгыран.

Когда дело дошло до распределения воды, пришлось заново пересчитать пай. Прибавились пай старшины, главного мираба канала, писаря, есаула, младшего мираба, судьи, стражников, ходжи, муллы, преподавателей и учащихся медресе, еще кого-то — и дополнительные пай в общей сложности дошли до сорока восьми. На разные текущие расходы мираб добавил еще с дюжину паев, в результате сто сорок дейханских паев превратились почти в двести. Срок полива все удлинялся; для того, чтобы отпустить двадцать пять суточных норм воды, требовалось двадцать пять дней. Это могло оберечь посевы на гибель. Тогда решили вместо суточного полива применить полусуточный: ускорился оборот воды и вдвое сократился срок полива.

Обо всем этом и размышлял Артык, когда рыл канаву к своему участку. Неполный полив раз в двенадцать суток, да и для того не хватало воды! Молодого дейханина охватывал страх при мысли, что его посевы могут погибнуть.

Глава четвёртая

Случилось так, как и предсказывал Ашир: вода в канале с каждым днем поднималась, выходила из берегов, наполнила до краев все арыки, затопила низменности, перерезала дороги. Обильно оросились все посевы, водой были напоены даже седые равнины.

Паводок был так высок, что, как и три года назад, возникла угроза прорыва Карры-бента и ухода вод Теджена в русло старого канала Джангутаран и в пески Кара-Кумов.

По всем аулам собирали людей для укрепления плотины хворостом и землей.

Артык и его три пайщика высеяли на своих участках сорок батманов (Батман — пятьдесят три фунта) пшеницы и четыре батмана ячменя. Всходы были хорошие. Но самый лучший урожай от одиннадцати батманов посева не мог помочь Артыку залатать все прорехи в своем хозяйстве; долгов с прошлого года накопилось немало, да и за аренду пая надо было платить. И Артык решил запахать еще немного земли.

Год с самого начала обещал быть неплохим, а теперь, когда обилие воды обеспечивало хороший урожай, баи, опасаясь появления в прошлогоднем зерне вредителя, стали раздавать надежным людям пшеницу взаймы. Артык занял у Халназар-бая еще десять батманов пшеницы и вместе с Аширом вышел в поле сеять на общинной свободной земле. Этот год становился годом двойных посевов — каждый дейханин стремился посеять как можно больше. Баи высеяли дополнительно по тридцать-сорок батманов.

Молодой жеребец Артыка был норовист и горяч. Артык запряг его в пару с серым меринком, которого Ашир выпросил у своих более состоятельных родственников. Когда гнедой почувствовал на шее хомут, он стал рваться и бешено бить копытами землю. Но старый мерин стоял в упряжке спокойно, подобно объевшемуся волу, и гнедой успокоился.

Ашир повел коней, а Артык пошел сзади за сохой. С легким хрустом врезался сошник в заросшую травой целину, на сторону повалились влажные пласты красноватой земли. Гнедой шел неровно, иногда портил борозду, но Артык не обращал на это внимания. Ему казалось, что с каждой бороздой он все дальше уходит от нищеты.

Так и ходили они по целине, будто натягивая основу ковра, — Артык и Ашир, гнедой жеребец и серый мерин. Когда доходили до конца борозды, Артык говорил гнедому: «Сюда!» — и гнедой, не дожидаясь, пока Ашир повернет его за повод, бросался назад, на зов своего хозяина.

Мечтая о будущем урожае, Артык не чувствовал усталости, не замечал, что рубашка его уже взмокла. Он думал: «Будет урожай — встану на ноги, расплачусь с долгами. К тому времени, может, и сердце Айны откликнется...» Высоко в небе жаворонок насвистывал: «Джюйпи-джюйпи, джюйпи-джюйпи», а Артыку слышалось: «Айна твоя, Айна твоя!» Не в силах скрыть радостного волнения, он стал приговаривать:

— Ай, молодец, гнедой! Ай, молодец!.. А ну, Ашир, пошевеливайся!

Артык снова и снова мысленно возвращался к тому памяtnому утру, когда он встретился с Айной. Как он любовался ею! Как робко разговаривали они, смущаясь и краснея! Как она вздрогнула, когда он сказал, что поцелует ее, и все же улыбнулась, улыбнулась ему! Он перестал сознавать, где он и что с ним, двигался за сохой машинально. И вот уже кажется ему, что он обнимает Айну, целует, она вздрагивает и прижимается к нему... И сам он вздрагивает, словно его окатили холодной водой, — это голос Ашира заставил его очнуться:

— Артык, гляди — уже полдень!

Не замедляя шага, Артык взглянул на короткую тень и сказал:

— Еще немного, борозды три-четыре...

Они продолжали пахать. И вдруг Ашир услышал — Артык запел:

*Хлеб я сеял, снял я жатву и не знал, что гниль в зерне;
Ключ расчистил я, напился и не знал, что грязь на дне;
Я не знал, что у любимой есть дружок на стороне.
По тебе спален я жаждой! Утоли мой пыл, красавица!*

Ашир понял: руки Артыка на сохе, а мысли его с Айной. И Ашир крикнул:

— Молодей, Артык! Веселей!..

Когда коней распрягли, серый мерин был совсем мокрый, а у гнедого влажные пятна показались только на груди да за ушами. Артык окинул взглядом вспаханное поле. Под ярким весенним солнцем оно играло красками, как ковер. С полтора танапа (Танап — одна

пятая десятины) будет», — мысленно прикинул Артык.

Бросив заварку в закипевший чугунный кувшинчик, друзья принялись пить чай. Аширу хотелось говорить:

— Ну, Артык... — улыбнулся он, быстро прожевывая чурек

По тому, как хитро улыбался Ашир, Артык понял, о чем тот собирается говорить, и поспешил опередить его:

— Знаю, знаю, что хочешь сказать... Что ж, может статься, рука моя и дотянется до черноухого верблюда, — сказал он и замолчал, смутившись.

Он хотел сказать, что неплохие виды на урожай приближают исполнение его желаний, а получилось, что красавицу Айну он сравнил с черноухим верблюдом. Но Аширу все было ясно. Он хлопнул приятеля по плечу и сказал:

— Пусть будет так! Соберем урожай и отпразднуем свадьбу!

Артык сразу оживился, стал рассказывать о своей встрече с Айной. Ашир жадно слушал. Чмокая губами, стараясь удержать табак под языком, он то и дело спрашивал: «А потом? А потом?» И вдруг, выплюнув табак, застыл, весь превратившись в слух.

Артыку не понравилось, что на самом интересном месте его рассказа Ашир начал плевать.

— И надо же брать в рот такую гадость! — недовольно проговорил он, хмурия брови. — Погляди на себя. Ты как осленок, объевшийся зеленой травой.

— А ты не сворачивай в сторону! — усмехнулся Ашир. — Говори же: что было потом?

И Артык тихо закончил:

— Я сказал ей: «А потом... потом поцелую тебя».

Ашир хлопнул в ладоши и громко захохотал:

— А-ха-ха!..

Глава пятая

Аул поднялся на заре и расшумелся.

Халназар-бай женил внука. Накануне оповещали всех: «Завтра ехать за невестой свадебным поездом, завтра скакать за ней друзьям жениха».

Суматоха усиливалась. Молодые женщины сновали из кибитки в кибитку, сбрасывали с себя будничную одежду и одевались во все праздничное. Одни, разодевшись, в ожидании поезда с торжественной важностью расхаживали возле своих кибиток, позванивая серебряными украшениями, другие, победнее, все еще бегали по соседям, занимая украшения и наряды. Те, кому ничего не удалось раздобыть, смотрели на все эти приготовления с грустной завистью.

Немало хлопот было и у парней, которые снаряжали верблюдов в свадебный поезд и собирались скакать впереди вестниками жениха. Где же дейханину повеселиться, как не на байской свадьбе, — урвать себе хоть частицу чужой радости? Но и эта возможность выпадала не всякому. Надо было как следует приодеться, чем-либо украсить себя. У кого хватило бы смелости явиться на байскую свадьбу в потрепанной одежде да и какой бай допустил бы на свой праздник человека в лохмотьях?

Те из парней, которым посчастливилось раздобыть праздничную одежду, украшали верблюдов коврами, нарядно убраным лошадям подвязывали хвосты. То и дело раздавались возбужденные веселые голоса:

— Скорей!

— Веди верблюда!

— Пои коня!..

Мама поверх нового с иголки полушелкового синего платья надела полосатый шелковый халат и подпоясалась черным шерстяным кушаком, расшитым красными цветами. Борык (Борык — женский головной убор) она обернула мешхедским зеленым платком, а поверх него накинула вышитый по краям красный шелковый халат. На руках у нее

красовалось по четыре браслета, с плеча спускалась кожаная сумка, украшенная серебряными пластинками. В этом наряде она была очень живописна и даже казалась моложе своих лет. Но прикрепленная к головному убору диадема старинной мервской работы из семи камней, массивные, соединенные цепочкой кольца на пальцах, и в особенности слишком яркие и широкие вышивки шальвар, видневшихся из-под ее короткого платья, говорили о легкомыслии молодящейся женщины. Серебряная диадема с бахромой, ниспадавшей на ее широкий мясистый лоб, была похожа скорее на конский дога-баг (Дога-баг — украшение боевых коней) на шее осла, и Айна чуть не рассмеялась, увидев мачеху в таком наряде.

Поддерживаемая под руки Мередом и Айной, Мама, отдуваясь, поднялась в седло украшенного паласами и красной тканью верблюда. Но, не вмявшись в сиденье, она раскидала постеленные на нем одеяла и заворчала на мужа:

— Как ты укладываешь сиденье!

Меред молча подал ей веревки и, понукая верблюда, сказал:

— Держись!

Верблюд стал медленно подниматься, распрямляя задние ноги. Лицо Мама исказилось от испуга.

— О боже! — вскрикнула она, откидываясь назад. Когда же верблюд стал на передние ноги, она чуть не скатилась с него.

Айна подумала: «И зачем ей ехать в свадебном поезде за невестой, когда ей и в мягком седле сидеть трудно?» Затем она повела верблюда к месту сбора гостей, не без тайной надежды повидать кое-кого.

Артык ни у кого не стал одалживаться. Он надел рубашку с вышитым воротом, поверх нее — тонкий чекмень из верблюжьей шерсти и подпоясался широким пуховым кушаком. К челке коня он прикрепил два ярких платка и поехал к кибиткам Халназар-бая.

Баллы стоял подле коня в двух пурпурно-красных халатах, в черной каракулевой папаче, в черных сапогах, с дамасским кинжалом в серебряных ножнах. На плече у него висела двустволка, небрежно опущенная дулом вниз. Грудь великолепного халназаровского скакуна Мелекуша украшали два серебряных панцирных щита, круп покрывала роскошная попона с серебряной бахромой и кистями, на голове красовался дивный догабаг. Кожа с серебряным набором закрывала шею коня до самых ушей.

У входа в кибитку верблюд, разукрашенный разноцветными лентами, с серебряным колпаком на голове, будто перед кем-то склоняясь, вдруг опустился на колени. Из новой кибитки, откинув килим, вышла молодая женщина невысокого роста. Это была молодая гелин (Гелин — невестка) халназаровского дома, жена Баллы. Все на ней горело, как утренняя заря, — и пурпур шелкового платья, и шелковый красный халат, и алая в вышивках накидка на голове. На ее огромном, обернутом зеленым шелком борыке сверкала золоченая диадема, шею скрывал серебряный полумесяц тоука (Тоук — женское украшение), грудь сверкала от амулетов и многочисленных серебряных украшений, руки были отягощены браслетами в пять камней и рядами колеи на пальцах. Весь ее богатый наряд сиял в лучах только что поднявшегося над землей солнца, и казалось, будто она сама распространяла вокруг себя это сияние. Все в ней, казалось, говорило о радости. Но Айна, пристально взглянув на молодую женщину, заметила, что в лице у нее нет ни кровинки, щеки впали, глаза потускнели и в них застыла тоска. Когда гелин садилась в седло, застланное ковром и шелковым одеялом, Айна услышала сухое покашливание. Баллы, уже сидевший на коне, выругался: «Экая свинья, всегда из-за тебя задержка!» От этих слов брови у гелин сдвинулись, на глаза навернулись слезы. И Айна поняла, почему у молодой женщины такой болезненный вид. «Она ненавидит Баллы, — подумала Айна, — ей и жизнь не в жизнь».

Среди женщин, отправлявшихся за невестой, было немало одетых и в простые платья, и только яркие цвета борыков придавали им праздничный вид. Взглянув на них, Айна подумала: «Зачем эти пришли на свадьбу?» Она еще не понимала, что и беднякам хотелось участвовать в шумном свадебном поезде.

Двадцать пять верблюдов с колокольчиками на шеях и бубенцами на передних ногах медленно потянулись друг за другом, наполняя аул мелодичным звоном. Айна стала смотреть на всадников. Большинство парней были в простой крестьянской одежде, на маленьких лошадях. Только немногие гарцевали на породистых скакунах и были одеты в пурпурные шелка. Не задерживаясь взглядом ни на одном из них, Айна искала глазами Артыка.

На красивом горячем коне, круто выгибавшем шею, сидел просто одетый юноша, с открытым и ясным лицом. Он показался Айне лучшим джигитом. Когда взгляды их встретились, она почувствовала в теле легкую слабость. Крепкая посадка Артыка, каждое его движение притягивали Айну к нему. Напрасно старалась она отвести смущенный взгляд, ей хотелось еще и еще смотреть на него. Боясь выдать себя, она уже хотела спрятаться за спины других, но в этот момент всадники двинулись в путь.

Артыка не стало видно. Он проехал немного вперед и вдруг, повернув коня, проскакал мимо Айны к своей кибитке, будто забыл там что-то. А через минуту медленно проехал снова возле нее, догоняя свадебный поезд.

Подъехав к аулу невесты, всадники открыли пальбу из ружей. Юноши и подростки, стоявшие наготове у крайней кибитки, словно только этого и ждали: на приезжих обрушился град сухих комков глины. Артык, заметив парня, нацелившегося в него палкой, быстро пригнулся. Палка со свистом пролетела над его головой и угодила в Баллы, — тот чуть не вылетел из седла. Яростно повернув коня, Баллы сорвал с плеча ружье и пальнул из обоих стволов в нападавших. Но горящие пыжи, не нанося никакого вреда, только раздражили ребят. В следующую секунду другой всадник от удара покачнувшись в седле: жесткий ком глины величиной с кулак попал ему прямо в лоб; над глазом вздулась багровая шишка. Какого-то паренька конь сбил с ног, тот покатился по земле и скорчился от боли. Тогда вмешались взрослые и прогнали детей.

У входа в кибитку невесты теснились девушки и молодые женщины. По обычаю они должны были рвать одежду на женщинах, приехавших за невестой. И как ни берегли приезжие гелин свои наряды, как ни защищали их всадники, одежда на многих оказалась порванной. Чья-то рука вцепилась в шелковую накидку Мамы и держала ее до тех пор, пока с головы не слетел борык со всеми украшениями. Простоволосая, растрепанная, красная, точно глиняный кувшин, она крикнула:

— Ай, окаянные! — и, нагнувшись, схватила свой борык. Накинутый на него красный шелковый халат с треском разорвался. — Чтоб твоя рука покрылась болячками! — выругалась Мама и ворвалась в кибитку.

Родственники невесты, чтобы не задерживать прибывших, сразу же начали разносить угощения.

Огромный сизо-серый верблюд с гордо закинутой головой, подведенный к кибитке невесты, величаво глядел своими огненными глазами на суевившихся вокруг людей. Человек, державший его за повод, покрикивал: «Хыхх чёк!» — и тянул его голову книзу. Казалось, если громадное животное вскинет голову, — человек взлетит в воздух. Но верблюд, не сопротивляясь, вытянул шею и с неожиданной для него легкостью опустился на колени, пододвинул их поудобнее и прижался грудью к земле. Когда из кибитки вынесли невесту, завернутую в палас, верблюд испуганно поднял свои черные уши и рванулся, пытаясь встать на ноги, но поводья, привязанные к его ногам, не дали ему выпрямиться, и он снова опустился, сердито урча и с беспокойством поводя маленькой головой.

Палас раскрыли. Артык увидел девушку, хрупкую и нежную, точно только что выбившийся из-под земли цветок, — краями халата она закрывала лицо. Ее беспомощный вид тронул Артыка, а мысль, что когда-нибудь и Айну вот так же вынесут из кибитки, обрадовала его, и он, поддаваясь общему возбуждению, крикнул:

— Где там халат бая?

На голову невесты накинули старый полинялый халат Халназара. Пока ее усаживали на верблюда позади младшей невестки бая, халат был изорван в клочья.

Провожали «похитителей» невесты так же, как и встречали: на женщинах рвали одежду, всадников забрасывали камнями.

На обратном пути всадники гарцевали группами то впереди свадебного поезда, то позади него. Некоторые юноши, желая щегольнуть перед людьми, вихрем проносились взад и вперед по обочинам дороги. Верблюды таращили глаза, пятились, а лихие наездники, не слушая окриков, продолжали бешеную скачку.

Когда впереди показалась равнина, всадники ринулись гурьбой. Те, что постарше, поумнее, приближаясь к свадебному поезду, натянули поводья. Бесшабашная молодежь с громким топотом понеслась вдоль дороги. Верблюды заволновались и начали рвать поводья из рук поводырей. Вдруг чей-то разгоряченный конь врезался в караван. Верблюды шарахнулись в разные стороны, понесли. И не успели еще раздаться крики: «Ах, вах!» — как две женщины упали на землю. Одна из них была Мама. Артык видел, как она, огромная, тяжело валилась с верблюда, и думал, что она разобьется в кровь. Но Мама, обычно неповоротливая, тут мгновенно вскочила на ноги, вся в пыли, с растрепанными волосами. Испуганными глазами она посмотрела кругом и, хоть не знала, кто был виновником ее несчастья, разразилась неистовой бранью:

— Ах, что б твой конь подох от чумы! Чтоб тебе, проклятый, всю жизнь не знать радости!

Артык подал ей упавший борык и спросил, не ушиблась ли она. Мама осталась почти невредимой, только ободрала кожу на локте да осколком разбившейся пиалы, которую она, по праву приехавшей за невестой, стащила в кибитке ее родителей, поцарапала бок.

Народ сгрудился около другой упавшей с верблюда женщины. Это была нарядная гелин, жена Баллы. Ее бескровное лицо посинело, глаза закатились, изо рта текла слюна с кровью. Никто не знал, что с ней, а сама она только тихо стонала. Баллы, видя, что она пошевелила губами, опустился перед нею на колени и приподнял ее за плечи. Но когда гелин, приходя в себя, протянула руку, глаза его злобно округлились.

— Столько здесь женщин — и никто не упал, — раздраженно проговорил он. — На руках у тебя нет ребенка, а ты даже сама себя убереечь не можешь. Ну так шайтан с тобой! — Он поднялся с колена, и голова женщины вновь упала в дорожную пыль.

Все с отвращением посмотрели на Баллы, всем стало не по себе. Артык не выдержал и возмущенно сказал:

— Эх, Баллы, где твоя совесть? Сердце у тебя каменное! Она, бедная, может быть, умирает, а ты, вместо того чтобы помочь, добиваешь ее. Нет у тебя жалости...

- Не твое дело! — злобно огрызнулся Баллы и вскочил на коня.

В это время сам Халназар привел смиренного верблюда и велел сделать на нем широкое сиденье. Чуть живую женщину уложили на него и крепко привязали.

Свадебный поезд двинулся дальше. Гости были подавлены случившимся но в семье бая, видимо, не принимали этого несчастья особенно близко к сердцу. Халназар, чтобы расшевелить притихших гостей, объявил:

— Кто первым примчится в аул, получит барашка и десять рублей деньгами.

Артык два дня готовил своего гнедого к свадебным скачкам. Он понимал, что бай, жалея своих коней, не будут особенно рьяно оспаривать приз, а из дейханских коней ни один не мог состязаться с его гнедым. Слова бая отозвались в ушах Артыка веселым звоном серебра, а во рту он явственно ощутил вкус сочного мяса весеннего ягненка.

Оглянувшись на всадников, готовившихся ринуться вперед, он хотел уже крикнуть: «Бай-ага, давай сюда приз!», но в это время послышался жалобный стон молодой женщины, и он увидел ее бледное, искаженное мукой лицо. «Человек умирает, а я погонюсь за призом?!» — подумал он и ослабил повод.

Кто-то сказал:

— Ну, что ж, Артык, тронулись?

— Поезжайте, я не поеду, — хмуро ответил Артык.

— Почему это? — удивился Халназар, глядя на горячившегося гнедого.

— Жалею коня, — нашелся Артык.
— Не будь дураком, скачи! Приз будет твой.
Но Артык остался глух к словам бая.
— Скачут!
— Вон кто-то вырвался вперед!
— Ой-ой, как несется!
— Да его никому не догнать!
— Кто это?

Услышав эти крики, Айна выбежала из кибитки и стала смотреть на дорогу. «Это Артык», — подумала она, вглядываясь в молодого дейханина, скакавшего впереди всех. Не прошло и минуты, как мимо нее пролетел всадник на серой кобыле, за ним другой, третий... Артыка не было.

«Где же Артык? — раздумывала она. — Может, отстал? Нет, не может этого быть. Ведь он всегда брал призы. Что же случилось?» И невольно закрадывалась в сердце тревога: «А может быть, его конь упал, и он...» Стараясь отогнать страшную мысль, Айна искала глазами Артыка среди подъезжающих всадников, но не находила. Тогда она кинулась к одной из пробежавших мимо девочек.

— Пойди, милая, узнай, благополучно ли едут Мама и другие, — попросила она.

Ее мало интересовала мачеха, она хотела узнать об Артыке. Но девчурка, ничего не поняв, заупрямилась.

— А ты сама узнай! — сказала она и побежала дальше, размахивая руками и подпрыгивая, как дикая козочка.

Айна вошла в кибитку, но тотчас же вышла обратно — сердце ее не находило покоя. Потом она взбежала на бугор и стала смотреть на дорогу. Только увидев приближающийся к аулу свадебный поезд и Артыка на его горячем коне, Айна успокоилась.

Артык, въехав в аул, спешился и, посадив на коня ребятишек, пустил его прогуливать.

Вблизи раздались громко произнесенные глашатаем торжественные слова поздравления:

— Халназар-бай, да озарятся очи твои!

Артык невольно усмехнулся: «Да озарятся очи... А жених, совсем еще желторотый мальчишка, не видит в свадьбе ничего, кроме веселой шумихи, и даже не понимает, что такое любовь» Действительно, жениху было всего двенадцать лет, и он, резвясь, бегал со своими сверстниками тут же около всадников.

Во дворе Халназар-бая теснилась толпа. Преодолевая стыдливость, пришла взглянуть на невесту и Айна. Она подошла в тот торжественный миг, когда девушку вводили в кибитку старшего сына Халназара, осыпая пшеничными лепешками. И в то же время в кибитку среднего сына вносили распластанную на паласе младшую невестку, жену Баллы. Ничего не понимая, Айна растерянно оглядывалась по сторонам.

При виде разбитой, тяжело дышащей невестки Садап-бай, старшая жена Халназара, испуганно ахнула и запричитала:

— Вах, горе мне!.. Вах, что мне делать!..

Но тут же, отвернувшись и увидев осыпаемую лепешками молодую, она расправила брови, и лицо ее просияло. Айна видела эту смену мимолетного горя радостью и поняла все. Тяжелое состояние жены Баллы не мешало свадебному празднику.

Артык, увидев, что Халназар-бай повел Мамедвели-ходжу и других стариков к себе, вошел в кибитку, где была молодежь. В это время у входа в кибитку раздался голос мужчины, произносившего по-арабски нараспев:

— Во имя пречистого суфия Абу-Халифа-йи-Коуфа, — да пребывает над ним милость аллаха, — кому поручаете быть свидетелем в браке?

Двенадцатилетний мальчик-жених, к которому были обращены по обряду эти слова, ничего не понимая, вытаращил глаза. Человек повторил свое обращение. Сидевшие рядом с женихом подсказали ему ответ, и тот детским голоском еле слышно пролепетал:

— Меле-баю.

Через минуту это же обращение раздалось у входа в соседнюю кибитку, где находилась невеста.

А спустя еще несколько минут начался брачный обряд.

Мамедвели-ходжа, выслушав свидетелей жениха и невесты, торжественно вознес руки к небу и затянул:

— Элхамдилиллэ, элхамдилиллэ хиллези... (Хвала аллаху, хвала аллаху... (.арабск.)).

Все замолчали, даже звук смыкаемых и размыкаемых ножниц, оберегающих молодых от нечистого духа, оборвался.

Закончив молитву, Мамедвели-ходжа обратился к брачащимся, все на том же арабском языке, со словами наставления, и никто из сидящих вокруг не понял, что он приводит заповеди Мухаммеда, разрешающие иметь двух, трех и четырех жен, и что это считается правильным.

После того как свидетели сняли белый платок, которым была накрыта чаша, и поделили между собой этот платок и деньги, завязанные в уголке, все присутствующие стали отпивать по глотку сладкого свадебного напитка.

При тусклом свете семилинейной лампы, слабо освещавшей просторную кибитку, лицо Халназар-бая выражало довольство. Вынув из-под халата десять серебряных рублей, он со звоном высыпал их в руки ходжи:

— Да будет всегда праздник!

Когда-то Халназар так же радовался появлению в доме невесты Баллы. Теперь он не хотел слышать ее предсмертных стонов. Правда, падение ее с верблюда вначале встревожило бая. Он видел, как судорожно дергались пальцы невестки, как посинело ее лицо, как вздрагивали тонкие губы, тускло смотрели ее потухшие глаза, и понял, что положение ее безнадежно. Давно уже не годилась она для работы, а теперь случай помогал избавиться от лишней обузы. Но бай очень дорожил отношениями с родителями больной невестки. Смерть ее могла испортить свадебный праздник. Обо всем этом Халназар успел подумать дорогой, когда вез невестку домой. «Не сейчас же она отдаст богу душу. К чему портить праздник? Пусть свадьба пройдет, как свадьба!» — успокаивал он себя.

После того как молодежь тоже отпила свадебного напитка, Артык и другие юноши на руках перенесли жениха в кибитку, где находилась невеста. Жена старшего сына Халназара соединив руки жениха и невесты, стала читать наставление:

— В белое и синее не одевай. Не корми ячменным хлебом. Не давай обижать злым людям... Пусть в счастье и радости доживет она у своего очага до старости!

— Ой больно! Пусти, — запищал маленький жених, вырывая руку.

Потом мальчику дали плетку. По обычаю, он должен был, ударяя ею, выгнать из кибитки всех «любопытных». Но он не понял, чего от него хотят, и ему захотелось убежать самому. Эго, ему не удалось: его задержали и вернули назад, к невесте. Мальчик не знал, что делать, его хватил страх, и он, бросив плетку, вдруг заревел.

Артык не знал, смеяться ему или плакать. Не дождавшись, когда по обряду невеста снимет с жениха сапоги и развяжет ему кушак. Артык вышел во двор.

Там играли в юзук. В кругу людей, сидевших с расстегнутыми воротами, передвигались на корточках толстяк Покги Вала и Черкез. В руках у Покги была оловянная коптилка, слабо освещавшая лица играющих. Черкез глазами охотника всматривался в молчаливо напряженные лица игроков, подряд хлопал их по плечу и говорил:

— Пуст. Пу-уст...

Покги Вала то и дело хватал его за руку:

— Да погоди же! Куда ты скачешь?

Наконец, совместными усилиями они выделили троих и поочередно внимательно осмотрели. У одного из них беспокойно бился живчик в ямке у шеи. Покги Вала сказал:

— Юзук вот у этого. Его нельзя отпускать.

Но Черкез угадал, что парень притворяется.

— Ты, сынок, обманывай, кого хочешь, — обратился он к парню, — но меня не проведешь. Встань, ты тоже пус!

Покги Вала с криком протеста вскочил на ноги вслед за парнем, но у того действительно кольца не было, и он снова опустился на корточки.

Из оставшихся двоих один был безбородый, с глубокими морщинами на лице, — он сидел неподвижно и тяжело, точно ступа, по нему ничего нельзя было угадать. Другой был рябой смуглый парень, и трудно было разобрать, где у него что вздрагивает. Немигающие охотничьи глаза Черкеза впились в рябого. Тот немного волновался, но трудно было понять, происходит ли это оттого, что у парня под мышкой лежит перстень, или он хочет ввести отгадчика в заблуждение.

Черкез стоял в нерешительности и на помощь глазам пустил в ход язык.

— Ты, сын мой, хоть и вовсе не вздрагиваешь, юзук я получу у тебя. — И вслед за тем он обратился к безбородому: — А ты напрасно мучаешься, у тебя кольца нет. Хочешь, выведу из игры?

- Попробуй, — невозмутимо ответил безбородый, — может, и ошибешься.

Покги Вала не выдержал и опять вмешался:

— Ты ошибаешься, Черкез! Юзук непременно у Косе!

- Нет, вот у него, — спокойно возразил Черкез, не спуская глаз с рябого парня.

— Ты Косе не знаешь. Он хитрый.

— Как бы он ни хитрил, этот парень волнуется. Вот увидишь, юзук у него.

— Ну, если у него, то я не игрок! — раздраженно заявил вспыльчивый Покги Вала и, прежде чем Черкез успел ему помешать, схватил за плечо безбородого: — Косе, подавай кольцо!

В тот же миг рябой парень поднял руку, — на его указательном пальце поблескивал перстень. Раздался общий хохот.

Над неудачными отгадчиками посмеялись и приступили ко второму кругу игры. Когда шум стих, со стороны кибитки гелин снова донесся приглушенный стон, болью отозвавшийся в сердце Артыка. Он встал и пошел домой.

За кибиткой молодоженов, у самой стенки, молча лежала группа людей. Узнав среди них Ашира, Артык подошел к нему и спросил:

— Чего это ты разлегся тут?

Ашир ответил шепотом:

— Слушаю.

— Ну и дело же ты нашел себе! Интересно, да?

— А ты послушай-ка, что там делается!

Артык опустился на землю рядом с Аширом и тоже, как и другие, приложил ухо к стенке кибитки. За стенкой слышались голоса молодоженов — один звонкий, мальчишеский, другой тихий, приглушенный до шепота:

— Ложись, тебе говорю!

— Нет, не лягу с тобой!

— Тише, мальчик! Чего ты кричишь? Ну, а какой подарок ты мне приготовил?

— А что такое — подарок?

— Подарок — это подарок: конфеты...

— Не знаю, мать ничего не говорила об этом.

— Так ты — мамин сынок?

И снова громко прозвучало в ответ:

— И материн и отцов!

— Тихо, тебе говорят! А то возьму да ущипну!

— А я не останусь с тобой и маме скажу!..

Разговор оборвался, послышалась глухая возня. Должно быть, мальчуган хотел уйти, но девушка не отпускала его. Вдруг раздался плачущий выкрик:

— Ма-ма-а-а!..

Артык вернулся в свою кибитку и лег, но заснуть долго не мог. Свадебное веселье и стоны умирающей гелин, радость и горе, жестокое и смешное — все переплеталось в беспорядочных видениях этого дня. Особенно нелепым казалось то, что из-за лишнего пая воды женили мальчика на почти взрослой девушке, мучая их обоих.

На следующий день народ с утра собрался на широком поле к западу от аула. Здесь должны были состояться большие скачки, — на байскую свадьбу съехалось немало джигитов из других аулов.

Когда Артык выехал в поле, зрители уже сидели плотными рядами по обеим сторонам длинной скаковой дорожки, по которой взад и вперед носились участвующие в скачках джигиты, делая короткие пробеги своим скакунам. Глашатаи пронзительно выкрикивали имена коней и их хозяев, готовя парные заезды.

Артык решил не участвовать в состязаниях и накормил своего коня, а скакуны, которых готовили к состязанию, с вечера стояли с подтянутыми животами.

Чакан, горячий и злой конь Меле-бая, пританцовывал и не подпускал к себе никого, кроме выезжавшего его конюха. Мелекуш Халназара и Чакан Меле-бая были лучшими скакунами, известными далеко за пределами аула. Но у Мелекуша болела надкостница, и он не мог участвовать в скачках.

Раздался голос глашатая-

— Э-эй, Меле-бай, отправляй коня-а-а!

Наездником Меле-бая был невысокого роста щуплый парень с живыми глазами: по тому, как он садился на коня, было видно, что он и горд выпавшим ему счастьем скакать на одном из лучших коней, и очень взволнован.

Мелебаевскому Чакану предстояло состязаться с большим серым конем Агъярымом, что значит «полтора коня», принадлежавшим семье Беззатларов из племени утамыш. В прошлых скачках эти кони уже состязались, но результат оказался спорным.

Вокруг лучших скакунов стояли толпы людей. Знатоки спорили о преимуществах того или иного коня. Тут же шныряли мальчуганы с блестящими от волнения глазами. Зрители с нетерпением ожидали открытия скачек. Наконец, глашатаи объявили о начале парных заездов, и джигиты-наездники направили своих коней за черту.

Толпы народа зашумели, заволновались, сгрудились по обеим сторонам скаковой дорожки. Кони озирались по сторонам, горячились. Вдруг один из них, встав на дыбы, чуть не врезался в густую толпу зрителей. Не успел улечься поднявшийся переполох, как другой, разгоряченный, серебристо-серый конь в бешеном галопе пронесся мимо Артыка и сбил с ног мальчугана в большой черной папаче. Артык поднял мальчика на руки и увидел, что тот побледнел и не может даже вдохнуть. Его положили на тележку торговца и отправили домой.

После нескольких заездов наступила очередь коней Меле-бая и Беззатларов. Наездник Меле-бая тотчас вскочил на Чакана и выехал на скаковую дорожку. Вслед за ним на огромном Агъярыме выехал на дорожку и наездник Беззатларов. Напряжение зрителей возросло.

Долго не могли выравнивать коней по одной линии. Наездники, стараясь перехитрить друг друга, вырывались вперед, за черту, и по окрику распорядителя скачек возвращались обратно. Распорядитель уже охрип от крика, а кони вспотели. Кое-кому становилась понятной хитрость мелебаевского наездника, — грузный Агъярым расходовал на эти заезды больше сил, чем горячий и легкий Чакан. Наконец, в двадцатый или тридцатый раз обоим наездникам удалось одновременно перемахнуть черту, и они пустили коней галопом.

Зрители повскакивали с мест, разом подались вперед и почти запрудили дорожку. У Меле-бая не хватало решимости взглянуть на своего Чакана; от волнения у него дрожали колени, и он стал ходить взад-вперед за спинами зрителей.

Чакан шел впереди, сверкая своим догабагом, но с каждой секундой расстояние между ним и Агъярымом уменьшалось. Вот конь утамышей почти совсем поравнялся с мелебаевским скакуном. Тогда джигит на Чакане, скакавший с левой стороны, стал отжимать

Атьярыма вправо, заслоняя дорогу. Когда они приблизились к толпе, все услышали крики скачущего на Атьярыме:

— Пусти!.. Пусти-и!..

Но джигит на Чакане упорно теснил своего соперника, пока тот не хватил его плетью по голове. Последние секунды пробега джигиты хлестали плетью уже не коней, а друга.

Чакан всего на одну голову опередил Атьярыма. Раздались восторженные возгласы:

— Меле-бай, да озарятся очи твои, Чаканчик победил Атьярыма!

— Тохтамыши, да озарятся очи ваши! Утамыш побежден!

Эти возгласы задели Беззатларов, да и всех утамыш-шей, и без того возмущенных нечестностью наездника тохтамыша. Когда утамыш подошли к раздатчикам призов, скакавший на Чакане уже получил свою награду — целую обработанную юфтовую кожу. Это еще больше обозлило разобиженных Беззатларов, и они стали кричать:

— Несправедливо!..

— Вместе пришли!..

— Наездник не пускал!..

Ссора разгоралась. Самого хозяина скачек, Халназар-бая, утамыш осыпали крепкой бранью. Некоторые готовы были схватиться за кинжалы.

Халназар понял, что дело может окончиться кровопролитием, и, подскочив к раздатчикам призов, накинулся на них:

— Эй, кто это тут обижает наших гостей? Кони вместе пришли, как в одной упряжке! Дать награду и Беззатларам!

Но он опоздал. Несмотря на то, что Беззатларам тоже предложили юфтовую кожу, они отвернулись и обратились к своим сородичам:

— Кто утамыш — домой!

— Нехорошо так делать, родня,— стал уговаривать Халназар.— Не стоит из-за одного озорника обижаться на всех. Возьмите свой приз.

— А подавись ты!..

Половина гостей — все люди из племени утамыш с бранью двинулись с поля.

Эта ссора вконец испортила свадебный праздник и настроение бая. Борьба, которая должна была начаться после скачек, не состоялась.

Глава шестая

Смерть жены не опечалила Баллы, он желал ее. Не раз говорил он в присутствии самой больной: «Когда я избавлюсь от твоего кашля?!» Желание его исполнилось, и он мысленно перебирал теперь всех девушек аула, ища среди них ту, которая подошла бы ему в жены. У одной не нравились ему родители, другая не угодила ему походкой, у третьей глаза косили, а тех, что имели более серьезные недостатки, он и не вспоминал. Выбор его в конце концов остановился на Айне.

Баллы украдкой любовался девушкой в то утро, когда она пришла посмотреть на свадебный поезд. Поймав ее миомлетный взгляд и улыбку, он подумал: «Не на меня ли она загляделась? Верно, она не прочь будет стать невесткою Халназар-бая». После смерти жены мысли его все чаще обращались к Айне. Он рассуждал: «Тогда была между нами преграда, теперь ее нет. Женюсь на ней непременно». Бывали моменты, когда его начинали одолевать сомнения: «Ведь я вдовец, а она девушка. Меред не так уже беден, чтобы позариться на деньги. А мать?.. Мать не родная. Вот разве что ее соблазнит породниться с семьей богатого и степенного бая?» И опять на помощь приходило высокомерное самомнение, часто заставлявшее Баллы поступать опрометчиво и глупо. От сомнений он легко переходил к уверенности: «Она будет рада войти в мой дом. А Меред — разве он не почтет за счастье стать родственником Халназар бая!..»

По-своему переживал смерть невестки сам Халназар. Он понимал, что такой конец

свадебных торжеств произведет на людей невыгодное для него впечатление. Особенно угнетала его обида, нанесенная в день скачек утамышам. Молва об этом облетит всю долину Теджена, будут говорить, что Халназар-бай пожалел одну кожу и обидел всех утамышей, что он был пристрастен и не хотел уступить приз чужим, что он сам подговорил наездника на хитрость. Такие разговоры, думалось ему, дойдут и до Мары и до Ахала, достоинство его будет посрамлено, и вряд ли найдется способ восстановить его доброе имя. А тут вдобавок ко всему еще кончина невестки. Правда, сама по себе ее смерть не причиняла большого огорчения, но то, с каким надрывающим душу отчаянием плакали и причитали аульные женщины, как непрерывным потоком шли к покойнице люди, как старухи, сокрушенно покачивая головами, твердили: «Ах, какая это была гелин!», а старики, словно вынося приговор байскому дому, приговаривали: «Она была из достойной семьи, жаль, что так получилось», — все это вконец расстроило Халназар-бая. Действительно, еще совсем недавно невестка пришла к нему в дом юной девушкой, румяной, здоровой, и день ото дня таяла у всех на глазах.

Садап плакала вместе со всеми женщинами, приходившими прощаться с умершей. Потому ли, что она хотела показать людям, как сильна ее скорбь, оттого ли, что сама заслушивалась своего певучего голоса, или, быть может, просто под влиянием жалобных причитаний других, но она пролила много слез. А когда плач прекращался и женщины начинали перебирать все добродетели покойной, это еще больше действовало на нее.

— Ах, она была всем известна своей добротой!

— А какая ласковая была! Как сладостны были ее речи!

— Правду говорят — ласковое сердце бывает у тех, кому не дано долго жить.

— Да, она была спутником, зашедшим к нам мимоходом...

Старшая жена бая со слезами на глазах вспоминала ласковую приветливость покойной; пришло на ум, что она никогда не слышала от нее обидного слова, что та словно угадывала ее желания, умела почитать старших и была примером для всех молодых женщин аула. Садап-бай уже раскаивалась в том, что ворчала на невестку, когда болезнь ее усилилась и она не могла работать. А вспомнив, что в последние дни не раз желала ей скорой кончины, почувствовала себя виновницей ее безвременной гибели. «Боже, прости мне!» — в страхе молилась она и вновь принималась плакать и причитать.

Горше всех были слезы матери. Она прибыла в день кончины своей любимой дочери и уже не застала ее в живых. Войдя в кибитку, она, слабея от горя, ухватилась за чумал и запричитала:

— Ах, дитя мое, лучше бы мне вместо тебя лечь в могилу! Не ты ли была прекрасным цветком в моем саду? Как же увяла ты? Ни в детстве, ни после ты не знала недугов. Лицо твое было светлым, как луна. Как же тебя, цветущую и прекрасную, подкосила черная смерть? Какая злая сила коснулась тебя? — Не зная еще всего, она вдруг возропала на бога: — Как же, господи, мог ты допустить, чтобы нежное дитя, только что вступившее в жизнь, обратилось в прах?... — И туг же, испугавшись своих кощунственных слов, смиренно произнесла: — Тебе лучше знать, господи. Прости меня. Да будет воля твоя!..

После похорон невестки в доме Халназаров наступила гнетущая тишина. Старый бай ходил темнее тучи. Только мальчик-молодожен, перестав обращать внимание на приунывшую жену, по-прежнему резвился с аульными ребятами.

Как-то ранним утром к Халназар-баю прискакал есуал и сообщил, что арчин вызывает к себе всех мирабов и эминов аула Гоша. Арчинство находилось в половине дневного перехода. Халназар тотчас же приказал седлать иноходца.

Глава седьмая

Утро выдалось тихое, пасмурное. Сквозь серую пелену облаков временами чуть проглядывал красноватый диск солнца. Пасмурно было и на душе Халназара. Он ехал вдоль Кяля, мимо необозримых полей темно-зеленой пшеницы и думал о том, как встретит его

старшина после всего того, что произошло в его доме. Жидкая глина у переполненного водой канала чавкала под копытами, брызгами летела на ичиги Халназара. Мосты над арыками снесло водой, при переправе вброд вода доходила коню по брюхо, и Халназару приходилось высоко задира́ть ноги.

Между тем небо постепенно очищалось от туч. Скоро выплыло солнце. Посветлело и на душе у Халназара. Он жадно вдыхал свежий весенний воздух, смотрел на бескрайние поля колосющейся пшеницы, над которыми жаворонки рассыпали свои нескончаемые трели, и думал: «Хорош будет год и для земледелия, и для скотоводства, и для торговли». Сам он занимался по мере возможности и тем, и другим, и третьим. «Дейхане соберут двойной урожай. Зерном можно будет завалиться, если суме́ть прибрать к рукам эту пшеничку. Что ж, должников у меня немало!..»

Предаваясь таким размышлениям, заранее подсчитывая будущие доходы, он и не заметил, как въехал в аул старшины. Кибитка арчина выделялась среди других своими размерами и отличной отделкой: вся она была одета в белый войлок и светлый камыш, а вместо килима вход в нее прикрывала ярко раскрашенная резная дверь.

Халназар подъехал ближе. У коновязи он увидел множество коней. Иноходцы и скакуны, грозно кося глазами и роя копытами землю, стояли тесно, как ягнята в загоне. У входа в кибитку пофыркивали два белых самовара, неподалеку на тагане кипел черный котел, распространяя аппетитный запах плова и пряностей. Из-за резной двери доносились оживленные голоса и смех.

Новый слуга арчина, хотя и не знал прибывшего, но, увидев перед собой старика с седой бородой, горделиво сидевшего на рыжем иноходце, подбежал и почтительно взял коня под уздцы. Халназар неторопливо съехал с седла, басовито покрякал и стал ждать. Из кибитки вышел сам старшина.

— А-а, Халназар-бай приехал! Привет тебе, бай-ага! — сказал он, протягивая руку.

Халназар с важным видом, не теряя собственного достоинства, исполнил весь обряд приветствия — спросил старшину, все ли здоровы в его семье, хороши ли дела.

Старшина распахнул обе половинки двери. Халназар, войдя в кибитку, обратился ко всем с общим приветом, потом поздоровался с каждым за руку и, небрежно отбросив в сторону отделанную серебром камчу (Камча — плеть, нагайка), сел. Не вмешиваясь в разговор, он окинул взглядом просторную кибитку.

В женской половине стоял большой сундук, и на нем лежала горка шелковых одеял. Дальше виднелся высокий, в рост человека, разрисованный шкаф. А еще дальше, понижу, как бы в веселом хороводе, стояли ковровые чучалы; над ними висели ковровые торбы старинных карлукских рисунков. Поверх огромного ковра лежали войлочные коврики с цветными узорами, и потому пол кибитки казался усыпанным цветами.

Халназар был поражен роскошным убранством кибитки арчина. Но тут же он вспомнил, что на старшину сыплются разные подношения и взятки со всех сторон.

Вокруг него эмины и мирабы вели шуточный разговор, поддевали друг друга, смеялись. Трубка огромного чилима (Чилим — курительный прибор) переходила из рук в руки. Под узорчатой крышкой его занимался жаром и потрескивал бухарский табак. Дым, проходя через воду, издавал звук, похожий на урчание рассерженного верблюда. Халназар тоже раза два приложился к тростниковой трубке и, подняв голову, пустил вверх струю дыма.

Болтливый, то и дело перебивавший других краснощекий толстяк с реденькой бородкой и маленькими, глубоко сидящими глазами, Покги Вала, держал в руках тыквочку с жевательным табаком. Вдруг он поставил ее на ковер и, прерывая общий разговор, обратился к старшине:

— Ну, арчин-хан, скажи нам, что хочешь сказать.

Слова Покги заставили всех встрепунуться. У всех на уме был один вопрос: что заставило арчина собрать мирабов и эминов? Но старшина, видимо, желавший сначала прощупать настроение присутствующих, был явно недоволен тем, что Покги Вала выскочил преждевременно, и ответил вопросом:

— Покги-мираб, куда ты торопишься?

Халназару тоже не понравилась торопливость Покги, но и ответ старшины не удовлетворил его. Бай пытливо посмотрел в лицо хозяину. Черная, как уголь, чуть подстриженная борода очень шла к смуглому лицу старшины, к его черным глазам, блестящим и острым. По тому, как играли эти глаза и хмурились брови, Халназар понял, что тут дело серьезное. Не успел он, однако, и рта раскрыть, как другой старик, благообразного вида, поглаживая седую бороду, заикаясь, сказал:

— Да, арчин-хан, уж расскажи, например, в чем дело. Зачем собрал нас, стариков?

Покги Вала опять опередил старшину:

— Нобат-мираб правильно говорит. Расскажи, арчин-хан!

Старшина поправил на гладкой, свежевыбритой голове расшитую шелками тюбетейку, важно приосанился и обратился к собравшимся:

— Мирабы, старейшины, вы знаете... Вот уже скоро два года, как началась война. Доблестные войска белого царя сражаются на больших фронтах, уничтожают врага и гибнут сами. Его величество, наш белый падишах, заботясь о народе, защищая страну, не жалеет никаких средств...

— Ай, молодец! — вырвалось у Покги Вала.

— ...никаких средств, а на войну затрачивается столько, что и не сосчитать, и не обозреть. И вот белый царь просит помощи у своих подданных...

Один из эминов прервал старшину:

— Уже помогали и помогаем все время!

Слово «помощь» вызвало у Халназара разные мысли, но спросить, какая помощь требуется, он не решился. Обычно все дело сводилось к новым налогам. Приезжал есаул и объявлял: «От каждого арыка столько-то». Хал-назару стало ясно только одно: если арчин собрал всех мирабов и эминов в своей кибитке, значит, предстоит что-то необычное.

— Пасть войны ненасытна, сколько ни давай... — начал было опять старшина, но, поняв, что сказал не то, оборвал себя и на мгновение умолк.

— Ты скажи, арчин-хан, сколько от нас требуют! Сколько надо, столько и дадим! — торопливо выпалил Покги Вала.

Ободренный этими словами, старшина поднял веки и, поблескивая глазами, строго сказал:

— По приказу, идущему от генерала, по требованию, присланному полковником, согласно извещению господина волостного, у народа просят коней.

Халназар-бай невольно вздрогнул при последних словах старшины. Своего Мелекуша он поил молоком. Никогда не говорил он необдуманно, а тут у него вырвалось:

- Каких коней?

Старшина, заметив тревогу в лице Халназара, поспешил успокоить его:

— Бай-ага, ты не тревожься. Мы не дадим на истребление чудесную породу туркменских коней. Да если бы и предложили, белый царь их у нас не возьмет. Царю нужны обыкновенные лошади, а не скакуны.

Щупленький светловолосый человек с рыжеватой растительностью на бледном лице, все время молча сидевший в отдалении, вдруг заговорил резко, протестуя:

— Когда же будет конец этим поборам? Сколько уж раз мы отдавали коней — то верховых, то рабочих? Сколько раз забирали любимых коней, прямо из упряжи, с молотбы. Кончилась бы скорее война, и мы вздохнули бы!..

Старшина собрал доверенных лиц аулов потому, что в прошлый раз во время набора коней среди дейхан произошли беспорядки. Он опасался, что на этот раз сопротивление будет более серьезным, и хотел всю ответственность за последствия возложить на мирабов и эминов. Поэтому он решил сразу же пресечь недовольство:

— Сары, не говори таких слов при народе! Скажешь — и просьба царя не будет выполнена. А не будет выполнена...

Сары гневно прервал его:

— Арчин-хан! На вас лежит обязанность ограждать народ от тяжелых поборов, защищать его перед генералами и полковниками царя, а вы забываете про этот свой долг, да и не желаете выполнять его. Как только полковник откроет рот — вы в ответ: «Слушаюсь, хан-ага!» — и летите выполнять его волю, нахлестывая коня. Вы не обращаете внимания на то, в каком положении народ, вы стараетесь выполнить любую повинность и даже с избытком. А поглядите-ка, много ли у народа осталось коней? И у меня хватит ума, чтобы понять, что волю царя нельзя не выполнить. Когда мы стали подданными царя, мы увидели спокойные ночи, — это и я понимаю. Только я не могу постигнуть, как можно вконец разорять хозяйство дейханина. Ведь не будет у нас хлеба, не будет и войско снабжено, а не будет снабжено войско, как может белый царь воевать?

Покги Вала несколько раз пытался вставить слова и все покрикивал: «Ай, что он говорит! Что говорит!» Но Сары не дал прервать себя и не замолчал до тех пор, пока не высказал всего, что накопилось у него на душе. Халназар понимал, что горячие слова Сары правильны, но, зная, что военные налоги не разорят его и ему подобных, и желая успокоить дейханина, сказал с укором:

— Сары-мираб, к чему прикидываться нищим? В этом году было две весны, скоро снимем двойной урожай. Мешков для зерна не хватит!

Сары с хмурым видом ответил:

— Верно говоришь, бай-ага! Таким людям, как вы, налоги — не в тяжесть. У вас для зерна, пожалуй, и верно, мешков не хватит. Потому не хватит, что зерно тех, кто нашел бы ему место, дождем посыплется в ваши чучалы. Но дело в бедном дейханине. Он, сколько ни трудится, сколько ни терпит, все равно к концу года голоден...

Покги Вала поморгал глазами, нагнувшись, торопливо выплюнул табак и загорячился:

— Вот увидишь, вот увидишь! Разве не такие слова сеют раздор в народе?

Халназар-баю и самому хотелось резко осадить Сары, но слова Покги напоминали ему прежние распри, от которых он столько натерпелся.

В прошлом году при разделе земли начались разногласия. Встал вопрос о смене старшины. Теперешний старшина Бабахан, Покги Вала, Халназар-бай и другие, объединившись, подали жалобу на прежнего старшину. Тот происходил из крупного, зажиточного рода и в свою очередь тоже подал жалобу. Началась тяжба, каждая сторона старалась заручиться покровительством начальства. Небольшой группе Халназара с помощью торговцев и грамотных людей, знавших русский язык, удалось перетянуть на свою сторону уездного начальника — полковника. Другая сторона через главного переводчика уездного управления добилась поддержки со стороны помощника начальника уезда. Расходам на всякого рода подношения не было конца, — обе стороны продавали паи на воду и на вырученные деньги покупали для подарков дорогие ковры. Несколько раз назначались выборы, но всегда под каким-нибудь предлогом откладывались. Распри разгорались, главари шли на все, чтобы разжечь родовую вражду. Дело дошло до того, что даже бедная часть дейханства, обычно равнодушная к выборам старшины, разделилась на два враждебных лагеря.

На выборы в аул приехал сам полковник. Выборщики разделились: одна группа стояла за прежнего старшину, другая, во главе с Халназаром, выдвигала Бабахана. Даже слепому было ясно, что группа Халназара недостаточно многочисленна, чтобы одержать верх над своими противниками. Но полковник решил сам подсчитать голоса. Он велел прогнать перед собой людей, как стада баранов. Когда проходили сторонники прежнего старшины, полковник не принимал в счет малорослых парней, как несовершеннолетних, стариков, как выбывших из строя, а людей с больными глазами, хромых, имевших еще какой-нибудь физический недостаток, считал двоих за одного. Закончив подсчет, он объявил: «Четыреста тридцать три!» А когда проходили сторонники Бабахана, считал быстро, одну группу заставил пройти дважды, потом громко сказал:

— Четыреста семьдесят пять! Большинство на стороне Бабахана, и должность арчина переходит к нему!

Сторонники прежнего старшины подняли крик:

— Как это большинство у Бабахана, когда нас вдвое больше?

— Это подлог!

— Пусть он только попробует стать арчином!

— Не дадим нарушать обычая!

— Если на то пошло, то арчинство надо разделить пополам!

— Баяр-ага, мы не согласны! Считай еще раз!

Полковник, видя, что положение становится серьезным, бросился к дому, под защиту своих джигитов. Поднялись крики: «Не пускай баяра!», «Держи его!». Некоторые бросились на Бабахана и его покровителей. Бабахан успел присоединиться к полковнику и вместе с ним вошел в дом, но Покги Вала был изрядно побит. И Халназар получил не один удар плетью. Джигиты бросились с нагайками на сторонников прежнего старшины. А бляху старшины как дал полковник Бабахану, так она у него и осталась.

Вспомнив все это, а главное, огромные расходы на взятки и подарки, Халназар стал думать: как же ему ответить Сары?

Тут на помощь пришел Нобат-бай. Он нашел слово, которое понравилось Халназару:

— Сары, ты послушай. Например, дело и долг каждого подданного исполнять повеления царя. Например, на коней, которые теперь уйдут от нас, сядут наши же джигиты. Ведь не можем мы оставить пешими наших джигитов, добывающих себе славу на германской войне? Не забывай, что на фронте есть и наш конный полк! Один из сидящих откликнулся:

— Нобат-мираб правильно говорит!

В это время, звеня серебром украшений, в кибитку вошла молодая жена арчина с целой выпечкой чуреков и поклонилась гостям. Халназар тотчас же обратился к ней со словами обычного приветствия:

— Айнабат, здорова ли ты, все ли благополучно в твоём доме?

— Благодарение богу, он милостлив, — тихим голосом ответила Айнабат.

Поставив поднос с чуреками на пол, она разостлала скатерть и стала раскладывать чуреки перед сидящими. Борык на ее голове сверкал золотом узоров. Всякий раз, как она наклонялась, серебряные подвески борыка и маленькие бубенчики на концах длинных кос тихо позванивали, шумело новое шелковое платье. Некоторые невольно заглядывались на хозяйку, но чуреки привлекали еще больше. Голод уже давал себя знать. Запах горячего пшеничного хлеба щекотал ноздри, все жмурились, предвкушая обильную трапезу. А между тем спор неожиданно разгорелся с новой силой.

Халназар старался избежать раздоров и больше всего упирал на то, что бесполезно сопротивляться требованиям о поставке войску коней, раз на то имеется повеление самого царя.

— Люди, — внушительно говорил он, — царь — владыка своего подданного, подданный же — его раб. Раз нужно царю, — значит, говорить не о чем.

У Покги Вала весь рот был забит зеленой жвачкой. Звонко причмокнув губами, он поддержал:

— Халназар-бай правильно говорит! — И вдруг, выплюнув табак, обратился к старшине: — Арчин-хан, ты говори, сколько коней надо выставить. Сколько надо — дадим!

Старшина облегченно вздохнул, черные глаза его заулыбались, и он неторопливо заговорил:

— Покги-мираб, в этот раз с нашего арчинства приходится только восемь коней. Царь справедлив: коней и верблюдов даром не берут, за них платят деньги. Сары насмешливо взглянул на старшину, потом на Халназара и сказал:

— Чего же лучше, — пусть щедрые баи, раз платят деньги, отдадут своих коней и тем отведут беду от дей-хан!

Сары словно сыпал горячую золу за пазуху Хална-зару. Бай понял, что эти слова относятся прежде всего к нему, и гневно взглянул на дейханина:

— Сары-мираб, ты думай, что говоришь! Понадобятся царю ахалтекинцы, — баи не будут прятать коней. Кто давал по сотне рублей на раненых воинов?

Нобат-бай прекратил спор, пренебрежительно бросив:

— Пхэй, о чем спорят! Например, с каждого широкого арыка по две лошади... А ну, мирза, бери перо, пиши!

Мирза подвинул чернильницу, положил на колено бумагу и, взяв тростниковую ручку, приготовился писать. Халназар приложился к трубке чилима, неторопливо выпустил дым изо рта и сказал:

— От моего арыка запиши: Артык, сын Бабалы...

Когда был составлен поименный список всех, кто должен поставить коней, началось угощение. Разговор перешел на войну. Говорили о том, как туркменские джигиты взяли в плен австрийского генерала, разбив его конницу; как храбры русские солдаты и как страшны пушки немцев. Один из стариков, недавно получивший письмо с фронта от сына, рассказал о каких-то чувалах, которыми немцы стреляют из огромных пушек: эти чувалы, когда летят, режут, как коровы, а падая, грохочут, подобно небесному грому. Слышалось чавканье ртов, все торопливо жевали сочное мясо годовалого барашка.

Халназар, то и дело расправляя ладонями усы, с жадностью обглаживал жирные ребрышки, глотал, как удав, нежную грудинку, куски печенки и легких и все это запивал густым и крепким наваром, который черпал деревянной ложкой на длинном черенке. Слуга, сидевший у порога, прислонившись спиной к двери, не мог отвести глаз от Халназара, рот у него переполнялся слюной, и он судорожно глотал ее. Вдруг он услышал конский топот и выскочил за дверь, чтобы встретить нового гостя.

Не прошло и минуты, как в сопровождении слуги в кибитку вошел бравый джигит в красном шелковом халате, при сабле и в погонах. Щелкнув каблуками, он отдал честь, затем вынул из сумки пакет и подал его старшине. Халназар, видя, как статный джигит вытянулся перед старшиной, подумал: «Значит, Бабахан у начальства в почете». Смуглое лицо арчина просияло от гордости: такой почет ему оказывали при уважаемых людях аула! Обтерев о штанину запачканные жиром руки, он принял пакет и, заметив, что гонец снова приложил руку к папахе, обратился к нему:

— Что ж так торопишься? Выпил бы чаю!

— Спасибо, арчин-ага! — ответил джигит. — Сегодня я должен успеть развезти всем арчинам вот эти пакеты, — таково распоряжение господина волостного.

— А ответа на бумагу разве не будешь ждать?

— Ответ вы доставите самому волостному начальнику, — ответил бравый джигит и, снова отдав честь, повернулся и вышел.

Неграмотный старшина, не знавший даже начертания букв, неторопливо вскрыл пакет и, вынув из него бумагу, передал мирзе. Тот взял в обе руки и стал читать вслух:

«Приказ арчину аула Гоша

Наши доблестные джигиты, говорят, прославились на войне. Неприятель, завидев туркменскую папаху, сразу падает духом. Согласно просьбе генерала и по требованию полковника, прошу тебя послать почетных людей аула в народ и собрать папахи для войска. В течение недели ты должен собрать двести папах. Известить меня, как пойдет дело.

Волостной управитель *Ходжамурад*».

Сары потемнел. Вены на шее у него вздулись, тонкие губы вздрагивали. Бабахан сильно потянул из чилима, выпустил из-под черных, закрученных кверху усов сероватый дым и, не слушая болтовни Покги, спросил:

— Ну, люди, слышали?

И опять Покги Вала выскочил вперед раньше всех:

— Папахи!.. Этого добра у нас сколько хочешь!

Нобат-бай присоединился к нему:

— Если враг бежит от папахы, например, тогда баи откажутся от всего годового приплода барашков. Не так ли, Халназар-бай?

— Так, Нобат-бай, — проговорил вдруг ослабевшим голосом Халназар, а про себя подумал: «Отдай коней, отдай ярочек, пусти хозяйство по ветру и иди в племя ходжей-попрошак побираться. Как бы не так!». И, подумав немного, ответил двусмысленно:

— Эх, если б шапками можно было отогнать врага, разве все мы не отдали бы последней папахы с головы?

Сары, сидевший в глубоком раздумье, опять подал голос:

— Ох, люди! Немного времени прошло с тех пор, как мы отдали халаты со своих плеч и все, что получше, из одежды, чтобы уплатить налоги. Дейханину только и остается отдать последнюю папаху. Уж и теперь у него: нагнется — голый зад виден, выпрямится — живот просвечивает.

— Ах, Сары-мираб, — с упреком проговорил Покги Вала, — тебя послушать — так ложись и помирай. А все-то дело в одной старой папахе.

— Старых не возьмут, а новая не у каждого найдется, — возразил Сары.

— Да хоть бы и шкуру барашка пришлось отдать! — горячился Покги. — О чем ты тужишь, когда везде такая сила воды и люди ждут богатого урожая?

Сары уже говорил, кому на пользу пойдет урожай и в чьи закрома посыплется зерно, и поэтому не стал повторяться.

— Покги-мираб, — сказал он, — конечно, баям и таким, как ты, тужить не о чем. Может быть, и я перебыюсь как-нибудь. Но большинство дейхан...

— Э-э, тебе бы все спорить!

- Покги-мираб, не все же так беззаботны, как ты!

Бабахан решил, наконец, прекратить эти разговоры. Он поднял палец и предостерегающе обратился к дейханину:

— Сары, язык твой болтает, а уши не слышат. Ты прикидываешься защитником народа, но твои слова не принесут народу ничего, кроме вреда. Не забывай, что бывает с теми, кто идет против белого падишаха!

Нобат-бай поддакнул старшине:

— Да, конечно, его величество белый падишах знает нужды народа лучше, чем ты и я. Мы его дети...

Сары поник головой. В нем поднималась злоба против всех этих баев, не желавших считаться с тяжелым положением дейхан. Ему хотелось вскочить на ноги и крикнуть им всем: «Ничего не дам — ни папах, ни коней!» Но он понимал, что никто из этих людей не поддержит его, а скрытая угроза старшины имела ясный смысл: на него могли донести в управление... И он сидел, низко опустив голову и не решаясь проронить хотя бы слово в ответ старшине. Халназар, видя, что мираб смирился, отказался от намерения обругать его.

С общего согласия сбор папах в ауле поручили Халназар-баю и Покги-мирабу, правильно рассчитав, что Халназар держит в руках половину аула и многие не посмеют отказать ему, а Покги Вала способен уговорить колеблющихся и не постесняется сорвать папаху даже с головы, если будет уверен, что его не побьют.

Когда эмины и мирабы сели на коней, было уже далеко за полдень. Сам арчин помог Халназар-баю сесть на иноходца. Пока бай, вдев ногу в стремя, висел всей своей тяжестью на луке седла, иноходец стоял смирно, но лишь только он уселся, конь, изогнув шею, стал грызть удила и рваться вперед. Подвернув под себя полу халата, Халназар сел в седле поудобнее и сказал:

— Ну, будь здоров, арчин-хан!

Конь вышел на дорогу и понесся вдоль канала легкой иноходью. Длинная с проседью борода Халназара мерно колыхалась, развеваясь по ветру.

Глава восьмая

Солнце коснулось подбородком земли и, краснея, опускалось все ниже, похожее на пшеничный чурек с отломленным краем. Ветер стих, неподвижный воздух был раскален. Над аулом висела пыль, поднятая стадом. Коровы, шагавшие к своим загонам, вопросительно мычали, и телята на привязи радостно отвечали им. Громко ржали кобылицы, возвращаясь с поля со своими жеребятами. С северной стороны, громогласно возвещая о себе, к аулу двигалось стадо верблюдов. На западной окраине аула, задрав хвосты и издавая трубный рев, бегали друг за другом ослы. Слышался посвист погонщиков, резкие окрики хозяев, поворачивавших скотину к своим загонам.

Густой дым от очагов постепенно сливался с темнеющим вечерним небом. У всех кибиток горели костры, на таганах стояли чугунные котлы и закопченные кувшины. Женщины суетились возле очагов. Со стороны мечети уже слышался призыв к вечерней молитве.

Нурджахан, поставив на таган котел с водой, присела на кошме у порога кибитки. Ее тринадцатилетняя дочь Шекер подбросила в костер сухого хвороста и побежала привязать теленка.

Совсем близко раздалось ржание гнедого. Нурджахан оглянулась и увидела подъехавшего Артыка. Соскочив с коня, Артык снял выюк травы, притороченный сзади к седлу, серп и лопату. Потом расседлал коня и поставил седло у входа в кибитку.

— Как здоровье, сынок? — спросила Нурджахан, не отрываясь от работы.

— Я здоров, мама, спасибо, — ответил Артык.

Он повесил папаху, уздечку и камчу на суковатый столбик; сняв халат и кушак, бросил их под подушку и некоторое время наблюдал за работой матери.

Нурджахан быстро и ловко резала лапшу на деревянном кружке.

Артык опустил на кошму и оперся локтем на подушку. Шекер принесла ему чай.

— Спасибо, сестренка. Скоро привезу тебе дыньку. Есть уже с кулак величиной.

Шекер и незрелым дыням была бы рада, но больше всего ее радовала возможность поговорить с братом. Она присела возле него, и между ними начался обычный шуточный разговор.

Когда Артык во второй раз наполнил пиалу зеленым чаем, Нурджахан спросила:

— Ну, как там посевы, сынок?

— Посевы, мать, хороши, лучше и желать не надо. Пшеница теперь напилась воды вдоволь. Ячмень поднимается густо, хлопок показывает ушки. Не сегодня-завтра и кунжут выбьется из-под земли.

Нурджахан запустила лапшу в котел и, стряхнув с кружка муку, стала рассказывать сыну новости.

— Знаешь, сынок, — начала она, — сегодня был у нас Халназар-бай и его люди. Прямо как побирушки какие-то. Даже неловко, когда такие почтенные люди обращаются к тебе с этим...

— У них только и дела, что поборы да сборы, — безразлично заметил Артык. Но тотчас у него шевельнулось подозрение. Он пытливо взглянул на Шекер и с тревогой спросил: — Ну, и что ты сказала им, мать?

— Не брани, сынок, я не могла противиться...

Артык подумал: «У баев совести нет. Может, Халназар приходил сватать Шекер за своего вдового сына?..» И, не докончив своей мысли, спросил: — Мать, я ничего не понимаю, — что ты хочешь сказать?

— Я, сынок... отдала твою папаху.

Артык облегченно вздохнул:

— Папаха понадобилась! Что ж, чем бы долги ни платить, все равно платить.

— Нет, сынок, говорят, папаху нужны для царских джигитов. Говорят, что там, где идет война, очень холодно. У бедных джигитов пообморожены уши.

— Ну и хорошо сделала, что отдала, — сказал Артык. — От этой беды все равно не

уйдешь.

В это время гнедой громко заржал. Артык поднялся и, отойдя от кибитки, посмотрел на дорогу. В сгустившихся сумерках уже ничего нельзя было разглядеть. Он вернулся на свое место и стал ужинать, но плохо слушал, что говорила мать. Гнедой, напомнив о себе, как всегда изменил течение мыслей.

Когда Артык смотрел на своего коня, он не считал себя бедным. Он обзавелся им после смерти отца. До этого у него была низкорослая кобыленка с бельмом на глазу и редким хвостом, всегда отвернутым в сторону. Артык стеснялся показываться на ней. При встрече резвые кони неистово ржали, а товарищи насмехались:

— Артык, да убери ты свою кобылу, что ты беспокоишь коней!

— Артык, пришей хвост своей поганой кобыле!

Эти злые шутки больно задевали Артыка, и он решил во что бы то ни стало избавиться от кобылы и обзавестись настоящим конем. Он отдал кобылу и в придачу к ней последний материнский ковер, бычка, старинное дедовское ружье, свой шелковый красный халат, на который когда-то с трудом скопил деньги, и, пообещав еще шестьдесят батманов пшеницы после молотбы, приобрел великолепного гнедого жеребца.

Теперь уже никто не смеялся над Артыком и при встрече ему уступали дорогу. Конь стал в жизни Артыка самым большим событием, его радостью, утешением, и Артык любил своего гнедого: сам не ел, а его кормил, в корм подмешивал яйца. Оттого и лоснилась золотистая шерсть на коне, оттого он и был так резв и игрив.

Одна мечта Артыка сбылась, но появилась другая: Айна... Мысли о ней не покидали его. Она являлась ему во сне. И в те дни, когда ему не удавалось ее увидеть, он не находил себе места. Но и когда встречал ее и перебрасывался двумя-тремя словами, сердце билось еще тревожнее. Вот и сейчас, думая об Айне, о своей встрече с ней, он не чувствовал вкуса пищи и часто совсем невпопад отвечал матери.

Нурджахан, видя задумчивость сына, не тревожилась. Она понимала, что Артык созрел для переживаний мужчины, и угадывала его мысли, однако не решалась давать ему советы. Из года в год она ждала хорошего урожая, ждала облегчения, но жить становилось все труднее. Сердцем матери она чувствовала, что Артык любит дочь Мерета и что та расположена к нему. Ей и самой хотелось бы назвать Айну своей невесткой. Однако она не верила, что сможет начать сватовство, даже если будет в силах выплатить калым, — она была беднее Мерета. Единственная надежда была на то, что скоро подрастет Шекер и ее калым позволит справить свадьбу Артыка. А может быть, думала она, лучше и ее отдать в одну семью — за брата девушки, которую Артык возьмет себе в жены.

После вечерней молитвы Нурджахан легла, но ей не спалось. Облокотившись на подушку, она долго лежала так, думая о своей жизни.

Никогда Нурджахан не знала довольства и счастья. Когда ей было двенадцать лет, ослепла мать, и все домашние работы легли на ее плечи. От тяжелой тыквы, в которой она носила воду, болели ее неокрепшие плечи. Ей нелегко было в холод и в зной печь чуреки, нагнувшись над раскаленным тамдыром, еще труднее было стирать заношенную одежду. На шестнадцатом году ее выдали замуж за чабана.

Со временем Нурджахан полюбила Бабалы, отца Артыка, и тот привязался к ней. После женитьбы Бабалы еще в течение многих лет пас отары байских овец. Однажды, в дни новруза, с запада надвинулись черные тучи и заволокли все небо. К вечеру разразился ливень, а ночью подул ледяной северный ветер. Дождь лил трое суток. Даже войлочная крыша и стены кибитки насквозь промокли. Тревожась за Бабалы, Нурджахан потеряла покой. «Во всем мире, — подумала она, — не осталось сухой былинки. Он не сможет разжечь огонь, не сможет согреться и высушить одежду. Может быть, он погиб?..»

Как только погода улучшилась, баи поехали в степь. Их беспокоила судьба отар. На третий день чужой всадник привез и сбросил у порога кибитки бездыханное тело Бабалы. Он нашел пастуха в солончаках, на краю песков.

Вспомнив прошлое и пережитое, Нурджахан вдруг почувствовала тревогу за будущее.

«О боже, — взмолилась она, — все в твоей воле! Помоги мне и детям моим! Пусть они не знают того, что выпало мне на долю...»

Из-за кибитки показался человек в одной рубаше и тюбетейке.

— Час вечерний хорош! — сказал он останавливаясь.

— Хорош тот, кто пришел! — ответил Артык, приподнявшись на локте. — Ашир, проходи садись.

Ашир растянулся на кошме возле Артыка. Друзья заговорили о посевах, потом о податях, о сборе папах. На звук голосов вышел из своего шалаша Гандым, сосед Артыка.

Ашир расковырял пальцами землю, выплюнул в ямку изжеванный табак и недовольно проговорил:

— Так затянулась эта война, и чем она кончится? К Молла Дурды пришла газета. Там написано, что гер-маны напали на Варшов — город белого царя...

— Курбан ездил в город, — сказал Гандым. — Говорят, русские взяли Арзрум, город турецкого султана.

Ашир махнул рукой:

— Э, мало ли что говорят!

— Погоди, Ашир, — вмешался Артык. — Ты Ивана знаешь?

— Какого Ивана?

— Ивана Чернышова.

— А-а, твоего друга? Знаю.

— Так вот, бывая в городе, я захожу к нему.

— Ну, и что?

— Он тоже говорил, что германам, австриякам и туркам русских не победить.

— А ты верь ему!

— Почему же не верить?

— Овца овце хвост не откусит. Если даже белый царь терпит на войне неудачу, Иван тебе про это не скажет.

— Верно, — поддержал Ашира Гандым.

— Ашир, ты болтаешь что нужно и что не нужно, — хмуро проговорил Артык. — Кто такой Иван — знаешь?

— Он русский.

Артык рассердился:

— Он рабочий, у него ничего своего нет, даже коня! По-моему, лучше русский вроде Ивана, чем туркмен вроде нашего Халназара. В десять раз!..

Гандыму не понравились слова Артыка.

— Кхы! — откашлялся он и заговорил простуженным сиплым голосом: — Артык, ты хватил через край. Халназар — он как-никак свой, мусульманин, да и одного с тобой рода. В трудное время как-никак подсобит, не даст умереть...

— Гандым, что ты мелешь! — вдруг перебил Ашир.

— Облака и те ближе нам, чем такие люди, как Халназар-бай. Подсобит! Он тебя в затылок подтолкнет, если увидит, что зашатался. Помнишь, что он выкинул в позапрошлом году? Содрал за своего дохлого верблюда семьдесят батманов пшеницы, а когда нужда заставила нас продать его, дал только тридцать батманов, да еще с какими назиданиями! А в нынешнем году того же верблюда продал Аманназару за семьдесят пять батманов. Да жадней нашего Халназара нет!

— Вот это правильные слова, — подхватил Артык.

— А знаешь, что говорит Иван? Он говорит: «Что русский дейханин, что дейханин-туркмен — большой разницы нет, они сыновья одной матери, только отцы у них разные. И рабочий им — брат. Всех их до нитки обирают баи, баяры да царская казна. Ты, Артык, думаешь, — говорит он, — что только вашим дейханам тяжело приходится, только вас задавили налогами да поборами? Нет, говорит, русским дейханам еще труднее приходится. У вас, говорит, на войну забирают только коней да налогами, поборами разными

разоряют, а русские дей-хане да рабочие и кровь свою проливают, жизни свои отдают». Для всех, видать, война — горе.

— Кому как, — возразил Ашир. — У Халназара добра не убавится, если б даже забрали Мелекуша, — одного отдаст, десять наживет. А дейханину потерять последнего коня — смерть. Гандым который год не может вылезти из своего шалаша, а у него тянут последнюю папаху с головы.

— И об этом я говорил Ивану, — продолжал Артык. — «Почему так?» — спросил я его. «А потому, говорит, что царь и баяры своих и ваших баев поддерживают, а нас с тобой и за людей не считают. Мы для них вроде рабочей скотины, мы трудимся, а они на наш труд живут, вкусно едят и сладко пьют. Захотят — бросят нам какие-нибудь крохи, не захотят, — не бросят... Вот я, говорит, машинист, неплохой джигит на своем железном коне. Днем и ночью, в стужу и в зной вожу поезда, а много у меня остается от заработка?..»

— Верно говорит твой Иван, — с задумчивым видом сказал Ашир. — У этого «джигита» одежда так ветха, что брось ее в огонь — не загорится... Да, так как же с войной? Когда она закончится, и кто победит? Ничего Иван не говорил об том? Артык ответил:

— Иван сказал так: «Войну ведет царь, баяры и генералы. Купцы и баи тоже стоят за войну: им она выгодна. А народу война не нужна. Солдаты — это те же дейхане, те же рабочие, взятые на войну по приказу царя. Зачем им воевать? Дейханские хозяйства разорены, рабочие семьи голодают. Если царь и баяры не захотят кончить войну, весь народ поднимется против них, как во время войны с японцами. Но тогда будет конец не только войне, тогда и самому белому царю останется жить недолго», — сказал Иван, а он знает, что говорит. После войны с японцами он сам... — Артык хотел еще что-то сказать, но вдруг замолчал.

— Вон он какой, Иван, оказывается! — удивленно проговорил Ашир. — Такие слова западают в голову...

Гандым все время, пока рассказывал Артык, молчал и внимательно слушал. Но тут его словно прорвало.

— Клянусь аллахом! — воскликнул он. — Эти слова бьют прямо в сердце. Между небом и землей у меня всего-навсего был один верблюд, — я радовался его реву. Только об одном думал: придет весна, отведу его в Мары, продам, и, может быть, поставлю себе кибитку. Да разве дадут до весны дожить!.. Теперь и дрова таскаю на своем горбу, и по-прежнему сидим в черном шалаше, давимся дымом.

— Ну так кто же тебе ближе, — спросил Артык, — Иван или Халназар-бай?

— Я не знаю Ивана, — ответил Гандым, — но в словах его — гнев моего сердца.

Долго еще изливал Гандым свои жалобы, не обращая внимания на то, слушают его или нет. Горестное сожаление о буро-красном верблюде давило его, только что начавшая заживать рана вновь заныла.

Гандым был старшим из четырех братьев. Всех их словно преследовала судьба. Один был подпаском; в зимние холода он обморозил руки и ноги, сильно простудился и заболел какой-то трясуцей болезнью. Другого брата конь Меле-бая сбросил с седла, нога его застряла в стремях, и конь долго волочил по земле его мертвое тело. Третий брат пошел на заработки и пропал без вести. После всего этого сам Гандым несколько тронулся в уме, стал припадочным. Временами он терял рассудок, говорил бессмыслицу, дико и страшно смеялся.

Когда приезжали в аул за зерном караванщики-йомуды, Гандым купил у них двухгодовалого верблюжонка и вместе с женой и дочкой стал выхаживать его. Весной зеленая трава, зимой ветвистая колючка всегда лежали в кормушке верблюжонка. Рано утром и поздно вечером его кормили отрубями, скатанными в комочки, похожие на клубки шерсти. Верблюжонок рос, шерсть на нем стала буро-красной и вилась, как каракуль, на спине образовался горб. Скоро красный верблюд стал пригоден для работы: он таскал Гандыму хворост, пахал его землю, при перекочевке на другое место мог поднять весь его скарб, жену и ребенка. Слушая рев верблюда, Гандым чувствовал себя в своем шалаше защищенным от всех невзгод, будто в крепости. Но пушки войны разрушили эту крепость:

старшина увел верблюда. Если после гибели брата Гандым плакал, то теперь он рыдал. Единственная утеха в жизни — верблюд, и тот был отнят. А у Халнязар-бая целый караван верблюдов, гремя колокольцами, возил людей и товары, зарабатывая деньги хозяину. Это видел Гандым, но сделать ничего не мог.

Вновь переживая всю боль, которую он ощущал, когда, шатаясь от горя, вел на приемочный пункт своего кормильца, Гандым вскочил на ноги, но тут же опомнился и снова сел.

— Иван правильно говорит! — хриплым голосом выкрикнул он. — Я досыта натерпелся и от белого царя и от арчина!

Артык и Ашир, позабыв о Гандыме, уже вели тихую задушевную беседу, поглядывая на крупные звезды. От неожиданности оба вздрогнули и рассмеялись.

Артык пошутил:

— Ну, дядюшка Гандым, если уж и ты против белого царя, — он обязательно свалится с трона.

— Обязательно, — невнятно пробормотал Ашир, пожевывая табак.

Но Гандым не слышал их. Горячая кровь билась в его жилах, и он, уже забыв, на кого сердится, с ненавистью глядел на весь мир. Поднявшаяся луна, заливая мягким светом вселенную, плыла по небесному морю. Легкий ветерок, кружась у кибитки, доносил запахи дыма и кизяка. Протяжно лаяли собаки в ауле, с дороги долетали обрывки разговора проезжих. Слышалась тоскливая, как плач, песня женщины, баюкающей ребенка.

Вдруг гневной тревожно заржал. Артык и Ашир умолкли. Даже Нурджахан подняла голову и прислушалась. Гневной продолжал ржать. Серый пес, лежавший у входа в кибитку, вскочил и с лаем бросился на дорогу. Показалась тень всадника, свернувшего с дороги. Выбежав навстречу, пес остервенело кидался на коня, не подпуская его к кибитке. Артык прикрикнул, но пес не унимался. Всадник вертелся кругом, размахивая плеткой. Тогда Артык встал и отогнал пса.

Всадник подъехал ближе и остановился. От коня шел пар. Обменялись приветствиями. Приехавший вытянул конец кушака и вытер им слезящиеся глаза. Артык, узнав, наконец, есаула арчинства, сказал:

— А, Кара, это ты? Слезай с коня, будешь гостем!

Кара, повертевшись в седле, похлопал плеткой по сапогам и тихо проговорил:

— Я не слезу и не сяду.

У Артыка от предчувствия чего-то недоброго пробежали по телу мурашки. Он хотел сказать: «Ну, если не хочешь слезать, так говори, с чем приехал?» — но язык не повиновался. Спросил за него Ашир:

— Ну, есаул, если не хочешь быть гостем, скажи, откуда и куда держишь путь?

Есаул опять постегал плеткой по сапогу и ответил уклончиво:

— Да мы что? Дни и ночи в разъездах. Все конь да камча... И то не поспеваем...

У Гандыма еще не прошел гнев, и он обрушил его на есаула:

— А моего верблюда куда девали... Теперь, если не сдерете шкуру с меня самого, то взять вам с меня нечего!

Есаул и без того не решался сказать, зачем приехал, а услышав гневный выкрик Гандыма, совсем растерялся и сказал глухим голосом:

— Дядя Гандым, я ведь только слуга. Что прикажет арчин, то и делаю, что велит, то и передаю народу.

Но Гандым уже не владел собой. Он и сам не заметил, как вскочил на ноги, зажал шапку под мышкой и закричал:

— Мало того, что вы обобрали меня кругом, вы и шапку с головы сорвали! Чего еще хочет от меня твой арчин? А ну, говори! Остался у меня только этот шалаш, так его и курица унесет на спине. Плюю я на твоего арчина, так и скажи ему!

Есаул молчал некоторое время, а потом сказал подавленным голосом:

— Ты, дядюшка Гандым, думаешь, я рад всему этому?

— А не рад, так какого шайтана ты льешь отраву в уши людей?

— У меня больные глаза, не могу ни пахать, ни сеять... Служу есаулом только потому, что не хочу, чтобы мои дети ходили с протянутой рукой.

Артыку хотелось заступиться за есаула. «Чем виноват Кара?» — думалось ему. Но какая-то тревога удерживала его. В это время порывистый ветер поднял пыль и бросил в лица стоявшим у кибитки. Не обращая на это внимания, Гандым провел ладонью по лицу и двинулся на есаула:

- Арчин ли, эмин ли, но верблюда вы проглотили?.. Подавиться бы вам, живоглотам!

Есаул уже и без того не решался сказать, с чем он приехал, а Гандым все кружил около него, заходя то с одной, то с другой стороны. Казалось, он готов был побить есаула. Артык знал, что у Кары целая орава детей ходит голышом, что он еле перебивается на свой пай воды, который получает вместо жалованья. Он считал ненужными наскоки Гандыма и все же молчал, страшаясь той вести, которую им, очевидно, предстояло услышать. Неизвестность и ожидание томили его. «Пусть лучше прорвется нарыв, раз он должен прорваться», — думал он, и в то же время ему хотелось, чтобы Гандым подольше отвлекал есаула своими выкриками. Волнение Артыка передалось и Аширу. Он только внешне сохранял хладнокровие. Нурджахан про себя твердила: «Минуй беда, пронесись череда!», суеверно плевала через плечо и тяжело вздыхала: «Дай бог, чтобы все обошлось благополучно!». Ашир, наконец, решился спросить есаула:

— Что ж, Кара, уже поздно. Если хочешь что сказать — говори!

Волнение Гандыма передалось и есаулу. Он видел и страх Артыка и тревогу Нурджахан. Он раньше всех пережил ту беду, которую привез. Потому-то он и опоздал, что не в силах был приехать с дурной вестью днем, засветло. Опустив голову, он сидел в седле неподвижно, словно застыл. Его короткохвостая серая лошадь переступала с ноги на ноги и грызла удила. Столб пыли, перекинувшись через лошадь, туманом заволок небо. Ветер усиливался. А есаул все медлил. Бессознательно он потянул повод. Конь попятился на шаг. В голове есаула мелькнула мысль — повернуть лошадь, прискакать к старшине и сказать: «Вот твоя бумага, я тебе больше не слуга!» Но перед глазами встали восемь голодных и оборванных ребятишек, всякий раз выскакивающих ему навстречу с криком: «Отец, отец приехал!» И он, словно решившись ринуться в омут, вдруг поднял голову и сказал:

— Артык, не завтра, а послезавтра ты должен отвести коня в город! — И, ударив лошадь нагайкой, помчался.

Сказанное есаулом ошеломило всех, никто не проронил ни слова. Только громко заржал гнедой да серый пес, спохватившись, кинулся догонять всадника.

Но есаул уже исчез в облаке пыли, поднявшемся над дорогой.

Глава девятая

Ровные, как высокие барханы, выстроились в ряд четыре кибитки Халназар-бая. Напротив средних кибиток стоял дом с террасой. По одну Сторону дома, в загоне, стоял рыжий иноходец, по другую вертелся на привязи вокруг своего кола Мелекуш. Позади кибиток виднелся загон для верблюдов, окруженный маленьким рвом и глинобитной стеной, в нем — небольшой стог оставшейся с зимы верблюжьей колючки. Дальше тянулись стойла ослов, коров и быков.

Были последние дни мая. В чистом небе сияло весеннее, не жаркое еще солнце.

Возле стойла Мелекуша, положив голову на лапы, лежал разомлевший на солнце большеротый пес.

Из дома, переваливаясь с ноги на ногу и завязывая на ходу штаны, вышел Халназар и направился к стойлу Мелекуша. В стойле было чисто, хоть вставай на колени и молитву твори. Но у ног коня валялся свежий помет. Халназар повернулся к кибиткам и крикнул:

— Э-э-й, кто там!

Из крайней черной кибитки выскочил молодой парень и подбежал к хозяину:

— Пред тобою, ага!

Сдерживая бешенство, Халназар неподвижным взглядом уставился на слугу. Это был невысокий парень в синих заплатанных штанах и грубой обтрепанной домотканой рубаше, затвердевшей от пота и стоявшей на нем колом. Чокать его были все в дырах и заплатах. Ничего этого Халназар не видел. Он видел перед собой только носатое широкое лицо с выпуклым лбом, ровно подстриженную, а спереди выщипанную рыжеватую бородку, короткие русые усы, голубоватые глаза, испуганно смотревшие на него из-под светлых длинных ресниц. Прежде чем заговорил Халназар, слуга боязливо промолвил:

— Бай-ага, что прикажешь?

Указав рукой на лошадиный помет, Халназар гневно сказал:

— Змеиною яду прикажу!.. Ты что — не видишь этого? Ослеп?

Парень стрелой кинулся к лопате, подхватил и убрал кучку помета и, страшась байского гнева, принялся подчищать землю в стойле, хотя подчищать больше было нечего. Мелекуш подошел к Халназару, облизывая губы. Тот погладил морду коня и, не оборачиваясь, крикнул:

— Мавы!

Мавы тотчас вытянулся в ожидании приказаний:

— Я здесь, бай-ага!

— Принеси молока.

Мавы принес огромную деревянную чашку верблюжьего молока. Мелекуш понюхал белую жидкость и, помотав головой, отвернулся. Потом, не обращая внимания на посвистывание Мавы, стал почесывать ногу копытом. В это время к стойлу Мелекуша подошла маленькая девочка, дочь Гандыма. Приподнявшись на цыпочках и вытянув худую шейку, она, моргая глазенками, смотрела на молоко, жевала губками и глотала слюну.

Мавы, чтобы подзадорить чесавшегося коня, опустил чашку пониже, на белом молоке заиграли солнечные лучи. Девочка расширенными, жадными глазами тянулась к молоку, словно видела перед собой сияние, осветившее ночь. Ей так хотелось этого молока... Незаметно для себя она очутилась между Халназаром и чашкой.

Халназар, удивленный тем, что Мелекуш не пьет молоко, с беспокойством думал: «Нет ли какой болезни у коня?..» Вдруг он увидел девочку. Схватив ее за плечо своими толстыми волосатыми пальцами, он толкнул ее в сторону:

— Сгинь, чтоб тебя земля проглотила! Девочка упала, ткнувшись лицом в землю, в рот ей попал песок. Застонав от боли, она поднялась на ноги, отерла лицо рукавом и сплюнула: клейкая слюна была окрашена кровью. Испугавшись, она снова сплюнула и вытерла губы ладонью, — ладонь стала розовой. Тогда она, нахмутив тонкие брови, с ненавистью посмотрела на Халназара, на Мелекуша. Плечо, которое сдавил своими волосатыми пальцами бай, ныло. На черных, как бусины, глазах девочки показались слезы. «Ах, чтоб конь съел твою голову! Чтоб в твоей кибитке плескалась кровь!» — про себя осыпала она проклятиями бая и побежала к своему шалашу, сверкая маленькими пятками. Когда Халназар, покряхтывая, ушел в дом, Мавы вернулся к черной кибитке, сел в тени и опустил голову на ладони.

Мавы был из племени эрсари, родился и вырос на берегах Амударьи. Вместе со старшим братом он зарабатывал на жизнь тем, что водил по реке байские барки с товарами. Иногда в этой тяжелой работе помогали ветер и парус, но чаще всего приходилось надевать лямку и тащить барку на бечеве по песчаному руслу реки. После того, как старший брат был убит, став жертвой алчности бая-хозяина, захотевшего прикарманить заработок своего бурлака, Мавы, опасаясь за свою жизнь, покинул родные места. Прошло уже четыре года с тех пор, как он поступил в работники к Халназару. За все это время он ни гроша не получил за свой труд. Когда Мавы напоминал о плате, Халназар-бай говорил: «Ты лучше помалкивай, цену тебе я сам знаю». Зато бай был щедр на обидные прозвища и ругательства. А сыновья его иначе как «сын свиньи» и не называли Мавы.

Из двадцати обитателей халназаровских кибиток только одно существо глядела на

Мавы с жалостью: это была Мехинли, вторая жена Халназара. Мавы давно сбежал бы куда глаза глядят, если б не сладостные мечты о Мехинли — она была путами на его ногах.

Сидя в тени, он весь ушел в горькие думы. Неожиданно из-за кибитки вышла женщина и тихо окликнула его:

— Мавы!

Мавы поднял глаза и увидел, что возле него стоит, наклонившись, Мехинли. При виде ее улыбающегося лица он посветлел, голубоватые глаза его заблестели радостью. Мехинли спросила:

— О чем это ты задумался?

Чтобы проверить Мехинли, Мавы ответил:

— О чем мне думать? Что есть у меня?

Мехинли, не поняв намека, сказала простосердечно:

— Тогда скажи, о ком думал.

Но Мавы хотелось, чтобы Мехинли открылась первой, и он с притворной грустью проговорил:

— А кто у меня есть, чтобы думать о ком-то?

Мехинли вдруг застыдилась, закрыла рукою рот. По ее слегка вздрагивающим пальцам Мавы понял, что она волнуется. Улыбнувшись, он посмотрел ей прямо в глаза, она же, не в силах молчать, призналась:

— Я у тебя... — и закрыла лицо рукавом.

Горячая кровь закипела в жилах у Мавы, сердце забилося. Ему хотелось обнять Мехинли, но руки к этому не привыкли, язык не помнил ласковых слов. Помолчав немного, он спросил:

— Какое же я имею право думать о тебе?

— Если будешь таким нерешительным, потеряешь и право думать, — ответила Мехинли.

Эти слова прозвучали для Мавы сладкой музыкой. Оказывается, сама Мехинли считает, что он имеет на нее какое-то право! Но тут же, вспомнив о своем положении в доме Халназара, понял, что крылья у него подрезаны, и сказал:

— Если не поднесешь пищу ко рту безрукого, разве не останется он голодным?

— Да ты совсем ребенок! — засмеялась Мехинли и, чтобы приободрить Мавы, добавила: — Ребенок не заплачет — грудь не получит.

Мавы смутился.

— Ты... у тебя... — начал было он, но взглянул на Мехинли и умолк.

Мехинли опустила голову.

— А кто есть у меня?

Мавы хотелось ответить: «У тебя есть муж, есть твой Халназар». Но он вспомнил, что в доме бая с ней обращаются хуже, чем с собакой, и ответил вопросом:

— А у меня кто есть?

Они смотрели друг на друга, разговаривая глазами. Глаза женщины спрашивали: «Кто тебе еще нужен, когда у тебя есть Мехинли?» А глаза Мавы отвечали: «Ты моя, и я твой!»

Все же Мавы не мог отделаться от сомнений. Лицо его стало снова грустным, когда он подумал: «А Халназар?» Мехинли это поняла. Чтобы приободрить Мавы, она протянула руку и хотела погладить по грязной тюбетейке, как вдруг раздался голос бая:

— Мавы, э-э-эй!

— Пред тобою, ага! — вскакивая на ноги, крикнул Мавы и со всех ног пустился к дому.

Словно выпустив птицу из рук, Мехинли растерянно посмотрела ему вслед. Потом вдруг плотно прикрыла рот яшмаком и в страхе огляделась вокруг. Не увидев поблизости никого из мужчин, она села на место Мавы и задумалась.

Мехинли еще в младенческом возрасте осталась круглой сиротой, росла в семье дяди и с детских лет несла на себе всю тяжесть домашней работы. Когда она еще не заплетала косичек и волосы ее развевались, подобно усикам маиса, ее звали Майса. В голодный год

дядя отдал ее Халназару за чувал пшеницы и два чувала ячменя. После того, как она попала в лапы бая, ее имя «Майса» было забыто. Так как она была из крепости Мехин, ее стали звать мехинкой — Мехинли, а это звучало, как «рабыня». Теперь только Мавы иногда звал ее нежным именем «Майса», и она, когда слышала это имя, с болью думала о загубленной молодости: «Ах, отчего я не попала к Мавы! Может быть, тогда я и осталась бы Майсой, расцвела бы, заколосилась и принесла зерна?!»

Когда Халназар впервые увидел мехинку, она не понравилась ему. Однако калым был настолько ничтожен, что он взял ее: «Авось пригодится для черной работы». Но когда Мехинли немного отъелась, щеки ее посвежели и округлились, как сочный плод, Халназар пришел к ней и вдоволь натешил свое жирное, волосатое тело,— так красная курочка попадает в капкан, так грязный шакал терзает ее. Однако старшая жена Халназара скоро прекратила его прогулки к мехинке. «Чего тебе не хватает? — говорила она. — У тебя есть сын, у тебя есть дочь. Как тебе не противно пачкать о нее свою чистую кость! Лучше б ты благодарил бога за то, что он тебе дал, и радовался своему богатству». Эти наставления старшей жены дошли до Халназара. Мехинка все чаще стала попадаться ему на глаза в старой, грязной одежде. Со временем она перестала казаться ему и женщиной. Теперь он обращался с Мехинли, как с рабыней, зло выкатывал глаза при разговоре, обзывал бранными словами. Бывало, что и ременная плеть ходила по спине молодой жены, выполнявшей в доме всю черную работу.

При воспоминаниях о всех обидах и унижениях, которым она подвергалась в доме Халназар-бая слезы туманом застилали глаза Мехинли. Она считалась женою бая, а положение ее в байском доме было не лучше, чем у Мавы.

Глава десятая

Два всадника остановились у дома Халназара. Передний, бросив поводья, устало слез с коня. Навстречу гостю вышел сам Халназар. Посыпались взаимные приветствия.

— Мир вашему дому, господин бай.

— Мир и вам, Артын-ходжайн! Добро пожаловать! Рады видеть!

— Как здоровье, господин бай? Все ли благополучно у вас в доме?

— Слава аллаху... При вашем благополучии, Артын-ходжайн, и мы становимся похожими на людей.

— Очень хорошо. Пусть будут здоровы ваши дети!

Взяв под руку приезжего, Халназар повел его в кибитку старшей жены. Войдя, гость обратился к женщине, сидевшей в посудном углу.

— Здравствуйте, Садап-бай! Здоровы ли дети?

Садап немного опустила яшмак и приветливо ответила:

— Добро пожаловать, Артын-ходжайн!

Гостя усадили на почетное место против двери.

Арутюн, давний друг Халназара, был одет в городской серый костюм. На плечах у него был пурпурный шелковый халат, на ногах поскрипывали желтые туфли, на голове острым клином торчала сшитая не по-туркменски, суживающаяся кверху каракулевая шапка. Из-под густых, почти сросшихся бровей армянина лукаво поблескивали большие черные глаза. Из-под большого крючковатого носа тянулись стрелки таких же черных усов. Острый подбородок обрамляла черная с проседью аккуратно подстриженная бородка. Был Арутюн грузен, широкоплеч и, должно быть, богат. На его толстых пальцах сверкали золотые кольца сяхонтами.

Арутюн слышал и о свадьбе в доме Халназара и о смерти невестки. Теперь он не знал, поздравлять ли хозяев или выражать им соболезнование. С минуту подумав, он решил: «Э, беда какая — умерла женщина! Есть деньги, будет и жена в кибитке — не та, так другая!» Эту мысль он и выразил вслух:

— Слышал я, Садап-бай, что у тебя скончалась невестка. Очень я был расстроен. Дай

бог здоровья твоему сыну — найдешь еще лучшую невестку!.. Известно мне также, что женили вы внука. Поздравляю! Очень жалею, не смог приехать на свадьбу.

Слуга внес в кибитку коверную переметную сумку, Арутюн знаком указал, чтобы тот передал ее хозяйке. При этом он сказал: «Маленький подарок для маленьких». Садап поблагодарила и, поведав гостю свои печали и радости, стала оделять гостинцами вбежавших в кибитку внучат. Арутюн и Халназар заговорили между собой о житье-бытье, о все возрастающих ценах на хлеб и скот. Незаметно разговор перешел на войну.

— Надо ожидать в торговых делах больших перемен, — говорил Арутюн, поблескивая золотыми зубами. — Я слышал, что армии его величества готовятся к большому наступлению. Хорошо, если бы этим летом отбили у немцев Варшаву. Я был бы очень доволен.

Халназар, не бывавший дальше Теджена и Мары, спросил:

— Варшав — большой город?

— О-о, это такой город!.. Петроград, Москву знаешь?

— Слыхал.

— Варшава будет чуть меньше. Замечательный город! До войны я там частенько бывал. Да и дела там неплохие делал. Варшавским купцам нужны хлопок, шерсть.

Арутюн снял халат, шапку и стал пить чай. Халназар немного поразмыслил над словами купца и, не зная еще, к чему он клонит, решил продолжить разговор о войне.

— Пусть поможет аллах белому падишаху! — произнес он голосом, в котором звучало больше лицемерия, чем искренности. — Слышал я, говорили люди, будто германцы сделали пушки, которые стреляют огненными чувалами. Будто все войско в страхе сидит под землей...

— Немецкие чемоданы (Так называли германские бризантные снаряды), — перебивая, сказал Арутюн, — не остановят наших доблестных воинов. В Арзруме тоже были эти немецкие пушки, а его взяли.

— Что это за Арзрум?

— Город румов, османских турок.

— Город халифа?

— Да.

Халназар с сомнением покачал головой.

— Нет, город халифа не смогут взять.

— Ого, еще как взяли! — горячо возразил Арутюн. — Скоро султану некуда будет деваться. Наши войска наступают с суши, наши союзники англичане громят с моря Дарданеллы...

— Артын-ходжайн, — хмурясь, сказал Халназар, — и не знаю, что такое дарданеллы-марданеллы, но я знаю, что наместника пророка нельзя победить. На земле нет силы, которая могла бы устоять перед ним.

— Господин бай, что ты говоришь! Перед огнем пушек ничто не устоит.

— Есть вода, что посильнее огня! — упрямо возразил Халназар. — Есть священное знамя пророка.

— Ах, Халназар, не понимаешь ты! — с раздражением сказал Арутюн. — Теперь люди плавают под водой, летают по воздуху. Что могут сделать аскеры султана, если на них обрушится огонь с неба, с суши и с моря?

Халназар рванул рукой шнурки своего халата, — это было признаком гнева.

— Артын, ты знай предел! — сурово проговорил он, с ненавистью взглянув на армянина. — Если владыка поднимет стяг пророка, враги его обратятся в прах. Если упадет этот стяг, настанет день страшного суда. Это не мои слова, — так говорит книга пророка!

Арутюн был кровным врагом турок. После страшной резни армян в северных вилайетах Турции он радовался, что русская армия на кавказском фронте перешла, наконец, в наступление. Но тут он понял, что в споре с Халназаром зашел слишком далеко, задев религиозное чувство мусульманина. Однако он вывернулся с ловкостью людей его

профессии.

— Господин бай, прости, я не хотел обидеть тебя, — сказал он, прикладывая в знак уважения пальцы к глазам. — Всеми миру известно, с какой отвагой сражаются ваши джигиты. В одном бою триста шестьдесят туркменских всадников взяли в плен три тысячи шестьсот австрийцев.

Эти слова несколько успокоили Халназара. Его хмурое лицо посветлело. Видя это, Арутюн, чтобы рассеять остатки недовольства бая, вынул из кармана газету и сказал:

— Вот здесь, господин бай, написано о доблести туркменских джигитов.

Халназар, взяв в руки газету, посмотрел на одну, потом на другую сторону печатного листа, ничего не поняв. А Арутюн тем временем говорил:

— Как называется эта газета, ей-богу, не знаю. Но вот тут, — указал он на строчку под крупным заголовком, — написано: «Закаспийская туземная газета». Найдешь муллу, заставь почитать.

Халназар крикнул Мавы и приказал:

— Позови Мамедвели-ходжу. — Затем с важным видом сказал: — Когда туркмен садится на коня, ничто не может устоять перед ним. Туркмены не давали покоя такой большой стране, как Иран, который занимает один семь поясов земли... Сколько раз падишах Ирана нападал на туркменскую землю, а овладеть ею не мог. Мне еще отец рассказывал, как туркмены делали набеги на Иран и приводили оттуда рабов...

Арутюн фальшиво улыбался рассказам туркменского бая, а сам думал: «За каждого захваченного вами иранца у вас уводили десять рабов. Да и неизвестно еще, что было бы с вами, не отдайся вы под покровительство русской империи».

— Господин бай, — спросил он, как только Халназар умолк, — в эти дни собирают папахы, — знаешь зачем?

— Для устрашения врага.

— Очень хорошо!

— Но я в это не верю.

— Почему же, господин бай?

— Не шапки сражаются, — люди.

— И это верно, ей-богу, но тут — политика.

Среди богатых туркмен и русского начальства Арутюн был человеком известным. Его звали по-разному. «Артын хозяин», «Артын-заводчик» или просто «Артын-армянин». Халназар знал его еще с того времени, когда Арутюн был коробейником. Позднее Арутюн приобрел в городе лавку, которая со временем стала богатым магазином. Завоевав доверие купцов и банкиров, он взялся за подряды, купил паровую мельницу. В последние годы он занялся также хлопководством: построил хлопкоочистительный завод, стал скупать участки разорившихся хлопководов и скоро сделался владельцем тысячи десятин возделанной чужими руками земли. Воду он брал без всяких ограничений из главного канала, а при вербовке дейхан для работы на хлопковых полях ему большую помощь оказывал Халназар-бай.

С годами дружба между Арутюном и Халназаром крепла. Арутюну, имевшему связи в канцелярии удельного ведомства, не стоило большого труда устроить Халназара на должность мираба одного из казенных каналов, принадлежавших царю. Выгода была обоюдная: Арутюн драл три шкуры с завербованных для него Халназаром дейхан, оплачивая их работу только одной пятой частью урожая, а Халназар набивал добром амбары удельного ведомства, устилал дорогами коврами полы в домах начальства, но никогда не забывал и себя — его собственные амбары ломились от зерна. Благодаря Арутюну Халназар стал даже главным мирабом казенных каналов, но не сумел удержаться на этой должности и года: друг Арутюна, полковник Ломакин, был смещен, новый начальник канцелярии стал вводить свои порядки, и Халназар был изгнан из старших мирабов. Остаться в должности младшего мираба он считал ниже своего достоинства и вернулся в аул. А Арутюн-ходжайн превратился тем временем в крупнейшего хлопковеда. Он не только получал львиную долю хлопка,

засеянного и собранного чужими руками, но еще за бесценок скупал долю дейхан, очищал хлопок-сырец на своем заводе и продавал московским и варшавским фабрикантам. Сейчас он приехал к Халназару совсем не для того, чтобы вести пустые разговоры о войне. В России уже сказались тяжелые последствия непрерывных призывов в армию: посевы сильно сократились, цены на хлеб росли. И Арутюн задумал всюду, где только возможно успеть, скупить урожай на корню.

Решив, что время для делового разговора настало, он подложил под колено пуховую подушку, уселся поудобнее и обратился к хозяину дома:

— Халназар-бай, ты знаешь, зачем я приехал?

— Ходжайн, хоть ты и долго живешь среди туркмен, но туркменского обычая не знаешь. Гость — пленник хозяина.

— Это верно. Однако...

— О причинах приезда говорят тогда, когда о них спросят.

— Да, но ты знаешь...

— И знать не хочу.

— О, да не обрушится дом твой! — недовольно проговорил Арутюн и вздохнул.

— Мой дом крепок. Он и в бурю не зашатается.

— Ах, да пойми ты!..

— Если не пойму, ты объяснишь.

— Ай, молодец! Метко сказано. Но я должен успеть к скорому поезду в Мерв. Утром надо выкупить вексель на десять тысяч.

— Ты не из тех, которым страшен один просроченный вексель.

— Да, но...

В это время у входа появился Мавы и спросил:

— Бай-ага, там приехали люди, можно впустить?

— Нет, пусть идут в дом, — ответил Халназар и обратился к гостю. — Там прохладнее, там и будем разговаривать о деле.

Арутюн вздохнул и развел руками:

— Гость — раб хозяина.

Халназар громко расхохотался и сказал:

— Артын-ходжайн, зная, что ты приедешь сегодня, я заранее предупредил людей. Когда увидишь их, не будешь жалеть, что я задержал тебя.

В кибитку вошел человек, смиренно опустив глаза. Он тихо произнес слова приветствия, затем неторопливо снял черные башмаки с острыми, загнутыми вверх носами и, мягко опустившись на колени, поздоровался за руку с Арутюном. Это был Мамедвели-ходжа.

Арутюн знал, что у мусульман лица, причисляющие себя к потомкам пророка, очень высокомерны, и был немало удивлен тому, что ходжа держал себя так приниженно.

Мамедвели поднял глаза и, поглаживая бороду, обратился к Арутюну:

— Спрашивайте, ходжайн.

— Говорите.

— Не вам ли первому говорить?

— Нет, господин ходжам, я не вправе.

— Здоровы ли вы, ходжайн?

— Слава богу.

— Благополучны ли вы?

— Спасибо, вполне.

— Здоровы ли детки-малютки?

— Благодарю.

— Скотина как — цела, невредима?

Арутюн пожал плечами: скотоводством он не занимался, а если выпадал случай выгодно перекупить партию баранов, немедленно перегонял ее в Теджен или в Мары, на

городскую бойню. Но не дать никакого ответа при обряде приветствия значило признать неблагополучие, и он ответил:

— Вашими молитвами.

— А сами вы вполне здоровы?

— Благодарствуйте.

— Семья ваша в довольстве и благополучии?

— Слава богу.

— Здоровы ли мать и отец ваши?

— Спасибо, здоровы.

— Родственники, близкие — все здоровы?

Арутюн опять пожал плечами и не нашел что ответить. Ходжа продолжал:

— Благоденствует ли весь великий народ?

Арутюн мысленно выругался: «Вот привязался, старый дурак!» — и, не зная, как лучше ответить, неопределенно сказал:

— Все в руках всемогущего.

— А все ли благополучно во владениях белого падишаха?

Арутюн стал в тупик, но быстро нашелся:

— Владения пребывают в спокойствии незыблемом.

Тут Халназар, уже давно в нетерпении вертевший в руках газету, остановил ходжу, открывшего было рот, чтобы задать новый вопрос:

— Хватит, ходжам. Вот почитай-ка газетку, привезенную Артын-ходжайном.

И Мамедвели торжественно заключил:

— Да будет так! Пусть сам аллах защитит белого падишаха, столь милостивого к мусульманам, пусть дарует ему долгие дни!

Арутюн в душе поблагодарил Халназара, избавившего его от бессмысленных вопросов ходжи, и облегченно вздохнул.

Мамедвели принял из рук Халназара газетный лист, долго всматривался в него, поднес близко к глазам и, наконец, с трудом прочел:

— Мавера-йы Бахр-е-Хазар.

— Да это и есть название газеты! — вспомнил вдруг Арутюн.

Мамедвели прилежно рассматривал газету, состоявшую из четырех страниц небольшого формата. Русские и нерусские тексты шли вперемежку, много было объявлений в черных рамках. Халназар велел читать о войне, и Мамедвели с трудом прочел на первой странице:

«Письмо с фронта

Да будет больше чем много приветов из уст Сахат-Мурада отцу и всем близким... Сам я очень здоров. Я вам писал два письма. Обо мне не надо беспокоиться. Делаем то, что делали туркмены в старину Немцев рубим шашками, их пехоту рубим. Войска их мало-мало бегут, мы их очень рубим. Шашкой проявляем стойкость. Государь императору стараемся помогать... Имею еще отличие — военную медаль.

Унтер-офицер *Сахин-Мурад*».

Щеки Халназара даже зарумянились от удовольствия, когда он прослушал письмо. Он хотел что-то сказать, но Арутюн опять обратился к ходже:

— Господин ходжам, там есть еще и стихи. Попробуйте прочитать их.

Мамедвели повертел газету, наконец нашел и прочитал:

«Туркменским джигитам, пребывающим на поле битвы. Стихи Молла Дурды из аула Кеши.

*У бога стойкость испросив в боях,
От немцев вы оставите лишь прах;*

*День светопреставленья встретит враг.
Да снизойдет на вас почет от бога!*

*Дошла о вашей доблести к нам весть:
Врагов вы истребили — и не счесть!
Дал бог: вы нашу поддержали честь.
Почет на вас да снизойдет от бога!*

*Увидит враг джигитов грозный ряд,—
И в бегстве он, и страхом он объят.
Отважен в битве славный ваш отряд.
Да снизойдет на вас почет от бога!*

*Молясь, обрушьте на врага ряды,
Пусть головы слетают градом дынь.
В молитвах вспомните Молла Дурды.
Почет на вас да снизойдет от бога!»*

Халназар тотчас заговорил о временах туркменских набегов и совсем раздулся от гордости. Он говорил так, точно сам готов немедленно прикрепить к поясу меч и ринуться в бой: глаза его возбужденно поблескивали, усы топорщились. Засучив рукава, он потирал руки, словно чувствовал себя в Австрии, бок о бок с туркменскими джигитами. Заставив еще раз прочесть эти плохие стихи, он сказал:

— Молодец Молла Дурды. Да он, оказывается, настоящий шахир-бахши.

В тон Халназару заговорил и Мамедвели-ходжа. Ему хотелось прежде всего выразить уважение к Арутюну, и он обратился к нему:

— Артын-ходжайн, я благодарю создателя за то, что он дал мне случай встретиться с вами. От счастливого прилипает счастье, от несчастного — горе, как говорили предки. Халназар-бай, сидеть вот с такими людьми — уже счастье...

Халназар недовольно крикнул и прервал речь ходжи:

— Хотя наше благополучие создавал и не Артын-ходжайн, он немало помог нам.

Мамедвели, тряся бородой, произнес елеинным голоском:

— Да не оставит вас обоих аллах своими милостями!

Халназар сказал, по каким делам приехал Арутюн, и дал понять ходже, что тот должен помочь, когда будет нужно. Арутюн тотчас же бросил приманку.

— Господин ходжам, простите, — любезно обратился он к потомку пророка, — в делах и заботах забываются друзья-приятели. Но вам будет послан подарок: вам самим — халат, вашей супруге — шелковое платье, детям вашим — головка сахару.

И потомок пророка покорно склонил голову перед ходжайном:

— Я ваш слуга...

Глава одиннадцатая

Мирабы считали для себя за честь свидеться и поговорить с самим Артын-ходжайном. На их лицах сияла радость, Покги-мираб, заметив, что брюшко у ходжайна побольше, чем у него самого, улыбнулся. Только Сары смотрел на армянина без подобострастия и без страха. В комнате, украшенной коврами и цветным войлоком, разговор зашел сначала об общем положении в Туркмении и России. Когда Покги несколько притих, заговорил Нобат-мираб:

— Артын-ходжайн, например, вы — городской человек, читаете газеты. Мы же люди простые. Например, мы о положении в мире, о войне...

Покги не преминул сейчас же ворваться в эту чашу «например»:

— Например, ходжайн, расскажите нам, что творится на белом свете!

Настроение мирабов пришлось Мамедвели по вкусу. Он лукаво повел вокруг себя маленькими глазками и сказал:

— Мирабы, сегодня ходжайн сам пришел к вам. В городе его не доищешься. Послушайте его, он, кажется, развеселит ваши сердца.

Халназар подвинулся вперед и обратился к гостям:

— Люди, раньше чем начать разговор с Артын-ходжайном, давайте послушаем газету, которую он привез. Там есть письмо с войны и стихи. Ходжам, почитай-ка!

Мамедвели читал и письмо и стихи Молла Дурды. Сидящие хвастались отвагой туркмен и дружно смеялись. От гордости за своих сородичей они выпячивали груди, словно те были увешаны орденами. Наконец пришла очередь говорить Арутюну.

Армянин на этот раз говорил осторожно. О взятии русскими войсками Арзрума он предпочел умолчать, зато не пожалел слов для описания подвигов туркменских джигитов. Все удовлетворенно побряхтывали, но тут Нобат-мираб задал вопрос, которого Арутюн ожидал меньше всего:

— Ходжайн, например, говорят, — повелитель германов Веллаган стал мусульманином. Верно это?

Не зная, что ответить, Арутюн только пожал плечами. «Какие отсталые люди. Они все еще поклоняются могиле своего Мухаммеда и не понимают, что кумиром современного мира является золото. За деньги даже вот этот «потомок пророка», ходжа, охотно наденет на шею крест и пойдет в церковь», — подумал он и, чтобы не оставить вопрос без ответа, неопределенно сказал:

— Все в руках вседержителя.

Мамедвели-ходжа тотчас же поддержал его, дав более определенный ответ:

— По воле вседержителя — это возможно: если Веллаган принял веру пророка, он попадет в рай.

Словно Арутюн-ходжайн приехал прямо с фронта, на него посыпались разные вопросы, связанные с положением сражающихся на фронте туркменских джигитов. Был поставлен и такой вопрос:

— Если джигиты живы-здоровы, почему приходят обратно их одежды?

Мамедвели не упустил случая выступить со своими поучениями:

— Смертный не знает, где и когда его настигнет смерть. Тот, у кого кончился счет жизни, — умрет, где бы он ни был. Бедняга Анна Бегенч за всю жизнь не слышал выстрела, а недавно мы его хоронили. Дело не в войне: будь ты хоть в самом пекле, если богу угодно, он тебя сохранит. Когда Ибрагима-пророка бросили в огонь, разве огонь не обратился в цветы?

Сары был верующим мусульманином, но рассуждения ходжи ему не понравились. Он возразил:

— Ходжам-ага, если счет твоей жизни, по воле бога, еще не кончился, то не асе ли тебе равно, где быть? Но если тебе скажут: «Иди на войну» — ты, наверное, не пойдешь.

Покги Вала, рот у которого был уже набит табаком, громко причмокнув губами, сказал:

— Сары, пока еще нет ни скалы, ни гопыза (Гопыз — музыкальный инструмент). Зачем снимать штаны, не видя воды?

Халназар поспешил предупредить готовую вспыхнуть ссору и обратился к гостям:

— Мирабы, я собрал вас не для споров о войне, а из уважения к Артын-ходжайну. Я думал вам будет лестно посидеть, поговорить с ним.

Мамедвели сейчас же подхватил:

— Как говорится, от состоятельного — богатство, от неимущего — беда. Артын-ходжайн — богатый человек, посидеть с ним, хоть бы за чаем, — уже богатство.

— Мирабы! — продолжал Халназар. — Артын-ходжайна позвал я. Благодаря обилию воды в этом году распахано и засеяно много целинных, бесплодных земель, принадлежащих общине. За аренду этих земель вы должны получить часть урожая. Я, как мираб, много думал: справимся ли мы с общинным зерном? Дело это общее, справиться с ним нелегко. У вас окажется много зерна, и вы не будете знать, что с ним делать. Поэтому не

лучше ли заранее запродать арендную долю урожая? Вот перед вами Артын-ходжайн. Денег у него много. Если вы возьмете у него, сколько нужно, и раздадите немного дейханам, будет и вам и им польза.

Мамедвели торопливо отхлебнул глоток чаю из пиалы, которую он держал в руках, и сказал:

— Рука у ходжайна легкая! Пожмите ее покрепче — она станет щедрой.

Покги, засучив рукава, ответил за всех:

— Мы пожмем ему руку выше запястья!

Нобат-бай и другие мирабы молчали, раздумывая над тем, что сказал Халназар. Этот год действительно обещал дать много зерна в арендную долю урожая. На продаже его можно было погреть руки. Но неплохи были и наличные деньги, которые сейчас мог предложить Артын-ходжайн. Разве дейхане узнают, сколько выручено от аренды? Кто им станет давать отчет? Да если и спросят, разве трудно утаить то, что пристанет к рукам? Большинство мирабов раздумывало о том, что выгоднее. Только у Сары мысли шли совсем в ином направлении. Сары хотел собрать арендную долю урожая без потерь, сберечь ее, как сокровище, и разделить между дейханами. В случае хорошего урожая арендная доля была бы неплохим подспорьем для бедняков. А тут говорили совсем о другом. Разговор шел о том, чтобы продать хлеб на корню, продать из-под полы. Сары не мог пойти на такое незаконное дело. Он вежливо сказал о своих намерениях.

— Если меня спросят, то я скажу: с продажей арендной части урожая не надо торопиться. Еще неизвестно, будет урожай на арендованных землях или какое-нибудь бедствие скосит пшеницу зеленой. У меня было намерение собрать арендное зерно и разделить его поарычно.

— Делить арендное зерно — это не дело, — возразил Покги Вала.

— Так или иначе, надо подождать, пока не выяснится, каков будет урожай.

— Подождать! Будешь ждать, так останешься с пустыми руками.

— Покги-мираб, если вам не терпится, надо устроить торги — собрать купцов, хозяев и посмотреть, кто даст больше.

Арутюн снял шапку, помял ее в руках и положил под колено. Макушка его заблестела, как у лысого беркута. Он обиженно вздохнул, затем, оттопырив палец с крупным рубином на нем, покрутил усы и сказал:

— Мирабы, я не был бы Арутюн-ходжайном, если бы согласился сесть рядом с лоточниками. Если вам нужны деньги и я не даю их вам, — я уже не хозяин, а трус. Может быть, я кого обидел или кто-нибудь слышал от меня дурное слово? Или вы просто не хотите иметь дело со мной? Тогда скажите, — и я уеду.

Мирабы зашевелились, заговорили на все лады:

— Нет, ходжайн, тебя упустить нельзя!

— Ходжайн прав!

— Сары болтает, сам не зная что.

Хотя эти слова и задели Сары, он спокойно ответил Арутюну:

— Артын-ага, я не хотел оскорблять тебя. Разве аульные торговцы и хозяева могут тягаться с тобой? Если ты вырвешь из их рук арендное зерно, твоя слава только возрастет.

Снова заговорил Халназар:

— Мирабы, не подумайте, что я забочусь о выгоде ходжайна, но я советую вам: не упускайте его! Если вы свяжетесь с аульными торговцами, пойдут толки, всплывут обиды, начнутся споры — и вы на этом только потеряете. И денег во время не получите. Другое дело — Артын-ходжайн. Он не сходя с места отсчитывает вам деньги наличными. А кроме того, каждый из вас получит шелковый хивинский халат.

Такой подарок пришелся по вкусу мирабам.

— Отдадим аренду Артын-ходжайну! — решили они.

Сары обвел всех пристальным взглядом. В остром блеске его голубоватых глаз Халназар прочитал непоколебимую решимость: «Если другие дают слово, — пусть дают. Но

на землях моего арыка не бывать ноге ходжайна!»

Подошло время обеда. Гости уже давно принюхивались к запаху жареного мяса, — в честь Арутюна был зарезан двухгодовалый барашек. Когда стали вносить блюдо за блюдом дымящийся плов, у мирабов и вовсе поднялось настроение, их лоснящиеся от пота лица повеселели. Рассевшись кучками по три человека, они начали загребать пальцами рассыпчатый, пропитанный жиром рис.

В это время в дверях показался человек без халата, в дырявой, грязной, залатанной рубашке, подпоясанный веревкой. Его никто не заметил. Моргая глазами, он поворачивал во все стороны свое черное лицо, смотрел, как комки плова величиною в кулак, исчезали в огромных ртах, и, невольно причмокивая, шевелил синими губами. Вдруг он, словно не выдержав искушения, громко крикнул:

— Бай-ага!

Халназар, молча взглянув на вошедшего, неторопливо взял с блюда огромный комок плова и положил в рот. Стоящий в дверях неподвижным взглядом смотрел на блестящие от жира пальцы бая, на его раздутую щеку. Проглотив рис, Халназар так же неторопливо взял кость, покрытую жирным мясом, и только тогда прикрикнул грозно:

— Ну, что надо?

Человек в рваной рубашке, стыдась, опустил голову и тихо проговорил:

— Бай-ага, у меня просьба.

— Ну не дурак ли! Разве мне сейчас до тебя?

Ища поддержки, человек взглянул на гостей и продолжал:

— Сделай милость, немного... — Но Мавы, слышавший окрик бая, не дал договорить: он взял прищельца за шиворот и оттащил от двери.

Мамедвели, облизав тонкие пальцы, вздохнул:

— О, боже милостивый! У людей не осталось ни совести, ни стыда! — и опять потянулся длинными пальцами к остаткам плова.

У тучных людей шеи стали влажными, по липам струился пот. Толстый Покги Вала водил пальцами по краю блюда, ловко подбирая остатки риса и, поваляв комок в жире, отправлял в рот. Впрочем, как бы усердно он ни занимался пловом, говорил он без умолку.

После того как Мамедвели прочел послеобеденную молитву, заговорили опять о сделке с Арутюном. Несмотря на возражения Сары, один из мирабов от лица всех обратился к Халназару:

— Бай-ага, арендную долю урожая мы отдадим ходжайну. Немного потерпите. Пусть пройдет срок, когда можно будет видеть, каков урожай, а мы тем временем как бы посоветуемся с народом. Но сделку можете считать слаженной и подарочки готовьте.

Сары, видя, что ему не переубедить мирабов, теперь открыто сказал о своем намерении:

— Вы как хотите, а я по своему арыку сам соберу аренду и отдам ее тем, кто имеет в ней долю.

На Сары закричали со всех сторон:

— Ты всегда первый зачинщик раздоров!

В конце концов рукопожатие, которым обменялся Арутюн с мирабами, прежде чем сесть на коня, все приняли как закрепление сделки.

Глава двенадцатая

Было душно уже с утра. В сухом неподвижном воздухе стояла густая пелена пыли. Солнце вставало над землей огненным шаром.

Артык снял с гнедого торбу и стал гладить шею лошади. Гнедой потерся головой о плечо, подставил лоб. У Артыка не хватило сил посмотреть ему в глаза. Сердце его разрывалось от боли, к горлу подкатил комок. Опустив голову, он стоял, как бы в забытьи поглаживая рукой коня. Вдруг гнедой рванул повод и громко заржал. Артык поднял голову.

При мысли, что он глядит на своего гнедого в последний раз, им овладело отчаяние. Как сможет он жить без коня? Что же, опять купить какую-нибудь кобыленку и слушать насмешки? У Халназар-бая остается и Меле-куш, и прекрасный иноходец, и другие лошади, а у него отнимают единственного коня!

Тяжело вздохнув, Артык решительно направился вкибитку и тотчас вышел с молотком и гвоздями в ру-ке. Подойдя к коню, он поднял ему переднюю ногу и примерил гвоздь.

— Аю, дитя мое, что ты делаешь? — испуганно крикнула Нурджахан.

Артык пристально рассматривал углубление в копыте.

— Хочу почистить копыта, мать, — ответил он бодро. Затем, крепко обняв рукою ногу коня и приложив гвоздь к копыту, поднял молоток.

Шекер, вытянув шею, шепнула что-то на ухо матери. Нурджахан бросилась к сыну:

— Ой, дитя мое! Не калечь коня своею рукою!

Не отвечая матери, Артык ударил молотком, но гвоздь вырвался из его дрожащей руки и полетел в сторону. Когда он снова хотел приподнять ногу коню, гнедой глянул на него таким горящим взглядом, что у Артыка бессильно опустилась рука и молоток упал на землю. Слезы застилали ему глаза.

— Ты хоть в моих-то руках не мучайся! — сказал он отворачиваясь.

Подошел Ашир и пытливо взглянул на друга. Таким он Артыка еще никогда не видал: веки у него как будто припухли, щеки впали, и весь он дрожал. «Такой вид бывает у больных лихорадкой», — с беспокойством подумал Ашир, и сам почувствовал, как по телу пробежала знобящая дрожь. Он отвел взгляд и вдруг увидел молоток и гвозди под ногами у гнедого.

— Артык, что ты хотел сделать? — спросил он, поднимая молоток.

Артык ничего не ответил. Он стоял потупясь, словно застыл. Но Аширу стало все ясно без слов, и он укоризненно покачал головой:

— Артык, и тебе не жаль его?

— Не было бы жаль, рука не дрогнула бы.

— Разве конь виноват?

— А я чем виноват?.. Вот пришло в голову такое... думал, вобью гвоздь в копыто, конь захромает, может тогда не возьмут... Но из этого, как видишь, ничего не вышло...

Нурджахан, всхлипнув, сказала:

— Артык, милый, не мучь себя. Бог милостив, может быть, тебе и вернут коня.

Артык увидел слезы на глазах матери, заметил, что и Шекер плачет, и ему стало не по себе. Быстро овладев собой, он сказал:

— Пусть конь пронесет беду, обрушившуюся на нас! Ты не горюй, мать. Буду жив, здоров, конь найдется. А увечить гнедого собственными руками не стану.

Аширу хотелось подбодрить друга, но у него самого открылась в душе старая, незажившая рана.

Отец Ашира, Сахат Голак, всю свою жизнь не мог выбраться из шалаша. Когда подросток Ашир, дела стали понемногу поправляться. Сахат Голак выдал замуж дочь, женил сына; продав ковер невестки и использовав небольшие сбережения Ашира, поставил, наконец, новенькую белую кибитку на четыре крыла, — обитателям шалаша она показалась ханской палатой. Они покинули тесный шалаш, и мир пред ними распахнулся вширь. Но радость была недолгой. Не прошло и года, как был объявлен сбор кибиток для армии. В приказе было сказано, что туркменская кибитка очень удобна в походной жизни, и она была вписана в число царских налогов. Для Сахата Голака потеря кибитки была почти равносильна разлуке с сыном. Он кричал: «Не отдам!», оказал сопротивление и за это три дня просидел под арестом. Кибитку разобрали и увезли, а семья осталась под открытым небом. Пятнадцать дней Сахат Голак обивал казенные пороги в городе и принес домой тридцать пять рублей — «плату» за кибитку. Добавив к этим деньгам еще пятнадцать рублей, он купил у ходжи кем-то пожертвованную ветхую, полуразвалившуюся кибитку. Связки ее остова перегнили, надломленные жерди были скреплены веревками, вся она просвечивала насквозь. Чуть поднимался ветер — ее шатало из стороны в сторону; дождевые капли сыпались в нее, как

сквозь решето.

Ашир стоял, охваченный горькими думами, а Артык тем временем принялся седлать коня. Он вытер его войлочным потником, накинул легкое седло. Когда он надевал уздечку, гнедой, играя, захватил губами его рукав и сверкнул огненным глазом. Артык больше не мог выдержать: он торопливо сунул за пазуху полчурека и вскочил в седло. Гнедой, круто выгнув шею, стал перебирать ногами на месте, словно не желая идти туда, куда намеревался ехать Артык.

У Нурджахан тревожно забилося сердце. Шекер тонкими пальцами закрыла глаза. Ашир тоже почувствовал как у него заныло сердце, но старался не обнаруживать своей слабости.

— Мужайся, Артык! — сказал он ободряюще. — Не показывай своего горя людям, которые не стоят тебя!

Нурджахан проговорила хриплым голосом, вытирая глаза:

— Крепись, мой сын, поезжай и возвращайся благополучно... Я жертвую целую выпечку чуреков, только бы господь бог сохранил нам коня.

Артык поднял камчу, и гнедой пошел легкой рысью.

Впереди показалась кибитка Мерета. Артык старался не смотреть на нее. Но в этот момент Айна, заслышав топот коня, выглянула изнутри. Артык, опустив глаза, проехал мимо. Айна грустно посмотрела вслед: почему Артык не хочет взглянуть на нее, развеселить ее сердце? Может, он обижен на нее? За что?.. Что с ним случилось?..

Когда Артык подъехал к городскому приемочному пункту, солнце уже стояло в зените. На открытой поляне возле железной дороги, как на скачках, толпился народ. Люди громко переговаривались, кони ржали, били землю копытами, вставали на дыбы. Из-под копыт лошадей поднималась пыль и плотной пеленой висела в воздухе. Запыленные лица людей были нерадостны.

Направляясь сюда, Артык не отдавал себе отчета, зачем и куда он едет. Он просто ехал вперед, не узнавая знакомых, не слыша их приветствий. Подъехав к толпе, он сдержал гнедого и огляделся вокруг.

Посредине поляны стоял стол. За столом сидел толстый усатый человек в кителе защитного цвета с широкими погонами на плечах. Артык узнал в нем полковника Белановича, — он видел его однажды, когда тот приезжал к Халназару. По обеим сторонам от него сидели волостные — Ходжамурад и Хуммет. Их лица опухли от пьянства, заплывшие глаза были красны. Оба они, прикрывая рот ладонями, то и пело зевали. За ними сидели волостные с каналов Бек и Векиль. Неподалеку стояли военный ветеринарный врач и чернобородый туркмен, знаток лошадей. К столу по очереди подводили коней, врач и туркмен осматривали их, волостные назначали цену, полковник подтверждал или уменьшал ее. Принятым лошадям ставилось на бедре тавро, и их отводили в табун.

Невысокого роста рябой туркмен, хромя на левую ногу, вел рыжую прихрамывающую лошадь. Так они оба и подошли к столу. Увидав людей в узких одеждах и почуяв их особенный запах, рыжая лошадь зафыркала и попятилась назад. Но когда она остановилась, левая нога ее осталась приподнятой.

Врач с опаской обошел вокруг нее, осмотрел спину, погладил грудь. Лошадь отступила назад и опять подняла больную ногу. Врач наклонился, постучал по колену, но под копытом ничего особенного не заметил. Лошадник-туркмен тоже осмотрел голень, ступню и объявил:

— Не годится, калека.

Полковник махнул рукой:

— Брак. Китты, пошел!

Рябой не понял ни искаженного туркменского слова, ни русских слов, и только по движению руки полковника догадался, что его отпускают. Он стал поворачивать лошадь, но врач задержал его:

— погоди-ка! — сказал он и взялся за недоуздок. Рябой посмотрел на врача с такой злобой, что, казалось, будь у него в глазах пули, он застрелил бы его. Врач велел поднять

ногу лошади и, вынув перочинный нож, стал ковырять им в копыте. Кончик ножа задел за что-то твердое.

— Это что? — спросил врач.

Рябой опустил глаза. Ему хотелось ответить дерзкой грубой бранью, но он сдержался. А врач повторил свой вопрос:

— Что это?

Оба волостных вскочили с мест и набросились на рябого:

— Это 410, эй?.. Говори, негодяй! Ты что, онемел?

Опустив ногу лошади, рябой почесал за ухом и угрюмо проговорил:

— Откуда мне знать?.. Может, заноза...

Чернобородый лошади-туркмен опять поднял ногу лошади, — волостной Хуммет проверил подозрения врача.

— Эй, сын свиньи! Это что? — закричал он, нащупав головку забитого в копыто гвоздя.

Рябой изменился в лице, задрожал, глаза у него налились кровью, губы задергались. Переступив на укороченную левую ногу, он обернулся к Хуммету и крикнул:

— Волостной-хан, это... — и грубо выругался. Волостной наотмашь ударил его по лицу, и он свалился.

— Что там такое? — гневно спросил полковник.

Пока волостной объяснял, рябой поднялся и, выхватив нож, бросился к столу. Еще секунда — и он всадил бы нож в спину Хуммету, но лошади-туркмен успел схватить его за руку. Подоспели полицейские, скрутили рябого. Тот с ненавистью взглянул на Хуммета:

— Ты еще попомнишь это, собака-волостной! Или ты меня доконаешь, или я заставлю твою мать залиться слезами!

Рябого увели.

Высокого роста седобородый глашатай в островерхой шапке, с красным платком на шее, держа руку у рта, закричал:

— Старшина аула Гоша Бабахан-арчин!

К столу подошел смуглолицый человек в черной папахе с завитками, в шелковом красном халате, перехваченном клетчатым шелковым кушаком. Полковник, расправив обеими руками пышные усы, улыбнулся:

— А-а, арчин Бабахан! Очень хорошо.

У Бабахана тоже был такой вид, точно он целую неделю беспробудно пьянствовал. Выпучив большие черные глаза, он громко сказал:

— Пусть будет здоров господин полковник!

Начался прием коней аула Гоша.

Артык, позабыв спешиться, стоял в стороне и наблюдал. То, что произошло с рябым, привело его в ярость. Теперь он со страхом ожидал своей очереди. В голове проносились сотни различных мыслей. Он стал уже думать, что напрасно не продал коня волостному, когда тот добивался этого через Бабахана. И тут же, с ненавистью посмотрев на старшину и Ходжаму-рада, подумал: «Нет, лучше уж помучиться, чем отдать гнедого таким негодяям!» Но по мере того, как приближалась его очередь, решимость все больше оставляла его. Он уже раскаивался, что так слепо повиновался приказу и приехал. Вдруг он услышал возле себя голос глашатая:

— Если ты Артык Бабалы, веди коня!

Гнедой Артыка привлек общее внимание. Все окружили его. Даже полковник встал со своего места и подошел. Конь стоял, настороженно прижав уши, и казался смирным. Но когда врач вздумал погладить его по крупу, гнедой чуть не лягнул его. На левой ноге у коня с внутренней стороны была небольшая шишка. Лошади-туркмен не обратил на нее никакого внимания, но врачу она не понравилась. Через переводчика он обратился к Артыку:

— А ну-ка подними ногу коню!

Когда Артык исполнил приказание, врач протянул палец к голени коня и спросил:

— Это что?

Артыку не хотелось отвечать. Но после повторного вопроса он угрюмо ответил:

— Если не знает сам доктор, откуда мне знать?

Врач пристально посмотрел на Артыка:

— Сознайся, — бил по ноге палкой или привязывал камень?

— Ну, если бил, — так узнай!

Не решаясь высказать что-либо определенное о шишке на голени, врач вопросительно посмотрел на туркмена-лошадника. Тот хотел объяснить, что это пустяковый нарост на кости, но в это время услышал сзади предупреждающее покашливание и оглянулся: волостной Ходжамурад подмигивал ему, шурил глаз. «Должно быть, волостной хочет освободить этого коня», — подумал он и ничего не сказал врачу. Когда же полковник, сняв пенсне, самолично осмотрел шишку на голени и спросил, что это такое, лошадник ощупал голень и, украдкой взглянув еще раз на волостного, сказал:

— По-моему, порок.

Эти слова обрадовали Артыка: он решил, что его гнедого могут отпустить. Сделав два шага вперед, он обратился к полковнику:

— Баяр-ага, твои доктора, оказывается, знают свое дело. Мой конь — калека. Он иногда по несколько дней хромает. Бывает и так: скачет во весь опор и вдруг сразу остается на трех ногах. Если возьмете его, не поверив мне, — причините вред царскому солдату. Вдруг конь захромает в опасном месте и выдаст отважного джигита в руки врага...

Артыку казалось, что он сказал вовремя и уместно. Действительно, после того как эти слова были переведены, полковник махнул рукой и сказал:

— Иди!

— Спасибо, баяр-ага! — радостно проговорил Артык и стал поворачивать коня.

Но не успел он сделать и шагу, как волостной Ходжамурад заговорил с полковником по-русски:

— Господин полковник, если конь не годится для царского солдата, он пригодится для вашего слуги. Прошу вас оставить его.

И тотчас же, как удар грома, прозвучало в ушах Артыка:

— Стой! Подойди сюда!

Артык оглянулся. Полковник сгибал и разгибал указательный палец, и Артык понял, что этим знаком баяр манит его к себе. Все сразу померкло в его глазах. Только что он видел, как мчится галопом на гнедом мимо кибитки Айны; как бежит ему навстречу Шекер и виснет на шее; как мать, обрадованная возвращением его на коне, по-праздничному осыпает его лепешками. Вместо того он увидел перед собой тучную фигуру полковника, бегающие глаза волостного, хитрое лицо старшины. Радость потухла в глазах Артыка, плечи опустились. Тяжелым, медленным шагом подошел он к столу. Полковник что-то сказал на непонятном Артыку языке. Толмач перевел:

— Джигит-молодец, твой конь принимается.

Чернобородый лошадник взял гнедого под уздцы, и Артык выпустил повод из рук.

Волостной Ходжамурад еще раз обошел вокруг коня. Взглянув на Артыка, он решил показать себя благодетелем:

— Ты счастливо отделался, парень. Врач сказал, что ногу коню ты попортил умышленно, а баяр поверил ему. Ты видел, как поступают с теми, кто наносит увечья коню? Будь благодарен своему арчину: он защитил тебя, а я поддержал. Я сказал, что шишка на ноге коня — слепой отросток кости...

Приветливые слова Ходжамурада успокоили Артыка. Думая, что волостной действительно хочет ему добра, он с надеждой обратился к нему:

— Спасибо, волостной-хан! Спасибо за доброе слово. Отпусти моего коня, это в твоей власти.

Волостной возмутился:

— Вот, ей-богу! Делай после этого людям добро. Что ж, мне из-за твоего паршивого

коня садиться в тюрьму?

Старшина Бабахан с упреком сказал:

— Ты, мой милый, не понимаешь, из какой беды тебя выручили. Если бы не волостной, тебя постигла бы такая же участь, как рябого.

Артык понял, что его обманывают. Вне себя от гнева он сжал кулаки и, в упор посмотрев на Бабаха-на, возмущенно воскликнул:

— Лучше бы мне получить от вас оплеуху и попасть в тюрьму, чем лишиться коня. Во сто раз лучше, чем то, что вы сделали со мной!

Полковник, услышав гневный голос Артыка, удивленно спросил:

— Что там еще? Джигит-молодец недоволен?

Волостной объяснил:

— Старшина сказал ему, что он умышленно попортил ногу коню. Парень не виноват, поэтому и рассердился.

— Хорошо! Якши!

Всем принятым лошадям ставили тут же тавро, но гнедого как поврежденного пропустили. Однако подавленный горем Артык даже не заметил этого. Когда гнедого расседлали и повели, волостной еще раз окинул его взглядом. Конь высоко держал голову; его круто подобранная шея выгибалась дугой, шерсть лоснилась и отливала золотом. Волостной о чем-то поговорил с полковником и, улыбаясь в усы, обратился к Артыку.

— Вот что, джигит-молодец. Баяр ага оценил твоего коня в сорок рублей. Волостные согласны с этой ценой. Мы не станем мучить тебя бумажками. Вместо квитанции старшина сам привезет тебе деньги.

Артык взвалил на плечи седло, бросил ненавидящий взгляд в сторону приемщиков и пошел прочь, шатаясь, как пьяный.

Глава тринадцатая

На окраине города, у самой железной дороги, стоял небольшой беленький домик, обнесенный с трех сторон глинобитной стеной, а с четвертой — деревянным заборчиком. Двор был невелик. Один угол его занимал сарай с кормушкой для коровы, в другом лежал сложенный штабелем сухой кизяк. Перед открытой терраской росло несколько деревьев, под ними стоял потемневший от времени круглый стол на одной ноге. За столом сидело двое мужчин; полная светловолосая женщина хлопотала по хозяйству.

Один из мужчин был хозяин дома — Иван Тимофеевич Чернышов. Это был крепкий широкоплечий человек лет сорока. Темные, почти черные волосы его были зачесаны назад без пробора, длинные темно-русые усы свешивались кончиками к подбородку, из-под густых нависших бровей поблескивали живые карие глаза. Левой рукой, лишенной двух пальцев, Иван Тимофеевич держал между коленями темную бутылку, а правой ввинчивал в пробку штопор, не переставая оживленно разговаривать с гостем, маленьким, щуплым человеком с русой бородкой, редкими рыжеватыми волосами и впалыми щеками. Голос у гостя был слабый, синие глаза смотрели тоскливо. Временами он начинал кашлять, хватаясь рукой за впалую грудь. Когда хозяйка поставила на край стола медную кастрюлю и открыла крышку, гость придвинулся поближе к тарелке и сказал:

— Анна Петровна, сегодня я ваш нахлебник!

— Полно вам, Василий Дмитрий, — радушно отозвалась хозяйка. — Какой вы нахлебник? Бываете так редко... Кушайте на здоровье!

Она налила в тарелку борщ и поставила перед гостем.

Иван Тимофеевич наполнил два стакана вином и один протянул Василию Дмитриевичу. Тот вопросительно посмотрел на хозяина:

— А Анне Петровне?

Иван Тимофеевич взглянул на жену, на вино в бутылке и потянулся к чашке:

— Хватит и ей.

— Мне не надо, — сказала Анна Петровна. — Я ведь не пью, Василий Дмитриевич.

Но Иван Тимофеевич вылил остаток вина в чашку и поставил перед женой:

— Выпей, Анна. Теперь у нас не часто бывает такой обед.

Чокнулись. Мужчины залпом опорожнили свои стаканы, Анна Петровна только пригубила чашку. Иван Тимофеевич положил в рот кусочек черного хлеба, хлебнул борща и заговорил с гостем:

— Знаешь, Василий, вчера у меня была получка. Говорю жене: «Давай-ка, Анна, сготовь завтра получше обед да бутылочку вина купи по случаю праздника». А она все о своем: «Ты бы лучше, говорит, не о праздничных обедах думал, а о том, как бы сколотить деньги на коровенку!» С тех пор, как прошлой зимой продали корову, у нее только и разговору об этом. «Ну что ж, говорю, скопи, если можешь. Я же тебе отдаю всю получку. По кабакам не хожу, а уж когда получка...»

— Ну уж и получка, — с неудовольствием проговорила Анна Петровна. — Твоей получки скоро и на хлеб не хватит. На рынке вон как все подорожало.

Чернышев вытер усы и снисходительно улыбнулся:

— Что ж мне теперь — спекулянтскую лавочку на базаре открыть? Или идти к туркменским баям овец пасти?

— Я этого не говорю, но ты можешь зарабатывать больше. Тебя на хлопковый завод звали?

— Это к армянину-хозяину? Василий вон знает эту бестию. Попади ему только в лапы, — всю кровь высосет. Нет, уж лучше я на паровозе останусь.

— Тогда прибавки проси. Небось не отпустят, накинута десятку-другую. Не больно-то много здоровых мужчин осталось. А ты — машинист.

Чернышов громко расхохотался:

- Вот ты и поговори с ней! Начнет с коровы, кончит обязательно тем, что я мало зарабатываю.

— Корова себя всегда прокормит, да и тебе останется, — возразила Анна Петровна. — Вот если добьешься прибавки, обязательно буду копить на корову.

— Чудачка ты, Анна, — уже серьезно заговорил Чернышов. — Говоришь, накинута десятку. Мне на кинут, другому накинута, а на что же баре-господа да спекулянты будут жить в свое удовольствие? А теперь и война вдобавок. Кто будет содержать миллионные армии? Это ведь наш брат, рабочий, крестьянин, отдает все свои силы и кровь на эту проклятую войну. Ты вот сколько лет живешь со мной, а таких простых вещей не понимаешь. Накинута Петлю они накинута на шею нашему брату, да и затянут потуже.

— Да и накинута что к заработку, так невелика корысть, -- вмешался в разговор Василий Дмитриевич, уже покончивший с борщом и жевавший хлеб и перышко зеленого лука. — Накинута десятку, Анна Петровна, а цены поднимутся на две. Деньги теперь печатают вовсю, бумаги хватает. А бумага — она бумага и есть. Деньги дешевы, хлеб дорог.

Анна Петровна, собирая тарелки, хотела что-то сказать, но в этот момент у ворот раздались шаги.

— А вот и еще гость! — улыбувшись, сказала она, когда распахнулась калитка.

Иван Тимофеевич обернулся:

— А, Артык! — и поднялся навстречу. — Добро пожаловать!

Артык подошел, сбросил с плеча седло и поздоровался. Лицо у него было измученное, глаза печальные, и весь он выглядел разбитым, расслабленным. Иван Тимофеевич сразу понял, что у Артыка, обычно веселого и живого, какое-то несчастье. Он усадил Артыка рядом с собой, взглянул на седло и спросил по-туркменски:

— Что, Артык, конь не пошел? Или продал?

Иван Тимофеевич любил коня Артыка. Когда Артык, приезжая, ставил гнедого у ворот, Чернышов вы-ходил с ломтиком хлеба, иногда с кусочком сахара, и гнедой ласкался, наклонял голову с белым пятном.

Артык вздохнул и ответил не сразу. Он взглянул на то место у ворот, где обычно

привязывал гнедого, и еле выдавил из себя:

— Нет у меня больше коня. Забрали.

Анна Петровна, хоть и не очень хорошо понимала по-туркменски, всплеснула руками:

— Украли? — переспросила она.

— Нет, не украли, а взяли силой, — ответил ей по-русски Василий Дмитриевич. — Это называется — реквизиция.

— Все поборы да сборы, — когда это кончится? — покачала головой Анна Петровна и, взяв со стола пустые тарелки, пошла к очагу.

Чернышев знал, чем стали военные поборы и реквизиции для дейхан: туркмены не отбывали воинской повинности, зато налоги на крестьян в Туркмении были еще выше, чем в России. Понимал он и то, как тяжела была для Артыка потеря единственного коня, и не знал, чем утешить парня. Обычные слова сочувствия только обидели бы молодого, горячего туркмена, видимо сильно расстроенного всем пережитым.

Когда Анна Петровна вернулась к столу с котлетами, Василий Дмитриевич, стараясь по-своему облегчить тяжелое состояние Артыка, говорил по-туркменски:

— Гость, ты смирись! Ты молод, здоров, тебе пока еще ничего не страшно. А огонь войны чего не захватит, чего не сожрет? Ты спроси у меня! Мой старший брат погиб на войне с японцами в Порт-Артуре. Другого брата после войны и революции пятого года бросили в тюрьму, а потом сослали в Сибирь. Там он и умер, схватив чахотку. Еще один брат, моложе меня, ушел на войну с немцами и убит под Варшавой. А самый младший брат тоже больше года, как ушел на фронт, и полгода уже нет от его никаких вестей. Одна мать перенесла столько жертв. Вот что такое война! А за что льется русская кровь, ради чего? Ради счастья родины? Как бы не так! За родину и я бы своей жизни не пожалел... — он отвернулся и долго кашлял, хватаясь руками за впалую грудь. Лицо у него посинело, руки тряслись.

Приступ кашля прошел, но Василий Дмитриевич уже не мог говорить. Тяжело дыша, он вынул из кармана коробочку с махоркой и дрожащими пальцами стал свертывать сигарку. Он даже не заметил, что Анна Петровна уже поставила перед ним тарелку с котлетой.

Артык, не сводя глаз, смотрел на Василия Дмитриевича, на его встрепанные рыжеватые волосы и бледное, худое лицо, на кургузую парусиновую куртку с обтрепанными рукавами и на растоптанные до дыр брезентовые туфли. Несчастья, выпавшие на долю одной семьи, поразили его. Действительно, это не потеря папахи или кибитки. Артык забыл о коне. Ему было жаль этого несчастного, обездоленного человека, хотелось спросить его: «У тебя есть еще брат?» — но так он и не спросил и только смотрел, с какой жадностью тщедушный человек глотает табачный дым.

— Артык, что же ты? — раздался над его ухом голос Анны Петровны. — Есть, есть надо! — она показала на тарелку с двумя маленькими котлетками и желтоватым от соуса рисом. — Да и вы бросайте курить, Василий Дмитрич, — обратилась она к другому гостю. — Хватит уж вам растравлять грудь табачищем-то!

— Нет, Анна Петровна, вы этого не понимаете, — отозвался Василий Дмитриевич. — Покуришь, — оно как будто и легче на душе становится.

Впрочем, он тут же обкуренными пальцами загасил сигарку и принялся за еду. Вслед за ним взялся за вилку и Артык. Он почувствовал сильный голод. Захотелось взять руками комки рубленого мяса и отправить в рот один за другим. Но русские не понимают этого удобного способа еды. Приходилось ковырять котлетку трезубой вилкой, осторожно нести небольшие комочки ко рту, а когда они сваливались с вилки, подхватывать их левой рукой и класть обратно в тарелку. Анна Петровна сжалилась, наконец, над Артыком и дала ему ложку.

А Василий Дмитриевич опять заговорил:

- Жив я или умер — семье не лучше и не хуже. Какое жалованье у будочника? Не хватает даже на хлеб. А семья большая. Не во что одеть ребятишек. Они у меня худые, как неоперившиеся галчата. Только и живу надеждой, что снова, как в пятом году... — Он

неожиданно оборвал свою речь и обратился к Артыку: — Так что ты не особенно горюй, парень. У тебя если и возьмут лошадь, даже если отнимут кибитку, голова цела останется. У тебя все живы и здоровы. А если...

Он не договорил и махнул рукой, но Артык понял недосказанное: «Если война будет продолжаться, то и тебе несдобровать».

Видя, с каким вниманием Артык слушает Василия Дмитриевича, заговорил и Чернышов, хотя ему трудновато было говорить по-туркменски:

— Вот будешь знаком теперь, Артык, и с Василием Дмитриевичем. Фамилия его — Карташов, похожа на мою. Мы с ним давние друзья. Он работает путевым обходчиком на железной дороге. Его будка — первая от города. Когда я проезжаю мимо на паровозе, он машет мне своим зеленым флажком, а я ему картузом. Он человек открытого сердца. Если будет по пути, заходи к нему. Хоть он и беден, но для гостя всегда богат.

Василий Дмитриевич горько улыбнулся. Коркой хлеба он добирал со дна тарелки капельки масла, похожие на птичий глаз. Анна Петровна видела, что гость не наелся, но, кроме чая, угощать больше было нечем.

— Иван, — сказал Карташов, отдавая тарелку, — раз уж ты решил нас знакомить, так Расскажи, кто этот гость из аула.

— Это Артык Бабалы из аула Гоша, — сказал Иван Тимофеевич по-туркменски и продолжал по-русски: — Ты познакомься с ним поближе, Василий. Это интересный парень, ради дружбы и за правду, как он ее понимает, пойдет на все. Я знаю Артыка уже четыре года. Как-то, помню, вез он на своей кобыленке солому, а я купил ее для коровы. Вот тогда мы и познакомились. Теперь, когда он приезжает на базар, обязательно заходит. Он знает, что я обижусь, если не зайдет. Мы стали друзьями. Иногда я подолгу беседую с ним, рассказываю газетные новости...

— Сводки о положении на фронтах? — перебил Василий Дмитриевич — Стоит забивать голову парню этой чепухой. Врут ведь отчаянно. Ты бы лучше пояснил ему насчет собственного положения и отношения к войне.

— Говорим и об этом. Он уже начинает кое в чем разбираться. Скажи, Артык, — спросил Иван Тимофеевич по-туркменски, — Халназар-бай тоже отдал лучших своих коней на войну?

- Нет, — ответил Артык. — Мелекуш и рыжий иноходец благополучно стоят у его дома.

— Почему?

— Потому что он бай, — не задумываясь, ответил Артык и добавил: — Потому что такие негодяи, как наш арчин-хан и волостной-хан, едят его хлеб.

— Вот видишь! — воскликнул удовлетворенный ответом Иван Тимофеевич. — Значит, Артык, — опять заговорил он по-туркменски, — тебе еще придется повоевать.

— Иван, ты говорил, война скоро кончится, — не понял Артык.

— Я говорю о другом — о борьбе против царя и баев.

Артык опять не понял его и спросил:

— Как это — против белого царя?

— Да, — ответил Иван Тимофеевич. — Кто доволен царем? Ты? Я? Или вот мой друг Василий?

— Халназар-бай им доволен!

— Верно, Артык. Вот про это я и говорю. Один богатый, сто бедных. Один за царя, сто против него. За царя — баяры и баи, против него — весь народ. Конечно, баяры и баи не идут на войну. И воюет бедняк, и кровь проливает бедняк. А на что война бедняку?

Артык не нашелся, что ответить, ответил за него сам Иван Тимофеевич:

— Солдат теперь хорошо понимает, за что ему воевать. Настало время, когда он одной пулей должен сразить и внешнего врага и внутреннего.

— Тогда я сяду на коня, — сказал Артык и невольно вздохнул: — Жаль вот, коня нет...

С вокзала донеслись частые удары колокола, извещающая о выходе с соседней станции

поезда. Василий Дмитриевич вскочил на ноги и стал прощаться:

— Анна Петровна, спасибо за обед! Иван Тимофеич... — Карташов запнулся. Ему хотелось пригласить к себе, но он знал, что угостить друзей будет нечем.

Анне Петровне стало жалко его.

— Кнам заходите почаще, — сказала она. — Да посидели бы еще. Сейчас самовар будет готов.

— Куда торопиться, Василий? — стал уговаривать его и Чернышов. — Сиди, чайку попьем.

— Нет, не могу, — решительно отказался Василий Дмитриевич. — Мой сменщик работает только до восьми. Если опоздаю, плохо мне будет... Ладно, будьте здоровы! Артык, будешь в наших местах, заходи! — Нахлобучив на голову сплюснутую, с широкими окантованными полями фуражку и торопливо распрощавшись, он мелкими шажками побежал к воротам.

Чернышов сел на свое место и о чем-то задумался. Артык молчал.

Анна Петровна поставила на стол желтый кипящий самовар. Он был сильно помят, стоял на трех своих ножках и одной деревяжке, но это не мешало ему петь и выбрасывать пар под самое небо.

— Да, война... — задумчиво продолжал Иван Тимофеевич прерванный разговор. — Сколько убитых и искалеченных, сколько вдов и сирот! А ради чего несет народ столько жертв? Я участвовал в русско-японской войне. Тогда мы не знали, за что воюем. Было одно — слушай офицерскую команду да повторяй, когда спросят: «За веру, царя и отечество». Не согласен — помалкивай. Конечно, для солдата приказ офицера — закон. Но часто приказы начальства казались нам глупыми. Гоняли нас без толку с места на место. Не столько дрались, сколько отступали. В одном бою близко от меня разорвалась японская шимоза. Одним осколком два пальца на руке оторвало, другим, как ножом, по животу полоснуло. Попал в лазарет. Отлежался немного, раны зажили — домойпустили. До войны я работал кочегаром на паровозе. Вернулся работать на железную дорогу. Вот тут-то и началось! Народ поднялся и против войны и против царя. Нашлись умные люди, которые все объяснили. Узнал я тогда всю правду, словно прозрел, снова взял в руки оружие и пошел с рабочим народом воевать за лучшую долю.

— Против баяр и баев? — спросил Артык.

— Да, и против царя.

— И царь вас победил?

— В тот раз победил, — вздохнув, ответил Иван Тимофеевич. — Много еще было темных людей и в войсках и среди вашего брата — дейхан. Царские генералы пулей и нагайкой умирляли народ. Много тогда погибло хороших людей, много гибнет и сейчас. Одних расстреляли, других бросили в тюрьмы, третьих послали умирать в снега Сибири или вот сюда, в пески Туркестана. Видал вон, что стало с Карташовым? У него слабая, больная грудь, а его послали дышать пылью пустыни. Сначала его поселили в песках Уч-Аджи, там он работал чабаном у ваших баев. Потом ему разрешили поселиться с Душаке, но тут для него немногим лучше. Тает человек на глазах.

Чернышов умолк, погруженный в свои думы. Артык не все понял из его рассказа, но он видел, что друг чем-то расстроен, и ему хотелось утешить его.

— Иван, — спросил он, — как называется та война, о которой ты говорил?

— По-вашему — не знаю как, — улыбнувшись, ответил Иван Тимофеевич, — а по-нашему — революция. Революция, — повторил он четко, видя что Артык шевелит губами.

— Пусть будет и по-нашему так! Ривалюса, — тихо повторил он и встал.

Солнце красным шаром скатывалось за далекий гребень гор. Зной спадал, приближалась ночь. Артык стал прощаться с хозяевами.

— Иван, пусть седло и уздечка останутся у тебя. До свиданья, будьте здоровы! — сказал он и торопливо вышел за калитку.

— Артык, приходи почаще! — крикнул ему вслед Чернышов.

Глава четырнадцатая

Собственно говоря, торопиться Артыку было некуда. Как только зашло солнце, начало быстро темнеть. Возвращаться домой поздно вечером Артык не хотел — усталость брала свое. Но он постеснялся просить ночлега у гостеприимных хозяев и решил переночевать в чайхане.

Чайхана Джумадурды была местом сборища всех, кто прицеплял тыкву к заду (Так звали государственных служащих, носивших у пояса оружие). Так как карманы чайханщика от этого раздувались, он кутежи особо почитаемых людей устраивал у себя во внутренних комнатах. У него можно было найти всякий товар, а угодить богатому гостю Джумадурды почитал особым искусством. Артык знал, что чайханщик не обрадуется ему, но все же вошел в чайхану и попросил места для ночлега.

В этот день в город съехалось из аулов немало народу, комнаты для гостей и ночлежников были переполнены дейханами. Не надеясь легко отделаться от нового посетителя, Джумадурды уложил Артыка в проходной комнате. Усталость и сон уже одолевали Артыка, он повалился на кошму и сразу уснул. Но не прошло и часа, как он проснулся от шума и громких голосов.

Около девяти часов в соседней комнате началась пирушка. В просвете между дверным косяком и килимом перед глазами Артыка мелькали фигуры гостей: какого-то молодого человека в красном халате и в сапогах, начищенных до зеркального блеска, волостного Ходжамурада, толмача уездного управления в военном кителе и в белых погонах, хромого писаря волостного правления Аксака-мирзы, по прозвищу Куллыхан, еще кого-то... Пришел и Бабахан-арчин. Войдя, он хлопнул руками и что-то крикнул, — от этого крика Артыку стало тошно. Вслед за арчином в комнату вошли одна за другой три чисто одетых женщины с блюдами в руках.

— Ай, молодец, Джумадурды! — сказал Бабахан. На его возглас тотчас же отозвался хромой мирза:

— Арчин-хан, если хочешь поздороваться с ними, скажи: «Айсолтан-бай, молодушки, жить вам сто лет, а мне дважды по пятьдесят!»

Стукнулись пиалы, наполненные вином.

— Поднимем еще раз за здоровье Айсолтан-бай!

Это несомненно крикнул волостной Хуммет. Потом снова послышался голос Куллыхана:

— Эй, сосунок, почему не пьешь?

— Не умею. Я в жизни водки не пил, — ответил кто-то, кого Артык не узнал по голосу.

— Эх, собачий ты сын! Что ж ты думаешь, люди учатся пить в утробе матери? Хочешь стать человеком — пей.

Начался беспорядочный шум. Артык не мог уже больше спать; приподнявшись на локте, он осторожно отвел край килима. Теперь из своего темного угла он мог не только слышать, но и видеть всю веселящуюся компанию.

Отказывался пить Баллы, сын Халназара. Тогда его решили напоить силой. Баллы сопротивлялся, его держали за руки и лили ему в рот водку. Проглотив несколько глотков обжигающей жидкости, он вырвался и вскочил, задыхаясь, словно проглотил раскаленные угли. Его снова усадили, дали выпить воды. Рядом с Баллы на ковре сидел тот самый молодой человек в красном халате. Это был Атаджа, сын городского купца Котура. Баллы стал ругать его:

— Ты, сосунок, не облизанный матерью. Во всем ты виноват! погоди, сын свиньи, я с тобой рассчитаюсь!

— Что ты — невинности лишился, что ли? — возражал Атаджа. — Выпил — увидел рай. Чего вопишь?

Как понял Артык из обрывков разговоров, Атаджа был хозяином пирушки. Устроить попойку его заставила простая причина: из-за неуплаты налогов было задержано восемь вагонов пшеницы, приготовленной для отправки в Андижан, Маргелан и Джизак. Если бы ему удалось получить бумажку от волостного с подтверждением уплаты налогов, толмач сумел бы продвинуть вагоны.

Все набивали рты сочным пловом. Чайханщик Джумадурды суеился вокруг гостей. Пиалы вновь и вновь наполнялись вином.

Куллыхан приподнялся на одно колено:

— Пью за здоровье Хуммета-волостного!

Волостной Ходжамурад поднял свою пиалу еще выше:

— Призываю выпить за здоровье его величества белого падишаха!

По очереди стали пить за здоровье царя, генерал-губернатора края, уездного начальника и всех сидящих. Баллы свалился после третьей пиалы. Лица у всех покраснели, глаза налились кровью, движения стали неуверенными. Жуя плов, Куллыхан половину ронял на скатерть. Когда Бабахан закашлялся, рис изо рта у него полетел в лица сидящих напротив.

Артыка уже мучило от запаха водки, от всего, что он видел, но он продолжал смотреть.

Ходжамурад бросил блестящую саблю и крикнул:

— Эй, молодушка из Ахала, чалу! (Чал — напиток из верблюжьего молока)

Грубая матерная брань повисла в воздухе. Грузный Хуммет, надувшись, выругал Атаджу:

— Сын свиньи, барышник! Это и есть все твое угощение?

Атаджа захлопал в ладоши:

— Водка найдется, если б ты даже захотел искупаться в ней... Эй, Джумадурды, принеси побольше!

Бабахан бессвязно бормотал:

— Тащи, сын вагонщика знает, что делает... Делай так — и все твои просьбы исполнятся. А этот сын дурака, блеет без молока...

Полупьяный Ходжамурад уставился на него мутными глазами:

— Кто этот негодяй? Кто блеет без молока, говори!

— Продай, — говорю ему, — своего жеребца Ходжамураду-волостному за сто рублей. Он тебе в другом деле поможет. А он несет всякий вздор. Говорит — за пятьсот не отдам!

— Да ты о ком?

— Да об Артыке, вот ей-богу!.. Об Артыке Бабалы.

Ходжамурад засмеялся:

— Теперь его гневой бесится у кола подле моей кибитки...

Артык, и без того думавший: «Это не водку, это кровь дейханина пьют!» — чуть не задохнулся от ярости. Он откинулся назад и долго лежал без движения. «Что делать? Броситься в середину, перебить посуду, схватить за горло?.. Кого?.. Старшину Бабахана? Ходжамурада?.. Но к чему это приведет? Не сегодня, так завтра попадешь к ним в лапы».

Понемногу к Артыку вернулось спокойствие.

Между тем шум в комнате нарастал. Прислушавшись, Артык понял, что произошла ссора между Куллыханом и толмачом. Обидевшись на какое-то слово, хромой писарь кричал:

— Повтори, что ты сказал, собака!

Откинув край килима, Артык снова прильнул глазом к щели. Куллыхан выхватил из кобуры револьвер. Толмач подался к нему:

— Ну, не выстрелишь — бабой будешь!

Куллыхан спустил курок, но волостной Хуммет успел толкнуть его под локоть. Грохнул выстрел. Голубой дым потянулся кверху, вслед пуле, ударившей в потолок. На звук выстрела прибежала Айсолтан:

— Ой, что случилось?

— Куллыхан подстрелил ворону!

Все засмеялись. Этот выстрел, крики толмача, ругань писаря никого особенно не беспокоили. Только Баллы, подняв голову, повел вокруг мутными испуганными глазами. Бабахан, держа пиалу, наполненную водкой, встал пошатываясь.

— Айсолтан, выпей за мое здоровье, — обратился он к женщине и уронил пиалу.

Его стало рвать, и женщина кинулась подставлять таз. Усы Бабахана обвисли, слиплись. Мерзкий запах ударил в лицо Артыку.

Толмач, распушив усы, пристально посмотрел на сына торговца и как ни в чем не бывало сказал:

— Атаджа, вели принести карты!

Посуду убрали. На ковер упала колода нераспечатанных карт. Пьяные фигуры задвигались, рассаживаясь в круг, руки полезли в карманы, вытаскивая и роняя деньги.

Хуммет начал метать банк. Баллы, никогда не видавший картежной игры, смотрел на все непонимающими глазами. Толмач, взяв свою карту, взглянул на него и сказал:

— Бери карту, чего глаза вылупил!

— Куда ему! — усмехнулся Хуммет. — У него еще молоко на губах не обсохло.

Баллы обидели эти слова, его рябое лицо скривилось в жалкой улыбке.

Когда Хуммет раздал карты, Бабахан бросил поверх банка свой толстый бумажник:

— Давай!

Хуммет протянул ему вторую карту.

— Давай еще! Еще одну!

— Сгоришь!

— Дай, сказал — дай! Сгорю я, а не ты!

Волостной протянул ему верхнюю карту колоды:

— Сгорел, сын дурака?

Не сказав ни слова, Бабахан вынул из бумажника четыре десятирублевых бумажки и бросил в банк.

Толмач то и дело смотрел на свою карту, не решаясь назначить ставку. Наконец, он сказал:

— Давай на пять рублей. Волостной пристыдил его:

— Сукин сын, весь уезд у тебя в руках, чего ты боишься? Бей по банку!

Бабахан, не выпуская из рта чилима, пыхнул дымом и засмеялся:

— Ташлы-толмач храбр, когда кладет в карман. А когда есть опасность потерять, он — в кусты.

Куллыхан, выплюнув табак, вытер губы рукавом и ударил на двадцать пять рублей. Он выиграл, но Хуммет удвоил банк. Тогда Бабахан, засучив рукава, подвинулся вперед:

— Давай на все! В счет всего аула Гоша!

Старшина получил на десятку туза и потянул к себе деньги.

Игра продолжалась долго. Куллыхан проиграл все, что у него было, занял у толмача и опять проиграл. Тогда он снял и положил перед собой свой красный халат:

— Дай карту!

Ташлы-толмач с насмешкой сказал:

— Ну, если теперь проиграет, то и мать родную заложит!

Проигрался и Ходжамурад. Не зная, у кого еще занять, он озираясь по сторонам. У «сына вагонщика» он уже брал дважды. Тогда Бабахан приказал Баллы:

— Баллы-хан, вынимай сто рублей!

Видимо, для Баллы сто рублей были равны половине отцовского состояния — так много денег ему не часто приходилось держать в руках. Сегодня по поручению отца он получил в городе деньги за полвагона ячменя. Отдать сто рублей он боялся, но и не дать было неудобно, и он сидел, вытаращив глаза, не зная, что делать. Старшина напустился на него:

— Когда вам что-нибудь надо — тебе или своему отцу, — так идете к нему. Давай, тебе говорят!

Баллы дрожащими руками отсчитал сто рублей и отдал. Но для волостного эти деньги ничего не значили — он все сразу поставил на банк. Старшина принялся хвалить сына бая.

— У Халназара Баллы — лучший из сыновей. Я сам скоро женю его.

— Что же он — только что похоронил одну жену и уже думает о другой?

— Сыну бая можно иметь и две, и три жены.

Баллы, видимо, успел уже пооткровенничать с сыном торговца. Атаджа обратился к старшине:

— Арчин-хан, у тебя в ауле есть подходящая невеста — дочь Мерета. Сватай ее, если в самом деле хочешь женить Баллы.

— Да Мерет... Не удастся, наверно, — сказал Бабахан.

Волостной Ходжамурад, рассматривая свои карты, заметил:

— Ничего не удастся только беспомощному... Дайка карту!.. Пусть попробует у меня кто-нибудь поартачиться!

Старшину задели слова Ходжамурада, но ему не хотелось ссориться с волостным, и он мягко возразил:

— Мерет хотя и не бай, но человек состоятельный. А Баллы вдовец, да вдобавок у него ребенок.

Хромой писарь поддакнул волостному:

— Арчин-хан, если бы ты не был беспомощным, го сумел бы заставить Баллы забыть о том, что он вдовец.

Бабахан вспылал:

— Беспомощными называют таких слюнтяев, как ты! Во всяком случае у тебя советов я спрашивать не буду.

Но писарю было не до Бабахана. Крикнув: «Двадцать одно!» — он торопливо сбросил свои карты в общую кучу и потянул к себе деньги из банка. Ташлы-толмач обрушился на него:

— Ты, сын свиньи, бросил, не показав! У тебя, наверное, перебор! — и схватил его за руку.

Игроки повскакивали с мест, с отчаянной руганью бросились друг на друга. Началась свалка... Артык смотрел на все это и сам себе удивлялся. Только что он готов был броситься с кулаками на волостного и старшину, когда узнал, как его обману-ли. Теперь же, почувствовав, что посягают на самое дорогое для него, он остался совершенно спокоен и даже холоден. Ни одна шальная, горячая мысль не шевельнулась в его голове. Только бешено забилося сердце и кулаки сжались, как два тяжелых камня. «Посмотрим, как это вам удастся!» — с ненавистью подумал он и неожиданно спросил самого себя: «А зачем я нахожусь в этом гадком месте?»

Не заботясь о том, заметят его или нет, Артык встал и быстро вышел из чайханы.

Звездная ночь показалась ему прохладной и светлой.

Глава пятнадцатая

У Халназара было четыре сына и дочь. Старший сын, Аннаберды, угрюмый, нелюдимый человек, держался обособленно ото всех, и трудно было понять — умен он или глуп. Обратятся к нему с какой-нибудь просьбой — отвернется, ничего не ответит и поступит, как ему вздумается. Когда ему привезли в кибитку невесту, никто не заметил, чтобы он обрадовался, — он даже ни разу не улыбнулся. И невеста тогда заплакала: «Горе мне! Стала я женой глухонемого!» Но потом привыкла. Аннаберды показался ей даже лучше многих других мужей: он был безответен, от него она никогда не слышала ругани, и скоро она стала полной хозяйкой в доме, управляла и распоряжалась всем. Это она, стараясь заполучить себе помощницу, женила своего двенадцатилетнего сына на зрелой девушке.

Люди говорили, что у Халназара самый видный из сыновей — второй, Баллы. Но в последнее время как раз положение этого сына и заботило бая больше всего.

Сам Халназар, может быть, и не очень спешил бы с женитьбой сына, но Садап-бай каждый день напоминала ему об этом. Она с тяжелым сердцем смотрела на опустевшую кибитку Баллы, на его четырехлетнюю дочку, оставшуюся сиротой. Старшая невестка была занята своей семьей, жена третьего сына, Бекмамед, еще не знала радости материнства и не умела найти дорогу к сердцу ребенка. А как успеть Садап-бай одной повсюду? Поэтому днем и ночью она думала об одном: как бы поскорее женить Баллы.

Женить сына на вдове Садап-бай не хотела. Недаром говорят, что при таком браке в кибитке живут четверо: муж не забудет первой жены, жена будет помнить первого мужа. Конечно, думала Садап-бай, лучше всего сватать девушку. Но кого? Взять из бедной семьи какую-нибудь сироту, которая ничего не видела, кроме шалаша или жалкой кибитки, не умеет ни сесть, ни встать, ни принять гостей, — такая невестка не доставит большой радости, разведет грязь, опозорит Садап-бай. Ой, нет, такой лучше не надо! Послушаться советов людей и ехать сватать невесту из богатой семьи в незнакомый аул? Но как заранее знать, что выбор будет удачен? Невестка может оказаться лысой или глухой, глупой или сварливой. Только теперь старшая жена Халназар-бая начинала понимать, какой утратой для нее была смерть первой жены Баллы.

Садап-бай расспрашивала родных, знакомых, проезжих, прохожих, жителей дальних аулов. Каждый из ее собеседников указывал какую-нибудь девушку или вдову, каждый расхваливал достоинства той, которую называл. Но трудно было расположить сердце Садап. Заговаривали о сироте — она не хотела слушать, называли вдову — она брезгливо отворачивалась. Достаточно было упомянуть о каком-нибудь маленьком недостатке девушки, как она отмахивалась обеими руками: «Ой, нет, не надо, упаси бог!»

Нашлись люди, которые посоветовали сватать за Баллы дочь Мерета Макула. Этот совет пришелся по душе Садап-бай. Айна нравилась ей и раньше, а когда сам Баллы дал понять, что только об этой девушке он и думает, она стала нравиться ей еще больше. Халназар одобрял этот выбор. Но отдадут ли Айну за вдовца? Садап-бай долго размышляла и чисто женским чутьем нашла правильный путь: «Мама не родная мать Айне. Что ей до того, что Айна выйдет за вдовца, что ей придется нянчить чужого ребенка? Породниться с семьей бая ей будет лестно и выгодно. Правда, Мама пустая, взбалмошная женщина. Но это даже и лучше. Если Мерет будет упорствовать, Мама не даст ему покоя». И Садап решила действовать через мачеху. Она сама побывала в кибитке Мерета и в разговоре с Мамой старалась польстить ее самолюбию. Начало было положено, а разговор о главном можно было поручить кому-либо из женщин, более опытных в этих делах. Надо было только выбрать день, когда Мерета не будет дома.

Третий сын Халназара Бекмамед, большую часть времени находился в степи, присматривал за стадом баранов и совершенно не вмешивался в другие дела. Его молодая жена, только недавно вернувшаяся к мужу из послесвадебного пребывания в родительском доме, еще не свыклась с новым положением, ходила в халназаровском ряду кибиток как чужая, ничего не делая и ничем не интересуясь.

Самый младший, семнадцатилетний сын, с прошлого года учился в медресе. Раньше звали его просто Ораз, а со времени поступления в медресе стали звать молла Ораз. Был он с детства слаб здоровьем, тщедушен на вид, и Халназар, решив, что из него не будет хозяина, уже с двенадцатилетнего возраста начал обучать его грамоте, наняв для этого муллу из племен!! эрсари.

Жил Ораз в келье при медресе вдвоем с товарищем. У каждого была своя постель, своя полка для личных вещей и один общий очаг, общая пища, один кувшинчик для омовения, бухарский самовар и немного посуды. Все делали они сообща; если один брался за самовар и наливал воду, другой шел за углем. В темной келье оба вслух зубрили тексты корана, будто плакали. Не пропускали ни одной из пяти ежедневных молитв. После утренней молитвы шли в мечеть к учителю — ахуну, чтобы ответить ему приготовленные уроки. Но вечерами они не отказывали себе в развлечениях. В медресе у ахуна училось немало разных людей, среди них были совсем взрослые и даже муллы, достаточно пожившие в свое удовольствие. Они

собирались с молодыми ребятами, вели беседы на приятные темы, ели плов, затевали разные игры.

Когда молла Ораз приезжал домой, Садап-бай смотрела на него с удивлением. Лицо его было бледно, как у покойника, безбородые, еще юные щеки казались вялыми, в гонких губах не было ни кровинки, глаза смотрели тускло. По тому, как он, потупив глаза, играл шнурками халата, можно было подумать, что он чего-то стыдится. Его подавленный вид, привычка держать голову опущенной, сторониться людей, входить и выходить боком — все это наводило Садап-бай на разные мысли. Поэтому она не раз спрашивала Халназара:

— Аю, отец, тебе говорю. Довольно и того учения, которое прошел Ораз-джан. Он уже черное-белое различает, может записать прибыль-убыток. Давай возьмем его из медресе. Уж очень он там страдает.

Но Халназару поведение Ораза очень нравилось. Он видел, что сын его кроток, скромен, стыдлив, во всем следует шариату, и думал: «Может быть, и Ораз со временем станет ахуном в медресе, будет пользоваться почетом и уважением». Он жаждал стяжать себе славу не только богатством, но и положением сына. У него было намерение послать Ораза года через два в Бухару, к источнику высшей мусульманской учености. Поэтому он возражал жене:

— Пусть учится, будет человеком.

— Аю, отец, он не похож ни на кого из нашей семьи. Он становится каким-то ходжой.

— Если твой сын станет потомком пророка — что может быть лучше?

— Я не хочу, чтобы он стал ходжой-попрошайкой.

— А, брось! Ученый человек никогда попрошайкой не будет. Наоборот, все само придет к нему.

Однако в этом году Халназар не послал Ораза в медресе, считая, что он будет нужен для ведения счетных дел при сборе урожая. Теперь он засадил его за счета.

То, что Ораз читал коран по всем правилам, был кроток и тих, нравилось и Мамедвели-ходже. В доме бая он всегда хвалил тихого и застенчивого Ораза. Но вспоминая свою беспутную молодость в медресе марыйского ишана Субхан-Назара, он думал: «Плохо, очень плохо, что Халназар держит Ораза в медресе. Сыну бая ведь не придется жить от подаяний прихожан мечети. А в медресе могут совсем испортить юношу». Однако этих опасений он не высказывал никому.

Дочь Халназара, Ак-Набат, была еще совсем девочкой с густыми пушистыми волосами и не принимала никакого участия в семейных делах.

Халназару доставляло радость видеть свой дом богатым, а семью многочисленной. Он охотно устраивал свадьбы и надеялся, что и впредь будет устраивать.

Солнце уже поднялось высоко и сильно припекало. Задние крылья кибиток были подняты. Собаки прятались в тень, переходя с одного места на другое.

Из кибитки Мерета доносились удары ткацкого гребня. У основы ковра средней величины сидела Айна. Мама, лежа на спине, громко храпела.

Склонив голову над рамой, Айна ткала. Толстые черные косы девушки, свешиваясь через плечи, касались бархатистой поверхности недавно начатого ковра; ее живые черные глаза бегали по нитям основы. В одной руке у нее был ножичек, в другой — нитки цветной шерсти. Быстро перебирая проворными пальцами нити основы, надавливая одну и поднимая другую, она продевала уток, навязывала узелки и ножичком подрезала нитки. Узелки шли стройным рядом, белая шерсть ложилась к белой, черная к черной, желтая к желтой, красная к красной — рисунок ковра словно растягивался. Пройдя ряд, Айна брала железный гребень на деревянной ручке, просовывала его зубья в основу и частыми сильными ударами плотно прибавала узелки законченного ряда к многоцветному полю ковра. Гребень при ударах глухо стучал, серебряные украшения, свисавшие с шапочки Айны, громко звенели, но все это не мешало спать Маме. Издаваемый ею мерный храп, вливаясь в удары гребня, и серебряный звон украшений Айны, создавал своеобразную музыку.

Сделав два ряда, Айна взяла большие ножницы и стала выравнивать ворс. Взгляд ее

упал на сверкающий узор ковра, расстилавшийся под ногами. Это сразу переселило ее в мир мечтаний. Ковер Айны будет известен в ауле, — в его узоры и краски она вкладывала все, чем было полно ее сердце. Все будут любоваться им — изделием ее рук, девушки будут переснимать с него узоры. Когда-нибудь ковер этот будет лежать в глубине белой кибитки. Но кто будет хозяином этой кибитки, кто сядет на этот ковер?.. Артык, кто же другой! Он будет приезжать на быстром коне. Айна перенесет свои узоры на попону, на ковровые переметные сумы. Она разукрасит его коня. Артык, пройдя в глубину кибитки, ляжет на вытканый Айной ковер, облокотится на подушку. Айна подсядет к нему, нальет ему чаю, наколет леденцов и сахару, будет говорить ему нежные слова, смешить его и поддразнивать.

Пальцы Айны привычно бегали по нитям основы, а мысли унеслись в сладостные мечты. Внезапно они были прерваны чьим-то приветствием, вслед за которым порог кибитки переступила женщина. Ответив на приветствие, Айна тяжело вздохнула, словно ее и в самом деле разлучили с Артыком.

— Заходите, пожалуйста, — сказала она, оглядываясь на гостью.

Это была высокая худощавая женщина с седеющими волосами. Одета она была небогато: синее полушелковое платье, на голове сильно поношенная накидка, на ногах стоптанные башмаки. Звали ее Умсагюль. Вспомнив, чем она занимается, Айна с беспокойством взглянула на нее. В сердце закралась тревога.

Умсагюль, как хорошо знакомая, близко подошла к Айне:

— Давно не видели мы тебя. Ну-ка, моя голубка, давай поздороваемся! — сказала она и обеими ладонями слегка шлепнула девушку по плечам. Потом села рядом с Айной и стала рассматривать ковер.

Оба края ковра шли ровно, как по натянутой струне, поверхность была как бархат. По тонкой основе лежала блестящая, со вкусом подобранная цветная шерсть.

— Мастерница!.. Тьфу, тьфу, да упасет тебя бог от дурного глаза и языка, голубушка! — проговорила Умсагюль, и в лицо Айны ударило зловонное дыхание.

Айна почувствовала в Умсагюль что-то отталкивающее. Не поднимая головы, не обращая на нее внимания, она продолжала нанизывать узелки.

Понаблюдав за работой, Умсагюль стала осматривать внутренность кибитки. Все в целости, все в порядке: ковры, кошмы в хорошем виде. У раскрытого остова кибитки спит Мама. Ее засаленная шапка свалилась с головы и лежит рядом, точно гнездо черепахи.

Умсагюль пересчитала все мотки пряжи, прежде чем обратилась к Айне с вопросом:

— Айна-джан, что мать — давно легла?

Не отвечая, Айна подошла к мачехе, надела ей на голову шапку и стала расталкивать:

— Мама, ну, Мама, вставай же!

Мама спросонья пробормотала:

— Ммм... Да, да... — ладно, — и опять уснула. — Мама, да встань же! Гостя пришла!

Мама почесала грудь:

— А-а... гостя... гос.. — и открыла было глаза, но тут же опять закрыла.

Айна, стыдясь Умсагюль и сердясь на мачеху, стала изо всех сил тормозить тучное тело. Мама зашевелила толстыми губами.

Умсагюль во все глаза смотрела на Маму. Она по-своему оценивала эту женщину и думала: «О, если тебя удастся согнуть, так потом ничем не выпрямишь». В том, что ей удастся уговорить Маму, Умсагюль несколько не сомневалась.

— Мама, да проснись же! — с отчаянием сказала Айна, поднимая мачеху за плечи.

Мама, жмурясь от света, вытянула руки, открыла рот и зевнула. Если б Айна не поддержала ее, она опять повалилась бы на спину. Мясистыми пальцами она протерла глаза, подняла опухшие веки и часто заморгала. Умсагюль, словно приехавшая издалека, подошла к ней, подобострастно проговорила «салам-алейкум» и шлепнула ее ладонями по плечам. Мама, не узнавая ее, равнодушно пробормотала ответное приветствие и, закрыв рот рукой, опять зевнула. Потом пристально посмотрела на гостью красными глазами:

— Ах, Умсагюль, это ты!

— Я, зашла вот...

— Хорошо сделала.

— Зашла, а ты спишь, оказывается, нарушила твой сладкий сон?

— Нет, Умсагюль, я не спала. С утра что-то голова разболелась, ну я и прилегла. Немного вздремнула как будто...

Айна, слушая мачеху, улыбнулась, а Умсагюль подумала: «Ну, если ты так дремлешь, то как же ты спишь — упаси боже!»

Мама широко раскрыла рот и зевнула еще раз. Умсагюль, посмотрев своими хитрыми, еще не потерявшими блеска глазами на Маму и на Айну, спросила обо всем сразу:

— Благополучны ли вы, здоровы ли дети, скот?

— Слава богу, — ответила Мама и спросила: — Что же это тебя, девонька, нигде не видно?

— Э, Мама, столько дел и забот. Мы со своей бедностью не вылезаем из хлопот.

Мама слышала о веселом нраве Умсагюль, знала, что та считает себя еще молодой женщиной, и потому назвала ее «девонькой», как свою сверстницу. Но, увидев ее седые волосы, морщины на лице и мозоли на руках, решила обращаться к ней как к пожилой женщине.

— Умсаполь-эдже, ты что-то старишься, — сказала она.

— Ай, что она говорит! — всплеснула руками Умсагюль. — Пусть стареющие стареют, а я считаю себя ровесницей Айны.

Сердито скосив глаза на нее, Айна подумала: «Бабушке моей ты ровесница».

Мама вспомнила, что Умсагюль со всеми держится по-разному: с девушками — девушкой, с молодыми женщинами — молодухой, с мужчинами — по-мужски, и всегда шутлива и весела.

Между тем Умсагюль, хоть и заметила сердитый взгляд Айны и вполне поняла его, с невозмутимым спокойствием продолжала:

— Айна-джан, ты не удивляйся моим словам. Я кому собеседница, тому и ровесница... Вчера вот я целый день проболтала с Халназар-баем...

Айна еще раз взглянула на Умсагюль. Были в ее взгляде и вопрос, и тревога, и ненависть. Но Умсагюль не придавала этому взгляду никакого значения. Ей самой такой неожиданный переход показался слишком неуклюжим. Мама тоже сочла его странным. Она пристально посмотрела на Умсагюль, стараясь по глазам узнать ее намерения. Но в хитрых глазах Умсагюль она ничего не смогла прочесть и призадумалась.

Недавно она сама почти целый день проболтала с женой Халназара. После этого по аулу пошли разговоры, что Халназары думают сватать Айну. Меред, не собирая родственников, не спрашивая ни у кого совета, сразу же ответил на это: «Пропавшее пусть ищут в другом месте». Его слова не могли не дойти до Халназара, — недаром он вызывал к себе Умсагюль. В сватовстве эта женщина не имела себе равных. И тот же Меред, когда остался вдовцом, прибегал к ее помощи. Сопоставив все это, Мама поняла, наконец, что к ней пришла сваха.

Умсагюль решила переменить разговор. Пригладив руками седые волосы, она заговорила с Мамой:

— Оказывается, Айна совсем взрослая девушка.

— Да она только выглядит так, а лет ей немного, — отозвалась Мама.

— Глядела я ее ковер, — продолжала Умсагюль. — Уж такая мастерица — упаси ее бог от дурного глаза! — В ее руках распускаются розы.

Мама не любила, когда при ней хвалили кого-нибудь. Но, подумав, что в ауле заговорят, какой искусницей вырастила она Айну, сказала с гордостью:

— Моя дочка!

— Я и говорю, — тотчас же подхватила Умсагюль, — сразу видно, из какой семьи девушка.

— Умсагюль-эдже, ты не поверишь, — вздохнула Мама, — только о ней и думаю.

Из-за нее даже сон на глаза нейдет.

Айна горько улынулась. Едва дождавшись вечерней молитвы, Мама валилась на постель, и ничто не мешало ей спать до утра. Айна ночью вставала доить верблюдицу, просыпаясь с рассветом, шла за водой и готовила чай. Встав, Мама выпивала два чайника чаю и, дождавшись, когда Меред выедет в поле, снова ложилась спать. Айна прибирала кибитку, стирала, возилась у очага, делала всю черную работу, а когда кончались домашние дела, бралась за ковер. Мама же, выспавшись, шла к южному ряду кибиток и в разговорах проводила весь день.

— Я это говорю не потому, — снова услышала Айна вкрадчивый голосок Умсагюль, — что хочу хвалить себя в глаза. Но я всем скажу: не всякая сумеет делать то, что делаешь ты.

Мама поправила взлохмаченные волосы и, выпятив грудь, самодовольно ответила:

— Умеет умеющий.

— А еще есть люди, которые, не зная тебя, называют мачехой.

Слово «мачеха» заставило вздохнуть и Айну и Маму.

Мама сказала:

— Ах, это огнем жжет мое сердце, но что ж поделаешь?

Умсагюль только затем и кольнула Маму обидным словом, чтобы польстить ей.

— Ну, видали мы и девушек с матерями, — сказала она, перебегая глазами с мачехи на падчерицу. — Не в пример твоей Айне, многие из них ничего не умеют делать. А есть такие неряхи — гнид со своих волос не могут свести.

— Ах, тетушка Умсагюль, тебе понятны мои заботы!

— Душенька-сестрица, не хваля, тебе говорю: ты выполнила материнскую обязанность... Дай бог, чтобы Айна попала в хорошее место!

— Да, Умсагюль, об этом только и думаешь. Пока не свалишь с шеи эту заботу, ни сна тебе, ни покоя.

Умсагюль многозначительно помолчала, словно не решаясь говорить о главном. Мама хоть и не отличалась особой догадливостью, все же поняла, чего ждет от нее Умсагюль, и, сделав вид, что задыхается от жары, сказала:

— Тетушка Умсагюль, здесь так жарко. Может быть, выйдем под навес?

— И верно, душновато. Если хочешь, давай выйдем...

Под навесом была густая тень. Мама разостлала конскую попону, поверх нее положила кошму с цветными узорами и две подушки. Айна подала чай.

Тихий ветерок освежал потные тела. Расположившись за чаем, Умсагюль начала передавать разные сплетни. Потом она стала шутливо рассказывать о том, как она ходит сватать, как ее иногда принимают с почетом, а иногда с позором выпроваживают. И незаметно подошла к цели:

— Да, девонька Мама, без богатства нет счастья.

А богатство всегда стекает в одно место, как вода после дождя.

— Да, да, ты верно сказала, тетушка Умсагюль. Вот я смотрю на Меле-бая...

— Меле-бай, конечно, богат, — перебила Умсагюль, — но куда ему до Халназар-бая! Халназаровские богатства не измерить, не объять! Вспомнишь ли семью, подумаешь ли о скоте — прямо как посеяно.

— Говорят, он потому и богат, что очень скуп.

— Знаешь, Мама, люди завистливы, всегда находят недостатки у тех, кто сильнее. Недаром говорят: и бог даст баю и богач даст баю. Сколько загребает Халназар-бай только с земли да воды! А городские богачи тоже сыплют ему деньги.

— Ой, что ты говоришь, сестра! Неужели не могут держать в своих сундуках?

— Ты, душенька, понимай: он их так просто не оставляет лежать, у него деньги зарабатывают деньги. Ты что же, разве не знаешь его? Ведь он скупает все: и землю, и воду, и шерсть, и хлеб — все, все!.. А дети его тоже все умеют делать, как и твоя Айна.

— Если б я была такой богатой, как Халназары, и о моих детях говорили бы...

Умсагюль, подтянув платье на колени, села поудобнее и заговорила о главном:

— Душенька Мама, ты своих достоинств не умаляй. Твоя девушка, и особенно ты — на устах у народа. Даже у счастливых людей есть желание породниться с тобой.

У тщеславной Мамы глаза заблестели от гордости.

— Ах, если б я достигла богатства, все только обо мне и говорили бы! — воскликнула она, выдавая свою заветную думу.

Умсагюль достигла того, чего хотела. Улыбнувшись, она заговорила самым мягким, вкрадчивым голосом:

— Мама, понимаешь ли ты — счастье всех счастливых в своих руках... Халназар-бай, если сумеет крепче породниться с тобой, — он и так тебе родственник, — не постоит перед тем, чтобы поделиться своим богатством.

Маленькие глаза Мамы забежали, пухлые щеки зашевелились. Но вдруг она опустила голову и задумалась. Возможно, она вспомнила о вдовстве Баллы, о ребенке. Потной рукой она ткнула в бок Умсагюль:

— Да ведь у его сына шапка с головы съехала — он вдовец!

Умсагюль принялась стыдить Маму:

— Гляди-ка, она хочет спорить из-за пустяков! Что ж из того, что у него шапка съехала. Разве он дожил до седых волос? Ему еще нет и двадцати пяти, усы и борода только пробиваются. Баллы прекрасный юноша, как говорится, — ума палата, вместилище красоты. Несмотря на свою молодость, он, говорят, знаком с большими людьми; сам волостной, говорят, ничего не делает без его совета... Душенька ты моя, да разве останется несбыточной мечта у того, кто приблизится к богатству Халназар-бая?

— Это так, но все будут говорить: выдали, мол, девушку за человека, у которого шапка съехала.

— А что толку в каких-нибудь слюнявых, хоть бы у них шапка и подпирала небеса? Вот я так же рассуждала, отдала дочь за бедняка, да и обожглась. Ты сама знаешь, как живет моя дочка: хлеб для нее — джейран, а она — гончая. Уж на что я плохо живу, а должна помогать им. Даже одежду ребятишкам справляю. Боже тебя сохрани от такой беды! Если б моя дочь пошла к такому богачу, как Халназар-бай, я жила бы в свое удовольствие.

— Верны твои слова.

— Знаешь, Мама, я забочусь не о том, чтобы найти Халназару невестку. Он найдет ее в любом месте, может выбирать сыну невесту из лучших семей. Я хочу сделать тебе добро, потому что люблю тебя. С тем и пришла сюда. Ведь ты подумай только: если Айна попадет в семью Халназара, она потонет в шелках, не сможет подняться под тяжестью золотых и серебряных украшений, пищей ей будет масло и мед. Она станет хозяйкой новой кибитки в шесть крыльев, будет любимой невесткой богача, все ее желания будут исполняться!

Слова Умсагюль окончательно поколебали Маму. Она сказала, глубоко вздохнув:

— Да уж о таком счастье мне и думать не приходится!

— Счастье само идет к тебе, — продолжала между тем Умсагюль, — ты только закрой глаза и открой рот. Бери от богатства Халназара сколько надо. Рука твоя достанет все, чего тебе захочется. И все, что надо, тебе принесут, а почету тебе прибавится и слава твоя возрастет. Ну что мне даром тратить слова! До самой смерти ты и к краю нужды не подойдешь, плохого и тени не увидишь, будешь лежать и спать вволю!

При этих словах Мама открыла рот и сладко зевнула. Затем она равнодушно произнесла:

— А ведь у него ребенок!

Умсагюль поняла, что Мама почти согласна с ней, и заговорила она решительней:

— Хм! Что она говорит! Да разве ребенок хоть настолечко повредит? Спит он у бабушки... погоди, а когда ты пришла сюда, что ж, у Мерета не было ребенка? Айна кем же была? А это тебе повредило? Наоборот, за то, что ты ее вырастила хорошей девушкой, тебе уважение и почет. Теперь всякий рад с тобой знаться, всякая мать захочет быть на тебя похожей. Будет на то воля божья, и Айна будет такой. Хорошая дочь следует примеру добродетельной матери.

Теперь Мама не только была покорена Умсагюль, но и хотела, чтобы та посоветовала ей, как уговорить упрямого Мереди.

— Тетушка Умсагюль, — немного помолчав, заговорила она, — я тебе верю: ты желаешь добра и мне и Айне. Вот только отец очень упрям, трудно будет добиться согласия...

— Знаешь, Мама, — уже назидательным тоном сказала Умсагюль, — судьбу девушки решает мать. Ты сама сумеешь поговорить с мужем. Ведь я знаю, бедняга Мереди и словом тебе не перечит.

— Когда доходит до серьезного, решает мое слово! — заявила Мама, сразу забыв о своих опасениях.

— Да разве может быть в этом сомнение?

— Не может быть.

— Вот и хорошо.

Глава шестнадцатая

Близилась полночь. Луна еще не взошла. Крупные звезды сияли мягким переливчатым светом, как серебряные украшения на груди женщины. Было тихо и немного душно. Аул спал. Только песня ночного путника доносилась издалека, да изредка откликались на нее лаем собаки.

Айна лежала с раскрытыми глазами и смотрела в небо. Рядом с ней, свернувшись как ягненок, тихо посапывала маленькая сестренка. За ней, запрокинув голову и раскрыв рот, спала мачеха. Мереди не было дома.

Вдруг Айна приподнялась, поправила под шапочкой волосы и прислушалась: чуткое ухо уловило шаги. Со стороны Полярной звезды приблизилась тень и остановилась у кибитки. Айна осторожно, стараясь не звякнуть подвесками, встала и осмотрелась вокруг. Было все так же тихо. В чистом небе спокойно мерцали звезды. Великая небесная дорога поблескивала сверкающей пылью. Айна, тихо ступая, пошла за кибитку. Пройдя несколько шагов, остановилась, прислушалась, как дикий фазан на току. Сделала еще шаг вперед и очутилась в объятиях Артыка.

К нежным губам девушки приникли пылающие уста. По телу Айны пробежала трепетная дрожь. Она отшатнулась, прерывисто задышала. Обнимавшие ее руки Артыка тоже дрожали...

Уже много дней Артык не виделся с Айной. Сегодня, идя мимо кибитки, когда мачеха спала, он сумел перекинуться с девушкой несколькими словами. Айна согласилась встретиться ночью. День показался Артыку бесконечным. Даже после предзакатной молитвы солнце, как сито, повешенное в углу, еще долго стояло над горизонтом. Село солнце — не наступали сумерки, стемнело — долго не засыпали люди... Это было их первое свидание, первое объятие, первый поцелуй.

Молча они смотрели друг на друга. В их расширенных зрачках отражались звезды. Не зная, какими словами высказать свои чувства, они снова соединили горячие уста.

О такой близости Айна не думала. Решительность Артыка была такой неожиданной, — она вся дрожала и не могла прийти в себя. Все же она не жалела о случившемся, наоборот, где-то в глубине сердца поднималась и росла волна захватывающей радости.

Опомнившись, они стали прислушиваться. Ночную тишину нарушал только мерный храп мачехи. Тогда Артык, играя точеными пальцами девушки, с волнением произнес: «Айна...» Голос его был почти беззвучен, но Айне он показался слишком громким, и она замерла, охваченная волнением и страхом. Сколько раз слышала она свое имя в устах разных людей и ничего особенного не испытывала, а теперь этот тихий голос отнял у нее всю волю. Она не нашла в себе силы ответить и только посмотрела Артыку в лицо. При свете звезд она увидела перед собой радостные глаза, раздвинутые улыбкой губы, усы, темневшие над верхней губой, — таким он запечатлелся в ее памяти в эту ночь.

В сердце Артыка не осталось больше печали. Он видел, что пришло время расцвести дереву его жизни, и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

— Айна моя... — заговорил он, — неужели ты в самом деле со мной? Мне кажется, все это — сон.

И Айне казалось, что все это она видит во сне.

Мысли Артыка путались, он не в состоянии был собрать их. Однако радость встречи с любимой не могла заглушить в нем тревоги, охватившей его в эти дни. Хотелось высказать все, что наболело.

— Айна, — начал он, — мы любим друг друга, но... — И, не договорив, поник головой.

— Артык, у тебя что-то случилось? — с тревогой спросила Айна.

Голос ее был так проникновенно нежен, что Артык отказался от своего намерения. Он взял ее руку и слегка пожал.

— Что же может случиться, когда ты со мной?

Айна хотела спросить: «Так почему же тебе взгрустнулось?» — но вспомнила про свою печаль и прижалась щекой к плечу Артыка.

— Если б ты знал мое горе!

Артык погладил ее лоб, которого еще не касалась ничья рука, и, желая успокоить ее, сказал:

— Айна моя, без печали не бывает радости... — И он опять не договорил.

— Ах, ты о чем-то все думаешь, а сказать не хочешь!

— Ты знаешь, Айна...

— Нет.

— Сейчас полночь.

— И что же?

— Знает ли кто-нибудь о нашей встрече?

— Нет, никто.

— А если узнают?

Эти слова обеспокоили Айну, но она ничего не ответила. Артык продолжал:

— Что скажет Мама, если узнает? Ответа не последовало.

— Что сделает отец, если заподозрит? Айна только тяжело вздохнула.

— Мы совершаем сейчас воровство, — сказал Артык.

Айна сознавала, какую опасность представляла для нее эта ночная встреча, но отступить было поздно, и она ответила поговоркой:

— Вор может украсть даже у шаха.

Артык облегченно вздохнул: смелая любовь Айны радовала его. Но он решил до конца испытать сердце девушки.

— Айна, — продолжал он, — мы с тобой не равны.

— Ах, оставь!..

— У твоего отца есть достаток, а я...

Айна поняла, что хотел сказать Артык, и задумалась. В самом деле, отец будет стараться выдать ее за человека с достатком, Мама... — Айна уже чувствовала, с чем приходила Умсагюль. Если придет Нурджахан, Мама прогонит ее.

Артык досказал, наконец, свою мысль:

— ...я беден, я не могу прямо прийти и посвататься. Имуший не пожелает сесть рядом с бедным.

— Артык! — с упреком сказала Айна и прижалась к нему.

Глядя ее руку, Артык зашептал страстно:

— Айна моя, я люблю тебя всей душой. Когда не вижу тебя, сердце разрывается на части. Твои сияющие глаза — свет моего сердца; твое радостное лицо — гордость моей души; мед твоих уст — источник жизни. Я — твой...

— Я — твоя! — не в силах больше сдерживаться, призналась Айна.

Артык взглянул ей в лицо и нерешительно предложил:

— Тогда, Айна, милая, у нас только один путь — бежать.

Но, сказав это, Артык тотчас же вспомнил, что у него нет гнедого, и опустил голову.

— Ах, милый, что же это опять с тобой? — спросила Айна.

— Разве может улететь птица, если у нее подрезаны крылья? — печально ответил Артык.

— Будешь здоров — будешь счастлив. У здорового вырастут крылья...

Но тут заурчал верблюжонок. Айна, боясь, как бы не проснулась мачеха, отвязала его и пустила к верблюдице. Он быстро сунул голову к вымени и, помахивая хвостиком, стал попеременно сосать из всех сосков.

Вдруг на дороге послышался топот копыт, и по всему ряду кибиток громко залаяли собаки. Быть может, это возвращается Меред.

Артык и Айна поспешили досказать друг другу самое важное. Они решили ждать, когда будет снят урожай, а пока почаще встречаться.

Оборвав поцелуй, Артык торопливо спросил:

— Айна моя, сдержишь ли обещание?

Айна ответила:

— Умру — земле достанусь, не умру — буду твоя! — И, бесшумно скользнув за кибитку, она осторожно легла на кошму рядом с сестренкой.

Подъезжавший к кибитке всадник, вероятно, заметил человека, который в этот момент, крадучись, уходил мимо верблюдов в сторону Полярной звезды.

На следующий день Меред выехал из дома, как всегда, с первыми лучами солнца, но вернулся рано. Сняв уздечку и привязав лошадь, он прошел под навес, намереваясь прилечь отдохнуть. Мама, развалив-лишь на толстой набитой шерстью подушке, занимала всю тень. Меред, потоптавшись около нее, несколько раз повторил:

— Эх-я-йй! Ну, вставай же! Вставай!

Мама продолжала спать, но ее десятилетняя дочь Сона тотчас раскрыла глаза. Меред спросил ее:

— Козочка, мама давно спит?

Сона сперва не поняла отца и потянулась. Когда

Меред повторил вопрос, она, протирая кулачками глазенки, ответила:

— Давно уж, давно!

Меред толкнул ногой толстую ляжку Мамы:

— Эх-я-йй! Вставай!

Мама хотела повернуться на другой бок, но Меред продолжал ее толкать. Наконец, Мама открыла глаза и увидала желтоватое лицо мужа, редкую русую бороду. Она с трудом поднялась:

— Я только что прилегла...

Сона всплеснула маленькими ручками:

— Вай, что она говорит! Когда мама заснула, я поиграла с Шекер, сходила на грядки, принесла дыньку и поспала еще!

Мама сонными глазами посмотрела на девочку:

— А ну, сгинь, чтоб земля тебя проглотила!

Но Сона продолжала, обращаясь к отцу:

— Если не веришь, спроси Айну. А вчера спала сначала в кибитке, а потом здесь — до самого вечера!

Мама совсем рассердилась:

— Сгинь, чтоб тебе отрезали голову!.. Когда это я сплю днем в кибитке? Вчера только что задремала — пришла Умсагюль... Да если и спала, тебе что за дело?

Меред сел на попону и снял папаху. Вырвавшиеся у жены слова о приходе Умсагюль заставили его призадуматься. Зачем приходила эта сваха? Видя его недоумение, Мама пояснила:

— Она приходила искать родства.

— Какого родства?
— Ну, насчет сватовства.
— Сватовства?
— Не для себя, конечно. Ее прислал Халназар-бай.
— Разве мы не дали ему отвела?
— Знаешь, отец, не надо большого ума, чтобы поворачивать назад каждого приходящего. Девушка подросла, придется же ее куда-нибудь пристраивать.

Меред чесал пальцем подбородок, хмурил брови и ничего не говорил, а Мама, не давая ему опомниться, продолжала выкладывать свои доводы:

— Ну и что хорошего в том, что мы сразу отказали Халназару? Сам Мамедвели-ходжа обругал нас за это.

Когда Мереду что-либо не нравилось, он молчал, и вытянуть из него слово было не легче, чем добыть молоко от кулана. Мама хорошо знала характер мужа и потому сразу высказала свое решение:

— Поговорив с Умсагюль-эдже, я передумала. Девушку лучше отдать за степенного человека в богатую семью, чем за какого-нибудь обездоленного.

Меред долго шевелил губами и, наконец, сказал:

— Неужели наше счастье не идет дальше неимущего или вдовца?

— Вдовец, вдовец... Ну, съехала у него шапка, так разве он старик? Что ж, ты сам не был вдовцом?

— Но у него ребенок.

— А у тебя его не было?

— Ну, я вижу, Умсагюль уже успела заморочить тебе голову.

— Она заботится не о том, чтобы найти Халназару невестку. Она ко мне хорошо относится и пришла сказать, что дом Халназара — подходящее место.

Меред понурил голову. Жена снова заговорила:

— Дочь твоя будет жить в довольстве, утопать в шелках, носить серебро. Пищей ей будет масло и мед...

— Выдать Айну за вдовца?.. Нет, — покачал головой Меред, — мы не из тех, кто ищет кусок хлеба.

Мама, отдаваясь мечтам о богатстве, видимо, совсем забыла, кто ее собеседник. Поставив на голове торчком свой борык, она заговорила вкрадчиво, подобно Умсагюль:

— Девонька ты моя... — И тут же оборвала себя: — Вах, отец!..

Этого было достаточно, чтобы Сона вскочила на ноги и захлопала в ладоши.

— Ай, мама назвала отца девушкой!.. — взвизгнув от восторга, проговорила она и побежала в кибитку, крича: — Айна, ай, Айна, мама назвала отца девушкой!

— Ах, чтоб тебя!.. — выругалась Мама. — Теперь разнесет по всему аулу.

Меред по-прежнему сидел молча, а Мама стала говорить запальчиво:

— Мне никто не помогал растить детей! Никто каплей воды не помог! Пусть говорят люди, что хотят! А я буду довольна, что дочь пристроена в хорошую семью.

Меред подумал: «Пожалуй, если б дело коснулось твоей дочери, ты бы так не говорила». Пошевелив губами, он хотел что-то сказать, но, встретив решительный взгляд жены, понял, что ее ничем не образумишь.

Мама, вставая, сказала свое последнее слово:

— Судьбой дочери распоряжается мать. Я знаю, что делаю!

Под стук гребня Айна вспоминала ночную встречу с Артыком и тихо напевала:

*В белой кибитке мой постелив ковер,
Я наляжусь ли вдоволь на тебя, Артык-джан?
Средь поцелуев, милый встречая взор,
Буду ль лоб твой нежить рукой, Артык-джан?*

Она не слышала, о чем разговаривала Мама с отцом, но догадывалась. Не без дела приходила эта Умсагюль, неспроста назвала она имя Халназар-бая. Не будь встречи с Артыком, вероятно Айна плакала бы. Теперь ее не особенно тревожили разговоры под навесом. Айна слышала об ответе отца Халназарам, она знала теперь намерения Артыка и верила в то, что ему удастся ее увезти, поэтому она продолжала напевать, сидя у своего ковра, когда вбежала Сона и взобралась ей на спину. Обняв сестру, Сона стала болтать ногами.

— Айна, ай, Айна, слышишь. Мать назвала отца девушкой! — повторила она и звонко засмеялась.

У Айны чуть не сорвалось с языка: «Наш отец, козочка, вроде девушки», — но ей не хотелось смущать чистый разум ребенка, и она сказала:

— Если мама назвала отца девушкой, то тебя может назвать мальчиком. Ведь она часто ошибается.

— О. еще как ошибается! — подхватила Сона. — Знаешь, отец спросил ее: «Давно заснула?» А она: «Только прилегла». А разве она не с утра спит?

Айна погладила девочку по головке:

— Твоя мама, душенька, пленница сна... А о чем они там говорили?

— Говорили — приходила сваха.

— Откуда?

— Халназар, говорили, бай...

— Ну?

— Говорили богатый.

— Ну, а потом?

— Потом... потом... Постой-ка. Говорили, у него шапка... ай, я не поняла!

Айна прижала девочку к себе и зашептала быстро:

— Ну, говори скорей! О чем они еще говорили?

— Ай, да я и не слушала.

— Ну, хоть что-нибудь слышала?

— Потом?

— Да.

— Потом мама назвала отца девушкой.

— Ты об этом уже сказала. А что говорил отец?

— Ничего не говорил, молчал.

— А мама?

— Мама... мама сказала — ходжа поругал.

— Кого? Меня?

— Да нет, отца.

— Ну, а дальше, дальше что было?

— Потом, да?

Сона пристально посмотрела в лицо сестры:

— А ты разве не слышала, как крикнула мама?

— Ну что, что же она крикнула?

— Она сказала: «Свадьба... Свадьбу дочери делает мать».

Айна вздрогнула и оттолкнула от себя Соню. Вскочив на ноги, она с ковровым ножом в руке обернулась к двери и, сверкнув черными глазами, громко сказала:

— Не дам себя продать!

Глава семнадцатая

Была середина июня. Солнце пылало над самой головой. Раскаленный воздух обжигал. Земля дышала жаром, как зола в костре.

Вода в русле Джангутарана, протекавшего возле уездного управления, чуть струилась

на дне. Водокачки хлопковых плантаций русских и армянских богачей громко стучали моторами, словно спорили и, казалось, бесконечно повторяли: «Мы не сыты! Мы не сыты!» Глядя на трубы, жадно сосавшие остатки воды вместе с илом, можно было понять, что они и в самом деле не сыты.

В этот день к начальнику уездного управления съехалось много народу. Это были старшины и волостные. Они сидели в прибрежных кустарниках и на скамейках у канцелярии. Некоторые из них думали: «В низовьях люди не находят воды для питья, скот бьется у колодцев, а хозяева плантаций все еще поливают свой хлопок». Но те, которые охраняли спокойствие ненасытных, не задумывались над этим.

Никто из прибывших не знал, зачем их срочно вызвали в уездное управление. Волостные хоть и слышали кое-что от толмачей, но делали вид, что им ничего неизвестно. Люди в шелковых халатах с кушаками, в высоких папах тонкого выщегося руна сидели по трое, по четверо и с серьезным видом гадали, чего на это раз потребует от них начальник уезда. Пот струился по их лицам, и они то и дело вытирали его — кто папашой, кто платком, а некоторые — просто полкой халата. Лучи солнца, пробираясь сквозь листву кустарника, играли на бритых головах, на жирных шеях, на покрасневшихся лицах.

Широкая открытая веранда канцелярии возвышалась над землей на пять-шесть ступенек. На ней, толпясь вокруг стола, оживленно разговаривали старший писарь, главный толмач и еще кто-то.

Грузный волостной Хуммет, мягко ступая, поднялся по ступенькам, отдал честь старшему писарю и, пошептавшись о чем-то с главным толмачем, вернулся назад. Волостной Ходжамурад и еще некоторые подошли к нему и заговорили шепотом. Видимо, то, что он сообщил, подтвердило их ожидания — его слушали, утвердительно качая головами. Старшина Бабахан хотел подойти к ним, но в это время из внутренних комнат торопливо вышел главный толмач и, вытянувшись по-военному на верхней ступеньке веранды, громко крикнул:

— Люди! Сейчас к нам выйдет господин полковник!

Сидевшие в кустарнике и на скамейках повскакали с мест, заматались, как стадо баранов, в которое ворвалась чужая собака. Кто был без шапки — надел ее, кто без кушака — подпоясался, все стали торопливо приводить себя в порядок. Бабахай покрепче затянул платок на животе. Он слышал, что в Мары баяр Палычев штрафует тех, кто приходит к нему без пояса, а тех, кто ездит вдвоем на коне, сажает под арест. Перед своим начальством Бабахан хотел быть подтянутым. Он разгладил халат под опояской, отведя складки назад, подкрутил усы, папаху поставил торчком и встал вперед в одном ряду с волостными.

Полковник был грозен. Позванивая шпорами и сильно топая, он быстро вышел на веранду. На приподнятых плечах топорщились золотые погоны. Из-под бритого подбородка, как накипь, вылезал второй подбородок. Холодно поблескивающие голубоватые глаза, закрученные в стрелки усы придавали его лицу суровое выражение.

Старший писарь, главный толмач и все прочие, находившиеся на веранде, щелкнув каблуками, отдали честь. Хуммет поднес руку к папаше:

— Господин полковник, салам!

К приветствию Хуммета присоединился гул голосов. Ответив на приветствие, полковник пригладил усы и обвел хмурым взглядом собравшихся. Потом повернулся, нагнул голову и несколько раз прошелся по веранде, позванивая шпорами. Старшины и волостные застыли в ожидании. Стояли неподвижно, словно окаменев.

Обдумав слова, которые он собрался сказать, полковник повернулся к толпе. Когда он увидел перед собой покорных людей, стоявших в почтительном ожидании, его мрачное лицо как будто немного посветлело. Он поднял правую руку и пошевелил указательным пальцем. Многие не поняли этого знака. Раздался голос Ташлы-переводчика:

— Ближе!

Толкая друг друга, все придвинулись к веранде. Полковник обратился к толпе:

— Господа волостные, господа старшины! Вы знаете, для чего я вас вызвал?

Ташлы-толмач перевел слова полковника. Ходжа-мурад, подавшись вперед, поднял руку:

— Господин полковник, мы готовы служить тебе!

Полковник продолжал:

— Волостные, старшины! Я счастлив сообщить вам всемилостивейшее повеление его величества государя императора от шестого июня...

Теперь Бабахан, выпятив грудь, подвинулся вперед:

— Мы рабы нашего светлейшего повелителя, считаем за счастье слушать приказ великого государя.

Звякнув шпорами, полковник перешел на другую сторону стола. Бабахан подумал: «О чем повеление — о сборе лошадей, верблюдов, кибиток или денег?.. Нет, что-то не то — из-за таких пустяков полковник не стал бы собирать нас, а просто прислал бы приказ. На этот раз, видимо, есть что-то посерьезнее». Эта мысль бродила в голове у каждого из старшин.

Полковник нетерпеливо пошевелил пальцами правой руки и, когда писарь подал ему бумагу, вскинул на нос пенсне и медленно, с особой торжественностью в голосе прочитал царский указ. Понимавшие русский язык Хуммет и Ходжамурад склонили головы. Затем Ташлы-толмач, глядя на свою бумажку, стал переводить. Все напряженно вытянули шеи, стараясь вникнуть в смысл не совсем понятных выражений. Толмач читал:

«Его величество государь император всемилостивейше соизволил повелеть: для работ по устройству оборонительных сооружений и дорог для военных нужд в местах, где происходит война, а равно для всяких иных необходимых для государства работ, в день 25-й июня 1916 года призвать инородческое мужское население в возрасте от 19 до 43 лет из окраинных областей империи, в том числе мусульман...»

Старшины склонили головы и ладонями отерли пот с лица. Никто из них не проронил ни звука. Никто не знал, что ответить. Полковник грозно повел глазами, что-то сказал. Главный толмач перевел, сердито повысив голос:

— Старшины, его высокоблагородие господин полковник спрашивает, почему не отвечаете? Почему молчите?

Один старшина, с шрамом над бровью, рослый и тучный, обратился к переводчику:

— Ташлы-ага, мы как следует не поняли повеления, которое ты прочитал. Что, если ты его повторишь?

Ташлы объяснил полковнику просьбу старшины. Тот приказал коротко разъяснить содержание царского указа.

— Старшины, короче говоря, речь идет вот о чем: его величество государь император повелел взять из аулов людей для помощи войскам; эти люди будут выполнять в тылу разные работы, то есть будут как бы рабочими.

Никто не издал ни звука.

Полковник с мрачным видом обошел вокруг стола, прошелся по веранде и, вернувшись на прежнее место, крикнул:

— Па-ачему молчите?

Старшины вздрогнули от грозного окрика, хотя никто не понял слов, сказанных по-русски. Хуммет шагнул вперед и поднял руку к папахе:

— Повеление государя императора для подданных его — великая честь. Мы принимаем его душою и сердцем.

Ходжамурад поддержал его:

— Великий государь поставил нас, мусульман, наравне с другими своими подданными. За это мы чрезвычайно благодарны.

Старшина с шрамом на лбу в меру своего понимания подал совет:

— Полькойнек-ага! Наш народ — простой, темный, кроме своего дела, ничего не умеет. Если белому царю нужны рабочие, пусть наймет персиян, — мы расходы оплатим. Не лучше ли будет, если мы для храброго войска белого царя дадим хлеб и скот?

Полковник что-то недовольно пробормотал, и, толмач тотчас перевел его слова:

— Господин полковник говорит, что никто не смеет давать советы государю императору, — он знает обо всем лучше всех.

Тогда выступил вперед Бабахан и заговорил с важным видом:

— Великий белый царь знает все. Наши бесстрашные добровольцы-джигиты громят австрийков и немцев, берут их в плен. Они прославляют имя туркмена на весь мир. Наши деды не давали Ирану зажечь огня. Доблестные сыны Туркмении почтут за счастье защищать и расширять владения белого царя. Я не согласен со словами старшины Хыдыра, который хочет ослабить туркмен как беспомощных и втоптать в грязь доброе имя воина.

- Бабахан-арчин правильно говорит! — раздался голос.

Во время перевода речи Бабахана полковник одобрительно кивал головой: «Так, так». Ходжамурад, видя, какое впечатление произвели на полковника слова Бабахана, угодливо проговорил:

— Мы просим господина полковника считать слова Бабахана-арчина мнением всех старшин и всего народа.

Бабахан, вовсе осмелев, обратился к полковнику:

— Господин полковник! Мы просим царя не делать несчастными храбрых сынов туркменского народа. Пусть их не ставят на черную работу, а дадут в руки оружие и пошлют на войну!

Полковнику хотелось похлопать по плечу Бабахана и сказать ему: «Молодец!», но собственное высокомерие не позволило ему сделать этого. Однако по улыбающимся под стеклами пенсне глазам было видно, что он очень доволен.

Старшина со шрамом на лбу, выдвинувшись несколько вперед, намеревался, очевидно, что-то сказать, но полковник, решив, что умного слова от него все равно не услышишь, вытянул руку, как бы защищаясь от него. Один старшина-заика, испугавшийся слова «война», заговорил прямо из толпы:

— Бе... бе... белый царь все знает. Ее... ее... если он говорит ра... ра... рабочие, зна... зна... значит, рабочие, и... и... и это неплохо!..

Бабахан, стараясь еще более отличиться, перебил его:

— Доблестного богатыря поставить на черную работу! Что же это такое? Это значит рубить топором собственные ноги. Нет, я с этим никогда не соглашусь! Прошу господина полковника довести до государя императора нашу просьбу: вместо лопаты дать в руки туркменам оружие!

Лицо полковника просияло. Решив, что успех мобилизации туркмен на тыловые работы вполне обеспечен, он теперь гордился тем, что сумел подойти к людям и привлечь на свою сторону таких, как старшина Бабахан. Прохаживаясь по веранде, он начал обдумывать содержание телеграммы начальнику области. У него уже мелькнула мысль о награде.

Казалось, шея его, и так еле вмещавшаяся в воротник, еще больше раздулась, и, когда он поворачивался спиной, на затылке видны были жирные складки.

Веселый вид полковника успокоил старшин, обрадовал волостных. Следя за его грузной фигурой, они переглядывались между собой, обменивались улыбками.

Остановившись у стола, полковник обратился к Бабахану. Толмач стал переводить его речь по частям:

— Арчин-хан, твои слова мне очень понравились. Благодарю!.. Я хорошо знаю храбрость туркмен и горжусь тем, что по воле государя нахожусь здесь на службе... Твою просьбу — просьбу народа — я передам начальнику области, через него — господину генерал-губернатору Туркестана, а его высокопревосходительство доведет о ней до сведения его величества государя.

Собравшиеся склонили головы:

— Ваше высокоблагородие, господин полковник, мы — ваши покорные слуги...

Когда полковник ушел в кабинет, перед верандой поднялся шум.

Глава восемнадцатая

Собрание у старшины получилось весьма многолюдным. Кроме приглашенных, многие приехали по своим делам.

Под просторным навесом у кибитки людей становилось все больше. И так как в тени не хватало места, неприглашенным пришлось разместиться на кошме, разостланной у навеса, под палящими лучами солнца. Люди в тяжелых бараньих папах, многие в двух халатах с широкими кушаками из козьего пуха, изнывали от жары. Всем было известно, что старшину вызвал начальник уезда и что он вернулся домой только перед рассветом. Мрачное лицо Бабахана сулило неприятные вести. Поэтому никто из прибывших не хотел первым нарушить молчания. Наконец, Халназар-бай, сидевший близко от старшины, спросил:

— Арчин-хан, ты скажи, зачем собрал народ?

Бабахан снял шапку, погладил бритый череп. В его острых черных глазах сверкнул огонек и погас, на смуглое лоснящееся лицо, казалось, легла бледность. Трудно было угадать, какие мысли бродили за узким наморщенным лбом старшины, но мрачный вид его действовал на всех угнетающе.

Халназар лучше, чем кто-либо из присутствующих знал хитрого Бабахана, но и ему показалось, что старшина искренне огорчен выпавшей на его долю неприятной обязанностью. Прикидываясь радетелем народа, он заговорил от имени всех:

— Арчин-хан... Мы знаем тяжелое положение правительства и готовы ко всему. Ты не стесняйся, говори — какой вышел приказ, какой налог. Что бы ни обрушилось на нашу голову — переживем. Объясни народу повеление царя!

Бабахан поднял голову, обвел всех тяжелым взглядом и, хмуря брови, сказал:

— Люди, у меня нет приятных вестей. Сары, отпив из пиалы глоток чаю, заметил зло:

— А разве ты когда-нибудь приносил приятные вести? Мы знали об этом уже в тот день, когда тебя вызвали к полковнику.

— Будь проклята служба! — продолжал старшина. — Это такой приказ — не сказать нельзя, а сказать язык не поворачивается. Ругайте меня, проклиняйте, но я должен сказать...

Покги Вала, немного запоздавший, еще не успел усесться, как бросил:

— Арчин-хан, мы знаем, что ты не сам сочиняешь приказы. Что есть, то и говори!

— Правительство... — старшина приподнял брови и решительно выдохнул: — требует людей.

Услышав слово «людей», все вздрогнули и опустили головы. У каждого мелькнула мысль о сыне, о брате или о самом себе. Тревога охватила даже Халназара — одного за другим он вспомнил всех своих сыновей. Ни у кого не хватило сил сказать что-нибудь, только у Покги Вала глупо вырвалось:

— Вот оно что!.. Ну, и за это спасибо!

Халназар бросил сердитый взгляд на толстяка. В его взгляде, казалось, был вопрос и упрек: «Кого ты благодаришь и за что? Это не о таких ли глупцах, как ты, сказано, что они благодарят бога за неблагополучие своего дня?» Однако он не дал воли своему гневу — с Покги они выступали всегда заодно, и не было смысла ссориться, а вспомнив о своем богатстве, о друзьях в уездном управлении, Халназар и совсем успокоился. Погладив бороду, он сказал:

— Люди! Говорят так: что с народом пришло, то добро. Вы не очень-то вешайте головы!

Нобат-бай с болью в сердце думал о своих четырех сыновьях, — каждый был ему дорог. Он хотел что-то возразить Халназару, но только почмокал губами и закрыл руками лицо.

Мамедвели-ходжа, тряся козлиной бородкой, проговорил, словно прочел молитву:

— Слава создателю! Если он захочет уберечь народ от беды, найдет способ. Вложи, всемогущий, в сердце царя милость и жалость!

Старшина сидел, не зная, с чего начать, как направить разговор. Халназар пришел ему на помощь.

— Арчин-хан, — обратился он к старшине, — ты начал свое слово и не закончил. Мы на все готовы. Объясни нам все.

Бабахан обрел, наконец, дар речи. Он начал с того, что заговорил о ходе войны, упомянул о боевых делах отважных туркменских джигитов и храбрости русских и заявил, что нет на свете никого сильнее белого падишаха. Потом осторожно подошел к своей цели.

— В мире еще не было, — заявил он, — столь справедливого и милосердного к мусульманам повелителя, как белый русский падишах.

Мамедвели-ходжа вставил свое:

— И в писании сказано о милосердии желтоволосого руса!

Бабахан продолжал:

— Вспомните слова ваших дедов и прадедов! Кей-мир-Кёр говорил: «Страна туркменов, их крепость — верблюжье седло». Здесь все время происходили битвы, каждый день набеги, нападения, грабежи, каждый день кровь! А с тех пор как пришли русские, скажите — льется ли кровь хоть у вашей вши из носу?.. Его величество белый царь справедлив...

В толпе был и Артык. Он еще не пережил - своего горя и сегодня, узнав о том, что его гневой остался у волостного, пришел говорить об этом с арчином. Он сидел, задумавшись, ковыряя пальцем землю. Слова старшины возмутили его, и он невольно крикнул громким, хриплым голосом:

— А вы оставили хоть кровинку в теле народа? Если не ты, не твой «справедливый» царь, так кто же сделал меня пешим.

Халназар бросил на Артыка хмурый взгляд:

— Юнцы, подобные тебе, должны сидеть и слушать, что говорят старшие. А ты, как передняя нога козы, выскакиваешь вперед.

— Если царь справедлив, — продолжал Артык, не обращая внимания на слова Халназара, — так почему у меня отняли единственного коня, а жеребцы Халназар-бая по-прежнему жрут в своих стойлах? Где же тут милосердие, где справедливость?

— Фу, проклятый! — выругался Халназар. — У тебя еще молоко на губах не обсохло, куда ты лезешь?

Кровь бросилась в лицо Артыку, кулаки сжались. Дрожа от негодования, он крикнул:

— Проклятый тот, кто сосет кровь бедняка! Халназар, обычно сдержанный, рассвирепел.

— Замолчи, сын собаки! — угрожающе крикнул он и зашарил руками вокруг себя.

Артык вскочил с места. Глаза его пылали от гнева и возмущения.

— А-а, тебя тошнит от моих слов! Коня вы у меня отняли, но глотку мне на заткнете! Мне теперь все равно!.. Только ударь, ударю и я!

Поднялся шум, крики. Все повскакивали со своих мест и схватились за ножи. Артык бросился к Халназару, старики его оттащили. Но большинство дейхан, съехавшихся из разных мест, приняли сторону Артыка, и дело, казалось, дойдет до кровопролития. Старшина совсем растерялся и не знал, что делать. Сначала он пугал волостным, полковником, потом стал упрашивать. Мамедвели-ходжа протиснулся в середину толпы, встал между спорящими и начал приводить из шариата примеры того, как пагубны раздоры между мусульманами. Постепенно спокойствие начало восстанавливаться.

Покги Вала, встретив яростный взгляд Артыка, испугался и хотел бежать, но, видя, что народ успокаивается, сел на свое место и стал болтать, не особенно заботясь о том, слушают его или нет.

- Царь просит у нас людей, а мы готовы друг другу горло перегрызть! — раздраженно закончил он. - Храброму место на войне!

Наконец, старшина смог продолжать свою речь:

— Люди! В народе самого царя нет ни одного мужчины, который не побывал бы в солдатах. Сорок лет прошло с тех пор, как белый царь принял нас под свою державу, но до сего времени еще ни разу не брал туркмен на войну.

— Я и говорю, — подхватил Мамедвели, — белый царь милостив к мусульманам!

— Теперь идет страшная война, — продолжал Бабахай, — пламя ее охватило весь мир. Берут в солдаты всех, кто работает на фабриках и заводах, кто пашет землю, и даже тех, кто сидит в канцеляриях. Белый царь просит у нас не воинов, не солдат. Люди нужны для того, чтобы заменить солдат, ушедших на войну. Наши люди будут работать в тылу как наемные рабочие.

Слова старшины успокаивающе действовали на баев, но не могли погасить тревоги и недовольства дейхан. Речь зашла о неравенстве, о насилиях — и во всем этом винили царя. Опять начались споры, поднялся шум, враждующие стороны снова готовы были взяться за ножи. У Бабахана иссякло терпение.

— Эй, люди! — крикнул он. — Не забывайте, чьи вы подданные! Белый царь милостив, но к своим врагам он беспощаден!

Почувствовав в словах старшины угрозу, собравшиеся немного притихли. Халназар заговорил решительно:

— Арчин-хан, пока у тебя в руках не будет крепкой веревки, ты не свяжешь верхушки и трех деревьев. Если захочешь слушать всех, то не удержишь народ в спокойствии.

Мамедвели поддержал:

— Бай-ага правильно говорит: у семи пастухов ягненок достается волку.

Покги Вала воспользовался случаем, чтобы дать совет:

— Слабо держишь камыш — порежешь руку. Арчин-хан, ты слушаешь всех и не выполняешь своей обязанности. Ты прямо объяви: повеление падишаха такое-то, срок исполнения такой-то — и делу конец!

Почувствовав поддержку, старшина Бабахан продолжал увереннее:

— Сказано: «Тащи осла к поклаже, а нейдет — поклажу к ослу». Если народ не видит добра, которое ему делают, — его величество царь знает, как поступить с таким народом!

И опять, слыша угрозу в словах старшины, большинство притихло. Но Сары не мог смолчать.

— Арчин-хан, — заговорил он с возмущением, — вы округлили свой зад и вдоволь поездили на наших спинах. У нас спины истерты от ярма, все силы вымотаны, долго ли еще нам терпеть? В конце концов делайте, что хотите, но не забывайте: народ для вас не вьючный осел!

— Осел зажирет — лягает хозяина! — крикнул кто-то из баев.

Поднялся такой шум, будто прорвалась плотина под напором весенней воды. Дейхане с руганью обрушилась на баев. Халназар безуспешно пытался унять разгоряченных людей.

— Народ! Эй, люди!.. — взывал он, но на него не обращали внимания.

Бабахан тоже что-то кричал и размахивал руками, но его слова не доходили до спорящих. Тогда поднялся Мамедвели, воздел руки к небу, слезящиеся глаза его смотрели тоскливо. Те, что стояли ближе к нему, немного притихли. Мамедвели не стал медлить и заговорил:

— Люди! Пророк наш в самые страшные минуты не утрачивал мудрости. Берите пример с нашего пророка, не впадайте в отчаяние. Какое бы решение не пришлось принять, принимайте его с общего совета. Прислушайтесь к словам Халназар-бая, он глупого не скажет!

Когда восстановилось спокойствие, заговорил Халназар:

— У нас у всех одна печаль, одна забота. Я — один из вас, и старшина тоже из вашей общины. Ударишь корову по рогам, у нее дрогнет все тело. Кто сам себе желает худа?.. — Не слушая едких замечаний и резких выкриков, раздавшихся со всех сторон, он продолжал, все более воодушевляясь собственными словами: — Нашел свой след, беды уже нет! Нам надо сообща найти свой путь. И труп верблюда — непосильный груз для осла! Хоть у царя теперь, может быть, и ослаблена мощь, нам против него не устоять. У нас только один путь избавиться от беды, одна надежда: пусть белый царь, если нужно, берет у нас скот, деньги, но пусть освободит наши души и от службы в войсках, и от тыловых работ. Давайте так и

скажем баяру-полковнику.

Мамедвели, поглаживая бороденку, удовлетворенно крикнул:

— Хей, молодец, бай-ага, вот это дельный совет!

Халназар закончил свою речь словами:

— Царь милостлив, может быть, он согласится.

Большинство сочло этот совет правильным. Было решено передать просьбу народа полковнику. По предложению старшины выбрали четырех представителей для переговоров об отмене мобилизации на тыловые работы. Это были те же выборные по налоговым делам — Халназар-бай, Нобат-бай, Покги Вала и Сары.

Глава девятнадцатая

С тех пор как Артык лишился коня, он не бывал еще в городе. Какое-то непреодолимое чувство отвращения и горечи испытывал он всякий раз, когда вспоминал пыльное поле у полотна железной дороги, где его навсегда разлучили с гнедым. Он больше не хотел видеть это проклятое место.

Каждый день он ходил смотреть, как поднималась пшеница на его участке, как наливалось зерно в еще зеленоватых колосьях. Обвязав голову синим платком, закатав штаны выше колен, он, измазанный глиной, ходил с лопатой на плече по узким канавкам, то открывая, то перекрывая воду. Иногда он подолгу стоял задумавшись. Вверху, в сияющем голубом небе, лилась бесконечная песня жаворонка, упругие стебли пшеницы, раскачиваясь на ветру, с мягким шумом кланялись во все стороны, и на душе у Артыка становилось светлее. В такие минуты он думал об урожае, об Айне, и губы его расплывались в улыбке. Правда, враги сильны и коварны; отняв у него коня, они хотят отнять и любимую девушку. Но Артык не верил, что им это удастся. Ведь сказала же ему Айна: «Умру — земле достанусь, не умру — буду твоя!» Перед ним возникал нежный образ девушки, и он принимался напевать:

Сердце, как птица, трепетно бьется,

И хочется сердцу высоко летать.

Радость мне в очи негою льется,

И хочется милую сердцу обнять.

А то вдруг начинал разговаривать со своей Айной, словно она и в самом деле стояла перед ним. В эти минуты он показался бы самому себе смешным, если б мог видеть себя со стороны.

Однажды, стоя так и напевая, Артык почувствовал, как его голой ступни коснулось что-то скользкое и холодное, и в тот же миг увидел пеструю змею, которая ползла, подняв голову. Его улыбающееся лицо исказилось от страха и отвращения. Взмахнув лопатой, он ударил змею по голове. Змея пометалась и замерла без движения. Артыку вспомнился недавний случай.

Как-то ночью он проводил полив своего участка. Ему захотелось спать. Выбрав сухой бугорок, он прилег на нем и тотчас уснул. Проснулся — у левого бока под мышкой лед. «Змея!» — молнией пронеслось в голове, и сердце похолодело от страха. Все же он не потерял самообладания; осторожно запустив правую руку за ворот рубахи, он схватил мягкое холодное тело змеи и в мгновение ока отбросил в сторону. Только после этого, чуть не задохнувшись от волнения, вскочил на ноги. При свете луны он видел, как извивающееся тело гадины с шумом шлепнулось в воду...

Глядя на убитую змею, Артык с суеверным ужасом думал: «Это не простая змея, это дух моего врага. Она преследовала меня, но я все же размозжил ей голову. Так будет и с моими врагами». Он взглянул на свои мускулистые ноги, на могучие руки и улыбнулся: ему ли бояться? Нет, он молод, силен, ему не страшны никакие враги!

В тот день, когда происходило бурное собрание мирабов, эминов и дейхан у старшины, Артыку так и не удалось поговорить о своем коне с Бабаханом. Раздраженный и злой, арчин ушел в кибитку, даже не взглянув на него.

Артык пешком отправился домой.

Солнце клонилось к закату. Усталость и жажда томили Артыка. Все же он завернул на свой участок, чтобы еще раз полюбоваться богатым урожаем.

Пшеница стояла густой стеной, стебли ее, доходившие до подбородка, отливали желтизной сухого камыша. Зеленоватые, клонившиеся к земле тяжелые колосья были длиной в ладонь. Артык вытянул шею, поднялся на носки и не смог окинуть взглядом все поле. Пшеница шумела и волновалась вокруг — он словно купался в ней. «Надо делать шалаш, переезжать сюда и приниматься за уборку», — подумал он и пошел на участок, засеянный вместе с Аширом.

Посевы на целине тоже радовали глаз. Здесь пшеница поднялась до пояса. Кунжут взошел редковато, но уже начал ветвиться. Для хлопка солончаковая, поросшая сорняками почва оказалась совсем непригодной. Два раза Артык пропалывал поле, и все же сорняки почти заглушили хилые, уже начавшие желтеть стебли хлопчатника. Артык был недоволен ими, но когда он взглянул на дыни, засеянные по краям канавок, его глазам представилась совсем иная картина. Толстые зеленые стебли, пробежав расстояние в пять-шесть шагов навстречу друг другу, схватились и переплелись зелеными усиками, а землю сплошь покрывали широкие листья, между которыми пестрели большие желтые цветы. Подняв листву, Артык увидел лежавшие на земле завязи величиной с большой клубок ковровой шерсти. Сорвав две еще зеленые дыни, он положил их в рукав чекменя и зашагал домой.

Шекер словно чувствовала, что брат возвращается не с пустыми руками. Едва Артык подошел к кибитке, как она выскочила навстречу и запрыгала вокруг него:

— Артык, что принес? Скажи, что?

Артык засмеялся:

— Угадай, тогда дам!

— Дыньку принес, дыньку!

Шекер не знала, что у Артыка в рукаве, но ей так хотелось недозрелой, хрустящей на зубах дыни! Артык вынул одну и подбросил ей прямо на руки:

— Держи, сестренка!

Шекер, словно ей дали золотой, вприпрыжку побежала к матери. Нурджахан с молитвенным благоговением посмотрела на дыню с незатвердевшей, еще зеленой кожицей:

— Дай-то бог!

— Мама, мам, я и тебе дам, — сказала Шекер. Вторую дыню Артык хотел отдать Айне, но, видя радость Шекер и матери, решил и эту оставить им.

— Ты не думай, сестренка, что я забыл мать! Вот и на ее долю! — и он поднял на руке вторую дыню.

Шекер опять запрыгала вокруг него:

— Нет, обе мои! Обе мои!

Айна вздрогнула, услышав о царском указе. Ковровый ножичек резанул мизинец, но она даже не заметила этого. После того, как побывала в доме Умсагюль, сердце ее горело огнем горечи и обиды, а эта весть о наборе туркмен на тыловые работы заставила ее с тревогой подумать об Артыке. Он стоял у нее перед глазами: не шутил, как бывало, стоял с каким-то жалким видом и даже не протягивал руки к Айне, не называл ее «моя Айна», не обнимал за плечи. Что это с ним? Неужели он забыл свою Айну? Или он пришел в последний раз, чтобы проститься?

Не в силах вынести этого, Айна протянула руки и с болью вскрикнула:

— Артык!.. — И лишь после того, как ковровый ножичек выскользнул из руки, она очнулась.

Айна горько и тяжело вздохнула, оглянувшись по сторонам — Артыка не было. Она забыла, где находится и что делает. «Что ж, — подумала она, — Артыка возьмут теперь на

тыловые работы. А меня оставят ли в покое до его возвращения? Или отдадут этому халназаровскому ослу с его осленком?» И она запела тихим голосом, и песня ее была похожа на плач:

*В белой кибитке мой постелив ковер,
Я наслажусь ли вдоволь тобой, Артык-джан?
Средь поцелуев, милый встречая взор,
Буду ли лоб твой нежить рукой, Артык-джан?
Или в разлуке, твой вспоминая взор,
Буду я слезы лить по тебе, Артык-джан?*

Жгучая боль, терзавшая сердце Айны, жгла и мать Артыка, Нурджахан. Она тоже услышала в этот день о царском указе и, испытывая все растущую тревогу за сына, не находила себе места.

Выйдя из кибитки, она заслонила глаза рукой от ярких лучей заходящего солнца и оглянулась по сторонам. Артыка нигде не было. И она, как овца, потерявшая своего ягненка, беспокойно заметалась вокруг кибитки. Накипевшие слезы душили ее.

Подошла Шекер, стала спрашивать:

— Мама, а мам, где Артык?

Нурджахан, подавленная горьким предчувствием, с трудом вымолвила:

— Горе, дочка... Отняли у нас гнедого, теперь... забирают Артыка...

Дыня выпала из рук Шекер и раскололась. Из глаз девочки полились чистые детские слезы.

Глава двадцатая

Семнадцатого июня вокруг уездного управления опять собралось много народу. В этот день было особенно душно. Желтая пелена пыли застилала солнце. Воздух был неподвижен, даже листья на деревьях не шевелились. Двигаться было трудно, дышать тяжело.

Старшины и выборные от аулов заполнили берег Джангутарана, всю площадку перед управлением. У входа в управление стояли на этот раз не только джигиты, но и полицейские.

Полковник, заложив руки в карманы, долго с хмурым, озабоченным видом ходил по кабинету. Наконец он остановился и огляделся вокруг. Ничего особенного он тут не увидел. Над столом в золоченой раме висел портрет Николая II во весь рост. Посмотрев на него, полковник подкрутил усы и обратился к старшему пи-писарю:

— Пиши телеграмму начальнику области.

Писарь, уже уставший ждать, снова взялся за ручку. Полковник, заложив руки за спину, возобновил прогулку по кабинету и стал диктовать:

— Среди туркмен Серахского приставства Тедженского уезда начались волнения, точка. Согласно сведениям, запятая, полученным из достоверных источников, запятая, зачинщики смуты намерены обратиться за оружием к Афганистану, точка. Принимая необходимые меры, точка. За злостную агитацию против набора на тыловые работы взят под арест Клычнияз Комек из Серахса...

Действительно, когда распространилась весть о мобилизации на тыловые работы, народ заволновался. Были разные люди: осторожные размышляли, отважные садились на коней. Полковнику приходилось ежедневно доносить начальнику области о вспышках недовольства то в одном, то в другом районе. Накануне он передал по телеграфу: «В сорока верстах от управления неизвестными злоумышленниками ранен в ногу один из служащих управления... Между Тедженом и Серахсом группа вооруженных туркмен напала на почту. Была перестрелка...»

Продиктовав очередное донесение, полковник вышел на веранду. Все вскочили с мест; приветствуя его, сложили руки на животе, склонили головы в низком поклоне. Полковник,

прищуриив холодные голубоватые глаза, обвел взглядом хмурые лица, бросил волостным, стоявшим впереди, несколько слов. Волостной Хуммет, встав навтыжку, ответил ему по-русски.

Халназар-бай, не понимавший по-русски ни слова, перевел для себя гневный вопрос полковника так: «Одним словом, скажите: дадите вы людей на тыловые работы или нет?» Вкрадчивый ответ Хуммета мог обозначать только одно: «Баяр-ага, мы готовы служить тебе!» Халназар и в самом деле не ошибся. Полковник обратился через Ташлы-толмача к старшинам и эминам:

— Ну, старшины, выборные! Вы исполнили повеление государя?

Волостной Ходжамурад выступил на шаг вперед и подобострастно сказал:

— Господин полковник! Кто осмелится не выполнить волю его величества? Обязательно выполним!

Полковник кивнул головой в сторону старшин и эминов:

— Почему молчат?

Старшины переминались с ноги на ногу, обменивались взглядами, ни у кого из них не хватило решимости говорить. Хуммет открыл было рот, но полковник остановил его:

— Помолчи!

Тяжело дыша, он злыми глазами уставился на старшин и эминов. Нижняя губа у него отвисла, лицо стало свирепым. Взявшись за эфес шашки, он покачался с носка на каблук и раздраженно заговорил:

— Вы думаете, я не знаю, что у вас на уме? Вы вооружаетесь, садитесь на коней, нападаете на почту! Хотите пойти против государя императора? Хотите обратиться за помощью к Афганистану? Я знаю вас! Я хорошо знаю вас, разбойников!

Старшины, выборные, волостные не находили в себе смелости что-либо возразить, когда толмач перевел слова полковника. А тот, распаляясь все больше, закричал на них хриплым голосом:

— Негодяи! Кто вы такие, чтобы осмелиться выступить против воли государя? Империя его величества — необъятное, непоколебимое государство. А вы что? Вы — грязь, прилипающая к ногам! Вместе с государством, от которого вы ждете помощи, гнев его величества сравнивает вас с землей! Разве вы не знаете, что наши казаки вошли в резиденцию вашего главного имама (Имам — руководящий богослужением; здесь — духовный глава мусульман), в город Мешхед? Весь мир трепещет перед могуществом белого царя! А вы что?..

Излив весь свой гнев, полковник несколько успокоился. Поднявшийся ветерок разогнал пыль, освежил воздух. Яркие лучи солнца, пробиваясь сквозь листву деревьев, заиграли на больших папах, на потускневших сумрачных лицах. Полковник, тяжело переводя дух, уже более мягко обратился к толпе:

— Ну, говорите все, что хотите сказать.

Первым начал Хуммет:

— Господин полковник! Разные негодяи омрачили ваше сердце. Если попадутся нам эти смутьяны, лишившие покоя ваше высокоблагородие, клянусь вам, мы собственными руками расправимся с ними!

Вслед за Хумметом выступил вперед Ходжамурад и заговорил так же подобострастно:

— Господин полковник, если в народе будет хоть небольшое недовольство, мы сами примем против этого меры. Прежде всего мы сами известим вас об этом. Это наш долг! Преданные рабы великого государя готовы покориться его велению. Господин полковник, склоняя голову, я заверяю вас: в народе царит мир и спокойствие!

Некоторые старшины подтвердили:

— Правильно!.. Так и есть!.. — По толпе прокатился гул голосов и стих...

Полковник постоял, прислушиваясь, и сказал:

— Даю вам три минуты сроку. Подумайте и скажите мне свой ответ.

Резко повернувшись, он направился во внутренние комнаты канцелярии, но в дверях

остановился и указательным пальцем поманил к себе переводчика. Ташлы-толмач подбежал к нему. Полковник шепнул ему что-то и ушел к себе.

Люди облегченно вздохнули, стали вытирать потные лица. У всех был виноватый, растерянный вид. Ташлы-толмач с грубой бранью обрушился на волостных и старшин:

— Сучьи дети, почему не подготовили людей? Вы поставлены над народом. Белый царь вам доверяет, надеется на вас, видит в вас силу. Все слуги царя, но вы не заслужили даже съеденной вами соли. Как вы могли с таким лицом предстать перед господином полковником?

Когда говорил полковник, Бабахай вспомнил все, что происходило у него на собрании мирабов и эминов. Ему все время хотелось прервать полковника, показать себя верным старшиной, сказать: «Баяр-ага, в моем ауле действительно были выступления против царя. Такие-то и такие-то раздували огонь неповиновения». Его останавливала мысль, что полковник обругает его, закричит: «Негодяй! Если такое было, почему ты не донес?» Он боялся не проклятий народа, а гнева полковника. И он промолчал, успокоив себя мыслью: «А, такие крики и споры бывают в каждом ауле, и никто об этом не дает знать в канцелярию». Но когда заговорил Ташлы-толмач, он признался:

— Клянусь аллахом, Ташлы-ага говорит верно! Мы потеряли свое лицо.

Толмач продолжал:

— Как же при таком вашем поведении может доверять вам господин полковник? Как может называть вас своими слугами? Вы превратили в ложь все донесения, которые он послал начальнику области! Как же ему не гневаться на вас? Надо не раскисать, как недомешенное тесто, а держать людей в руках! Когда вы стоите перед господином полковником, вы должны белое называть белым, черное — черным, землю рыть своим дыханием, а не...

Старшина со шрамом на лбу простосердечно и мягко сказал:

— Ташлы-ага, мы же собаки господина полковника. Куда нас натравит, туда и должны лаять. Но...

Сары перебил его:

— Хыдыр-арчин! Может быть, мы и собаки, но собаки у своего стада: наши зубы не будут рвать своих овец!

Бабахан, который и без того был страшно зол на Сары за его речи на последнем собрании, с раздражением крикнул:

— Если бы я был пастухом, а ты псом, и ты не вонзил бы зубы в паршивую овцу, вечно отбивающуюся от стада, я вбил бы тебе твои зубы в глотку!

Покги Вала, совсем онемевший от страха при виде разъяренного полковника, только пришел в себя и пустил в ход свой неугомонный язык:

— Платой собаке, не оправдавшей съеденной ею похлебки, должна быть горячая пуля!

Сары хотел резко ответить Бабахану и толстяку, но в этот момент Ташлы-толмач снова обратился к толпе.

— Старшины, эмины! Сейчас не время для споров. Вы поговорите спокойно, посоветуйтесь, выбросьте из головы дурные мысли и подготовьтесь дать прямой ответ господину полковнику.

Главный переводчик уездного управления Ташлы был сыном одного языкастого старшины, который пятнадцать лет занимал это теплое местечко. Начальник уезда, довольный службой старшины, дал разрешение принять Ташлы в русскую школу. Среди учителей школы были и честные, передовые люди. Благодаря им из школы вышло немало полезных своему народу интеллигентных людей. Но выходили оттуда и такие, как Ташлы-толмач. После окончания школы Ташлы был принят в управление на должность переводчика. Он умел угадывать настроения и желания полковника, выполнять его прихоти. Из всякой тяжбы он извлекал для себя выгоды: одного из спорщиков обнадеживал, другому не отказывал, втихомолку обоих натравливая друг на друга, раздувал из мухи слона, обоих тяжущихся доил, обоим морочил голову.

Набивая свой карман, Ташлы не забывал угождать и полковнику. Однажды *он* взял для полковника у одного из спорщиков два ковра. Вечером большой ковер повесили на стене, средний прибили за диваном. При электрическом свете ярко заиграли краски ковров, слов но окропленных живой водой. Вся комната стала нарядной. Жена полковника, кокетливо улыбаясь, вертелась вокруг Ташлы. А полковник, заложив руки в карманы, откинулся назад и, любуясь большим ковром, спросил:

— Какая цена?

Ташлы посмотрел в лицо владельцу ковров. Тот невнятно пробормотал что-то. Ташлы перевел:

— Если господину полковнику эти ковры понравились, то этого достаточно, это и есть цена!

Полковник отступил на шаг, нахмурился:

— Что это значит? Я не могу на это пойти.

Владелец ковров перепугался — и ковры могли пропасть даром, и его самого могли наказать за предложение взятки. Дрожащим голосом он сказал первое, что подвернулось на язык:

— Баяр-ага справедлив! Все в его власти.

Но Ташлы хорошо знал своего полковника. Такое притворство он уже видел не раз, поэтому, переводя, он несколько изменил смысл того, что сказал владелец ковров:

— Господин полковник, владелец просит вас самих назначить цену.

— Да? Ну, это другое дело!

Полковник еще раз посмотрел ковры и, вынув из бумажника красненькую, пошелестел ею. Казалось, он колебался — протянуть ли ее владельцу ковров, или положить обратно в карман. Но все это было тоже одно притворство. Полковник сказал, словно не зная настоящей цены ковров:

— Раз он полагается на мою совесть, придется переплачивать. Пусть уж я буду в убытке!

После этого владелец ковров стал старшиной, а Ташлы вскоре получил должность главного переводчика. С тех пор на его плечах и красуются серебряные погоны.

Благодаря свему влиянию на полковника Ташлы-толмач был большим начальником в глазах волостных и старшин. Поэтому его слова прозвучали как команда, когда он объявил:

— Господин полковник!

Все замерли в напряженном ожидании. Полковник вышел, особенно сильно топая сапогами и побрякивая шпорами.

— Ну? — крикнул он в толпу. — Готов ваш ответ?

Бабахан выступил вперед и, поклонившись, сказал:

— Мы, старшины и эмины, почитаем за счастье выполнить повеление его величества белого царя. Но мы просим господина полковника дать нам немного сроку, а Халназар-баю разрешить передать просьбу народа.

Выслушав перевод, полковник приветливо взглянул на высокого седобородого человека:

— А-а, Халназар-бай? Я его знаю, — полковник кивнул ему головой. — Когда мы вылавливали шайку разбойника Айдогды, я был у него в гостях. Помню, помню! И сейчас еще чувствую во рту вкус его плова с курицей и шашлыка из фазана. Говори, Халназар-бай!

Ласковые слова полковника приободрили Халназара. Лицо его приняло обычное высокомерное выражение, тусклые глаза засветились решимостью. Обнажив поседевшую голову, он зажал папаху под мышкой и начал:

— Я рад, что господин полковник разрешил мне высказать просьбу народа — это для меня великая честь. Мы очень благородны белому царю, — нас, мусульман, он хочет поставить в один ряд со своими подданными. Я не знаю, как благодарить за оказанный нам почет.

Халназар тяжело вздохнул. Покги Вала подбодрил его:

— Ай, молодец!

— Господин полковник! — продолжал Халназар. — Ваши верные подданные выполняют повеление царя. Но я хочу напомнить: наш народ — бедный, темный народ, никаких стран, кроме своей, он не видел и никакого рабочего дела не знает. Он умеет лишь пахать землю и пасти скот. Если сейчас собрать людей и повезти на работы, от них не будет никакой пользы, наоборот — они будут путами...

В тот момент полковник, которому толмач слово в слово переводил речь Халназара, прервал его:

— Господин бай, в своих высочайших повелениях государь император не погрешим. Ему все известно лучше, чем мне и тебе. Туркменских джигитов он считал самыми отважными. А ты, господин бай, умаляешь достоинства своего народа. Ваши доблестные джигиты... Впрочем, сейчас дело даже не в этом. От вас требуют не солдат для фронта, а рабочих для тыловых работ.

Этимися словами полковник хотел подсказать Халназару нужный ответ. И Халназар понял это, но его было не так-то легко сбить с толку. Делая вид, что он во всем согласен с полковником, он продолжал:

— Вот об этом я и хотел сказать, господин полковник, — подхватил он с притворным простодушием. — Послать туркмена на черную работу — значит втоптать в грязь доброе имя джигита. Выполнить работу, которая от них требуется, наши люди не сумеют, и это позором ляжет на наши головы. Но если собрать добровольцев, обучить их и послать на войну, они прославят имя джигита и белого царя. Поэтому наша просьба такая, господин полковник: пусть от нас возьмут сколько надо людей, но пусть это будут добровольцы-джигиты. Если народ будет освобожден от набора, он сможет дать больше хлеба для доблестных войск царя. Мы просим...

Речь Халназара закончил старшина со шрамом:

— Пусть возьмут от нас все до последнего ягненка, но не трогают наши души!

Полковник терпеливо и снисходительно слушал Халназар-бая, но слова старшины со шрамом ему не понравились. Халназару он ответил мягко:

— Халназар-бай, у тебя умные слова. Может быть, некоторые из них я приму во внимание. Но... повеление государя императора — нерушимый закон. Его величество повелел взять людей. И пусть хоть весь мир перевернется, он своего указа назад не возьмет! Поэтому лучше не мечитесь понапрасну, не мучайте себя, а повинуйтесь царскому указу!

Все стояли, понутив головы, и молчали. Волостные Векиля, Бека, Утамышы толкали друг друга в бок, но ни один из них не решился говорить. Тогда Ходжаму-рад, боясь гнева полковника, проговорил, весь съежившись:

— Господин полковник, от имени волостных, старшин и эминов Тедженского уезда я даю слово — к назначенному сроку, как сказано в повелении великого государя, собрать и привести людей на тыловые работы...

Сары, не вытерпев, прервал волостного:

— Пусть дают слово волостные! Пусть подписываются старшины! Но мы, выборные эмины, и народ, не можем дать людей!

Полковник грозно крикнул:

— Что он говорит?

Сары повторил свои слова. Старшина со шрамом на лбу, подавшись вперед, хотел что-то сказать, но полковник бешено топнул ногой. Старшина побледнел, шрам над его бровью задергался, он раза два проглотил слюну и, несмотря на гневный крик полковника, вышел вперед:

— И я повторяю слова Сары: хоть засыпайте нас пушечными ядрами, мы добровольно людей не дадим!

Полковник пришел в ярость:

— А-ах, так?

Мясистый подбородок его задрожал, глаза остро сверкнули. Волостные виновато

опустили головы. Из-под шапок старшин обильно струился пот. Даже Ташлы-толмач растерялся. А полковник, тыча пальцем в старшину со шрамом, кричал, задыхаясь от ярости.

— Негодай!.. Изменник!... Я т-тебе покажу!..

Старшина со шрамом все порывался что-то сказать, но Бабахан взял его за плечо и оттянул назад. Между тем Сары, спокойно глядя в лицо полковнику, твердым голосом заявил:

— Баяр-ага, ты силен, захочешь — сожжешь весь аул. Но людей на тыловые работы ты не возьмешь!

Полковник затопал ногами, закричал страшным голосом:

— Взять его!.. В тюрьму негодяя!..

В толпу тотчас же ворвались полицейские. Со старшины была сорвана медаль. Сары скрутили руки. Повернув голову к старшинам, он презрительно бросил:

— Продажные трусы!

Старшина со шрамом, побагровев от гнева, рванулся к полковнику:

— Стреляй в меня! Я тебе...

Обоих увели.

Полковник грозно взглянул на растерянные, пристыженные лица волостных и старшин:

— Хмм... Н-негодяи! Вы все заодно!

Хуммет, не решаясь поднять глаза, заговорил виноватым голосом:

— Господин...

— Молчать! — рявкнул полковник. — Все вы пьете воду из одного колодца. У вас имеется и беспроволочный телеграф, и тайные агенты. Вы думаете, ваши родичи из Серакса, оказавшие сопротивление, хорошо кончили? Не забывайте — один орел сильнее миллиона ворон! Царский солдат в одно мгновение пустит вас прахом по ветру!

Ни у волостных, ни у старшин больше не хватило духу промолвить хоть слово. Но Халназар-бай, помня расположение к нему полковника, на свой страх и риск выступил вперед и сказал:

— Господин полковник! Нет народа без воров, а гор без волков. Раз эти люди показали свое нутро — возмездие их не минет... Прошу господина полковника не гневаться на своих верных слуг из-за одного-двух негодяев.

Слова Халназара несколько успокоили начальника уезда. В это время на веранду вышел старший писарь и подал начальнику телеграмму. Полковник быстро пробежал ее глазами и весь просиял.

Правительство, очевидно, предвидело, что набор на тыловые работы в Туркестане не пройдет гладко, и потому назначило губернатором Туркестанского края генерала Куропаткина — опытного дипломата и знатока Средней Азии. Как только Куропаткин, приняв управление краем, узнал о вспышках недовольства в народе, он обратился к царю по телеграфу с просьбой отложить на некоторое время исполнение указа с тем, чтобы дать возможность дейханам убрать урожай и за это время тщательно подготовиться к проведению мобилизации. Его просьба была удовлетворена. Об этом и сообщала телеграмма, полученная в уездном управлении.

Полковник повеселевшим взглядом обвел лица стоявших перед ним людей и обратился к Халназару:

— Ну вот, господин бай, разве я не говорил, что государь император непогрешим в своих решениях? — Затем он объявил: — Старшины, выборные! Государь император, снисходя к вашим нуждам, милостиво повелел отложить набор на тыловые работы по всему Туркестанскому краю до того времени, пока вы не снимите урожай с ваших полей.

Глава двадцать первая

Когда начало светать, громкое пение птиц разбудило Артыка. Он встал, потянулся, сонными глазами посмотрел по сторонам. Темное еще, словно затянутое синим сукном, небо

быстро светлело. Звезды гасли одна за другой, а на востоке разгорался багряно-красный костер зари. Под легким утренним ветерком огромное поле высокой пшеницы колыхалось, как море. Высоко над головой жаворонки радостно приветствовали восход солнца.

Артык надел короткий грубошерстный чекмень, подпоясался платком и, взяв в руки остро наточенный серп, подошел к краю поля. Сильным, широким взмахом он ударил серпом в чашу колосьев, они хлестнули его в подбородок, и в лицо пахнуло чем-то удушливым. Артык поднял голову и чихнул. Ветер отнес в сторону поднявшееся над колосьями розовое облачко пыли. Пшеница переставала — надо было спешить.

Солнце поднималось все выше. Сильное тело Артыка, казалось, не знало усталости. Палящие лучи солнца все сильнее жгли плечи, осыпавшаяся с колосьев розовая пыль затрудняла дыхание, но он, едва успевая смахивать ладонью или рукавом чекменя пот, струившийся из-под шапки, все шел и шел вперед, подрезая серпом упругие стебли пшеницы.

Артык спешил закончить полоску. Несколько дней тому назад к нему подошли человек шесть белуджей и заявили на ломаном языке: «Мы народ афганский, жать пшеницу знаем!» Артык угостил их дыней и сказал: «Идите к баям, у них много посева. А мы — сами жнецы!» Теперь он слушал, как на земле Халназар-бая тоскливо пели эти белуджи, а у Меле-бая шумели курды. Слушал — и благодарил судьбу за то, что он пока еще не таков, как эти несчастные люди, бросившие свои семьи и пустившиеся на поиски работы и куска хлеба в чужие края.

Одно желание владело Артыком в эти дни: поскорее собрать урожай, обзавестись конем и... увезти Айну. Беспокоила мысль о предстоящем наборе на тыловые работы, но она как-то отступала перед другой, более острой тревогой: «А что будет с матерью, с Шекер?» Его семья могла стать жертвой мести Халназаров после их неудач-

ного сватовства. Такой позор смывается только кровью. Артыка не так изнуряла жатва от зари до зари, как безотрадные думы.

Он утолил голод сухой лепешкой, а жажду — дыней и прилег отдохнуть на горячую землю, положив голову на ладони. Солнце нещадно палило, в голове билась все та же тревожная мысль. Долго лежал он в каком-то тяжелом полузабытии. И вдруг перед глазами его встало видение:

Скачут, скачут всадники, вихрится пыль... Вот они осаживают коней возле кибитки, хватают Шекер. «О мама!» — раздается отчаянный вопль сестренки... Вот Нурджахан, выбежав из кибитки, бросается на помощь Шекер. Ее сильным ударом отбрасывают в сторону, и она падает головой в песок... Удаляется, как в тумане, расплывается залитое слезами лицо сестры. Встает перед глазами лицо матери, с окровавленным ртом, широко раскрытые глаза ее наполнены мукой...

Артык вскочил на ноги и пошатнулся. Все кружилось у него перед глазами. Необозримое пшеничное поле колебалось из края в край...

Когда он вновь принялся жать, руки его дрожали, а колосья валялись из рук.

Напрасно Артык пытался успокоить себя мыслью, что Айна любит его и останется верна ему навсегда. Нахлынули сомнения: а не тешит ли он себя несбыточной мечтой? Встал и неотступно стоял перед ним грозный вопрос: «Имеешь ли ты право жертвовать благополучием, может быть, жизнью матери и сестры ради собственного счастья?» Уже много дней этот вопрос мучил Артыка.

Все так же протяжно тянули свои песни белуджи. Артык жал и не чувствовал в своих руках ни серпа, ни колосьев. Прислушиваясь к тоскливым напевам, он разговаривал со своим сердцем:

*Буду ль с тобой сидеть я к плечу плечо,
Луноподобным любуясь лицом, Айна-джан?
Буду ль, играя, в горячие розы щек
Сладко впиваться пылающим ртом, Айна-джан?*

*Сможем ли жизнь мы наладить с тобой вдвоем?
Станет ли прошлое только тяжелым сном?
Иль ускользнешь ты, и в браке с байским сынком
Корни всей жизни подрубишь ножом, Айна-джан?*

А тем временем и Айна мучилась, тревожно ожидала чего-то страшного, что навсегда разлучит ее с Артыком.

О царском указе по аулу ходило много разных слухов. Говорили, что сразу после уборки урожая всех молодых мужчин старше девятнадцати лет заберут в джигиты и отправят на войну, а остальных мужчин погонят на какую-то черную работу. Говорили о волнениях среди туркмен и о том, что белый падишах, рассердившись, двинул войска с пушками, чтобы насильно отобрать мужей у жен, сынов у матерей. Каждый день Мама приносила в кибитку вести — одна страшнее другой. Когда она рассказывала обо всем, что узнала за день, тревога за Артыка лишала девушку покоя.

Как-то Айна видела, как Артык шел с поля домой. Он прошел мимо кибитки Мередов, не повернув головы, не улыбнувшись, как делал обычно. У Айны сжалось сердце от горького предчувствия: «Значит, он знает о предстоящей разлуке».

Каждую ночь, лежа с открытыми глазами, Айна ждала Артыка, прислушиваясь к каждому шороху, смотрела — не промелькнет ли возле кибитки тень. Но Артык не приходил. А утром, когда Меред уезжал на работу, а мачеха ложилась досыпать или шла к южному ряду кибиток, Айна принималась за свой ковер и, тихо напевая песенку об Артык-джане, заливалась слезами.

Полная луна четырнадцатой ночи спокойно плыла по небесным просторам. Ее сияние позволяло видеть все вокруг на расстоянии брошенной палки. Дул легкий ветерок. Было тихо, сонно, только слышно было, как жуют жвачку верблюды, а вглядевшись, можно было различить, как они, прижавшись грудью к земле и выгнув шеи, подобно луку, не спеша двигают челюстями.

В эту ночь возле черной кибитки Мереда две тени почти слились в одну. Это были Артык и Айна.

После долгого объятия Артык спросил:

— Айна, ты принимаешь поздравления?

У Айны радостно забилося сердце. Она подумала, что Артык нашел какой-то выход для них, и ответила голосом, полным любви:

— Всей душой!

Артык вздрогнул — такого ответа он не ожидал. Айна с удивлением посмотрела ему в лицо:

— Ах, милый, язык твой говорит одно, а сердце — другое.

— Язык говорит то, что велит ему сердце.

Айна не поняла этого и спросила:

— С чем же ты хочешь меня поздравить?

— С тем, что ты станешь невесткой бая!

Айна отшатнулась к стенке кибитки и закрыла лицо руками. Из груди ее вырвался тихий стон, плечи затряслись от сдерживаемых рыданий, Артыку стало жалко девушку. Он привлек ее к себе, отнял ее руки от лица и, увидев залитые слезами щеки, сказал умоляющим голосом:

— Айна, не надо...

Айна продолжала всхлипывать, вздрагивая всем телом.

— Я... я готова... — заговорила она прерывающимся голосом, — испепелить свою жизнь ради тебя, а ты...

Артык прижался щекой к мокрой от слез щеке девушки:

— Ты, моя Айна, прости, я... я пошутил. Мне хотелось только послушать, как ты будешь ругать бая...

Горячее дыхание девушки обдавало его шею, проникало через ткань рубашки. Айна с упреком сказала:

— Неужели ты мне все еще не веришь?

— Милая моя Айна, пусть будет счастлив твой мир, — воскликнул обрадованный Артык.

Долго стояли они так, обнявшись, боясь шевелиться, — каждый словно прислушивался к мыслям другого.

— Ты думаешь, я не мучаюсь? — тихо заговорила Айна. — Если б ты знал, как мне тяжело! Сваты от Халназаров идут и идут. Мачеху мою уже соблазнили богатством. Что ей до меня? Я не родная дочь. Отец сопротивляется еще, но ты знаешь его — против Мамы ему на устоять. Мое сердце истерзано, из глаз льются слезы, а ты...

Артык еще сильнее прижал ее к груди:

— Айна, дорогая, я всю душу с тобой, но у меня нет богатства!

— Айна влюблена не в богатство!

Артык задумался. Да, он может увезти Айну, но что сделают с его сестренкой? Ее может постигнуть страшная участь. Халназары сильны, позора они не потерпят. Ар-тык не мог отказаться ни от Айны, ни от сестры. Надо было запастись терпением, придумать какой-нибудь выход. И Артык сказал:

— Только смерть может разлучить нас! Я не отдам тебя никому, но...

— Но что?

— Наверно, будет набор на тыловые работы. Может быть, и Баллы возьмут... Надо немножко обождать, пока все выяснится.

— А если Халназары не будут ждать?

— Когда наступит час, мы их опередим!

Неожиданно старая верблюдица встала и громко заурчала. Мачеха, громко зевая и почесываясь, поднялась на своей постели.

У Айны сильно забилося сердце. Она оттолкнула Артыка и нырнула под верблюдицу. Артык спрятался за кибитку. Чуть высунув голову, он смотрел из-за угла.

Мачеха протерла глаза и закричала оглядываясь:

— Айна, эй, девчонка! Эй, Айна!

И тотчас же раздался напевный голос Айны, словно она собиралась доить верблюдицу:

— Хореле, моя верблюдица, хо-реле!

Хотя руки Айны были у сосков верблюдицы, глаза ее напряженно следили за мачехой. Мама, не вставая с места, снова положила голову на подушку. Не прошло и минуты, как она захрапела.

Когда Артык расставался с Айной, Плеяды стояли уже низко над землей.

Глава двадцать вторая

Июнь был на исходе.

Хотя набор на тыловые работы был отложен, спокойствия в народе не было. Слухи самые невероятные распространялись с невероятной быстротой. Люди прислушивались ко всему, но каждому хотелось верить в то, что сулило надежду. Внимание всех привлек такой слух: Гюльджамал-хан побраталась с белым царем. Она собирается ехать к царю хлопотать об освобождении от набора текинцев. Некоторые к этому добавляли: такой-то аул привез ей десять тысяч рублей, такой-то — пять тысяч.

Гюльджамал-хан была вдовой владетельного Нур-берды-хана, покойного правителя текинского народа.

Когда-то она действительно была на приеме в царском дворе в Петербурге, преподнесла царской семье великолепный ковер, вытканый текинскими девушками, и в качестве ответного подарка получила в свое владение один из царских каналов. Поэтому слуху верили, на заступничество Гюльджамал-хан возлагали большие надежды, и кое-кто из

баев уже ломал голову над тем, как бы собрать побольше денег на поездку в столицу белого падишаха.

Халназар-бай тоже много думал об этом. Собрать или не собирать деньги для Гюльджамал-хан? Соберешь—узнает полковник. А узнает—добра не жди. «Пропадет ко мне доверие, кончится почет, уважение, — приходил к заключению Халназар и решил для себя: — Нет, лучше не вмешиваться, быть подальше от этого дела». Но у него болело сердце, когда он вспоминал своих сыновей. Как ему не жалеть их, когда они дальше Теджена не бывали, а тут вдруг очутятся на далекой чужбине! Да и как он, богатейший из баев, может допустить, чтобы его дети, не знающие тяжелого труда, пошли на черную работу?

Когда Халназар думал о своих четырех сыновьях, его охватывал страх за их судьбу. «Нет, надо во что бы то ни стало освободить их от набора», — думал он. Но тут же перед ним вставал вопрос: «А как это сделать?» И опять мысли невольно направлялись к необходимости собрать деньги для Гюльджамал-хан. Но где у народа деньги? У дейхан нет лишней копейки даже на чай. С наступлением весны они каждый день шли к нему с просьбами хоть немного дать взаймы под будущий урожай хлопка или пшеницы. И Халназар в конце концов пришел к выводу, что единственный способ достать деньги — это продать арендную долю урожая с общинных земель. Мирабы обещали отдать эту долю Артыну-ходжайну — тем лучше. С Артыном можно поделиться, а скупить побольше пшеницы в этом году было мечтой самого Халназара. Когда народу нужны деньги, можно купить даром.

Халназар не любил откладывать исполнение своих решений. В один из дней в конце июня в его кибитку набилось много народу. Почетные места заняли старики. Чай с сахаром ставили перед ними в изобилии. После разной болтовни о том, о сем и шуток толстяк Покги

Нобат-мираб трясущимися руками плеснул чаю в свою пиалу и начал свое слово:

— Народ! Например, на нас обрушилось тяжелое бедствие...

Мамедвели, погладив бородку, набожно произнес:

— Да сохранит нас аллах!

Нобат-бай продолжал:

— Например, пословица говорит — от плохого откупись. Гюльджамал-хан хоть и женщина, но, говорят, державная. Она занимает место Нурберды-хана. Говорят, заботится о народе. Ходят слухи, что она поедет к царю, хочет добиться отмены набора туркмен. Поэтому, например, нужна помощь деньгами...

Вмешался Покги Вала:

— Да, да! Гюльджамал-хан — дочь благородного человека. Да она и родственница наша! Она из рода Амаша-Гапанов, из семейства Соку — да разве вы не помните? Непес-бек, вы же знаете, ее родной брат.

Черкез, погладив среднюю из трех прядей на подбородке, сказал, что было у него на уме:

— По-моему, сейчас нужны будут деньги.

Халназар с важным видом заметил:

— О деньгах ли речь, когда дело идет о жизни людей! Если дело можно поправить деньгами, так они сейчас вроде грязи, которая липнет к ногам.

Ашир, сидевший с краю, крикнул, вытянув шею:

— Бай-ага, это верно! Но сейчас у дейханина еле душа в теле!

Покги Вала, поморгав глазами, сказал:

— Мы дейханина трогать не будем.

— Если бай проявят жалость к народу и возьмут на себя расходы — что может быть лучше!

— Мы баев тоже трогать не будем.

— Что же, Гюльджамал-хан вместо денег принимает добрые пожелания?

Нобат-бай вытер пот с лица и сказал с укором:

— Ашир, ты, сынок, например, вытираешь рот сухой щепкой. Ты хочешь, чтобы в

орехах не было гнили. Так не бывает.

Седой старик в облезлой с краев папахе угрюмо проговорил:

— Ашир прав. Доили-доили дейханина, превратили его в тощую корову. А если она теперь не только молока, но и воды не даст, — что тогда будет?..

Халназар грубо оборвал старика:

— Вам говорят: жизнь или нож? А вы все свое...

Покги Вала пошел напрямик:

— Фу, гляди-ка о чем говорят! Мы обойдемся доходом с аренды!

Мамедвели одобрил:

— Очень хорошо! Если господь бог посылает болезнь, то он же дарует и исцеление. Слава создателю! Бедствие, обрушившееся на нас по воле аллаха, будет устранено им же ниспосланным урожаем.

Черкез беспокожно завозился на своем месте и, осуждающе покачав головой, сказал:

— А дейханин только и надеялся на арендную долю урожая. Он рассчитывал покрыть ею долги, оплатить часть налогов. Что же будет, если и это отнимут у него?

Артык, сидевший прислонясь к остову кибитки, насмешливо бросил:

— Что будет? Дейханин целый год мучился на своем клочке земли, а смажут горло маслом вместо него другие!

Халназар-бай понял, в чей дом брошен камень. Он выкатил глаза, наморщил мясистый лоб, и казалось, обрушится сейчас на Артыка с грубой бранью. Но в ту же секунду притворно заулыбался. Должно быть, ему стало ясно, что если сейчас наброситься с руганью на молодого дейханина, поднимется шум, начнется ссора и дело не сладится. Поэтому, сдержав себя, он мягко, по-отечески, обратился к Артыку:

— Ты, сын мой, всегда говоришь такие злые слова! Кто сам себе пожелает худа? Кому это выгодно, чтобы такие, как ты, юнцы безбородые, были брошены в пасть войны? Если бы ты как следует подумал о том, какие мучения испытывает сейчас твоя мать, беспокоясь о тебе, ты не говорил бы таких глупых слов.

Покги Вала тотчас же подхватил:

— А ты сам-то поедешь на войну, если тебе скажут: «Иди»? Конечно, не поедешь, уж это я знаю. Не поедешь, говорю, не поедешь! Да, мой сын, говорить перед народом — это не то, что жать серпом, — куда захотел, туда и ударил! Вот скажи-ка — поедешь на войну или не поедешь?

Артык хмуро посмотрел на толстяка:

— Мираб-ага, что бы тебе говорить немного потолковее! Я и подобные мне пойдем туда, куда нужно. Но куда бы мы ни пошли, больше горя, чем сегодня у нас, мы не встретим. Скот у нас не останется без пастуха.

Ашир постарался сделать намек более ясным:

— Что ты говоришь, Артык! Если у тебя не останется, так у богачей останется. Ты уйдешь, я уйду — кто же будет пасти их скот, растить урожай?

Споры тянулись долго. В конце концов было решено продать арендную долю урожая с общинных земель и вырученные деньги послать Гюльджамал-хан. Но времени оставалось мало, и надо было искать покупателя, который мог бы сразу выложить большую сумму денег.

Покги опять опередил всех:

— Зачем нам кланяться купцам, когда у нас есть такой покупатель, как Артын-ходжайн, и такой денежный человек, как Халназар-бай?

Нобат-бай поддержал предложение толстяка:

— Покги-мираб говорит верно! Например, аульные торговцы не справятся с таким большим делом. И притом с них не сразу получишь деньги, дело затянется, и мы опоздаем с посылкой людей к Гюльджамал-хан. А занять, например, негде. Халназар-бай, ты человек состоятельный, ты и купи арендный урожай, сделай для народа доброе дело. Тогда, бог даст, у нас что-нибудь и выйдет.

Халназар только и ждал этого. Ему хотелось пожать Нобат-баю руку выше запястья. Но, чтобы не выдать своих замыслов и подешевле купить урожай, он пустился на хитрость.

— Мирабы, — раздумчиво заговорил он, — когда Артын-ходжайн приезжал к вам, вы ничего ему прямо не ответили. Кто знает, может быть, он отказался от прежних своих намерений...

Покги Вала, не давая ему договорить, стал упрашивать:

— Бай-ага, что бы там ни было, ты уж как-нибудь постарайся. Дело общее. Народ тебе скажет спасибо.

Халназар вздохнул:

— Ну что ж, для пользы народа, я пожалуй, пойду на это.

Мамедвели, который все сидел и думал, как бы услужить баю, решил, что пришло его время сказать слово.

— Да снизойдет на тебя, бай-ага, милость аллаха! — сказал он, молитвенно подняв глаза. — Для того, чья рука творила на благо народа, двери рая в судный день будут открыты. Да не оскудеет рука дающего! Пусть воздаст тебе аллах сторицей за то, что ты открыл двери щедрости.

Халназар с притворной скромностью обратился ко всем сидевшим в его просторной кибитке:

— Люди! Не подумайте, что я, покупая арендный урожай, забочусь об умножении своего богатства. Моя забота — сделать добро народу. Но если вы не решитесь, пусть останется у вас арендный хлеб, денег взаймы я вам найду. Моих не хватит — возьму у Артына-ходжайна.

Артык, глядя на тучную фигуру бая, невольно подумал: «Да, дождешься от тебя добра! Ты-то уж наверно не прогадаешь. Языком треплешь одно, а думаешь другое: «Лови свинью, когда она в глине увязла!» Но он промолчал, не желая вызывать новую ссору.

Покги Вала предложил сейчас же заключить сделку.

— Бай-ага! — обратился он к Халназару. — Мы верим, что ты готов бескорыстно оказать помощь народу. Но сейчас у дейхан есть подходящий для тебя товар, за который они могут получить деньги. Зачем нам брать в долг, а потом мучиться со сбором дейханских копеек? Сговоримся сразу о цене, и конец делу!

Надо было определить цену арендной доли урожая. Каждый из мирабов уступал эту честь другому, не решаясь брать на себя ответственность. Но Покги Вала не отказался быть судьей в трудном деле. Халназар знал, что Покги постарается назвать подходящую цену, и все же не мог подавить в себе некоторого беспокойства.

— Покги-мираб! — сказал он. — Назначение цены мирабы поручили тебе, я тоже прошу тебя об этом. Ты возьми каждую сторону в руки и взвесь...

— А кого взять в правую руку? — спросил толстяк.

— Пусть не сгорит ни вертел, ни шашлык, — ответил Халназар, но глаза его, смотревшие на Покги, говорили другое.

Покги отогнул ковер у остова кибитки, вырыл ямку в земле и выплюнул в нее табак изо рта. Халназар насторожился. Но Покги, несколько не задумываясь, сделал руками движение, как будто и в самом деле что-то взвешивает, затем окинул взглядом Халназара и всех сидящих:

— Ну, кого же мне защищать? Говорите скорее! Предлагайте! Не то — вот сейчас так сразу и скажу цену. Цена аренды.... пять тысяч рублей!

Халназар облегченно вздохнул. Покги, заметив мелькнувшую в его глазах радость, покряхтел и добавил:

— Каждому мирабу и эмину шелковый халат. Каждому из нас по пять фунтов самого хорошего зеленого чаю. К чаю — по головке сахару. Кроме того — расходы на поездку в Мары двух человек.

Пять тысяч рублей показались Артыку несметным богатством. Он даже представить себе не мог такого количества денег. Когда же он, закрыв глаза, увидел необозримые поля

пшеницы, выросшей на общинных землях, то не мог даже приблизительно прикинуть количества зерна, которое даст урожай с этих земель.

Для Халназара пять тысяч рублей были не такие уж большие деньги. Про себя он думал, что придется дать самое меньшее десять тысяч рублей. Он успел осмотреть арендные поля и все уже подсчитал: от продажи арендной доли зерна можно было выручить тысяч тридцать, а то и все пятьдесят. И все же он не мог устоять перед соблазном хапнуть побольше. После некоторого (??? так и отпечатано ???) рублей я принимаю...

— Мирабы! Легко сказать — пять тысяч... Но вы поручили назначить цену Покги-мирабу, и я тоже протянул ему руку доверия. Поэтому я не откажусь от своего слова. Пусть опечалится армянин: цену в пять тысяч рублей я принимаю...

Люди растерялись от неожиданности. Никому и в голову не приходило, что без споров, не торгуясь, Халназар примет назначенную цену. Правда, никто даже приблизительно не мог определить урожая с общинных земель и стоимости арендной доли. Но всем было достаточно хорошо известна скупость Халназара: даже когда он продавал одну овцу, торговался до упаду. Артык с недоумением думал: «Неужели жадный бай и вправду хочет сделать добро народу?».

— Но только у меня есть одно требование, — продолжал уныло Халназар, — в оплату аренды должна отойти треть урожая.

Это требование даже мирабам показалось странным, а дейхане заволновались. Кто-то пробормотал: «Гм... так!» По задним рядам пробежал ропот, Артык же не мог сдержаться и крикнул:

— Когда же это было, чтобы за аренду брали треть урожая?!

— А когда было, чтобы от нас требовали людей? — спокойно возразил Халназар.

Ашир, сидевший рядом с Артыком, воскликнул:

— Надо же быть таким бессовестным!

— Да разве бывала у нас когда-нибудь такая беда? — подал свой голос ходжа.

— Как же это так? — взволнованно заговорил Черкез. — В оплату аренды мы до сих пор отдавали одну четверть, одну пятую долю. Почему же теперь мы должны отдать одну треть урожая?

— Этому не бывать! — раздались возмущенные голоса. — Пусть попробует взять!

Покги Вала своим криком прервал поднявшийся шум:

— Дейхане! Здесь нет ничего удивительного. Разве до сего времени бывало, чтобы мы платили налог людьми? Нет, не бывало. Мы хотим избавиться от него? Если хотим, так надо согласиться не только на одну треть, а если придется, так и на половину!

— Это треть нашего труда! Так ли ты заговоришь, если у тебя отнять треть твоих доходов?

Покги Вала легко вывернулся:

— Это Халназар-бай просто так говорит об одной трети, чтобы обмануть армянина. А на деле он не возьмет с вас и четверти, он человек справедливый. Он обойдет ваши поля, назначит арендную долю и уйдет. И то, что он назовет одной третью, на деле окажется одной пятой.

Ашир, наоборот, был уверен, что Халназар на каждое поле поставит караульщика.

— Видали мы скупщиков аренды! — крикнул он. — Полагается им четверть — забирают треть, сговорятся о трети — доводят до половины!

— Нельзя же мерить всех на одну мерку!

Нобат-бай, начавший сомневаться, нерешительно подал совет:

— Халназар-бай, а что если, например, урезать арендную долю до одной четверти и сбавить цену?

Покги тотчас же возразил:

— Как же мы посмеем обратиться к Гюльджамал-хан, если у нас будет меньше пяти тысяч рублей?

Халназар отлично понимал, что сделка состоится, даже если он потребует половинную

долю за свои пять тысяч рублей. Поэтому он спокойно выждал, пока улягутся страсти, и равнодушно заговорил, словно потерял всякий интерес к сделке:

— Я хотел немного помочь народу. Но если некоторые этого не понимают, так давайте лучше разойдемся. По теперешним временам ведь трудно сказать — где выгадаешь, где потеряешь.

Покги Вала заморгал своими маленькими глазами.

— Не умеющий говорить — только расстроит, — с упреком бросил он, озираясь вокруг.

После этого многие стали укорять спорщиков. Мирабы решительно взяли сторону Халназара, и торг в конце концов закончился в его пользу.

Голосом, полным достоинства, Халназар позвал слугу:

— Мавы, эй! Мавы!

Мавы все время разжигал за дверью чилимы и подавал в кибитку. Но тут как раз подошла Мехинли и заговорила с ним. Он не сразу услышал голос хозяина, а услышав, мигом вскочил в кибитку:

— Перед тобою, ага! Что прикажешь?

— Ну, куда ты запропастился, поганец? — довольно мягко обратился к нему Халназар-бай. — Заставляешь кричать... Иди скажи, пусть несут обед!

Затем он вынул горсть сотенных бумажек и положил на ладонь Покги Вала:

— Пусть послужат делу избавления народа!

Толстяк Покги сжал в пятерне хрустящие бумажки.

— Пусть размножатся в тысячу раз!

Начали намечать, кому должны быть даны в подарок халаты. Увидев просящие глаза Мамедвели, бай угодил и ему:

— Ходжам-ага, вознеси молитву! Да избавит бог наш народ от этого бедствия... И тебе в подарок один халат!

Мамедвели, как сидел, так и вознес руки к небу:

— Да будет милостлив создатель ко всем правоверным, а между ними и к нам, туркменам! Во имя аллаха! Аллах велик! Да будут пиры и празднества!

За пловом быстро договорились послать к Гюльджамал-хан толстяка Покги и Нобат-бая.

Глава двадцать третья

После свадьбы младшая сестра Ашира, Огуль-Гёзель, согласно обычаю, приехала в дом отца. Прошло уже немало времени с тех пор, как за нее выплачен калым, а она все еще оставалась дома. Каждый день у кибитки появлялись люди, требуя: «Верните!» Огуль-Гёзель ничего еще не успела сшить и приготовить. Поэтому сегодня, собрав девушек и молодых к себе в кибитку, она с их помощью дошивала шелковый халат и два платья.

Семь или восемь девушек и молодых женщин сидели вдоль стены, заняв всю женскую половину кибитки. Среди них была и Айна. Лучи высоко поднявшегося солнца, проникая сквозь дымовое отверстие, заливали светом маленькую кибитку.

Сверкая белизной зубов, молодые женщины смеялись, подшучивали над Огуль-Гёзель. Одна из них, светловолосая, одетая в шелковое платье, с высоким боры-ком, серебряными подвесками и браслетами в пять колец, бросила на молодую насмешливый взгляд и сказала:

— У Огуль-Гёзель сейчас на душе кошки скребут. Достанется ей от мужа!

Другая возразила:

— Ничего! Я хотела бы сейчас быть на ее месте.

— Чему завидуешь?

Остальные подхватили:

— У нее, наверное, сердечко сейчас так и прыгает!

— Сама здесь, а сердце — далеко!

— Потерпи, козочка, считанные денечки остались!
— Девушка, скажи — один день!
— А что такое один день, девушки? Не успеешь и чаю выпить, как прискачут гонцы от милого.

Огуль-Гёзель, стегавшая рукав халата, пыталась остановить поток насмешек:

— Хватит вам болтать попусту!

Гелин принялись пуще прежнего чесать языками:

— Знаем, козочка! Твои денечки переживали и мы!

— На уме одно, на языке другое!

— Девушки, посмотрите-ка на нее! У нее углы губ не сходятся!

— Фу, девушка, постыдилась бы! Разве можно показывать всем, что делается у тебя на душе?

Все захохотали. Огуль-Гёзель смутилась. Одна молодка, недавно вышедшая замуж, подмигнула подругам:

— Что вы к ней привязались! Что же ей теперь — плакать, бедняжке?

— Может и поплакать, если не хочет возвращаться к мужу!

— Ой, что болтает эта Нязик! О чем девушке грустить? Что ее обнимает парень с черными усиками?

— А что, если усы жесткие и будут колоть нежную щечку?

Огуль-Гёзель попыталась напустить серьезность на себя, но из этого ничего не вышло. Зубы ее опять сверкнули белизной:

— Да ну вас совсем! Не нашли другого разговора...

Однако шутки еще долго сыпались со всех сторон, заставляя молодую то краснеть от смущения, то смеяться вместе со всеми.

Только жена Ашира не принимала участия в веселых шутках. Она сидела за шитьем в углу, и в лице ее не было ни кровинки. Ей было не до веселья.

Мать Ашира, готовя угощение для девушек, то входила, то выходила. Когда она услышала разговор о том, что по царскому велению всех молодых мужчин будут отправлять на войну, она чуть не упала.

Девушки и гелин заговорили о письмах с фронта, о наборе добровольцев-джигитов. Разговор коснулся и вчерашнего торга у Халназара и поездки посланцев к вдове Нурберды-хана.

Одна из гелин сказала:

— Да не поколеблется счастье Халназар-бая! Он, говорят, отвалил за арендный урожай кучу денег. Будто сказал даже: «Мне урожай не нужен, возьмите деньги взаймы».

Другая возразила ей:

— Ой, девонька, и вознесла же ты его — до самых небес. А разве не Халназар-бай всегда обманывает народ и оставляет дейханина голодным? Речи его сладки, а мысли — яд.

Хвалившая Халназара не стала спорить и перевела разговор на другое.

— Что там ни говори, — сказала она, — а если Гюльджамал-хан дадут деньги, дело, бог даст, уладится.

Девушки наперебой затараторили:

— Говорят, она прочла молитву братства с белым царем. Конечно, брат не откажет в просьбе сестре!

— Как он может отказать! Перед Гюльджамал-хан, говорят, дрожит сам наместник царя.

— Если царь не послушает ее, то, может быть, хоть побоится. Ведь если все туркмены повернут в одну сторону, никто перед ними не устоит!

Постепенно страхи рассеялись. Снова посыпались шутки. Кибитка наполнилась смехом. На лицах девушек и гелин заиграли улыбки. Повеселела и Айна. Из разговора она поняла, что ее Артыку пока ничто не угрожает, и от радостного волнения щеки ее запылали как маков цвет. Но ее радостное настроение длилось недолго — его отравили острые язычки.

Нарядная гелин вдруг обратилась к ней:

— А ты, Айна, цветешь, как роза! Потерпи, девочка, скоро и твое счастье раскроется!

— Как не быть счастливой невесте богатого!

— Конечно!

— Будет у нее своя кибитка, будет полным-полна — как город! Будет счастливица ходить в шелках, носить золото и серебро, засияет, как солнце!

Эти слова острыми шипами вонзились в сердце Айны. Одна гелин, имевшая свояченицу на выданье, с завистью воскликнула:

— Дай бог каждой такое счастье!

Айна хотела ответить: «Дай бог всем вам такое счастье!» — но к горлу подкатил комок, и она, проглотив слюну, не сказала ни слова. Нашлись и такие, которые посочувствовали ей, и Айна не понимала — делают они это искренне или с тем, чтобы лишний раз уколоть ее.

Одна из гелин, вздохнув, сказала:

— Жаль, что парень неровня ей по годам!

— Да, — подхватила другая, — и, кроме того, шапка у него съехала!

— Что ж из того! — возразила нарядная гелин. — Разве богатство не покрывает всех недостатков?

— Да, богатство — хорошая вещь. Только трудно угодить такому проклятому, если он уже был женат!

— Ой, девушки, за ним ведь и хвост волочится — есть ребенок!

Айна глубоко вздохнула. Лицо ее побледнело, пунцовые, как бутон, губы вздрагивали. Ей хотелось крикнуть на всех, пристыдить, но она только сдержанно за метила:

— Ах, девушки, если вы мечтаете о богатстве, так и выходите за него сами!

Но это только раздражило всех, и вновь послышались насмешливые восклицания:

— Не всякой богатство к лицу!

— Счастье идет счастливому!

— Уж ты, козочка, не притворяйся! Небось сердце пляшет от радости!

— Сегодня она скромничает, а как станет женой бая, и разговаривать не захочет с нами.

— У него, говорят, бельмо на левом глазу!

— Когда он завладеет таким бутончиком, как Айна ни бельма, ни рябин не будет видно!

Айна уже не видела, куда тыкает иголкой, — руки у нее дрожали, глаза застилало слезой. Не зная, от кого ей раньше отбиваться, она ответила только на последние слова нарядной гелин:

— Айна не цветок, который может сорвать первый встречный!

Все видели, что Айна вот-вот расплчется, и шутки прекратились. Но Айна уже ничего толком не соображала. Тяжело вздохнув, она подняла голову и вдруг широко раскрыла глаза: в кибитку вошли Ашир и Артык.

Айна не верила себе. Потом лицо ее засветилось тихой радостью. Она вновь принялась за шитье, украдкой следя за Артыком.

Ашир сел напротив, у стенки кибитки, Артык опустил на кошму рядом с ним.

Светловолосая шутница покосилась на своих подруг и зашептала:

— Девушки, чего нам стесняться мальчика?

Ее соседка, тонкая, черноволосая гелин, сказала вслух:

— Да, конечно, мальчик, только с усиками!..

Гелин потихоньку засмеялись. Айне приятно было слушать такой разговор об Артыке. Губы ее раскрылись в улыбке.

Айна знала об обычае пришивать нитку к одежде юноши, которому девушка отдает предпочтение. Она взглянула на Артыка, на шелковую нитку, которую держала в руке. Ей захотелось встать, пришить эту нитку к чекмену Артыка, мгновение подышать с ним одним воздухом, но она постеснялась.

Между тем светловолосая гелин поднялась с места, подошла к Артыку и молча присела

против него. Слегка закусив кончик шелкового платка, прикрывавшего губы, она заулыбалась ему. Ее горячее дыхание коснулось лица Артыка. Длинными пальцами в кольцах гелин ухватила за чекмень Артыка и воткнула в отворот иголку с красной ниткой.

Айна ненавидящими глазами взглянула на светловолосую. В душе она негодовала и на Артыка: «Зачем он позволяет чужой женщине сидеть около себя, чужим рукам прикасаться к своей одежде?»

Артык заговорил с нарядной гелин:

— У меня есть завязки!

Гелин заулыбалась глазами, губы ее зашевелились под яшмаком.

— Ах, так? А я думала, — ты сиротинушка, решила пожалеть тебя.

Делая вид, что никак не может проткнуть иголку через отворот чекменя, молодка перебрасывалась с Артыком лукавыми, полными скрытого смысла словами. Казалось, и Артыку было приятно, что так близко около него сидит нарядная молодая женщина. Он думал: «Будет ли Айна вот так сидеть возле меня?» — Если б я знал, — услышала Айна, — что есть женщина с таким добрым сердцем, разве ходил бы я с таким грязным воротом?

— Ах, деточка!

— Ах, молодушка, ты думаешь, я совсем ребенок?

— Мальчика, у которого еще молоко на губах, можно и приласкать и погладить по личику!

— Куда уж мне мечтать о таком счастье!

— Чтобы воспользоваться счастьем, надо иметь сообразительность!

— Что может сообразить грудной ребенок? Ему остается только сосать да чмокать губами.

Этот разговор возмутил Айну: «Ну что за ветер у него в голове! — думала она об Артыке, — может быть, он любит вот ту гелин? Иначе разве вел бы он с ней такие разговоры? Зачем же обманывает, зачем кружит мне голову?»

Сердце Айны билось так, словно хотело выскочить из груди. Она еле сдерживалась от желания встать между русоголовой и Артыком и сразу все выяснить. Удерживала мысль: «А что подумают окружающие?» И что могла бы она сказать в свое оправдание, если бы Артык вдруг спросил: «А какое ты имеешь право требовать у меня отчета?»

Айна была еще слишком молода. Ей было известно, что юношам, приходящим на женские посиделки, пришивают к одежде нитку, но она не знала, что молодые замужние женщины обычно ведут с ними такой разговор.

Когда гелин поднялась, Артык вынул из кармана серебряный полтинник и подал ей. Он знал обычай и заранее приготовил монету. Поблагодарив, гелин вернулась на свое место.

Артык посмотрел ей вслед, на ее голые пятки, на вышитые края шальвар и вдруг увидел бледное, расстроенное лицо Айны. Когда он вошел в кибитку, Айна улыбалась, что же случилось теперь? Почему она прячет глаза? И Артык вдруг понял: нитку должна была пришить Айна, а он позволил это сделать другой и вел с ней такой легкомысленный разговор. Ну, конечно, это и обидело Айну. Артык уже раскаивался в том, что так держал себя на глазах у Айны. Он пришел сюда повидаться с ней, обменяться хотя бы взглядом, а она даже не смотрит на него. Конечно, он сам во всем виноват...

Занятый своими мыслями, Артык не слышал, о чем Ашир говорил с девушками и молодыми женщинами, о чем спросил его. Айна подняла на Артыка печальные глаза. Заметив его подавленный вид, она поняла, что Артык мучается раскаянием. Понемногу ее сердце стало успокаиваться. В самом деле, разве Артык виноват в том, что произошло? Разве он звал эту рыжеволосую? Ей уже стало жалко Артыка. Ведь чувствовала она сердцем, что только ради нее пришел он сюда.

Когда Артык поднял голову и взгляды их встретились, глаза у обоих потеплели.

Айна сегодня принарядилась. На голове у нее поблескивала расшитая цветным шелком и серебром шапочка с золотым шишачком. Черные кисти ниспадали на плечи, касаясь пурпурного шелка платья. Заплетенные косы свешивались на грудь и прятались под халатом,

который она шила. Чистый белый лоб, ее тонкие дугообразные брови, нежные веки, пунцовые губы — все в ней казалось Артыку прекрасным как никогда.

Артык испытывал гордость за Айну. Айна радовалась веселому виду Артыка. Сомнения, подозрения отлетели, как пух одуванчика. Разговаривая глазами, они давали друг другу слово.

— Девушки, — вдруг услышал Артык голос Ашира, — а ведь кое-кому придется ехать на тыловые работы!

— О чем тебе горевать в твои двадцать лет? — отозвалась русоголовая гелин.

— Ну, конечно, о вас!

— Нас не возьмут, можешь не беспокоиться!

Артык пошутил:

— Если бы Аширу пришлось ехать с вами, он уж, конечно, не горевал бы. Но...

— Что — но?

— Я думаю, что опечалятся девушки и гелин, когда останутся без любимых.

Русоголовая хотела сказать: «О себе печалься! Вы уедете — другие найдутся!» Но какая-то тревога, поднявшаяся из сокровенного уголка души, не позволила ей шутить. Эта тревога мелькнула и на побледневшем лице Айны.

Глава двадцать четвёртая

Ковер, который Айна закончила три дня тому назад, был разостлан у очага, против двери. Мама выпалась и теперь, поджав под себя ноги, сидела на нем и пила чай.

Опорожнив один чайник, она принялась за другой. Из-под ее тяжелой шапки градом струился пот, стекал по пухлым щекам на губы, на подбородок. Чай разморил ее. Концом головного платка Мама вытерла потное лицо, потом взяла обеими руками подол платья и помахала им; приподняв пальцем шапку, почесала голову, но этого показалось ей мало. Она сняла шапку, — на лбу, у края волос, ясно обозначился красный рубец.

Расшивая воротник халата, Айна украдкой наблюдала за мачехой. Видя, что она пришла в благодушное настроение, Айна решила поговорить с ней.

— Мама! — тихо заговорила она.

Мачеха, придерживав пиалу, которую она вертела в руках, чтобы остудить чай, подняла глаза на Айну. Та сидела потупившись. Сделав подряд несколько глотков, Мама отозвалась равнодушным голосом:

— Что, дочка?

Айна невесело улыбнулась и с трудом проговорила:

— Мама, вы... сватаете меня?

Вопрос Айны, казалось, не произвел никакого впечатления: Мама вытянула левую ногу и стала звучно глотать чай. Но вдруг она отставила пиалу и с удивлением вытаращила на Айну глаза:

— Разве пристало девушке задавать такие вопросы? Ты зачем это спросила?

— Ай, так себе... Мне показалось...

— Это тебя не должно касаться.

— Конечно, мама... Но только...

— Эй, девчонка, не стыдно тебе? Как можно не доверять матери!

Сердце Айны было истерзано. Ей хотелось резко ответить, но она знала, что только лестью можно от нее чего-нибудь добиться.

— Да нет, мама, ты не так меня поняла. Я ведь знаю, что ты вырастила меня и не сделаешь мне худого.

Мама сразу смягчилась и стала хвастаться:

— Ой, и не говори! Чего только я не перенесла, пока ты поднялась. Сколько я потрудилась!

— Я тебе благодарна, мама.

— Да, как бы там ни было, я думаю, что настало время и мне отдохнуть.

Слово «отдохнуть» имело для обеих разный смысл. «Я потрудились, но теперь приду к изобилию», — мечтала Мама. «Мачеха хочет обменять меня на богатство, чтобы больше есть и спать», — думала Айна. И она голосом, в котором прозвучала мольба и тоска, воскликнула:

— Мама!

Удивленная мачеха медленно повернула голову:

— Э... э... девчонка... Что это сегодня с тобой?

— Не продавайте меня!

— Фу, глупая! Что ж, ты век будешь оставаться незамужней?.. А, да провались ты! — вдруг рассердилась Мама. — Не наследницей же тебе быть!

Айна с трудом проглотила слюну:

— Но ведь он — вдовец, с ребенком!

— Ах ты, дрянь девчонка! Что ж из того, что вдовец? Он — почти ровесник тебе, и кибитка у него — всем на зависть, как город!

Айна заморгала влажными глазами:

— Не надо мне кибитки, ничего не надо!

— Пошла вон, чтоб тебе отрезали голову! Нечего сказать, нашла разговор. Разве у твоего отца не было ребенка, когда я выходила за него? Разве я когда-нибудь тяготилась тобой? А ты еще плачешь, когда тебя выдают за хорошего человека. Не ценит добра, чтоб ей отрезали голову!.. Ну и плачь! Поди колючками глаза утри!

Айна, всхлиывая, стала упрашивать:

— Мама!.. Кто же у меня есть, кроме тебя!.. Сжался надо мной! Не бросай в огонь своими руками!

— Замолчи, ужаленная змеей! Я хочу тебе счастья! А ты тут...

Айна прервала ее:

— Не хочу я такого счастья!

— Ты сейчас плачешь, а там благодарить будешь! И я когда-то лила слезы.

— Мама, не мсти за себя!

Мама вздрогнула. Вдруг она швырнула на ковер пиалу, из которой пила, и крикнула:

— Ах ты, чтоб тебе остригли башку! Чтоб тебя на куски изрубили! Я ей добра желаю, а она вон какие слова...

— Лучше быть на куски изрубленной, чем попасть в кибитку постылого!

— Замолчи! Я знаю, что делаю!

Айна долго сдерживалась, но теперь она дала волю своему гневу. Она хорошо помнила, как мачеха в детстве трясла ее за плечи и приговаривала: «Почему ты не пропала, противная!» Тогда лицо ее становилось таким же злым, как сейчас. Она угрожала Айне: «Ух ты, дрянь этакая! Вот погоди — продам тебя самому скверному!» Может быть, у Мама и не было такого намерения, но Айне теперь казалось, что это было давним решением. И она, наполнив свои слова ядом, сказала:

— Если б ты была родной матерью, то пожалела б меня! Со своей Соной ты, конечно, так не поступишь...

Тогда Мама, задрожав от обиды, запричитала:

— Правду говорят: «Платой неверного будет черная сабля». Так-то ты платишь мне за все, что я для тебя сделала! И в холод и в зной нянчилась с тобой, недоедала, недосыпала, только бы никто не бросил упрека, что я не родная мать... — Горло у нее перехватило, глаза наполнились слезами.

Обе заплакали.

— Мама! — снова взмолилась Айна, протягивая руки.

Но мачеха оттолкнула ее:

— Убирайся прочь, чтоб тебе не видеть светлого дня до самой смерти!

Айна со стоном упала на ковер и зарыдала.

Глава двадцать пятая

Когда Нобат-бай и Покги Вала вошли во двор, вышедший им навстречу слуга показал рукой на маленький домик:

— Если вы гости, идите туда.

Слова слуги и указанное им строенье не удовлетворили Покги. Не долго думая, он спросил:

— А где живет Гюльджамал-хан?

Оказывается они вошли во двор не с той стороны. Домик для гостей находился слева. Справа виднелись два дома из жженого кирпича, под железной крышей Слуга указал на дом поменьше.

Покги и Нобат-бай двинулись по указанному направлению. Слуга крикнул им вслед:

— Эй, люди! Помещение для гостей здесь!

Покги обернулся и важно произнес:

— Мы не из тех гостей, которые пойдут туда!

Покги Вала не знал в лицо Гюльджамал-хан, но так как она была из рода Амаша-Гапанов, то он считал ее своей родственницей и верил, что она с радостью встретит его. Для ее детей он купил в подарок фунт конфет в красных и синих бумажках с бахромой на концах.

Было далеко за полдень. Тени толстяка Покги и Ноба-бая, подергиваясь, проплыли по стене, а затем сразу удлинившись, скользнули вдоль дома.

Эти тени нарушили размышления старухи, которая сидела на открытой веранде. К ней, кроме близких, редко кто заходил; слуги парами не ходили, из тех, кто бывал у нее, никто не имел обыкновения появляться с задней стороны дома. Не успела она взглянуть, кому принадлежат тени, как два человека остановились у веранды и в один голос сказали:

— Салям!

Старуха, увидев перед собой незнакомых людей, ответила холодно:

— Здравствуйте!

Это была сама Гюльджамал-хан. Она только что хотела кликнуть слугу, чтобы он показал помещение для гостей, как Покги, сбросил свой хурджун (Хурджун — переметная сумка) на веранду, протянул руку, придерживая рукав:

— Давай-ка поздороваемся, тетушка Гюльджамал!

Гюльджамал-хан растерялась от неожиданности. Решив, что это кто-нибудь из дальних родственников, она обеими ладонями слегка ударила по рукаву толстяка. Потом протянулась рука другого человека. Когда она так же хлопнула ладонями о ватный рукав Нобат-бая, поднялось облачко пыли.

Покги без приглашения уселся на большой ковер и поджал под себя ноги. Гюльджамал-хан пристально смотрела на гостей и не могла понять, кто они и откуда. По самоуверенности толстяка, по его полному красному лицу и по той бесцеремонности, с какой он расселся на ковре, она склонна была принять его за ходжу.

— Ну, гости, спрашивайте, — обратилась она к обоим.

— О нет, Гюльджамал-эдже, начинать тебе!

— Вы — не потомки пророка?

— Откуда ты, оттуда и мы! — ответил Покги.

Гюльджамал-хан опять пристально взглянула на одного, затем на другого и опять ни в одном из них не признала никого из своей многочисленной родни.

При виде Гюльджамал-хан, ее высокомерной холодности Нобат-бай совсем опешил и стоял в нерешительности. Заметив, что он устало переминается с ноги на ногу, Гюльджамал пригласила:

— Проходите, садитесь.

Покги начал спрашивать о здоровье. Казалось, вопросам не будет конца. Нобат-бай тем

временем с любопытством рассматривал владетельную вдову.

Старухе было уже лет под семьдесят, однако стан ее был прям и живые черные глаза не потеряли блеска. Роста она была небольшого, не худая, морщины были мало заметны на ее полном лице, но беззубый рот и запавшие губы выдавали ее преклонный возраст. В одежде ее Нобат-бай не заметил ничего, что бы сильно отличало ее от состоятельных женщин аула. На ней было обыкновенное синее платье, на голове — маленькая шапочка, покрытая белым тонкого шелка платком. Но золотые браслеты с драгоценными камнями, кольца с яхонтами, каких Нобат никогда не видел на байских женах, свидетельствовали о ее богатстве.

Покги уже надоел старухе своими вопросами, и она ждала, когда он кончит, чтобы спросить, кто он и откуда родом. Но болтливый толстяк вдруг сам выпалил:

— Тетушка Гюльджамал, мы из твоих родственников. Если ты из Амаша-Гапанов, то мы из Амаша-Туджинов аула Гоша; и ты Амаша, и мы Амаша — настоящие твои братья! И Непес-бек — зять нашего аула!

На первый взгляд гости не понравились Гюльджамал-хан. Она никого, кроме самых близких людей, не принимала в своих личных покоях и поэтому в душе проклинала своих слуг. Но болтовня Покги оживила ее воспоминания о родном ауле. Она приказала принести чай и стала беседовать с толстяком, вспоминая те времена, когда была девушкой.

Гюльджамал происходила из байской семьи. Имя ее отца было хорошо известно в крае. Когда ее выдали замуж за Нурберды-хана, к ее имени прибавился ханский титул и положением своим она затмила отца. Она особенно гордилась тем, что вырастила сына Юсуп-хана и внука Гарри-хана. Ее радовал блеск на их плечах, хотя сильно огорчало пристрастие обоих к разгульной жизни. Вечное пьянство в доме, однако, не мешало Юсуп-хану властвовать над народом, а Гарри-хану позволило близко сойтись в Петербурге с сынками придворной знати. Уже в преклонном возрасте Гюльджамал-хан ездила в Петербург, «побраталась» с белым царем и преподнесла ему самый красивый шелковый ковер, который когда-либо ткали туркменки. Это возвысило маленькую женщину в глазах народа. «Брат» и «сестра» обменялись дарами: царь передал в личную собственность Гюльджамал-хан большой канал, а она перевела во владения царя все земли Байрам-Али.

Гюльджамал-хан решила, что перед ней — важные лица. Щупая своими черными глазами внушительную фигуру толстяка Покги, она стала даже находить в нем черты сходства со своим братом Непес-беком. Подарочек, который Покги, вынув из хурджуна, бросил на ковер, не произвел на нее никакого впечатления. Но, покосившись на красный узелок, она вспомнила, что и Непес-бек всегда привозил такой узелок, и подумала, что тут дорог не подарок, а проявление родственных чувств.

Чай, который они пили в густой тени дома, привел Покги в благодушное настроение. Постучав о зубы своей тыковкой, он наполнил рот табаком и, причмокивая, говорил без умолку. Скоро ему понадобилось сплюнуть. Дома у себя это было просто: он отгибал край кошмы, вырывал пальцем ямку в земле и выплевывал жвачку. Здесь ковер лежал на крашеном полу, кругом было чисто. Покги, оглядываясь, искал место, куда можно бы сплюнуть; в уголках губ у него уже показалась зеленоватая жижица. Не найдя подходящего места, он подошел к перилам веранды и выплюнул все изо рта под стенку. Изжеванный зеленый табак, как помет дрофы, расплющился на чисто выметенной дорожке.

Гюльджамал-хан в это время была занята разговором с Нобат-баем и не видела, что творилось с Покги. Она услышала только плевков и, оглянувшись, увидела зеленый ошметок на белом песке. Поморщившись, она все же сочла неудобным делать замечание родственнику и крикнула в сторону комнат:

— Принесите плевательницу!

Покги, ничуть не смущаясь, отер грязным платком зеленоватую слюну и сказал:

— Спасибо, тетюшка Гюльджамал, ты умеешь угодить сердцу!

Гюльджамал-хан не знала, зачем пожаловали родственники, но догадывалась. Зашла речь о войне, о наборе на тыловые работы. Покги Вала заговорил, наконец, о цели приезда:

— Гюльджамал-эдже, набор на тыловые работы — бедствие для народа. Народ не знает, как отвести эту напасть. Но если создатель захочет, он все может: распространилась весть, что Гюльджамал-хан поедет к белому царю, попросит освободить туркмен от набора.

Старуха приняла гордый вид. Сморщенной рукой она погладила седые волосы и сказала:

— Да, Покги-бек, бог внушил мне такое намерение. Я считаю своим долгом избавить народ от этой беды.

Покги и в самом деле почувствовал себя беком. То, что сама Гюльджамал-хан величала его титулом своих братьев, заставило его приосаниться.

— Да, мы слышали, что народ собирает деньги на твою поездку. Вот и нас с Нобат-мирабом отправили к тебе. Мы тоже, сколько могли, привезли тебе на расходы.

— Когда выезжали сюда, известили об этом господина полковника?

— Нет. Считали это излишним. Спросишь — не пустит.

— Было б лучше, если бы вы приехали с его разрешения. Правда, сюда ваш полковник не осмелится сунуться.

— Ну и хорошо!

— Да, но позднее он может подвергнуть вас наказанию.

Покги с беспечным видом махнул рукой:

— Ах, тетушка Гюльджамал, когда мы за твоей спиной, кто посмеет задеть нас хоть словом?

— Да, брат мой, если вы упомянете мое имя, никто вас пальцем не тронет.

Нобат-бай зашевелил сначала губами, потом спросил:

— Ну, как, тетушка Гюльджамал, например, собирается немного на расходы?

— Да, если деньгами можно будет что-либо сделать, то эта возможность у меня уже есть.

— Дай-то бог!

С родственной доверчивостью Гюльджамал-хан тут же стала считать, кто сколько привез:

— Вчера копекбайцы привезли тридцать тысяч рублей. А Чопан и Чары-Молла — несколько больше двадцати тысяч. От каждого из сарыкских аулов приходит по десять, по двадцать тысяч. Здесь, в Мары, каждый аул собирает самое меньшее по десять тысяч...

— Ай, молодцы! — воскликнул Покги.

— В общем, мне кажется, собралась значительная сумма.

— Дай бог тебе здоровья и силы, тетушка Гюльджамал!

— Да, Покги-бек, если силы позволят мне сделать это доброе дело, у меня не останется неисполненных желаний.

После подсчетов Гюльджамал-хан Нобат-бай понял, как мало привезли они из аула Гоша. Он стеснялся даже сказать, с чем они приехали. Но Покги, нимало не смущаясь, заявил:

— У нас народ бедный, сама знаешь, тетушка Гюльджамал. Мы привезли тебе всего пять тысяч рублей.

Для Гюльджамал-хан такие деньги ничего не значили, но она и виду не подавала, что мало.

— Я не очень нуждаюсь, брат мой, — сказала она. Нобат-бай, поглаживая бороду, выложил тогда, что его тревожило:

— Тетушка Гюльджамал, я думаю, например, братец не захочет обидеть сестру.

Гюльджамал-хан подняла брови и с улыбкой, преисполненной величия, ответила:

— От Непес-бека, который находится при дворе белого царя, годами не бывает известий, но от моего царственного брата все время приходят приветствия, почетные дары.

Поговорив еще некоторое время, Покги Вала стал считать деньги. Гюльджамал-хан приказала позвать писаря.

— Я заставляю записывать, кто и сколько денег привозит. Все имеет свой счет, —

сказала она, давая понять родственникам, насколько серьезно у нее поставлено дело.

Белолицый писарь с козлиной бороденкой присел на ковре на одну ногу и взял в руку тетрадь и тростниковое перо. Покги Вала стал подсказывать ему:

— Пиши: «От народа Теджена, из аула Гоша... Покги-мираб и Нобат-бай...» Написал? Пиши: «...чтобы освободиться от тыловых работ, привезли наличными Гюльджамал-хан пять тысяч рублей...» Написал? А ну, прочти.

Писарь прочел то, что написал.

— Нет, это не то, — Покги погрозил пальцем. — Напиши: «Выборные народа, надежные люди... Покги-мираб и Нобат-бай...» Написал? Чтобы не было ошибки!

Наконец, писарь удовлетворил Покги-мираба.

На следующее утро, собираясь домой, Покги обратился к Гюльджамал-хан:

— Как бы нам поздороваться с племянником Юсупом?

Юсуп-хан в это время, пропьянствовав всю ночь с чиновниками, спал беспробудным сном. Гюльджамал-хан отвела нежелательную встречу:

— Племянник ваш не совсем здоров. Когда приедете в другой раз, — познакомитесь.

Глава двадцать шестая

Протяжный призыв к вечерней молитве раздался в середине аула и долетел до халназаровского ряда кибиток. Халназар начал поспешно совершать омовение. Сбросив на землю накинутый на плечи халат и шапку, он присел на корточки, вымыл руки, троекратно прополоскал рот и нос и, ополоснув жирное лицо, открыл глаза. Взгляд его упал на Мелекуша, вертевшегося под тяжелой попоной вокруг своего кола. Халназар сдал горлышко белого кувшинчика для омовения и заорал:

— Э-э-эй, кто там! Баллы-ы! Мавы, эй!

Мавы, успевший уже раз десять сбегать в овечий загон с ведром, наполненным дынными корками, бросил ведро и поспешил на зов:

— Пред тобою, ага!

— Чтоб ты околел, проклятый! — выругался Халназар. — Ослеп, что ли? Почему не освободил коня?

Мавы, обтерев о штаны липкие руки, бросился к Ме-лекушу.

Садап-бай, выходящая из кибитки, вздрогнула, когда раздался голос разъяренного Халназара. Мехинли вскочила на ноги, загремев ведром. Бродившие возле кибиток невестки испуганно оглянулись и плотнее закрыли рты яшмаками.

Халназар вымыл правую ногу и сунул в калошу. Когда же он собрался мыть вторую и взялся за кувшинчик, из него вытекло всего несколько капель воды. Приплясывая на одной ноге, он опять заорал:

— Эй, кто там! Эй, вы! — и швырнул посудину. Белый кувшинчик, перекувыркнувшись несколько раз, загремел у двери второй кибитки. Две жены и две невестки кинулись из разных кибиток к Халназару с четырьмя кувшинчиками в руках.

— Эх, свиное отродье, — ругался он. — Дармоеды, чтоб вас разорвало!

Никто из жен и невесток не проронил ни звука.

Белые глаза Халназара наводили ужас на женщин, стоявших с опущенными головами. Они протягивали разъяренному баю свои кувшинчики, прижимая к губам яшмаки. Дрожащая всем телом Мехинли едва держалась на ногах. Халназар схватил первый попавшийся кувшин и бросил в Мехинли. От удара в плечо она пошатнулась, вода потекла по засаленному платью, закапала у щиколоток.

— Чтоб вам сдохнуть, нечистые твари! — рычал Халназар. — Сколько же раз мне говорить, чтобы все делалось вовремя!

Садап-бай со вздохом вымолвила:

— Ой, отец, зачем так ругаться? — и полила ему из своего кувшина.

Халназар обругал и ее:

— И тебе давно пора сдохнуть!.. Не могла доглядеть?

Вымыв ноги, он обсосал с пальцев обеих рук капли воды и, поднявшись, взглянул на запад.

Солнце, огромное, как ворох соломы, стояло над землей на высоте копыя. Маленькие тучки около него переливались разными цветами. Одни блестели, как позолоченные, другие пылали, как жар саксаула. Ветра не было, и солнце казалось осыпанным пылью, поднятой стадом идущих с поля коров. Старики в ватных халатах, бородатые люди в грубых чекменях и безусые юнцы в заломленных набекрень папах шли в мечеть с обеих сторон халназаровского ряда. Халназар не спеша стал собираться.

Когда он вошел в обсаженную колючкой, врытую в землю мечеть, Мамедвели-ходжа в белой чалме уже сидел на месте имама. Позади него горбатый служка, суфий, монотонно тянул слова текбира (Текбир — торжественное славословие аллаху): «Аллахы экбер, аллахы экбер! Эшхеди эн-ля-илля-ха иль аллах» («Аллах велик, аллах велик. Свидетельствую: нет бога кроме аллаха...»).

Всю свою жизнь этот служка в грязной, кое-как надерченной на голове чалме повторял слова текбира, не понимая их смысла.

Имам встал с места и, приступая к молитве, поднял руки к ушам. Молящиеся также поднялись на ноги и стали повторять вслед за имамом все его движения. Халназар поднимался и опускался для земных поклонов, произносил слова молитвы, но мысли его были далеко: «Дыня, полученная в счет арендной доли урожая, гниет и пропадает... Некоторые обмолачивают свою пшеницу тайком, — их трудно учесть. Есть и такие, которые открыто воруют арендную долю... Что с ними делать? К каждой копне караульщика не поставишь!.. И все-таки надо кого-то примерно наказать. Чтоб другим неповадно было!..»

Вот Мамедвели, повернувшись к молящимся, опустил лицо и, потупив взор, повторяет про себя молитвы. У него действительно скорбный вид, и все думают: «Бедняга молит владыку неба и земли за народ, дай бог, чтобы молитва его была принята!» Но и у Мамедвели мысли идут совсем в другом направлении. «Сколько же в том году, — думает он, — будет дохода от подаяний...

Не даст ли Халназар-бай дыньки с арендной доли?» По окончании молитвы люди расселись во дворе перед мечетью. Мамедвели прислонился спиной к двери, а Халназар сел на корточки, — они не хотели пачкать хорошую одежду.

Несмотря на то, что Покги Вала уже несколько раз рассказывал о своей поездке в Мары к Гюльджамал-хан, здесь его опять попросили рассказать. И он охотно заговорил:

— Порядки у Гюльджамал-хан не такие, как у теке и других туркмен. Ох, лучше и не говорить об этом! Нет счету приходящим и уходящим... Да, глупый слуга сперва хотел отвести нас в дом для гостей, но разве я пойду туда? Я пошел прямо к самой Гюльджамал-хан. Она засуетилась: «Ах, ох, мой братик приехал!» — и обняла... Говорить ли о плове, о разных угощениях...

Кто-то из шутников прервал его:

— Покги-мираб, то, что ты ел и пил, — твое. Ты расскажи, о чем говорили.

— Э-эй! Что скажешь, если не было места, куда выплюнуть табак!

— Да, для тебя это... Ты ведь без своей жвачки минуты не проживешь!

— Я-то? А мне все равно, кто передо мной — хан ли, бек ли. Я сплюнул табак под стенку, а они поставили передо мной чашу из серебра и говорят: «Сюда плюй».

— У тебя нет серебряной монетки, чтобы дать жене на украшения, — раздался чей-то недовольный голос, — а у них...

Мамедвели, поглаживая бороду, пояснил:

— Все от бога! Если создатель расщедрится, он сыплет без счета.

Артык сидел в сторонке, подостлав под себя чекмень. Рассказ толстяка Покги и особенно слова ходжи ему не понравились, и он сказал насмешливо:

— Ходжам-ага, совместимо ли со справедливостью бога то, что у одних нечем прикрыть тело, а у других серебра столько, что они плюют в серебряные чаши?

Мамедвели накинулся на него:

— Ах ты, несчастный! Будешь восставать против бога — станешь отступником и проклятие падет на твою голову!

Суфий в желтом халате набожно произнес:

— Аллах, милостив будь к грешным рабам твоим. Покайся, сынок, покайся!

Но Артык, помня слова Ивана Тимофеевича, вовсе не думал каяться и смело вступил в спор:

— По-моему, в этих делах аллах ни при чем!

— Что ж ты думаешь, Гюльджамал-хан воровством накопила свои богатства?

— Думаю, что народ пограбила немало.

Покги поморгал своими маленькими глазками и сказал:

— Ты, халиф, настоящий смутьян! Не можешь утерпеть, чтобы не выскочить против всех. Честь и богатство Гюльджамал-хан не похожи на наше с тобой. Ее и царь знает...

— Конечно, не похожи!

— Если тебе это понятно, так и помалкивай!

— Нет, Покги-мираб, я молчать не буду! — заговорил Артык, вдруг вспомнив все свои обиды. — Вы отняли ото рта у одного, у другого, у третьего, чтобы помазать губы Гюльджамал-хан. Конечно, теперь она может делать горшки для плевков и навоза не то что из серебра — из золота.

— А кто отнял у тебя ото рта?

— Тот, кто взял третью часть моей бахчи! Кто поставил караульщика у копны моей пшеницы!

Халназар не мог стерпеть этого. Он гневно крикнул и огрызнулся:

— Артык, ты знай, кого задеваешь! Я ничего не отнимал у тебя. Я взял только то, что мне положено. Да, я деньги платил за это! И когда ты начнешь молотить пшеницу, я не постесняюсь открыть свой чувал.

— Бай-ага, ты, что ли, помогал мне сеять?

— Я сеял золото!

— Ты сеял золото для того, чтобы сделать золотые плевательницы для Гюльджамал-хан и заодно самому получить раз в двадцать больше положенного!

С разных сторон слышались голоса:

— В словах Артыка есть правда, эй!

— Он правильно говорит!

— Какая тут правда? Ложь!

Мамедвели, протянув руку, успокоил толпу:

— Люди, не будьте легкомысленны! Благодарите бога, если сумеете освободиться от набора ценой урожая и скота. Был бы жив человек, а добро придет. Еще посеете — бог даст урожай, разбогатеете!

Стадо, прошедшее мимо, обдало пылью сидящих возле мечети. Покги Вала воспользовался тем, что разговор оборвался, и продолжал свой рассказ.

— Гюльджамал-хан шлет привет, — снова заговорил он, — всем родственникам, всему народу. Сказала: пусть не печалятся, пусть пребывают в молитвах.

Мамедвели тотчас же отозвался:

— Да сопутствует ей рука всемогущего!

— Сказала так, — продолжал Покги: — Если, дескать, можно будет что-либо сделать деньгами, то их достаточно.

Артык не вытерпел и опять начал:

— Да, если с каждого аула по пять тысяч...

Но Покги перебил его:

— Тетушка Гюльджамал говорит: «Если и на этот раз сумею сделать народу добро, то у меня не останется неисполненных желаний». Она ездила к Куропаткину-генералу, говорила с ним. Тот будто сказал ей: «Ты можешь ехать к белому падишаху, никто не осмелится встать

на твоём пути!»

Мамедвели опять вставил свое слово:

— Если аллах захочет оказать милость народу, он надоумит белого падишаха. Вот видите, и сам наместник царя сказал, что никто не преградит ей дорогу!

— Так вот, тетушка Гюльджамал, стало быть, поедет к царю. «Надежда есть, — говорит она. — До сих пор мои просьбы без внимания не оставались... Пусть, говорит, народ не волнуется, пусть исполняет все, что прикажет господин полковник. Даже если и людей будет требовать, — пусть дадут, у меня, говорит, хватит сил вернуть их оттуда, куда пошлют», — так она сказала.

Артык насмешливо произнес:

— Гм... ловко! Последнее вырвали изо рта, отдали Гюльджамал, а теперь и сам иди в кабалу!

— Эй, парень, ты бы хоть раз открыл рот для доброго слова! — прикрикнул на Артыка Халназар-бай и обратился ко всем: — Люди, вы слышали Покгими-раба, теперь послушайте, что я скажу. Сегодня я ездил к старшине. Бабахан-арчин велел передать: от генерал-губернатора пришел приказ полковнику, полковник через полостных передал его старшинам. В приказе говорится вот что: кто будет мутить народ, распространять всякие ложные слухи, призывать к неповиновению царскому указу, тот будет наказан, того заставят платить тысячу рублей штрафа или посадят на полгода в тюрьму.

Не обратив внимания на слова о наказании, все наперебой стали выкладывать, кто что слышал:

— Говорят, где-то в Джизаке напали на царскую власть...

— А железную дорогу будто всю перевернули и власть взяли в свои руки!

— Да и Гарры-Молла, который ездил на базар, рассказывал что-то похожее!

— Эй, послушайте, вот я слышал новость! Халлы разговаривал с одним приехавшим из Гургена. Тот рассказывал ему: «Тегеран и Тебриз будто захватил халиф Рума (То есть турецкий султан). Через Астрабад и Мазандеран он хочет прийти сюда. Йомуды, говорит, уже готовятся сесть на коней.

Мамедвели не знал, кого слушать, кому верить, какая весть полезней; он потерял все пути и тропинки и сидел, беспомощно оглядываясь по сторонам.

Халназар, кашлянув для важности, нашел уместным сообщить самое важное из того, что он услышал от старшины:

— Послушайте-ка, люди! Старшина говорил мне еще про телеграмму, которую полковник будто бы получил от самого генерала. Говорил, будто в области Самарканд, особенно в Джизаке, расстреляно несколько тысяч человек, оказавших неповиновение воле царя. Имущество их уничтожено, дома сровняли с землей, и скот и земли отобраны. Эту весть полковник велел распространить в народе. Пусть, говорит, ваши люди не заблуждаются, пусть не говорят потом: «Не слышали».

Но и эта попытка Халназара припугнуть людей не имела успеха. Языки у дейхан развязались. Зашла речь о Сары. Сочувствуя ему, люди говорили: «Бедняга! Его избили в тюрьме, на ноги надели кандалы и повезли в Ашхабад».

Артык, говоря о Сары, намекнул на Халназара:

— В сто раз почетнее быть мужественным и сгнить в тюрьме, чем ползать на коленях перед баярами и волостными, служить двум богам и быть проклятым всем народом!

— Вот это правильные речи!

За разговорами не заметили, как зашло солнце, как стало темнеть. Служка поднялся на маленькое возвышение и огляделся по сторонам. С востока поднялась тьма. Уже нельзя было различить стеблей травы. Там, где село солнце, красная полоса погасла, а на ее месте разлился молочно-белый ручей. Умолкли птицы, в поле не осталось скота. Только женщины все еще сутились около своих кибиток — несли дыни с бахчей, заканчивали выпечку хлеба. Под каким-то дейханином быстро семенил ногами серый осел и по временам, раскрыв пасть, наполнял аул своим ревом.

Служка обратился на восток и, закрыв указательными пальцами уши, закричал во весь голос:

— Аллахы экбер, аллахы экбер!..

Его крик заглушил голоса людей, рев осла. Все стали подниматься.

Во время молитвы Халназар думал о том, что услышал, — о восстании джизакцев, о разрушении железной дороги. Вспомнив все, чего он достиг при царской власти, прикинув выгоды от приобретения арендного урожая целого аула, он пришел к выводу: «Нет, нельзя идти против белого падишаха. Это лев, ударит—костей не соберешь. Джизакцы в этом убедились. Вообще, что плохого сделало царское правительство мусульманам? Требуют людей — что ж тут такого? Дадим! Разве нельзя вместо сына послать Мавы? Ну, на худой конец найму человека. Не так уж трудно выкроить каких-нибудь две тысячи рублей, хотя бы с того же арендного урожая. А этого Артыка надо обязательно отправить на тыловые работы. Добьюсь этого всеми правдами и неправдами! Слишком зазнался парень. Пусть помнит, с кем имеет дело!»

Заключительная молитва намаза, которую начал читать Мамедвели, нарушила ход мыслей Халназара, а голоса двинувшихся из мечети людей окончательно рассеяли их.

Возвращаясь из мечети, Халназар заглянул в загон верблюдов, посмотрел на привязанных быков, мимоходом бросил взгляд на Мелекуша и, уже подходя к кибитке, увидел чужих людей, сидевших на разостланной перед входом кошме. Двое были из йомудов: они приехали покупать зерно. Йомуды поставили свои шатры на краю аула, их предводитель вечерами приходил ужинать к Халназару. Халназар купил у них отрезки тонкой шерстяной материи для чекменей, чумалы для зерна, несколько верблюдиц и двухгодовалых верблюжат. Они и распространили вести о восстании йомудов.

Третий гость, увидев Халназара, встал и пошел ему навстречу. Халназар сразу узнал седобородого старика в халате оливкового цвета, в тонких козловых ичигах и желтоватой папахе.

— А-а, дядюшка Эсен-Али! Приехал?

Они горячо поздоровались. Взаимные приветствия, вопросы о здоровье затянулись надолго.

Эсен-Али был другом Халназара, выполнял его поручения по торговым делам. Этот человек из племени Алили был видным купцом, подвизавшимся в предгорьях Копет-Дага. Он присылал самому Халназару халаты, а семье — шелка. Когда скотоводы-курды спускались по эту сторону гор, он сотнями скупал для Халназара коз и курдских баранов, которых Халназар сбывал в обмен на пшеницу и хлопок. В доме бая Эсен-Али всегда был самым желанным гостем. Даже мехинку ему покупал он.

За зеленым чаем, после того как поговорили о делах, Халназар спросил:

— А Гара-ишан здоров?

— Того гляди лопнет от здоровья.

— Э-э, дядюшка Эсен-Али, а ведь он лет на пять старше тебя!

— А он не стареет.

— Зачем ему стариться?

— Да уж бездельник такой — руку в холодную воду не сунет. Съездит в управление, а потом сидит, чаек попивает, ест плов да обнимает молодую жену.

— А все же человек он хороший.

— Настоящий мусульманин. Хотя и стал баяром среди русских, но веры не забывает.

— А помнишь, как он зажал курдов, когда у нас была ссора с ними?

— Курды перед ним и пикнуть не смеют... Да, теперь он в большом почете у русских. Слышал, бай-ага? Йомуды сели на коней, не хотят давать рабочих царю. Так сам губернатор вызывал к себе Гара-ишана, говорят, поручил ему уговорить йомудов подчиниться царскому указу. А сейчас он поехал для переговоров к генералу Мадридову.

Слова Эсен-Али подтверждали все, что услышал Халназар от самих йомудов и узнал из разговоров у мечети. Помолчав немного, он спросил:

— Что делается сейчас у йомудов, не слышал?

— Да что? Говорят, получают оружие от иранских йомудов, хотят соединиться с ними. Слышал я стороной, что здесь, кажется, не обошлось без руки халифа Рума. Приезжали оттуда какие-то люди, предлагали оружие. Во всяком случае это дело не одних йомудских племен — Атабаев или Джафарбаев. Да, а резня там идет крепкая.

— Вот как! А что думают делать люди Аркача?

— Им труднее, они на виду, — железная дорога рядом. Когда власти начинают нажимать, требуя рабочих, говорят: «Дадим». А когда слышат вести о волнениях в аулах Атабаев, решают по-другому: «Не дадим, будем драться». Все же вряд ли они смогут выступить против царя.

Рассказы Эсен-Али окончательно расстроили Халназара. Он с трудом глотал мясо молодого барашка, сваренного с тыквой. И когда йомуды начали уже есть плов, закладывая в рот комки величиной с кошачью голову, Халназар все еще возился с мозговой костью.

Глава двадцать седьмая

Когда Плеяды дошли до того места, где солнце опускается за край земли, а на востоке чуть заалела заря, раздался голос муэдзина, призывающего к молитве. В чистом воздухе рассвета этот голос зычно звучал над аулом, над просторами полей и потревожил, наконец, слух Халназара. Но бай перевернулся тяжелым телом на другой бок и вновь сладко заснул.

Спавшая рядом Садап-бай выскользнула из-под одеяла. Потянувшись, она поправила свою шапку, накинула на голову халат и вышла из кибитки. Гости, похрапывая, спали на кошме у дверей. Сон и неподвижность были повсюду. Только Мавы крошил дынные корки у овечьего загона да Мехинли, загремев ведрами, отправилась за водой. На синем, раскинувшемся огромным зонтом небе редели звезды. Куцый кобель, царапая задними ногами землю, рычал, повернув морду к арыку. Садап-бай подошла поближе, взглянула за глинистый вал давно высохшего арыка: там, рыча друг на друга, целая свора кобелей гонялась за сукой. Верившая в приметы Садап считала, что увидеть с утра ссору — не к добру. «Господи, пусть будет к лучшему!» — пробормотала она и пообещала в жертву целую выпечку чуреков. Затем она прислушалась к звону металлических украшений женщин, доивших в загоне верблюдиц, к журчанию молока, посмотрела на светлое небо и пошла будить Халназара.

— Аю, тебе говорю, слышишь?

Халназар отозвался невнятным мычанием. Садап снова принялась будить:

— Пора бы вставать! Приближается время молитвы.

Подремав еще немного, бай потянулся, зевнул. В нос Садап-бай пахло тяжелым запахом невымытых зубов и съеденной вечером пищи.

Бай проснулся в игривом настроении. В такие минуты Садап-бай считала, что у нее ни в чем нет недостатка.

Совершив омовение, Халназар сходил в мечеть, вернувшись, надел халат, привезенный Эсен-Али, и на открытом воздухе сел пить чай с гостями.

На полосатой скатерти из верблюжьей шерсти лежала груда огромных круглых чуреков. Садап-бай поставила по одну сторону их медные чашки, наполненные топленным маслом и арбузным соком, по другую — чашку сметаны. Халназар макал в масло мягкий чурек и, не переставая жевать, говорил:

— Дядюшка Эсен-Али, в хорошее время ты приехал. Мы готовимся к тою.

— Говорят, старый пьяница всегда попадет к пиру, — пошутил Эсен-Али. — Пусть будет радостным той!

Эсен-Али не было надобности спрашивать, кого женят. Он хорошо знал положение в доме Халназара и то, что один из его сыновей овдовел. Садап-бай, сидевшая позади Халназара, заговорила, жуя губами яшмак:

— Эсен-Али-ага, мы хотим взять в невестки дочь Мерета. Ведь ты знаешь его?

— А-а, Мерета Макула, — подумав немного, сказал Эсен-Али. — Как не знать! Помню, однажды я продавал галбири (Галбири — сорт материи) его жене.

Это было довольно давно, когда Мама была еще молодой. Она так долго ис таким азартом торговалась, что Мерет, все время слушавший молча, не выдержал и сказал: «Уж купи, если хочешь, чего торговаться из-за гроша!» Эсен-Али эти слова пришли по душе, и он воскликнул: «Вот это — макул!» (Макул — рассудительный, благоразумный). С тех пор к Мереду и пристала кличка «макул».

Халназар пояснил:

— Сегодня мы думаем договориться о калыме и назначить день тоя.

— А дядюшка Эсен-Али словно знал, что попадет на свадьбу! — заметила Садап-бай. — Его мешок полон шелковых отрезов на подарки.

— Что ж, ты думаешь, среди предков алилийцев не было потомков пророка? — добродушно сказал Халназар.

После чая Эсен-Али осмотрел пшеницу, которой был наполнен огромный ров. Когда он хотел измерить количество зерна шагами и пошел вокруг рва, то потерял счет шагам. «Если собрать обмолот алилийцев за целый год, и то едва ли будет столько», — подумал он.

Халназар позвал младшего своего сына Ораза и велел ему записать, сколько от кого следовало получить из арендной доли урожая и сколько получено. А как только пришли Мамедвели-ходжа и Покги Вала, он вместе с ними и Эсен-Али направился в дом Мередов.

У Мередов знали, что к ним придут сговариваться насчет калыма. Мама пожертвовала утренним сном, нарядилась в праздничные одежды и приготовилась к встрече гостей. Ради торжественного случая были приглашены родственники Мерета. Айна ушла в соседнюю кибитку.

Сватов встречали у кибитки. Нобат-бай и два старика — родственники Мерета. Один за другим мужчины вошли в кибитку, уселись в ряд на почетном месте. После шутивого разговора во время чаепития речь, наконец, зашла о калыме. Толстяк Покги по своему обыкновению заговорил первым:

— Ну, Нобат-мираб, говори, сколько груза решил взвалить на нас, послушаем.

— Покги-мираб! Например, мы тебе наметили груза достаточно.

Мамедвели заметил шутиво:

— На Покги сколько ни взвали — выдержит!

Эсен-Али, погладив свою лысую блестящую голову, сказал тоном богатого дядюшки:

— Мы пришли, чтобы обогатить вас. Если вы не поленитесь считать, мы не поленимся выкладывать деньги.

Нобат-бай засучил рукава:

— Покги-мираб, раз вы наши аульные, я вас пугать не стану. Калым за девушку, например... шестьсот туманов (Туман - иранская денежная единица).

Покги, совсем не задумываясь над тем, много это или мало, спросил:

— А халатов сколько?

— Халатов — пятьдесят.

— Сколько свадебных баранов?

— Пусть будет тридцать.

Мамедвели ходжа скривил в улыбке свое маленькое лицо, похожее на морду ящерицы:

— Хорошо. Из уважения к девушке скажи тысяча туманов — будет мало. Ну, а сколько скинешь?

Тем временем Мерет лежал у соломенного шалаша, прислонившись спиной к стенке. Он с самого начала был против того, чтобы отдавать дочь за вдовца с ребенком. Час тому назад, стоя перед ним на коленях, Айна умоляла: «Отец, не губи меня! Мама зарится на деньги — она не родная. Не заставляй меня плакать всю жизнь! Как тебе не жаль бросить свое дитя в огонь собственными руками? Отец, пощади меня!» — рыдала Айна, целуя руку отцу.

Мерет ни словом не отозвался на мольбу дочери, только смотрел в сторону с

несчастливым видом, глотая слюну. Он не мог противостоять жене, оказался бессильным поддержать дочь, хотя в душе сочувствовал ей... А сейчас он слышал торг в кибитке, и сердце его разрывалось от жалости при воспоминании, как Айна, рыдая, умоляла его о поддержке. Именно по этой причине он не принимал никакого участия в разговоре о калыме. Правда, считалось и неприличным для отца вмешиваться в такое дело.

А торг в кибитке все продолжался, шум увеличивался. Только к полудню окончательно договорились о цене девушки: четыреста туманов, сорок одежд, двадцать баранов для свадебного угощения. Раскрыли ковровый хурджун Эсен-Али, вынули длинные белые мешочки со сладостями и роздали гостинцы. Потом стали резать привязанного у двери барашка.

Айна с ужасом прислушивалась к доносившемуся до нее шуму. Веселый смех сватов приводил ее в отчаяние. Когда Айна вспоминала рябого, с дурными повадками Баллы, всю ее переворачивало. Если она уж теперь так ненавидит Баллы, что же будет, когда она станет его женой? Ее продают за постылого, кроют ей огненный халат, и на всю жизнь.

В кибитку, где находилась Айна, принесли мешочки со сладостями. Эти конфеты в бумажках с бахромой показались Айне отравой. Она плакала без слез. Советы и уговоры девушек не могли ее успокоить. Одна молодая женщина знала о любви Айны. Теперь, когда торг уже состоялся, она принялась убеждать Айну отказаться от мысли об Артыке.

— Айна-джан, зачем так горевать? — тихо говорила она. — Не ты одна на выданье. Всех девушек так выдают замуж. Разве может быть выбор лучше того, который сделан отцом и матерью? Все равно, говорят, на «твоего» выпал жребий, и он уедет на тыловые работы в Россию. А вернется ли назад — еще неизвестно. Тебе лучше не надеяться на него.

Услышав о том, что Артыку «выпал жребий» и что он уедет на чужую сторону, Айна прислонилась головой к чувалу и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

В это время в кибитке Мередов Эсен-Али вытряхивал из холщовых мешочков серебряные монеты и, отсчитав их, складывал туманами. Нобат-бай тут же передвигал отсчитанное в свою сторону. Мама наслаждалась звоном серебра и тянулась жадными глазами к нему. Она думала о том, как заживет теперь.

Вдруг соседка закрыла выходное отверстие вверх кибитки. Внутри стало темно. Она вроде помогала Айне, старалась разорвать путы, расстроить торг. Но синеватые новенькие краны (Кран — иранская монета) подействовали и на нее. Когда Эсен-Али вложил в руку гелин горсть двукранников, отверстие снова широко раскрылось, и в кибитку хлынул солнечный свет.

После передачи денег сваты договорились еще о том, что в дополнение ко всему Халназар-бай даст два верблюда определенной масти и возраста.

Вслед за тем Мамедвели сказал:

— Нобат-бай, теперь ты нам и сэхет (Сэхет — день и число, благоприятные для всякого начинания) назначь!

— Хорошо, я назначу день. Например, какой у нас месяц, ходжам?

— Месяц Мерета (Месяц Мерета — восьмой месяц лунного исчисления).

— Если месяц Мерета, то, например, сегодня десятое число, не так ли?

— Да.

— На какое же число падает сэхет?

Эсен-Али шутливо заметил:

— Для доброго дела, как говорит ишан-ага, каждый божий день — сэхет. Не так ли, Покги-ага?

— Хей, молодец, очень верно!

— В таком случае... например...

Мама громким шепотом из-под яшмака перебила Нобата:

— Слышишь, отец, вам говорю: у нас будет много гостей, и они должны приехать издалека. Вы уж назначьте день поближе к концу месяца.

Вмешался Мамедвели:

— Мама-бай, сказано: «С добрым делом спеши!» Чем скорее, тем лучше!
Эсен-Али засмеялся и, казалось, поддержал просьбу Мамы:
— Нет ничего лучше свадьбы! Если Мама-бай хочет пригласить много гостей, дадим ей недельку сроку. Пусть днем свадьбы будет семнадцатое число этого месяца.
Мама несколько ниже оттянула свой яшмак:
— Нет, не годится. Сказано: «В субботу не крои, в пятницу не кочуй!» А семнадцатое — суббота.
— Тогда пускай будет пятнадцатого, четверг.
— Оставьте, пожалуйста! Это же бяхлиль! (Бяхлиль — неблагоприятный день) В бях-лиль нельзя двигаться и на юг.
— Хорошо, в таком случае пусть будет восемнадцатое!
— Второе восьмое? (То есть восемнадцатое) Восьминогий — это бродячий. Нет, и это не подойдет.
— Мама-бай, ты и в девятнадцатом найдешь что-нибудь...
— Ах, ишан-ага! Девятнадцатое — день звезды! (День восхода звезды, по поверью, приносит бедствие) Разве вы...
— Постой-ка, молодуха! — прервал Маму Нобат-бай. — Ты так опорочишь все дни. Двадцатое число, например, всегда считалось для туркмена хорошим днем. Пусть это и будет сэхет!
Слова Нобата были одобрены всеми.

Глава двадцать восьмая

На краю бахчи стояло четыре низеньких шалаша. Два из них принадлежало семьям Артыка и Ашира. Неподалеку виднелось еще три-четыре шалаша из хвороста. Это были шалашы жителей Ахала, перекупивших у Халназара часть арендного урожая дынь и арбузов. На юг и на север от шалаша Артыка тянулись бахчевые поля, всюду на земле лежали груды дынь и арбузов. Люди у шалашей резали дыни на дольки и рогульками поднимали их для сушки на навесы.

День клонился к вечеру, солнечный зной понемногу спадал. Небо заволокла редкая, точно растянутая шерсть, пелена облаков. Легкий ветерок нес смешанный запах кунжутного поля, дальней пшеничной стерни и ближних пожелтевших дынь. Ничто вокруг не напоминало о лишениях и недостатках.

Позади шалаша Нурджахан варила в большом котле дынный сок. Подле нее возвышался ворох желтой кожуры. Сок, варившийся с самого утра, тяжело пыхтел на огне, все более сгущаясь и краснея. Нурджахан большим деревянным черпаком приподнимала густую массу, — она тянулась, как патока.

Убедившись, что сок почти готов, Нурджахан пошла в шалаш за пережаренной пшеницей, чтобы подбавить ее в котел. Из этой массы нужно было сделать потом комочки и высушить их на зиму.

Сахат Голак, сидевший у своего шалаша и резавший дыни для сушки, спросил ее:

— Ну как, соседка, сок уварился?

— Кажется, созревает.

Нурджахан посмотрела на соседский навес, осевший под тяжестью сушившейся на нем дыни, и подумала: «Должно быть, и у нас будет не меньше».

Возле Сахата лежал ворох дынь, куча кожуры и семечки на циновке. Его жена нанизывала изрезанные дыни на палочки, а когда они немного подсыхали, поднимала их на навес. Руки у Сахата устали, и он решил немного передохнуть. Выбрав серую, еще не успевшую перезреть круглую дыню, он хотел вырезать и пожевать хрустящий ломтик. Но искалеченная когда-то рука, без большого и указательного пальцев, не удержала дыни: она выскользнула из рук и упала на землю, а нож воткнулся в ладонь. Увидя кровь, Сахат Голак бросил нож и нахмурился:

- Жена, эй! Дай какую-нибудь тряпицу!
- Ой, что случилось?
- Экое проклятье всю жизнь жить калекой!

Пальцы он потерял на постройке железной дороги Мары — Теджен, потерял не от какого-нибудь несчастного случая, а от руки стражника. Тогда Сахат был сильным молодым человеком. На земляные работы начальство согнало тысячи туркмен. В их числе был и Сахат. Люди не выпускали лопат из рук, ко дню прибавляли ночь, а за свой изнурительный труд получали всего по одному крану в день. И этих денег не давали уже три месяца. Выбившиеся из сил, голодные, они тысячной толпой двинулись к Махтумкули-хану, тогдашнему правителю Тедженского уезда. Но Махтумкули-хан вместо того, чтобы выслушать просьбу голодных, вызвал отряд пошчи и приказал гнать тысячную толпу обратно на работы. Вот тогда-то Сахат и потерял пальцы на руке. Остро отточенная сабля стражника молнией сверкнула над ним. Стараясь защитить голову, он поднял руку. Всадник взмахнул шашкой: указательный палец у Сахата отлетел сразу, от большого пальца остался только нижний сустав. С тех пор Сахат и получил прозвище «голак», то есть культяпый, калека.

Всякий раз, когда увечье давало себя чувствовать, Сахат Голак приходил в ярость. Картина избиения стражниками народа вставала перед ним как живая: в такие минуты он словно опять видел широкое поле, усеянное окровавленными шапками, халатами, свалившимися с ног чокаями, видел размозженные головы, выбитые глаза. Сахат метался тогда как помешанный и долго не мог прийти в себя.

В таком возбужденном состоянии застали его Артык и Ашир, вернувшиеся с общего гумна. У одного в руках были вилы, у другого — сито; на лицах обоих лежала пыль. Сахат Голак взглянул на пустую арбу, на старого мерина с отвислой губой, остановившегося неподалеку от шалаша, и понял все. Не спрашивая, он молча опустил голову. Но Нурджахан ничего не подозревала. Она выпрямила спину и улыбнулась Артыку:

- Ну как, сынок, управились с делом? Распределили все?
- Да, все.
- Где же?.. Вы ничего не привезли?
- Да так вышло...
- Или вы закопали зерно?
- Нет, не закапывали.
- Оставили в поле?
- Не осталось и в поле.
- Так что же вы делали?

Артыку хотелось кричать, ругаться, но он боялся причинить матери боль. Горько улыбнувшись, он отер пыль с лица и ответил:

- Мать, мы работали на арендованной земле.
- А разве на арендованной земле урожая не бывает?
- Ты же сама знаешь, мама, — одной третью урожая завладел Халназар-бай... А остальное пошло ему в уплату долгов.

Нурджахан не стала больше ни о чем спрашивать. Повернувшись к шалашу, она наклонилась, чтобы поднять мешок, и украдкой вытерла слезы.

Но Артык не сказал матери о другом, более страшном. Только что на гумне Халназар объявил ему:

- Артык, сегодня мы с эминами бросали жребий, кому идти на тыловые работы. У меня, сам знаешь, четыре сына. Я взял пять жребиев — один на тебя. И вот какое дело, сынок: из этих пяти черный жребий достался... тебе.

Артык с ненавистью взглянул на бая:

- Как же ты мог без меня тянуть мой жребий?
- Времени не было, сынок, с этим делом спешили... А твой черный жребий вынул Покги-эмин.
- Мой жребий никто, кроме меня, не может тянуть!

— Не так это, сынок. Говорю — спешили. Жеребьевка уже кончилась.

— Я не хочу знать такой жеребьевки.

— Артык, ты не дитя, сам понимаешь. Полковник требует немедленно выполнить царское повеление, пришлось торопиться. Кроме того, говорят же: «Проигравший — не плачет». Конечно, и я понимаю — идти туда нелегко. Но ты сын мужественного человека и сам должен быть мужественным.

Льстивые слова бая еще больше возмутили Артыка.

— Ни жребия, ни тяжелой работы я не боюсь, — ответил он Халназару. — Где бы ни пришлось быть, хуже, чем здесь, не будет. Но свой жребий я сам буду тянуть.

Видя, что уговорами ничего не добьешься, Халназар решил припугнуть Артыка. Выкатив белки, он сказал с угрозой:

— Согласен ты или нет, но раз тебе выпал жребий, ты должен идти. Добром не пойдешь — свяжут и поведут!

— Наплевал я на ваш жребий! — запальчиво крикнул Артык. — Не обманете и не купите!

Халназар посмотрел на него злыми глазами; казалось, он сейчас поднимет кулак и ударит Артыка. Однако он только злобно усмехнулся и пошел к своему иноходцу.

Во время всего разговора Ашир молча стоял возле Артыка, сжимая кулаки. И Халназар, видимо, понял, что драться пришлось бы с двумя.

Почти всю дорогу друзья шли молча. На Артыка обрушивалось несчастье за несчастьем. Весь урожай с арендованного общинного участка потерял. Халназар обманной жеребьевкой пытается отправить его на тыловые работы. Но, как говорится, обиженного богом и пророк ткнет посохом, — сегодня Артык узнал, что помолвка Айны все же состоялась и день свадьбы назначен. Ненависть к баю сжигала Артыка. Ашир горячо доказывал, что ничего страшного пока не случилось и надо искать выход из беды. Слова друга несколько успокоили Артыка, и он нашел в себе твердость не обнаруживать перед матерью своей новой раны. Нурджахан уже слышала с помолвке Айны, когда ходила в аул молотить зерно, однако сочла слухи об этом выдумкой самой Мамы.

Артык и Ашир, усевшись возле Сахата, выбрали по дыне, разрезали и стали есть. Как ни терзали душу горькие мысли, как ни жгла досада на бая, все же усталость давала себя знать, и оба с наслаждением жевали тающие во рту ломтики дыни.

Сахат рассчитывал, что ребята наймут пять-шесть верблюдов и привезут пшеницу с арендной земли. То, что они вернулись с пустыми руками, заставило его призадуматься. Одежда на всех потрепалась, а из урожая, видать, не выкроишь и на чекмень. Целый год придется перебиваться только тем, что даст урожай со своего небольшого участка земли. Всю жизнь Сахат Голак гнался за хлебом, и всегда хлеб ускользал от него, как всадник от пешего. Думая об этом, он вспомнил, как в молодые годы тешил себя надеждой выбиться из нужды, и решил рассказать об этом.

— Артык, — заговорил он, — ты, мой милый, был тогда еще очень мал. Нет, погоди-ка... Вы тогда перекочевали на казенные земли, а я, по совету Халназара, пошел на плантации Артына-ходжайна сеять хлопок. Когда мы пришли туда, нам сказали: «Две пятых урожая — ходжайну, остальные — вам». Я тогда ничего не понимал в их порядках; говорили «номер», «десятина», «аренда», говорили разные такие слова и совсем заморочили голову. Мы посеяли много, хлопок поднялся в рост человека. Когда собирали его, мешков было — как этих вот дынь. Люди, приходившие к нам из аула, глядели и удивлялись: «Ну, Сахат, в этом году твоих усов топором не разрубишь — богатым будешь!» Но пусть засохнет арендная земля, подвластная другому! Когда стали рассчитываться, доверенный человек ходжайна начал считать на счетах: туда ударит костяшками, сюда ударит, под конец говорит: «то-то ты брал», «за то с тебя полагается», «там ты нарушил срок», «там с тебя причитается штраф» — так все и вывел впустую. Пропали труды. Оказалось, что я еще остался должен пять с половиной туманов.

Ашир улыбнулся:

— Отец, тогда было еще с полбеда. Хоть выскочили из долгов.

Артык, покончив с дыней, вытер нож и тоже стал вспоминать.

— Дядюшка Сахат, — начал он, — и я не забыл тот год, когда мы перекочевали на казенщину, хотя, верно, был я тогда босоногим мальчишкой. Помню, отец поставил меня сторожить скирды. Надо было распределять урожай, а управляющий все не ехал. Наконец, как-то днем прискакали пять верховых. Среди них был и наш Халназар, тогда он служил мирабом казенного канала. Он же и привел нас на ту землю. С ним были еще старший мираб и один русский. Не слезая с коней, мирабы и их люди стали прикидывать на глаз, каков урожай. Старший мираб расправил бороду, похожую на хвост наседки, и сказал: «В этой скирде много соломы, а зерна мало. Отсюда наверно, уже немало украли». В тот год пшеница действительно была высокая, а зерно тощее. Другой приезжий глянул в лицо старшему мирабу и заявил: «Верблюдов на восемьдесят будет!» Отец так и обмер: «Ай, что ты сказал?» Он хотел что-то объяснить, но ему не дали и слова вымолвить. Халназар, делая вид, что хочет помочь отцу, сказал: «Бабалы — хороший дейханин. Рука его чиста, и сказанное один раз он не заставляет повторять. Надо уменьшить на пять верблюдов». Переводчик перевел слова Халназара. Русский погрозил пальцем мирабу: «Э, бай, ты его руку держишь! Но раз ты сказал — пусть будет так!» И он записал в тетрадь: «Семьдесят пять верблюдов». С этого количества и пришлось платить за аренду. А у соседа скирды в 100 верблюдов записывали в десять верблюдов под тем предлогом, что зерно усохло. Мы тогда еле вылезли из беды, отдав за аренду весь урожай.

Нурджахан прибавила:

— Ох, сынок, скажи, — половину хлопка тоже отдали!

Артык взял мешок, закинул за плечо и отправился на бахчу. Разросшиеся плети от безводья начинали уже увядать. Кое-где дыни точил волосатый красный жук, и на листьях показалась тля. Под листвой везде громоздились дыни — тут были азгын, паяндэки, вахарман, гуляби, тарлоук, гокмурри, челмесек, замча ананасная. Некоторые лопнули, точно у них вырезали по ломтю. В воздухе сильнее всего чувствовался аромат белого акпеша и желтой ананасной. Сколько ни сушили, сколько ни варили дыни, бахчи казались еще нетронутыми.

И все же этот урожай был очень небольшим подспорьем в хозяйстве Артыка. Много дынь уже гнило на земле, много погрызли мыши; упустишь время — пропадут и остальные. Мысли Артыка не отрывались от того, что было перед его глазами. Дыня — это готовая пища. Если ее не съесть вовремя, не убрать, она испортится, пропадет. Но много ли можно съесть? А чтобы продать — нет покупателей. Сколько людей приезжало из Ахала, а много ли они купили? Сущие пустяки. Да и тех дешевкой приманил к себе Халназар. Базар далеко, везти туда — нет лошади. За верблюжий выюк не выручишь и полтинника. Конечно, дыня годится только на сушку и варку. А с этим много возни и мало пользы. Продашь сушеную или вареную — выручишь пустяки. Да и покупателей не сразу найдешь. Бывают годы — остается, заводятся черви.

Артык вышел на бахчу, засеянную попозже. Здесь листва была еще совсем зеленой. Побегов образовали сплошной зеленый ковер. Среди листвы кое-где виднелись зеленые тарлоуки. Вдоль оросительных канавок разлеглись огромные тыквы. А дальше сплошной россыпью лежали громадные арбузы, как стадо овец, задремавших в полдень.

Зрелище этого изобилия приподняло настроение Артыка, и на минуту он забыл о своих невзгодах. Но тут же, вспомнив о жребии, он вновь загрустил.

К нему, нарочито шурша травой, приближался Ашир. Приятель сделал вид, что не замечает, в каком состоянии Артык, и весело крикнул:

— Ну как, Артык, хороши поздние дыни?

— Меня теперь ничто не радует.

— Брось, Артык! Тоска старит человека.

— Дадут ли состариться?

Ашир не знал, что ему ответить.

— Ты подумай, — заговорил Артык, — когда мы сеяли, трудились, нас было двое...

— А когда приступили к дележу урожая, стало трое. «На севе нет его, на уборке нет, а на гумне ходжа тут как тут!» — слышал ведь ты такое?

— Этот «ходжа» Халназар высосал из меня все соки! А теперь покушается и на самую жизнь! — сказал Артык, сверкнув глазами.

Ашир знал, что притеснения и вымогательства Халназара приводили Артыка в бешенство. Он и сам терзался муками друга. Если б Артык сказал: «Бей!» — Ашир был бы готов убить. И все же он принялся его успокаивать.

— Артык, ты не поддавайся отчаянию. Мы этот жребий на его же голову и обрушим!

— Больше нет сил терпеть! Мы стали нищими, а он за наш счет богатеет. Теперь старается послать меня на тыловые работы вместо одного из своих сыновей.

Ашир сжал кулаки:

— Артык, мы еще повоюем с ним!

Но Артык словно переменялся. Он в чем-то сомневался, чего-то боялся, стал нерешительным.

— И Айна от меня уходит, — глухо сказал он. Ашир тоже ни на минуту не забывал об этом. Он думал — что бы такое посоветовать Артыку? После некоторого раздумья он решительно предложил:

— Артык, если не хочешь, чтобы Айна погибла, беги с ней!

— Увезти?

— Чего ты боишься?

— Шекер...

— Шекер... мы заранее отправим к дяде.

Хотя этот совет и понравился Артыку, все же похищение Айны показалось ему трудновыполнимым.

— На словах это легко...

— Я же с тобой!

Артык невольно улыбнулся:

— А ты что — железная крепость? Устоим ли мы оба перед этими тиграми?

— Артык, я ведь не предлагаю тебе прятать Айну в моей кибитке!

— Куда же мы ее денем?

— Лучше всего временно увезти в Ахал.

— А как?

— Поездом. Не заезжая в Теджен, сядем в Такыре.

Артык задумался. Потом с сомнением покачал головой:

— Не так-то это просто. Раньше полуночи Айне не удастся выйти из кибитки, да и то, если посчастливится. А до рассвета разве мы сумеем добраться до Такыра?

— На Такыр сразу не пойдем. Достаточно, если дойдем до камышей. А там легко запутать следы. Они никогда не догадаются. Наоборот, будут думать, что ты ищешь защиты у кого-нибудь из почтенных людей.

— Ашир, а ведь ты порой дело говоришь!

— Гм... А ты Ашира и в грош не ставишь?

Артык был удивлен тем, как верно сегодня рассуждал Ашир, — заранее, что ли, все обдумал? Он хотел уже хлопнуть друга по плечу, но сомнения снова взяли верх:

— Трудное это дело. Арчин Бабахан говорит языком Халназара, волостной поддерживает его...

— Да ну тебя, Артык! — прервал его Ашир. — Ты, как упрямая лошадь... Брось яблоко в небеса, пока упадет — бог знает что может случиться!

— Как бы яблоко не поймали на лету!

— Тьфу, ей-богу! — рассердился Ашир. — А что, если небо упадет на землю?

— Ашир, недаром говорят: «Халат, который кроят, несколько раз примерив, короток не бывает!»

— Так-то оно так, но тут нужна смелость.

Артык ничего не ответил. Ашир принял это за согласие и продолжал:

— Халназар назначил свадьбу на двадцатый день месяца Мереда?

— Так.

— Тебе надо ночи превратить в дни, но собрать урожай и подготовить все остальное. Если нужна помощь — я готов!

— Пшеница почти вся обмолочена. Полдня достаточно, чтобы провеять и ссыпать зерно в чувалы.

Ашир бросил взгляд на угасавшее солнце. Сквозь облачную пелену оно просвечивало красным кругом, воздух казался насыщенным пылью. Ашир указал рукой на закат и сказал:

— Вот видишь, погода портится. Завтра обязательно будет ветер.

Артык взглянул на кунжут. Он пожелтел, казалось, раскрывшиеся стручки его улыбались.

— И кунжут пора убирать.

— Да ведь его не так уж много. Возьмемся вдвоем, уберем за один день...

Красный солнечный круг, опускаясь в серую мглу, коснулся края земли. Артык с мешком, наполненным дынями, вернулся к своему шалашу.

Нурджахан уже подмела у входа, разостлала кошму, заварила чай. Артык растянулся, подложив под локоть шерстяную подушку. Нурджахан отнесла корове дынную кожуру и, вернувшись, села возле Артыка. Видимо, ей хотелось поговорить с сыном, но она не знала, с чего начать. Шекер снимала с навеса подсохшую дыню.

— Устала, мама? — спросил Артык. Нурджахан вздохнула:

— Твоя мать, сынок, устает, когда нет работы.

— Но ты что-то невесела.

— Откуда же быть веселой, сынок? Твой труд за целый год пропал даром.

— Мама, ты ни о чем не беспокойся. Завтра буду молотить на своей земле — там останется, голодать не будем.

— Не об этом думаю, мой ягненок. Пора бы и невестку в дом привести.

— Год не такой, мама, чтобы думать о свадьбе.

Хотя Артык и возражал матери, но при слове «невестка» он подумал об Айне и невольно улыбнулся. Нурджахан продолжала:

— Ах, сынок, говорят: «Бессильный только смотрит».

— Мама, ты слышала? Бросают жребий, кому идти на тыловые работы.

Нурджахан насторожилась, но сделала вид, что ничего об этом не слышала.

— Значит, и тебе, сынок, придется тянуть жребий? Артык решил немного подготовить мать и ответил:

— Придется, мама. Говорят, от каждых пяти кибиток должен пойти один человек. На меня жребий, быть может, и не падет. Но если даже и придется уехать, я долю рабочего не считаю тяжелее дейханской.

— А в какой пятерке, сынок, ты будешь тянуть жребий?

— Говорят, придется тянуть с Халназарами.

— Ой, сынок, дадут ли они тебе равное место рядом с собой?

Артык и не заметил, как у него вырвалось:

— А они уже без меня бросили жребий!

Нурджахан сперва растерялась, потом стала проклинять Халназара и его сыновей:

— Чтоб их всех земля проглотила! Чтоб его богатство принесло ему гибель! О боже, не дай ему умереть своею смертью! Он, проклятый, покушается на единственное мое дитя, на жемчужину моих очей!

Артык не мог сдерживать улыбки и шутливо сказал:

— Ну, мама, от твоих проклятий ему теперь не подняться!

— Ах, если бы мои проклятия разрушили его жизнь!

— Мама, ты напрасно мучишь себя. Если он вздумает обмануть меня неправильной

жеребьевкой, я сам расправлюсь с ним.

Нурджахан, вздохнув, проговорила:

— Дитя мое, от этого человека можно всего ожидать. Пусть его бог накажет!

— Нет, не так, мама! Уступи им раз, они сядут на тебя верхом. Я проучу негодяев!

Неизвестно, долго ли слушал Ашир их разговор, но только он неожиданно отозвался из темноты:

— Обязательно надо проучить!

— Ашир-джан, ты слышал наш разговор?

— Тетушка Нурджахан! Халназар с жиру бесится. И пусть бесится, это даже лучше. Мы покажем этой бешеной собаке...

— Как говорится, труса гони — он станет смелым... — присоединился к беседе Сахат Голак. Но хоть он и посмеялся над горячностью ребят, в душе был согласен с ними.

Беседа затянулась. Разошлись перед рассветом.

Все стихло вокруг. Только изредка слышался вой шакалов, да собаки откликались на него залившимся лаем.

Обитатели шалашей лежали на кошмах, глядя на звезды безлунной ночи, тускло светившие сквозь пыльную мглу.

Глава двадцать девятая

Артык и его пайщики, пропыленные с ног до головы, веяли на гумне зерно. Артык, засучив рукава и закатав выше колен штаны, стоял в пшенице и подбрасывал в руках большое решето. Тощие красноватые зерна непрерывно падали к его ногам, закрывали щиколотки, икры. Артык вытягивал ноги из вороха, поднимался выше и вновь принимался провеивать.

Когда зерно сгребли на середину гумна, образовалась огромная куча. Измерили окружность ступнями — получилось восемьдесят пядей. Артык приподнялся на носках, взглянул на другую сторону и не увидел своего напарника: из-за вороха поблескивали только зубья вил, которые тот держал на плече.

Прикинув на глаз, сколько вышло, Артык подумал: «Жаль, пшеницу хватило жарой и зерно неполное, а то дошло бы до ста двадцати верблюдов. Да и тут будет выюков восемьдесят, не меньше». Он окинул взглядом вытянувшиеся по обеим сторонам гумна ометы соломы, стараясь определить ее количество.

— Изобилие вашему урожаю! Саям! — раздался голос за его спиной.

— Изобилие и вам! — ответил один из пайщиков.

Голос пришедшего не понравился Артыку. Он обернулся и увидел сына аульного торговца, державшего в поводу трех верблюдов. Артык покупал у торговца чай, взял у него материю себе на штаны и рубаху, Шекер на платье, еще что-то по мелочам. Но он знал, что на уплату долгов ему не хватило бы всего урожая, и потому решил не оповещать об обмолоте пшеницы тех, кому был особенно много должен. Он намеревался прежде всего оставить себе на пропитание до нового урожая, а остальное пустить на уплату долгов. Но этот сын торговца со своим «изобилие вам» расстраивал все его планы.

Артык огляделся вокруг. На гумнах дейхане таскали снопы, обмолачивали и провеивали пшеницу. С разных сторон к ним направлялись вереницы верблюдов.

Четыре пайщика чувалами стали делить зерно. По мере того как ворох пшеницы распадался на четыре части, все больше подходило людей с верблюдами, все чаще слышалось «Изобилие вашему урожаю!». К концу дележа на гумне стало шумно и тесно, как на базаре.

На долю каждого пайщика пришлось по двадцать шесть верблюжьих выюков зерна. Артык одну долю земли арендовал, за нее надо было уплатить треть урожая. Поэтому каждый третий чувал пшеницы он отсыпал отдельно. Ему самому оставалось немало, но нахлынувшим заимодавцам причиталось значительно больше. Многие приехали со своими

весами. Сын торговца уже налаживал коромысловые весы. Все, приготовив чувалы, вертелись около пшеницы Артыка.

Не успел Артык сообразить, кому и сколько надо отдать в погашение долга, как на пегих лошадках подъехали еще двое с мешками и все с тем же пожеланием: «Изобилие вам!» Это были старики с седыми бородами, в полосатых халатах и белых чалмах. Артык только искоса взглянул на них, но один из его заимодавцев набросился на вновь прибывших.

— Эй вы, о которых говорят: «Не пахал, не сеял, а на гумне тут как тут!» Не стойте здесь со своими паршивыми чалмами, поворачивайте назад!

Это были попрошайки-ходжи. Человек, набросившийся на них, и раньше жадными глазами смотрел на пшеницу Артыка, боясь, что ему не хватит. Артык с удовольствием повторил бы его слова, обратившись ко всем заимодавцам. Но вместо этого он подошел к весам и стал развешивать пшеницу. Прежде всего он отсыпал двадцать батманов владельцу кобылы, на которой молотил пшеницу, потом — тридцать батманов в покрытие долга за гнедого; отвесил еще кое-кому по три, по пять батманов. Глаза всех толпившихся вокруг поднимались и опускались вместе с чашками весов. Каждый старался протолкаться вперед. Поднялись крики:

— Сыпь сюда!

— Почему ему отдаешь, а мне нет?

— Когда брал, в три погибели гнул, а отдавать — так не замечаешь?!

— Сыпь сюда!

— Дай сюда гири!

Сын торговца схватился за весы. Кто-то, не дождавшись, когда ему отвесят, сам начал насыпать чувал, приговаривая:

— Если так, то лучше быть впереди!

Артык не знал, кому отвечать, кого хватать за руку. Он стоял и только растерянно глядел, как жадные люди расхватывали его пшеницу, словно звери, бросившиеся на легкую добычу. Потом, плюнув на все, он сел на омет соломы и стал смотреть со стороны.

Сын торговца и один из аульных богачей, оба покраснев от натуги, тянули чувал с пшеницей в разные стороны и кричали:

— Ты не возьмешь!

— Попробуй не дать!

— Попробуй взять! Посмотрим, какой ты мужчина!

Артык с отчаяния стал подзадоривать:

— А ну, подеритесь!

Вокруг пшеницы мелькали чужие мешки, шарили чужие, жадные руки. Пшеницу, о которой Артык мечтал в течение целого года и которую он мысленно делил в течение всего дня, растащили быстрее, чем можно было выпить пиалу чаю. Кто наполнил чувал, кто нахватал на целый верблюжий выюк. Те же, кому не досталось ничего, подчищали с гумна остатки с пылью. Сын торговца и тот, с кем он спорил раньше, сцепились снова:

— Хей, негодяй!

— Хей, собака!

Они стукнули друг друга кулаками. Один из пайщиков сказал:

— Вот это и есть то, о чем говорят: «Владелец джугары отрекся от джугары, а воробыи не ладят».

Артык, с отвращением смотревший на все происходящее, раздраженно ответил:

— Меня они уже оставили голодным. Пусть теперь хоть глотки перегрызут друг другу!

Толстый рыжий человек с красным лицом, уцепившись за ворот сына торговца, оторвал у него полрубашки. Сын торговца схватил рыжего за ворот чекменя, но не смог разорвать его и ударил кулаком по бритой голове. Их разняли. Рыжебородый рвался и кричал:

— Пустите меня! Я заставлю его мать залиться слезами!

К Артыку подошел высокий худой старик с редкой бородой — Косе. Ему ничего не

досталось от этого «дележа», и он стал жалобно умолять:

— Артык, ты, сынок, дай мне хоть эту соломку. Остальное... как-нибудь в будущий урожай...

В конце зимы Косе дал Артыку полудохлого барана. Ему причиталось десять батманов пшеницы, а «этой соломки», которую он просил, было не меньше шестидесяти больших мешков.

Артык хотел было ответить Косе, но тут примчался на коне Баллы. По тому, как он торопился, подстегивая коня, видно было, что он очень разгневан. Вслед за ним Мавы вели целый караван верблюдов, гремящих колокольцами.

Осадив коня, Баллы окинул взглядом людей, толпившихся на гумне, затем посмотрел на Артыка, который с безучастным видом сидел на соломе. Вытянув вперед ноги в стремях и откинувшись назад, Баллы важно спросил:

— Это что значит, Артык? Почему не известил меня?

Артык, даже не пошевелившись, спокойно бросил в ответ:

— А кого я извещал?

— Почему, не известив, начал делить?!

Артык горько улыбнулся и ничего не ответил.

— Где моя пшеница?

— Это ты спроси вон тех. Они сами делили здесь.

Рыжебородый, завязывая веревочкой чумал, проговорил с досадой:

— Да-а, те, что раньше приехали, тут насладились.

Баллы окончательно взбесился:

— Значит, мне никакого уважения?! — крикнул он, почти наезжая конем на омет.

— Как хочешь, так и считай!

— Братъ — это можно, а отдавать — зад болит?

Артык вскочил:

— Ты не очень распускай язык!

— Так-то ты держишь слово?

— Никого я сюда не звал! Вы сами набежали, как жуки на навоз!

— Ах, вот как! Долгов не платишь, да еще обзываешь навозными жуками?

Артык спрыгнул с омета:

— Жука тронешь, он уползает, а вы...

Баллы, осадив коня, поднял камчу:

— Так я напомним тебе, негодяй, с кем ты разговариваешь! Я заставлю тебя продать сестру, но долг ты мне заплатишь!

Артык схватил вилы, воткнутые в солому, и пустил их в Баллы. Но тот хлестнул коня. Вилы, скользя по крупу лошади, воткнулись в шею верблюда, на которого грузили пшеницу. Верблюд с ревом вскочил на ноги и шарахнулся в сторону. Рыжебородый вместе со своим чумалом брякнулся наземь. Другие верблюды встали на ноги и рванулись кто куда. В общей суматохе сына торговца сбили с ног, его не завязанные еще чумалы опрокинули, пшеница из них высыпалась. Не обращая ни на кого внимания, Артык подхватил вилы и бросился на Баллы, но тот уже скакал полем во весь опор.

Артык остановился. В голове у него стучало, сердце бешено колотилось. Он долго не мог прийти в себя.

«Навозные жуки» расползлись в разные стороны. Артык подошел к омету, сел и стал обуваться, искоса поглядывая на свой ток. Он был пуст. От всего урожая ему осталась лишь горсточка зерен, застрявших в чокаях. Артык вытряхнул их на землю: доля птиц...

Глава тридцатая

Во второй половине дня Ашир зашел в кибитку Мерета. Мама пила чай, облокотившись на большую подушку. Айна сидела за каким-то шитьем.

Ашир поприветствовал хозяйку:

— Как здоровье, тетушка Мама?

Мама приподнялась, пригладила волосы на висках.

— Слава богу. Проходи, садись, сынок.

— Спасибо, я пришел повидать дядю Мереду.

— Он поехал к сестре. Зачем он тебе?

Ашир опустил на корточки.

— Да вот дело какое: через день-два мы кончаем обмолот пшеницы. Не может ли он дать нам свою кобылку?

Мама чувствовала себя теперь богатой и стала более щедрой.

— Даст, сынок, — сказала она. — Отчего не дать, если никуда не поедет?

Разговаривая с Мамой, Ашир украдкой бросал взгляды в сторону Айны. Обычно жизнерадостная, она теперь была печальна. Щеки поблекли, веки припухли, как после бессонной ночи, живые черные глаза больше не излучали света.

Ашир, собственно, только затем и пришел, чтобы развеять самочувствие Айны, а если представится случай, переброситься с ней несколькими словами. Будто не замечая состояния Айны, Ашир стал шутить, но не смог заставить девушку улыбнуться. Однако ему нужно было хотя бы поймать взгляд, и он заговорил о том, что должно было больше всего волновать девушку.

— Да, говорят, вы выдаете дочь замуж?

— Верно, сынок, — тотчас отозвалась Мама. — Завтра той. Я дала знать твоей матери, пусть и она придет повеселиться у нас.

— Мать просила не сердиться на нее. Она очень хотела бы прийти, но дыни, арбузы гниют — она не может отлучиться с бахчи... Айну отдаете в дом Халназаров?

— Да, сынок, я решила отдать дочку в такое место, где ей будет хорошо. У Айны ни в чем не будет недостатка.

— Конечно. Разве останется у нее хоть одно неисполненное желание, когда она станет невесткою бая?

Сказав это, Ашир скосил глаза на Айну, — та ответила ему гневным взглядом. Глаза ее были влажны. Она отвернулась, и Ашир заметил, что плечи ее вздрагивают.

У Ашира не хватило сил оставаться дольше, и он поднялся. Хотя через соседку Айне уже дали знать, что в эту ночь Артык попытается бежать с ней, Аширу хотелось еще раз как-нибудь подтвердить это.

— Ну, тетушка Мама, будьте здоровы!

— Куда торопишься, сынок? Выпей чаю!

— Я этой ночью должен с товарищем караулить гумно. Он ждет меня.

Ашир шагнул к выходу и увидел, с каким беспокойством взглянула на него Айна. Видимо, девушка поняла, что хотел сказать друг Артыка. Она тотчас сложила свое шитье и встала. Этим она, казалось, хотела сказать: «Я готова». И Ашир это понял.

Выйдя из кибитки, он направился к халназаровскому ряду. При виде огромного рва, наполненного пшеницей, Ашир подумал: «Ну, тут не меньше трех тысяч верблюжьих выюков! А сколько у них еще в скирдах!».

В тени халназаровского дома люди сидели за чаем и оживленно беседовали. Ашира никто не заметил. Он подсел к краю круга и прислушался к разговору. Речь шла о свадьбе. Толстяк Покги жевал табак и, пуская слюну, говорил:

— Халназар-бай, хорошо ли ты приготовился к тою? Ведь завтра привалит уйма народу!

Халназар, глядя свою свежевыбритую голову, сказал с сомнением:

— Народу сейчас не до праздников. Стоит ли устраивать скачки с призами?

Действительно, у народа было достаточно горя. В связи с жеребьевкой и ожиданием отправки на тыло-вые работы настроение у людей было подавленное. Никто в это время не устраивал свадебных праздников. В пурпурных одеждах, на разукрашенных конях ездили

только сыновья баев, волостных да старшин.

Покги Вала, вытерев рот ладонью, сказал:

— Ну, о чем тут беспокоиться! Разве Гюльджамал-хан не дала слово избавить народ от беды?

Черкез, уставившись в маленькие глазки толстяка, раздраженно ответил ему:

— Гюльджамал-хан дала слово! Ты столько болтал о том, что она освободит от тыловых работ... А этого что-то не видно! Не понимаю, как у тебя поворачивается язык говорить все одно и то же о Гюльджамал-хан. Мне кажется, все это была только приманка, чтобы собрать дань с народа.

Раздались голоса:

— Да, пять тысяч рублей она проглотила!

— Не пять тысяч рублей, а целую гору вырванной у народа пшеницы!

— Ну и горло же у старушки!

Покги прервал эти колкие выкрики, решив повернуть разговор в другую сторону:

— Люди! Зачем омрачать праздник? Пусть хоть один день будет веселым! Надо сделать так, чтобы на тое у Халназара народ позабыл про свои горести и печали.

Ашир заерзал на месте и чуть не крикнул: «Я первый постараюсь омрачить той Халназара!» Но, вспомнив, что для него гораздо важнее узнать о всех приготовлениях к свадьбе, он сдержал себя.

Халназар пытливо взглянул в лица своих собеседников. Видя, что даже близкие люди чувствуют себя подавленно, он решил подбодрить их и прикинулся щедрым.

— Покги-мираб, — обратился он к толстяку, — пусть будут скачки и призы, если желает народ! Пусть люди хоть немного повеселятся! Какой ты захочешь, такой и устроим той. Ничего не пожалею для праздника, сколько бы ни пришлось израсходовать добра. Халназар от этого беднее не станет!

— Хей, молодец!

Слова богача всколыхнули всех. Льстивые языки нашли работу:

— Бай-ага — человек благородный!

— Бай-ага, да увеличится твое богатство!

— Если что бывает у нас хорошего, так это всегда исходит от Халназар-бая!

В это время подошли двое певцов с дутарами в руках. Покги встретил их весело:

— Вот они и пожаловали на той!.. Бахши, вы пришли вовремя!

Один из бахши с редкой бороденкой ответил шуткой:

— Бай-ага, у нас всегда добрые намерения. Мы приходим к празднику, а не к покойнику, ищем живых, а не мертвых, как ишаны и ходжи!

— Ай, молодцы!

Человек в желтоватом халате, сгорбленный и седобородый, недовольно сморщил лицо:

— Сказать бы тебе эти слова при ходже! Ты не нашел бы дыры, куда сунуть свою мерзкую ложку (Презрительное название дутара)!

Бахши не обиделся и спокойно ответил:

— Сопы (Сопы (суфий) — аскет, мистик, монах), ты стоишь уже одной ногой в могиле, а слова твои все еще не стали слаще. И зачем тебе отравлять свои последние дни перед муками на том свете?

Покги Вала громко расхохотался:

— Что, сопыга, получил свое? Верно сказано: Азраил уже протянул руку к твоему вороту, а ты все не отказываешься от соблазна мучить людей. Или таково было поручение твоего пира? А что ты ответишь в тесной могиле на вопросы Мункира и Некира? (Мункир и Некир — ангел-защитник и ангел-допросчик).

Старый суфий был дядей Халназара по отцу. В молодости он натворил немало всяких дел и к старости решил замаливать грехи. Бухара и Хива были для него недосыгаемы. Он хотел поехать в Ахал к ишану Хелим-Берды или в Мары к Сахат-Дурды, чтобы поступить к одному из них в мюриды (Мюрид — послушник, ученик пира). Несколько лет тому назад к

Халназар-баю заехал знаменитый пир из Хивы, Бабанияз-ишан, живший в районе Векиля. Слава о нем шла по всему Теджену. Считалось, что Бабанияз-ишан очень силен в коране, на самом же деле он даже не мог правильно читать коран, так как бы неграмотным. Все письменные дела и писание талисманов выполнял для него всегда сопровождавший его мулла. Дядя Халназара стал умолять знаменитого ишана: «Пир мой, прими под свое покровительство грешного раба!» Бабанияз-ишан не мог отказать Халназару. Он сказал: «Встань, мой мюрид! Если богу угодно, я возьму тебя под свое покровительство. Отрешись, мой мюрид, от мира, откажись от наслаждений и радостей, и бог откроет для тебя дверь милосердия!» Он велел мулле записать в список суфиев имя нового мюрида, и с тех пор тот, отрешившись от всего мирского, стал жить по шариату.

Слова веселого толстяка об Азраиле, Мункире и Не-кире рассердили старого суфия, на глазах у него показались слезы. Схватившись за посох своими сухими руками, он встал и ушел, не произнеся ни слова.

Обоим бахши дали место в середине круга и стали просить, чтобы они попели немного до третьего намаза.

Голоса умолкли, наступила тишина. Нежные звуки дутара, затронув сокровенные чувства людей, усилили то, что было у них на душе. У некоторых лица посветлели, заулыбались. Покги не удержался и вскрикнул: «Ай, молодцы!» На других жалобные напевы навеяли грусть. Ашир нахмурился. В душе у него поднялось все наболевшее.

У бахши разгорячились головы, они пели с подъемом.

Покги сказал:

— Бахши, пусть это будет пробным началом праздника! А ну, спойте еще что-нибудь!

Бахши запел народную песню «Горы»:

*Молитву предрассветную прочтя,
Я на заре переходил вас, горы...*

Эта песня напомнила Аширу рассказы старого деда о временах туркменских набегов, и он подумал: «Вот на таком коне, как у Халназара, скакать бы по широким просторам песков, а потом отдыхать в мирных горных долинах!..» Но тут же мечту оборвала более трезвая мысль: уедешь — останется в ауле семья, да и что могут сделать пятьдесят всадников, будь они даже неотразимы, как огонь? И он решил: «Нет, если уж драться, так прямо посреди аула!»

Ашир первый услышал конский топот и, оглянувшись, увидел трех всадников. Передний конь показался ему очень знакомым. Когда всадники приблизились, у Аши-ра дрогнуло сердце: впереди, гордо выгибая шею, скакал гнедой Артыка!

Халназар-бай, Покги Вала и другие пошли навстречу гостям. С гнедого слез волостной Ходжамурад, за ним спешили старшина Бабахан и есаул. Ашир увидел огненный взгляд гнедого, его белое пятно на лбу, и ему захотелось обнять коня за шею. Он был уже совсем рядом, но в это время подошел Баллы, и повод гнедого оказался в чужих руках.

Что сделал бы Артык? Он вырвал бы повод из рук Баллы и ускакал на своем гнедом. Может, быть, в другое время так поступил бы и сам Ашир. Но он помнил, что предстояло ночью, и ноги его не сдвинулись с места.

Для волостного и старшины поверх кошмы разостлали большой ковер. В доме поднялась суэта. Стали резать барана. Невестки Халназара забегали из кибитки в кибитку. Мехинли с кувшином за спиной побежала к колодцу.

Когда Халназар приглашал волостного и старшину, он думал, что они приедут в самый день тоя. Но они приехали сегодня, выказав ему этим особенное уважение. Впрочем, близкие и родственники бая уже начинали съезжаться. На дороге все чаще появлялись кони с развевающимися в челках шелковыми платками.

Бабахан первый поздравил Халназара:

— Господин бай! Да будет благополучен твой праздник!

Халназар склонил голову:

— Пусть будет на то воля аллаха!

Покги Вала польстил начальству:

— Халназар-бай, поздравляю! На твой праздник приехали и волостной-хан, и арчин-хан. Ты всегда был благороден и щедр, но сегодня ты должен показать всю широту души!

— Правильно говоришь, Покги-мираб! — весело отозвался Халназар. — Праздник — праздником, а волостной приезжает не каждый день.

Волостной, положив подле себя роскошную черную папаху с длинными завитками, надвинул на лоб вышитую тюбетейку. Прищурился, он посмотрел вокруг себя и сказал:

— Много дел и забот, господин бай, никак нельзя оторваться. Но хотя мне и не часто приходится бывать у вас, сердцем я всегда с вами.

— Я это знаю, волостной-хан.

После того, как поговорили о дружбе, о свадьбе, речь зашла о наборе на тыловые работы. Гости попросили волостного рассказать, как обстоит дело. Помня о долге службы, Ходжамурад заговорил, как перед старшинами:

— Люди! Вы, конечно, знаете, что по просьбе его превосходительства генерал-губернатора Куропаткина срок набора рабочих по Туркестану его величество белый царь продлил до пятнадцатого сентября. Но сегодня уже двадцать шестое сентября. Значит, после нового срока прошло одиннадцать дней. И все-таки милостливый к мусульманам генерал Куропаткин, зная, что в наших сердцах нет двойственности, и видя, что дейхане заняты сбором зерна и хлопка, не стал привлекать нас к ответственности. Согласно последнему приказу генерала Куропаткина и господина полковника, надо приготовить людей для отправки на тыловые работы к тридцатому числу этого месяца.

Черкез, прикинувшись простачком, спросил волостного:

— Как же это так, господин волостной, а говорили, что Гюльджамал-хан не позволит брать туркмен на тыловые работы! Неужели деньги, которые мы ей послали, пропали даром!

Ходжамурад притворился, что ничего не знает о сборе денег для вдовы хана, и удивленно вскинул брови:

— Ах, вот как! Вы, значит, деньги давали Гюльджамал-хан?

Покги Вала, толкая локтем Черкеза, поспешил ответить:

— Волостной-хан, это человек не совсем в своем уме — какие там деньги?

Но Черкез, не обращая внимания на свирепые толчки в бок, не дал замять разговор.

— Мираб, зачем утаивать правду? — обратился он к толстяку. — Не ты ли вместе с Нобат-баем отвез ей пять тысяч?

Халназар-бай тоже хотел вмешаться, но Черкез, не дав ему и слова сказать, продолжал:

— Значит, пропал-таки даром наш труд... Пот со лба дейханина, муки его ног.

Когда разговор попытались повернуть в другую сторону, Ашир не выдержал и тоже заговорил:

— Бай-ага, Покги-мираб, вон смотрите! Пшеницей и ячменем у вас заполнен весь ров. А кунжута и хлопка будут целые горы. Ваши сундуки полны деньгами, вырученными от аренды. А где же наши пять тысяч рублей, куда они девались? Если завтра людям придется ехать на тыловые работы, им нужна будет одежда, семьи их останутся без кормильцев. Сегодня народ спрашивает у вас отчета.

Покги Вала, хоть и не закладывал в рот табаку, стал ковырять пальцем землю, а затем, забыв вынуть затычку из тыквинки, начал стучать ею о свои зубы. Но Халназар не растерялся. Сдерживая раздражение, он спокойно сказал:

— Такие юнцы, как ты, не должны вырастать там, где их не сажали, они должны сидеть и слушать,

То, что Халназар огрызнулся, наоборот, заставило Ашира заговорить с еще большей горячностью:

— Бай-ага, у меня в кибитке не осталось пищи, чтобы я мог спокойно сидеть и слушать.

Довольно я слушал вас! Вы либо расскажете народу, куда вы девали арендные деньги, либо мы возьмем свою долю вон из тех рвов, которые вы наполнили нашим зерном.

Баллы, стоявший позади Ашира, наклонился над ним и сжал кулак:

— Попробуй только шагнуть к пшенице своею кривою ногой! Буду считать, что ты украл.

Усатый дейханин, поднявшись на колени, вступился за Ашира:

— Если не дадут отчета народу, он вправе взять свою долю из той пшеницы. Да, вправе!

— Вот верное слово! — сразу откликнулось несколько голосов.

Ашир, не обращая внимания на растерянное бормотанье Покги, повысил голос:

— Покги-мираб, ты достаточно морочил нам голову рассказами о Гюльджамал-хан! Теперь здесь находятся люди власти — и волостной и старшина. Они тоже подтвердят, что наше требование законно. Мы требуем: дайте отчет в их присутствии!

Ходжамурад приехал повеселиться на байской свадьбе, и вот едва он появился, как поднялся шум. Он призадумался. Слова дейхан были справедливы. Собрать дань для Гюльджамал-хан никто не имел права. Если поступать по закону, зерно, собранное Халназар-баем, надо отобрать и раздать дейханам, а самого бая отдать под суд. Но как можно предать суду Халназар-бая? Ведь он — его правая рука в ауле. Да к тому же он дружен с самим Артыном-ходжайном, с главным толмачом уездного управления, и сам полковник дружественно к нему расположен. Как можно его опозорить?..

Пока дейхане шумели, переругиваясь с баями и мирабами, волостной думал, как выйти из положения. Затем он заговорил, обращаясь ко всем:

— Народ! Сколько раз предупреждал вас господин полковник: «Не давайте денег Гюльджамал-хан, деньги ваши пропадут!» Сколько раз твердил и я вам об этом!

Старшину просил предупредить, чтобы не делали этого. Ну вот, вы все-таки не послушались, теперь ваши деньги пропали. Его превосходительство генерал Куропаткин не дал разрешения Гюльджамал-хан на поездку к белому царю, — она съездила в Ташкент и вернулась обратно. Теперь пеняйте на себя, в этом ваша собственная вина. Ашир прервал волостного:

— Почему же это наша вина?

Поднялся шум и крики со всех сторон:

— Это вина мирабов!

— Это вина тех, кто совершает тайные сделки за нашей спиной!

— Вина тех, кто взял деньги и отвез!

— Виноват во всем Покги Вала!

Гневные окрики Халназара, вопли Покги, размахивавшего руками и пытавшегося что-то сказать, не могли унять бурю негодования. Дейхан охватила ярость, и они плотной толпой обступили почетных гостей бая. Бабахан приподнялся и, сверкнув черными глазами, грозно прикрикнул. Волостной поднял руку и, когда шум несколько стих, продолжал:

— Люди! Мы приехали сюда не для того, чтобы разрешать ваши споры. Сейчас мы только гости Халназар-бая. Пусть окончится той, пусть те, на кого пал жребий, уедут на тыловые работы, а там мы займемся вашей тяжбой. Сейчас важнее набора тыловых нет ничего. Пока не покончим с этим делом, не будет никаких разговоров, никакого разбора, никакой канцелярии!

Черкез запротестовал:

— Значит, пусть уйдут наши люди, а денежки пропали? Нет, мы так не можем! Пусть заплатит тот, кто растратил наши деньги! Волостной-ага, ты принимай сейчас нашу жалобу! Решай по закону!

Старшина с пеной у рта набросился на дейхан:

— Я всегда говорил, что народ моего арчинства — самый мирный, самый дружный, а вы... Вы опозорили меня перед лицом господина волостного. Это что за разговоры! Что за шум! Разве такие мелкие тяжбы я сам не смогу разрешить? Вы напрасно волнуете господина

волостного. Вам нужна пшеница? Вы голодны? Не только эту пшеницу — Халназар-бай еще прикупит и вам раздаст. Разве вы не знаете его щедрости, не помните, что он взял эту пшеницу, только, чтобы выручить народ?

Так-то вы благодарите его! Это не про вас ли сказано: «Накормившему — плевок в бороду!» Опомнитесь! Постыдитесь хотя бы гостей господина бая!

Усатый дейханин хотел что-то ответить старшине, Ашир привстал, Черкез поднял руку, но волостной, нахмутив брови, раздраженно бросил:

— Разговор окончен! Спорить будете в управлении, после отправки людей на тыловые работы. Если кто не подчинится и снова поднимет голос, — пойдет впереди есаула!

Ашир не побоялся бы угрозы, но ради Артыка, ради того, чтобы помочь другу в трудном и опасном деле, он прикусил язык.

Споры прекратились. Люди стали понемногу расходиться. Волостной и старшина угрюмо потягивали зеленый чай из пиал. Муэдзин прокричал призыв к предзакатной молитве.

Оставив позади халназаровский ряд кибиток, Ашир быстро шагал по пыльной дороге к своему шалашу. Встречный ветер раздувал завитки его папахи. Чем ближе он подходил к бахче, тем сильнее бил в лицо запах дынь и арбузов. Когда он дошел до шалаша, солнце уже закатилось.

Артыка он застал в глубокой задумчивости. На коленях у него была дыня, в руке нож, но он сидел неподвижно. Его угнетала мысль об опасности, которой он подвергал Айну. «Может быть, сегодня для нее зашло последнее солнце...» — мелькнуло у него, и он прижал ножик ко лбу. В этот момент подошел Ашир. Заметив его, Артык бросил нож в кожуру и тяжело вздохнул.

Ашир, хоть и понимал настроение друга, начал шутить:

— Ну, Артык, какие это такие безысходные думы затуманили твои глаза?

— Да так... Сижу вот, режу дыню... Немного устал.

Ашир, присев подле него, взялся за дыню.

— Что ж, ты решил и от меня скрывать свои думы?

— Как будто ты их сам не знаешь! О чем спрашиваешь? — недовольно проговорил Артык.

Ашир хлопнул его по плечу:

— Друг, из того, что ты сидишь и без конца размышляешь, толку не будет! Давай дыню есть.

— Ашир, не мели попусту. Есть хорошие вести — выкладывай!

— А недобрые спрятать?

Артык бросил хмурый взгляд на Ашира. Ашир тут же спохватился и в один миг нашел способ обрадовать друга:

— Твоя возлюбленная связала вещи в узелок, сидит и ждет тебя.

Не помня себя от радости, Артык схватил Ашира за плечо:

— Ты видел Айну?

— Видел.

— Ну, как она?

— Как ты, так и она.

— Ты с ней говорил?

— Не языком, а глазами.

— Что у нее на душе?

— Что у тебя, то и у нее.

— Ашир, что же она сказала?

— Ничего не сказала.

Артык снял руку с плеча Ашира. Радость на его лице снова сменилась грустью. «Вот я и стал игрушкой,— подумал он. — Даже Ашир играет мной». И все же он не мог удержаться от вопросов:

— Ну и как же?..

Ашир укоризненно покачал головой:

— Ах, эй-богу, ты как ребенок!

— Что же мне делать, если от тебя ничего путного не добьешься?

— Почему? Я тебе толком говорю. Был в кибитке Мередов. Видел Айну. Сидит с таким кислым лицом, как и ты. Хочешь знать, что было дальше? Слушай. Я заговорил о свадьбе. Мама заулыбалась. Айна заплакала. Мама хотела, чтобы я остался пить чай. Я отказался, сказал: «Этой ночью буду с товарищем караулить гумно». Мама сидела с раскрытым ртом. Айна поняла. Я моргнул ей. И она поняла. Ну, чего тебе еще надо?

Ашир рассказал и о том, что он видел и слышал у Халназара. Когда он упомянул о гнедом, у Артыка помутилось в голове. Задыхаясь от волнения, он сказал:

— Если сумею увести Айну, то и гнедого уведу!

— Значит, одной пулей думаешь убить двух зайцев?

— Если повезет, если сердце будет на месте, — почему нет.

— Смотри — погонишься за большим, все потеряешь!

Артык подумал немного и согласился с Аширом:

— Ты прав, Ашир. Может быть, я и добился бы удачи, да нажил бы очень опасных врагов.

Подкрепившись дыней, они немного отдохнули и стали собираться в далекий путь.

Глава тридцать первая

Ущербная луна поднялась уже довольно высоко, когда Артык и Ашир пошли с бахчи. Небо было слегка заволочено, луна желтоватым пятном просвечивала сквозь пелену облаков, и воздух казался наполненным какой-то бледновато-серебристой мглой. Небольшой ветерок раскачивал верхушки камышей, разросшихся по берегам большого арыка. От камышей веяло прохладой.

Тихо разговаривая, друзья подошли к аулу. Совсем близко слышался лай собак. Из дома Халназара доносился голос бахши.

Кибитка Айны стояла шагах в двухстах от большого арыка, идущего от главного канала в сторону Полярной звезды. Небольшая полянка позади кибитки была засажена дынями. Артык и Ашир прошли грядками, перебрались через старое русло арыка, легли на поросший травой противоположной стороне вала и стали ждать.

Была полночь. Аул спал, только в кибитках Халназар-бая было шумно. Голос бахши ясно слышался в ночной тишине. После долгого ожидания Артык нетерпеливо сказал:

— Пора бы уже... Чего это она не идет?

— Быть может, в кибитке не спят?

— Ты ведь говорил, что Меред уехал.

— Он мог и вернуться. Может, мачеха стережет ее?

— Ну, если стережет Мама, — уйти нетрудно.

— Ради халназаровского богатства она может и не поспать одну ночь.

После некоторого перерыва опять раздалась песня бахши:

*Прощай, Зохре, душа души,
Навек, любимая, прощай...*

«Быть может, и мне придется сегодня навек распрощаться с Айной» — думал Артык.

Айна давно лежала с открытыми глазами и приходила в отчаяние от того, что мачеха никак не хотела уснуть. Сначала она долго не ложилась, ожидая Мереду, а с ним кого-либо из родственников. Потом легла, но не засыпала, заснула, но не храпела. Это было непостижимо: давно перевалило за полночь, а Мама ни разу не всхрапнула. В другое время Айна посмеялась бы над мачехой, но сейчас ей было не до того. Тревога ее росла с каждой

минутой.

Наконец кибитка наполнилась громким храпом. У Айны словно камень свалился с груди. Тихонько, чтобы не звякнуть серебряными украшениями, она поднялась с постели, надела приготовленный еще днем красный с белыми полосами шелковый халат и, на цыпочках подойдя к двери, открыла ее. Влажный, прохладный ветер пахнул ей в лицо. Песня бахши «Прощай, Зохре» коснулась нежных струн ее сердца. Она с радостью подумала, что прощается не с Артыком, а с мачехой, которая хотела ее погубить. Но когда она выходила, расштанная дверь вырвалась из рук и с треском ударилась о стенку кибитки. Мама сразу проснулась и, вскочив с постели, испуганно закричала:

— Айна! Айна-эй! Куда ты запропастилась?

У Айны сильно забилося сердце. Она решила, что все пропало. Горло перехватило от волнения, но все же она не растерялась:

— Ай, мама, куда же мне деться? Иду подоить верблюдицу, — ответила она и, загремя ведром, стоявшим у двери, направилась в стойло.

Мама, простоволосая, позабыв даже надеть свалившуюся с головы шапку, выбежала из кибитки. Но Айна уже успела поднять верблюдицу и присела под нее. Все подозрения мачехи тотчас же рассеялись. «Разве я так воспитала Айну? — подумала она. — Нет, она не опозорит меня. Это все проклятый шайтан мне нашептывает, чтоб егохватило заморозком!» Суеверно отплевываясь, она вдохнула в себя влажный воздух и, сладко потянувшись, вернулась в кибитку.

Айна раза три прикоснулась к соскам верблюдицы и пустила к ней верблюжонка. Дальше она не знала, что делать. Мачеха явно следила за ней. Полночь уже давно прошла, все казалось ей безнадежным. Айна сквозь слезы взглянула на небо и заметила, что Плеяды уже клонятся к закату. «Артык-джап!..» — с тоской прошептала она. Но в это время ей пришла в голову ободряющая мысль: «Не может же Мама не спать всю ночь!» Это успокоило ее. Она вернулась в кибитку и легла спать.

Над аулом стояла глубокая тишина. Замолк голос бахши. Уши Артыка не улавливали ничего, кроме шелеста камыша да далекого воя шакалов.

Во всем ауле не спали только Айна и мачеха, да Артык с Аширом.

Мама грузно ворочалась в своей постели, шумно вздыхала, Айна беззвучно плакала, уткнувшись лицом в подушку. Незаметно для себя она стала дремать. Вдруг Айна увидела перед собою Артыка. Она бросилась к нему, прижалась к его плечу и громко разрыдалась. Потом, подняв голову и увидев улыбающееся лицо Артыка, она обняла его и поцеловала. В это время подбежала Мама и схватила ее за руку. «Аю, слышите! Девушка ушла, помогите!» — закричала она во все горло. Айна вырвала руку. «Я не вернусь, хоть убейте!» — крикнула она и... проснулась. В темной кибитке раздавался мерный храп мачехи.

Айна мигом сбросила с себя одеяло и вскочила на ноги. Мимолетный сон так взволновал ее, что она готова была сейчас же опрометью бежать из кибитки. Но ровный храп мачехи напомнил ей, что волноваться и спешить нечего. На этот раз она очень осторожно открыла дверь.

Выйдя к задней решетке кибитки, Айна постояла немного, стараясь прийти в себя. Сердце ее готово было выскочить из груди. При мысли, что Артык мог уйти, девушку охватила страшная тревога, и она, не думая больше ни о чем, не оглядываясь, побежала через грядки к арыку.

Артык лежал на склоне вала и напряженно вглядывался в ночную мглу. Вдруг он вздрогнул: «Идет!»

Ашир сидел и от нечего делать грыз арбузные семечки. Волнение Артыка передалось и ему. Увидев быстро приближающуюся от кибитки тень девушки, он молча поднялся и, чтобы не мешать им, тихонько пошел по берегу арыка в направлении главного канала.

Артык бросился навстречу Айне. Не прошло и минуты, как Айна, взбежав на противоположный вал, прыгнула вниз и очутилась в его объятиях.

Однако не время было предаваться радостям встречи.

Петухи кричали уже в третий раз, приближался рассвет. Артык взял Айну за руку и пошел вслед за Аширом. Близко залаяла собака. Оба вздрогнули и оглянулись, но никого вокруг не было.

Три путника направились к главному каналу. Небо прояснилось. Звезды, весело мигая, смотрели на них с вышины, ущербный месяц провожал их косым взглядом. Легко ступали ноги по бездорожью, по сухой, колючей траве. Дойдя до главного канала, путники повернули на восток.

Когда они подошли к густым зарослям тростника, восточный край неба начал светлеть. Откуда-то донесся голос муэдзина, призывающего к молитве. Тростник на ветру шумел, тихо раскачиваясь пушистыми початками. Беглецы вошли в его чашу и вдруг услышали топот копыт. По дороге ехал всадник, сзади него на крупе сидел кто-то. Лошадь зафыркала, попятилась с дороги, но всадник дернул ее за узду.

Айна узнала проезжавших и шепнула Артыку:

— Это отец и его сестра!

Артык придавил ногой тростниковый стебель, стоявший между ним и Айной, и усмехнулся:

— Пускай их едут, моя Айна-джан! Ведь они спешат на свадьбу!

— Да, как бы Маме не пришлось на такой «свадьбе» поплакать! — засмеялся Ашир.

Глава тридцать вторая

На рассвете Меред, всполошив собак, подъехал к кибитке и, не слезая с лошади, крикнул:

— Айна! Айна!

Айна не отзывалась.

Меред слез с кобылы и снял сестру. Затем он подошел к двери кибитки и, просунув голову внутрь, еще раз крикнул:

— Эй, слышишь!

Это было уже обращение к жене, так как жен называть по имени не полагалось. Но Мама не слышала.

Тогда Меред пропустил сестру в кибитку, а сам пошел привязать кобылу.

Сестра перешагнула порог, позвала:

— Душенька Мама! Мама!

Ей ответил густой храп. Не видя ничего в кибитке, сестра Мереди стала звать Айну:

— Айна-джан! Дочка!

Но и на этот раз ей никто не откликнулся.

Тетка Айны ожидала, что ее радостно встретят, выйдут к ней, помогут слезть с лошади, поздороваются, обнимут. Она уже заранее видела, как прижмет к груди невесту, станет ее уговаривать, давать советы. Обманувшись в своих ожиданиях, она растерянно стояла в темной кибитке, наполненной храпом Мама.

Вошел Меред, бросил в посудный угол торбу с праздничными лепешками и громко спросил:

— Не встают?

— Нет.

Мереди удивило, что Айна так крепко спит. Мелькнула тревожная мысль, но он тотчас успокоил себя, подумав: «Она, должно быть, в тоске не сомкнула глаз всю ночь, а теперь уснула тяжелым сном». Ощупью подошел он к постели Мама и принялся расталкивать ее. Мама пробормотала что-то и повернулась на другой бок. Меред схватил ее за плечи и начал трясти:

— Да вставай же!

Мама, наконец, очнулась и удивленно сказала:

— Аю, ты уже приехал!

Глаза Мереди стали различать в темноте. Взглянув на постель Айны, он встревожился: «Где же она? Может, спит у соседки?».

— А где Айна? — спросил он.

Не совсем еще проснувшись, Мама забормотала:

— Айна... Айна... вышла подоить верблюдицу.

В это время сестра Мереди подошла к полусонной чесавшейся Маме и, поздоровавшись, хлопнула ее ладонями по плечам. Мама вздрогнула и широко раскрыла глаза:

— А, Боссан, это ты? Здравствуй.

Мереди встревожился еще больше. Он только что видел верблюдицу, спокойно лежавшую на земле.

— Слышишь, тебе говорю! — закричал он жене. — Где Айна?

Мама вскочила с постели.

— Айна, Айна... — Она заметалась по кибитке, ощупала пустую постель. Вдруг она вспомнила, как просыпалась ночью, и пришла в неопишное волнение.

— Ой, горе мне! — воскликнула она и бросилась к двери. Споткнувшись, упала, но тотчас вскочила на ноги. С криками: «Айна! Эй, Айна!» — она обежала вокруг верблюдицы, вокруг кибитки и, остановившись, повела безумным взглядом, — Айны нигде не было. Тогда она рванула ворот рубашки, и дикие вопли понеслись по аулу:

— Помогите!.. Аю, горе мне, девушка убежала! Помогите, помогите! Сбежала девушка!

Вопли Мамы донеслись и до халназаровского ряда. Услышав их, Садап-бай выбежала из кибитки, послушала и бросилась будить Халназара.

— Аю, отец! Слышишь, тебе говорю! — принялась она расталкивать мужа. — Вставай скорее!

— Что?.. В чем дело? — пробормотал Халназар, приподняв голову.

— Мама кричит...

— Э, скверная баба! — выругался Халназар. — Разве едут за невестой в такую рань? — И уронил голову на подушку.

— Отец, мы осрамылись!

— Что? Что ты болтаешь?

— Мама кричит — сбежала девушка! Айна сбежала!

Халназара точно подбросило. В одной рубашке, босиком, с непокрытой головой он выбежал за дверь и даже не почувствовал, как его потное тело обдало утренним холодом. Он прислушался. Отчаянные вопли Мамы, казалось, раздавались совсем рядом:

— Аю-у-у, Халназар-баю-у-у! Помоги-и-те-е! Пропало де-е-ло-о-о.

Бай, обезумев от ярости, заорал страшным голосом:

— Э-э-эй! Вставайте! Все на коней!..

Волостной сел на постели, кулаками протер глаза. Первой его мыслью было: «Дейхане напали на Халназара!» Дрожащими руками он растолкал старшину. Баба-хан поднялся и ничего не понимающими глазами уставился на волостного. Оба прислушивались к переполоху, поднявшемуся в байских кибитках, к истошным воплям женщин и ржанью коней и от страха не могли вымолвить и слова. Волостной первый трясущимися руками стал надевать штаны. Через минуту оба, схватив халаты и набросив на голову папахи, выскочили за дверь.

Халназар успел поднять всех сыновей и родственников, съехавшихся на той, и сам спешил к волостному и старшине, уже одетый, с плетью в руке. Увидев его, перепуганные на смерть начальники бросились к нему:

— Бай, что случилось? Где наши кони?

Халназар понял, что перепугал гостей, но от волнения сразу не мог объяснить, в чем дело:

— Волостной-хан, арчин-хан, не гневайтесь, — я не вам кричал.

— А кому же?

— Будил своих людей.
— Зачем? Тебя спрашивают: что случилось?
— Беда обрушилась на мою голову!
— Какая беда?
— Девушка сбежала!
Ходжамурад облегченно вздохнул. Бабахан спросил:
— Твоя дочь?
— Моей дочери я бы раньше голову снес.
— Так чья же?
— Мерета Макула.
— Меред... Макул... — пробормотал Ходжамурад. — Кто такой?

Старшина пояснил:

— Сбежала будущая невестка бая.

Халназар опустил голову:

— Да, вот так бывает... Не знаешь, где тебя беда подстерегает.

Волостной, отделавшись от испуга, стал успокаивать Халназара:

— Господин бай, ты не горюй. Горе пришло не к тебе, а к другому. Пошли вдогонку всадников, заставь найти, привести. А я... Кто бы ни был человек, опозоривший твой дом, он ответит за все. В Сибирь загоню негодяя!

Грозные слова волостного несколько ободрили упавшего духом Халназара, и он с благодарностью произнес:

— Пошли тебе бог здоровья, хан-волостной!

— Бай-ага, куда дойдет дыхание волостного, там не спасется и крылатая птица, — добавил Бабахан. — А справиться с испорченной девчонкой не труднее, чем снять седло с осла. Ты сегодня приведи ее в дом, а завтра снова устраивай той — почему не женить Баллы в третий раз? А беглянка пусть на всю жизнь останется на черной работе, на побегушках.

— Правильно, арчин-хан... — заговорил волостной, но, не закончив, схватился рукою за грудь и закашлялся.

Халназар угодливо залебезил:

— Ах, мой хан, Ходжамурад! Выскочили без халатов на холод — ведь так и простудиться недолго. Войдите в дом, согрейтесь!

У Мерета не было родни, которая могла бы помочь ему, а сам он был тихим человеком. Поэтому все заботы о розыске беглецов Халназар взял на себя.

Когда он вышел от старшины и волостного, к нему подбежала Мама. Босая, растрепанная, она не переставая плакала, размазывая слезы ладонью. Халназар знал, что Меред все время был против того, чтобы выдать дочь в его дом, но в искренности Мамы не сомневался. Всем своим видом она говорила: «У меня нет заступника, кроме тебя, приложи старания!»

Халназар стал расспрашивать Маму, не замечала ли она чего-либо подозрительного. Мама никого не могла заподозрить. Артык не часто показывался возле их кибитки, вместе с Айной она никогда его не видала, да вообще ей и в голову не приходило, что Айна может сбежать. Из всего, что хоть в малейшей степени могло навести подозрение, она припомнила только неожиданный приход Ашира перед вечером. Об этом она и сказала баю.

Имя Ашира сразу насторожило Халназара. Вспомнив, как резко выступал Ашир при народе и волостном, он чуть было не сказал: «Обязательно он!» — но вдруг сообразил, что тот был женат. Правда, жена у Ашира была хвора, но как можно заподозрить в таком деле женатого человека, да еще бедняка, у которого в семье не часто едят досыта? Что ему — не хватает лишнего рта? И все-таки в голову Халназара настойчиво лезла мысль: «Хвора, жена все равно что мертвая, а такая, как Айна, сбившаяся с пути девушка, может не посчитаться ни с чем» Он поделился этой мыслью с Мамой, а та сейчас же подхватила ее:

— Никто, как он!

Было ясно, что укравший девушку не повезет ее в свою кибитку. Поэтому Халназар

решил разослать всадников в те места, где, по его предположению, мог находиться Ашир. Всадники, вооружившись чем попало, по двое, по трое разъехались в разные стороны.

Мама вернулась в свою кибитку и, колотя себя кулаками по голове, причитала:

— Ах, глупая, глупая моя голова!.. Приходит под вечер за каким-то пустяком, а я и не поняла!

Боссан вытаращила на нее глаза:

— Кто приходит? Ты о ком это?

— Да об этом проклятом, о сыне Сахата Голака. Он увез Айну, чтоб ему околеть, беспутному!

— Ой, что она говорит! Ведь у Ашира жена!

— Разве таких сбившихся с пути это удержит? — ответила Мама словами бая.

Меред сидел в глубокой задумчивости. Всю горечь, всю тоску он затаил в себе и, слушая ругань жены, не проронил ни слова.

Глава тридцать третья

Люди Халназара объехали всех родственников Ашира, но его нигде не нашли. Двое поскакали на бахчи, к шалашу Сахата Голака.

У Нурджахан в глазах потемнело, когда она увидела скачущих во весь опор всадников. Она не спала всю ночь, думая об Артыке, о Шекер, и призывала на помощь бога. О намерениях сына она догадалась в тот день, когда он отвез Шекер к дяде. «Сумеет ли он сам скрыться? Что будет, если его нагонят люди бая? Артык скорее расстанется с жизнью, чем со своей возлюбленной!» — думала она и молилась: «О боже, спаси его, сохрани! Я жертвую целую выпечку хлеба!» И тут же новая, страшная тревога закрадывалась в душу: «А что, если, не найдя Артыка, насильники набросятся на меня?» — Эта мысль прожигала мозг и снегом ложилась на сердце.

Завидев всадников, Нурджахан заметалась в страхе, то вбегая, то выбегая из шалаша. Тем временем верховые подскакали к ней с поднятыми плетью. Не успели они еще о чем-либо спросить, как она, защищая голову руками, закричала:

— Я не знаю!... Я ничего не знаю!

Сахат Голак сидел у своего шалаша и скручивал высушенные полоски дыни. Один из всадников подъехал к нему. Горячее дыхание коня ударило в лицо Сахату. Конь фыркнул, обдав его пеной. Всадник поднялся на стременах и спросил:

— Где Ашир?

Сахат взглянул на бритого молодца и вспомнил таких же джигитов Махтумкули-хана. Он понял, что всадники приехали не с добром, но не думал, что они ищут Ашира. Ничего не зная, он спросил в свою очередь:

— Ашир? На что он вам?

Бритый молодец рассердился:

— Я спрашиваю: где твой сын?

— А я хочу знать, зачем он вам нужен.

Всадник прищипорил коня и ударил плетью Сахата:

— Вот зачем!

Плеть больно ожгла плечо Голака. Рассвирепев, он выдернул из-под дынь липкую от сока решетку, и, прежде чем всадник успел нанести второй удар, хватил его по спине. Решетка соскользнула на круп коня и с грохотом развалилась. Конь взвился на дыбы. Сахат схватил обломок решетки и снова бросился на всадника. Тот еще раз ударил Сахата плетью и получил ответный удар палкой.

Другой всадник в это время поднял нагайку над головой матери Ашира. Защищаясь рукой, старуха испуганно крикнула:

— Ашир у племянников!

— Зачем он там?

- Пошел просить лошадь.
- Зачем она понадобилась ему?
- Молотить пшеницу.
- Когда он ушел?
- Рано утром...

Нурджахан неотрывно смотрела на всадника, говорившего с матерью Ашира. Казалось, она совсем потеряла рассудок. С широко раскрытыми глазами она вдруг протянула руки и пошла к всаднику.

- Ах, это конь Артык-джана!

Узнав гнедого, она позабыла весь страх и стала гладить коня, но в этот момент плетью больно хлестнула ее по спине.

Слова матери Ашира, сказанные предположительно, удовлетворили всадников. Нагнав страху, они ускакали так же быстро, как и появились. Ашира они действительно нашли у племянников Сахата Голака. Он пришел к ним утром и, не застав лошади, ждал ее возвращения. Всадники поняли, что украл девушку не Ашир, и повернули обратно.

Беглецов нигде не нашли. Никто не видел их, никто ничего не знал о них. Никто не мог даже догадаться, кто украл девушку. Это казалось таинственным, непостижимым. Решили обратиться к знаменитому следопыту.

После полудня у кибитки Мередов появился следопыт, сопровождаемый всадниками. Его внимание сразу же привлекли следы башмаков Айны. Следы эти вели к большому арыку. На высоком берегу здесь было обнаружено место, где сидели двое, найдена шелуха арбузных семечек. Следы двух мужчин шли к этому месту со стороны Полярной звезды, а отсюда, соединившись со следами Айны, направлялись в сторону главного канала.

Преследователи остановились, советуясь, что делать: пойти ли в сторону Полярной звезды и узнать, кто были эти мужчины, или идти вперед, по тройному следу. Решили, не теряя времени, идти вперед. Если беглецов удастся настигнуть, то и без того станет ясно, кто такие эти мужчины.

Двинулись дальше. Рядом со следом Айны шли следы чокаев. Следопыт заметил, что на подошве одного из чокаев была маленькая заплатка.

В том месте, где арык соединялся с главным каналом, следы поворачивали на восток. Здесь они шли не по дороге, а ровными сухими местами по краю пшеничных полей. Это несколько затрудняло следопыта, но он не терялся и уверенно шел вперед.

Это был прославленный следопыт, умевший по следам узнавать человека. Ему было достаточно раз посмотреть на следы, и дальше, какую бы обувь ни надевал человек, он находил отпечаток его ног среди десятков и сотен других. Однажды русские офицеры, усомнившись в таких способностях следопыта, решили испытать его. Они показали ему след одного солдата, затем заставили этого солдата сменить сапоги, поставили его во взводную колонну и провели по дороге. И следопыт все же нашел следы этого солдата, прошагавшего в середине колонны.

С тех пор в исключительных способностях знаменитого следопыта никто больше не сомневался. Его приглашали во всех трудных случаях, но он не любил ввязываться в раздоры и часто отказывался от поручений. На этот раз сам волостной, гостивший у Халназара, просил его приложить все старания, а просьба волостного — приказ. Именно поэтому он шел все время пешком, отказываясь сесть на коня, и старательно высматривал следы беглецов.

Скоро начались пески, следы стали видны вполне отчетливо, но они, петляя, шли в разных направлениях. Видимо, беглецы старались запутать возможную погоню. Следопыт оглянулся по сторонам, сделал еще двадцать-тридцать шагов и повернул по канавке, заросшей травой, прямо на север. Баллы с удивлением смотрели, как он, словно нюхая, уверенно шел по траве, где не было видно никаких следов, и в голове у него мелькнула мысль: «Должно быть, шайтан ему помогает».

К вечеру воздух словно застыл — эта тишина предвещала сильный ветер. Следопыт

торопился. Напряженный взгляд его немного потускневших глаз и разум, привыкший быстро соображать, были направлены только на одно — на следы беглецов. Иногда он на ходу вытирал папахой потное лицо. На его спине сквозь тонкую ткань халата проступили темные пятна пота. Баллы загородил ему путь конем и сказал:

— Дядюшка, ты устал, сядь на коня!

Но следопыт, не замедляя шага, отмахнулся:

— Нет!

Следы привели преследователей к густым зарослям тростника у Овечьего озера. Следопыт остановился и огляделся.

Аула уже не было видно. Солнце клонилось к закату.

Артык весь день провел с Айной в тростниковой чаще у озера. Не было счета объятиям и поцелуям. Впервые истомившиеся сердца наслаждались полной свободой. Временами, однако, по лицу Артыка пробегала тень, и он задумывался. Айна не хотела, чтобы он хоть на минуту отвлекался мыслью от нее и спрашивала:

— О чем ты думаешь, милый?

Артык улыбался:

— О Халназаре.

— Уж не жалеешь ли ты его? — шутила Айна.

— Как не жалеть! — смеялся Артык. — Ведь он заплатил за тебя выкуп, потратил много денег на приготовления к тою, назвал гостей, хотел, говорят, устроить сегодня большие скачки... Ну, мы, кажется, в его той подпустили яду! Как он чувствует себя в этот час?

— А как чувствует себя Мама?

— А мы?..

И снова их губы сливались в поцелуе.

Айна сияла. Артык радовался. Если этой ночью они сумеют добраться до станции Такыр и сесть в поезд, — все горести и страдания останутся позади. Но день подходил к концу, а Ашира все не было. Ранним утром он отправился за лошадьми к своим родственникам и должен был вернуться до темноты.

Артык встал, потянулся. Воздух был душен и неподвижен — даже метелки тростника не шевелились. Последние лучи солнца, пробиваясь через просветы желтых, как солома, стволов тростника, играли бликами на красном шелковом платье Айны.

— Моя Айна, — сказал Артык, — я тебя ненадолго оставлю одну.

— Смотри, не оставь навсегда!

— Айна!..

— Я шучу. Куда ты хочешь идти?

— Пойду встретить Ашира. Ведь если он задержится до темноты, то нас не найдет.

— Почему?

— Да мы переменили место, чтобы не попасться на глаза пастуху.

— Ай, правда!

Артык мелькнул в тростниковой заросли и исчез.

Айну охватил страх. Она повела большими глазами вокруг себя. Всюду лишь высокий неподвижный тростник упирался метелками в сизое небо. Стояла мертвая тишина. Слышалось только затихающее шуршанье с той стороны, куда удалялся Артык. Айне показалось, что между ними оборвалась связывающая их нить.

— Артык! Артык! — позвала она. Издалека глухо донесся голос Артыка:

— Скоро вернусь!..

На болотистой почве у Овечьего озера следопыт все же потерял след. Солнце уходило за горизонт, а заросли тростника здесь были так обширны, что обойти их до наступления темноты не было никакой возможности. Следопыт не знал, что делать. Неожиданно ему помог куций с отвислой губою пес, следовавший за Баллы от самого аула. Он то бежал рысцой впереди, то уходил в сторону и ко всему принюхивался. Когда дошли до

тростниковых зарослей, он бросился в чащу, некоторое время бегал там, а вернувшись, поднял нос кверху и протяжно завыл. Баллы не раз брал пса на охоту и хорошо знал его повадки. Он погнал коня в заросли и крикнул:

— Алабай, ищи!

Пес бросился вперед. Следопыт, решив доверить дальнейшие поиски беглецов чутью собаки, сел на коня. Пес, иногда останавливаясь и, нюхая землю, все дальше уходил в чащу, всадники не отставали от него. На повороте поросшего травой арыка он остановился, поцарапал лапами землю. Здесь преследователи увидели помятую траву, несколько сломанных тростников, нашли цветные бумажки от конфет. Следопыт, заметив отпечаток подошвы с заплаткой, убедился, что пес снова вывел их на след беглецов.

Пес побежал дальше, всадники поспешили за ним.

Айна, нетерпеливо ожидавшая Артыка, насторожилась, когда услышала конский топот и голоса людей. Она была уверена, что это едут Артык и Ашир. Правда, голоса доносились совсем не с той стороны, куда ушел Артык, но ведь он мог и заблудиться в этой чаще. И она, вскочив на ноги, громко крикнула:

— Сюда! Сюда!

На ее голос из чащи выбежал куций пес и залаял. У Айны сердце зашлось от страха.

Не успела она оглянуться, как увидела перед собой незнакомых всадников и ненавистное лицо Баллы. Свет померк в ее глазах. Она еле расслышала грозный окрик:

— Где твой спутник?

На рябом лице Баллы проступила злорадная улыбка. Он невольно залюбовался стройным станом Айны. Но, вспомнив, что она была в объятьях другого, нахмурился и, почти наезжая конем на девушку, повторил свой вопрос:

— Где твой спутник?

Айна пришла в себя. Сверкнув глазами, ответила;

— Нет у меня спутника!

— Куда ушел?

— Никуда!

— Где же он?

— Нигде!

— С кем ты пришла?

— Ни с кем!

— Кто тебя привел сюда?

— Никто!

— Кто позвал?

— Я сама пришла!

Один из всадников с угрозой проговорил:

— Эй, девушка, лучше развяжи язык, — худо будет!

Выкуп за Айну был выплачен. Мама считала брак делом решенным, и потому Баллы чувствовал себя полновластным хозяином девушки. Он нагнулся к ней и поднял плетъ:

— Скажешь? Нет?

Айна посмотрела на него ненавидящим взглядом и ничего не ответила. Баллы повторил:

— Не скажешь?

— Не скажу.

— Не скажешь?!

— Нет!

Пес в этот момент твякнул и бросился в сторону. Но все были так заняты Айной, что никто не обратил на него внимания.

Стоявший молча, с закушенной губой, бритый молодец подмигнул Баллы. Того словно подтолкнули — витая ременная плетъ свистнула в воздухе.

От такого удара на теле вспухает красный рубец толщиной в палец. Но Айна даже не

вскрикнула. Она зло посмотрела на Баллы, в глазах же ее не было ни слезинки.

Баллы повторил свой вопрос:

— Кто привел?

Айна опять не ответила.

— Вот тебе, если не скажешь! — взвизгнул Баллы, и голос его слился со свистом плети.

Глаза Айны засверкали от гнева. Казалось, она сейчас бросится на Баллы. Когда тот снова поднял плеть, она яростно крикнула:

— Изрежешь на куски, все равно ответа не получишь! Лучше я достанусь земле, чем такому шакалу, как ты!

Баллы в бешенстве снова замахнулся, но тут вмешался следопыт:

— Стой, Баллы-хан! Знал бы я, что ты будешь так мучить девушку, я бы за ней не пошел.

У Айны не вырвалось ни стоны, ни жалобы под ударами, но при этих словах она чуть не расплакалась. Чтобы не обнаружить слабости, она отвернулась, стараясь сдержать слезы.

— А ты, дитя мое, — обратился к ней следопыт, — попалась. Что же делать! Не обрекай себя на муки, скажи, с кем пришла!

Айна бросила на него презрительный взгляд:

— Я не такая, как ты, продажная тварь!

Баллы понял, что от Айны он сейчас ничего не добьется. Перегнувшись к ней, он схватил ее за руку:

— Садись позади!

Айна вырвала руку и возмущенно крикнула:

— Пусть собака сидит позади тебя!

Бритый молодец слез с коня, схватил Айну и, приподняв, посадил ее позади Баллы. Айна спрыгнула вниз.

Подошел еще один всадник. Айну снова подняли и положили впереди седла, почти на руки Баллы. Но она стала бить Баллы по лицу и опять соскочила на землю.

Тогда всадники связали ей руки и ноги, бросили на коня и тронулись в путь.

Айна свешивалась вниз головой, веревки врезались в тело, но она почти не ощущала боли. Девушка с тоской смотрела назад и думала: «Ах, если бы подоспел Артык! Он отнял бы меня... Поспеши, Артык-джан!»

Но Артык как в воду канул.

Глава тридцать четвертая

Ашир задержался из-за того, что лошади очень поздно вернулись с молотьбы. Приезд всадников не испугал его. Наоборот, он был рад тому, что подозрение пало на него, а не на Артыка.

Когда солнце коснулось края земли, он с двумя лошадьми подъехал к Артыку, ожидавшему его у тростниковых зарослей. Артык еще издали крикнул:

— Ашир, что так долго? Ашир беззаботно махнул рукой:

— Теперь можно не торопиться. Будь спокоен, они тебя даже не подозревают.

Артык и без того думал, что с наступлением темноты погоня становится маловероятной. Но его беспокоило то, что он уже давно оставил Айну и она, должно быть, вся измучилась. Он сел на коня и, ломая тростник, помчался к тому месту, где они расстались.

На маленькой сухой полянке, где они провели весь день, Айны не было.

— Где же Айна? — растерянно пробормотал Артык. В первую минуту ему и в голову не пришло взглянуть на следы. Он с тревогой огляделся вокруг и крикнул:

— Айна!.. Айна-а!.. Айна не откликнулась

У Артыка сердце сжалось от дурных предчувствий. Он ударил коня ногами и как безумный рванулся в чашу.

Ашир взглянул на погнутые кое-где стебли тростника, на примятую на поляне траву и

вдруг заметил кучку помета и следы конских копыт. Прикусив губу, он покачал головой и стал звать Артыка.

Услышав крик, Артык решил, что Айна, должно быть, подшутила над ними, спряталась, а теперь вышла с другой стороны. Но на полянке он увидел только Ашира. Приятель молча указал плеткой на лошадиный помет. Артык соскочил с коня, нагнулся к самой земле и, разглядев следы конских копыт, глухо проговорил:

— Пропало все!

Ашир молча постукивал плеткой по луке седла. Артык постоял немного, опустив голову, и, вдруг видимо на что-то решившись, вскочил на коня.

— Едок, Ашир! — сказал он и погнал коня. Ашир последовал за ним.

Выехав из зарослей, они заметили далеко впереди уже подъезжавших к аулу всадников. Артык натянул повод, не решаясь что-либо предпринять. Ашир поравнявшись, сказал:

— Ничего не поделаешь, на время мы потеряли Айну.

Артык бросил на него удивленный взгляд:

— На время?..

— Может быть, не навсегда.

— Почему ты так думаешь?

— Айна неглупая девушка.

— И что же?

— Она найдет, что сказать.

— А ты что хочешь сказать?

— Артык, Халназары важничают... Они не захотят брать девушку, которой... коснулась чужая рука.

На мгновение перед Артыком встала Айна — веселая, игривая, нарядная, как молодой фазанчик. Он глубоко вздохнул и опять погнал коня:

— Едем, Ашир!

Ашир догнал его и схватил за повод:

— погоди, Артык!

— Не могу! Сердце не терпит!

— Все равно нам их не догнать! А приедем сейчас в аул, на нас падут подозрения.

Артык не знал, на что решиться. Ашир продолжал:

— Тот игрок хорош, который понимает, что он проиграл. Нам нельзя слишком торопиться. Давай вернем лошадей, а сами разойдемся по домам. А еще лучше — поезжай на этом коне дня на два в город, к Ивану. Если Халназары узнают, что ты украл невесту, тебе несдобровать. Сам понимаешь, у них сейчас арчин да волостной в гостях.

Артык покачал головой:

— Хоть на раскаленный таган посади, все равно не поеду! Что там с Айной?

— Но ведь я здесь!

— А может быть, тебе одному не удастся сделать того, что надо.

Артык считал себя теперь кровно связанным с Айной. Он решил про себя: «Жива Айна — и я должен жить, умрет она — и я умру».

К своим шалашам они подъехали, когда было уже совсем темно.

Увидев Артыка, Нурджахан облегченно вздохнула. Весь день она места себе не находила. После того, как у шалашей побывали всадники Халназара, она думала уже не об Айне, а молила бога лишь об одном — чтобы жив остался Артык. Теперь она благодарила бога за то, что сын благополучно вернулся домой.

Сахат Голак знал уже, что Ашир участвовал в похищении девушки, сочувствовал этому, но у него сильно болело плечо от удара плетью, и он встретил сына бранью:

— Ах вы, рожденные в час проклятий! Натворили дел, а мы отвечаем! Ну, хорошо, уж если вы решились на такое дело, так хоть предупредили бы отцов и матерей!

Мать, сразу заметившая, что Ашир печален, встала на защиту сына:

— Будет тебе, отец, не ворчи! Они еще дети, по-детски и поступили.

— Дети... Да у этих детей уже борода пробивается!

Чтобы развеселить отца, Ашир стал шутить:

— Ну, отец, ты в молодости, видно, не похищал девушки и теперь просто завидуешь нам!

Но Сахат понял их невеселое настроение и усмехнулся:

— Ну, а вы, значит, привезли ее, и она сидит теперь в кибитке — гремит серебром, блистает красотой!

Ашир смутился. И так у них ничего не вышло, а тут еще отец насмехается.

А Нурджахан, видя, в каком смятении вернулся Артык, сразу догадалась, что побег не удался, но у нее не хватило решимости расспрашивать сына. Поставив перед ним чай и положив чуреки, она сама стала рассказывать о том, что произошло днем у шалашей.

Артыку ни чай, ни чуреки не лезли в горло. Все его помыслы были с Айной. А когда узнал, что из-за него били Сахата Голака, что мать получила удар камчой, он готов был бежать к Халназарам и расправиться с обидчиками.

Наскоро поев и напившись чаю, он посоветовался с Аширом и пошел в аул разузнать, что там творится. Ашир хотел пойти с ним, но Артык сказал:

— Ты отведи лошадей, я скоро вернусь.

Зная горячность Артыка, Ашир просил его быть осторожным, не показываться на людях и на время отложить месть.

Было прохладно и пасмурно. Артык быстро дошел до аула и направился прямо в шалаш Гандыма. Самого Гандыма не было, он еще не возвращался с вечерней молитвы, а жена его, Биби, латала одежду. Поставленный на кувшин оловянный светильник давал больше копоти, чем света. Тоненькое, как язык змеи, пламя его чадило черным вонючим дымом. Шалаш был мал — вытянув в стороны руки, можно было коснуться обеих стенок. Высокий человек не мог бы здесь стать во весь рост. Войлок был весь в заплатках, а во всем домашнем скарбе не было ничего, что могло бы соблазнить даже нищего.

Войдя в шалаш, Артык поздоровался с Биби и, сделав вид, что давно не бывал в ауле, начал издали:

— Слышал я, тетушка Биби, что в нашем ауле есть люди, которые в тяжелое время справляют той... Говорят, у Халназаров свадьба...

Биби задержала руку с иголкой и внимательно посмотрела на Артыка. Ничего не разобрав на его лице и в глазах, она удивилась:

— Вай, сынок, ты не слыхал новость? Где ж ты гуляешь?

— У меня в городе есть друг, — нашелся Артык. — Я гостил у него и вот возвращаюсь домой.

— Ах, так и скажи!.. В ауле столько новостей. Если ты ничего не знаешь, погоди — я сейчас вскипачу чайку, а потом...

Артык остановил ее:

— Нет, тетушка Биби, мне ничего не нужно. Только что по дороге ел и пил. А к вам завернул — дай, думаю, узнаю, как прошел праздник у баев.

— Какой праздник?

— Что — неужели с таким богатством и поскупились?

— Ах ты, боже мой!.. Да ведь Айна в прошлую ночь сбежала!

— Сбежала?

— Ну да! Весь праздник баям испортила... А гостей сколько к ним понаехало! Сам волостной...

— Вот так новость! С кем же она сбежала?

— А неизвестно.

— Так-таки и неизвестно?

— Никто ничего не знает. Сперва думали на Ашира. Объехали всех его родственников. Потом позвали следопыта... Ну, и перед закатом солнца нашли ее в тростниках у Овечьего озера.

— Если нашли Айну, то, конечно, узнали и кто похитил ее?

— Нет, милый, нет. Ничего не узнали. Такая уж она, эта Айна. «Хоть на куски, говорит, режьте, ничего не скажу!» А везли ее с позором. Связали руки и ноги, положили поперек лошади, да так и привезли.

Рассказ Биби вначале радовал Артыка, но последние ее слова заставили его побледнеть. Биби, видимо, сама заново переживала все виденное и не обращала на гостя внимания. Все же Артык постарался взять себя в руки и продолжал расспросы:

— Так Баллы, значит, привез невесту в свой дом?

— Куда там! Айна, говорят, сказала ему: «Чем быть женою такого Гара-Чомака, я лучше убью себя».

— Так и сказала?

— Как он ее мучил! Бил, говорят, плетью, ножом угрожал. Но Айна, глядя ему в глаза, прямо сказала: «Меня теперь уже коснулась его рука. Умру — земле достанусь, не умру — буду его!»

Артык вздохнул. Ему тяжело было все это слышать, но в то же время радовало мужественное поведение Айны.

— Какая отважная эта Айна! — сказал он.

— Еще какая отважная! Таких мучений не вынесла бы ни одна женщина.

— Конечно, она после этого сказала, чья рука ее коснулась.

— Как бы не так! Баллы, говорят, так и отступился от нее. Привез к кибитке Мередов и бросил. А мачеха, говорят, исципала ее всю до синяков.

— И тогда не сказала?

— Да разве она скажет. Это такая девушка!... И ведь росла на руках у мачехи! А будь у нее родная мать, так она была бы известна всему народу...

В это время в шалаш вошел Гандым. Он поздоровался с Артыком и спросил:

— Что это тебя не видно?

— Да все на работе. В город ходил...

— Что ты скажешь! — вмешалась Биби. — Он даже не слышал о халназаровском тое.

Гандым громко расхохотался. У него рассудок был не в порядке, и он частенько так, ни с того ни с сего начинал хохотать или плакать... Смеясь, он стал рассказывать, что видел у Халназаров.

— Ой, ну и потеха ж была сегодня!

— Какая потеха?

— У него всегда так, — пояснила Биби, — когда другие плачут, он радуется.

— А почему бы мне не радоваться! Халназар смеется над нами всегда, так дай же и нам над ним разок посмеяться.

— Правильно, дядюшка Гандым.

— Так вот слушай, Артык. Халназар решил женить своего рябого, с лицом, как источенная червями дыня, вдовца на лучшей девушке аула — на Айне. Заплатил калым, назвал гостей, приготовился праздновать той. А какой-то удалец оставил его с носом: съел его плов а Халназару оставил отраву. Важность и зазнайство вышли ему сегодня боком. Как же! Сегодня на скачки съехались со всех сторон, а он, как клуша, сидит в своей кибитке и глаз не показывает. Вот так-то все и кончилось. Волостной, старшина, гости думали повеселиться, да так ни с чем и уехали.

— Ну, что ж, не сегодня, так завтра, — он все же устроит свадьбу. Ведь девушку-то, говорят, привезли!

— Нет, с Айной у них ничего не выйдет. Эта девушка опозорила их.. Теперь подхалимы успокаивают Халназара: «О чем тревожишься, бай? Есть богатство — девушки найдутся. Выбирай самую лучшую из лучшей семьи!» А этот дурак Баллы одно твердит: «Уеду на тыловые!» Я ему говорю: «Поезжай, да подальше, туда, где смерть гуляет!» Ой, ну и потеха!

Артык посидел еще немного и вышел из шалаша несколько успокоенный.

Глава тридцать пятая

Следопыт решительно отказался искать похитителей девушки, хотя уже догадывался, кто был в чокае с маленькой заплаткой на подошве. Он хорошо знал, чем это кончается. Однажды он уступил просьбе и вызвал такое кровопролитие — чуть сам не погиб.

Халназара мучило бесчестье, павшее на него. До этого он сам вырывал у других все, что мог, а теперь другой взял приготовленное им для себя, завладел тем, за что он заплатил деньги. Люди, съехавшиеся на скачки, с издевательским хохотом разъехались по домам. Три дня бай не выходил из кибитки, почти ничего не ел и не пил. Во рту у него было горько, в голове беспорядочно вертелись все одни и те же мысли. В таком состоянии его застал приказ подготовить и доставить в город людей на тыловые работы.

Халназар был эмином целого аула, и вся ответственность за исполнение приказа лежала на нем. Но думать приходилось не столько о всем ауле, сколько о выделении одного рабочего от своего ряда кибиток, к которому он имел неосторожность присоединить пятой кибитку Артыка. Вся беда заключалась в том, что ловкий ход с жеребьевкой пропал впустую: в решительный момент Артык исчез, и его нигде не могли найти. Халназар не знал, что предпринять. Срок набора истекал. Времени для того, чтобы еще кого-нибудь обмануть, оставалось мало. Можно было, по примеру Нобат-бая, тысячи за три рублей нанять человека, но против этого восставало все нутро Халназара. Девушку покупаешь на всю жизнь, и то больше не платишь! Но если даже решиться, то в два-три дня не найдешь человека. Что же делать? Неужели отдавать Баллы? Неужели сын бая должен стать чернорабочим? На этот вопрос Халназар отвечал решительно: «Нет, этому не бывать!»

Долго раздумывал он, кого же ему заарканить, и в конце концов позвал к себе Мавы. Когда тот явился, Халназар посмотрел на него каким-то особенным взглядом и ласково сказал, указывая на место возле себя:

— Мавы, иди, сынок, сядь вот здесь.

Когда Мавы видел такой почет? Он даже задрожал от испуга и поспешил присесть на корточки у двери:

— Бай-ага, мне и тут хорошо.

Но Халназар, улыбаясь, опять указал глазами на место рядом с собой:

— Сын мой, не все достойны сидеть на этом месте. Ты это сам знаешь. Но раз я говорю, — иди и садись, не бойся...

Мавы нерешительно прошел на указанное место. Его не привыкшие к ковру ноги дрожали, на шее задержался живчик.

Халназар начал потихоньку разматывать клубок своих замыслов:

— Мавы, у тебя, сынок, нет ни отца, ни матери. Вот уже четыре года ты живешь у меня в доме. Ты полюбился мне. Я думал о тебе, много думал. Сколько ни воздай человеку, угодившему тебе, все будет мало. И решил я женить тебя, поставить тебе белую кибитку... как сыну.

Слова Халназара взволновали Мавы. С такой теплотой говорили с ним только в детстве. То, что в устах бая «сын свиньи» превратился в «сынка», растрогало его до слез.

Халназар видел, как подействовали на слугу его слова. Он понял, что Мавы от волнения не в силах ответить.

— Вот есть у меня сыновья, — продолжал он. — Ни один из них не выражает мне такой преданности, как ты... Мавы, дитя мое, вот платок — вытри глаза... Мой сын, Мавы, даже овцы и ягнята, разлученные на день, когда встречаются вновь, так блеют, будто стонут. Как же не пролить слезы отцу и сыну, когда они вновь обрели друг друга. Я знаю, ты плачешь от радости — это хорошо. И мое сердце растрогано.

Мавы вытер платком глаза и сказал хриплым голосом:

— Бай-ага, эти твои слова заставили меня вспомнить детство.

Его глаза, полные слез, и в самом деле блестели, как у ребенка, который встретился с матерью.

— Мой Мавы, я считаю тебя своим сыном. Ты согласен?

— О, если бы...

— У меня четыре сына, с тобой будет пять. Я женю тебя на девушке, которая тебе нравится. Устрою свадьбу Баллы и твою в один день.

Последними словами Халназар сам себя резанул по незажившей ране и нахмурился. А Мавы эти слова окрылили. Он подумал: «Вот отдаст он за меня Майсу!...» И только подумав об этом, сообразил, как это глупо.

— Отец! Прими меня в сыновья, — взволнованно сказал Мавы, — и у тебя не будет сына более послушного. Я не заставлю тебя повторять свое слово два раза. Скажешь: «Умри!» — умру не задумываясь!»

Халназар тут же подарил Мавы новый халат, заранее приготовленный, надел ему на голову свою черную каракулеву шапку, дал новые чокай.

— Вот, дитя мое, теперь ты мой сын! — сказал он и пожал Мавы руку. Жене, которая в то время появилась в дверях, он приказал: — Ты зови теперь Мавы сыном — я усыновил его. И смотри не делай никакой разницы между ним и твоими детьми! Сшей ему синюю рубашку и суконные штаны. А мехинке и всем детям скажи, чтобы отныне они не считали Мавы слугой и обращались с ним, как с нашим сыном.

Садап-бай понимающе кивнула головой:

— Отец, ты исполнил мое желание. Я давно этого хотела. Сам бог тебя надоумил — я очень рада.

Мавы и во сне не снилось такой радости. Голова у него шла кругом. Теперь у него есть и отец и мать, и притом он сын самого Халназар-бая! Он никак не мог осмыслить всего случившегося. На память пришел человек, которого он как-то повстречал в песках, едучи за хворостом. Это был старик с белой бородой. Он расспросил Мавы, кто он такой и откуда, и, узнав о его тяжелом положении, ободрил его:

— Будь терпелив, сынок, и достигнешь своей цели! Мавы понял теперь, что повстречал самого хыдыра.

В своем новом халате, в новых чокаях и каракулевой шапке Мавы явился к Мехинли. Та посмотрела на него с улыбкой, и ему стало еще радостней. Он должен был назвать ее матерью, но вспомнил, что она моложе его, что они обменялись словами любви, что они живут в сердце друг друга, и, улыбнувшись, сказал:

— Майса!

Сказал — и смутился. Его устыдило то, что на жену своего отца он смотрит с любовью.

На другой день Мавы надел рубашку с косым воротом, сшитую Майсой. С этого времени в жизни его произошла огромная перемена. Теперь к нему обращались не иначе, как: «сын мой», «мое дитя», «Мавы-джан». Дети бая стали смотреть на него приветливо. И сам он словно стал другим человеком. Если раньше он все делал из страха, то теперь стал это делать из сыновнего долга.

Мавы и в самом деле готов был умереть ради вновь обретенных отца, матери и братьев.

Прошло несколько дней. Об Артыке ничего не было слышно, и тем не менее Халназар не давал почувствовать Мавы, что после сладкой еды бывает горькая отрыжка. Халназар хорошо помнил, что ласковое слово и змею выманит из норы. И он стал добиваться, чтобы Мавы сам напросился на тыловые работы.

Глава тридцать шестая

Артык не хотел признавать жребия, подсунутого ему Халназаром, и как только в ауле стало известно о дне отправки на тыловые работы, ушел в город. Стараясь не попадаться на глаза людям, он пробрался в домик Чернышевых у железной дороги. Самого Ивана Тимофеевича дома не было. Анна Петровна разговаривала с каким-то молодым туркменом, курившим папиросу.

Артык поздоровался и узнал туркмена: это был Дурды, из их аула. Его отец, Анна Кёр,

был когда-то другом отца Артыка, их семьи находились в близких отношениях, но Дурды редко бывал в своем ауле, и разговаривать с ним Артыку не приходилось. Еще в отроческие годы Дурды был отдан в ученики к ишану Сеиду из Векиля и два года учился в одном из медресе Бухары. В последнее время его уже стали называть в ауле Мол-ла Дурды, но отзывались о нем неодобрительно. Говорили, будто русские обычаи нравятся ему больше, чем туркменские, будто он сомневается даже в шариате. О наставнике Дурды, Сеиде-ишане, были разного мнения: одни считали его мудрым человеком, другие обвиняли в легкомыслии. Бабахан однажды прямо сказал: «Этот ишан, хотя и потомок пророка, сам сбился с пути. Наука отравила его разум. Я сам слышал от него такое: «Если свинью сорок дней кормить собственными руками, она станет дозволенной для еды». Мамедвели-ходжа считал Дурды способным юношей, однако относился к нему как к человеку погибшему. Он говорил: «Бедняга Анна Кёр учил сына, чтобы сделать из него муллу, а Дурды стал каким-то беспутным. Да сохранит нас бог от такой науки. — погиб юноша!»

Вспомнив все, что приходилось слышать о Дурды в ауле, Артык взглянул на него с особым интересом, но ничего особенного в нем не заметил. На вид это был скромный юноша. На округлом, полном лице его топорщились небольшие усики и приветливо улыбались глаза. Только в одежде его было что-то вызывающее. На нем была необычайная белая папаха с вшитым суконным верхом, необычная рубашка с высоким воротом, застегивающаяся на пуговицы, шелковый халат нараспашку, на ногах узкие черные брюки и блестящие кожаные ботинки. Муллам не подобало ходить в шелках. Так одевались выходцы из русских школ и те, кто переставал считаться с обычаями туркмен.

В первые минуты Артык держался настороженно: «вероотступничество» Дурды пугало его, заставляло подозревать во всех смертных грехах. Но простота Дурды, дружеские слова, с которыми он обратился к Артыку, скоро рассеяли все его предубеждения. Дурды рассказал некоторые газетные новости о войне. Артык, заинтересовавшись, стал задавать вопросы и был очень доволен ответами. Незаметно разговор перешел на положение в ауле, и Дурды сказал:

— Наш народ темен, неграмотен, ничего не знает о том, что творится на белом свете, ничего не понимает в собственном положении, и потому его грабят, обманывают, притесняют все, кто имеет силу и власть. Наш дейханин задыхается от нужды, его опутали со всех сторон долгами и подачками. А почему это происходит — мало кто понимает.

— А что поделаешь, если поймешь?

— Если поймешь, выход найдется: прежде всего перестанешь верить обману, а потом и разорвешь свои путы.

— Чем?

— Знанием! Знание — великая сила, если оно становится достоянием народа. Человек грамотный, культурный не позволит надувать себя на каждом шагу.

— Значит, дейханину так и не выбиться из нужды, потому что он темный, неграмотный?

Дурды улыбнулся:

— Вот мы и подошли к самому главному. Кто повинен в том, что свет знания не проникает в гущу народа? Виноваты в этом муллы, ахуны, ишаны, живущие трудом народа, но не делающие ничего для того, чтобы вывести его из темноты. Они ничему не учат детей народа, наоборот, губят их цветущую жизнь, обрекая вечно ходить в ярме и думать только о куске хлеба. И они поступают так вполне сознательно. Эти дармоеды хорошо понимают, что если знания проникнут в темную душу дейханина — даровому хлебцу конец. Не мне говорить тебе — сам знаешь: урожай, этот труд народа за целый год, становится добычей жадных ахунов, ишанов и баев.

— Эх, что и говорить! Труды мои за целый год пропали даром: все зерно мое, даже солому, поделили между собой другие люди. Жизнь всех дейхан похожа на мою.

— Вот видишь, Артык! Дейханин весь год копался в земле, а наградой ему за это новая кабала. Ведь жить до нового урожая чем-то надо? Значит, лезь снова в долги и снова

расплачивайся урожаем.

— Ах, Молла Дурды, ты будто заглянул ко мне в душу!

— Мне нетрудно, Артык. Разве отец у меня не дейханин? Разве я не знаю таких выжиг, как Халназар-бай, Мамедвели-ходжа, Бабахан-арчин? Вот ты и посуди: кучке хищников выгодно, чтобы народ оставался темным. С темными людьми они делают, что хотят, обманывают их на каждом шагу. А ишаны и ходжи освящают все это именем аллаха, непоколебимыми законами веры.

— Правильно говоришь ты, Молла Дурды. У нас этот ходжа с лицом ящерицы и бородой козла только и защищает баев. Попробуй что-нибудь сказать против них— обрушит на тебя слова пророка, обвинит во всех смертных грехах.

— Ах, милый Артык! За то, что я выступаю против всех этих несправедливостей и беззаконий, лицемеры ходжи объявили меня вероотступником. Теперь даже отец родной готов отвернуться от меня. Да признайся, ведь и ты считал меня погибшей душой?

Артык немного смутился, однако прямо посмотрел собеседнику в глаза:

— Как говорится, дыня от дыни цвет перенимает. Каюсь: и я бросал камень в твою тень. Но теперь мое мнение о тебе переменялось.

Анна Петровна поставила на стол кипящий самовар, заварила чай, налила две пиалы, а себе чашку. Ей трудно было говорить по-туркменски. Выпив свою чашку, она взяла в руки шитье и следила только за тем, чтобы пиалы не оставались пустыми.

Артык считал, что все несправедливости и насилия, которые обрушились на него и ему подобных, идут от царя. Он думал: если бы Халназара не покрывали старшина и другие начальники, если бы всех их не защищал царь с его огромным войском, то бай не смог бы так притеснять народ. Эту мысль он и высказал. Молла Дурды опять мягко улыбнулся и стал объяснять, что до прихода русских, во времена беков и ханов, беднякам было нисколько не легче.

— Нельзя все смешивать в одну кучу,—говорил он.— Белый царь ибаяры опираются на таких людей, как Бабахай и Халназар, а просвещенных людей, которые могли бы все объяснить народу, у нас нет. Вот если бы у нас были такие промышленники, как Артын-ходжайн, а главное — побольше образованных людей на должности волостных, бай в ауле не смог бы помыкать народом, как ему вздумается.

— Ходжайн и Халназар заодно грабили наш урожай на общинной земле, — возразил Артык. — Полковник отнял у меня последнего коня и отдал его волостному Ходжамураду.

Молла Дурды с сомнением покачал головой:

— Не думаю. Халназар-бай действительно способен обмануть, отнять, ничего не заплатив. Но Артын-ходжайн, когда покупает, платит — правда, сколько захочет. А полковника Ходжамурад, вернее всего, обманул. Нас потому и угнетают, что у нас нет образованных людей, что мы сами не можем устроить свою жизнь. Во многом здесь виноваты те, кто восстает против новой культуры, идущей с севера. Мы должны быть благодарны русским за то, что они освободили нас от непрерывной резни, грабежей и набегов. Быть может, ты слышал, что туркмен, если говорить словами Кеймир-Кёра, жил в верблюжьем седле. У подножия Копет-Дага, в Кесеаркаче, в окрестностях Серахса и Мары не было мирных пахарей. В нашем Теджене не было оседлого населения, а кочевники, наезжавшие сюда, просто посыпали семенами необработанную землю. С соседними народами туркмены были всегда в ссоре, всегда воевали, приводили рабов, торговали людьми и сами часто попадали в рабство. Но с тех пор, как пришли русские, мы избавились от этой вечной погони и бегства. Теперь мы спокойно живем в своей стране, занимаемся земледелием...

— Спокойно занимаемся земледелием, — прервал Артык, — но не можем спокойно собрать урожай и съесть свой хлеб.

— Это верно. Но об этом я уже говорил. Ты пока не перебивай меня. Да... Правительство все же заботится о развитии нашего края. Возьмем хотя бы железную дорогу, построенную русскими тридцать лет назад. В мире нет такой дороги через пески пустыни!

Наши отцы, чтобы съездить в Мары или Ахал, тратили полмесяца, а то и месяц, а по железной дороге можно съездить туда и обратно в один день. В одном вагоне за день перевозится столько зерна, сколько сто верблюдов за сто дней. Развивается торговля, строятся города, больше стало всяких товаров, десятки оазисов стали как один аул — и как бы ни восставал против всего этого люди старых заветов, культура идет к туркменам. Правда, правительство почти ничего не делает для того, чтобы вывести наш народ из вековой темноты. На весь Тедженский уезд имеется только одна русско-туркменская школа. Грамотных у нас и одного на сто нет. Из тех, кто кончает русскую школу, многие делают больше худа, чем сами русские чиновники. Но из этих школ выходят и такие люди, которые приносят пользу народу. Среди учителей есть воспитатели, которые не только преподают науки, но и учат, как стать человеком, свободным от рабства и вековых предрассудков.

Хотя кое-что в словах Молла Дурды и понравилось Артыку, но рассуждения о культуре и освобождении человеческой личности не дошли до него, и он сказал то, что думал:

— Насколько я понимаю, ты хочешь сказать, что правительство белого царя — хорошее правительство.

— Нет, ты понял меня неправильно. Я говорю о том, что со времени присоединения туркмен к России многое изменилось в нашей жизни и изменилось к лучшему. Благодаря помощи нам со стороны просвещенных русских людей начали понемногу раскрываться и наши глаза. Но это вовсе не значит, что я готов сказать: да здравствует белый царь. Царь защищает сейчас небольшое количество людей, а весь наш народ угнетен и бесправен. Поэтому я не сторонник царя. Я стою за то, чтобы туркменам дали право открывать свои светские школы, ограничили произвол властей, более широко привлекали туркмен к управлению своей страной.

— Это хорошо, но разве можно этого добиться? Разве баяры согласятся поступиться своею властью?

— Видишь ли, Артык, как бы это тебе объяснить? Есть страны, где падишахи не имеют права издавать законы без совета с выборными от народа людьми. В России тоже есть такой совет выборных людей, называется он Государственной думой. Выборные думы есть во всех русских городах. И вот среди туркмен нашлись умные люди, которые считают, что настало время добиваться новых порядков в управлении и нашей страной. Я только скромный последователь этих людей, но, так же, как и они, считаю, что и у туркмен должны быть свои думы при уездных управлениях, в городах, а может быть, и при самом генерал-губернаторе. Выборные от промышленников, купцов, дейхан — от всего населения должны собираться на совет и решать свои туркменские дела.

— И баи?

— Баи тоже — как же иначе? У всех должны быть равные права.

— И ахуны, ишаны, ходжи?

— И они.

— Никакой пользы дейханину от этого не будет, — уверенно сказал Артык.

— Это почему?

— Все равно баи со старшинами и волостными будут решать все по-своему. У старшины Бабахана тоже бывают такие советы с выборными — эминами и мирабами. А дают там дейханину слово сказать? Один только Сары и говорил в защиту дейханина, а где он теперь? В тюрьме сидит.

— При нынешних порядках в этом нет ничего удивительного. Вот поэтому и надо добывать права и свободу народу. Не так ли, Артык?

— По-моему, так: убей змею, если жить хочешь. Дейханину все недруги, все враги — баяры задавили его налогами, баи и ходжи отнимают у него последний кусок хлеба. Ты сам говорил об этом, Молла Дурды. О какой свободе думать дейханину, когда его со свету сживают? Смерть врага — вот его свобода!

Молла Дурды рассмеялся:

— Ты очень горяч, Артык. И ты, я вижу, наслушался здесь всяких разговоров. Но ты не

забывай: Иван Чернышов — русский, а до русских нам далеко. Россия — огромная страна, равной которой нет в мире. Людей там невозможно сосчитать. Одних рабочих, вот таких, как Иван, там в несколько раз больше, чем всех туркмен. А главное — в России много людей ученых, образованных, в городах почти все умеют читать, а среди дейхан тоже много грамотных. Русский народ — великий народ, и русский язык — один из величайших языков мира. Вот я не учился в русской школе, и даже не очень хорошо говорю по-русски, а читать по-русски научился и читаю много. Ты спросишь: зачем? А вот зачем. Не зная русского языка, не изучив русской культуры, не подружившись с русским народом, туркмены не могут стать культурным народом. Вот почему я читаю много книг русских писателей. — Дурды показал книгу в красивом переплете: — Видишь? Это книга русского писателя Льва Толстого, роман «Анна Каренина».

— А что такое роман?

— Интересная книга, широко изображающая жизнь,

— И дейханскую жизнь?

— Да, в русских романах часто описывается жизнь и таких дейхан, как ты, их думы и чаяния.

— А еще о чем пишет русский роман?

— О любви.

— А, так это дестан! (Дестан — любовная поэма, песня)

— Да, если хочешь, дестан, но не как наши сказки, а рассказывающий о настоящей жизни.

— О сегодняшней жизни?

— Ты не удивляйся. У русского народа много искренних и справедливых писателей, борющихся против царского правительства и за переустройство жизни. Может быть, Чернышов говорил тебе о таких людях? И я иногда беседую с Иваном Тимофеевичем. Мне еще трудно пока разобраться в русских делах, многое непонятно. Иван называет себя сторонником большинства, большевиков, которые хотят свергнуть царя и заменить царское правительство властью рабочих и дейхан. Ты понимаешь, Артык, — не всего народа, а только дейхан и рабочих. Можем ли мы следовать такому примеру, когда рабочих у нас вовсе нет, а дейхане поголовно неграмотны? Вот если тебе скажут: садись на место волостного и управляй — разве ты сможешь? Нет, пусть я плохо разбираюсь в том, что творится в России, но Иван тоже плохо разбирается в туркменских делах и многого не понимает. Для нас, туркмен, великим делом будет, если вместо нынешнего произвола будет установлена законность и одинаковые права для всех, если к управлению будут привлечены добросовестные, образованные люди...

Дурды оборвал свою речь, так как в комнату вошел Иван Тимофеевич с незнакомым человеком. Вошедший был в поношенном городском костюме, темная борода на бледном лице казалась точно приклеенной, а глаза смотрели настороженно. Может быть, потому, что в последнее время Артык и сам был насторожен, он сразу заметил в глазах гостя беспокойство, хотя внешне тот и старался ничем не выдать себя. Артык не смог определить, кто этот человек по национальности и какова его профессия. Иван Тимофеевич обменялся с ним несколькими словами по-русски, а потом обратился к гостям:

— Молла Дурды, Артык, познакомьтесь. Человек этот приехал сегодня из Ашхабада. Сам он — из Баку, работает там мастером на нефтяных промыслах. Зовут его Николай Матвеевич Артамонов.

На столе снова появился кипящий самовар. Анна Петровна поставила хлеб, овечий сыр, нарезала колбасу. Иван Тимофеевич спросил Артыка, уж не вытянул ли он жребий на тыловые работы? Артык, не желая открываться перед чужими людьми, ответил уклончиво. Разговор сразу перешел к тому, что в эти дни больше всего волновало народ, — к событиям в Джизаке, волнениям среди йомудов: заговорили о том, что по всему Туркестану прокатилась волна народного недовольства. Человек, носивший русское имя, неплохо говорил по-азербайджански, и Артык его вполне понимал. Артамонов сообщил, что передовые люди

Баку очень интересуются положением в Туркмении. Он напомнил при этом о братских узах, связывающих азербайджанцев и туркмен, и о той помощи, которую оказывали туркменам в борьбе против царизма рабочие Баку во время революции 1905 года

Иван Тимофеевич обратился к Дурды:

— Ну, а вы, интеллигенция, с кем пойдете на этот раз — с народом или против народа?

— Благо народа — наша путеводная звезда, — ответил Молла Дурды.

— Какого народа — промышленников, торговцев или дейхан?

— Туркмен. Что идет во вред туркменам, ложится двойным грузом на плечи дейханина, а что на пользу...

— Значит, вы против царского указа?

— Вряд ли найдется хоть один туркмен, который был бы рад ему. Но... мы не в силах добиться отмены царского повеления.

— А если начнется народное восстание?

— Это возможно.

— Вы тоже сядете на коня?

— Нет. В этом нет смысла. Разве может безоружный народ устоять против войска и пушек царя?

Иван Тимофеевич хлопнул большими ладонями по коленям и с досадой сказал по-русски:

— Вот ты и возьми его... Вмешался Артамонов:

— Господин Дурды, нельзя же так беспечно относиться к таким большим событиям! Вы человек грамотный и, судя по всему, не сторонник старых порядков. Вероятно, у вас немало друзей-единомышленников. Но если вы будете стоять в стороне от народного движения, руководство им возьмут в свои руки реакционные муллы и постараются превратить его в газават. Восстание дейхан против царских баяр может легко перейти в резню ни в чем не повинных русских людей — вот таких, как Иван или я. А это будет только на руку царским властям. Вспомните, в шестом и седьмом годах слуги царя, не будучи в силах подавить народное восстание, так именно и действовали: русских натравливали на туркмен, а туркмен — на русских.

Молла Дурды не знал, что ответить. Иван Тимофеевич шутливо спросил Артыка:

— Артык, ты пойдешь резать меня и Анну Петровну?

Артык вспыхнул от негодования: «Неужели Иван не верит в его дружбу?» Но, взглянув на улыбающиеся лица, понял, что это шутка, и ответил без обиды, однако вполне серьезно:

— Я убью сначала бая и волостного Ходжамурада, отниму своего коня, а потом пойду воевать против баяр!

— Вот подлинный голос дейханина! — подхватил Артамонов. — Прислушайтесь к нему, господин Дурды!

— Господин Артамонов, я готов вас послушать, — улыбнулся Молла Дурды. — Что бы вы посоветовали? С Иваном я говорил много раз, а вас слышу впервые.

— Вы сказали, что благо народа для вас — путеводная звезда, — заговорил Артамонов. — Так вот окажите народу такое благо: прежде всего разъясните дейханам их собственное положение, истинный смысл событий.

— Как это сделать?

— Мы могли бы снабдить вас такими листочками вроде маленькой газеты, где все будет написано.

— Среди дейхан нет грамотных людей, а если такие листочки попадут в руки муллы, он отдаст их старшине, а тот донесет полковнику.

— Да, но у вас хорошо работает устная газета, и то, что сказано в одном ауле, в тот же день становится известно в другом.

— Это верно. А что будет написано в этих листочках?

Артамонов посмотрел на Ивана Тимофеевича, словно спрашивая его о чем-то, потом сказал:

— Там будет разъяснено положение в России и настроение рабочих дейхан и солдат. Там будет сказано: «Долой войну! Долой царя! Да здравствует власть народа!»

— Но это призыв к революции!

— Да, к революции. К освобождению десятков миллионов несчастных, обездоленных, угнетенных людей. Рабочие России не прекращают революционной борьбы против царского самодержавия. Русские крестьяне не хотят больше бросать своих сынов и братьев в огненную пасть войны. Революция неизбежна. И сейчас долг каждого честного туркмена решить, с кем он: с царем против народа или с великим народом России против царя.

Артамонов увлекся, в карих глазах его сверкнули искорки. Иван Тимофеевич, облокотившись одной рукой на стол, покручивал сидящий ус и улыбался. Артык во все глаза смотрел на Артамонова, ловя и стараясь понять каждое его слово. Молла Дурды долго думал после того, как умолк Артамонов, и наконец сказал:

— Господин Артамонов, сам я ничего не могу решить. Хотя я и одет в косоворотку, мне еще не все ясно. Ваши горячие слова очень подействовали на меня. Но у нас есть поговорка: выскочишь один — и комком глины свалят. — Вслед за тем он поднялся и, попрощавшись со всеми за руку, вышел.

Иван Тимофеевич показал головой:

— Вот так всегда. Трудно нам будет с этими грамотеями. Сколько я с ними разговаривал — знаю: считают себя передовыми людьми, распинаются за народ, а как до дела... Только и думают о том, как бы получить тепленькое местечко в конторе какого-нибудь промышленника, вроде заводчика Арутюняна.

— Ну, и без них тоже нельзя обойтись, — заметил Артамонов.

Они говорили долго. Говорили по-русски. Артык вынул из своих хурджунов свежую и сушеную дыню, отдал все Анне Петровне и, вернувшись на свое место, стал размышлять о всем, что услышал за этот вечер. Анна Петровна засветила и поставила на стол лампу, затем задернула занавески на окнах. Иван Тимофеевич, видя, что Артык не собирается уходить, спросил:

— Ну, друг, ночевать будешь у нас?

— Да, Иван, если можно... В аул мне пока нельзя возвращаться.

— Нельзя?.. Что — с баем подрался или старшину побил? А ну расскажи, торопиться нам некуда.

Артык почувствовал доверие к обоим русским и рассказал, как торговцы растащили его урожай, а Хал-назар-бай обманул его, подсунув жребий на тыловые работы. Выложил все, что было у него на душе, умолчал только о неудачном похищении Айны.

Артамонов стал расспрашивать о настроениях дейхан. Горячий парень с открытой душой все больше интересовал его. Артык, прервав свой рассказ, обратился к нему:

— Артамон-ага, ты, я вижу, большой человек. У меня к тебе просьба...

— Большой? — не понял Артамонов. — Мы с Иваном люди одинаковые: он мастер паровозный, я — нефтяной.

— Нет, ты большой человек, я знаю, — упрямо повторил Артык. — Мне Молла Дурды сказал: у русских рабочих есть такие люди, они хотят отнять власть у царя.

— Большевик! — догадался Иван Тимофеевич. — Верно, Артык, у большевиков есть большие люди, как-нибудь я тебе расскажу о них.

— Ладно, будешь говорить, буду слушать, — согласился Артык и вновь обратился к бакинцу: — Артамон-ага, ты дай мне тот листок, где говорится: пусть станет царь, пусть будет власть народа. Он не попадет к мулле. Я найду в ауле верного грамотного человека, который сумеет прочесть написанное.

— Хорошо, Артык, — серьезно ответил Артамонов. — У меня пока нет такой листовки, но она будет, и ты получишь ее здесь, у Ивана.

Артамонов просидел с ними почти до полуночи, а затем, взглянув на часы, поднялся и, дружески попрощавшись с хозяевами и с Артыком, ушел.

Глава тридцать седьмая

Набор на тыловые работы был в самом разгаре.

Халназар заехал к старшине. Он должен был ехать дальше, в город, — все эмины и старшины снова вызывались в уездное управление.

Среди населения росло недовольство. В ауле Гоша все были особенно раздражены тем, что деньги, отданные Гюльджамал-хан, пропали даром, что Халназар-бай захватил общественное зерно, ограбил народ, а старшина и волостной поддержали бая. Когда же стало известно об отправке на тыловые работы, людям опостылело все; они с утра до вечера слонялись по аулу, собирались толпами и в разговорах давали выход накопившемуся возмущению. Как ни торопились гонцы, то и дело скакавшие от старшины в аул, жеребьевка во многих местах все еще не была закончена.

Возвращаясь из города, Артык увидел большую группу людей, собравшихся возле одной кибитки. Он подошел и подсел с краю. Как раз усатый дейханин, до того лежавший на животе, поднялся и громко высказал то, над чем, очевидно, думал:

— Чем так томиться, уж лучше прийти к чему-нибудь одному.

Из-за того ли, что разговор шел вразброд, или потому, что его слова не были сразу поняты, — их никто не подхватил. Черкез, глядя свою разделенную на три пряди бороду, повел юркими глазами вокруг себя и сказал:

— Ну что ж, люди, думай не думай, а сказать свое слово придется. От нас требуют рабочих. Каков будет ответ?

Упавшие духом люди вопросительно поглядывали друг на друга. Тогда Артык огляделся по сторонам и сказал:

— Если меня спросите, я могу дать совет... Белый царь оставил нас без лошадей и без кибиток, а Халназар-бай и торговцы разграбили наш урожай. Многим не только нечем разжечь огонь, но и нечего печь. Теперь хватают за горло: давай людей! Почему? Потому что в России народ не хочет больше воевать, не хочет больше бросать своих сынов в огненную пасть войны. Сейчас требуют от нас рабочих, завтра потребуют солдат. Да и тех, что сейчас забирают, научат играть саблями и отправят воевать.

Усатый добавил:

— А может, обменяют на тех, кто попал в плен!

Артык продолжал:

— Кто трудился целый год? Мы, дейхане. А кто воспользовался нашим урожаем? Халназар-бай!

— Да это, ей-богу, грабеж!

— Надо отобрать у него арендное зерно!

Один толстяк со слезящимися глазами сказал, облизнув губы:

— Эй, парень! Пусть твое ухо слышит, что говорит язык!

Этот голос остался одиноким. Со всех сторон слышались возгласы одобрения:

— И я хотел сказать!

— И я так считаю!

Артык подождал, пока уляжется шум, и снова заговорил:

— Раньше у нас торговали девушками, теперь начали покупать парней. Нобат-бай уже купил одного, чтобы не посылать на тыловые работы сына. Халназар-бай тоже купит кого-нибудь. В конце концов кто поедет на тыловые работы? Опять же мы! А такие, как Халназар, в эти дни устраивают свадебные тои...

— Да уж нечего сказать, насладился он этим тоем!

— Да, нашелся молодец, отобрал невесту.

— Надо отобрать у него и пшеницу!

— Разве пшеница — его? Наша! Мы возьмем и разделим ее.

— Он и на жеребьевке обжулил Артыка! Хотел по подложному жребью послать...

Артык сжал кулаки:

— Он меня... Нет, не одного меня, всех вас грызет. Он как шакал. Съел мясо, высосал кровь, теперь принялся за кости. Я теперь на все пойду! Я этот жребий обрушу на его голову!

В это время вдали показался всадник. Он ехал вдоль большого арыка. Видно было, что конь его, шедший то наметом, то рысью, был утомлен. Все повернули головы, напряженно следя за всадником.

Увидев толпу, всадник подъехал, натянул повод. Конь задрожал, весь он был в мыле, так что даже трудно было различить его масть. С груди, изо рта его падали хлопья пены, запавшие бока ходуном ходили. Сидевший на коне худощавый молодой человек в толстом халате, опоясанном пуховым кушаком, хриплым голосом попросил:

— Воды!..

Хозяин кибитки вынес ему небольшой глиняный кувшин. Всадник, запрокинув голову, долго лил себе в рот воду из узкого горлышка, потом, отдышавшись немного, обернулся к толпе и сказал:

— Люди! Всем вам, старым и молодым, привет от Эзиз-хана!

— Пусть здравствует он!

— Эзиз-хан собирает всех вольных текинцев и готовится напасть на царское правительство, — продолжал всадник. — По его приказу завтра ночью туркмены нападут на железную дорогу и город. Поэтому он разослал всадников по всем аулам и велел сказать: у царя справедливости нет, намерения его злые. Мы подымаем знамя пророка. Всякий, кто носит папаху, в ком есть честь и мужество, в чьих жилах течет мусульманская кровь, должен завтра напасть на царя! Тот, кто уклонится от священного долга, может потерять имущество и жену: по словам пророка, у такого человека можно отнять и то и другое.

Эзиза в ауле Гоша никто не знал. Но Черкез, когда ездил к своим зятям в аул Бахши Мириш, слышал много разговоров об этом беспокойном человеке. В Бахши Мириш Эзиз перекочевал лет десять — двенадцать назад из аула Керрик-Кала. Он был зажиточным человеком, несколько раз его выбирали мирабом аула. Самым непримиримым его врагом был главный мираб утамышского канала — Акмамед Халпа. Эзиз жил не в ладу и с волостным Хумметом, который поддерживал главного мираба. Перетянув на свою сторону большую часть дейхан, Эзиз подал в уездное управление жалобу на Хуммета, вел тяжбу с ним и одно время сумел подкупить даже главного толмача управления. Но так как Хуммет был сыном бая, окончил русско-туркменскую школу и ему покровительствовал сам полковник, Эзизу не удалось согнать Хуммета с места волостного. Поэтому Эзиз таил злобу на главного мираба, на волостного, на полковника и искал только подходящего случая, чтобы отомстить им. Не желание помочь народу, освободить его от произвола полковника и старшин руководило его действиями. Он хотел достичь давней своей цели — стать ханом. Сейчас пришло время, когда его недовольство слилось с общим народным возмущением. Но какие бы цели ни ставил перед собой Эзиз, слова его посланца взволновали всех. Чувства народа объединяло одно стремление: освободиться от притеснений полковника и его ставленников.

Артык первый горячо отозвался на призыв Эзиза:

— Люди! Ради чего нам ехать в Россию, к чему гибнуть? Чтобы царь, старшина, Халназар-бай еще больше грабили и угнетали народ? Если Эзиз-хан решил напасть на царя, — мы его приветствуем!

По толпе прокатился гул одобрения:

— Либо избавимся от гнета, либо погибнем!

— Мы нападём!

Всадник, поняв настроение народа, крикнул:

— Ну, в добрый час!

И, хлестнув коня плетью, он помчался дальше.

Глава тридцать восьмая

Когда Баллы привез Айну к кибитке и бросил наземь, Мама уронила ведро с молоком и, ахнув, застыла на месте. Меред, стоявший у навеса, прислонился к стенке и опустил голову.

Несколько минут длилось молчание. Айна лежала на земле. Свитые из козьей шерсти веревки впились в тело. Волосы девушки были растрепаны, на лице лежала серая пыль, но в глазах ее не было слез. В первые минуты она даже не чувствовала боли, но когда пошевелинулась, желая сесть, ее истерзанное тело заныло. Она подняла жалобный взгляд. Над ней, как хищник над падалью, сидел на коне Баллы. Подле него стоял бритый молодец.

Наконец Баллы, повернув коня, сказал:

— Я привез вашу преступную дочь, порвавшую завесу чести. Владейте ею!

Мама продолжала стоять с вытаращенными глазами. Она думала, что достаточно будет ей увидеть Айну, как она набросится на нее и выместит на ней весь свой позор. Но жалкий вид падчерицы даже ее привел в смятение. Решив, что юношу, похитившего Айну, убили, а девушка при смерти, она со страху не могла и слова произнести. И только увидев, что всадники собираются уезжать, она крикнула:

— Эй, погодите!

Баллы, сдержав коня, пренебрежительно бросил:

— С тобой наш разговор окончен!

— Где тот, кто увел ее?

— Это ты спроси у нее.

— Подождите!.. Возьмите девушку!

Баллы чуть не вернулся. Это были как раз те слова, которые ему хотелось услышать. Но он вспомнил признание Айны: «Меня уже коснулась рука другого». И снова его охватила злоба, захотелось ответить грубой бранью. Однако Баллы подавил в себе крик: в глубине души он все еще на что-то надеялся.

Мама посмотрела вслед удалявшимся всадникам, взглянула на Айну, на Мереду, стоявшего с опущенной головой, и, не зная, что делать, прислонилась к кибитке и завывала. Тучное тело ее так вздрагивало от рыданий, что стенка кибитки качалась. Айна сидела в пыли, как встрепанный фазанчик, только что вырвавшийся из пасти шакала. Меред подошел и молча развязал ножом веревки, которыми были связаны ее руки и ноги. Айна увидела скорбное лицо отца, и ей стало жалко его. Стараясь поскорей уйти с глаз детей, сбегавшихся с разных сторон и пугливо выглядывавших из-за стен кибитки, Айна сделала попытку подняться. Но затекшие ноги не слушались. Она сделала шаг к двери в кибитку и упала в пыль; при падении ударилась о что-то твердое, — из носа пошла кровь, заливая лицо.

Взглянув на окровавленную Айну, Мама шумно шмыгнула носом, и изо рта ее полетели обычные слова брани:

— Ах, чтоб тебя...

Мереду было до боли жаль свою дочь. Он ничего не сказал, только пожевал губами и так посмотрел на жену, что та сразу прикусила язык. Потом он поднял Айну и увел в кибитку.

Всю ночь Мама терзала Айну — то щипала ее, то грозила, то принималась плакать и умолять, но так и не могла узнать имя того, кто увел ее. На следующий день она стала просить Халназара, чтобы он забрал «свою невестку». Но Айна снова заявила открыто: «Меня коснулась рука мужчины».

Мама пришла в отчаяние, умоляла Айну:

— Теперь мы совсем опозорились. Скажи хоть, кто был с тобой. Мы выдадим тебя за него.

Айна не верила. Мама грозилась:

— Не скажешь, — выдам второй женой за семидесятилетнего! Такому продам, что светлого дня не увидишь!

Но Айна теперь ничего не боялась.

Так все и осталось нерешенным. Халназар не брал невестку, но и не отказывался от нее.

Айна и думать о Баллы не хотела. А Мама, не зная, что делать с полученным от Халназара калымом, чувствовала себя так, словно носила змею за пазухой.

Айна не выходила из кибитки, все время лежала, отказывалась даже принимать пищу. Страдания ее были невыносимы. Она понимала, что стала жертвой чудовищного обычая, и, может быть, впервые в жизни задумалась над тем, как нелепо и жестоко продавать девушек. Но ей ли, девушке, восставать против равнодушного к ее страданиям мира! Все свое бессилие она объясняла тем, что родилась женщиной. Гнет, который претерпевали мужчины, был ей неизвестен. Соседка гелин успела шепнуть ей, что Артык где-то скрывается. Айна не поняла причины этого, а только молила бога, чтобы люди Халназар-бая не узнали, кто был ее похитителем.

От всего пережитого Мама заболела. Домашние работы снова легли на плечи Айны, и на пятый день своего затворничества она вынуждена была пойти за водой к колодцу.

После того как ускакал гонец Эзиза, первой заботой Артыка было — достать коня. Поиски отняли не много времени, — сосед одолжил ему свою кобылку. Вечером Артык повел ее к колодцу. Стояла уже про хладная погода, и скотины, обычно толпившейся здесь в этот вечерний час не было. По дороге встретились трое всадников, уже возвращавшихся с водопоя, у колодца стояли две женщины.

Когда Артык второй раз спустил ведро, одна из женщин ушла, а старушка осталась у колодца. Встряхивая веревкой ведро, чтобы зачерпнуть воду, Артык вдруг увидел, что к колодцу идет Айна. Он не поверил своим глазам, взглянул еще раз, — она. Походка ее была такой же легкой и горделивой, как раньше. Лишь когда она подошла ближе, стало заметно, что лицо ее побледнело, розовые щеки поблекли, тонкие веки словно припухли.

Увидев Артыка, Айна растерялась. С кувшином на плече и ведром в руке она стояла и смотрела на Артыка, а Артык — на нее. Старуха поставила свой кувшин в пески, переливая в него воду из ведра, глядела на них во все глаза. Вода лилась уже через край, и кувшин наконец опрокинулся. Это помогло Артыку начать разговор.

— Тетушка Бибиджамал, как же это так вышло? — сказал он, смеясь, старухе. — Я упустил ведро, а ты уронила кувшин!

Старуха догнала свой кувшин только на дне овражка, вся выпачкалась в грязи и стала жаловаться:

— Ах, чтоб он разлетелся вдребезги! Дно делают маленьким. как ладонь, — разве его поставишь, где хочешь?.. А ты, милый, ведро упустил?

— Ну да.

Айна стояла и улыбалась.

Артыку вновь, как в той тростниковой рощице, захотелось прижать ее к груди, поцеловать в бескровные губы, утешить. Но при старухе этого нельзя было сделать.

— Айна, я тороплюсь, — обратился он к девушке. — Дай ведро, наберу еще раз воды для кобылы.

— Вай, милый Артык, — всполошилась старуха, — возьми мое!.. А куда так спешишь?

Но Айна уже протянула ведро.

Артык думал, что старуха, наполнив кувшин, уйдет наконец и ему хоть немного удастся поговорить с Айной. Но старуха так цедила воду, что было ясно — раньше захода солнца она не уйдет. «Старая кочерыжка! — подумал Артык. — Неужели она никогда не любила? Или успела забыть?» Он стал так отвечать старухе, чтобы сказать Айне кое-что о себе:

— Тетушка Бибиджамал, ты сама знаешь, что творится у нас теперь: хватают нашего брата, отправляют бог весть куда. Ведь и твой сын, я слышал, вытянул черный жребий?

— Так, милый, так, — подтвердила старуха, и из-под ее сморщенных век покатились слеза.

— Ну вот, а какой-то Эзиз-хан, говорят, собирает народ, чтобы напасть на царя. Сегодня и в наш аул приезжал от него гонец и объявил, что завтра вечером выступят.

— И я об этом слышала, милый.

— Вот мы и решили за ночь слетать к Эзиз-хану, все выяснить.
— Молодец, сынок! Постарайся ради народа. Да пошлет тебе счастье создатель!
— Не беспокойся, тетушка Бибиджамал. Мы сумеем надеть на полковника огненную рубашку, кровью зальем всю его канцелярию. Будь спокойна, сын твой останется с тобой. Всю жизнь будешь любоваться им!

Айна поняла все, что хотел ей сказать Артык, глаза ее заулыбались.

Старуха, расчувствовавшись, присела возле своего кувшина, и видно было, что сегодня она не уйдет, а в сторону колодца шли уже новые люди. Артык сел на кобылку и искося взглянул на Айну:

— Айна, девочка, подай-ка ведро! Нам предстоит долгий путь, не мешает хлебнуть два-три глотка.

— Подай, козочка, подай! — прошамкала старуха.

Айна отлила воду в свою тыкву и протянула облегченное ведро. Артык, принимая его, успел пожать ей руку. Тепло их рук достигло сердец. На мгновение они жадно впились друг в друга глазами.

Попрощавшись, Артык помчался к поджидавшим его товарищам.

Три всадника, нахлестывая коней, успели домчаться до кибитки Эзиза еще до того, как аулы уснули. Артык соскочил с седла и огляделся вокруг. Несмотря на поздний час, у кибитки слышался шум голосов, толпились люди, раздавался топот коней. Всадники подъезжали и уезжали. Лишь только Эзизу дали знать, что прибыли представители еще одного аула, он велел позвать их к себе.

Артык вошел в кибитку и поздоровался. Перед ним стоял рослый и сильный человек с продолговатым лицом, на котором остались следы оспы. Борода у него была подстрижена, усы закручены кверху. В одежде его не было ничего особенного — полушелковый халат, кушак из козьего пуха, наброшенный на плечи чекмень из верблюжьей шерсти, на ногах — поношенные сапоги, на голове — черная папаха с длинными завитками.

После взаимных приветствий Эзиз неторопливо повел беседу:

— Ну, как — все мирно, спокойно в народе?

Артык бросил на Эзиза удивленный взгляд и встретил строгие, внимательно смотревшие на него глаза. «Наверно, испытывает меня», — подумал он и ответил:

— Как может повернуться язык сказать, что народ спокоен! Народ похож на стадо, в которое ворвался волк с оскаленными зубами.

Горячность Артыка понравилась Эзизу. Он спросил:

— Отважный юноша, ты откуда?

— Из аула Гоша.

— А, от берегов Кяля?

— Да.

— Как зовут тебя?

— Артык Бабалы.

Эзиз понял, что за человек перед ним. Расспросив о положении в ауле, он заговорил, с явным желанием быть красноречивым и вызвать к себе доверие:

— Артык, ты сказал верно. Насильники, во главе с негодяями чиновниками, довели народ до отчаяния. Терпеть дольше нет сил. Животное и то оказывает сопротивление, когда его тащат под нож. А мы люди — и мы не позволим, чтобы нам на шею набросили веревку и повели на смерть. — Эзиз посидел немного в раздумье, важно откашлялся и продолжал: — Чем бросать на произвол судьбы свои семьи и идти воевать за царя, нам лучше защищать свою собственную страну. Как говорят наши вероучители, — и это находится в согласии с мудрыми наставлениями шариата, — мусульманин может сражаться только под знаменем пророка. Я получил сведения, что наши сородичи из Мары и Ахала готовятся к нападению. Эти вести побудили и нас принять решение напасть на царское правительство, чтобы избавить туркмен от тыловых работ. Для этого мы и послали к народу своих гонцов. Подобно вам, приезжают люди из каждого аула. Все дают знать, что готовы к нападению.

— Эзиз-хан, скажи час — и мы нападём!

— Завтра ночью, перед рассветом.

В беседе с Артыком Эзиз слово в слово повторил то, что он уже говорил накануне перед дейханами своего аула — Бахши Мириша. Дейхане, не знавшие воинской повинности, приняли набор на тыловые работы как солдатчину. Эзиз вовремя поднял голос, указал путь к избавлению и неожиданно получил от народа звание хана.

Хотя задуманное Эзизом выступление казалось прямым следствием народного возмущения, на самом деле он давно горел желанием поднять восстание. «Надо напасть, перебить неверных!» — слышался ему неугомонный хриплый голос. Этот голос принадлежал его отцу, Чапык-сердару, старому главариу бывших аламанов.

— Надо торопиться, — говорил Эзиз Артыку. — Сейчас, конечно, нет времени выделить боевую конницу, — нападать придется всем народом. Но чтобы не было беспорядка, надо, чтобы жители каждого аула знали, куда им идти и что делать. Тебя я назначаю главным над твоим аулом, а потом ты станешь начальником всех нукеров, которые соберутся с канала Кяль. Такие же назначения я сделаю и по всем другим аулам. Дейхане твоего аула пусть прямо нападают на город, а ты сам отбери себе сотню всадников и скачи с ними к южной будке, разбей там железную дорогу, сломай ноги поезду. Разрушить мост и перервать путь с севера я поручу другим.

— Но у народа нет оружия.

— Бог нам поможет. Пусть вооружаются пока топорами, вилами, охотничьими ружьями, у кого есть. Если возьмем город, все оружие перейдет в наши руки. Тогда будем сыпать огнем во все стороны.

То, о чем говорил этот человек, находило живой отклик в душе Артыка. Но высокомерие, надменная поза Эзиза и какой-то неприятный, холодный взгляд его словно воспаленных глаз с кроваво-красными прожилками, в котором сквозила жестокость, производили отталкивающее впечатление.

«Шакал, настоящий шакал! — подумал Артык, и другая мысль пришла ему в голову: — А теперь, может быть, такой и нужен?» Когда Артык сел в седло, Эзиз дал ему последний наказ:

— Нашему делу, может быть, некоторые воспротивятся. Таких не щади. Кто пойдет против тебя, того уничтожай, а имущество его отдавай на разграбление.

Эти слова заставили Артыка подумать о Халназар-бае, и он с готовностью ответил:

— Так я и сделаю!

Глава тридцать девятая

Хуммет знал, что полковник опять сзывал к себе всех эминов, старшин и волостных и что сам он был обязан явиться в этот день в уездное управление, но не торопился с отъездом. До него дошло, что Эзиз собирает народ вокруг себя, видимо, готовится поднять восстание, хотя достоверных сведений об этом у него не было. Понимая, как опасно явиться к полковнику с непроверенными сведениями и вызвать его гнев, Хуммет решил разузнать все точно: что замышляет Эзиз, когда и где собирается выступить, кто приезжает к нему. Он подослал к Эзизу двух своих людей и ждал их возвращения.

Было около полудня. Хуммет приласкал свою вторую жену, потом решил позавтракать. Он опрокинул в рот пиалу водки, оставшейся после вечернего кутежа, и обглодал несколько ребрышек молодого барашка, затем вытер жир с толстых губ и лег, покручивая усы. Вошла старшая жена с годовалым ребенком и присела в ногах у мужа. Забавляя ребенка, она заговорила, стараясь вызвать к себе расположение Хуммета:

— Вон отец, иди к отцу! Полезай на него!

Волостной лежа взял сына, поцеловал его жирными губами. Оттого ли, что жесткие усы кололи нежную кожу ребенка, или ему не нравился тяжелый запах водки, — он отворачивал лицо то влево, то вправо. Хуммет посадил его к себе на грудь. Тогда жена

решила, что наступил подходящий момент для разговора.

— Слышишь, отец, тебе говорю: купи же и мне на борык золотые подвески с яхонтами! Да гляди, и платье у меня совсем износилось.

Хуммет повел большими, как у сонного вола, глазами и презрительно улыбнулся:

— Ты и сама износилась.

Эти слова обидели женщину.

— Если уж постарела немного, так можно и бросить?

— А разве я тебя бросил?

— Даже раз в неделю не покажешься...

— В этом вини не меня.

— Кого же?

— Себя. На тебя смотреть противно.

— Купишь на шелковое платье да будешь заботиться обо мне побольше, не будет противно... Скажи: купишь золотые подвески?

— Вот глупая баба! Нацепи яхонты на шею собаке... Разве тебе к лицу такие украшения?

— Когда-то я была для тебя лучше всех, а теперь,— всхлипнула женщина, — собакой стала?

Эти препирательства испортили настроение волостному. Он, неловко приподняв ребенка, пнул жену носком сапога, закричал. Ребенок заплакал.

— Убирайся! — сказал Хуммет. — Не показывайся мне на глаза!

Женщина взяла ребенка на руки и ушла, а волостной погрузился в размышления. Он стал подсчитывать, сколько лишних рабочих назначил каждому старшине, сколько выручит денег, если освободит каждого за тысячу рублей. Так как и вторая жена ему уже прискучила, он стал размышлять, не жениться ли ему в третий раз: взять девушку, устроить богатый той... С этими сладкими мечтами он и заснул.

Во сне он увидел пышную свадьбу, большие скачки. До слуха его донесся далекий конский топот, и он принял его за топот коней на празднестве. Раздался чей-то громкий голос: «Волостной! Волостной!» Хуммету показалось, что это кто-то принес ему свадебный подарок. Он протянул руку и крикнул: «Давай!» — и от своего же голоса проснулся. Открыл глаза и тотчас же в страхе зажмурился: с двух сторон на него глядели дула пистолетов. Он замотал головой:

— Э-э-э!.. — язык не ворочался. Один из джигитов приказал:

— Давай оружие!

— Ббб... рось... те шутить! — растерянно, заикаясь, пробормотал Хуммет.

— Какие тебе шутки! Отдай оружие, не то вот!.. — сказал джигит, приставляя пистолет к виску волостного.

Дрожащими руками Хуммет достал из-под подушки револьвер в кобуре и протянул джигиту.

— Какое еще есть оружие?

— Нич...че...го, кроме вон той двустволки.

И двустволку вместе с патронташем сняли со стены.

Волостной так перепугался, что не смел даже спросить, кто они, эти джигиты, и почему так поступают с ним. Он уже подумал, что полковник разгневался за неподчинение приказу о явке и послал своих людей арестовать его. Но в это время один из джигитов объявил:

— По приказу Эзиз-хана мы должны тебя связать и доставить к нему. Вставай! Живо!

Поняв, в чем дело, волостной в ту же секунду пустился на хитрость:

— Ах, вон оно что? Ну, так бы сразу и сказали! А я думал, что вы от полковника, — испугался. Я сегодня не явился по его приказу, решил скрыться: услышал, что Эзиз-хан собирает народ, вот и решил... присоединиться к нему. Совсем собрался, да вот сидел ждал, когда оседлают коня, и малость вздремнул. Если зовет Эзиз-хан, я с полным удовольствием... Я приготовил даже для него четыре коробки пороха... Жена, эй, жена! Принеси порох!.. Да

что же вы стоите? Садитесь, попьем чаю. Если не спешите, нарежем барашка...

Джигиты были так растроганы словами волостного, что начали верить ему. Они даже разрешили ему ехать к Эзиз-хану на собственном коне, и Хуммет уже хотел вскочить в седло, но всадники, стоявшие во дворе, помешали этому. После некоторых препирательств решили, однако, не вязать волостного, а посадить его на круп позади одного из всадников.

Когда его усадили на лошадь, младшая жена, уткнувшись головой в стенку кибитки, заголосила: «О горе мне!» Старой жене хотелось сказать: «Ты отняла у меня мужа, утонула в меде, — поплачь теперь, поплачь». Но, вспомнив свирепые мужнины глаза, она прикусила язык и только подумала: «Благодарю тебя, аллах, ты отомстил за меня!»

Доставив Хуммета к кибитке Эзиза, джигиты сообщили, что волостной ненавидит правительство и сам собирался примкнуть к постанцам. Эзиз этому не поверил, но то, что волостной уклонился от явки к полковнику, заставило его поколебаться. Он велел ввести Хуммета в кибитку.

Волостной раньше ни во что не ставил Эзиза, но теперь, войдя к главарю постанцев, затрепетал перед ним. Он подобострастно поздоровался, повторил слова, сказанные джигитам, и бросил к ногам Эзиза захваченный с собой шелковый халат — новенький, еще не развернутый, в складках:

— Подарок господину хану!

Легкое просветление на страшном лице Эзиза не ускользнуло от волостного. Пользуясь благоприятным моментом, он быстро заговорил:

— Эзиз-хан, мы были врагами. Я был волостным, ты был мне подвластен. Правда, своим врагом я тебя не считал. Но ты... ты готов был убить меня одним своим взглядом. Не знаю, бог ли меня надоумил, или были какие другие причины, но горе, свалившееся на плечи народа, заставило меня призадуматься. Я вспомнил, что мы, слуги белого царя, сделали наш народ нищим. Мне стало больно, когда я увидел, что люди при таком обильном урожае бродят без куска хлеба. А тут еще это повеление царя. Стоны народа, у которого хотят отобрать безусых юношей и бросить в прожорливую пасть войны, лишили меня сна. В конце концов я понял, что делаю скверное дело и народ меня проклянет... И я раскаялся. Я понял, что, даже предав свой-народ истреблению, я не дождусь от баяр ничего, кроме обидных слов: «сын свиньи»...

Хуммет вообще любил говорить гладко, а на этот раз употребил все свое красноречие, и в голосе его слышалось искреннее раскаяние. Пристально посмотрев на задумчиво слушавшего его Эзиза, он продолжал:

— Узнав, что ты хочешь напасть на царя, я решил забыть нашу вражду и соединиться с тобой. Поэтому и не поехал к полковнику, остался дома. Я лежал, думая, как поступить лучше: позвать ли тебя или самому поехать к тебе — и незаметно заснул. А тут как раз подросли твои джигиты. Сейчас ты — хан, я — твой раб. Верешь моему слову — ради пользы мусульманского дела сделай меня своим слугою, не веришь — следуя старой вражде, арестуй, а уж если так ненавидишь — убей. Но я хочу снять с себя проклятие народа и, что бы ты со мной не сделал, отдаю себя в твои руки.

Эзиз недолго раздумывал. Раскаяние волостного показалось ему искренним. Кроме того, не простить человека, пришедшего с повинной головой, было не в обычаях туркмена. И он сказал:

— То, что мы затеваем, не родовая распря. Это борьба за мусульманскую веру, за освобождение от гнета. Поэтому, как мусульманин, я прощаю тебя.

— Господин хан, я знаю твою великодушность. Сегодня ты показал мне еще раз. Спасибо тебе!

Но Эзиз вспомнил, каким ревностным слугой полковника был Хуммет, и решил проверить его.

— Ты свободен, — продолжал он. — Если хочешь, поезжай к своему полковнику и скажи: этой ночью мы нападем на него:

— Эзиз-хан, — прервал его волостной голосом искренней обиды, — не бей меня

словами, бей, если хочешь, саблей! Не издевайся надо мной. Мне достаточно моей вины и позора.

Эзизу эти слова пришлись по душе. На изъеденном оспой лице появилось какое-то подобие улыбки, и он великодушно ответил на взволнованные слова волостного:

— Если твое сердце с нами, тогда ты — один из нас. Вон твое оружие, возьми его.

— Эзиз-хан, позволь подарить тебе этот револьвер. Мне довольно и кривой сабли, чтобы снести с плеч голову полковнику. Если я это сделаю, мой грех будет смыт и сердце успокоится.

Волостной оживленно заговорил о том, что царские власти в Туркестане не имеют силы, что у них только и остались гремящие поезда, да и они станут безвредными, если разрушить железную дорогу. Когда речь зашла о нападении на город, он указал, где удобнее и легче всего ворваться на улицы Теджена, причем стал уверять, что у полковника в городе нет крупного гарнизона. И в конце концов добился того, что у Эзиза рассеялись последние сомнения.

Надев ремень поверх пухового кушака, прицепив к нему револьвер волостного и повесив через плечо отцовскую кривую саблю, Эзиз-хан сел на своего вороного коня. Пятизарядную винтовку, купленную у приезжавших за зерном йомудов, он положил перед собой на седло и выехал к своим нукерам. Перед ним было мало джигитов на чистокровных скакунах. Дейхане сидели на низкорослых кобылках, на ослах; некоторые были вооружены старинными ружьями, заряжающимися с дула, большинство — вилами, топорами, дедовскими кривыми саблями и даже огромными ножницами для стрижки овец.

Собрав вокруг себя старшин, Эзиз отдал приказ о выступлении.

— Джигиты! — сказал он. — Сегодня мы сели на коней для того, чтобы сбросить иго царя, чтобы порвать путы и освободить туркменский народ. Сегодня — день, когда туркмены должны показать свою отвагу!

— Покажем! — раздался голоса. — Смерть баярам!

Глядя на сотни всадников, Эзиз и не подозревал, как жалко выглядит он со всем своим «войском». Он чувствовал себя по меньшей мере богатырем Рустемом

«Как бы то ни было, а я перетянул народ на свою сторону, — думал он. — С такой силой нет места, которого я не достиг бы, нет крепости, которой не взял бы. Если сегодня сброшу царскую власть, завтра сам буду править страной. Я стану ханом не одного только Теджена, а всех туркмен. Кто посмеет восстать на меня? Народ? Гм.. Возьмешь в руку палку — и пойдет туда, куда его погонишь!»

А Хуммет в это время кричал:

— Кто против этой войны — у того в жилах нет мусульманской крови! Жена свободна у того, кто убежит от нас!

Чапык-сердар вышел из толпы провожающих и обратился к повстанцам с напутствием. Его тусклые глаза блестели, слабое тело дрожало, голос звучал хрипло:

— Храбрецы! Поручаю вас сердару, отмеченному божественным оком!.. Эзиз-хан! Тебя поручаю царю мужей! Призывая бога, вынь кривую саблю отца, и она удлинится, как меч Али. Идите же, и да будет спутником вам мужество храбрых!

Джелиль-ишан, маленький, седой, черноглазый человек, воздел руки к небу, благословляя нукеров. Его длинная седая борода развевалась, а голос звучал плаксиво:

— Да будет путь ваш светел и да поможет вам всемогущий аллах! Пусть будут у вас дела успешны, усы закручены! Пусть ружья ваши будут быстры в стрельбе, а сабли остры в бою! Пусть от ударов ваших сотрясаются горы! Пусть от вашего дыхания тает враг, как свинец на огне! Будьте смелы! Убейте врага, имя ваше станет священным в веках. Умрите за веру—наградой вам будет слава шехидов (Шехиды — мученики за веру). Идите же! Поручаю вас единому аллаху! Во имя аллаха, аллах велик!..

Эзиз-хан встал во главе конницы и повел ее к городу. Джелиль-ишан окликнул его. На этот раз голос его звучал весело:

— Когда захватите добычу, не забудьте же и своего дядюшку-ишана, удалыцы

джигиты!

Глава сороковая

Вернувшись от Эзиза, Артык занялся сбором всадников и лошадей для предстоящего ночью набега на город. Под этим предлогом он заглянул и в кибитку Мередов.

— Дядя Меред, — попросил он, — если сам не поедешь, может, дать кобылку ребятам?

Все еще считавшая себя больной Мама опередила Мереду:

— Нельзя же первому попавшемуся отдать кобылу и погубить ее!

Айна, которая не пожелела бы ничего в мире для Артыка, чуть не оборвала мачеху: «Так уж за один день и погибнет!» Но обычай не позволял ей разговаривать с неженатым мужчиной, и она промолчала. Не последовало ответа и от Мереду, и Артык сделал попытку убедить Маму.

— Тетушка Мама, разве вечно что-либо в мире? Вот скажем, ты: несколько дней тому назад румянец играл на твоих щеках, а сейчас лежишь еле живая. Конечно, умирает не тот, кого болезнь уложила в постель, а тот, кому суждено умереть. Не сегодня-завтра ты подымешься и вновь зацветешь. Так и кобыла — за один день не подохнет. Люди готовы жизнь отдать за народное дело, а ты жалеешь какую-то кобылу! Не стыдно тебе?

Айна все-таки не утерпела и кольнула мачеху злыми словами:

— В этом доме ничего не добьешься, если не угодишь Маме.

Мачеха, как ужаленная, подскочила на постели:

— Не тревожь мою рану! Не из-за тебя ли лежу, не из-за тебя ли не в силах подняться?

Вспомнив слабую струнку Мамы, Артык поспешил все обратить в шутку:

— Не горюй, тетушка Мама! Дай только избавиться от врага, мы тебя сразу поднимем с постели. Тебя обижать нельзя. Айна, конечно, раскаивается в том, что сделала. Ну, да ведь и ты не из слабеньких, которых надо носить на руках!

Мама вдруг оказалась щедрой:

— Не только на один день, пусть хоть на десять дней берут — вон кобыла!

Меред, давно шевеливший губами, наконец вымолвил:

— Только ты, парень, сам на нее садись.

— У меня есть лошадь. Но твою я дам надежному человеку.

Мама совсем раздобрилась:

— Мы тебе верим, отдавай кому хочешь.

Артык украдкой посмотрел на Айну, прощаясь с ней взглядом, сказал:

— Сегодня ночью мы сядем на коней. Молитесь богу... — И вышел из кибитки.

Сердце у Айны дрогнуло. Она устремила вслед Артыку широко раскрытые черные глаза и долго сидела неподвижно.

Сахат Голак еще накануне вечером, наняв верблюда, уехал в город молотить пшеницу для себя и для Нурджахан. Если б Артык знал раньше об всем, он не пустил бы его. Но теперь делать было нечего. Артык простился с матерью и пошел к месту сбора.

Нурджахан провожала его глазами, полными слез:

— Иди, мой ягненок, да поможет тебе создатель! Раздался призыв муэдзина к вечерней молитве.

К Артыку со всех сторон съезжались всадники. Незадолго до того, как они двинулись в путь, прибежал, запыхавшись Гандым и стал горько жаловаться Артыку:

— Все, что осталось на мою долю с гумна, Халназары погрузили на верблюдов и увезли. Я не хотел давать, ухватился за повод, но Баллы так толкнул меня, что я ткнулся лицом в землю... Чем теперь буду кормить детей?

Артык взглянул на багровую шишку на лбу Гандыма и постарался его успокоить:

— Не горюй, дядя Гандым, вот разобьем защитников Халназара, примемся я за него. Будет у тебя хлеб, не волнуйся!

Услышав доброе слово, Гандым успокоился: В это время вереница халназаровских

верблюдов, гремя колокольцами, проходила мимо них. Сбоку на сером осле ехал Мавы. Артык направился к нему. Следом за ним пошли Гандым и Ашир.

— Мавы, верблюдов веди туда! — сказал Артык и показал рукой в сторону шалаша Гандыма.

— Зачем?

— Затем, что это пшеница Гандыма.

Мавы с удивлением взглянул на Артыка своими синими глазами и ударил осла цепочкой.

— Пшеница наша!

Артык преградил ему путь.

— Мавы, если ты превратишь в пшеницу вон те пески, что на юге, и привезешь Халназару, ты его все равно не насытишь. Напрасно ты обижаешь бедняка, такого же, как ты сам. Поверни верблюдов, тебе говорю, пока не поздно!

Мавы не тронулся с места.

— Кто хочет, пусть будет бедным! Я не бедный. Я теперь сын Халназар-бая! Пшеница моя.

— Мы знаем, чья это пшеница, но не понимаем, как ты стал сыном бая.

Мавы не хотел и слушать Артыка:

— Завидуешь моему счастью? Уходи с дороги!

— Мавы, ты повернешь верблюдов или нет? — уже строго спросил Артык, начиная сердиться.

Мавы ударил осла цепочкой и крикнул:

— Не поверну!

Ашир, уже давно стоявший наготове подле Мавы, хлестнул его ладонью по уху:

— Вот, если не повернешь!

Когда Ашир еще раз замахнулся, Мавы умоляюще поднял руку:

— Не бей! Поверну...

Гандым засыпал в яму пять верблюжьих вьюков пшеницы, прикрыл сверху землей и замазал глиной. Раньше он, может быть, и побоялся бы это сделать, но теперь чувствовал себя под крепкой защитой. Раз сам начальник аульного войска встал на его сторону, никто его не посмеет тронуть. А если повстанцев и постигнет неудача, думал он, так все равно бедствия хуже голода он не встретит.

Артык и Гандыму нашел кобылку. Гандым приторочил к седлу пестрый чувал, который Биби соткала весной.

Артык спросил

— Дядя Гандым, а чувал зачем?

— Хм!.. А добычу возьмем, добычу?.. Что ж, у кого есть пшеница, у того от зеленого чая и сахара живот не заболит!

У Артыка было сильное желание раздать дейханам всю пшеницу Халназар-бая. Некоторые даже подстрекали его к этому. Но он боялся, что повстанцы увлекутся дележом и забудут о главном. Поэтому он решил раздать байскую пшеницу после нападения на город.

Мелекуш широкими шагами ходил вокруг своего колышка, косил глазом, ржал. Артык подошел к нему, погладил, затем, подняв уздечку, валявшуюся в стороне, надел на коня. Мавы успел скрыться от грозного начальника повстанцев. Старшего сына Халназара не было дома. Но Баллы, выйдя из крайней кибитки, закричал:

— Э-эй, что вы там делаете с конем?

— Нам нравится этот конь. А ну, Баллы-хан, принеси-ка седло!

Баллы подбежал, ухватился за повод, стараясь вырвать его из рук Артыка.

Артык насмешливо взглянул в его сердитое, красное от натуги лицо и сказал:

— Баллы-хан, мы просим дать нам коня.

— По просьбе конь не дается! — огрызнулся Баллы.

— О, так не бывает!

— Вот и бывает!

— Баллы-хан, такая жадность байскому сыну не к лицу.

— Говорю вам: пока меня не уложите, коня не возьмете!

Ашир больше не мог стерпеть и крикнул:

— Если будет нужно — уложим и тебя и всю твою родню! Иди и живо носи седло!

— Не принесу!

Ашир, сидя на своей кобыле, наступал на него:

— Не принесешь?

— Не принесу!

— Вот получай, если не принесешь!

Витая ременная плетъ Ашира со свистом опустилась на спину Баллы, одетого в тонкий халат. Вероятно, этот удар был сильнее того, который обрушился на Са-хата Голака. Баллы вскрикнул и съехал от удара.

Артык тоже взмахнул рукой — и засвистели плети. Баллы заорал благим матом.

На его крик сбежались женщины из кибиток халназаровского ряда. Они притащили седло, попону, всю сбрую Мелекуша и вырвали из-под плетей Баллы.

Артык прикрепил к поясу саблю, закинул за плечо халназаровскую двустволку и, вскочив на Мелекуша, легкой рысью повел его вдоль ряда кибиток. Всадники двинулись вслед за ним. Садап-бай, еще не успевшая оправиться от огорчений, причиненных побегом Айны, упала на землю и запричитала. Только Мехинли, не поняв ничего в том, что произошло, спокойно стояла у черной кибитки и, покусывая палец, смотрела на все удивленными глазами.

Во главе полусотни дейхан Артык направился в сторону города. За нестройной толпой всадников поднялось облако пыли. Как и все женщины аула, Айна стояла у кибитки и смотрела на всадников. При виде почета, который выпал на долю Артыка, она почувствовала гордость за него.

Повстанцев с каждым часом становилось все больше и больше. Конница Эзиза росла, ширилась, подобно потоку в весенний ливень. Присоединялись все новые группы дейхан из аулов, встречавшихся на пути. Топот копыт наполнял все вокруг. Тедженские заросли кустарников никогда не видели такого огромного количества всадников. Повстанческое войско заполняло все пути, все тропинки. Об опасности никто не думал, кругом шутили, балагурили. Ехали точно на праздник.

Среди всадников, то вырываясь вперед, то отставая, вертелся на рослом чистокровном коне Хуммет, покрикивая и подбадривая людей.

— Вперед, молодцы, вперед! Сегодня уничтожим врага! — крикнул он в последний раз и, спустившись в пересохшее русло арыка, погнал коня в город.

Плеяды стояли прямо над головой. Перевалило за полночь. У водораздела между каналами Кяль и Векиль, когда до города оставалось два-три километра, Эзиз остановил коня. Здесь он решил подождать отставших, построить всадников, перед тем как ринуться на город. Но сколько ни подходило конников, волостного среди них не было. Эзиз стал расспрашивать десятников, сотников — Хуммет исчез бесследно. Только теперь понял главарь повстанцев, что совершил непростительную ошибку.

Несчетное множество людей собралось на поросшей гребенчуком равнине. Эзиз, галопом пустив коня, объехал дейханское войско. «Тысяч шесть будет!» — удовлетворенно подумал он. Вместе с теми, что должны были прибыть с Царского канала и Векиля и напасть на город с другой стороны, выходило тысяч до десяти. Артык уже не чувствовал в себе того воодушевления, с которым он выезжал из аула. В голове бродили сомнения: можно ли верить Эзизу, если ему уже сейчас льстит, когда его называют ханом? Вспомнилась беседа с Иваном Тимофеевичем и Артамоновым, сомнения усиливались: не сделал ли ошибки Артык, как и другие дейхане, присоединившись к Эзизу? «В самом деле, почему я не посоветовался с Иваном? — думал Артык. — Ведь он и Артамон-ага так интересовались волнениями, начавшимися среди туркмен, предупреждали, что дейхан могут обмануть, натравив на

русских, предлагали объяснить дейханам, за что и против кого они должны бороться. Как же это я, не посоветовавшись с Иваном, повел дейхан за Эзизом? — упрекал он себя и тут же приходили оправдания: — А разве было на это время? За эти сутки что я должен был делать — собирать нукеров, выполняя приказ Эзиза, или скакать в город и советоваться с Иваном?»

Хмурый, задумчивый сидел Артык в седле на приплясывающем под ним Мелекуше. Притихли в ожидании битвы и другие дейхане. Один только Гандым, казалось, не чувствовал всей серьезности этих минут и продолжал о чем-то оживленно рассуждать то ли с соседями, то ли с самим собой.

Как и у большинства повстанцев, у Гандыма, кроме чувала, был еще и топор. Он особенно не раздумывал, к чему этот поход, какую он даст пользу, какой принесет вред. Его желания не шли дальше того, чтобы вот этим топором взломать дверь какой-нибудь лавки, зарубить того, кто будет мешать, и набить свой чувал зеленым чаем, сахаром, леденцами, материей на одеяло и на штаны. В разговорах дорогой он гордо доказывал, что добыча должна принадлежать тому, кто ее захватит. Когда ему случалось бывать в городе, он подолгу стоял у лавок и магазинов, не в силах оторвать глаз от всего того, что там выставлено. Наполнив пшеницей яму и набив в городе свой чувал, он больше не мечтал бы ни о чем. Как и все остальные, он даже не подозревал о честолюбивых замыслах Эзиза. Но, в отличие от многих, он не понимал и общих стремлений к свободе. Было немало людей, которые подшучивали над Гандымом, зная, что его расстроенный мозг был неспособен охватить всего смысла событий...

Приближалось время рассвета. Плеяды все больше клонилось к западу. Поднялся небольшой ветерок, и клочки облаков пошли кочевать от одного края неба к другому.

Отобрав сотню лучших всадников, Эзиз поставил во главе ее Артыка и послал его разрушить железную дорогу возле южной пригородной будки, а сам с тысячами всадников двинулся к городу.

Глава сорок первая

Нешадно нахлестывая коня, волостной Хуммет в полночь промчался по тихим улицам города и остановился у ярко освещенного дома начальника уезда.

Полковник праздновал день рождения жены. В просторной комнате на длинном столе — пироги, жареные поросята, гуси, куры, ряды разнокалиберных бутылок. От ярких электрических ламп в комнатах, убранных дорогими коврами, было светло, как днем. Среди гостей были помощник начальника уезда, начальника гарнизона, начальник полиции, волостной Ходжамурад, Ташлы-толмач и другие чиновники уездного управления. Некоторые были с женами. Уже пили за здоровье жены полковника и его самого. Полковник, взяв бокал, встал:

— Господа, предлагаю выпить за здоровье его величества государя императора! — сказал он, и все поднялись с места.

В это время в комнату с шумом ворвался Хуммет. Не успев отдышаться, он, качаясь всем телом, глотая слюну и заикаясь, выпалил:

— Восстание!

Бокал выпал из рук полковника, глаза его округлились. Пошатнувшись, он грузно сел, и широкий, как бочка, зад его стукнулся об стул. Гости побледнели. Женщины сунули свои бокалы куда попало, разливая вино на скатерть. Полковница, истерически вскрикнув, убежала в другую комнату.

Волостной немного отдышался. Сообразив, что насмерть перепугал всех, он поднял руку к папахе:

— Баяр-ага! Господин полковник! Нет ничего такого...

Но никто уже не слушал его. Поднялся переполох, все метались по комнате, не зная, что делать. Хуммет сам испугался и решил исправить ошибку. Подняв руку, он закричал:

— Господа!.. Я пошутил!

Пришедший в себя полковник поднялся с места и сжал кулаки:

— Если ты так шутишь, то я тебе покажу шутки!

Гости успокоились. Ходжамурад набросился на Хуммета:

— Эх ты, сын свиньи! Да разве можно так пугать людей? Разве здесь место для глупых шуток?

Хуммет обругал Ходжамурада по-туркменски, затем, обратившись к полковнику, в точности объяснил ему положение. Он рассказал о начавшемся выступлении Эзиза, о своем аресте и бегстве, особенно подчеркивая свою верность служебному долгу.

Узнав, что начались дела совсем не шуточные, полковник, задыхаясь от ярости, заходил по комнате.

— Скоты!.. Свиньи!.. — угрожающе рычал он на волостных. — Да кто вы такие, чтобы не исполнять повеления государя?.. Нет, я вам теперь покажу! Покажу!.. Глаза выколю!

Волостные дрожали всем телом.

Топнув ногой, полковник обратился к чиновникам, стоявшим вокруг стола:

— Приказываю — сейчас же произвести в городе облаву! Всех, у кого на голове большая папаха, арестовать! Не поместятся в тюрьме? Гм... Загоните всех в один двор!.. Все они знают о нападении и ждут только сигнала, чтобы начать резню. Если после облавы на улице покажется папаха — расстреливать на месте!

Чиновники и волостные уже собрались удалиться, но полковник остановил их взмахом руки.

— Погодите!.. Жителей города, будь то русские или армяне, надо вооружить. Пусть все честные подданные государя окажут помощь гарнизону и полиции.

Затем он обратился к начальнику гарнизона:

— Сейчас же звоните по телефону в штаб гарнизона и сами спешите туда. Поднять всех по тревоге!

Выслать к городским заставам усиленные патрули!.. Начальник гарнизона только на днях, в связи с волнениями среди туркмен, получил подкрепление в две сотни кавалеристов, поэтому он поспешил заверить начальника уезда:

— Господин полковник, у нас надежный гарнизон, способный отразить две-три тысячи всадников. Будьте спокойны, в город мы этих разбойников не пустим.

Разослав во все стороны тревожные телеграммы о положении в уезде, полковник вышел из дому и сел на коня. Хуммет последовал за ним.

Тем временем в городе уже началась облава. Стражники и кавалеристы гарнизона гнали толпы людей во двор купца Котура. По спинам отстающих ходили нагайки. Широкий двор купца был битком набит туркменами.

Халназар-бай, Нобат-бай, Мамедвели-ходжа и Покги Вала были в гостях у Котура и сидели во внутренних комнатах его дома. Оказавшись в числе арестованных и узнав о восстании, они пришли в смятение. Мамедвели испуганно заметался по комнате:

— Ох, пропали! Горе нам, теперь и бежать некуда!

Покги в страхе вторил ему:

— Мы погибли!

— Покги-мираб, что будем делать?

— Не спрашивай, дорогой ходжам! Лучше взывай к своим предкам!

— Вай, мы попали в такую беду, из которой и предки не могли бы вызволить!

— Приношу в жертву одну козу: боже, пронеси мимо все худое!

Мамедвели ухватился за Халназара, который, скрывая страх, сидел, положив руки на тучный живот.

— Бай-ага, что делать?

— Терпи и призывай бога.

— Ах, да я же все время призываю! О, аллахы экбер! — Ходжа захныкал.

Нобат-бай, сидевший нахохлившись, рассердился на него:

— Ну, ходжам, ты, оказывается, хуже всех. Разве можно так срамиться?

— Дорогой Нобат-бай, да как же можно все это вытерпеть? Мы погибнем, дети останутся сиротами... Ах!

С улицы донесся топот копыт, где-то раздались выстрелы. У ворот двора громко постучали, послышался выстрел, затем стон, и кто-то с тоской произнес: «Ах, Ашир, Ашир...» Ворота были заперты наглухо. В наступившей тишине некоторое время раздавались стоны и несвязное бормотанье.

Люди, запертые во дворе и в доме, сидели не шевелясь, перепуганные насмерть. Каждого страшила мысль о жестоких наказаниях. Старшины и эмины дрожали за свои шкуры. Бабахан думал: «Эх, разве я не служил белому царю верой и правдой! Неужели моя преданность не будет принята во внимание?» Халназар тоже старался себя успокоить: «Я не шел против правительства, не отказывался давать людей на тыловые работы, всегда вовремя выполнял приказы полковника...» Но у дейхан, у бедняков не было никаких заслуг, и они молились: «Боже, отвори все худое!» Мамедвели же совсем потерял рассудок. Что-то бормоча, он то выбегал во двор, то снова скрывался в комнатах купца и на всех наводил тоску и уныние.

Глава сорок вторая

Артык со своими всадниками достиг железнодорожной будки раньше, чем началось общее нападение на город. Однако разрушить железную дорогу они не смогли, — у них не было для этого инструментов, и они не знали, что делать. Пробовали подкапывать насыпь. На рельсы, над ямой в пять-шесть шагов, становилось по десять человек; они прыгали, ожесточенно били ногами, но рельсы даже не гнулись. Тогда облили керосином и подожгли мост, находившийся недалеко от будки, начали валить телеграфные столбы, рубить топорами провода.

Когда Артык возился у полотна железной дороги, со стороны будки послышался крик. Артык бросился туда. На земле лежал паренек лет шестнадцати, из ножевой раны в груди у него струилась кровь. Артык наклонился над ним и пристально взгляделся в его лицо, — были в нем какие-то знакомые, хорошо запомнившиеся черты. И вдруг Артык вспомнил Карташова, с которым однажды познакомился у Ивана Тимофеевича. Он опустился на колени, приподнял голову раненого. Лунный свет лился на светлые вьющиеся волосы юноши, на белое, без кровинки лицо. Если бы у него была еще русая борода, Артык назвал бы его Карташовым. Несомненно это был сын Карташова. Острое чувство жалости наполнило сердце Артыка. Юноша повел угасающим взглядом, шевельнул губами и, испустив тихий вздох, умер на руках у Артыка.

Осторожно опустив его голову на землю, Артык вскочил на ноги, решив сейчас же расправиться с тем, кто сделал это черное дело. Но в это время к горящему мосту подошел поезд, затрещали выстрелы. Со стороны города донесся боевой клич: «Алла... худай!» Оставив у полотна железной дороги двух убитых, Артык поскакал со своей сотней к городу.

Воинственные крики смешались с ружейной и пулеметной пальбой. Пыль, поднятая копытами тысяч лошадей, и пороховой сизый дым застилали небо. Артык присоединился к нападающим.

Началась ожесточенная перестрелка между повстанцами и солдатами гарнизона. Грохочущий выстрелами поезд передвигался туда, где было больше нападающих. Хуммет был на паровозе с офицером и показывал, куда надо направлять огонь.

Самым надежным оружием у повстанцев была сабля, но частый пулеметный огонь не позволял им перейти железную дорогу. Пули сыпались дождем. Многие уже свалились с коней мертвыми, многие были ранены. Наступила заминка. Всадники стали стыдить друг друга:

— Кто повернет обратно — тот не мужчина!

— У труса — жена свободна!

Снова с криками рванулись вперед, но безжалостный пулемет и винтовочные пули

беспощадно косили ряды наступавших. Какой-то юноша с безумной отвагой пролетел сквозь ливень пуль и врезался в цепи солдат. Стрелявшие лежачие солдаты вскочили на ноги. Всадник с налету срубил чью-то голову и поскакал дальше. Солдаты дали залп, и он кувыркнулся с лошади. Лошадь упала, всадник тотчас вскочил и бросился на солдат с обнаженной саблей. Раздалось еще несколько выстрелов — и он упал навзничь.

Давно спешившийся Артык не мог отыскать Мелеку-ша. Кругом царила полная растерянность. Спасая свою жизнь, люди забыли о раненых, хватали первых попавшихся лошадей и пускались в бегство.

Артык шел пешком и вдруг увидел своего гнедого. Волоча по земле волосяную веревку, которой обычно привязывают коней, жеребец, раздувая ноздри и фыркая, метался из стороны в сторону, не подпуская к себе никого. Артык посвистал, гнедой оглянулся на него, наострил уши, а потом тихо подошел и стал тереться головой о плечо своего хозяина. Но пули повизгивали со всех сторон, и Артыку было не до ласк. Он вскочил на коня — в ушах засвистел ветер.

В этот день солнце, словно окрашенное кровью, поднялось в розовом тумане.

Ворота купеческого двора Котура, наконец, распахнулись. Мамедвели первый выскочил наружу, но, испуганно вскрикнув, отпрянул назад: у ворот лежало распластанное тело человека в дейханской одежде. Вышедший вслед за Мамедвели Нобат-бай сразу узнал в нем Сахата Голака.

Когда труп внесли во двор и положили возле сарая, на взмыленном коне прискакал полковник. Он презрительно посмотрел на труп дейханина и, протянув руку в сторону железной дороги, обратился к дрожавшим от страха людям:

— Там валяются ваши, похожие вот на этого!

Халназар-бай, надеясь на хорошее отношение полковника, выступил из толпы и сказал:

— Господин полковник, это не наши, это...

— Молчать! — резко оборвал его полковник. Халназар покорно сложил на животе руки и опустил голову. У Мамедвели, как у больной борзой, задрожали колени.

Полковник приказал своим джигитам:

— Гоните их убирать трупы!

Через несколько минут джигиты отделили от толпы группу людей и погнали их в поле за железную дорогу. В эту группу попал и Покги Вала.

Полковник, приехавший с двумя волостными, не слезал с коня. Его короткий, опоясанный широким ремнем полушубок поблескивал от инея. Злые глаза на посеревшем после бессонной ночи лице пронизывали людей. Особенно грозно полковник поглядывал на ходжу Мамедвели, на его белую чалму потомка пророка. Тыча в него плетью, полковник вдруг заорал.

— Негодяи! Все вы заговорщики! Кого из вас ни спроси, у вас один ответ: «Мы ничего не знали, мы не виноваты». А там, — он опять указал плетью в сторону железной дороги, — там среди бунтовщиков у вас сыновья, братья. Вы, мерзавцы, уверяли меня, что в народе все спокойно и волнений не будет. Видели, какое спокойствие? Будете знать теперь, как нападать на царское правительство! А чего вы добились? Убили человек двадцать солдат, несколько чиновников, даже сжечь одного моста не сумели!.. Да если я захочу, так всех вас нанижу на пулю!

Полковник говорил быстро, запальчиво. Ташлы-толмач еле успевал переводить.

Выждав момент, когда полковник замолчал, старшина Бабахан взял шапку под мышку и, склонив голову, проговорил:

— Господин полковник, мы виноваты... Вы можете убить нас как джизакцев, сровнять с землей наши аулы... Но белый царь милостлив... Мы просим взять нас, грешных рабов, под свое покровительство. Дайте нам самим наказать бессовестных. От имени старшин я заверяю: мы найдем всех бунтовщиков и...

Не дослушав Бабахана, полковник снова заговорил:

— Сегодня с двух сторон сюда придут войска с пушками... Я даю вам два дня сроку.

Если за эти два дня вы не приведете всех мобилизованных, берегитесь! Пушки сровняют с землей ваши аулы! Но если выполните приказ, вас, может быть, не коснется карающая рука.

Мамедвели-ходжа, весь дрожа, поспешил дать обещание:

— Баяр-ага, мое слово в народе кое-что значит. Не в два, в один день выполним твое повеление!

Мамедвели согласился бы и на один час: самое главное для него — вырваться отсюда.

Полковник, недоворчиво взглянув на Мамедвели, сказал:

— Мой приказ вам — садитесь на коней и поезжайте за железную дорогу. Там ждите меня.

Повернув коня, он ускакал.

Когда старшины и эмины приехали на песчаное поле за железной дорогой, Покги Вала и другие уже успели собрать трупы. На песке остались лишь следы конских копыт да темные пятна запекшейся крови.

Через час приехал полковник и сказал:

— Пусть народ в аулах не разбегается. Кто убежит, все равно не найдет спасенья. Успокойте людей. А потом соберите мобилизованных... Поезжайте!

Старшины и эмины дружно ударили коней плетками и поскакали в свои аулы.

Глава сорок третья

Аулы были объаты страхом.

Жители разбегались, бросая имущество. Даже те, у кого было много вьючных животных, наспех собрали лишь самое ценное. Имевшие лошаденку или осла навьючивали на них припасы, сажали детей и сами шли пешком. Целыми семьями уходили и бедняки, у которых для передвижения не было ничего, кроме своих ног.

Уходили подальше от насиженных мест, в пески. Многолюдные аулы опустели в один день. Кибитки были брошены там, где они стояли, с развешанными чучалами, с разостланными кошами и ковриками. Забытые бараны блеяли на привязи у дверей. Сторожами в аулах оставались только дряхлые старики да собаки.

В дороге каждый думал только о себе. Среди путников лишь немногие покачивались в удобных, устланных коврами верблюжьих седлах. Коня или осла под седлом имел тоже не всякий. Большинство людей, нагрузив свои пожитки на осла, корову или вола, шли пешком, босоногие, с непокрытой головой, ведя за руку оборванных ребятишек; самых маленьких тащили на спине.

Густая пыль, поднятая людьми и животными, стояла в душном, неподвижном воздухе. По усталым, запыленным лицам градом катился пот. Женщины, сняв накидки с борыков, откинув яшмаки, шли простоволосые. Ноги были разбиты в кровь. Дети бежали рядом со взрослыми, спотыкались и падали; размахивая ручонками, тянули жалобно:

— Отец, я устал!

— Пи-ить!

— Ой-ой, ноженьки больно!

— Мама, ма-ам, хлеба!..

В пыльной мгле глухо звучали плачущие детские голоса.

Люди, изнемогая от усталости, шли с единственной мыслью — поскорее, подальше уйти от аула. Их гнал страх...

Повстанцы, двигавшиеся на город плотной массой, рассеялись и возвращались домой поодиночке.

Злой, весь в пыли, Гандым, бросил у двери своего шалаша топор и пустой чучал. В час смертельной опасности у него вдруг пропало желание ворваться в город, зарубить первого лавочника и набить свой чучал богатой добычей. Сейчас он думал только о зарытой в земле пшенице. Но беспокоиться пока было не о чем. Халназар-бай еще не вернулся из города. Его сыновья, нагрузив верблюдов дорогими вещами, отправили их в пески и сами готовились

бежать, как только вернется отец. Гандым закрыл свой шалаш и вместе с женою и дочкой двинулся прочь из аула.

Готовилось к бегству и семейство Мерета. Айна, как и все, была в смертельной тревоге, но не за себя, а за Артыка. Она думала только о нем, ждала только его. Вернулся Гандым, пришел Ашир, добрался домой даже тяжелораненый усатый дейханин, всегда так горячо вступавший в споры на сходках; вернулось немало других, ушедших с Артыком. Но почему же нет никаких вестей об Артыке? Может, пробила ему грудь баярская пуля? Или схватили его солдаты полковника? Или же, стыдясь вернуться в родной аул, умчался он на лихом скакуне в чужую сторону?

Мысли были жгучи, они пугали Айну. Укладывая вещи в красный чумал, она думала об Артыке, роняя горькие слезы:

*Где ты? Не в битву ль за счастье народа
Ты на коне полетел, Артык-джан?
В час ли последний Айну призывая,
Встретил ты смерть как герой, Артык-джан?*

*Может быть, острою саблей сражен ты?
Может быть, сердце штыком пронзено?
Может быть, пленным в темницу ты брошен?
Слышишь ли стоны мои, Артык-джан?*

*Иль позабыл ты Айну, мой любимый?
Или ты хочешь меня испытать?..*

Выехав за город, Халназар во весь дух гнал своего иноходца. От быстрой езды его седая длинная борода летела помелом над плечами. Он радовался тому, что вырвался из неволи, и жаждал поскорее добраться до своего аула, узнать, что случилось с семьей. По грохоту ночной пальбы ему казалось, что среди повстанцев никого не осталось в живых. В аулах по пути на кибитках белели флаги, сделанные из старых рубашек, но жителей не было.

Вдруг он увидел перед собой беспорядочные толпы людей, двигавшихся в густом облаке пыли. Он обогнал их и, загоразивая путь конем, угрожающе поднял плетъ:

— Эх, негодяи! Куда вы бежите? Где вы спасетесь? Нет такого места!.. Ну, поворачивайте назад!

Истомленные люди с потрескавшимися губами и гноющимися от пыли глазами испуганно смотрели в злое, жирное лицо разъяренного бая. А Халназар кричал на них:

— Обманутые разбойниками разбойники! От какого ума вздумали вы восставать против царской власти? Кто пошел нападать на город, уже получил по заслугам,— мало кто остался в живых. Вы хотите того же? Хотите, чтобы пушки царя сровняли ваши кибитки с землей?.. Ну, не стойте, разинув рты, сейчас же возвращайтесь в аул!

Беженцы покорно повернули назад.

Халназар всю дорогу видел белые флаги, всюду останавливал и возвращал обратно толпы бегущих людей и только к полудню добрался до своего аула.

У своих кибиток Халназар тяжело спрыгнул с иноходца и оглянулся вокруг. Прежде всего он заметил отсутствие Мелекуша. Сначала подумал: «Может быть, сыновья увели в пески?» Но когда навстречу ему высыпало из кибиток все семейство, сердце его почуяло недоброе, и он, не отвечая на приветствия, угрюмо спросил:

— А где Мелекуш?

Сыновья молча потупились. Когда же он, разъяренный, повторил свой вопрос, Садап-бай, плача, ответила:

— Артык увел.

Глаза Халназара, казалось, готовы были выскочить из орбит.

— А у вас что же — руки были связаны, что вы отдали такое сокровище худородному? Семь поколений предков Артыка не касались ногою такого коня!

Старший сын с безразличным видом слушал отца. Тот, что был моложе Баллы, поспешил заявить:

— Меня не было дома.

— Ах, свинья! — выругался Халназар. — А что случилось с теми, кто был здесь? Да разве можно было отдать такого коня, не пролив крови!

Садап, плача, стала уговаривать Халназара:

— Отец, ведь пришли сюда люди, которые ртом не касались еды, руками — скотины. Как было не отдать! Они убьют, но возьмут.

Халназар безнадежно махнул рукой:

— Эх, дармоеды! Нельзя было одному-другому вспороть живот?

Баллы, стоявший все время потупившись, вдруг засопел носом и негромко проговорил:

— Я хотел убить Артыка, но женщины принесли седло и сбрую и отдали ему.

Мехинли, не сдержавшись, ахнула:

— Поглядите, как он обманывает отца! А кто ревел на весь аул? — и, встретив грозный взгляд бая, остолбенела от испуга.

Но Садап-бай поспешила вступить за сына:

— Э, отец, ты б видел! Мальчика чуть не убили. Мы не в силах были выдержать его крика. От этих негодяев можно было всего ожидать. Хорошо еще, что так отделались.

Гнев Халназара рвался наружу. Какой-то худородный Артык нанес ему оскорбление, которое смывается только кровью. Услышав, что его сына избивали плетью, бай даже пошатнулся и, вероятно, разразился бы бранью, но в это время неизвестно откуда появился Мавы. Как нежный сын, он потянулся к Халназару:

— Здравствуй, отец!

Халназар окинул его свирепым взглядом. Если б можно было, он пнул бы его ногой. Но впереди была отправка людей на тыловые работы, и только этот несчастный мог избавить семью от тяжелого бедствия.

Халназар протянул руку Мавы:

— Все вы и гроша не стоите! Если б Мавы был дома, он не отдал бы Мелекуша!

— Не отдал бы! — горячо воскликнул Мавы. — Умер, бы, а не отдал!

Баллы не вытерпел и пренебрежительно бросил:

— Да уж ты... Видели мы, как ты не отдал!

Мавы готов был впасть в уныние, но Халназар вновь похвалил его, и это придало ему смелости:

— Меня били до тех пор, пока я не стал беспомощным. А то разве я отдал бы пять верблюдов пшеницы?

Халназар понял, что он потерял не только Мелекуша, и снова пришел в ярость:

— Где Артык? Где? — обратился он к своим сыновьям.

— Неизвестно, — ответил Баллы. — Многие вернулись, а его нет. Никто о нем ничего не знает.

Отдохнув за чаем, Халназар несколько пришел в себя. Прежде всего он послал передать по своему арыку, чтобы на завтрашний день приготовили людей к отправке на тыловые работы, предупредив при этом, что нарушителей приказа ждет суровая кара. Затем он позвал к себе сыновей и Мавы и посадил их рядом с собой.

— Дети, — медленно заговорил он, не поднимая глаз, — мы очутились в тяжелом положении. Завтра нужно доставить в город людей. Жребий пал на Артыка, поэтому я был спокоен. Теперь положение изменилось — Артык убежал. Конечно, стражники найдут его, но от этого нам не легче. Я уверен, что волостной и полковник освободят моего человека. Мой сын, конечно, не пойдет в рабочие. И все же для вида нужно привести кого-то из нашей семьи и сказать: «Вот мой человек!» Что делать, придется записать кого-нибудь из вас. Все вы мне одинаково дороги, никому из вас я не скажу: «Иди!» Пошлю того, кто любит меня

больше, кто хочет меня отблагодарить. И оставлю завещание, чтобы после моей смерти ему выделили две доли наследства.

Мавы уже хотел сказать: «Я пойду». Но то, что Мехинли оставалась в доме Халназара, а будущее было полно неизвестности, заставило его призадуматься. И все же победило желание остаться любимым сыном бая и, получить в будущем две доли наследства. Он прервал неохотно сказанное Баллы «Я поеду»:

— Нет, я поеду! Великое для меня счастье — утешить сердце отца. Не только на работы, на смерть пойду, если нужно!

После этого Баллы смело пустился спорить с ним. Но Халназар похлопал Мавы по плечу: — Молодец, сынок! Баллы не сдавался.

— Нет, отец, я первый сказал, и я поеду! И две доли наследства возьму я! — подзадоривал он Мавы.

Тот вполне серьезно ответил:

— Ведь тебя отец собирается женить. Ты не поедешь. Поеду обязательно я!

Слово «женить», как плетью, хлестнуло Баллы, притворная улыбка сразу сошла с его вдруг потемневшего лица; оно покорило и Халназар-бая. Но вопрос об отправке Мавы на тыловые работы был важнее всего сейчас, и оба поспешили скрыть охватившее их волнение.

— Вы желторотые птенцы по сравнению с Мавы, — сказал Халназар своим сыновьям. — Мавы как из свинца отлит. Привяжи его к камню, он не растеряется. Поезжай, Мавы, и пусть сопутствует тебе благополучие. Дай бог тебе здоровья! Когда вернешься, не будет у меня более дорогого сына. Буду поручать тебе самые важные дела, во всем советоваться с тобой.

Мавы не понимал, какую судьбу готовят ему, и простодушно радовался лукавым словам бая.

Глава сорок четвёртая

Ашир, потеряв Артыка во время перестрелки, еще утром прискакал домой. В ауле он тоже не нашел своего друга. Еще больше растерялся он, когда услышал, как Нурджахан причитает: «Радость очей моих, Артык-джан, разлучили меня с тобой!..»

После полудня разнеслась весть о приезде Халназара и Покги. Говорили, что Покги Вала был в числе тех, кого полковник заставил хоронить убитых в сражении. В то время как Ашир собирался пойти в аул разузнать об Артыке, на него самого обрушилось тяжкое горе: дейханин, с которым Сахат Голак поехал в город, привез труп отца.

У Ашира потемнело в глазах. Он любил отца, и смерть его была страшным ударом. Но Ашир не потерял твердости духа.

Несмотря на позднее время, он решил в этот же день похоронить отца. Он купил у ахальцев, стоявших на бахчах, бязи. Соседи-старики обмыли тело Сахата Голака, надели на него саван. На кладбище, находившемся к северу от аула, Ашир вырыл могилу, и один из ахальцев, немного знавший грамоту, прочел заупокойную молитву.

Наступали сумерки. Тяжелая черная туча тихо плыла по синеватому вечернему небу. Люди старшины, выезжавшие в погоню за повстанцами, нигде не нашли Ар-тыка и, решив, что он ранен или убит, возвращались в аул. Похороны в этот поздний час вызвали у них подозрение, и они во весь опор поскакали на кладбище.

Заметив верховых, Ашир подумал, что они едут за ним. Но времени уже не оставалось на то, чтобы убежать или спрятаться. Крепко сжимая в руках лопату, он остался стоять на месте. Всадники, не обращая внимания на толпившихся вокруг могилы людей, хотели видеть того, кто лежит под только что насыпанным бугорком.

Могилка была разрыта, саван с Сахата Голака сорван.

Это было такое надругательство над прахом отца, что Ашир дрожал от гнева. Ему захотелось разбить лопатой голову первому, подвернувшемуся под руку, вскочить на одного из коней и ускакать. Однако он понял сумасбродность своего намерения и постарался

сдержат себя даже от резкого слова. Кое-что в этом насилии подействовало на него ободряюще: раз ищут Артыка, значит, его боевой товарищ не попал в плен, не умер.

Ашир провел ночь в тревоге. С восходом солнца его позвали к Халназар-баю. Ашир вспомнил, как бил плетью Баллы, и заколебался: «Идти ли?» Беспокоила не только угроза расправы, но и новая жеребьевка, которую проводил Халназар по аулу. Тем временем подъехал есаул с двумя верховыми. Они забрали Ашира и отвели к баю.

Халназар знал, что Ашир — друг Артыка, и решил натешиться местью всласть. Кибитку Ашира он присоединил к четырем кибиткам своих сватов и велел бросить жребий.

Жеребьевка шла на катышках верблюжьего помета. Вытянув по одному четыре катышка, Халназар каждый раз находил на них отметины.

— А это твой остался, — сказал он под конец и отбросил все катышки далеко в сторону. — Жребий выпал тебе, Ашир!

— Бай-ага, ты поступаешь неправильно, — запротестовал Ашир. — Покажи мой катышек.

Халназар грозно закричал на него:

— Весь аул верит мне! Кто ты такой, чтобы подозревать меня в обмане?

— Я верю своему жребию.

— Замолчи, сын свиньи!

— От свиньи слышу!

В это время подбежал Баллы и, размахнувшись, ударил Ашира по затылку:

— Вот тебе жребий!

Оглушенный ударом, Ашир пошатнулся. Он сжал кулаки, обернулся, но в тот же миг от новой оплеухи у него посыпались искры из глаз. Не помня себя от гнева, Ашир изо всей силы ударил Баллы кулаком по лицу. Тот выплюнул выбитый зуб вместе с кровавой слюной. Тогда в драку вмешался Халназар и его сваты. Ашира били жестоко, вымещая всю злобу; он упал, теряя сознание.

На некоторое время его закопали в навозе. Когда он пришел в себя, ему не позволили сходить домой попрощаться с матерью, а прямо присоединили к рабочим, отправляемым в город.

Халназар ласково напутствовал Мавы и расщедрился:

— Ты не печалься, сынок, я обязательно тебя выручу. Если придется немного задержаться там, не стесняйся — трать деньги и живи в благополучии, дитя мое! — И он положил в карман Мавы пятьдесят рублей.

Это были первые деньги, полученные Мавы от бая, они показались ему огромными: если он будет тратить даже по пятидесяти копеек в день, ему хватит их на сто дней!

В свою очередь и Мехинли ласково шепнула ему:

— Иди здоровым, возвращайся крепким! Буду ждать тебя до самой смерти.

У Мавы размякло сердце, ослабла воля. Ноги, казалось, не сдвинутся с места. Ему стало вдруг невыносимо тяжело: ведь он хотел быть любимым сыном отца, ему обещана доля наследства, а выходило, что его выпроваживали из дому, и, может быть, обещанным он никогда не воспользуется. Однако уж ничего нельзя было поделать.

Нобат-бай нанял рабочего от пяти кибиток за две тысячи восемьсот рублей. Дейханин этот продал себя потому, что не мог расплатиться с долгами и в семье его ничего было есть. Нобат-бай заставил участников складчины продать ковры, коров, женские украшения, собрал таким образом тысячу пятьсот рублей и, не прибавив от себя ни копейки, спровадил нанятого, пообещав остальные деньги отдать семье.

Покги Вала надеялся на родственника, которого ждал из Ахала. Родственник этот приехал из лазарета после ранения в кратковременный отпуск, и Покги считал, что его семья уже выполняет воинскую повинность.

Дейханам не на кого и не на что было надеяться. Те из них, кому выпал жребий, уходили на тыловые работы, провожаемые рыданиями матерей, жен и детей.

Ашира никто не провожал. У него не было отца, который сказал бы ему напутственное

слово. Мать не обнимала его и не пролиwała слез. Не провожала его и молодая жена, повиснув на шее. Избитый, он шагал по пыльной дороге, еле волоча ноги и беспокойно оглядываясь.

Мать Ашира слишком поздно узнала, что завербованные уходят в город. Бросив работу, она побежала догонять сына. Густая дорожная пыль покрыла ее с ног до головы; из угасших глаз капали слезы.

Увидев Халназара, она упала перед ним на колени:

— Бай-ага, прими в жертву мою жизнь, но освободи единственное дитя!

Халназар, не слушая ее, пошел к себе, поглаживая бороду. Старуха догнала его, ухватила за полу халата:

— Заклинаю тебя, бай-ага, услышь мою мольбу! Отца вчера похоронили, пощади сына, сжался!

Халназар свирепо нахмурил брови:

— Прочь, нечистая тварь! — Выдернув полу халата, он торопливо зашагал к своему ряду кибиток.

Старуха ткнулась лицом в песок. Потом встала и огляделась по сторонам:

— Где мой сын? Кто-то ответил ей:

— Их увели.

У старухи закружилась голова, она бессильно опустилась на землю и тут же, словно ее подтолкнули, вскочила на ноги — ее немолодые глаза разглядели толпу людей, удалявшихся из аула; они шли вдоль земляного вала арыка.

— О дитя мое, Ашир-джан! — закричала она надрывно и побежала. Собаки погнались за ней, но она не замечала ни собак, ни колючек, царапавших ее босые ноги. Старая, слабая телом, она вдруг обрела силу.

Спотыкаясь и падая, она догнала уходящих. Ашир, увидев мать, выбежал к ней из толпы. Она целовала его лицо, глаза, руки, одежду. Мать и сын застыли в безысходном горе. Ашира потянули за рукав. Он со стоном оторвался от матери. Мать побежала рядом с ним по колючкам, в кровь обдирая босые ноги, опять прильнула к сыну, но их опять разлучили.

Идти дальше у нее не было сил. Она упала на сухую, пыльную землю и запричитала:

— Ах, милое дитя мое, ты уходишь! Бай обрек меня на мученья разлуки. Так пусть же кровью залется весь дом его!..

Глава сорок пятая

После того, как нападение повстанцев на город было отбито, а волостные, арчины и эмины изъявили покорность, полковник оказался в очень затруднительном положении перед своим начальством. Данная им второпях телеграмма гласила: «В Теджене восстание, мятежники напали на город». В ответной телеграмме начальника области сообщалось о высылке карательного отряда и батареи полевых орудий. Отряд, конечно, не остановится перед крутыми мерами, предаст огню и сровняет с землей аулы повстанцев. Но это не сулило ничего приятного самому полковнику. Ведь кто же, как не он, заверял, что население в большинстве спокойно относится к мобилизации на тыловые работы, что мелкие вспышки недовольства ничего опасного не представляют и что нет никаких оснований опасаться серьезных волнений среди туркмен. Если же теперь будет призвано, что в Теджене на самом деле имело место восстание, то станет очевидным, что начальник уезда был слеп, не проявил служебной бдительности, недобросовестно относился к своим обязанностям.

Полковник долго ломал голову над тем, как выпутаться из затруднительного положения. Утверждать, что туркмены подняли восстание, значит самому копать себе яму, это ясно. Признать, что он опрометчиво послал злополучную телеграмму, — еще хуже. Сочтут паникером, трусом. Сама собой напрашивалась мысль о необходимости приуменьшать размеры событий. В рапорте можно донести не «восстание», а «волнения», да к тому же еще добавить — «подавленные в самом зародыше благодаря своевременно

принятым мерам». А еще лучше написать «нападение разбойников» — кто же в ночной тьме разберет, какие люди напали на город? В конце концов свидетелей, которые могли бы подтвердить эту версию, найти нетрудно.

Обстоятельно проинструктировав на этот счет подчиненных ему чиновников, полковник вызвал волостных и старшин.

— Негодяи! — бросил он им вместо приветствия. — Вы все уверяли меня, что народ спокоен. Видели, каково это спокойствие? Вот сегодня прибудет карательный отряд. Он будет строго карать и, может быть, с вас и начнет.

Хуммет стал умолять:

— Господин полковник, мы ваши верные слуги, не выдавайте нас!

Его перебил Ходжамурад, умевший говорить по-русски более складно:

— Ваше высокоблагородие, господин полковник! От вас одних зависит обречь нас на гибель или защитить. Я уверен, что из чувства справедливости вы не позволите проливать кровь невинных людей из-за кучки грабителей. Я могу точно утверждать: в нападении на город участвовал не народ, а лишь несколько скрывавшихся из аулов негодяев. Спросите об этом всех, кому вы доверяете, и все подтвердят мои слова. Это подтвердит и хозяйка мельницы на Кяле, которая где угодно выступит свидетельницей. Ваше высокоблагородие, я взываю к вашей справедливости!

Слова волостного с канала Кяль понравились полковнику и всем другим волостным и старшинам. Все они были напуганы тем, что им в первую голову придется отвечать за положение в аулах. И все в один голос начали заверять полковника, что никакого восстания не было, а на город нападали разбойники, к которым присоединились некоторые жители аулов. Каждый обещал найти свидетелей, готовых подтвердить его слова под присягой.

Полковник охотно принял эту версию и в заключение сказал:

— Пусть будет так! Я не хочу быть причиной гибели невинных людей. Поэтому я буду называть это нападение на город не восстанием, а нападением разбойников с целью грабежа.

Волостные и старшины склонили головы.

В полдень со стороны Ашхабада прибыл карательный отряд с пулеметами и батареями легких горных орудий. Полковник в беседе с начальником отряда сообщил, что в уезде порядок восстановлен и что в его распоряжение уже начали прибывать из аулов мобилизованные по жеребьевке на тыловые работы. После этого в аулы было решено направить небольшие отряды казаков, чтобы выловить участников нападения. В аул Эзиз-хана, возглавлявшего повстанцев, был послан отряд с пулеметами.

В ауле никого из рода Чапыка отряд не обнаружил и направился вниз по течению канала Утамыш. Арестовывали всех, кто принимал участие в нападении на город. Для этого достаточно было одного доноса, сделанного из чувства мести или мелкой вражды. В одном месте в руки отряда попал Мелекуш — его приняли за коня «разбойников», но кто был его хозяином, установить не могли.

Отряд настиг Эзиза в песках. При нем было всего лишь около десятка нукеров. Этот маленький отрядик закрепился в котловине среди сыпучих песков, перед Ел-барслы. Перестрелка началась после полудня. Пули градом посыпались на барханы; песок со склонов поплыл, как расплавленный свинец. Потеряв одного человека, Эзиз ночью направился к границе Ирана. Карательный отряд утром пустился за ним в погоню. Из Теджена были высланы отряды в обход. Но все же Эзиза не смогли поймать — с пятью-шестью нукерами он ускользнул через границу в Иран, а оттуда перебрался в Афганистан.

Глава сорок шестая

Артык двое суток прятался в окрестностях Теджена. На третий день он решил проверить, что делается дома, и в ночь после того как угнали Ашира, прискакал на гнедом к своему шалашу. Нурджахан при виде его растерялась, но тут же пришла в себя и прижала сына к груди:

— Дитя мое, увидала тебя, теперь могу умереть спокойно!

То, что Артык вернулся на своем гнедом, особенно обрадовало ее. Она погладила рукою лоб коня и сказала:

— Хороший конь всегда найдет своего хозяина. Но радость Нурджахан длилась недолго.

— Голубчик Артык, — с беспокойством заговорила она, — вот уже два дня, как над нами стучат копыта. Тебя ищут. Вот и сейчас, в полночь, приезжали. Обшарили все, даже дынные грядки. Будь осторожен, милый.

Артык слушал мать и поглядывал в сторону шалаша Ашира. В шалаше спать было негде. Но возле двери не видно было ни Ашира, ни Сахата Голака.

— Мама, а где Ашир? — спросил Артык.

— Не спрашивай, мой дорогой.

Тревога охватила Артыка.

— Что случилось? Да говори же, мама!

Нурджахан, плача, стала рассказывать:

— Бедняга окончил счет дням...

Артык вздрогнул:

— Ашир?

— Сахат. Он был убит в городе пулей.

— И Ашир поехал привезти его тело?

— Ашир больше думал о своем друге. Хотел ехать разыскивать тебя, а тут привезли тело отца. Бедняга...

— Ну, и где ж он теперь?

— ...отправился в последний свой путь. Всю жизнь мучился, и после смерти злые люди осквернили прах горемыки. Те, что разыскивали тебя, приняли его могилу за твою. Раскопали, смотрели...

— Злодеи!

Нурджахан вытерла глаза.

— А Ашира...

— Что они сделали с ним?

— Угнали по жребию.

— По жребию?

— Говорят, жребий бросал сам Халназар. Обманом, говорят, подсунули жребий Аширу, потом избили, погнали в город.

В это время к ним подошла мать Ашира и зарыдала. Вслед за ней заплакала и Нурджахан. Артык не мог больше выносить этого безысходного горя. Даже когда умер отец, он не переживал таких тяжелых минут. Все клокотало в нем, протестовало против насилий, жертвой которых стал он сам и близкие ему люди. Возмущенное чувство подсказало решение, но он не имел возможности спокойно обдумать его.

— Либо погибну, либо отомщу им за все! — с гневом сказал он и вскочил на коня.

Обе старухи уцепились за его одежду:

— Остановись! Безумный, куда ты!

Артык наклонился к ним с седла и, обдавая горячим дыханием, произнес:

— Останусь — поймают, убегу — догонят. Лучше уж я сам нападу на них! — И с места погнал коня, бросив на прощанье: — Будьте здоровы, до новой встречи!

Нурджахан умоляюще протянула руки:

— Дитя мое, Артык-джан, лучше я пожертвую собой ради тебя!

Но тень всадника растаяла в предрассветной мгле.

Выехав на дорогу, Артык пустил коня шагом. Его одолевали тяжелые думы: «Ашира угнали на тыловые работы. Попадусь к ним в руки — меня постигнет такая же участь... Накликали несчастье на народ, сделали всех нищими. Матери остаются пленницами, дети сиротами. Жены разлучены с мужьями, юноши — с родителями. Что делать? Пойти

распороть живот Халназару?.. Нет, не в нем одно дело. Самое лучшее — собрать отважных людей и, как Чапык-сердар, Курбан-Джорджак, уйти в пески и оттуда нападать на баев. Так доберусь и до арчинов и до волостных... Другого выхода нет — надо продолжать начатую борьбу».

Придя к такому решению, Артык снова вспомнил друга: «Но Ашир уже пропал, он уходит. И вернется ли — неизвестно. Если я ему теперь не окажу помощь, — где же дружба?»

Приближаясь к аулу, Артык несколько изменил свое решение: «Халназар велит поить скот рано, пока воду в колодце не замутили. Если Мавы ушел по вербовке, за скотом смотрят его сыновья. Сейчас надо ехать к колодцу. Появится кто-нибудь из сыновей бая, — скрутить руки, заткнуть рот платком, бросить на коня и умчаться. А потом сказать Халназару: «Освободишь Ашира — верну сына, нет — убью его!..»

Он представил себе место схватки у колодца — и вдруг Айна, как живая, встала перед его глазами. Вспомнилось, как, уезжая к Эзизу, он встретился с ней у колодца, как прощался.

«Айна... — с нежностью подумал Артык. — Может быть, она терпит из-за меня муки и ей еще тяжелее, чем мне? Может быть, нечистый хищник уже протягивает к ней свои лапы? Может быть, она уже потеряла надежду?.. Нет! Она скорее умрет».

Погруженный в эти думы, Артык не заметил, как доехал до колодца. Он остановил коня, поднял голову и... замер от неожиданности — у колодца стояла Айна. Не веря измученным за бессонные ночи глазам, он стал пристально всматриваться в утренний сумрак.

Увидев Артыка на коне в этом уединенном месте, Айна бросилась к нему:

— Артык-джан! — И, схватившись за стремя, прижалась к ноге любимого.

Гнедой вздрогнул, готов был отпрянуть в сторону, но Артык уже спрыгнул с седла и обнял Айну.

Их сердца бились рядом, словно касались друг друга.

Артык не знал, что ему делать: увезти Айну — придется позабыть об Ашире, оказать помощь другу — значит бросить Айну на произвол судьбы. Руки его ослабели, в раздумье он опустил голову.

— Что с тобою, мой милый? — с тревогой спросила Айна.

Артык молчал. Тогда Айна со страстной решимостью воскликнула:

— Артык-джан, либо увези меня сейчас же, либо убей!

Эта решимость передалась и Артыку. «Ну что ж, пока такой конь подо мной, разве есть пути, которыми я не пройду? Увезу Айну, где-нибудь спрячу, а потом позабочусь и об Ашире».

Издали приближались двое мужчин: они вели в поводу лошадей. В одном из них Артык сразу узнал Баллы. Не раздумывая, он мгновенно вскинул ружье. Айна испуганно вцепилась ему в плечо:

— Милый Артык, не здесь, только не здесь!

Артык секунду поколебался и опустил ружье. Затем поднял Айну, посадил на круп гнедого и сам вскочил в седло. Между тем Баллы уже успел подойти к колодцу довольно близко.

— Конь волостного! — удивился он и тут же закричал во все горло: — Артык и Айна бежали!.. Хе-е-ей!

Гнедой как стрела мчался в прозрачном утреннем воздухе, унося своих седоков, и скоро скрылся из глаз.

Аул остался далеко позади. Однако тревога была поднята. У Халназара спали высланные на розыски казаки. Крик Баллы разбудил их. Пять всадников тотчас пустились в погоню. Баллы присоединился к ним.

Верстах в семи от аула начинались пески Гуры-Дангдана. Туда Артык и направил своего коня. Выехав за поля, он остановил гнедого в низине, спешил и стал советоваться с Айной, куда направиться дальше. Он не думал, что у Баллы хватит смелости преследовать

их.

Куда ехать, в какой аул? Кто примет таких гостей? Кто устоит перед Халназаром и волостным? Может быть, лучше уехать в пески одному, оставив Айну в шалашах пастухов? Но найдутся ли среди них люди, которым можно довериться? А если найдутся — смогут ли они охранять и защищать Айну? Или уехать в другую местность? Значит — отказаться от помощи Аширу? Оставить в беде мать и сестру? Кто защитит Шекер?

Вопросов вставало много, и они казались неразрешимыми. В то время как Артык разговаривал с Айной, гнедой, гремя удилами, жевал сухую траву. С востока поднималось солнце, первые его лучи озарили спокойно спавшие барханы, загорелись на серебряных украшениях Айны, позолотили гладко отшлифованные гвозди на луке седла. Вдруг конь перестал жевать, повернул голову и насторожил уши. Артык в несколько прыжков взбежал на пригорок и посмотрел в сторону аула. Оттуда скакали во весь опор шесть всадников.

Айна тоже поднялась в тревоге.

Прятаться было негде. Артык огляделся по сторонам, досадуя на свою оплошность. Впрочем, если бы и нашлось укрытие, вступать в перестрелку не имело смысла: в руках у него была лишь двустволка Халназара. Оставалось положиться на быстроту и выносливость гнедого.

Когда они садились на коня, послышались крики:

— Стой!.. Остановись или погибнешь!

Гнедой быстрокрылой птицей полетел по необозримой равнине. Сзади раздались выстрелы. Пули свистели с обеих сторон. Гнедой, прижав уши, весь вытянулся и отчаянно бил копытами, словно сматывая под собой пространства равнины. Расстояние между погоней и беглецами стало увеличиваться. Но вдруг горячая пуля подрезала ноги коню — на границе песков гнедой упал.

Айна перелетела через Артыка, и, перевернувшись два раза, плашмя упала наземь. Артык не успел высвободить ногу из стремена и упал вместе с конем. Он не почувствовал боли, рванулся и остался лежать на земле, — конь всей тяжестью придавил ему ногу. Тогда он сорвал висевшее за плечом ружье, прицелился в подъезжавших и спустил курок. Счастье и тут изменило ему — курок щелкнул, но выстрела не последовало. Артык повернулся за саблей, но не мог вытащить ее из-под коня. Закусив губы, он в отчаянии замотал головой. Айна не могла подняться от боли в спине. Ползком она подвигалась к Артыку, чтобы помочь ему, но в это время на него навалился Баллы. Артык выхватил из-за кушака кинжал и пырнул ему в живот, однако клинок, ударившись во что-то твердое, скользнул вниз, не причинив Баллы большого вреда. Айна приподнялась и потянула за ногу Баллы. Но две сильные руки схватили ее за плечи и отбросили прочь.

Артыку скрутили руки назад, волосная веревка впилась ему в плечи. Боль пронизала его, но он не издал ни звука. Айна, расшибленная, окровавленная, полными слез смотрела на него. Встретив ее взгляд, Артык заговорил сдавленным голосом:

— Айна моя! Умру — прости, не умру — отомщу не одному, сотням!..

— Где Мелекуш? — перебил его Баллы.

Артык тихо, чтобы не услышала Айна, ответил ему грубой бранью.

Айна не в силах подняться, заплакала:

— Артык... — начала было она, но толстые короткие пальцы Баллы зажали ей рот.

Раздалось хрипение гнедого. Точно желая кого-то увидеть, конь, собрав последние силы, поднял голову, но тут же бессильно уронил ее на землю. Глаза его потухли, из-под ресниц выкатилась слеза...

Из груди Артыка вырвался подавленный стон.

Глава сорок седьмая

От арыка Халназара требовалось послать на тыловые работы четырнадцать человек. На случай, если кого-нибудь не примут по болезни, прибавили двух лишних. Волостной и

старшина добавили от себя еще по одному человеку, и таким образом всего Халназар должен был доставить в уездное управление восемнадцать человек.

В самый разгар набора волостной освободил двоих, одного старшина, сорвав с родственников побольше, чем волостной, вернул с дороги, из остальных четырнадцать прошли врачебный осмотр, и их отвели в казарму. Ашир вытянул черный жребий и должен был ехать в глубь России. Мавы достался белый — таких оставляли работать на Туркестанской железной дороге.

Среди пятнадцати рабочих с халназаровского арыка одного обязана была дать семья Меле-бая, состоявшая из пяти мужчин. Меле-бай пожалел денег на рабочего, пожалел сыновей и, не выдержав попреков жены, пришел сам. Ему шел уже шестой десяток. На тыловые работы принимали людей не старше тридцати одного года, поэтому Меле-бай решил записаться тридцатилетним. Халназар знал, что Мелебай будет забракован, но не смог прямо отказать ему. Врач признал его негодным.

Полковник спросил его:

— Сколько тебе лет?

— Три...тридцать, — заикаясь, ответил Меле-бай.

— Тридцать? — удивился полковник и дернул Меле-бая за бороду. — Это с такой-то седой бородою? Врешь!

Кто-то пошутил:

— Баяр-ага, может быть, его бороде тридцать лет?

Присутствующие рассмеялись. Полковник стал допрашивать старика:

— Сколько у тебя сыновей?

— Че...че...тыре.

— Сколько лет старшему?

Меле-бай не знал, что ответить. Сказать тридцать пять, — сын окажется старше отца. Поэтому он снизил немного возраст сына:

— Двадцать семь.

— Так у тебя родился сын, когда тебе было три года?

Меле-бай растерялся:

— Нет, полковник-ага, я ошибся.

— А сколько же ему лет?

— Тридцать пять.

— Значит, сын старше тебя на пять лет?

— Ах, нет, не так...

— А как?

— Пятьдесят восемь.

— Сыну пятьдесят восемь, а тебе тридцать?

— Нет, баяр-ага, мне пятьдесят восемь.

Разгневанный начальник уезда приказал привести всех четырех сыновей Меле-бая, а самого его отправить в тюрьму. Но Ходжамурад сразу понял, что тут можно будет поживиться, и вступился за старика. Словно подмигивая своими полуопущенными веками, он обратился к грозному начальнику:

— Господин полковник, есть поговорка: один промах — не в счет. Бай ошибся, его можно простить. Он сам искупит свою вину.

Полковник понял намек и усмехнулся:

— Верно. Как не простить человека, который в трехлетнем возрасте стал отцом взрослого сына!

В это время подошел ахальский родственник Покги и отдал полковнику честь. На нем были сапоги со шпорами, черные брюки, рубашка защитного цвета, сбоку висела сабля, на желтых погонах белели нашивки, а на груди блестели две медали.

Взглянув на принаряженного фронтовика, полковник добродушно сказал:

— Вот за такого богатыря могу не одного — десять человек отпустить! Мираб

свободен.

Покги Вала был вне себя от восторга, а вернувшись в аул, без конца хвалился и своим родом и бравым джл-гитом, вызвавшим похвалы полковника.

Семью Меле-бая волостной Ходжамурад за полторы тысячи рублей и большой ковер вовсе освободил от набора.

В тот же день Теджен был полон людьми в больших папах. Не было счета тем, кто пришел провожать сына или брата, прощаться или просить об освобождении от набора. Притащилась и мать Ашира.

Город она видела в первый раз. Ее перепугал грохот и свист паровоза, мчавшегося, как черная кибитка. Дребезжащие арбы, фаэтоны с бубенцами оглушили ее. В нос ударили душливые, необычные запахи. Все люди казались ей на одно лицо, все улицы — похожими одна на другую. Она не различала, где лавка, где учреждение. После долгих расспросов она отыскала, наконец, волостного и упала перед ним на колени:

— Волостной-ага, да буду я твоей жертвой, выслушай меня ради аллаха! Я из аула Гоша. У меня один сын, единственное утешение на старости лет. Его посылают по подложному жребию на работы.

— Ложь! Этого не бывает.

— Ах, да буду я твоей жертвой!

— Кто посылает?

— Да тот, что в нашем ауле, Халназар-бай.

— Халназар-бай не допустит несправедливости.

— Да преклоняюсь я перед тобой, волостной-хан, ты мне поверь! Бай не показал сыну жребия, а сказал: «Иди, вышел твой жребий». И отправил. У меня есть свидетели.

— Ты, старая, клеветешь на Халназар-бая.

— Хан мой, сынок, я не клеветчу, я прошу тебя. Освободи мое единственное дитя. До самой смерти благодарить буду!

Волостной поморщился:

— Если мы будем освобождать единственных сыновей, нам придется распустить больше половины набранных. Пусть каждый пеняет на свой жребий. Ведь сказано: вынувши жребий, не плачут.

— Волостной-хан, тогда ты хоть вновь кинь ему жребий!

— У меня забот — не только о твоём сыне. Хватит, вставай!

Старуха обняла колени волостного, заплакала. Волостной приказал стоявшему тут же есаулу:

— Убрать!

Есаул пригрозил:

— Если не хочешь, чтобы тебя вытолкали в зашей, уходи!

Несчастливая взмолилась:

— Сыночек дорогой, и у тебя есть мать. Если б ты стал тонуть, разве она не бросилась бы в воду? Я нуждаюсь в твоей помощи, пожалей меня!

Волостной оглянулся назад, что-то промычал грозно, упираясь рукою в бок. Но, почувствовав под рукой хруст сторублевок Мелебая, рассмеялся и вышел.

К полковнику старуху не пустили, вытолкали за дверь. Она побрела по улице, причитая и плача. На базарной площади ей встретился Халназар и, пряча глаза, обошел стороной. Старуха обернулась и стала проклинать его:

— Ах, чтоб тебе не дома умереть, подлый бай! Чтоб тебе не любоваться на своих детей! Чтоб еда тебе стала ядом, а питье отравой!..

Как будто не слыша проклятий старухи, Халназар заложил руки назад и свернул за угол. Навстречу ему с церковной площади ехали всадники. И вдруг он крикнул, вытаращив глаза:

— Мелекуш!.. Мой Мелекуш!

Он узнал своего коня. Впереди сотки ехал командир карательного отряда. Конь извивался под ним змеей. Когда-то хорошо откормленный, Мелекуш заметно отошал, резко

обозначились ребра, блестящая золотистая шерсть потускнела. Его можно было узнать только по гордой поступи и по тому, как непокорно выгибал он шею, грызя удила.

Халназар торопливо вышел на середину улицы и остановился. Во всей его грузной фигуре была растерянность. Глаза его смотрели сурово, а лицо угодливо улыбалось и усы шевелились. Он протянул дрожащую руку к своему Мелекушу и невнятно забормотал:

— Начальник, начальник... Ты хороший человек, добрый.... Конь мой...

Мелекуш узнал Халназара, пошел мелким шагом, затем потянулся к хозяину, словно хотел приласкаться к нему. Но сотник потянул поводья и погрозил Халназару нагайкой:

— Калтаман, калтаман, разбойник!.. В тюрьму посажу!

Халназар отпрянул назад, точно его ударили, и застыл на месте. Конники проезжали мимо, обдавая его пылью, а он все стоял, выпучив глаза и ожидая, что его вот-вот схватят. Слова сотника неожиданно приобрели для него зловещий смысл: «Коня поймали у разбойников — скажут, что сын принимал участие в восстании, могут и арестовать. Избави бог от гнева царя! Кто знает, — может, и мои богатства разграбят? Может, и дом сожгут?» Халназар уже раскаивался в том, что обидел старуху, мать Ашира. «Может быть, это ее проклятья убивают меня», — подумал он и кинулся к волостному.

Ходжамурада он нашел во дворе купца Котура. Вместе с мирзой Куллыханом волостной сидел в задней комнате и пил водку. Собутыльники только чокнулись, как в комнату торопливо вошел Халназар. Он был бледен, как мертвец, губы у него дрожали, он не мог слова выговорить. Волостной и мирза были удивлены неожиданным появлением бая, особенно поразил их испуганный вид Халназара. Они хотели было спрятать водку, но, поняв, что поздно, начали усиленно угощать его:

— Бай-ага, чокнемся!

Халназар машинально взял стакан и чокнулся. Стаканы столкнулись и разбились. Водка залила полы его шелкового халата, но он даже не почувствовал ее запаха.

Волостной и мирза побледнели от испуга и в один голос крикнули:

— Что случилось?

Халназар немного пришел в себя и, тяжело дыша, начал рассказывать:

— Мой конь... конь... Мелекуш... попал в руки людей, которые пошли за Эзиз-ханом. Сейчас я его видел. На нем ехал начальник царского войска. Я подошел и сказал: «Конь мой». Начальник поднял нагайку... крикнул: «Калтаман, калтаман!»

Ходжамурад тотчас понял, в чем дело, но решил, что ему выгодно припугнуть Халназара.

— Плохо дело! — озабоченно проговорил он, подмигивая Куллыхану. — Бай-ага, ты сам понимаешь, на твоих сыновей может пасть подозрение, что они принимали участие в восстании.

Халназар побледнел еще больше.

— Что же делать, что делать?.. — Он пришел в полное замешательство и умоляюще взглянул на волостного и мирзу. — Спасите! Мне больше не у кого искать помощи.

— Что делать?.. — задумчиво повторил волостной. — Придется доложить господину полковнику.

Хуже ничего не могло быть, — Халназар совсем растерялся. Раньше он мог положиться на доброе отношение к нему со стороны начальника уезда. Но в ту ночь, когда началось восстание, полковник резко оборвал его, крикнув: «Молчать!» Вспомнив об этом, Халназар судорожно глотнул слюну. Куллыхан, прихрамывая, подошел к Халназару и с пьяной улыбкой сказал:

— Вот, ей-богу, какие беспомощные! А что, если я приведу тебе коня?!

Волостной вдруг оживился:

— А ведь ты это можешь, Куллыхан! Ты дружен с командиром отряда. Сам говорил... Дружба все может!

Но Куллыхан вдруг заколебался:

— Дружба-то дружба, да ведь и служба...

Халназар понял его намек. Поднятая над ним нагайка офицера и страшное слово «калтаман» заставили его раскошелиться, и, может быть, первый раз в жизни он решил показать себя щедрым. Потрогав левый карман халата, он достал деньги, завернутые в тряпку, трясущимися пальцами развязал грязный шнурок и вынул четыре сотенных. Затем, разгладив их, неуклюже протянул волостному и мирзе, каждому по две.

Ходжамурад зажал в руке хрястящие бумажки и вежливо заметил:

— Бай-ага, мне можно бы и не давать.

— Ну, может, и тебе пригодятся.

Хромой мирза позавидовал деньгам, отданным волостному.

— Командира сотни я знаю, — заговорил он с намерением вытянуть у бая все, что удастся. — В таких делах он не промах, понимает, что сколько стоит. Боюсь, как бы ему не показалась его доля слишком незначительной.

Халназар вновь развязал узелок и достал еще четыре сотенных. Оставшиеся деньги он незаметно сунул в карман халата и встряхнул тряпку, показывая, что отдал все. Куллыхан успокоил его, но тут же дал понять, что Халназару придется, может быть, еще не раз раскошелиться.

— Бай-ага, спи спокойно. Заболит один бок, повернись на другой. Ни о чем не думай. Мало будет, добавлю свои. У нас с тобой и карман и душа одни. Короче говоря, когда завтра встанешь, конь будет у тебя.

На улице уже начинало темнеть. Волостной и мирза проводили Халназара и направились в чайхану Джумадурды. На перекрестке Куллыхан остановился и сказал своему спутнику:

— Пока ты соберешь компанию, я забегу к командиру сотни, — и заковылял в переулок.

Когда он вернулся, во внутреннем помещении Джумадурды уже началась игра. Ходжамурад стукнул рукой по груди бумажек:

— Давай на банк!

— А хватит пороху?

— Если поставишь сюда всех своих сородичей, и то хватит.

— Молодец, волостной-хан! — послышался голос сзади.

Волостной оглянулся и увидел Бабахана.

— Арчин-хан везде поспеет!

От табачного дыма у Бабахана першило в горле. Откашлявшись, он сказал:

— А знаешь, Ходжамурад, твоего коня убили.

— Гнедого?.. Ну и что ж!.. Вот тебе в одной руке два коня! — И волостной загреб весь банк себе.

— У меня есть и хорошая новость, — продолжал Бабахан.

— А ну?

— Поймали того, кто нарушил спокойствие в моем арчинстве и хотел опозорить Халназар-бая. Артыка Бабалы привезли сюда.

Хромой мирза ухмыльнулся:

— Тогда, арчин-хан, гуляем сегодня за твой счет.

Старшина ударил в ладоши. К нему утиной походкой подошел белобородый старик.

— Дядюшка Джумадурды, — обратился к нему Бабахан, — что нужно подать — сам знаешь... Плачу я...

Глава сорок восьмая

Когда Нурджахан сообщили, что у песков поймали Артыка, она подоткнула подол платья, взяла под мышку башмаки и со всех ног пустилась к аулу. Котел, в котором она варила дынный сок, кипел на огне, а дыня, заготовленная для сушки, так и осталась валяться. В ауле ей сказали, что казаки увели уже Артыка в город. Она прошла мимо куполообразных

белых кибиток Халназара, произнося проклятия.

Душевная боль не сломила ее, а словно вернула былую силу. Она побежала в город, не чувствуя, как в ноги впиваются колючки и ломаются ногти на пальцах. Останавливалась она только у колодцев, чтобы утолить жажду.

Артыка без остановок примчали в город и толкнули в камеру тюрьмы. Он впервые видел двери темницы. Его стали развязывать. Руки его опухли, волосная веревка врезалась в тело и вместе с кровью приварилась к коже. Когда ее отдирали, Артык стиснул зубы и скривил лицо, но ни одного стога не вырвалось у него. Начальник тюрьмы удивленно смотрел на него бесцветными глазами:

— Ну и верблюд!

Артык хотел погрозить тюремщику кулаком, но онемевшая от веревки рука не поднялась. Он лишь угрюмо проговорил:

— Счастье твое... А то я показал бы тебе верблюда!

Подняв палец, тюремщик закричал надзирателям:

— Одиночка!

В одиночной камере, на железной койке, Артык немного пришел в себя. Откуда-то шел противный запах, от него мутило, кружилась голова. Артык осторожно лег на голые, без подстилки, доски. Он чувствовал себя совершенно разбитым после бессонных ночей, после этой скачки на крупе коня со связанными руками. Смертельно хотелось спать, но боль в руках обострилась, нахлынули тоскливые думы о матери, об Ашире и Айне. Он сам не понимал, бодрствует он или спит. Так пролежал он до утра в каком-то полубредовом состоянии. Иногда среди бессвязного бормотанья из его груди вырывалось: «Айна!», «Ашир!»

Утром его заковали в кандалы и вместе с другими арестантами вывели в город. В этот день из Теджена отправляли на тыловые работы первую тысячу мобилизованных в уезде туркмен. Улицы были переполнены народом. Арестованных намеренно проводили по самым людным из них, чтобы показать, что бывает с теми, кто осмеливается поднять руку против царя.

Они шагали попарно, позванивая кандалами. Вокруг них, сзади и с боков, шли полицейские с обнаженными шашками и казаки с винтовками. Через церковную площадь арестантов вывели на базарную улицу. Народ толпился по тротуарам. В одну сплошную линию сливались черные папахи туркмен, за ними даже не было видно дверей лавок и витрин магазинов.

Артык шел впереди один. Он держался с достоинством, лицо его было мужественно. Развернув плечи, он шагал широко, насколько позволяли кандалы; голова его была высоко поднята, взор устремлен вперед.

В толпе был и Иван Тимофеевич. Он с душевной болью смотрел на приближающихся кандалников. Но когда он увидел Артыка, сердце его забилось сильнее. Не сдержавшись он крикнул по-русски:

— Молодец, Артык! — и тут же добавил по-туркменски: — Смелее, друг!

Полицейские не заметили, кто крикнул, и не поняли, к кому относились эти слова. Но Артык сразу узнал голос Ивана. Оглянувшись, он встретился с ним глазами и звонко ответил:

— Прощай, друг, если умру, а не умру...

Один из полицейских толкнул его в плечо, не дав договорить.

У склада Котура стояли Халназар-бай и Бабахан. Увидев шагавшего посреди улицы Артыка, Бабахан с издевкой сказал:

— Поздравляю, богатырь, навесили тебе украшения!

Халназар ядовито спросил:

— Ну что — покатался на Мелекуше, отведал пшенички?.. Вот видишь, пшеничка-то у Халназара большую силу имеет. Прикоснешься к ней — не вспомнишь, как отца-мать зовут!

Артык вздрогнул и, нахмутив брови, со злостью посмотрел на бая и старшину:

— Подлые кровопийцы!..

Начальник конвоя направил на Артыка револьвер:

— Молчать! Не останавливаться!

Но Артык и без того рванулся вперед. Его глазам открылось страшное зрелище: с разбитыми в кровь ногами, расстрепанная, перед Ходжамурадом стояла на коленях его мать.

— Волостной-ага, умоляю тебя!..

Но кто станет слушать мольбу Нурджахан? Есаул толкнул ее в грудь, Нурджахан упала в арык. Гремя кандалами, Артык бросился к ней, но от удара прикладом зашатался.

Нурджахан кинулась к сыну:

— Дитя мое!

В грудь ей уперся штык. Есаул схватил ее за плечи и, толкая в спину, втиснул в толпу.

И снова притихшую улицу наполнил звон кандалов. К нему присоединился отчаянный вопль:

— Артык-джан, дитя мое!

Конец первой книги.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава первая

Начало нового, тысяча девятьсот семнадцатого года сопровождалось необычайным явлением: уже давно стояла весна, а небо ни разу еще не нахмурилось, не уронило ни капли влаги, и на земле не взошло ни травинки. Каналы и арыки оставались сухими. Вокруг пересохших колодцев понуро стоял отошавший, едва переживший зиму скот. Животные жадно оглядывались по сторонам, ища зеленого корма, но землю, жесткую и сухую, покрывала лишь серая пыль. Падеж скота начался с самой ранней весны.

Дейхане совсем пали духом. Зерно оставалось лежать мертвым там, где оно было брошено рукой пахаря, поля заносило пылью. Единственный верблюд, последняя лошадь или исхудалая коровенка еле держались на ногах. Где найти дейханину зерно для скотины? Достать пропитание даже для себя самого стало делом нелегким.

У одного из шалашей в ауле Гоша расположилась группа дейхан. Некоторые от безделья играли в дюззюм (Дюззюм — игра палочками на расчерченной на земле «доске»). Большинство делились своими горестями или же были погружены в молчаливые думы о пропитании, о своих близких, отправленных по указу царя на тыловые работы. Порывистый ветер осыпал сидящих удушливой пылью.

Старик с большим крючковатым носом и густыми, в колечках, как пена белыми баками безнадежно качал головой:

— Не видано, чтобы так начинался год. Погибнут посевы. Сохрани аллах от такой беды!

Другой старик, с реденькой бородкой, медленно поднял красные, воспаленные веки, посмотрел в поле, где носились пыльные вихри, и тяжело вздохнул:

— Мы видели и засуху и голод — чего не бывает в жизни! Но чтобы за всю зиму и в дни новруза поля не получили ни капли воды, — такого не было никогда. Муллы говорят, что перед концом света плодородие покинет землю, наступит голод и мор. Кто знает, может быть судный день уже недалек, — уныло закончил он и старой папашой отер пыль с лица.

Тоскливые речи стариков не привлекали внимания тех, кто играл в дюззюм или смотрел за игрой. Но появление толстяка мираба, который торопливо бежал откуда-то, выпятив живот и переваливаясь с боку на бок, было замечено всеми. Мигая маленькими глазами, Покги Вала еще издали закричал:

— Э-э, люди слышали? Белый царь, говорят, свалился...

Эта весть ошеломила всех. Игроки застыли с палочками в руках, глаза устремились на Покги. А тот, подбежав, тяжело перевел дух и выпалил:

— Ревлююса!.. В стране белого падишаха, говорят, началась ревлююса...

Никто не понял, что это за «ревлююса», но прежде чем кто-либо успел задать вопрос, Покги сам стал объяснять смысл событий, насколько хватило на это его разума.

— И не хотелось бы говорить об этом, да как не скажешь! Немало развелось в народе всяких смутьянов, отступников, которым не нравится спокойная жизнь. Иным пустоголовым дуракам нужно что-то такое, что было бы лучше хорошего. Вот теперь свалили царя: посмотрю я, как вы будете жить! Много вы получили, последовав за такими беспутными людьми, как Эзиз и Артык? Не пришлось бы вам теперь воду пить с задней ноги собаки! Народ без царя — что стадо без пастуха: его одолеет и волк и всякий алчный.

На слова Покги первым откликнулся старик с красными, воспаленными веками:

— Ну что, разве я не говорил, что все это — признак последних дней?

Но старик с орлиным носом недовольно перебил соседа:

— Сказано: умерла женщина — ну и что ж, разлился айран (Айран — кислое молоко) — ну и ладно (Смысл поговорки — не велика потеря). А я скажу: свалился царь — ну и что ж, разрушился трон — ну и ладно!.. Вспомни: у нас с тобой бороды только еще пробивались, когда мы слышали о белом царе. А за время, когда менялся их цвет, чего-чего мы не испытали! Прохвосты, которые не стоят даже следа твоих ног, — при этих словах старик гневно взглянул на мираба, и тот, не выдержав взгляда, завертел головой по сторонам, — замахивались на тебя плетью, садились тебе на шею, и все это делали именем белого падишаха. Посмотри: на закате моей жизни они отобрали у меня единственного верблюда, а твое единственное дитя забросили на чужбину. Если теперь царя свалили, значит, наша молитва достигла небес. Дай бог, чтоб и дождь пролился и воды хлынули с гор. Хоть и поздновато, но мы собрали б немного зерна на пропитание.

Покги Вала несколько раз пытался прервать речь старика, но это ему не удавалось, так как тот все больше повышал голос. Но едва он умолк, как толстяк раскричался:

— Э-э-э, что ты за речи ведешь! А что, если царь не свалился? Что, если это только пустые слухи?

— Что бы там ни было, а люди услышали эту весть от тебя!

— Ну, если ревлююса и свалила царя, не может же быть, чтобы не было у него ни сына, ни внука! Кто-нибудь да будет царем. А то, что ты сказал сегодня, завтра дойдет до него. Вот тогда увидишь, беда нам будет, беда! Ты открывай рот, да знай, что сказать. Да пошлет аллах белому царю долгую жизнь и нерушимую мощь!

Слова, произнесенные Покги с таким жаром, не произвели никакого впечатления на толпу, может быть, потому, что в это время мимо пробежала разносчица аульных новостей Умсагюль. То и дело подтягивая шальвары, она вихрем пронеслась к кибиткам Халназара, спеша передать неслыханную новость баю.

— Аю, люди! — успела она крикнуть на бегу. — Вы слышали? Ак-падишах (Ак — белый) провалился!

Тут уже заговорили все разом, по-разному оценивая весть:

— Неужели правда, что царя убрали?

— Дыму без огня не бывает. Конечно, правда.

— Да нет, не может этого быть. Бабы сплетни!

— Как же так, без царя? Не будет царя — люди разбредутся в разные стороны.

— Ну, а что будет с войной?

— А как ты думаешь? Разве будет солдат воевать, если нет над ним командира!

Покги Вала снова вступил в разговор:

— А вот это и есть ревлююса!

Тут Черкез, молча думавший о чем-то своем, недоуменно сказал:

— Покги-мираб, что царя свалили — понятно всем. А что такое ревлю... юсе — объясни, пожалуйста.

— Ах, откуда мне знать! Она — как трава, пробившая свои ростки сквозь камни скал. Когда сын Котура-купца хотел объяснить нам, он называл ее не то янка-лап, не то ынкылап (Ынкылап - переворот, восстание).

— Эх ты, мираб! Говоришь то «юсе» (Юсе — наперсток), то «ынкылап». Ничего у тебя не поймешь, словно смотришь в глаза косоглазому. А может быть, это и есть имя того, кто сядет на место царя?

— Вот это самое и есть! Когда-то во Франгистане (Франгистан — Европа; здесь имеется в виду Франция) произошло, говорят, такое событие. Когда начинается ревлююса, тогда, говорят, народ выбирает правительство, как у нас мираба.

— А решают, как и при выборах мираба, баи.

— Смотри, что за глупости он говорит! Да разве бедняк сможет прожить без бая хоть день?

— Ну, так и скажи, что дейханину от твоей ревли-юсы ждать нечего!

Еще некоторое время продолжались толки. Покги Вала, вступавший в пререкания со всеми, наконец не выдержал:

— Ну и ну! Когда люди теряют узду, это и есть, оказывается, самое худшее!

Черкез насмешливо бросил:

— Покги-мираб, а может быть, это и есть ревлююса?

Все кругом громко расхохотались.

Толстые щеки Покги дрогнули, ноздри раздулись. Чтобы скрыть растерянность, он провел рукавом по лицу, заморгал глазками:

— А ну вас! Сказано: от худородного почета не жди. Легче пустыню пешком пройти, чем втолковать что-либо непонятливому.

Повернувшись, он пошел своей слоновой походкой к видневшимся невдалеке кибиткам Халназара. Черкез крикнул вслед:

— Вот теперь, мираб, ты попал на верную дорожку! Там тебя скорее поймут!

И опять грянул смех.

Несколько раз оглянувшись, словно за ним гнались собаки, Покги Вала скрылся за крайней кибиткой.

Толки о том, свергнут ли царь и ждать ли от этого пользы или вреда, продолжались. Вниманием всех снова овладел острый на язык Черкез.

— Вы рассудите сами, — говорил он дейханам, — кто же может быть доволен царем? Рабочий доволен? Нет. Солдат? Нет. Вы довольны?

— Нет! — раздалось с разных сторон.

— Ну вот и подумайте, как же может усидеть на троне царь, если народ от него отвернулся? Падение его, конечно, на пользу народу. Во-первых, такие, как арчин Бабахан и волостной Ходжамурад, не посмеют теперь орать на нас, замахиваясь камчой. И потом вернутся, быть может, те, кто ушел на тыловые работы.

— Вот было бы хорошо!

— Может быть, и Артык вернется?..

Несмотря на то, что земля была по-прежнему окутана пыльной мглой, всем показалось, будто дышать стало легче. Запыленные лица посветлели, в глазах заискрился радостный луч надежды.

Глава вторая

Когда Умсагюль выпалила потрясающую новость о падении ак-падишаха, Халназар чуть не подавился глотком чая и долго сидел молча, оцепенев от неожиданности и страха. Затем он тяжело задышал и злобно уставился на женщину, стоявшую у дверей кибитки:

— Что ты болтаешь, рабыня! Слышат ли твои уши, что вылетает у тебя изо рта? Глупая баба! За эти слова тебя повесят,

Умсагюль растерялась. На ее лице, никогда не выражавшем ни печали, ни радости,

если она этого не хотела, отразился смертельный испуг. Заплетающимся языком она попробовала оправдаться:

— Бай-ага, я... хотела только принести тебе эту новость, выразить мое сожаление.

— Ты, дура этакая, все носишься по аулу, точно съела ногу собаки. И новости у тебя всегда самые скверные. Не ты ли пустила слух, будто Артык плюнул в бороду Халназару? Ты, сука, кормишься у меня, а лаешь у чужих дверей. Убить бы тебя вот на этом месте!..

Пересохшие от страха, обескровленные губы Умсагюль начали было шевелиться, но Халназар снова свирепо крикнул:

— Замолчи, рабыня!

Трясущимися руками он стал переливать чай из пиалы в чайник. Чай пролился на ковер. Это окончательно вывело бая из себя. Закусив губу, он швырнул фиолетовую пиалу в посудный угол. Пиала со звоном ударилась о таган и разлетелась вдребезги. Тогда он в бешенстве пнул ногой и чайник, и тот покатился по ковру, дребезжа привязанной крышкой. Ковер разукрасился мокрыми узорами.

Умсагюль совсем онемела от страха. У нее задрожали ноги, и она бессильно опустилась на землю.

Обычно рассудительного Халназара не часто можно было видеть в таком гневе. На этот раз вылилось наружу все его недовольство Умсагюль — и за неудачное сватовство и за то, что она принесла ему столь неприятную весть. Было отчего прийти в бешенство. Но лишь только прошла вспышка гнева, Халназар подумал, что безрассудно запугивать старую женщину, которая и без того сидит перед ним, как мышь перед кошкой. Гораздо умнее было порасспросить ее и проверить, насколько верны принесенные ею нерадостные вести. Пока Халназар приходил в себя, Садап-бай подобрала осколки пиалы, подняла с ковра чайник и, обернувшись к мужу, сказала:

— Слышишь, отец, тебе говорю: к чему сердиться, разве она желает тебе зла? Прощают даже кровь тому, кто пришел с покорной душой.

В глазах Умсагюль при этих словах заблестели слезы.

— Пусть меня бог накажет, если я таю против вас хоть крупицу злобы! — робко произнесла она и расплакалась.

Халназар все еще ворчливым тоном, но уже примирительно бросил:

— Ну, нечего хныкать! Не то скажу: «Утри глаза колючкой». От этого тебе легче не станет. Скажи лучше, от кого ты услышала эту весть? Да говори толком!

Умсагюль уже готовилась выложить Халназару все, что она слышала, как вдруг в дверях появился запыхавшийся Покги Вала. Не замечая ни Умсагюль, ни мрачного настроения бая, позабыв даже приветствовать дом и семью, он прямо с порога начал:

— Халназар-бай, слышали новость? Случилась большая беда: свалился, говорят, белый царь!.. Хм! Умсагюль, и ты здесь? Уже пробежала по всему аулу, успела оповестить народ? Слава твоему ремеслу!

— Да, да, — снова всхлипнула Умсагюль, — мне уже досталось за эту новость...

Покги опередил Халназара:

— Можешь не сомневаться, Халназар-бай! Я только что из города, даже чай еще не пил. От губернатора пришла телеграмма. Это точная весть.

Хотя от слов толстяка у Халназара сжалось сердце, все же на этот раз он проявил выдержку.

— Покги-мираб, пройди сядь, — пригласил он, — поговорим за чаем.

Маленькие глазки мираба не отличались особой зоркостью. Когда его взгляд упал на темные узоры влаги на ковре, он посмотрел на них с изумлением и спросил:

— Садап-бай, что это? Ведь у вас, кажется, нет младенца?

Садап-бай замялась;

— Ну что вы, Покги-мираб, все дети как дети. Вот сейчас наша меньшая дочка несла отцу чай, споткнулась и опрокинула чайник.

— Ах, паршивка, поди еще и обварилась! Находчивость старшей жены вызвала

невольную улыбку на хмуром лице Халназара.

Не успел Покги Вала опуститься на ковер, как в дверях показался Мамедвели-ходжа на тоненьких ножках, выглядывавших из-под коротких белых штанов.

— А, ходжам, добро пожаловать! — приветствовал его Халназар и указал на место возле себя. — Заходи, заходи, садись.

Умсагюль продолжала сидеть у двери, как клуша на яйцах, но как только увидела знаки, которые делал ей Халназар глазами, поднялась и опрометью бросилась из кибитки.

Ходжа начал было по своему обыкновению спрашивать Халназара о здоровье семьи, близких и дальних родственников бая, но Покги Вала перебил его:

— Ходжам, ты человек начитанный, тебе ведомо слово божие. Что ты скажешь о свержении ак-падишаха?

Мамедвели сел, поджав под себя ноги и, поглаживая узкий клинышек козлиной бородки, неторопливо ответил:

— Покги-мираб, у одного персидского поэта есть на этот счет такие слова: «Если облако поднимается с Кыблы, идет сильный дождь; если шах несправедлив, трон его рушится...»

— «Если шах несправедлив...» — пробурчал Халназар, но Мамедвели не заметил недовольства бая и продолжал развивать свою мысль:

— Да, Халназар-бай, да, белый падишах не сдержал своего слова. Когда под его властью оказались Ахал и Мары, не он ли торжественно обещал не брать в солдаты никого из мусульман?

— Так, по-твоему, белый царь пал из-за того, что стал брать мусульман на тыловые работы?

Вопрос бая удивил Мамедвели. Только теперь он уловил нотки недовольства в голосе Халназара и осторожно взглянул на него. Выражение лица бая было холодно, его глаза смотрели на ходжу недоверчиво. В них можно было прочесть: «Ходжам, ты забываешь, чей хлеб ешь». И Мамедвели, как рак, попятился назад:

— Нет, бай-ага, нет. Каемся. Такого милостливого к мусульманам повелителя, как белый царь, еще не бывало в мире. Самым справедливым был шах Ануширвач Справедливый, но белый царь разве не превзошел Ану-ширвана? Судите сами: за эти сорок лет, что мы под властью царя, разве хоть одна колючка занозила ноготь мусульманину? Можноли быть более справедливым!.. Да, червь точит дерево изнутри. Белый царь свергнут, наверное, своими же приближенными визирями, министрами. Разве не бывает среди них недовольных?

Покги Вала, изумленно поморгав глазами, вдруг шумно выразил свое одобрение:

— Хей, молодец ходжам!..

Последние слова Мамедвели пришлись по сердцу и Халназару. Взволнованный первым сообщением Умсагюль, бай теперь спокойно вдумывался в смысл событий.

— Да, ходжам, — задумчиво проговорил он, — червь точит дерево изнутри. Вот это подходящие слова.

Мамедвели, опираясь руками о колени и покачиваясь, хотел было продолжать свои рассуждения, но Покги опередил его.

— Да иссохнет черная зависть в глазах людей! — воскликнул толстяк. — Посмотрите, что творится вокруг нас. Как только кому-нибудь по милости аллаха выпадет счастье, так сразу появляются завистники. Все они тянут счастливого за ноги, готовы утопить его, точно он вырвал у них кусок изо рта. Возьмем, к примеру, Халназар-бая. Человек он богатый — да не лишит его аллах этого счастья! Нет счета его благодеяниям. Но многие платят ему черной неблагодарностью, как говорится, плюют в бороду тому, кто их накормил.

— От этого и все напасти, — вставил Мамедвели-ходжа, — и засуха и мор.

— Ах, что делать, что делать, если этого не понимают! Засуха обрушивается на головы тех же несчастных. А Халназар-бай от этого не пострадает. Ведь так, бай-ага?

Халназар обратился к жене, которая принесла гостям чай:

— Покги-мираб устал с дороги. Приготовь плов, да побыстрее.

Покги-Вала открыл свою тыковку, собираясь заложить в рот щепотку табаку. Слова бая заставили его сейчас же рассыпаться в благодарностях.

— О Халназар-бай, ты как нельзя лучше угодил моему сердцу. Да не уменьшится благоденствие твоего дома! — И, забыв о табаке, он вернулся к своим рассуждениям: — Да, так кто же такие министры? Они — псы царя! И в конце концов кто же свергает царя? Они, министры! Кто кормит бедняков? Халназар-бай. А кто в конце концов делает зло Халназару? Бедняки! Ходжам, как же это так получается? Или уж так устроен мир?

— Это и называется — злом за добро!

Стены просторной кибитки опять показалась тесными Халназару. Он оглядел беспокойным взглядом многочисленные узелки, скрепляющие остов кибитки, и тяжело вздохнул:

— Да, страна осталась без повелителя... А народ без повелителя — все равно что женщина без мужа, конь без узды. Боюсь, что все пойдет теперь прахом...

У Покги уже сочилась по губам зеленая табачная жвачка. Он сплюнул под чужал и облизал губы:

— И меня тошнит от этих ревлюсов. Халназар поднял свои тяжелые веки:

— Покги-мираб, твои слова непонятны.

— Говорят, что ревлюсы — это те, что хотят сесть на место царя. Их будто бы народ выбирает. А выборы, сам знаешь...

— Да, если дело зависит от выборов... Еще древние говорили: толпа — стадо безумных.

Мамедвели, поглаживая бородку, заговорил так, словно читал проповедь:

— Все от бога! Всевышний даровал рабу своему ничтожную долю свободы. Но милость его беспредельна. Он терпеливо взирает на дела людей и часто испытывает раба своего. А вообще говоря, все совершается по воле аллаха. Без его соизволения не шелохнется и былинка. Напасти и бедствия обрушиваются на тот народ, который забывает бога. Конечно, и эта засушливая весна, и свержение царя, и все, что может еще произойти, совершается волей аллаха. Если судить по некоторым преданиям, все это — признаки конца света.

Покги не совсем понял проповедь ходжи, да и не обратил на нее внимания. Но на Халназара, который уже достаточно наслушался от стариков рассуждений о «последних временах», речь ходжи, произнесенная тягучим, заунывным голосом, подействовала очень сильно. Под впечатлением этой речи он погрузился в тревожные думы: «Если царь свергнут, то народ поднимется на ноги. Может быть, и война кончится, и люди, уехавшие на тыловые работы, вернутся. Среди них немало обиженных. Вернутся они и сразу затеют свалку. Может быть, и смуту поднимут. Где же сила, чтобы подавить смутьянов? И без того голодный народ, не считаясь ни с чем, протягивает руки прямо к твоему рту. А Мавы?... И он, если вернется, спасибо не скажет. Может, и арестантов освободят. Ну, а если и Артык снова появится в ауле...» У Халназара даже выступил холодный пот при мысли, что может произойти в случае возвращения Артыка.

Халназар поглядел вокруг и, тяжело вздохнув, обратился к жене:

— Почему ты не снимешь войлок с задней стенки кибитки? Душно.

Было только начало апреля. С земли поднимались клубы пыли, но воздух еще не успел особенно раскалиться. Кошму на задней стенке кибитки обычно снимали только в июне, поэтому Садап-бай удивленно посмотрела на мужа:

— Вай, отец! Ведь еще нет жары.

Садап не понимала, что нестерпимый жар охватил все тело Халназар-бая. Халназар не волновался так даже тогда, когда расстроился затеянный им той, когда этот дерзкий смутьян Артык отнял у его сына невесту. Чтобы не обнаружить своих переживаний, он стал обмахивать грудь широкими складками своей рубахи. На вспотевшее от горячего чая тело повеяло прохладой, но сердцу успокоения не было. Бай не знал, о чем говорить, о чем спрашивать. И вдруг сам выдал свою сокровенную мысль:

— Ходжам, кажется, и в самом деле наступает конец света...

В соответствии с приказами генерал-губернатора Туркестанского края и начальника Закаспийской области полковник Беланович пытался скрыть от народа сообщения о революции, начавшейся в Петрограде. Власти надеялись, что Николая II заменит на троне другой монарх. Но волнующая весть о низвержении самодержавия и все новые сообщения о победе революций по всей необъятной стране, первыми распространителями которых были телеграфисты, неслись из уезда в уезд, из аула в аул, из кибитки в кибитку. Дошли эти вести и До кибитки Айны.

Айна сидела за вышиванием. Солнечный луч, падавший через верхнее отверстие кибитки, играл на платье девушки, на ее рукоделье. «Что это случилось? — думала она. — Разве может быть свергнут царь, да еще белый царь? Или он потерпел поражение в битве и попал в плен к врагам? Но если повалился царь, то не удержатся и его верные слуги — старшины, волостные. А без них пошатнется и могущество Халназара... Дай бог, чтобы все это оказалось правдой! Не станет царя, не станет и его джигитов и тюрем. Как хорошо будет, если вернется Артык-джан!.. Ах, что я болтаю! Вот уже шесть месяцев нет никакой весточки об Артыке и никто его не видел. Откуда же он придет?.. Только мечты мои... Некоторые стараются утешить меня, говорят: «Артык, слышно, здоров, только его никому не показывают, держат в ашхабадской тюрьме». Другие, потешаясь над моим горем, твердят: «Артыка давно отправили на войну». А есть и такие, которые злорадно утверждают, будто Ар-гыка тогда же расстреляли солдаты баяра-полковника... Если б тяжесть моих страданий упала на гору, — гора провалилась бы. Если б огонь моих мук коснулся реки, — она пересохла бы, как Тедженка...»

Какой девушкой была Айна! Она была радугой небес, нежным цветком полей, украшением моей книги! А теперь... Поблекли розовые щеки, лицо побледнело. Радостный блеск ее черных глаз погас, и смотрела она безразлично на все окружающее. Склонилась высоко поднятая голова, опустились плечи, крепкий стан ослабел. Ее ноги, так легко касавшиеся земли, казалось, потеряли былую силу... За эти шесть месяцев Айна словно состарилась на шесть лет.

В кибитку неуклюжей походкой вошла мачеха. Это была все та же Мама — она не постарела и не помолодела. На нее не действовали ни потрясения, пережитые народом, ни тяжелое состояние Айны, ни засуха. Лицо ее с двойным подбородком по-прежнему лоснилось от жира, глаза как обычно, смотрели на все беззаботно. Она отерла пухлые щеки концом головного платка и вздохнула. Затем подняла тяжелые веки и уставилась сонными глазами на Айну:

— Эй, девчонка, что это с тобой? Ах, чтоб тебе... Что, тебе царя жалко?

Когда-то Айна была бессловесно покорной. Но теперь изменился не только ее внешний вид, другим стал и характер. Стыдливая нерешительность уступила место резкой прямоте и даже дерзости, особенно, когда она говорила с мачехой. Даже не взглянув на Маму, она резко ответила:

— Пропади он пропадом, ваш царь, да и все на свете!

— Замолчи, проглоченная землей! Тебе ли об этом говорить? Вот потому и шатается мир, потому и земля не родит, что развелось множество таких бесстыдных и распутных, как ты.

Айна, сердито сдвинув черные брови, в упор посмотрела на мачеху:

— А кто же, как не ты, искромсал мое сердце? Кто, как не ты, подрезал корни моей жизни и вверг меня в пучину страданий?

Мама обычно не понимала насмешек Айны, а на ее колкости не обращала внимания. Но при этих словах она вздрогнула, точно от укола иглой, и бросилась на подушку, тяжело вздохнув:

— Спаси аллах от злого языка неучтивых!

Глава третья

Артыка везли в Ашхабад в вагоне с железными решетками на окнах. Кровавые рубцы на его руках ничем не лечили, только прижигали, как огнем, густым йодом. В пути он ни с кем не мог разговаривать, так как сидел в узком, как гроб, отделении вагона; всюду в проходах стояли часовые.

В Ашхабаде его ждала еще более страшная одиночка. Его втолкнули в тесную темную камеру, где едва умещалась железная кровать. Окованную железом дверь с лязгом захлопнули и заперли на замок. Артык почувствовал себя отрезанным от всего мира. Лишь через маленькое окошко над койкой к камере проникала узкая полоска света.

На вопросы следователя он отвечал прямо.

— Ты участвовал в нападении на город?

— Да.

— С кем?

— Со всем народом.

— Зачем ты нападал?

— Чтобы свергнуть царя.

— Кем ты был у бунтовщиков Эзиза?

— Сотником.

— Сколько человек присоединилось к Эзизу из твоего аула?

— Не знаю.

Он отвечал на этот вопрос: «Не знаю», даже когда жандармы кололи его штыком. Его пытали всячески, стараясь узнать имена принявших участие в восстании, но сломить его мужество не могли. В ответ на угрозы он говорил:

— Другого ответа вы не получите, хоть изжарьте меня и сожрите.

В течение шести месяцев Артык не видел никого, кроме часовых да следователей с переводчиками. Каждый день в определенный час со скрежетом открывалась тяжелая, окованная железом дверь и арестованному давали черпак мутной горячей жидкости, лишь отдаленно напоминавшей похлебку. До его слуха доносилось только шарканье солдатских сапог по асфальтовому полу коридора, звон дверного замка, когда поворачивался в нем ключ, да порой гудки паровоза. В конце концов он стал свыкаться со своим одиночеством и жил только воспоминаниями о прошлом. Как во сне, проходили в его памяти далекий аул, недавние события, старая мать, попрыгунья, сестренка, Айна... Артык перебирал всю цепь событий, которые привели его в тюрьму. Перед глазами проходили вереницы людей, с которыми связала его судьба, друг Ашир, отправленный на тыловые работы, товарищи по дейханскому восстанию. Вспоминались и враги — Халназар-бай, арчин Бабахан, хромой писарь Куллыхан...

Так шли долгие месяцы. В один из весенних дней, тихо щелкнув, открылось маленькое окошечко в двери, и в нем показались два смеющиеся глаза. Не обращая внимания, Артык продолжал лежать на своей койке, Но стоявший за дверью позвал его:

— Артык Бабалы, иди-ка сюда...

Только теперь Артык узнал единственного тюремного друга: это был один из часовых, русский солдат, который иногда украдкой давал ему кусочек сахара или ломоть хлеба с маслом. Когда Артык отказывался, солдат почти насильно заставлял его взять и каждый раз на ломаном туркменском языке произносил несколько утешительных слов.

Артык быстро поднялся и подошел к двери. Часовой торопливо сказал:

— Слушай, Артык, царь торпак (Торпак, искаженное «топрак» — земля, прах) кушай. Скоро на волю выйдешь... — Затем, видимо, опасаясь кого-то, он быстро захлопнул окошко и на цыпочках отошел в глубь коридора.

Не много понял Артык из слов часового и только подумал: «Что-то случилось с царем». Почти всю ночь провел он без сна, гадая, что могли означать слова: «Царь торпак кушай»...

Под утро приснился ему удивительный сон. Будто стоит он, уцепившись за камень, над отвесной скалой, а перед ним шипит, извергая из пасти дым, огромный дракон. Ноги скользят, камень шатается и вот-вот вместе с ним обрушится в пропасть. Артыка охватил

ужас, он потерял надежду на спасение. Вдруг видит: из пасти дракона хлынула кровь, а витязь в железных доспехах, попирая голову дракона, протягивает ему, Артыку, руку. Не успел Артык дотянуться рукой до руки витязя, как проснулся. Сердце неистово колотилось в груди. Немного придя в себя, стал он искать толкование этому странному сну: «Отвесная скала — это, конечно, тюрьма. Дракон — Халназар или царь. А кто же богатырь, протянувший руку помощи?» Долго думал Артык, но так и не нашел ответа на этот вопрос.

Через маленькое окно, высоко над головой, блеснул солнечный луч. Пока Артык любовался им, переносясь мыслью в родной аул, заскрежетала железная дверь. Ненавистный этот звук вернул Артыка к действительности. «Опять допрос», — решил он.

В сопровождении двух солдат в камеру вошел человек в городском черном костюме с красной повязкой на рукаве. Посмотрев в бумаги, которые были у него в руке, он весело взглянул на Артыка:

— Артык Бабалы?

— Да, я.

— Собирайся.

— Куда собираться?

— Куда?.. Домой, конечно.

Артык ткнул себя пальцем в грудь, удивленно переспросил:

— Я?.. В свой дом?

— Ну да, в кибитку пойдешь, в свою кибитку. Мать у тебя есть? Сынишка есть? Будет большая радость.

Артык вскочил с койки и недоверчиво взглянул в улыбающееся лицо человека с красной повязкой:

— Начальник, ты говоришь правду? Не шутишь?

— Какие тут шутки? Царя больше нет. Все политические свободны.

Артык онемел от волнения. Лицо его просияло, глаза радостно заблестели. Дрожащими руками он принял справку и пожал протянутую ему руку.

— Спасибо! — чуть слышно вымолвил он.

Когда он вышел из камеры, подошел знакомый солдат и весело поздоровался.

— Ну, я ж тебе говорил: царь торпак кушай, а ты получай свободу!

Артык порывисто обнял его:

— Я никогда не забуду тебя! Скажи твое имя.

— Тыжденко.

— Тедженка. Наша река!.. Не забуду. А звать как?

— Алеша.

— А-а, Алаша! Мой Алаша! Как забуду? — Артык поднял указательный палец, показывая, что он один и сказал: — Ты будешь мне брат.

— А ты, Артык Бабалы, мой брат, — засмеялся солдат.

Горячо попрощавшись, Артык пошел из тюрьмы, но не успел выйти на улицу, как во втором дворе встретил Сары и крикнул:

— Сары, салям!

Тот обернулся, поздоровался, но не сразу узнал земляка. За время, что они не виделись, у Артыка отросли усы, которые можно было закручивать, а подбородок обрамляла черная борода.

— Артык! — узнал, наконец, Сары.

— Да, Сары-мираб, это я.

— И ты попал за решетку?

— Нельзя же тебя бросать одного!

— Молодец, братец! Чем жить без шума, так уж лучше лечь прямо в могилу.

Вместе они вышли за ворота тюрьмы. Вольный ветер пахнул им в лицо прохладой, и оба они почувствовали себя так, словно вновь родились на свет.

Жадно вдыхая чистый утренний воздух, Артык и Сары бодро зашагали по улице. Края

узких арыков по обеим сторонам зеленели свежей травой. Деревья покрылись густыми шапками благоухающей листвы. Ослепительно ярко светило солнце, подувал влажный ветерок, насыщенный запахами молодых листьев и трав... Недавним узникам все это казалось неправдоподобным сном. Они все еще не верили в свободу, полученную так неожиданно, и, словно желая удостовериться в том, что на ногах нет больше цепей, старались идти быстрее, широким шагом. Но легко несут их ноги, кандалного звона не слышно, а горожане, спеша по своим делам, почти не обращают на них внимания. До ушей доносятся лишь разговоры о новой власти, о новых порядках.

Артык впервые увидел Ашхабад при свете дня. Увидел широкие мощеные улицы, на которых люди сновали, как муравьи, стройные ряды домов, блестящие витрины магазинов, нарядные фэтоны, зеленеющие сады и аллеи, и город показался ему большим и красивым. Не камень мостовых и домов, не зеркальные стекла витрин радовали Артыка, а зелень аллей и садов, переливчатый блеск наполненных водой арыков. И уже в поезде, вспоминая пышно разукрашенный весенним нарядом город, Артык думал о весеннем цветенье полей в родном Теджене.

Но когда показался Теджен, он не узнал своего края: перед ним расстилалась бесплодная; высохшая равнина, кругом — пыль и ни единой зеленой травинки.

Сойдя с поезда, Артык направился прямо к Чернышевым.

С материнской нежностью обняла его Анна Петровна и долго смотрела ему в лицо. Она и раньше хорошо относилась к молодому дейханину, а после того как Артык попал в тюрьму, с глубоким сочувствием вспоминала о нем. Мешая туркменские слова с русскими, она радостно приветствовала неожиданного гостя:

— Да озарятся очи твои, Артык, с благополучным тебя возвращением!

— Спасибо, Анна Петровна, — ответил Артык, немного смущенный этой горячей встречей.

«Какие добросердечные люди эти русские! — думал он. — Иван всегда был мне как отец, а теперь и Анна Петровна встречает как сына».

Вошел Иван Тимофеевич и так же, как Анна Петровна, по-родственному обнял Артыка. В первую минуту оба не могли произнести ни слова, но у обоих радость горела в глазах и взволнованно бились сердца.

Сели за чай, разговаривая, шутили, смеялись. Артык почувствовал себя так, словно и не было всего того, что он пережил за последние шесть месяцев. Иван Тимофеевич стал расспрашивать, и Артык кое-что рассказал о себе. Рассказал о тюрьме, о Тыжденко, — о том, как у него одним другом стало больше.

Иван Тимофеевич внимательно слушал, но временами поглядывал на рассказчика с такой серьезной озабоченностью, словно ждал только удобного момента, чтобы спросить о чем-то очень важном. А Артык как будто даже не чувствовал необходимости объяснения и продолжал говорить. Наконец, Иван Тимофеевич в упор посмотрел на него и сказал:

— Артык, а ты помнишь...

Артык прекрасно понимал, о чем хотел спросить его русский друг, но ответил вопросом:

— Что ты хочешь вспомнить, Иван Тимофеевич?

— Какое обещание ты дал Артамонову?

Подумав немного, Артык ответил:

— Я обещал ему взять листовку и поговорить с дейханами.

— И чем же кончились твои разговоры?

Артык, точно провинившийся мальчуган, молча опустил голову.

— Ты даже не пришел ко мне за листовками. Я еще раз спрашиваю: ты выполнил свое обещание?

— Нет, — ответил Артык и умолк.

Иван Тимофеевич с задумчивым видом покрутил кончики густых усов и продолжал:

— Что могут сделать несколько тысяч дейхан в такой огромной стране, как царская

империя? Что могли сделать вы, дейхане, без помощи рабочих да еще и попав на удочку своих врагов? Правда, в Теджене не так много рабочих. Но не в Теджене, так в Ашхабаде и Кизыл-Арвате есть рабочие, и особенно много их в России. Рабочие не разрозненны, как дейхане, каждый из которых думает только о себе. Рабочих объединяет уже то, что у всех у них одинаковое положение и у них есть своя организация для борьбы. «Ударишь корову по рогам — у нее все тело вздрогнет», — так, кажется, у вас говорится? Так и здесь: случится что-нибудь с рабочими в Теджене — это сейчас же отзовется среди рабочих в Ашхабаде, в Баку и в других городах. А дейхан рабочие считают своими кровными братьями. Так как же вы начали борьбу с нашим общим врагом, даже не посоветовавшись с нами, не заручившись поддержкой рабочих?.. Что из этого вышло, ты видел сам.

Горячие слова Чернышева заставили Артыка задуматься.

— Конечно, — продолжал Чернышев, — у дейхан, изнемогающих под гнетом баев, старшин и царских чиновников, может быть, и не было другого выхода, как взяться за топоры. Но вся беда в том, что это возмущение дейхан было использовано такими людьми, как Эзиз Чапик, в своих личных целях. С помощью ишанов, ходжей и мулл Эзиз поднял старое знамя газавата и повел темные массы дейхан на войну против русских, в том числе и против нас — ваших друзей, братьев. И что обиднее всего, так это то, что и ты оказался под этим знаменем.

Артык растерянно посмотрел на Чернышева. Его слова напомнили ему о том черном деле, которое совершилось в ночь нападения на город у железнодорожной будки. Перед глазами Артыка возникло отчетливо, ясно, как в ту лунную ночь, бледное лицо юноши, его последний угасающий взгляд... Он резко поднялся на ноги и умоляюще обратился к Чернышеву:

— Иван, в тяжелом положении я оставил аул. Если разрешишь, я пойду, надо проведать своих!

Иван Тимофеевич улыбнулся Артыку и ласково похлопал его по плечу:

— Иди, брат, иди. Мать, бедная, наверно, ждет не дождется тебя... Но ты подумай о том, что я тебе говорил...

Артык и в самом деле не узнал своего края. Где же прежний цветущий Теджен? Где прежняя буйная весна?

В эту пору погода обычно меняется здесь каждый час. Влажный ветер, бывало, лижет щеки и заставляет поеживаться от холодка, если оденешься не по времени слишком легко. А вскоре за ним уже прокладывают путь в небесах караваны тяжелых туч. Ветер проскачет по поднебесью, выравнивает тучи, и хлынет проливной дождь. В мгновение ока прибьет он пыль, пропитает почву, наполнит арыки, а затем бурные потоки мутно-желтой воды помчатся по всем впадинам и низинам. Пройдет еще немного времени — тучи рассеются, ветер стихнет, и снова на небе появится приветливое солнце ранней весны, наполняя весь мир серебристым сиянием. Бесчисленные птицы возобновляют свое щебетанье. Все живет, все радуется.

На зеленых просторах усеянной цветами равнины, бывало, греются под солнцем овцы с курдюками в сито величиной, за каждой — ягнята-двойняшки. Горбатые верблюдицы, покрытые вьющейся шелковистой шерстью, вытягивают шеи и обнюхивают своих верблюжат. Кобылы с жеребятами, ослицы с ослятами пасутся в окрестностях аулов. Коровы стоя дремлют под солнцем или лежат с вздутыми животами и лениво жуют свою жвачку.

Мало мужчин оставалось в эту пору в аулах, большинство выходили в поле. Дейхане брались за лопаты, рыли каналы на своих или на чужих полях. В отведенные для полива часы баи, а за ними и беднота пускали на поля воду из главного арыка. Мутная вода, бурля, наполняла оросительные каналы и канавки, устремлялась за тобой повсюду, куда ни позовешь. Такая весна сулила хороший урожай, радовала дейхан.

Но сейчас весь мир лежит под серым покровом пыли.

Артык не узнал не только тедженской весны, но даже места, где жил.

Он стоял на родном пепелище и беспомощно озирался вокруг. Где черная кибиточка, спасавшая его от ветра и непогоды? Где мать, вскормившая его своей грудью, вырастившая

его? Где сестренка Шекер, которая всякий раз, встречая его, бросалась ему на шею, словно нашла его после утраты?

В ауле, кажется, нет больших перемен. Вон высокие купола кибиток в ряду Халназара. А вон, еще дальше, кибитка Мерета. Но на месте кибитки Арты-ка гуляет ветер... Что же делать? Идти прямо к Халназару и предъявить счет? Или пойти и разузнать все у Айны? А может быть, начать расспрашивать встречных — жива ли мать и что случилось с Шекер?

Долго стоял так Артык. Наконец, он отбросил все колебания и пошел по одной из тропинок к кибитке Айны. Теперь он не стыдился идти к ней на виду у людей, не опасался ни Мамы, ни Мерета.

Мерет раскапывал возле кибитки яму с зерном. Увидев Артыка, он вздрогнул, опустил голову, словно его мучили угрызения совести, но затем, быстро овладев собой, он радушно поздоровался с ним, спросил о здоровье. И тут он вдруг, может быть впервые в жизни, заговорил горячо и решительно:

— Артык, сынок, мы уж не надеялись увидеть тебя. Рад, что ты вернулся целым и невредимым. Вот ты приехал — и мои очи вновь обрели свет. Твое счастливое возвращение освобождает меня от всех забот и огорчений. Войди же в мой дом — и будешь мне сыном...

Эта речь всегда молчаливого и сдержанного Мерета так поразила Артыка, что он растерялся и стоял перед ним, не зная, как ему ответить. Лицо его покраснело, в нерешительности он переступил с ноги на ногу.

— С тех пор как тебя увели... — заговорил было снова Мерет, но вдруг оборвал себя: — Да потом поговорим... А сейчас пойдешь передохни, — и он указал на свою кибитку.

Артык молча, почти бессознательно сделал несколько шагов по направлению к кибитке. У порога его остановила мысль: «Нельзя мне входить так вдруг!» Чтобы не испугать Айну своим неожиданным появлением, он кашлянул и негромко произнес ее имя.

Ровный свет полуденного солнца прямым столбом падал в кибитку через верхнее отверстие, освещая край очага и плечо девушки, склонившейся над шитьем. Айна вышивала тюбетейку. Услышав голос Артыка, она вздрогнула, горячая кровь побежала по телу. «Нет, это не он, это мне почудилось. Голодной курице просо снится...» Солнечный луч над ее головой заслонила высокая фигура. Тогда она вскочила с места и, сама того не сознавая, громко вскрикнула:

— Артык-джан!

Они бросились друг другу в объятия.

Придя немного в себя, Айна разостлала на почетном месте сотканный ею прошлой весной ковер и села рядом с Артыком, плечом к плечу. Сбылись ее желания — расцвел сад ее души. Засияли глаза, заулыбались губы.

Артык, играя косами девушки, бездумно повторял:

— Айна моя, моя Айна! Ты моя вера! Ты свет моей души! Ты причина того, что я жив...

Айна обняла его, прижалась щекой к его щеке:

— Артык-джан, сам аллах вернул мне тебя! Вот я увидела тебя — и нет у меня больше неисполненных желаний. Прошное миновало, а будущее — наше.

У Артыка одна рана зажила, но другая лишала его покоя. Он не решался прямо спросить у Айны, что случилось с матерью и Шекер. И все же не хватало терпенья.

— Айна моя... — начал он волнуясь. Но она догадалась, что беспокоит Артыка, и прямо спросила:

— Артык-джан, ты был дома?

Голос Айны звучал так спокойно, что это несколько ободрило Артыка:

— А у меня есть дом?

— Ну, конечно, — ответила Айна. — Тетушка Нурджахан и Шекер здоровы.

— Здоровы?..

— Артык-джан, — перебила Айна, — в день, когда тебя уводили, ваши еще были на бахче. Так вот дядя твой тогда же и перевез их к себе прямо оттуда. Они ни в чем не нуждаются. Дня три назад была от них весточка — все здоровы. Отец послал твоей матери

галбири (Галбири — бумажная полушелковая материя) на платье, а я — вышитую шапочку для Шекер. Но тот, кого мы с отцом посылали к тебе, не мог найти даже следа твоих ног. — Айна моя, значит, я не одинок? — растроганно проговорил Артык.

— Пока я жива, ты никогда не будешь одиноким. Пока я здорова, и тетушка Нурджахан ни в чем не будет нуждаться, — весело ответила Айна и надела на голову Артыку вышитую ею тюбетейку.

Две раны зажили у Артыка. Но третья... «Это живая рана, — думал он, пока Айна любовно разглаживала пальцами тюбетейку на его голове, — не буду касаться ее без нужды. А с тобой, Халназар, мы еще поговорим...» Он посмотрел на Айну, и она показалась ему светлее луны, чище горной воды.

— Айна моя, скажи, — попросил он, — как тебе удалось уйти от этих проклятых?

— Артык-джан, ты хочешь, чтобы я рассказала обо всем подробно? Зачем это тебе?

— Пойми: шесть месяцев я мучился неизвестностью, и разве я теперь успокоюсь, если не буду знать все?

— Тогда слушай, — Айна села поудобнее, прижалась плечом к груди Артыка. — Все это время тело мое было здесь, а сердце с тобой. Ах, Артык-джан, если б ты знал мои муки!.. Когда меня привезли и бросили возле кибитки, мачеха подняла вой: «Аю, горе мое, везите ее, ради аллаха, к себе!» Я сказала ей: «Если уже тебе так не терпится, вон эти проклятые баи — иди сама к ним. А я теперь не прежняя Айна, я — тронутая». Всадники и Баллы уехали, а мачеха стала выть пуще прежнего и отправилась к Халназару. Через некоторое время она опять привела рябого Баллы и говорит ему: «Вот твоя жена, опозорившая и тебя и меня. Хочешь — будь ей хозяином, не хочешь — убей». По когда мачеха и Баллы хотели тронуть меня, я схватила ковровые стригуны. Тем временем подоспел отец, в руках у него была лопата. Он ударил мачеху, и та повалилась с криком. Тогда отец бросился на Баллы, и этот трусливый дурак убежал, потеряв папаху. На другой день пришел ходжа. Не успела я накричать на него, как отец погнал и его из кибитки. После этого Халназар стал грозить: «Заставлю откочевать из аула!» Но отец не очень-то его испугался. С того дня он стал мне настоящим отцом, и я успокоилась. Только язык мачехи, как ботало на шее верблюда, все гремит и гремит. Но к этому я привыкла, хотя лишнего и от нее не стерплю.

В это время с ведром в руке в кибитку вошла Мама и ахнула:

— Ах, что делается! Удивляюсь, как еще солнце и луна ходят своими путями... Как сидят! Нет, каково бесстыдство!..

Артык, даже не пошевелившись, поглядел на нее и улыбнулся:

— Тетушка Мама, здравствуй!

Мачеха испуганно выпучила глаза и протянула руки, словно защищаясь от дьявольского наваждения:

— Вай, Артык! — ведро с водой грохнулось к ее ногам.

Глава четвёртая

Наконец-то старая мать обрела свое потерянное дитя.

Нурджахан целовала Артыка, дрожащими руками ощупывала его плечи, спину. «Дитя мое, детка!» — повторяла она, плача счастливыми слезами. От радости она долго не могла прийти в себя, целовала руки сына, даже полы его халата. Шекер прижалась к плечу Артыка и долго не могла оторваться.

Дядя Артыка был статный, высокого роста человек с проседью в бороде. Когда несколько улеглись волнения встречи, он с горечью рассказал о том, как дважды ездил в Ашхабад, часами стоял у ворот тюрьмы, спрашивая о племяннике всех входящих и выходящих, и, ничего не добившись, возвращался обратно. Теперь, увидев Артыка, он, казалось, помолодел на несколько лет.

Черная кибиточка озарилась сегодня радостью. Друзья, знакомые Артыка и даже те, кто знал его только по имени, пришли из ближайших аулов приветствовать его. Целый баран,

зарезанный дядей Артыка, варился в большом черном котле.

Услышав, что Артык вернулся, пришел повидаться с ним и Гандым. Он обнял Артыка и тут же пожаловался:

— Пшеницу мою, пшеницу, что ты отбил, отняли у меня проклятые бай.

— Дядюшка Гандым, не печалься. Будем здоровы — отберем у Халназара свое! — попытался успокоить его Артык.

Но Гандым, казалось, был безутешен:

— У меня в шалаше ни куска хлеба, ложимся голодными, встаем голодными. У него даже собака отворачивается от чурека.

— Дядюшка Гандым, будет голод — будем вместе голодать; будем сыты — тоже вместе. Потерпи немного.

— Раз ты вернулся, значит, мешки у меня полны! — засмеялся Гандым. — Это я хотел показать тебе ржавчину моей души. С кем же, как не с тобой, и поговорить о своем горе?

И он весело заговорил о том, как Халназару вместо невестки достались насмешки да пересуды. Когда же он стал рассказывать о новой невестке, прозванной в ауле атайры (Атайры — фаланга), то залился хохотом. Новая жена Баллы и в самом деле оказалась злой и уродливой, как фаланга. Наконец, Гандым разгладил усы и заговорил серьезно:

— Да, Артык, ведь Айна ждет тебя. Когда же справим свадьбу?

— А Мама даст согласие?

— Мама? Ха-ха! Пусть только попробует не согласиться, — отведает еще раз лопаты Мерета! Ты не слышал еще? Теперь там хозяйка — Айна.

— Дядюшка Гандым, — засмеялся Артык, — когда велишь, тогда и устроим свадьбу.

— Чего медлить? Каша готова, надо браться за ложки. Бедняжка Айна ждала немало.

Жениться, привести Айну к себе в кибитку было заветной мечтой Артыка. Но ему хотелось сначала разделаться с Халназаром, и он сказал Айне о своих намерениях. Айна стала решительно возражать против этого:

— Разве бай задел твою честь? Наоборот, ты избил его сына, отобрал коня, примешал яд к его тою — и Айна осталась в твоих руках. Если они не будут на тебя кидаться, тебе нечего начинать ссору. Артык, милый, не ищи зла. И так я тебя едва дождалась...

Айна по-своему была права. Но Артыка волновало еще и другое. Бай отнял плоды труда за целый год, и не только у него — у всех дейхан аула. Сколько людей, как и Гандым, остались без куска хлеба! А ранняя засуха уже убила посеvy. У кого хватит сил дожить до урожая будущего года? Народ разорен, голодает, и только один Халназар со своими конями, верблюдами, сыновьями, которых не коснулся набор, сидит среди аула в полном изобилии, словно хан. Как можно это стерпеть? И все же уговоры Айны и увещания матери на время ослабили волю Артыка.

Он был не из тех, кто забывает обиду. Оскорблением ему казалось и то, что его кибитка вывезена из родного аула, и он хотел назло баю немедленно переселиться на прежнее место. Однако мать умоляла его повременить с этим.

— Не делай этого, сынок, — говорила она. — Конь сторонится места, где его испугали, муж избегает места, где его подстерегает опасность. Лучше подождать. Ты отдохни, осмотришь. Подождем немного. Нам и здесь неплохо.

А дядя твердо заявил:

— В этом году никуда не уедешь. Время тяжелое, надо держаться вместе. А там видно будет.

И Артыку ничего не оставалось, как согласиться.

Айна, словно боясь, что с Артыком еще что-нибудь может случиться, торопила со свадьбой. Нурджахан тоже выражала свое желание поскорее увидеть невестку в своей кибитке. С согласия Мерета назначили день тоя. Мерет не ждал от Артыка калыма, напротив — взял на себя все расходы.

— Найду баранов для угощения, — сказал он Артыку. — Зови гостей без стеснения, сколько хочешь. Всех угощу на славу.

Ко дню свадьбы прибыли друзья Артыка и родственники дяди. Так как год был тяжелым и кони не годились для скачек, той Артыка не обещал быть особенно пышным. Все же ехать за невестой собралось пятнадцать всадников и столько же женщин на верблюдах. Свадебный поезд вызвал общее удивление: вопреки обычаю, Артык сел на дядино коня и сам отправился за невестой.

Всадники нарочно сделали крюк, чтобы промчаться мимо кибиток Халназара, обдавая их пылью. А Гандым своими выходками уморил всех. Он сел верхом на длинную палку и, прыгая перед халназаровским рядом, кричал во все горло: «Но-о, ты, мертвая халназаровская!». Размахивая прутиком и высоко вскидывая ноги с узловатыми пальцами, торчащими из худых чокаев, он бежал, словно теленок. Даже злая Атайры-гелин не выдержала и захохотала.

Хотя на этот раз всадников не встречали градом камней и никто не мешал им пробиться к невесте, они еще у халназаровских кибиток открыли пальбу из ружей. Мелекуш, напуганный выстрелами, заметался вокруг своего столба. Увидев это, всадники сделали еще один круг. Мелекуш взвился на дыбы, оборвал веревку, которой был привязан к столбу, и помчался, вытянув хвост трубой.

Топот коней и грохот пальбы оглушили Халназара. Кибитка, где он сидел, наполнилась пылью. Взбешенный, он вскочил и схватился за двустволку, но тут же отбросил ее. Стараясь подавить гнев, он прислонился к сложенным на сундуке одеялам. «Что за несчастье! — думал он. — Мало того, что забрали невестку, — они еще издеваются... Или вправду конец света близок? Ну, хорошо, царь погиб, но ведь я-то жив! Нет, на такое оскорбление нельзя не ответить!..»

Он снова схватился за ружье, но в этот миг до него донесся истошный крик:

— Вай, беда! Мелекуш ушел!

Халназар бросился к двери, но вдруг, обессилев, задышал тяжело и привалился к стене кибитки. Двустволка с шумом упала к его ногам. Тучный живот заходил, как кузнечный мех, в глазах у него потемнело.

Садап-бай, вбежав в кибитку, испуганно вскрикнула:

— Аю, горе мне!.. Тебя что — пулей ударило? Пулей?

Халназар очнулся и оттолкнул ее:

— Убирайся вон! Уходи!

Садап суеверно поплевала себе за ворот и выбежала из кибитки.

Халназар несколько успокоился и сказал себе в назидание: «Нельзя жечь одеяло, разозлившись на вошь! Из-за дерзости какого-то негодяя глупо губить себя. Что ему? Он голодным ложится, голодным встает. Потому и лезет в драку. «Гнев — это гяур. Его надо проглотить», — сказал пророк. А я, сев на коня гнева, чуть не ввязался в скверное дело. Благодарение аллаху, я нашел в себе силы, сдержал себя...»

Мелекуш ворвался в средину свадебного поезда, расстроил его порядок, затем вернулся в халназаровский ряд и помчался вокруг кибиток. С развевающимися платками за ним погнались. Садап-бай, ее новая невестка «фаланга» и Мехинли. Но конь, высоко задрав голову, выбежал из аула и умчался в поле.

Участники свадебного поезда вошли в кибитку Мерета и сели пить чай. Возле раскрытой с обеих сторон кибитки на огромных таганах стояли котлы. Запах плова щекотал ноздри проголодавшихся всадников. Гандым нетерпеливо поглядывал на повара, который лопаткой переворачивал янтарный рис. Пока еще не начали разносить еду, он нашел себе новую забаву — подозвал какую-то девочку и протянул ей большой кусок леденца:

— Вот тебе, козочка, держи. Слаще этого ничего нет! А теперь пойди и скажи Халназар-баю, что, мол, дядюшка Мерет приглашает его на свадьбу.

Девочка, облизывая леденец, побежала исполнять поручение.

А когда она вернулась и стала рассказывать, каким страшным голосом кричал бай, как суетились вокруг него перепуганные женщины, кибитка наполнилась смехом.

А Гандым, решив еще позабавиться над баем, уже наставлял шустрого малыша:

— Вот, сынок, эта жирная косточка — тебе. А вот этот кусок требухи отнеси Халназар-баю. Скажи: дядя Меред прислал тебе, бай-ага, свадебное угощение, твоя, дескать, доля.

Мальчуган, обгладывая реберную косточку, вприпрыжку побежал к Халназарам.

— Бай-ага, — сказал он, войдя в байскую кибитку, — вот эту требуху тебе прислал дядя Меред. Свадебное угощение, говорит, твоя доля...

Халназар лежа снимал с ног ичиги. Он вскочил с ковра, вырвав из рук мальчугана требуху, выбросил ее в открытую дверь кибитки, а малыша ударил по щеке ладонью и вытолкнул вон. Не помня себя от бешенства, он схватил дустволку и выбежал из кибитки, босой на одну ногу, в одном ичиге. Садап кинулась вслед за ним, схватила его за руку:

— Аю, тебе говорю! Разве можно? Опомнись!

Халназар пытался вырваться из ее рук:

— Уйди, не твое дело! Перестреляю проклятых!..

Но Садап не отпускала его. Мехинли сначала удивленно смотрела на все происходящее, а затем, думая, что бай сошел с ума, подбежала и тоже схватилась за его руку с другой стороны. Халназар, как загнанный собаками кабан, рвался из стороны в сторону, расталкивая женщин. Весь он дрожал от гнева, глаза его, как у бешеной собаки, налились кровью. Вырвавшись, наконец, из цепких рук женщин, он бросился в кибитку и зарыдал, колыхаясь всей тушей.

Малыш со слезами на глазах рассказал пирующим, как бай ударил его по щеке и вытолкнул из кибитки. А когда он, заикаясь, с волнением стал рассказывать, как бесновался бай и как женщины не давали ему стрелять из ружья, все снова покатились со смеху. Гандым назвал его молодцом, взял под мышки, подбросил на руках. Все потешались над бессильной злобой бая. Не смеялся только Меред. Такие шутки ему не нравились.

Мама не знала — веселиться ли ей со всеми или предаваться скорби. Она готова была забыть все пережитые ею обиды и огорчения, но как помириться с тем, что девушку отдают без калыма? И за кого! За Артыка, который опозорил ее, Маму, на весь аул. Пусть выходит Айна за кого хочет, но калым-то должен быть выплачен!.. А тут еще самим приходится давать приданое, ковры, баранов на угощение. Что за невиданное дело! Что за неслыханные порядки!.. Накануне тоя она долго спорила с Мередом. Но когда дело приняло серьезный оборот, вспомнила об ударе лопатой и прикусила язык.

Сегодня она принарядилась и вышла к гостям в красном. И вид у нее был приветливый, пока шло угощение. Но лишь только женщины, приехавшие за невестой, собрались уезжать, как в ней снова заговорила жадность. Не пристало же ей, выдавая дочь замуж, остаться с пустыми руками!.. Мама решительно потребовала уплаты положенных ей по обычаю денег «за постой в доме». И она не удовлетворилась тем, что кто-то дал ей десятку и еще кто-то сунул в руку пятерку, чтобы только прекратить начавшиеся пререкания. Она понимала, что при посторонних Меред не схватится за лопату. Однако ни у кого больше не было денег.

Тогда Артык решил сыграть на слабой струнке мачехи. Он подошел к спорившим:

— О чем это вы? Неужели о деньгах? Напрасно вы обижаете тетушку Маму. Она вовсе не такой человек. Разве она не достаточно богата? Разве она требовала калым за невесту? Да она сама готова заплатить, если в деньгах будет нужда!

Мама пригладила волосы и заговорила другим тоном:

— Вах, о чем говорить!.. Да разве я какая-нибудь скряга! Разве я уже не сделала необычное дело, отдав свою дочь даром? Разве я не взяла на себя угощение? Не надо мне никаких денег за постой. Что за пустяки! Если хотите, я дам вам денег на уплату поводырям верблюдов и на призы всадникам. Артык, милый, все мое — твое!

Женщины и всадники заторопились в путь. Выводили невесту из кибитки тоже несколько необычно. Айна не захотела, чтобы ее волокли на паласе, — вся в пурпурном шелке, в серебряных украшениях, накинув на голову вышитую накидку, она вышла из кибитки сама. Не пришлось сажать ее и на верблюда, который ожидал против двери. Айна сама взобралась на него, уклонившись от всякой помощи.

Свадьба вновь с веселым гамом проехала мимо халназаровского ряда кибиток, и от этого вновь стало невыносимо тошно баю.

Глава пятая

Был поздний вечер начала мая.

В городе зажигались огни. В одной из внутренних комнат чайханы Джумадурды собрались за чаем волостные Хуммет и Ходжамурад, старшина Бабахан и хромой писарь Куллыхан. Разговор шел вяло. Старый чайханщик не любил скучных посетителей, ему нравились шум, веселье, пьяное буйство. Он посидел некоторое время у двери, опираясь спиной о косяк и почесывая толстыми пальцами грязновато-серую бороду. Но сколько он ни вглядывался в лица гостей, ничего, кроме уныния, в них не заметил. Ни один глаз ему не подмигнул, ни один рот не раскрылся. Он поднялся, походил, постоял и, потеряв, наконец, терпение, напомнил о себе:

— Эй, молодцы! Что-то вы приуныли сегодня. Если что нужно — только моргните, чайханщик Джумадурды еще жив!

Но и это не действовало — гости молчали. Только один невесело бросил:

— Спасибо дядюшка Джумадурды...

Мрачное настроение гостей имело свои причины. Начальник уезда полковник Беланович, действуя по поговорке «разваливается — беги», поспешил передать свои обязанности подполковнику Антонову, а сам уехал в тихое местечко под Ашхабадом — в Фирюзу, к начальнику области генералу Калмакову. Собравшиеся здесь только что проводили своего начальника и с тревогой думали о себе. Полковник Беланович с их помощью неплохо нажился за время управления уездом, он набил добром целый вагон и теперь может спокойно прожить в каком-нибудь уютном уголке вроде Фирюзы, не нуждаясь ни в чем. А что им делать? Куда идти, на кого опереться? Подполковник Антонов сам нуждался в поддержке.

Ходжамурад поднял глаза на Хуммета и тяжело вздохнул:

— Да, вот и проводили баяра-полковника. Что ты скажешь?

Бабахан, пощипывая свою черную, как уголь, бороду, опередил ответ Хуммета:

— Что тут скажешь? Ясно — осиротели мы.

Хуммет отер платком пот с лица и, не торопясь, сказал:

— С привычным врагом, оказывается, и драться хорошо. Мы привыкли к полковнику, он был словно отец родной. Он понимал нас, не обижал, если порой, бывало, и погорячится, так это была даже не брань, а скорее доброе назидание. Верно сказал Бабахан-арчин — осиротели. Антонов... Это — ни рыба ни мясо.

Слова Хуммета не понравились хрому писарю.

Куллыхан выплюнул изо рта табак, отер губы ладонью и стал возражать:

— Почему это Антонов — ни рыба ни мясо? Он был таким при Белановиче, когда ему не доставало полномочий. Если мы поддержим его, может он справится — будет еще позубастее Белановича. Не тот — так этот... Была бы только сила, и всякую силу мы должны повернуть себе на пользу.

Бабахан поддержал писаря:

— Куллыхан верно говорит. Не тот — так этот! Если есть сила в руках, разве не сумеешь ее применить? Ведь мы не станем считать беспомощным Куллыхана из-за того, что он хромает на одну ногу. Когда надо, он умеет показать себя и с одной ногой.

Ходжамурад засмеялся:

— Особенно выпивая и закусывая.

Куллыхан едко бросил:

— И особенно за скатертью у твоей матери! Началась перебранка. Бабахан поспешил предупредить ссору и переменял разговор.

— Ходжамурад-хан, — обратился он к волостному, — ты слышал, вернулся Артык?

— Артык? — не понял тот, еще не успев остыть от раздражения. — Кто это?

— Он из моего аула. Ну как же ты не помнишь его? Когда-то ты мечтал приобрести его гнедого и получил коня почти даром. Потом он пристал к мятежникам, был арестован и отправлен в тюрьму, в Ашхабад.

Куллыхан, который еще не излил свой гнев, ядовито заметил:

— Чего ты тянешь? Скажи — тот, который отнял у Баллы невесту, плюнул в бороду Халназару, арчину и волостному, — вот и все! — Подслеповатые глаза Ходжамурада налились кровью. Он ухватился за рукоять кинжала и двинулся к писарю:

— Хромая собака! Это я плюю на кого угодно! Могу плюнуть и тебе в морду!

— Плюнь в глаза своей матери! — грубо выругавшись, крикнул Куллыхан и схватился за револьвер.

Хуммет бросился между ними, оттолкнул Ходжамурада в сторону и прикрикнул:

— Собаки!.. Вы что — взбесились?

Бабахан не рад был, что начал разговор об Артыке. Зато чайханщик оживился и тут же предложил свои услуги:

— Молодцы, я вижу, головы у вас немного помутились. Может, освежить надо?

Вмешательство чайханщика было как нельзя кстати. Старшина подмигнул ему:

— Неси, неси!.. Эх ты, чайханщик! Пока тебя не ткнешь, ты и не слышишь. Где Айсолтан-бай?

В дверях тот час появились разряженные жены Джумадурды — одна со скатертью, другая с пловом, третья с напитками. Сам чайханщик подошел к гостям с кувшином и тазом:

— Кто хочет мыть руки?

Хуммет, засучив рукава, весело заговорил:

— Арчин-хан, а ты это правильно сделал. Если б я знал, что у тебя такая привычка — заливать драку водкой, я давно бы подрался. Говорят, закурить надо во время еды, другой раз — во время беды, но беленькая — всегда к месту: выпьешь в гневе — развеселит, в радости — расстроит. Верно говорю: больного вылечит, здорового уложит в постель.

— А глупого и умного уравниет, — подхватил Бабахан.

И в самом деле — не прошло и минуты, как Ходжамурад и Куллыхан чокнулись и мирно заговорили.

Во время ужина явился есаул и сообщил, что в клубе железнодорожников будут избирать депутатов. Подполковник Антонов приказал всем идти на собрание.

Хромой писарь, не переставая жевать, заявил:

— Пусть хоть из пушек палят, пока не съедим и не выпьем всего, что тут есть, не пойдем!

Другие ничего не ответили. Однако в каждом проснулась тревога: «Депутаты... Это еще что за новость? Впрочем, ничего удивительного: царя нет, всякий теперь сам себе царь. Теперь умников разведется немало, пойдут сходки, собрания, выборы. Не найдется только крепкой метлы. А хорошего от всего этого не жди: собака не будет знать своего хозяина, кошка потеряет хозяйку. Все ж, если нельзя избавиться от врагов, надо быть среди них. Может быть, удастся провести своего человека. Пожалуй, надо торопиться...» И все сразу поднялись с мест.

В это же время в другом месте, в похожем на сарай помещении с земляным полом, где жили рабочие хлопкового завода Арутюняна, заканчивалось другое собрание. Вокруг простого некрашеного стола, освещенного семилинейной лампой с навешенным на стекло бумажным колпаком, сидели рабочие с хлопкового завода, с элеватора и железнодорожники. Иван Чернышев, разложив перед собой несколько номеров газеты «Правда», рассказывал собравшимся о последних событиях в Петрограде и о политике партии большевиков.

— ...Что такое война, — говорил он мягким, спокойным голосом, — все вы чувствуете на самих себе. Для помещиков и капиталистов — это нажива, огромные прибыли, которые они получают сегодня и которые надеются получать в будущем, когда силой оружия будут захвачены чужие земли и новые рынки для сбыта товаров. Для рабочих и крестьян, будь то

немцы или французы, или мы, русские и туркмены, — это непрерывная цепь страданий. Война уносит миллионы человеческих жизней; продолжая ее, правительства воюющих государств обрекают народные массы на голод и нищету. Вот почему наша партия большевиков всегда боролась против войны. И одним из первых требований поднявшегося на революцию народа было: «Долой войну!» Но Временное правительство князя Львова, Гучкова и Милюкова не захотело выполнить этого требования. Оно обратилось к правительствам Англии и Франции с нотой, в которой заверяло, что Россия останется верной договорам, заключенным царем с союзниками, и будет продолжать войну «до победного конца». Двадцатого апреля в Петрограде состоялась стотысячная демонстрация рабочих и солдат, возмущенных такой политикой Временного правительства. Она проходила под лозунгом большевиков: «Опубликовать тайные договоры!», «Долой войну!», «Вся власть Советам!». Двадцать первого апреля демонстрации в столице продолжались. Произошли столкновения рабочих и солдат с офицерами и студентами, выступающими за продолжение войны. Эти события вызвали широкий отклик по всей стране.

Воспользовавшись тем, что Чернышов умолк, пробежая глазами отчеркнутые в газете строки, заговорил Василий Карташов.

— Да, это верно, — сказал он, отзываясь на последние слова Ивана Тимофеевича, — петроградские демонстрации против Временного правительства нашли горячий отклик и у нас в Ашхабаде. Я только третьего дня вернулся оттуда и сам был на митинге Закаспийского полка. Там выступал один из большевиков — солдат Житников. Очень хорошо говорил. Досталось от него и министрам-капиталистам, и эсерам, и меньшевикам, которые тоже выступают за продолжение войны. Говорил он и о том, что товарищ Ленин призывает партию и рабочий класс готовиться к новой, социалистической революции, которая должна свергнуть господство капиталистов и утвердить власть народа. А закончил свою речь вот этими же лозунгами против войны и за власть Советов. Вся солдатская масса дружно подхватила эти лозунги, а потом по всему двору казармы покатилося: «Да здравствует Ленин! Ур-ра-а-а!» Открылись ворота — и солдаты с винтовками двинулись на демонстрацию. Друзья мои, я впервые видел, как горячо откликнулся на призывы нашей партии целый полк солдат и был взволнован до слез...

— Ты дашь мне говорить, Василий Димитрич, — с улыбкой обратился к нему Чернышов, — или сам будешь заканчивать беседу? Смотри, времени у нас в обрез.

Все засмеялись.

— Говори, говори, молчу! — смущенно проговорил Василий Дмитриевич.

— Теперь вы сами видите, товарищи, — продолжал Чернышов, — сбывается то, о чем предупреждал народ Ленин. Правительство Гучковых и Милюковых не хотело да и не могло дать народу ни мира, ни хлеба, ни свободы. Почему? Да потому, что это правительство заинтересованных в войне помещиков и капиталистов. Апрельские демонстрации заставили его потесниться и дать место эсерам и меньшевикам. Эти партии пошли на соглашение с буржуазией. Но может ли что-нибудь измениться в правительственной политике? Нет, не может, ибо эсеры и меньшевики тоже выступают за продолжение войны, они тоже против немедленной передачи помещичьих земель крестьянам, против рабочего контроля на фабриках и заводах. Да и, кроме того, опять-таки не они, а министры-капиталисты по-прежнему будут решать все вопросы государственной политики. Врт полученные сегодня газеты сообщают, каков состав нового Временного правительства: десять министров — помещики и капиталисты и шесть — эсеры и меньшевики. Поэтому и на сегодня остаются верными лозунги Ленина, принятые партией большевиков «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!», «Никакой поддержки Временному правительству!», «Никакого доверия правительству капиталистов!» Только рабочая и крестьянская власть может дать мир народу, рабочим — восьмичасовой рабочий день и справедливую оплату труда, крестьянам — землю. И только Советы могут осуществить подлинно народную власть...

Среди участников собрания выделялся внешним своим видом огромный детина, густо обросший бородой, одетый в потрепанный красный халат. Это был Керим, рабочий с

паровой мельницы. Весь он был пропитан мучной пылью, и все звали его не настоящим именем, а просто Кильван-мельник. Сидя в группе рабочих хлопкового завода с зажатой под мышкой громадной, как тыква, рыжей папахой, Кильван внимательно слушал все речи. Не все он хорошо понимал, но то, что говорил Чернышов о министрах-капиталистах, которые не хотели выполнять волю народа, было понятно и ему. Вдруг он поднялся с места и, прерывая Чернышова, сказал:

— А если так, то какая разница между министрами царя и этими... как их... временными? Уничтожить их все заодно! — Взмахнув огромным кулачищем, он опустился на свое место и легонько толкнул соседа в бок: — Верно я говорю?

Чернышов улыбнулся:

— Вот вам голос народа!.. Но ты не торопись, товарищ Кильван. Придет время.— разделаемся со всеми, а пока... Партия большевиков не считает в настоящее время возможным выставить лозунг свержения Временного правительства. И тут нет никакого противоречия. Дело в том, что большую часть депутатских мест в Советах занимают пока эсеры и меньшевики, а они, как я уже говорил вам, пошли на соглашательство с капиталистами. Ничего не изменилось бы, если бы власть перешла в руки этих людей, прислуживающих буржуазии и предающих интересы рабочих и крестьян. Поэтому перед нами прежде всего стоит задача — завоевать большинство в Советах. В резолюции ЦК нашей партии, принятой по предложению Ленина, говорится по этому поводу следующее: «Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев и полупролетариев, когда Советы рабочих и солдатских депутатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки». И дальше в этой же резолюции дается такой лозунг: «Организация, организация и еще раз организация пролетариата: на каждом заводе, в каждом районе, в каждом квартале». Вот это и нам больше всего нужно на сегодняшний день. Сейчас все мы пойдем на собрание. Надо выступить там организованно, сплоченно. Надо провести в Совет наших кандидатов — людей, отстаивающих интересы трудового народа. Надо крепить дружбу с туркменами — поддержать и их кандидатов в Совет.

С места поднялся высокий рабочий в черной тужурке с порванными рукавами и в синих, залатанных на коленках штанах. Встав, он бросил свою фуражку на стол.

— Герасимов, ты хочешь что-то сказать? — обратился к нему Чернышов.

Герасимов заговорил громко, отрывисто:

— Брат мельник сказал и за себя и за меня... Честное слово, злость берет, когда слышишь, как все эти временные министры-капиталисты хотят снова зажать в кулак нашего брата рабочего и крестьянина. Кто их выбирал, кто назначал?.. Я готов взять в руки оружие и драться против такого правительства, как и товарищ Кильван... Ну, раз Ленин считает, что рановато, — подождем. Ему виднее...

Он хотел было сесть, но снова выпрямился и сказал:

— Я предлагаю принять резолюцию, что все мы тоже против Временного правительства капиталистов и всяких там соглашателей. Надо послать такую резолюцию в Петроград, Ленину. Пусть наш маленький голос прибавит ему силы!

Продолжать прения больше не оставалось времени: пора было идти на выборное собрание в клуб железнодорожников. Предложение Герасимова вызвало общее одобрение. А по предложению Карташова было решено послать также резолюцию и комитету большевиков в Ашхабад.

Не все в Теджене знали, что ссыльный Иван Чернышев был участником революции пятого года. Но в городе не было человека, который пользовался бы таким уважением и у русских и у туркменских рабочих, как Чернышов.

Когда Иван Тимофеевич вошел во двор железнодорожного клуба, к нему сейчас же потянулись с разных сторон рабочие. Выборное собрание еще не начиналось, и у рабочих сразу же завязалась оживленная беседа с Чернышевым.

Подошел и Куллыхан, чтобы послушать, о чем говорят рабочие. Он слушал и громко, чтобы обратить на себя внимание, поддакивал. Но вдруг перед ним вырос молодой

милиционер с красной повязкой на рукаве и спросил, не знает ли он, как разыскать Ар-тыка Бабалы. Хромой писарь что-то невнятно пробормотал в ответ и заковылял в сторону. А Иван Тимофеевич, услышав имя Артыка, оставил своих собеседников и подошел к милиционеру:

— Вы ищите Артыка Бабалы?

— Да, мне очень нужно его разыскать.

Ответ милиционера не на шутку встревожил Чернышова. Подумав, что на голову Артыка свалилось новое несчастье, он решил выяснить, в чем дело:

— Я вас не видел в Теджене. Вы не здешний?

— Из Ашхабада.

— Зачем приехали?

— По служебному делу.

— По делу Артыка Бабалы?

— Нет.

— Тогда зачем же вам нужен Артык?

— А он мой друг, — улыбнулся милиционер. — Когда меня назначили в эту поездку, я очень обрадовался: вот, думаю, побываю в гостях у друга. Да, видимо, не придется. Ночью мне ехать обратно.

Это был Алексей Тыжденко. Он рассказал, как подружился с Артыком и как вел себя Артык, в ашхабадской тюрьме. Тогда Иван Тимофеевич сообщил, что Артыка он хорошо знает, что после освобождения из тюрьмы Артык заходил к нему домой, а теперь, по всей вероятности, находится в своем ауле, в сорока верстах от Теджена.

Они разговорились, Тыжденко начал рассказывать о положении в Ашхабаде, и по его словам выходило, что ашхабадские рабочие и солдаты гарнизона недовольны политикой Временного правительства. Правда, генерал Калмаков отстранен от должности, но на его место уселся граф Доррер, и вся разница между ним и генералом только в том, что он называется комиссаром Закаспийской области. В областном управлении по-прежнему сидят чиновники да попы, а туркмен там совсем нет. Ашхабадский совет рабочих депутатов, на заседаниях которого удалось побывать Тыжденко, состоит в большинстве не из рабочих, а из интеллигентов, служащих. Тон в совете задают эсеры и меньшевики. Они произносят красивые речи о революции, распинаются за крестьян и рабочих, да что-то не видно, чтобы власти прислушивались к ним и стремились облегчить положение народа.

Для Чернышева во всех этих сообщениях не было ничего нового, но его удивили и обрадовали рассуждения молодого солдата, который очень неплохо разбирался в вопросах политики. Он хотел спросить милиционера, не большевик ли он. В это время раздались дружные выкрики рабочих: «Чернышов!.. Чернышов!..» Оказывается, кто-то уже открыл собрание и предложил называть кандидатов в президиум.

Беседу пришлось прервать. Иван Тимофеевич пожал руку Тыжденко и заторопился к столу президиума.

Первым выступил представитель Ашхабадского совета. Крикливо и долго говорил он о том, что со свержением царя революция в России завершена, что она дала свободу, равенство и братство для всех и что для защиты этих завоеваний надо продолжать до победного конца войну против кайзеровской Германии. Закончил он свою речь призывом оказывать полное доверие и поддержку Временному правительству.

Оратор был эсером. После него взял слово Иван Чернышов, встреченный приветственными хлопками рабочих, теснившихся у забора. С первых же слов Чернышов заявил, что правительство, не желающее закончить войну и облегчить положение трудящихся масс, не получит никакой поддержки со стороны народа. Временное правительство проводит в Туркестане и в Закаспии политику, которая мало чем отличается от той, которую проводило царское правительство. Слуги царя, все эти большие и малые начальники с шашкой и плетью, наместники и губернатора, генералы и полковники, старшины и волостные, проводили в Туркестане колонизаторскую политику. В интересах русских капиталистов и местных баев они творили дикий произвол и насилия, держали

народ в темноте, обирали его всевозможными налогами и поборами, обрекали на голод и нищету. И они же зверски расправлялись с народом, когда он, доведенный до отчаяния, стихийно поднимался с оружием в руках против жестокой политики, как это было во время прошлогоднего набора дейхан на тыловые работы. Горячо и страстно разоблачал Чернышов преступления царизма, широко и смело ставил освободительные задачи русской революции для угнетенных народов Туркестана и закончил свою речь резким, угрожающим выводом: если Временное правительство не кончит затеянной капиталистами и ненужной народу войны, которая уже обошлась в миллионы человеческих жизней, если не наделит крестьян землей, не улучшит положения рабочих, то его ждет такая же участь, какая постигла царское правительство: Народ возьмет власть в свои руки и станет хозяином своей судьбы.

Хуммету и Ходжамураду стало от этой речи не по себе, и они трусливо съежились, пряча лица под своими огромными папахами. Им начинало уже казаться, что вот сейчас их схватят за шиворот и объявят преступниками. Бабахан, ни слова не понимавший по-русски, слушал рабочего-железнодорожника с безразличным видом, а хромой писарь хотя и был возмущен речью Чернышева, но старался успокоить себя. «Царь ли, Совет ли — для меня все равно. Лишь бы мое слово имело силу. Тогда — я сам царь, — подумал он и попросил слова.

— Что это мы слышим? — скривив рот, заговорил он. — Разбойников, которые в прошлом году напали на город, восславляют, а людей, которые его защищали, объявляют преступниками! Выходит, виновен полковник, виновен волостной, виновен, может быть, я, а не Эзиз Чапык и его бандиты — так, что ли? Это — болтовня. Никакое правительство не позволит, чтобы на него нападали. Хоть и нет царя, страна не без хозяина — есть Временное правительство. У Временного правительства хватит сил, чтобы заставить замолчать тех, кто вот так болтает. Я прошу гражданина представителя областного совета обратить особое внимание на мои слова.

Несмотря на то, что рабочие голосовали дружно и сплоченно, им удалось провести в городской совет только одного Чернышева. Зато Куллыхан увидел на собрании немало своих старых знакомых, — они выдвинули его кандидатуру, и он тоже был избран в совет.

Бабахан поднял руку за Куллыхана, но так ничего и не понял из того, что происходило на собрании, и на обратном пути рассуждал про себя: «Что это за депутаты — ума не приложу. Неужели они будут управлять уездом? А что будет делать подполковник Антонов? Когда были только начальник да его помощник — и то каждый тянул к себе. Что же получится, если управлять будут десятки людей и каждый потянет в свою сторону? А если и до аула дойдет эта неразбериха? Если и там будут вот такие ж депутаты?» Он так и не мог выбраться из этой путаницы и обратился к волостному:

— Ходжамурад-хан, я что-то ничего не понял в этих депутатах.

— Арчин-хан, и моя голова плохо в этом разбирается.

— Что же будет делать новый баяр Антонов?

Волостные не откликнулись. Ковылявший впереди писарь приостановился и сказал:

— Что станет делать? Будет сидеть на своем месте, а управлять уездом будем мы, депутаты совета...

— Ах, мирза-баши, и ты, я вижу, понимаешь не больше нашего. Что ж, если не умрем, сама жизнь покажет, — нашелся волостной Хуммет.

Глава шестая

Невестка-фаланга, о которой Гандым со смехом рассказывал Артыку, появилась в доме Халназара недавно. Перед тем как посватать ее, Халназар долго раздумывал и пришел к выводу, что в своем ауле никто не согласится выдать девушку за вдовца, опозоренного вдобавок бегством невесты. Тогда он решил сватать в других аулах. Расспрашивал проезжих, советовался с друзьями. Многие с похвалой отзывались о девушках из рода ангатов, живших в западном крае Теджена.

— У ангатов, — говорили Халназару, — самые лучшие девушки. Ангатки умны,

рассудительны, характера уважительного, а уж о красоте и говорить нечего! При раздаче красоты они получили двойную долю...

И Халназар послал сватов в одну из состоятельных ангатских семей.

Ангаты вначале немного поломались, ссылаясь на то, что жених вдов, но потом из уважения к имени Халназара согласились. Однако они порядком почистили его: взяли большой калым деньгами и сорок верблюдов, а сверх того — на подарки сорок шелковых халатов да на угощение сорок баранов и пять батманов риса, пять батманов кунжутного масла, пять пудов сахару и пуд зеленого чаю.

Вскоре хваленую невесту, с закрытым лицом, привезли к Халназару и ввели в кибитку Баллы. Бай проявил щедрость, устроил богатый той.

Невеста всячески старалась не показать лица друзьям жениха. Когда ее заставили снять с Баллы сапоги, она выполнила обычай, но тут же швырнула их к двери. Когда же папаху жениха вешали на жердь, ленилась подняться и снять ее.

— Ишь ты, девушка с норовом! — смеялись дружки. — Баллы-хан, как бы она не надела на тебя узду!

Но счастливый жених, сбив папаху набекрень, только самодовольно посмеивался:

— Баллы-хан не из беспомощных. Скажет жене: «Встань!» — встанет, скажет: «Сядь!» — сядет. Что тут говорить: девушка, ставшая женой Баллы, будет в его руках мягче воска.

Услышав хвастовство Баллы, невеста сердито покосилась на него из-под халата. Перехватив этот взгляд, один из парней сказал:

— Баллы-хан, не говори потом, что не слышал: твоя молодуха скоро покажет себя.

Так и вышло. Невеста, которая в дни свадьбы обеими руками держалась за края накинутого на голову халата, пряча свое лицо, вскоре показала не только лицо, но и весь свой неукротимый нрав. Ее звали Халлы-Гёзель, однако не успел состариться месяц, как все стали звать ее «невесткой-фалангой». Высокая и костлявая, с низким лбом и косматыми бровями над белесыми глазами, она действительно похожа была на фалангу. Вдобавок клыки у нее были, как у собаки, рот ящерицы, птичьи ногти, а голос — деревянный, скрипучий. Видевшие ее говорили: «У этой молодухи платье прорвется сначала на зад, потом уже на локтях и коленках...» Даже из-под двух-трех халатов резко выпирали ее кости.

Садап-бай привыкла обучать и наставлять каждую невестку, которая появлялась в доме. Но когда она вздумала поучить молодую невестку, та набросилась на нее с такой яростью, что старуха в ужасе выскочила из кибитки Баллы и схватилась за ворота:

— Каюсь, о боже, в грехах твоих! От худшего сам спаси!

Новая невестка кричала ей вслед:

— Я не маленькая, чтобы говорить «пепе» и «меме»... Если ты такая умная, поди учи свою дочь!

Не прошло и месяца после свадьбы, как Халлы-Гёзель почувствовала себя в доме полной хозяйкой. Баллы она вообще ни во что не ставила, не оказывала почтения она и свекру. Скрипучий голос новой невестки разносился по всему ряду байских кибиток, топот ног ее слышался повсюду. Женщины боялись злого ее языка, старались везде уступить место. Однажды старшая невестка, приготовив тесто для хлеба, попробовала не уступить ей тамдыр.

— Черед мой, — заявила она.

— Твой черед будет тогда, когда тамдыр освободится, — ответила Халлы-Гёзель и отшвырнула ногой ее хворост.

Старшая невестка хотела удержать ее за руку. Тогда Гёзель ухватила ее за шею и за туловище и, как это делают борцы, бросила на кучу золы, а блюдо с тестом перевернула ей на живот:

— Поганая сука! Вот тебе твой черед!

Скоро Халлы-Гёзель стали опасаться в рядах Хална-зара не только люди, но и животные. Даже верблюды, которых считали самыми дикими, начинали дрожать, когда она подходила к ним. И тем более странным казалось, что новая невестка, неизвестно из каких

побуждений, сделалась вдруг защитницей Мехинли.

Как-то Халназар принялся избивать мехинку и бил. ее до тех пор, пока она, обессилев, не перестала уже кричать. Халлы-Гёзель смотрела на бая злыми глазами и только кусала яшмак. Но в следующий раз, услышав крики избиваемой, она широкими шагами подошла к свекру и вырвала из его рук сырой толстый прут. Халназар, оторопев от неожиданности, бешено выкатил глаза на дерзкую невестку.

— Ух, подлая!.. — прошипел он, задыхаясь от гнева, и схватился за лопату.

Но молодая невестка не испугалась. Она подошла к свекру вплотную, выпятила грудь и, сорвав с губ яшмак, запальчиво крикнула:

— Если хватит смелости — бей! Не ударишь — значит, ты не мужчина!

В это время прибежала Садап-бай и вцепилась в плечо Халназара:

— Аю, отец, стыдно!

Халназар задрожал. Лопата, которой он замахнулся было на невестку, медленно опустилась. Бай невольно оперся на нее, чувствуя, что теряет силы. А дерзкая невестка приподняла своими длинными пальцами его бороду и с ядовитой насмешкой сказала:

— Погляди на свою бороду! В чем вина Мехинли? Что она — не стала есть пищу, которую ты дал, или отказалась от твоих подарков? У тебя седая борода, постыдись!

После этого никто не осмеливался задевать Мехинли даже словом, если поблизости находилась Гёзель.

А Халназар однажды позвал к себе сына и обрушился на него с проклятиями и бранью:

— Лучше бы мне умереть одиноким, чем иметь такого сына, как ты! Если ты не можешь справиться с одной женщиной, то сними папаху и надень на голову платок! Эта твоя рабыня, эта кобыла громоподобная растоптала мою честь, опозорила наш род!

Баллы съезжился:

— Что же мне делать? Вы же сами выбрали для меня такую!

— Что делать? Ребенка учи с детства, жену — смолоду. Бей! Истязай до последнего издыхания. Чтобы дрожала от одного твоего голоса! Умрет — я возьму грех на себя.

Баллы долго сидел растерянный, наконец сознался:

— Мне на справиться с ней. Я готов бежать от этой проклятой фаланги.

Халназар закричал на него, задыхаясь от гнева:

— Вон с глаз моих!

С этого дня и стали все звать Халлы-Гёзель — «Атайры-гелин», невесткой-фалангой.

Ни Садап-бай, ни Халназар, ни Баллы не могли обуздать непокорную и своенравную женщину. Халназар советовался с близкими людьми, спрашивал, что делать с непокорной, но никто не мог дать ему утешительного совета. Мамедвели-ходжа, выслушав его, безнадежно покачал головой:

— Э, бай-ага, от скверной женщины сам дракон убежал. — Он тут же рассказал сказку и заключил ее словами: — Плохую жену нельзя не убить, ни продать. Да повернет все к лучшему сам создатель! Наши отцы говорили: «От злого откупись». Ничего не поделаешь, надо во всем положиться на волю аллаха. Свалилось несчастье на голову — терпи.

Атайры-гелин стала ханшей над халназаровскими кибитками. Все обитатели их приуныли. Только забитая, бессловесная раньше Мехинли начала заметно поправляться: щеки ее пополнели, стан округлился, глаза наполнились лучезарным сиянием. Впервые после того, как бай прогнал ее на черную работу, на ней появилось старенькое полупелковое платье. И походка у нее сделалась бодрой и легкой. Когда она шла к колодцу, многие теперь заглядывались на нее.

Однажды Мехинли со страхом заметила, что и Халназару она, видимо, стала казаться привлекательной. Она потеряла покой: ночью не могла уснуть, днем боялась попадаться на глаза баю. Но в мае неожиданно вернулся Мавы. Мехинли совсем расцвела от радости и еще больше похорошела. С ее пунцовых губ уже не сходила улыбка, щеки заливал румянец, а в смеющихся глазах ее затаилось трепетное ожидание счастья.

Приезд Мавы не доставил Халназару никакой радости. Он заметил с первого же взгляда,

что его приемный сын вернулся другим человеком. Прежде вялый и робкий, Мавы имел теперь мужественный, независимый вид и смело смотрел в глаза. Здороваясь с Халназаром, он притворно улыбнулся и пристально посмотрел ему в лицо холодными голубоватыми глазами. От этого взгляда сердце бая тревожно забилося, но он решил встретить Мавы с таким же почетом, с каким провожал на тыловые работы.

— Молодец! Молодец! Поздравляю, — ласково заговорил он. — Озарены наши очи, вернулся наш сын. Вернулся Мавы, моя гордость... Садып-бай, пусть будет у нас сегодня праздник. Ах, Мавы, Мавы! Мне ни во сне, ни наяву не приходило в голову, что тебе, сыну бая, придется идти в рабочие. Не знаю, то ли я оказался слишком беспечным, то ли такова уж была судьба, но я еще не успел ничего предпринять, как тебя уже отправили. Правда, тогда на мою голову посыпалась куча несчастий. А тут моего Мелекуша поймали у повстанцев и меня чуть не причислили к этим разбойникам. Ты сам понимаешь, что могло быть: меня и сыновей могли посадить в тюрьму, могли казнить. Сам аллах защитил меня — я вывернулся из беды. После этого я сейчас же начал хлопотать о тебе. Я подал жалобу на обидевшего меня баяра-полковника прямо генералу, потом — самому губернатору. «Раз я служу царю, мой сын не должен идти на тыловые работы, его по ошибке отправили, надо его вернуть», — требовал я. Наверное, моя жалоба помогла — тебя освободили. Тысячу раз благодарение аллаху — ты жив-здоров и вернулся благополучно.

Мавы возвращался в аул сжигаемый жаждой мести. Но хотя он и видел, что Халназар нагло лжет, все же не решился что-либо возразить баю. Что-то отняло волю у обманутого батрака — то ли ласковые слова бая, говорившего чуть не со слезами на глазах, то ли чарующий взгляд Мехинли, то ли опасение за свою судьбу, а может быть, и то, и другое и третье. Чего добился бы Мавы, вступив в пререкания с хозяином? Кто встал бы на его защиту? Куда было ему идти? И не ясно ли, что в этом случае Мехинли была бы для него навсегда потеряна? Посчитаться с баем, конечно, нужно, но не лучше ли выждать время?..

Не зная, как ответить баю, Мавы потупился. А Халназар продолжал сыпать ласковыми словами: — Ты, сынок, четыре года служил мне верой и правдой, полгода пробыл на тыловых работах. То, что ты для меня сделал, не сделает и родной сын. Не придумаю, как и отблагодарить тебя. Ты, сын мой, пока отдохни, не работай, не поднимай даже хворостинки. И присмотри себе невесту. Женю тебя, поставлю кибитку. И ты достигнешь счастья, и я буду доволен. Пусть будет проклято и сиротство и одиночество! Посмотри: ты весь в грязи. Жена! Приготовь новую одежду для Мавы. Еще одну приготовь на смену. Прикажи Мехинли — пусть следит, чтобы ни пылинки не было на его одежде! Он приехал усталый, пусть отдохнет. Пусть крепкий зеленый чай и вкусная пища будут всегда подле него.

Халназар больше всего опасался, что Мавы, вернувшись, раскроет его обман, опозорит перед людьми. Видя, что Мавы совсем размяк от ласковых слов, он понял, что опасаться больше нечего. Можно даже попытаться восстановить Мавы против Артыка, которого с некоторых пор Халназар стал считать главным своим врагом.

В то время как большинство туркмен, мобилизованных на тыловые работы, было отправлено в дальние места, Мавы посчастливилось остаться на Туркестанской железной дороге. С непривычки ему первое время трудно пришлось. Не сразу свыкся он с тяжелыми земляными работами, с жизнью в грязных бараках, с необычной пищей, которую вначале не мог есть. Он отправил Халназару несколько писем, прося помощи, но ни на одно из них ответа не получил. Тяжело было сознавать, что он обманут самым бессовестным образом. Те, что пошли на тыловые работы по найму, все же как-то обеспечили семью и сами имели немного денег. Он же, кроме пятидесяти рублей, данных ему Халназаром в день отправки, не получил ничего. Мавы не раз бывал на рабочих собраниях, слышал речи о классовой борьбе, о баях и бедняках, и приехал в аул с твердым намерением рассчитаться с Халназаром за все. Но бай оказался таким приветливым, добрым. Даже когда Мавы попытался напомнить о письмах, Халназар ничуть не смутился и лицемерно ответил:

— Я четыре раза посылал тебе по сто рублей — два раза по почте и два раза через людей. Но разве в наше время можно доверять деньги почте и людям? В своем ауле нет

покая от лиходеев... — И он со слезами на глазах рассказал, как обидел и опозорил его Артык. — Сын мой, — сказал он Мавы, и голос его задрожал, — вся надежда на тебя. Нет у меня другой опоры. Баллы — слабый, несчастный человек. Он даже со своей женой не может справиться. Если и ты не отомстишь за меня, придется сойти в могилу под тяжестью несмытого оскорбления и позора...

Услышав имя Артыка, Мавы вспомнил, как тот хлестал плетью Баллы, и неприятный холодок пробежал у него по спине. Но милость «отца» была так велика, так безгранична, а сияющие глаза Мехинли смотрели на Мавы с таким ожиданием и надеждой, что он совсем растерялся. Вспомнив, что «обещание на вороту не виснет», он принялся утешать бая.

Мехинли встретила Мавы, как потерянное счастье. В уголке черной кибитки она порывисто обняла его и крепко поцеловала. Чувствуя за собой поддержку Атай-ры-гелин и помня, что сам Халназар приказал заботиться о Мавы, она перестала остерегаться халназаровой родни и не отходила от Мавы ни на шаг. Она не знала, где его посадить, чем угостить. Перед тем как заварить чай, она вытирала своим платком и без того чистый чайник, на завтрак приносила ему масло, смешанное с арбузной патокой, верблюжьих сливок. Где видел Мавы такую заботу? При каждом удобном случае Мехинли прижималась к нему, горячо дышала в его желтоватые усы. Какое для Мавы счастье! «Оказывается, после голода бывает изобилие, после испытаний ~ исполнение желаний», — думал он. И в то же время его радость отравляла тревожная мысль: «Что же это такое! Я — сын Халназара или возлюбленный его жены? То и другое — несовместимо». Несколько дней он раздумывал об этом и решил поделиться своими сомнениями с Мехинли.

— Майса моя, — печально заговорил он. — Халназар-бай — мой отец. Ты — его жена.

Мехинли рассмеялась:

— Ты разве не понимаешь, какой он мне муж, а тебе — отец?

— Это понятно.

— Что ж ты хочешь сказать?

— Он хочет женить меня, велел искать невесту. Но сердце мое — с тобой. Как же быть?

Мехинли обняла Мавы и прижалась щекой к его щеке.

— Пока жива, не отдам никому! — с жаром проговорила она.

— А Халназар?

— Халназар-бай. для меня не лучше нашего пса Алабая.

— А что скажут люди?

— Пусть что хотят, то и говорят.

— А если узнает Халназар?

— Пусть... Кто же, войдя в воду, стесняется своей наготы? Довольно мне ходить с опущенными глазами! Взойдет луна — весь мир ее видит.

— Майса моя, тогда нам нельзя здесь жить.

— Мавы, милый! Ведь ничто нас не привязывает к этому дому. Разве мало места на земле? Уйдем! Хуже, чем здесь, нигде не будет.

Мавы прижал Мехинли к груди и покрыл ее щеки горячими поцелуями.

— Майса моя, ты успокоила мое сердце! С этой поры считай, что я здесь только ради тебя. Ты — моя и я — твой. Что суждено, пусть будет суждено нам обоим. Но я прошу тебя: будь осторожна, нашу любовь надо пока скрывать от всех.

Мехинли согласилась, но тут же подумала: «Вряд ли удастся уберечься от глаз Атайры-гелин».

Вскоре Халназар призвал к себе Мавы и спросил:

— Ну что, сынок, нашел себе девушку по сердцу? Или тебе понравится та, которую я выберу? Говори — чью дочку тебе привезти?

Мавы сказал то, что было больше всего по душе Халназару:

— Отец, стоит ли сейчас думать о тое? Время теперь беспокойное... Мне кажется, со свадьбой можно и подождать.

— Молодец, сынок, такого ответа я и ожидал от тебя!

Глава седьмая

Трудное лето и часть осени семнадцатого года Артык прожил в ауле у дяди, помогая ему в хозяйстве. Жизнь дейхан, их невзгоды и горести снова окружали его. Часто бывал он в своем ауле, присматривался к знакомым людям, слушал разговоры и недоумевал: говорят о свободе, но где она? Где ее свет? В чем разница между настоящим и прошлым дейханина?

Хотя царь и был свергнут, государственные учреждения остались в руках прежних чиновников, а в аулах по-прежнему хозяйничали старшины, волостные, баи. Дейхане не видели большой разницы между царским правительством и правительством Керенского. Изменились лишь некоторые названия: начальник уезда стал называться уездным комиссаром, но управлял он с помощью все тех же людей. И налоги в аулах, вероятно, собирались бы так же, как при царе, только нечего было взять у дейханина — год был голодный.

Годами разоряемые, голодные дейхане собирались толпами и в поисках пропитания бродили из аула в аул. Некоторые шли в город, стояли в очередях за хлебом, брались за любое дело. Иные, отчаявшись, вооружались дедовскими кривыми саблями или просто палками и принимались за грабеж. Те, кому иногда удавалось ночью вскрыть байскую яму с зерном, обеспечивали себя хлебом на некоторое время, но при неудаче они платились головой. Были и такие, что нападали на почту.

В городе росло число спекулянтов и контрабандистов. Люди, привыкшие добывать деньги легко, ничего не делая, искали новых способов наживы. В Теджене, как и в других городах Закаспия, вскоре после Февральской революции начали создаваться кооперативы. Нашлись ловкачи, которые заглазно записывали в кооперативы неграмотное население аулов, получали по книжкам продовольствие, мануфактуру, обувь. Дейхане голодали, а жулики и спекулянты наживались на продаже продовольствия и товаров, получаемых через кооперативы по твердым ценам.

Однажды друг Артыка, Черкез, пришел в Теджен и попал в кооператив как раз в тот момент, когда Куллы-хан и Ташлы-толмач, не поделив чьих-то книжек, ссорились, как собаки из-за кости.

— Тебе мало дейхан своего аула, — кричал переводчик, — ты записал на себя и моих? Вычеркни их!

Писарь протестовал:

— Какие это твои дейхане? Рабов теперь нет. Кого хочу, того и записываю. У себя вычеркивай!

— Ты же с Кяля, а лезешь к «Бекам»!

— Мне нужны живые души для книжек, понимаешь? А какого они будут роду-племени, мне дела нет. А ну, вычеркни «Беков» из его списка! — крикнул Куллыхан председателю кооператива.

— Нет, он не вычеркнет!

— Ты, усы — крысиный хвост, не очень-то зазнавайся!

— Я тебе, хромая собака!..

Ташлы и Куллыхан с кулаками бросились друг на друга. С полком со звоном полетели бутылки. Стоявший на улице напротив кооператива милиционер засвистел. Тут подоспел Бабахан и стал разнимать их. Писарь через голову старшины успел еще раз хватить кулаком своего противника. С трудом поняв, из-за чего началась ссора, Бабахан заговорил укоризненно:

— Тыфу, что за люди! А еще считают себя учеными. Вам нужны имена людей? Берите в руки карандаши. Я найду для каждого столько, что и со счета соьбетесь, Не хватит имен аульных дейхан, — можно записать скотоводов в песках.

Черкез, наблюдавший ссору со стороны, покачал головой:

— Видно вот о таких и говорят: «Пахарь отказался от джугары, а воробьи не поделят ее».

Бабахан грозно посмотрел на него:

— А ты что понимаешь в этих делах? Ну-ка проваливай отсюда!

От Черкеза о проделках городских кооператоров узнал весь аул.

Жар знойного лета уже спадал, веяло дыханием осени. Летучий караван облаков, не показывавшихся с самой весны, медленно проплывал в ясном небе, по земле бежали густые тени. Легкий ветерок доносил в аул запах гребенчука, дикой акации и полыни. На месте обычных сборищ расположилась группа дейхан. Лежа на боку, они чертили пальцем пыльную землю и с задумчивым видом вели неторопливую беседу.

— Так, значит, Черкез-ага... Говоришь, начали отпускать и для нас продукты, да только расходятся они по рукам городских узкоштанников?

— И я слышал. Говорят, выдают будто такие маленькие книжечки, и по ним можно брать в лавке и хлеб, и сахар, и чай — как молоко у коровы.

— Да, а вот как добыть эти книжечки, если из-за них Куллыхан и Тошлы-толмач горло друг другу рвут?

— Такая уж у дейханина доля сиротская. Всяк его обжулит, обманет, а жаловаться не смей.

— Выходит, от этой ревлююсы тоже добра не жди.

— А сколько наобещали! Я слышал, на одной сходке в городе, один из этих, в узких штанах, говорил: правительство уберет старшин и волостных, даст права народу, уравниет богатых и бедных...

— Э, что там говорить! Новое правительство, видать, тоже баи купили.

Черкез вмешался в разговор:

— Наши отцы не знали нерешительности и страха. Например, они говорили: «Это не кибитка! Разрушим ее и поставим шалаш. Хоть шалаш—да новый!» Так и мы можем сказать: «Это не жизнь. Если нельзя ее исправить, надо разрушить!» Будем ждать, пока о нас кто-то позаботится, все с голоду помрем». Недаром говорят: «Чем спать, лучше стрелять». Надо покончить с чиновниками, пока они не покончили с нами!

Артык подхватил слова Черкеза:

— Вот это правильные слова! Надо опять напасть на правителей!

Некоторые невнятно проговорили: «Да, так бы и надо сделать». Но большинство дейхан молчало. Они еще помнили неудачу прошлогоднего восстания.

На следующий день Артык с утра направился к старшине Бабахану.

Бабахан по одному только виду Артыка почувствовал, что пришел он не просить, а требовать, может быть — мстить. Но за что? За своего гнедого? Или за то, что его держали шесть месяцев в тюрьме? И старшина решил обезоружить Артыка своей обходительностью. Не успел Артык сесть, как перед ним уже стоял чай, сахар и сладости.

— Артык, поздравляю тебя, братец! — начал Бабахан, и на лице его появилась самая любезная улыбка, какою он не часто встречал гостей. — Говорят: лучше поздно, чем никогда. Хоть минуло немало дней с тех пор, как ты вернулся, свидеться нам не пришлось. Все думал — надо сходить, поздравить, поговорить о житье-бытье, но — будь проклята эта служба! — забот много. Оторваться никак не могу. Когда я увидел, что тебя отправляют в тюрьму, у меня сердце упало. По правде говоря, не надеялся, что ты вернешься... Да, слышал, что ты женился. Было у тебя два глаза — стало четыре! Одним словом, хан мой, ты настоящий волк — выхватил невесту у Халназар-бая из-под самого носа!

Артык по бегающим глазам Бабахана понял, что все это — сплошное лицемерие, что старшина считает его простодушным малым, которого легко расположить к себе. Но вскоре Бабахан заметил, что Артыка не обманешь. Поэтому он решил подойти с другого конца.

— Артык, ты, хан мой, натерпелся мучений. Да зачтутся они тебе на том свете! Ты женился — и, конечно, поизрасходовался. Тебе нужна помощь. В чем ты нуждаешься? Говори без стеснений. У Бабахана найдется чем помочь. Я уже заранее приготовил для

твоего свадебного тоя двух баранов да вьюк пшеницы. А помимо этого — что захочешь...

«Два барана, вьюк пшеницы и сверх того — что захочешь...» Что за щедрость! В нынешнее голодное время кому такое приснится? Ведь это хлеб и мясо на три-четыре месяца. Кто же откажется от такого добра? Можно обрадовать мать, похвалиться удачей перед молодой женой да еще уделить кое-что от дарового хлеба такому бедняку, как Гандым. Какое счастье выпало на долю Артыка!..

Но не так думал Артык. «Поешь сладко, да горька будет отрыжка. Овца, отбившаяся от стада, становится добычей волка. Нет! Не нужно мне ни добычи хитрой борзой, ни вони ее». — И он, спокойно взглянув старшине в глаза, отказался от его дара.

— Арчин-хан, спасибо — мне ничего не надо. Я как-нибудь проживу. Но дейхане голодают. Если можешь, хоть немного помоги им!

Стрела, пущенная старшиной, попала не в дичь, а в камень, и от звука ее удара дрогнуло сердце Бабахана. Кровь его вдруг вскипела от гнева и ему хотелось сказать: «Терпишь — ну и терпи, твое дело!» Если б это было время, когда он отправлял Артыка под конвоем в тюрьму, он бы сказал и порезче. Но теперь нельзя. Теперь просишь охраны — не допросишься, а получишь — она ни на что не годна. Дейхане действительно голодны и обозлены, обидишь одного — все разнесут и разграбят. А кому жаловаться? Кто защитит? Уж не Антонов ли, у которого подрезаны крылья? Или комитет, которого и в городе не слушают?.. От этих мыслей гнев Бабахана перешел в скорбь, и он с видимой озабоченностью и печалью в голосе стал объяснять свое положение.

— Ах, что и говорить, мой сын-хан! Как подумаешь о положении бедного народа — хлеб застревает в горле. Хоть возьми изо рта и отдай. Но что толку, если я отдам даже все, что имею? Ведь это все равно, что толокно замешать в реке. Тут нужны серьезные меры. Горе народа — мое горе...

Артыку уже было невмочь слушать болтовню Бабахана, и он прервал его:

— Арчин-хан, а говорят, для голодающих дейхан уже отпущен хлеб.

— Ах, если б это было так, братец, разве я первый не сообщил бы эту радостную весть народу?

— А вот в кооперативных лавках что-то дают.

— Это, друг мой, только для жителей города. Да и то дают там поименно, по членским книжкам и самую малость. Как говорят дети — дал попробовать, да спрятал.

— А говорят, каждый мирза, каждый толмач имеет по сотне таких книжек.

— Это такая же болтовня, как и слух о том, что в Тедженке появилась вода.

— А еще говорят, что Бабахан-арчин продал имена жителей своего аула узкоштанникам. Это правда?

— Что, что?

— Говорят, что в городе торгуют именами людей! Что Бабахан-арчин наживает на этой торговле!

Выражение лица старшины сразу изменилось. Вены на шее у него вздулись, морщины на лбу пришли в движение, черные глаза уставились на очаг. Он хрустнул пальцами, откашлялся и в замешательстве плюнул на ковер. Потом спросил сдавленным голосом:

— Артык, ты говоришь это шутя или серьезно?

— Арчин-хан, разве торговля людьми — шутка?

— Кто же это торгует людьми?

— А когда Ташлы-толмач подрался с Куллыханом, кто дал им в руки карандаш и сказал: «Пиши»?

— Артык, ты не придирайся к тому, чего нет, скажи сразу: что у тебя на сердце? Если ты считаешь, что я виновник того, что тебе пришлось шесть месяцев отсидеть в тюрьме, скажи прямо. Я тебе не игрушка, я все же арчин!

Артык сдвинул брови и хмуро посмотрел на старшину:

— Арчин-хан, зачем виляешь? Если за тобой нет вины, почему не говоришь спокойно?

— Я не хочу больше разговаривать.

— Ах, вот как! Тогда слушай: я пришел спросить у тебя отчет о тех проданных людях.
— Ты не стоишь надо мной, и я тебе не обязан давать отчет.
— Нет, я теперь господин над тобой! — крикнул Артык. Голос у него задрожал.
— Жаль, что ты под моей крышей. А то я знал бы, как ответить тебе!
— Тогда выйдем отсюда!

Когда они оба, дрожа от злости, вскочили с мест, перепуганная жена Бабахана Набат завопила:

— Увы, горе мне! Э! Слышишь, тебе говорю: опомнись! Артык-джан, сынок, не связывайся с ним! Слышишь?... Эй, люди! Спасите! Они убьют друг друга! Эй, помогите!

Едва Артык и Бабахан вышли за дверь, как откуда-то появился Сары. По возбужденному виду мужчин и крикам Набат он сразу понял, что дело тут не в простой драке. Сары приветствовал хозяина дома. Бабахан угрюмо ответил ему. Потом Сары почти насильно втолкнул обоих в кибитку, усадил их и постарался все обратить в шутку.

— Что это у вас тут произошло? — спросил он.

Артык, кажется, еще нет морозов, — почему ты дрожишь? Арчин-хан, и тебя как будто знобит?

— Нет, это у него лихорадка, — угрюмо ответил старшина. — Я хотел дать ему лекарство, да ты помешал.

— Лекарство от моей лихорадки — забить тебе зубы в глотку! — отрезал Артык и угрожающе поднялся.

Набат вновь закричала:

— Ай-ую!.. Сары-ага, отец сегодня не в своем уме. Уговори Артыка, пусть оставит его.

Сары поспешил успокоить Артыка. Узнав о причине ссоры, он вдруг объявил старшине, что пришел по тому же делу. В конце разговора он тоже вскипел и сказал:

— Арчин-хан! Не один Артык, не я один — все требуют от тебя отчета!

Старшина молчал, словно лишился языка. Он ухватился всей пятерней за подбородок и опустил голову. Видя, что толку от него не добиться, Артык вышел из кибитки и направился прямо в город.

Глава восьмая

Чернышев давно ждал Артыка и встретил его упреком: разве так поступают друзья? Артык с укоризной посмотрел на него:

— Иван, не тебе, а мне надо обижаться. Мы — друзья. Я приходил к тебе сто раз, а ты — ни разу! Я женился, а ты даже не приехал поздравить меня. Если не хочешь меня обидеть, приезжай в гости, иначе больше не приду к тебе.

Иван Тимофеевич рассмеялся и похлопал Артыка по плечу:

— Ладно, Артык, договоримся так: ты не обижайся, и я не буду обижаться. Приезжать в гости хорошо, когда у хозяев есть чем угостить. А твое нынешнее положение мне известно.

— Нет, Иван, ты не знаешь. Мне дядя немного помогает, и Меред, отец Айны, не забывает. Так что хлеб у меня пока есть. Мясо и рис для плова тоже найдутся.

— Артык, раз тебе хорошо — и мне хорошо. Я с удовольствием приехал бы к тебе в аул, да ведь знаешь — я не вольный человек, служащий.

— Может быть, на неделю-другую возьмешь разрешение у своего начальника?

— Нет, Артык, сейчас не время разгуливать. В ближайшие дни нужно ждать крупных событий. Для нас теперь каждый день дорог.

— Каждый день дорог — верно! Иван, ты хорошо сказал. Надо и мне пользоваться этим временем. Хотя царь и свергнут, мы не избавились от его подлых слуг. Я чувствую, что у них нет теперь прежней силы, и нам надо еще раз напасть на них. Иван, ты что думаешь об этом? Что посоветуешь?

Чернышов нахмурился и неодобрительно покачал головой:

— За этим советом, Артык, надо было обратиться ко мне в прошлом году, до восстания.

Но ты этого не сделал. Если б ты посоветовался со мной, ты не спутался бы с Эзизом и не дал бы себя обмануть. Тогда у вас, не было бы столько напрасных жертв, и Василий Карташов не потерял бы сына.. — Он умолк, задумчиво глядя в одну точку, словно охваченный тяжелыми воспоминаниями. До него уже дошли слухи, что сын Василия Дмитриевича погиб от руки кого-то из отряда Артыка.

Упоминание имени Карташова взволновало Артыка. Потупив глаза, он молчал некоторое время, затем поднял голову и сказал:

— Иван!.. В этом я виноват!

Он хотел рассказать, что произошло на железной дороге возле разъезда Душак, но Чернышов перебил его:

— Восстание, революция не бывают без жертв. Вам недоставало правильного руководства, ваше восстание началось преждевременно. Но то, что ты сегодня пришел ко мне за советом, меня радует. Лучше поздно, чем никогда. Если бы три месяца назад ты спросил меня, можно ли начинать восстание, я сказал бы: нельзя. Но теперь и обстановка в стране изменилась и отношение к Временному правительству со стороны рабочих и крестьян стало другим. Наша партия большевиков готовится к тому, чтобы вырвать власть из рук богатых и передать ее в руки тех, кто живет своим трудом. Не сегодня-завтра в России начнется новая, рабочая и крестьянская революция.

Артык не совсем хорошо понял Ивана, но почувствовал, что он говорит о каких-то больших переменах в жизни. Чернышов рассказал о политике правительства Керенского, которое стремилось любыми средствами остановить народную революцию и продолжает бессмысленную войну, вместо того чтобы вернуть миллионы солдат к мирному труду; об июльской демонстрации рабочих и солдат в Петрограде, расстрелянной юнкерами; о заговоре генерала Корнилова; о крупных столкновениях рабочих с корниловцами в Баку, в Ташкенте и растущем возмущении народа. И только после этого ответил на поставленный Артыком вопрос о восстании.

— Артык, твои намерения я одобряю. От нынешнего правительства вы, дейхане, ничего хорошего не добьетесь. Надо сваливать его. Только правительство рабочих и крестьян, избранное самими народом, даст вам землю и воду, все человеческие права и освободит от вековой кабалы. Ты, как можешь, разъясни это в своем ауле и готовь своих дейхан к восстанию. Но помни, друг, надо подняться вместе с нами, городскими рабочими, в один день и час. Почаще бывай у меня — будем советоваться....

После того как Артык получил ответы на интересовавшие его вопросы, он заговорил о кооперативе и воровской шайке. Ивану Тимофеевичу было ясно, что надо заняться этим делом, разоблачить воров.

Не успел еще Чернышов ответить Артыку, как вошел Молла Дурды. Увидев Артыка, Дурды обрадовался и крепко пожал ему руку. Зная, что Артык может заглянуть к Чернышову, он как раз шел предупредить об опасности, вновь угрожающей его молодому другу. Дурды рассказал, что он был в кооперативе и случайно слышал разговор о том, что Бабахан и Ходжамурад опять добиваются ареста Артыка.

Артык потемнел, кровь ударила ему в голову. «Тот, кто бьет первый, бьет в десять раз сильнее. Надо опередить их», — подумал он и решил действовать.

— Молла Дурды, — спросил он, — ты мне покажешь, где кооператив?

Поняв намерения Артыка, Дурды уже начал раскаиваться в том, что, может быть, слишком преувеличил опасность, но тут же подумал: «А чего ждать? Артык прав».

— Кооператив недалеко, могу проводить тебя, — согласился он, однако же возразил:—А стоит ли с ними связываться? Не лучше ли вот здесь обдумать, как поступить?

— Пусть трусливый раздумывает! — решительно проговорил Артык и поднялся. — Пойдем!

Чернышов счел нужным предостеречь его.

— Артык, — сказал он, кладя руку ему на плечо,— не горячись! Береги себя для более важных дел. Прошу тебя, будь осторожнее. Я сейчас тоже приду.

— Иван, я понимаю, что ты хочешь сказать, — спокойно отозвался Артык. — Я считаю тебя своим старшим братом. Твой совет — закон для меня. Дурды, пошли!

Когда они скрылись за дверью, Чернышов заговорил с женой.

— Смотри, какой парень, — сказал он с беспокойством, но в то же время с оттенком одобрения. — Тюрьма нисколько не сломила его. Артык — огонь. Уж если он заберет себе в голову что-нибудь, — ничем не вышибешь. Впрочем, настоящий человек таким и должен быть. Но он пока один такой. Плохо еще мы работаем, не умеем повести за собой массу дейхан. Да и совет наш — одно название. Один мой голос много ли значит?.. Ну, ничего, время работает на нас и будущее будет наше, я в этом уверен!

— Салям! — поздоровался Дурды, входя в кооператив вместе с Артыком, и обратился к председателю: — Мы представители дейхан из аула Гоша. Говорят, что вы передаете заборные книжки на наших дейхан чиновникам волостного правления, а те получают по ним продукты. Мы хотели бы это проверить и просим показать нам списки членов кооператива.

Председатель высокомерно взглянул на них и ответил:

— Список я вам показывать не обязан. А товар отпускается тому, у кого в руках членская книжка.

Из этого ответа Артык понял, что перед ними пособник воров. И все же он подавил в себе закипающий гнев.

— Хозяин, — проговорил он тихим, спокойным голосом, — мы не съедим твоего списка. Мы хотим только посмотреть имена.

— Я сказал — кончено!

— Хозяин, так не делают.

— Сколько раз говорить! Список не покажу.

— Покажешь! — вдруг крикнул Артык и ударил кулаком по столу.

Председатель вздрогнул. Пенсне на его толстом носу съехало набок, волосатые пальцы нервно задержались.

— Ах, ты орать? — захрипел он, поднимаясь со стула. — Вон отсюда, негодяй, пока я не вызвал милицию!

Артык шагнул к нему, схватил за шиворот и занес кулак над головой:

— Не покажешь по-хорошему, разнесу всю твою контору! Ты хочешь, чтобы стыдно было не тому, кто украл, а тому, кто поймал вора? Сейчас же давай сюда список!

Председатель пригнул голову, зажмурился, ожидая удара, а когда Артык опустил его, сел и угодливо заулыбался:

— Я... пошутил... Решил проверить, кто вы. Пожалуйста, пожалуйста!.. Вот список. Чьи имена нужны — выбирайте. А не разберете, я помогу... Если нужно товару какого — пожалуйста! Есть хороший зеленый чай...

С помощью Дурды Артык наскоро проверил список. Только по аулу Гоша они нашли несколько десятков имен. Артык спросил:

— Где книжки этих людей?

— Вот, например... у Куллыхана... у волостного Ходжамурда...

— Ты можешь отобрать их и передать нам?

— Мне не удастся. Это можно сделать через ревизионную комиссию.

Артык не знал, что это такое, да и времени ему терять не хотелось, и он обратился к Дурды:

— Пойдем искать хромого мирзу.

Молла Дурды заколебался и после короткого раздумья сказал:

— Артык, меня и так преследуют эти люди. Если я приведу тебя, мне и вовсе житья не будет. Что, если отложим на день?

— Нет! Нельзя откладывать и на час. Если боишься, покажи мне его дом и уходи.

Когда Артык вошел к хрому писарю, тот в компании с Бабаханом заканчивал составление доноса на «разбойника Артыка Бабалы». При виде Артыка у старшины глаза полезли на лоб. Куллыхан же попытался скрыть свое замешательство.

— А, джигит! Заходи, — растерянно начал он и, даже не ожидая обычного приветствия, сразу спросил: — Что скажешь хорошего?

Артык, не медля, не раздумывая, приступил к делу:

— Что скажу? Скажу вот что: вы получили в кооперативе книжки на дейхан нашего аула. Вы уже, кажется, по горло сыты, теперь сдайте их нам.

— Какие такие книжки?

— Куллыхан, нечего притворяться!

Хромой писарь сделал вид, что не узнает Артыка.

— Арчин-хан, кто этот наглец?

Бабахан проговорил сдавленным голосом:

— Ты его знаешь. Это Артык Бабалы из аула Гоша.

— А, так этот тот самый молодчик, который считает, что ему мало отсидки в ашхабадской тюрьме, и продолжает сеять смуту в твоём ауле? Очень хорошо! Хорошо, что ты сам пришел, Артык Бабалы. Тебя как раз хотели разыскивать.

— Куллыхан, я сам прихожу туда, где меня желают видеть! И даже — где не желают.

— Ну, кончай разговор! Что еще хочешь сказать? Артык без приглашения уселся под самым носом

хромого писаря и насмешливо улыбнулся:

— Что будет потом — увидим, а сейчас давай-ка мирза, закончим наши дела.

Куллыхан свирепо посмотрел на Артыка:

— Кто ты такой, чтобы требовать у меня отчета?

— Я не хочу чужого. Я требую только, чтобы ты отдал кооперативные книжки дейхан моего аула.

— Гм, требую... У меня сегодня времени нет. Приходи завтра с утра.

Долго сдерживаемый гнев готов был прорваться. Артык покраснел, придвинулся поближе к писарю и с угрозой спросил:

— Так, значит, не дашь?

— А убирайся ты к черту! Тебе сказано! Завтра придешь — поговорим:

Артык, не помня себя, размахнулся и ударил писаря кулаком. Куллыхан упал на ковер, схватился за кобуру. Не успел он подняться, как Артык дал ему несколько пинков в спину, вырвал револьвер и положил себе в карман. Затем он схватил писаря за шиворот, одним взмахом посадил его и дал такую затрещину, что у Куллыхана из носа хлынула кровь. Когда Артык повернулся, чтобы разделаться и с Бабаханом, того и след простыл.

— На помощь! Эй, люди! Милиция! — кричал он, пробегая мимо окна.

Глава девятая

Наступила осень семнадцатого года. Повсюду в России, не по дням, а по часам, как разгорающееся пламя, нарастал новый подъем революции. Попытки генерала Корнилова двинуть на Петроград войска с фронта, чтобы залить кровью революционный пожар, разгромить Советы и создать правительство военной диктатуры, закончились полным провалом. По призыву Центрального Комитета партии большевиков красногвардейские отряды и рабочих совместно с революционными воинскими частями и тысячами прибывших из Кронштадта матросов встали на защиту столицы и дали сокрушительный отпор генеральской контрреволюции. Заговор корниловщины открыл глаза народу, со всей очевидностью показал предательскую роль и правительства Керенского и запутавшихся в плену у буржуазии эсеров и меньшевиков. В то же время стало очевидным, что партия, руководимая Лениным, партия большевиков, выросла в решающую силу революции. Меньшевики и эсэры все больше теряли влияние в массах, и все чаще рабочие и солдаты, переизбирая своих депутатов, отдавали свои голоса представителям большевистской партии. 31 августа Петроградский совет большинством голосов одобрил политику большевиков, 5 сентября на сторону большевиков перешел Московский совет. Всюду в Советах

руководящая роль переходила к большевикам.

С каждым днем росло влияние большевистской партии и в широких массах крестьянства. После разгрома корниловщины и миллионы беднейших крестьян начинали понимать, что только большевики и Советы, подавив контрреволюцию генералов и помещиков, способны избавить их от бедствий войны и наделить землей. Всюду, где существовало помещичье землевладение, крестьяне самовольно захватывали и распахивали помещичьи земли, и никакие карательные меры Временного правительства не могли уже остановить этого движения.

Буржуазное правительство Керенского обнаруживало все свое бессилие перед надвигающейся новой волной народной революции. Всем ходом революционных событий был поставлен на разрешение вопрос о переходе власти в руки рабочих, солдат и беднейшего крестьянства, с новой силой зазвучал лозунг большевистской партии: «Вся власть Советам»!

События в центральной России находили живой отклик в Закаспийской области, как и во всех далеких уголках огромной страны. Рабочие, выступившие вначале с требованиями повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и установления на предприятиях рабочего контроля, все чаще бросали работу и выходили на демонстрации, протестуя против политики Временного правительства. Нередко волнения вспыхивали и в аулах. Голодные дейхане, не видя иного выхода, из положения, то вскрывали ямы с зерном кого-либо из своих баев и делили зерно между неимущими, то поднимали шум, пытаясь не допустить вывоза зерна скупщиками, а то и нападали на какой-нибудь караван с казенным зерном. Из России начали возвращаться люди, мобилизованные на тыловые работы: они уже многое повидали, побывав в революционных центрах страны, многое восприняли от русских рабочих, по народной поговорке, могли уже «отличать белое от черного» и приходили в аулы с новыми мыслями и намерениями.

Необходимо было возглавить революционное выступление не только рабочей, но и дейханской массы, дать им правильное направление. Но в областном и уездном советах руководящее положение занимали эсеры, меньшевики и буржуазные националисты. В Ашхабаде организатором и руководителем небольшой группы большевиков был солдат Яков Житников. В мае вся организация большевиков состояла там из десяти человек. А к осени большевистские организации существовали уже в Чарджоу, Кизыл-Арвате, Красноводске, Байрам-Али, Мары и в некоторых других местах. Слабы еще были эти организации партии большевиков в Закаспии, но велика была сила большевистских лозунгов, и комиссарам Временного правительства не удавалось подавить растущую революционную активность масс.

В первой половине сентября в Ташкенте революционные рабочие и солдаты подняли восстание и на грандиозном митинге избрали Революционный комитет. Ревком в течение нескольких дней удерживал власть в своих руках, пока сопротивление рабочих и солдат не было сломлено двинутыми на Ташкент правительством Керенского карательными войсками под командованием генерала Коровенченко и его помощника графа Доррера.

Весть о событиях в Ташкенте в первый же день восстания дошла до Ашхабада, и ашхабадские большевики Житников, Молибозко, Батманов выступили на рабочих и солдатских митингах с призывом свергнуть власть комиссаров Временного правительства. Представители ашхабадской организации большевиков выехали в Кизыл-Арват и в пограничную крепость Кушку, чтобы и там поднять рабочих и солдат на борьбу за власть Советов.

Устроили митинг и тедженские большевики. В городе было мало рабочих и солдат, на митинг собрали и дейхан, приехавших по своим делам из аулов. Артык и халназаровский Мавы в этот день случайно оказались в городе и тоже пришли на митинг. Когда оратор рассказал о событиях в Ташкенте, Мавы, захваченный общим подъемом, крикнул вместе с другими:

— Долой Временное правительство! Долой его комиссара! Да здравствует власть рабочих и дейхан!

Крикнул — и смущенно повел глазами вокруг себя: это впервые он раскрыл рот в присутствии стольких людей. Его мысленному взору тотчас же представился Халназар. Мавы показалось, что бай смотрит на него злобно, с ненавистью, и от этого взгляда точно озноб прошел по его телу. Как всегда, желая умиротворить бая, Мавы мягко улыбнулся, но вдруг, словно чем-то ободренный, поднял голову и громко крикнул:

— Долой бая! Долой Халназара!

Его голос потонул в общем гуле голосов, наперебой повторявших боевые лозунги революции.

Повсюду росла боевая активность масс. Местные комиссары Временного правительства, эсеры, меньшевики, буржуазные националисты не останавливались ни перед какой подлостью и изменой, не пренебрегали никакими средствами для того, чтобы расстроить и подавить эту активность. Они готовились применить карательные меры против большевистски настроенных рабочих и на всякий случай вооружали своих сторонников.

Великая Октябрьская революция потрясла всю страну.

С быстротой молнии облетели Россию гениальные слова Владимира Ильича Ленина, восторженно встреченные днем 25 октября депутатами Петроградского совета:

«Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

В Туркестане, как и в некоторых других окраинных областях России, контрреволюционные офицеры и юнкера-корниловцы, правительственные чиновники, кадеты, правые эсеры и местные буржуазные националисты ответили на победу социалистической революции вооруженной борьбой против Советов.

Была последняя ночь октября. На открытой площадке тедженского клуба железнодорожников шло многолюдное собрание. С докладом по текущему моменту выступал приехавший из Ашхабада член областного комитета партии большевиков Николай Артамонов. На этот раз среди собравшихся были вооруженные люди: несколько солдат из местного гарнизона с винтовками и примкнутыми к ним штыками, десятка два рабочих с берданками или револьверами. Тут же сидел Мавы, как видно впервые державший в руках берданку, а в толпе у забора стоял, тоже вооруженный, Артык; на поясе у него была прицеплена кобура с наганом и шестью патронами в барабане.

На противоположной стороне площадки, самым крайним в ряду, сидел хромой писарь волостного правления Куллыхан. В последнее время он стал выдавать себя за сторонника большевиков, и из всех присутствовавших на собрании только один Артык хорошо знал, что это был волк в овечьей шкуре. Куллыхан старался не попадаться на глаза молодому дейханину. Повернув ухо в сторону докладчика, он, казалось, внимательно слушал, но черные глаза его беспокойно бегали по лицам толпившихся возле площадки людей. Можно было заметить, что он делал кому-то знаки ближе подвигаться к столу президиума. С краю стола сидел Карташов. Он видел знаки хромого писаря, но не придал им большого значения, — Куллыхан заявил о своей преданности новой власти, считался «своим» человеком.

Ночь была ясная, но безлунная. Сумрак густел. Повеяло ночным холодком, и люди, одетые еще легко, по-летнему, поеживались от легкого озноба. Но перейти в зимнее помещение клуба не представлялось возможным: там шел ремонт. Собрание продолжалось под открытым небом, освещаемое лишь спокойно мерцающими крупными звездами. Тихо и мирно было вокруг, не слышалось даже паровозных гудков, обычно доносившихся со стороны станции.

В тихом сумраке ночи отчетливо звучал голос докладчика:

— ...Петроградские рабочие, солдаты и матросы дали нам великий пример того, как надо бороться за права народа. Под руководством партии большевиков и нашего вождя Ленина они восстали с оружием в руках и добились победы. Буржуазное правительство Керенского свергнуто, его министры арестованы. Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, выполняя волю громадного большинства народа, взял власть в свои

руки. В своем первом же обращении к народу съезд объявил: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Товарищи, власть Советов — это ваша, рабочая и дейханская власть. Она хорошо понимает нужды народа и ставит перед собой задачей немедленно улучшить положение всех трудящихся. Съезд Советов как верховный орган этой власти уже принял ряд неотложных законов, удовлетворяющих великие чаяния народа: он принял декрет о мире, дав наказ рабочему и крестьянскому правительству России обратиться ко всем воюющим народам и их правительствам с предложением начать немедленные переговоры о справедливом мире; он принял декрет о земле, по которому все земли обращаются во всенародное достояние и право на пользование землей получают все граждане Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом. И наконец, на последнем своем заседании съезд Советов избрал новое, рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Ульяновым-Лениным...

Оживленный гул голосов прервал речь докладчика. С разных сторон раздались восторженные крики:

— Да здравствует власть рабочих и дейхан!

— Да здравствует Ленин!

Мукомол Керим поднялся во весь свой могучий рост и, заглушая все другие голоса, крикнул:

— Народ! Да озарятся очи твои!

Рядом с ним появился рабочий хлопкового завода Герасимов. Он ухватился за руку мукомола и что-то кричал ему на ухо.

Мавы под впечатлением сообщений докладчика размечтался. Мысли беспорядочным роем пронеслись у него в голове: «Ах, если земля и вода будут разделены поровну, ведь и мне может достаться доля! И вдруг я стану человеком со своим паем воды и наделом земли?.. А Халназар-бай согласится на это?.. Ну, а если даже не будут считаться с ним и скажут: вот твоя земля, — чем я буду ее обрабатывать?.. Но, может быть, быков и лошадей таких баев, как Халназар, тоже поделят между батраками и неженатыми?.. Халназар, конечно, скорее подохнет, чем согласится поделиться своим богатством с такими, как я... А мне-то что — пусть подышает! Разве он добровольно отдаст что-нибудь, не пролив крови!.. Ах, о чем я беспокоюсь? Раз власть теперь наша, а в руках у меня вот это грозное оружие — что для меня Халназар-бай? Теперь я могу свалить его одним щелчком; стоит только нажать пальцем вот этот крючок — и он повалится, как мешок зерна с верблюда, когда подрежут веревки...»

— Враги революции, — продолжал между тем докладчик, — пытаются еще оказывать сопротивление. Керенский, которому удалось избежать ареста, двинул на столицу юнкеров и казаков-корниловцев. Советское правительство, как говорится во вчерашней телеграмме, бросило на защиту Петрограда воинские части и боевые суда Балтийского флота. Юнкера подняли мятеж и в Москве. В Ташкенте уже четвертый день идут уличные бои. Возможно, что попытки контрреволюционных выступлений будут и у нас, в Закаспийской области. Но трудящиеся всей России, рабочие, солдаты, крестьяне, отвечают на эти попытки еще большим сплочением своих рядов и вооруженным отпором. На помощь ташкентским рабочим из Кушки уже выступил отряд солдат и железнодорожников в числе пятисот бойцов, вооруженных винтовками и пулеметами, с батареей полевых орудий. Нет никакого сомнения в том, что революция рабочих и крестьян победит на всей необъятной территории России. Несомненно победит, ибо это революция громадного большинства народа!

Громкие аплодисменты покрыли слова докладчика.

Было уже за полночь. Председательствующий Иван Чернышов, радостно поблескивая глазами, протянул докладчику только что полученную им телеграмму.

Быстро пробежав глазами телеграфный текст, Артамонов вновь обратился к собранию:

— Товарищи! Вот еще одно доказательство неисчерпаемых сил народной революции...

Из Ташкента вот в этой телеграмме нам сообщают: контрреволюционные казаки, юнкера, мусульманский батальон разгромлены; генерал Коровиченко, его помощник граф Дюррер и

все члены Туркестанского комитета Временного правительства арестованы; вся власть перешла к Ташкентскому совету рабочих и солдатских депутатов...

Не успел еще Артамонов дочитать телеграмму, как оглушительно грохнул взрыв. Пыль и комки сухой глины брызнули во все стороны. Граната взорвалась перед столом президиума, стоявшая на столе керосиновая лампа, погасла. Убит ли кто, или ранен — не разглядеть.

Все вскочили с мест, наступило минутное замешательство.

Но вот раздался суровый голос Ивана Чернышова, и группы вооруженных людей по его команде кинулись в разные стороны. Хотя и темна была ночь, но при свете звезд было видно, как убегали злоумышленники и старались укрыться за углами домов.

Вооруженные рабочие и солдаты рассыпались вдоль железной дороги, на церковной площади затрещали частые выстрелы...

Небольшая комнатка в клубе железнодорожников, куда перешли после взрыва Артамонов и Чернышов с группой рабочих активистов, тотчас же превратилась в военный штаб. Никто не знал, каковы силы мятежников, но нельзя было давать им даже временного успеха. Артамонов послал телеграмму в Ашхабадский комитет партии с просьбой подготовить для отправки в Теджен отряд вооруженных рабочих, Чернышов кинулся в казармы и поднял на ноги немногочисленный гарнизон, призывая солдат оказать помощь рабочим.

Василий Карташов оказался выведенным из строя в первые же минуты боя. С револьвером в руке он одним из первых бросился к низенькому забору, отделявшему территорию клуба от церковной площади. Спрыгнув на землю по другую сторону забора, он лицом к лицу столкнулся с неизвестным, который наводил на него револьвер. Два револьвера выстрелили одновременно, противники повалились на землю в разные стороны.

Падая, Василий Дмитриевич поймал взглядом темные фигуры убежавших, слух уловил треск выстрелов. Напрягая все силы, он старался подняться — и не мог. Рука шарилась по земле, отыскивая выпавший револьвер. Рядом захрипел бывший в смертной агонии враг. «Умри, предатель!» — Карташову показалось, что это крикнул он и крикнул громко. Перед глазами поплыло красное знамя, ряды рабочих демонстрантов — и он снова крикнул, поздравляя рабочих с победой. Но голос Карташова был слышен только ему одному. Его тускнеющий взор был устремлен в звездное небо. Вдруг ему показалось, что он окружен своими детишками: каждый из малышей зовет его, о чем-то говорит ему. «Ну, детки, взошла заря нового мира, теперь и для вас наступит Светлая жизнь!» — Говорит Карташов и начинает целовать своих малышей... А вот он уже в светлой, уютной квартире: жена разливает чай, за столом — хорошо одетые мальчики и девочки, все учатся в школах; Карташов читает веселое письмо старшего сына — студента одного из столичных институтов... И вдруг этот же сын представляется окровавленным, умирающим на железнодорожной насыпи. «Саша, Саша!» — горестно шепчет, склонившись над ним, Василий Дмитриевич; на глазах у него выступают слезы, он готов разрыдаться. Вспоминаются умершие в разное время братья. «Неужели все еще мало этих жертв, принесенных нами ради счастья, родины, ради свободы? — спрашивает он и отвечает самому себе: — Нет, эти жертвы не напрасны...» И с этим он умер.

Артык, перепрыгнув через клубный забор, встал под деревом и не успел осмотреться, как увидел направленное на него дуло ружья. Тотчас же загрели выстрелы. Несколько пуль пролетели мимо, одна вонзилась в дерево, за которое отскочил Артык. Не помня себя, он прицелился в голову противника и, нажимая на гашетку нагана, выпустил все шесть пуль. Человек с ружьем повалился на землю. Артык подбежал к нему и, не обращая внимания на его стоны, начал ворочать его, — но ни в одном кармане патронов не нашел. Рядом валялась винтовка, обойма в ней тоже была пуста. В это время мимо пробежал огромного роста человек с берданкой в руках. Он гнался за кем-то и вдруг, подкошенный чьей-то пулей, упал. Артык оглянулся: вдоль забора, прячась в его тени, убегал какой-то человек, прихрамывая на одну ногу. «Куллыхан!» — молнией пронеслось в мозгу Артыка. Он схватил винтовку, прицелился, но вспомнил, что в обойме нет ни одного патрона. С досадой отбросил

беспольное оружие и кинулся к упавшему в нескольких шагах от него человеку: Это был Кильван, он уже умирал. Артык быстро снял с него патронташ, зарядил его берданку и побежал за хромым. Но сколько он его ни искал, все было напрасно, — хромой писарь словно провалился сквозь землю. «Какой я дурак! — выругал себя Артык, раздосадованный своей опрометчивостью. — Ну, нет пули, так разве нельзя было разбить ему голову прикладом?..» И он, чувствуя, что смерть Кильвана камнем ляжет ему на сердце, если он не отомстит за него, снова кинулся искать Куллыхана.

Рабочий хлопкового завода Герасимов, высокий и стройный, по всей видимости когда-то служил в солдатах. Во всяком случае, он лучше, чем мукомол, ориентировался в боевой обстановке, и почти ни одна пуля у него не пропадала даром. Он уже уложил троих: лысого эсера из Ашхабада, управляющего заводом Арутюняна, его племянника Вартана и чиновника уездного управления — полковника Белановича. Четвертого он еще не успел узнать, гнался за ним, делая короткие перебежки и временами припадая к земле, и вдруг, когда он поднялся, грудь его обожгла случайная пуля. Земля и звездное небо закружились перед глазами. Теряя сознание, Герасимов упал. Смерть наступила так быстро, что он даже не почувствовал ее приближения.

Мавы в первые минуты стрельбы немного растерялся. Он еще не бывал в бою и не мог сразу понять, где друзья, где враги, куда надо стрелять, куда идти в наступление. Не различая ничего вокруг себя, он крикнул: «Артык, в кого стрелять?» Никто ему не ответил. Все же, несмотря на грохот пальбы, он быстро освоился с обстановкой. Когда Мавы выдавали берданку, ему показали, как отодвигать затвор и вставлять патрон, как стрелять, но теперь, в горячке боя, у него вылетело из головы и то немного, что он узнал. Непослушными пальцами безуспешно пытался он всунуть патрон в ствол берданки. Всунул, наконец, но ружье с раскрытым затвором не выстрелило. Последовательность ружейных приемов осталась ему непонятной. «Ах, ну не лопата, будь в руках хотя бы кривая сабля, я бы знал, как драться! А у этой чертовины кто поймет ее тайну?» — мысленно жаловался он, вертя в руках бездействующее оружие. Но когда кто-то из врагов кинулся на него, Мавы, держа берданку за ствол, поднял ее и обрушил приклад на голову нападающего. «Вот тебе, изменник, получи свою долю!» — яростно крикнул он. Приклад с треском отлетел в сторону, а нападавший на Мавы грохнулся навзничь. Не успел Мавы опомниться, как кто-то другой из нападающих крепко обхватил его руками, повалил на землю и начал душить. С тыловых работ Мавы вернулся ослабевшим, но благодаря заботам Мехинли, успел восстановить свои силы. Однако и сидевший на нем верхом, как видно, был не из слабых. Его жирная туша давила на Мавы, а мускулистыми руками он все сильнее сжимал ему шею и горло. У Мавы мутилось в голове. В эту минуту ему показалось, что Халназар кричит: «Души!», а Мехинли ласково ободряет: «Мавы мой, сядь на коня стойкости!..» И Мавы, окрыленный своей любовью, с силой рванулся, сбросил с себя противника и, навалившись на него всем телом, тоже вцепился ему пальцами в горло. Но и тот не выпускал Мавы из своих цепких рук. Они душили, давили друг друга, катаясь по земле, били по чему попало руками, ногами, наверху оказывался то один, то другой. Оба задыхались, напрягая последние силы... Наконец, Мавы начал одолевать. Вырвавшись снова наверх, он с силой ударил своего противника головой о землю, и тот потерял сознание. Мавы вскочил на ноги. Перед ним лежал скуластый человек с растрепанным чубом каштановых волос. «Э, да ты, видно, конный казак!» — подумал Мавы. Решив, что добивать лежащего не велика доблесть, он крепко связал казаку руки ремнем и стал ждать, когда он придет в себя. Он заранее радовался тому, что приведет к Ивану Чернышеву пленного и сможет похвалиться перед Мехинли своей отвагой...

Между тем стрельба почти прекратилась, только где-то вдалеке раздавались еще одиночные хлопки выстрелов. Мавы посмотрел на первого из нападавших, которому он прикладом разможил голову, — тот лежал окровавленный, не обнаруживая никаких признаков жизни, — и ему стало не по себе. Никогда в жизни он не убивал даже курицы, а тут убил человека. Он отвернулся, чтобы не видеть трупа, и рукавом халата отер пот со лба. Однако его смущение и растерянность сменились гневом, он вспомнил издевательства

Халназара, его грубую брань, все его хитрости и обман, когда он вздумал отправить на тыловые работы батрака вместо одного из своих сыновей. А когда память восстановила всю картину взрыва гранаты на собрании, Мавы с ненавистью взглянул в сторону убитого и сказал:

— Такая смерть ждет каждого предателя!

Уличный бой продолжался довольно долго. Часть мятежников была перебита, часть арестована, многие разбежались. К концу кровавой, полной тревог и волнений ночи жизнь потекла по новому руслу.

Начинало светать. Группы вооруженных рабочих и солдат снова сходились в клуб железнодорожников. Боя словно и не было, — кругом стояла тишина. Только звучно перекликались по всему городку петухи, возвещая рассвет. Разгоряченные схваткой люди с удовольствием вдыхали свежий утренний воздух. Как будто, и дышать стало легче.

Артамонов и Чернышев были заняты составлением срочных телеграмм в Ашхабад и Ташкент с донесениями о разгроме мятежников.

На улицах и на церковной площади еще убирали трупы, раненых отправляли в больницу. Захваченные в бою мятежники еще раньше были отправлены под конвоем в тюрьму. Но Мавы не знал, где тюрьма. Он сначала привел своего пленника в клуб, затем направился с ним в уездное управление, то кричал на него, то мирно разговаривал с ним и даже давал ему раза два затянуться из своей сигарки махоркой — и так разгуливал с ним по улицам, как погонщик каравана, вышедший в ночной путь. Когда начало светать, Мавы снова привел пленника в клуб. Ствол разбитой берданки лежал у него на плече, в правой руке он держал приклад. Но он с гордым видом шагал за своим пленником, высоко подняв голову.

Увидев Ивана Чернышева и ашхабадского большевика, Мавы вытянулся перед ними по-военному и отдал рапорт:

— Товарищи командиры! Батрак Халназар-бая, солдат большевиков Мавы свою задачу выполнил. Вот привел одного предателя живым. А другой, сами знаете, торпак кушай...

Чернышов крепко пожал ему руку:

— Спасибо, товарищ Мавы.

Мавы не знал, что ответить, замялся. Заметив стоящего рядом Артыка, он тихонько спросил у него: «Как имя нашего вождя?» Но он и сам тотчас же вспомнил и, прикладывая руку к виску, отчеканил:

— Служу нашему вождю Ленину!

Трудно было не улыбнуться, глядя на байского батрака, бравое рапортующего командиру-большевику. Улыбались Чернышов, Артамонов, стоявшие вокруг них рабочие и солдаты, улыбался и сам Мавы, поглаживая рыжеватые усы. И вдруг он чего-то застыдился.

— Товарищ командир, — снова обратился он к Чернышову, — я это сделал ненарочно. Не совладал с гневом, хватил через край... Вы уж простите меня.

Чернышев, не понимая его, спросил:

— В чем ты провинился, Мавы?

— Я... я раабил приклад ружья.

Иван Тимофеевич обнял простодушного батрака:

— Это пустяки, Мавы, был бы ты жив и здоров! Революция не обходится без жертв и потерь. Сегодня тяжелы наши потери: убито несколько дорогих наших товарищей...

При этих словах Артык почувствовал укор совести: он был убежден, что мукомола Керима убил Куллыхан, а ему так и не удалось найти хромого мирзу и отомстить за смерть товарища.

Глава десятая

Великая Октябрьская революция смела правительство Керенского со всеми его краевыми, областными и губернскими комитетами и комиссарами. В городах Закаспийской

области, как и во всем Туркестане, власть перешла к Советам. Большевики должны были взять на себя руководство всеми делами управления. Но их организации были слишком малочисленны. Даже в таких городах, как Ашхабад и Кизыл-Арват, большую часть депутатских мест все еще занимали эсеры, меньшевики и буржуазные националисты, прикрывавшие свою предательскую работу «левыми» фразами о свободе и демократии.

Такое же положение было и в Теджене. Исполнительный орган Тедженского совета состоял из пяти человек: председателя, которым после Октябрьского переворота стал большевик Иван Чернышев, и четырех членов — одного рабочего с хлопкового завода, школьного учителя-меньшевика, эсера из местного гарнизона и бывшего писаря волостного правления Куллыхана, представлявшего туркменскую часть населения.

Взять в свои руки власть было только началом дела. Перед большевиками стояла сложная задача: перестроить старый чиновничий аппарат управления, освободив его от чуждых элементов и укрепив своими, преданными советской власти людьми. Во всем Туркестане, как и в Закаспийской области, готовых кадров для этого не было. Среди туркменской части населения на тысячу людей приходилось только семь-восемь мало-мальски грамотных людей, да и те были отравлены религиозным дурманом и воспитанной в них со школьной скамьи преданностью царскому трону. Население аулов было сплошь неграмотным, и потому задача вовлечения дейхан в советскую систему управления представлялась особенно сложной.

Но зато не было недостатка в авантюристах, которые пользовались темнотою народа, еще не осознавшего своих прав, предоставленных ему советской властью.

В столице области, в Ашхабаде, областной совет после октябрьских дней стал именоваться «Советом Народных Комиссаров Закаспия». В Закаспии это был высший орган власти, им руководили большевики. А туркменские и азербайджанские националисты создали в Ашхабаде свой мусульманский орган, так называемый «Национальный комитет», который тоже претендовал на управление областью. Во главе этого комитета встал царский полковник Ораз-Сердар. «Национальный комитет», опираясь на аульных баев, торговцев и мусульманское духовенство, почти открыто сколачивал кадры контрреволюции: формировал конный дивизион из возвращающихся с фронта туркменских кавалеристов и офицеров-корниловцев, создавал свои организации на местах и готов был поддержать любого авантюриста, который был бы способен возглавить вооруженную борьбу против советской власти.

К этому времени в Теджене вновь объявился вернувшийся из Афганистана Эзиз Чапык. «Национальный комитет» превозносил его имя как «национального героя». Прибыв в Теджен, Эзиз стал собирать вокруг себя всех недовольных новой властью. Некоторые главы племен, баи, торговцы, чиновники охотно шли к нему. И Эзиз всем им обещал и защиту и помощь. Находилось немало легковых, не разбирающихся в политике юношей и из дейханской молодежи, которые верили в честность его обещаний «защищать национальные интересы туркмен», и вступали в отряд его нукеров.

В качестве советников Эзиз приблизил себе «почетных», как он их называл, людей из аулов: Гарры Моллу от канала Векиль, Алты-Сопы с канала Бек, от Утамышы — Анна-Курбана Юмургачи, от Кяля же — Халназар-бая. Этим он хотел подчеркнуть свою верность старым племенным обычаям.

Так в Теджене и в ближайших к нему аулах начали действовать две силы, две власти — совет депутатов и Эзиз-хан. Совет организовывал Красную гвардию, Эзиз собирал отряд из бывших своих нукеров и из джигитов, вернувшихся с фронта.

Артык после уличного боя в Теджене некоторое время жил в своем ауле, а затем снова направился в город. Он все еще плохо разбирался в политических событиях, и трудно было ему избрать себе путь. Голос совести подсказывал ему, что он должен оставаться с такими людьми, как Иван Чернышов. Но в совете сидел не только Чернышов, но и Куллыхан. Как можно идти одним путем с Куллыханом — человеком, у которого нет ни чести, ни совести?! Артыка угнетало то, что Иван даже после той кровавой ночи продолжал сидеть в совете

рядом с таким негодяем.

Молод и горяч был Артык. Слишком сильно говорила в нем личная ненависть к хромоу писарю. Может быть, поэтому и усомнился Чернышов в правильности обвинений Артыка, который утверждал, что в ту ночь Куллыхан был на стороне мятежников и что он убил мукомола. Никто, кроме него, не видел Куллыхана в бою, да и сам Артык видел только тень похожего на хромого писаря человека, бежавшего вдоль забора. В ночной темноте нетрудно было и ошибиться. Правда, Чернышов и сам не очень доверял бывшему писарю волостного правления, связанному всем своим прошлым с теми чиновниками, которые всегда сидели на шее народа. Мало верилось в то, что Куллыхан перешел на сторону большевиков из честных побуждений. Но трудное положение было у Чернышова в совете. Ему приходилось учитывать неблагоприятное соотношение сил и дорожить даже голосом Куллыхана, пока тот шел вместе с большевиками.

С первых же минут Иван Тимофеевич почувствовал раздвоение в душе Артыка и, несколько раздраженный его упрямством, нахмурился.

— Артык, — заговорил он, сердито пощипывая усы, — я был о тебе другого мнения. Считал тебя революционером, начавшим понимать правду. Теперь вижу — ошибся.

Неужели ты все еще не понимаешь, что советская власть — это не только рабочая, но и твоя, дейханская власть? Ты бедняк — и я бедняк. Ты был угнетаем — и я тоже. Наше место в совете...

— И хромой мирза был «угнетаем»? — насмешливо перебил Артык. — И его место в совете?

— Вот что я тебе скажу, друг: оттого, что в пшенице вырастает колючка, не отказываются от урожая.

— Будь я хозяином урожая, я вырвал бы колючку с корнем!

— А если тебе одному это не по силам?

— Устроил бы помощь.

— С кем?

— С дейханами.

— С дейханами... Но где они? В том-то и наша беда, Артык, что их я пока не вижу с нами. Мы пока еще похожи на верблюжонка, который только что начинает ходить. Да, как ни тяжело в этом сознаться, мы еще не сумели сплотить вокруг совета бедняцкие массы дейхан. Ты прав, что следует выкорчевывать колючки старого, отжившего, чтобы они не мешали молодым росткам новой жизни. Но пока мы не нашли опоры в массе беднейших дейхан, нам приходится делать это весьма осторожно. Ведь всякая наша ошибка будет только усиливать врагов...

Артык не мог согласиться с доводами Чернышева. Когда он думал о совете, перед ним вставал ненавистный облик Куллыхана — он все заслонял, терзал сердце и душу. Если б Артык мог открыть свое сердце, он открыл бы его и показал Ивану: вот, мол, смотри мои раны, — похоже ли, что они заживут? Но он не мог этого сделать. Он постарался объяснить словами то, что заставляло его с недоверием относиться к политике близких ему людей. — Иван, — сказал он, не поднимая глаз, — я знаю, ты друг дейхан и мне — брат. Но в совете у тебя сидит волк.

— Кроме волка, мой друг, есть и львы, а они никого не боятся. Волков — один или два, нас побольше.

— Лес можно сжечь одной искрой.

— Что же, ты мне не доверяешь?

— Режь мое тело на части, не охну, — ты мой защитник. Скажешь: «умри» - пойду на смерть; я не верю гадюке, которая спряталась у тебя под одеждой. Ты будешь дружески гладить меня по спине, но ведь гадюка-то непременно ужалит, и не только меня, но и тебя!

— Артык, ты ошибаешься...

— Лучше жить ошибаясь, чем без ошибок идти на верную гибель.

— Тогда, значит...

— Нет, моя дружба с тобой не кончится до конца жизни. И в тот день, когда ты очистишь свой дом, я приду к тебе.

Чернышев не ожидал такого упрямства. Он верил в Артыка, в его честность и в то, что он всегда останется непримиримым к таким людям, как все эти волостные, арчины, толмачи и мирзы, служившие начальству и баям, а не народу. С его помощью можно будет развернуть работу среди дейхан. И теперь Иван Тимофеевич больше всего был недоволен самим собой — тем, что не умел хорошо говорить по-туркменски и не сумел преодолеть непонятную строптивость молодого дейханина. Прежде чем возобновить разговор, он задумался: как лучше подойти к Артыку?

— Артык, — шутливым тоном начал Иван Тимофеевич, — я же вижу тебя насквозь: сердце подсказывает тебе одно, а ты говоришь другое.

— Иван, — серьезно ответил ему Артык, — я не такой человек, чтобы говорить то, чего не чувствует сердце.

— Но ты пойми...

— Я пойму тебя, когда ты станешь прежним Иваном, когда ты...

— Не говори глупостей! — опять нахмурился Чернышов.

— Ладно, я кончил, — улыбнулся Артык.

— Ты будешь командиром в Красной гвардии.

— В твоём отряде я останусь и простым солдатом. Но с хромым мирзой не останусь, хоть сделай генералом.

— Останешься.

— Не останусь!

Чернышов приказал служащему, появившемуся в дверях кабинета:

— Позови сюда комиссара.

Артык резко поднялся на ноги, глаза его сверкнули недобрый огонь.

— Иван, если ты отдашь меня хрому мирзе, то знай: я всажу ему нож в бок вот тут же, при тебе!

Чернышов поспешил успокоить его и, подумав немного, снова принялся убеждать:

— Артык, ведь ты неглупый парень. Послушай меня. Дейхане могут получить права, стать хозяевами земли и воды только через свою, советскую власть. Если ты из-за вражды к Куллыхану отвернешься от совета, это будет изменой дейханам. Ведь я знаю тебя. Разве, порвав с нами, ты останешься в стороне от борьбы? Нет. У тебя сердце борца, и в такое время ты не будешь сидеть сложа руки. Значит, пойдешь к Эзизу. А кто такой Эзиз? Это честолюбец, мечтающий стать ханом.

— Иван, — перебил Артык, — я не спрашиваю у тебя совета насчет Эзиза.

— Спрашиваешь или нет, но я должен тебе объяснить. Эзиз собирает вокруг себя врагов советской власти. Может быть, он и будет иметь временный успех у дейхан, обманув таких, как ты. Но ненадолго. В конце концов народ разберется, кто ему друг, кто — враг. Что такое щепка на пути могучего весеннего потока? Перед ним даже камни не устоят!

Эти горячо произнесенные слова заставили Артыка призадуматься. Он сидел, опустив голову, и Чернышеву начинало казаться, что он убедил своего строптивного друга. Но Артык вдруг опять резко поднялся со стула и решительно заявил:

— Нет! Я не враг советской власти и никогда им не буду. Я враг Куллыхана и ему подобных. Когда ты прогонишь его, я приду к тебе, если буду жив.

И, даже не попрощавшись, он повернулся и направился к двери.

— Подожди, Артык! — властно остановил его Чернышов. — Выслушай меня до конца. Теперь я вижу, что в твоей душе уже созрело решение. Пойдешь к Эзизу? Подумай в последний раз, пока не поздно. Ты говоришь, что никогда не будешь врагом советской власти. Очень хорошо. Я верю тебе, Артык. Но разве можно служить двум богам? Примкнув к Эзизу, ты невольно окажешься в числе врагов рабочей и крестьянской власти. Раскаешься, да будет поздно. Великая вещь — зная, под которым сражаешься. Мы идем под красным знаменем народной революции. С него нельзя глаз спускать, за него можно и умереть. А ты

смотришь только на людей, которых по той или иной причине невзлюбил. Я Куллыхана почти не знаю, но вот что скажу тебе, Артык: Куллыхан объявил себя сторонником советской власти и, плохо ли, хорошо ли, служит ей. А Эзиз собирает вокруг себя врагов советской власти и ждет только удобного случая, чтобы напасть на нас. Неужели это тебе не понятно?

Артык стоял в дверях, не глядя на Чернышева. Лицо его по-прежнему выражало упрямство. Он хотел что-то сказать, но только махнул рукой и, опустив голову, вышел.

Артык шел по улице, ничего не слыша, ничего не видя вокруг себя. Ноги его шагали, а сердце осталось там, с Иваном. Переходя улицу, он не слышал грохота арбы и чуть не попал под колеса. «Кто разбудил мою мысль и направил меня на борьбу за народ? — Иван. Кто печалился моим горем и радовался моей радостью? — Иван. Когда я шел, быть может, навстречу смерти, кто крикнул: «Артык, будь мужественным!» — Иван! И вот он теперь, как родной брат, упрашивает остаться с ним, Ах, Иван...»

Охваченный этими думами, Артык хотел повернуть назад, к Чернышеву, помириться с ним. Но тут перед его глазами встала теплая компания пьяных людей в чайхане Джумадурды, потешавшихся над его горем. Ему вспомнилось криво улыбающееся лицо Куллыхана во время последнего разговора, когда тот угрожал тюрьмой... «Нет, я не порываю с Иваном, но отворачиваюсь от Куллыхана. Я никогда не буду дышать одним с ним воздухом. Или я его одолею, или он меня!» — сказал себе Артык и решительно зашагал вперед.

Штаб отряда, или, как его называли, диван (Диван — совет приближенных лиц при шахе или хане) Эзиз-хана, находился в караван-сараях Анны Кочака. Когда пришел Артык, Эзиз о чем-то раздумывал, лежа на ковре. По угрюмому лицу Артыка он сразу догадался о его душевном волнении. Однако он сделал вид, что ничего не заметил, приподнявшись сел и, поджав ноги, приветливо спросил:

— Ну, Артык, как живешь, как успехи?

— Э, успехи... — тряхнул головой Артык. — Не до успехов тут...

Артык понравился Эзизу еще во время прошлогоднего восстания. Даже находясь в Афганистане, незадачливый главарь восстания вспоминал молодого, отважного сотника. Теперь он счел необходимым поддержать его.

— Артык, — заговорил он уже другим тоном, впиваясь глазами в лицо гостя. — Эзиз-хан стал Эзиз-ханом благодаря тебе и тебе подобным. Я считаю тебя своей правой рукой. Говори без стеснения: кто тебя обидел? Я не пощажу дома твоего врага.

— Эзиз-хан, что толку в том — буду я обижен или вознесен? Дело в бедных дейханах.

— О Артык, ты что-то слишком высоко взлетаешь!

— В прошлом году я думал, что и ты способен на это.

— Каким я был, таким и остался. Ты и думать забудь, что Эзиз-хан возгордился. Я не расспрашиваю тебя о жизни просто потому, что теперь очень занят... Новые замыслы... заботы...

— Эзиз-хан, дело не в этом.

— А в чем?

— Я считал тебя защитником бедных дейхан. До сих пор помню, как ты говорил: «Если баи захотят помешать нашему делу, — не щадите их!» А вот теперь, как подумаю, каких советников ты набрал, — начинаю сомневаться в тебе.

— Ты кого имеешь в виду?

— Твоих советников я не всех знаю. Но Халназар-бая знаю хорошо. Он сторонник не народа, а царя.

— Халназар-бай?

— Он всю свою жизнь сосал кровь дейханина. Если ты будешь слушать таких советчиков, то не будет большой разницы между тобой и каким-нибудь волостным ханом баяра-полковника.

— Артык, ты говоришь, необдуманно.

— Нет, Эзиз-хан, я сто раз меряю, режу один раз.

Твердость и прямота Артыка, вопросы, которые он ставил, встревожили Эзиза. На его изрытое оспой лицо легла тень, веки беспокойно задергались. Стараясь не обнаружить своего волнения, он намеренно заговорил обиженным тоном, и в его голове Артык уловил нотки раздражения и тревоги.

— Артык, ты не знаешь, почему я напал на царское правительство. Из-за кого я стал изгнанником своей страны? Разве не из-за предателей народа, не из-за проклятых арчинов, не из-за нечисти, именуемой волостными? Как же ты смеешь сравнивать меня со всей этой поганью?

Волнение Эзиза передалось и Артыку. Но все же он, не повышая голоса, сказал неторопливо и тихо:

— Ты пока — прикрытая миска. Останется ли в ней молоко, будет ли хорошая простокваша, или все перекиснет — сказать трудно. Пока я ни с кем не сравниваю тебя. Но и недостатки твои скрывать не могу.

Хотя слова Артыка усилили гнев Эзиза, его голос вдруг приобрел такую мягкость, которая совершенно не соответствовала его суровому облику:

— Ты, мой милый, еще плохо знаешь меня. Я не из породы волостных, которые пресмыкаются перед своими господами и кичатся перед народом. И не из худородных — не из тех, кто без роду, без племени, из-под куста. Я — сын Чапыка-сердара. У меня слова не расходятся с делом, и я говорю тебе: ты никогда не услышишь, что я обидел народ. Конечно, ты прав, не доверяя Халназар-баю. Но Халназар-бай или Алты-Сопы мне не братья, и слова их для меня не коран. Пойми одно: в государственном деле нужна политика. И Халназар и другие бай — все еще бай, а дейхане под ними ходят, от них во всем зависят...

— И я хочу сказать то же.

— Ты пока послушай. Если выгодно, надо и слугой врага воспользоваться. Пока я не встану на ноги, пока не укреплюсь, мне необходимо иметь баев в числе своих советников. Буду спрашивать у них совета, буду выслушивать все, что они скажут, а уж что делать — буду решать сам. Поэтому не ломай голову над такой политикой, а берись лучше за оружие.

— Мне не ужиться с Халназаром не только в одном караван-сараяе или в одном ауле, но даже в целой стране. Поэтому, если Халназар останется при тебе, хоть обижайся, хоть нет, я не возьму в руки твое оружие. Я — дейханин, им и останусь!

— Артык, не будь ребенком! Я тебе не Эзиз-хан, а простой туркмен — сын и защитник туркменского народа. Я уважаю тебя за то, что у тебя настоящий туркменский характер, ты держишься с достоинством. Я не могу сказать о тебе: не он, так другой. Тебя я ни на кого не променяю. Будешь со мной — тебя ожидают большие дела. Только не теряй терпения, немного погоди. Пусть Халназар скажет тебе хоть одно обидное слово — и я обрушу его дом ему на голову. Нет, ты сам обрушишь!

— Не знаю... Я стану твоим слугой, нукером, он же — советник, и сдается мне, что перевес будет всегда на его стороне.

— Артык, не заставляй меня давать клятву, поверь моему слову. Дай мне только немного окрепнуть — и тогда я выдам тебе Халназара со всем награбленным у народа добром.

Мучительно раздумывая, Артык не знал, верить или нет словам Эзиза. Безусловно верил он только в одно: в решительность Эзиза, в его силу. Что Иван с его небольшой группой единомышленников-большевиков! Он далек от аула. Городских богачей ему, может быть, и удастся прижать, но до бая его рука не дотянется. Да и Куллы-хан не позволит ему обидеть своих дружков. Другое дело — Эзиз. Если захочет выполнить слово — никакая сила его не остановит: одним ударом покончит не только с Халназаром, но со всеми баями, арчинами и волостными. Вот только можно ли верить его слову? «Посмотрю, — сказал себе Артык. — Не сдержит слова — уйду».

И он решил остаться у Эзиза.

Эзиз-хан назначил начальниками отрядов Артыка и Кизылхана. Он украсил их плечи зелеными погонами, на которых красовались полумесяц и звезды, а в руки дал им

пятизарядки, — оружием в те времена торговали в городах почти открыто. — А Тедженский совет организовал Красную гвардию и поставил во главе ее Куллы-хана и Келёвхана.

Так в одном городе появились две военные силы. По одной стороне улицы шагал круглый-, как шар, краснолицый и рыжеусый Кизылхан, повесив на пояс кривую саблю. Его молодчики, подкручивая усы и раздуваясь, как вараны, злобно поглядывали на другую сторону улицы, где, выпятив живот, как барабан, с маузером на поясе и саблей на боку, грозно смотрел своими огромными глазищами Келёвхан. Подчиненные ему красногвардейцы крепко сжимали в руках винтовки, твердо отбивали шаг и бросали гневные взгляды на зеленопогонников.

А дейханин с недоумением глядел на тех и на других и бормотал про себя:

— Что может быть хуже такого бедствия?

Глава одиннадцатая

Эзиз-хан и его советники, положив папахи возле себя, сидели в просторной комнате на огромном ковре. Яркие лучи полуденного солнца поблескивали на их голых, свежесбранных макушках. Еле живые осенние мухи кружились над пиалами горьковатого зеленого чая и рассыпанными на скатерти леденцами. Дым от кальяна серой пеленой висел в воздухе.

Рядом с Эзизом, оперев волосатую толстую руку в жирное бедро, сидел Анна-Курбан Юмургачи — крупный человек с черной бородой величиной в лошадиную торбу. На его коричневом мясистом лице и в глуповатых бесцветных глазах сквозило полное безразличие. Он походил не на советника, а скорее на суеверного человека, который на целый век отстал от жизни. И суеверие-то его было не схоже с обычным людским суеверием, сочетающимся с проблесками здравого смысла, но было отвратительно, как отрыжка верблюда. Иногда по его лицу скользила тень бессмысленной, тупой жестокости. Говорили, что много лет назад кто-то опозорил не то его дочь, не то невестку, и он, по адату, отрезал обидчику уши.

Дальше за ним сидел невысокий Гарри-Молла. Лоб у него резко выдавался вперед, а средняя часть лица была вдавлена и борода как бы заворачивалась ко рту. Его маленькие черные глаза все время беспричинно бегали, словно кого-то искали. Был он, как и Юмургачи, неграмотен, а прозвище «молла» досталось ему, по-видимому, от одного из предков, который немного разбирался в азбуке.

Еще дальше расположился Алты-Сопы. Из грязного круглого ворота рубахи высывалась его длинная жилистая шея, а из коротких белых штанов торчали худые ноги с мозолистыми пятками. Узкая рыжая борода его была почти одного цвета с халатом. Он все время перебирал узловатыми пальцами четки, как бы оправдывая свое звание суфия. При взгляде в его колючие глаза пропадала всякая мысль о жалости или милосердии этого служителя бога. Многие ненавидели Алты-Сопы за его злоречие, злонравие и полное отсутствие совести. Его прозвали в народе «Як-ял» — белогривый, уподобляя ослу. Он тоже сидел в ашхабадской тюрьме за участие в восстании. Но он появился тогда на улицах Теджена не ради народа. Алты-Сопы добивался возвращения времен ханов и беков, а возвращение этих времен должно было повести к повышению его значения и влияния.

Круг советников Эзиз-хана замыкали Халназар-бай и Мадыр-Ишан, смуглолицый человек с чёрными хищными глазами, шишковатым лбом и широкой челюстью. Пятнадцать из тридцати пяти лет своей жизни он служил переводчиком у волостных и полицейских приставов. За его способности сыпать русскими словами его прозвали «мадыр» (Мадыр — бормотун, балаболка). Но со старейшинами аула и духовными лицами он любил разговаривать языком шариата, поэтому ему дали и другое прозвище — «ишан». Так его настоящее имя Курбан-Сахат превратилось в Мадыр-Ишан.

Таковы были советники Эзиза, призванные помогать ему в вопросах политики. Артыку было противно не только разговаривать с этими людьми, но и смотреть на них, и он вышел из комнаты, где происходило одно из первых заседаний «дивана» новоявленного хана. Обсуждался вопрос о ведении «государственных дел». У Эзиза была своя, обдуманная еще в

Афганистане программа действий. Он не считал нужным полностью открывать ее своим советником, но некоторые вопросы, близко касавшиеся их самих, решил поставить на обсуждение.

Окинув своими страшными глазами сидевших вокруг, первым начал говорить Алта-Сопы:

— Эзиз-хан! Нам нет надобности выдумывать новые законы. Закон, установленный для нас тысячу лет назад пророком Мухаммедом, остается нерушимым законом. Все свои дела мы должны вести по шариату, когда нужно — спрашивать совета у-ахунов. Было бы еще лучше одного из ученых ахунов назначить здесь казием (Казий — духовный судья). И потом, в деле, которое мы начинаем, не должно быть жалости. Требуем шариат — отсеки виновнику руку! Повелевает шариат — убей его! Позволяет шариат — повесь!

Последние слова Алты-Сопы очень понравились Халназару. «Обязательно применю эту меру к Артыку!» — подумал он.

Вторым взял слово Юмургачи. Он говорил вяло, еле ворочая языком:

— Да, в общем, Алты-Сопы говорит верно. Однако есть еще и адат. Сказано: лучше выйди из племени, но не выходи из подчинения адату. Шариат шариатом, но если будем следовать заветам предков, наверно будет неплохо.

Гарры-Молла не мог толковать ни о шариате, ни об адате. Усиленно двигая губами и носом, он с трудом выговорил несколько слов:

— Да, например, так ли, сяк ли делать, а значит, надо поддерживать порядки мусульманские. Верно ведь, люди?

Во время этой речи лицо его покрывала испарина, он весь расслаб. Закончив, он тяжело задышал, словно загнанная лошадь, и дрожащими руками схватился за пиалу.

Но Халназар заговорил спокойно и с достоинством:

— Конечно, и шариат, и заветы отцов — для нас пути, с которых мы не можем сойти. Но когда меняется жизнь, меняются и законы и обычаи. Заветы предков — это то, что не записано ни в коране, ни в шариате, что придумывалось нашими отцами по мере надобности и затем укреплялось в народе. Даже в слове божием, как говорят ученые моллы, есть ниспосланные позже откровения, которые противоречат ранее записанным. И наше время отличается от прежнего. Поэтому, если избранники народа, которые собрались здесь с четырех каналов, сделают новые исправления в устаревших законах, они поступят так же мудро, как поступили наши предки.

— Верно говорит Халназар-бай! — одобрил Эзиз-хан. Но когда Халназар заговорил вдруг о необходимости изгнать возмутителей народа вроде Артыка или так их наказать, чтобы они и голову не смели поднять, Эзиз свирепо посмотрел на бая. От этого взгляда Халназар сразу прикусил язык, вспомнив, что находится у первого возмутителя спокойствия и бывшего главаря повстанцев.

Халназар в замешательстве умолк, а Эзиз поспешил воспользоваться его словами о непрочности всего установленного прежними законами и обычаями, чтобы поставить вопрос, ради которого он, собственно, и со-брал своих советников. Не спрашивая их мнения относительно величины расходов на содержание отряда, он прямо назначил дань, требуя определенных поставок коней, продовольствия и скота от каждого канала. На вопрос: «Откуда взять?» — коротко ответил: «У имущих».

Такое самовластие Эзиза и его прямое нападение на баев испугало Халназара. Он вопросительно посмотрел на Эзиза, явно выражая желание высказать свое мнение, но тот сделал вид, что не заметил этого, и перешел к другому вопросу.

— Старейшины! В этом году народу очень тяжело. Вы лучше меня это знаете. Какие же меры, по-вашему, надо принять, чтобы люди не умирали с голоду?

Халназар, опасаясь, что Эзиз снова обложит баев данью, поспешил сказать:

— Надо требовать помощи от властей.

— Власть — мы сами! — возразил Эзиз. Вспотевший Анна-Курбан Юмургачи обмахнулся рубахой и, почесывая подбородок, начал со своего «говорят»:

— Говорят, есть какой-то кооператив. Его, говорят, делят между собой узкоштанники. Эзиз-хан, не достанется ли там и на нашу долю?

Раньше, чем ответил Эзиз, заговорил заведующий его хозяйством Мадыр-Ишан:

— Анна-Курбан-ага! То, что отпускают в кооперативе, — капля воды в море бедствий. Конечно, мы свою долю оттуда возьмем. Но для дейхан это все равно, что горсть семян на целое поле. Нужны другие средства.

— Эзиз-хан, собаку закапывает тот, кто ее убил, — сказал Алты-Сопы, насмешливо взглянув на Халназара. — Кто Оставил голодными дейхан — тот и накормит!

— Алты-Сопы, может ты это по-туркменски скажешь, чтобы все поняли?

— Эзиз-хан, зерно любит землю. Жнешь — оно осыпается на землю, молотишь — падает на землю, и даже когда насыпаешь в чучалы, — оно в землю глядит. То, что осыпается при жатве, становится добычей птиц да тех, кто собирает колосья. Но то, что попадает в чучалы, исчезает, словно упало в колодезь, и ты его не увидишь...

— Сопы, ты совсем перешел на фарси!

— Речь заики более понятна к концу — слушай! Посев у дейхана начинают забирать сразу после сева. Часть будущего урожая у него забирают купцы, — по дешевке они скупают урожай еще на корню. Другую часть рвут у него из рук мелкие торговцы — за отпущенный в долг отрез на штаны, за чай, сахар и прочую бакалею. Третью часть прибирают к рукам баи, давая дейхану под будущий урожай готовую подохнуть скотину. С тем, что остается у дейхана, он еле сводит концы с концами. А если год неурожайный или, вот как нынче, засушливый, дейхан голоднее собаки. Одним словом, если сказать по-туркменски, зерно засыпает в ямы считанное число людей.

— Дальше.

— Будем считать, что по меньшей мере треть дейханского урожая попадает к баям — в возврат Долгов. Где она, эта третья часть? Она и сейчас в земле. Если вскроем ямы да раздадим часть зерна дейханам, я ручаюсь, что все доживут до нового урожая.

— Значит, хлеб надо просить у баев? Так?

— Дадут. — просить, не дадут — взять, как сказал сейчас Халназар-бай, по закону нового времени.

Халназар потемнел, услышав, как его слова обращаются против него самого.

— Сопы, сначала твои шаги были неверны и шатки, но под конец ты все же нашел правильный путь! — сказал Эзиз.

Если бы самому Алты-Сопы пришлось поступиться чем-нибудь для дейханской бедноты, он не стал бы стараться. Он всегда не без пользы для себя покупал и перепродавал, одевая одного в одежду другого. Теперешнее его предложение преследовало одну цель: всю отобранную у баев пшеницу зажать в свой кулак; то, что просыплется сквозь пальцы, отдать голодным, а что останется в кулаке, — положить в свой амбар. А для Эзиза это было почти безразлично — пусть и Алты-Сопы набьет свою яму пшеницей, лишь бы привлечь дей-хан на свою сторону.

Юмургачи хотел было возразить против предложения Алты-Сопы, но так и не смог собраться с мыслями. У Гарры-Моллы зачесался было язык, но тут же опять поднялся жар в теле, потемнело в глазах, и он не решился раскрыть рта. Халназар не мог примириться с предложением Алты-Сопы и в то же время боялся возражать чересчур резко. Поэтому он заговорил осторожно, все время приглядываясь, какое впечатление его слова производят на Эзиз-хана.

— Алты-Сопы, — медленно начал он, — где это у нас могучие баи, такие, как, скажем, в Иране или в России? Да и потом — кто держит зерно от урожая до урожая? Все зерно проходит в свое время через весы скупщика. А если и останется у кого пять-шесть чучалов, так ведь у каждого — родня, знакомые. И я один из тех, кого называют богачами, но об излишках у меня и говорить нечего — дай бог дожить до будущего года. Если мы примем твой закон, то, боюсь, мы не накормим голодных, а только вызовем раздоры между беднотой и баями. Твой закон будет водой на поля таких смутьянов, как...

Тут речь Халназара оборвалась. В комнату вошел Артык, широко шагнув через порог, у которого он стоял уже некоторое время не замеченный раздраженным баем. Он слышал все, что говорил Халназар, и, не скрывая насмешки, сказал:

— Верно! Общайте хоть весь ряд Халназара — не найдете пшеницы больше трех-пяти чувалов. Прошлогодние рвы, заполненные зерном, должно быть, земля проглотила. А если и найдутся какие запасы, то окажется, что они принадлежат не баю, а Артыну-ход-жайну...

Халназар с трудом проглотил слюну и спросил:

— Эзиз-хан, он что — тоже один из твоих советников?

Голос Халназара дрожал от скрытой ярости. Но Эзиз, не обратив на это внимания, коротко ответил:

— Он один из моих сотников.

Этот ответ заставил замолчать Халназара. А Артык, насмешливо посмотрев на бая, спокойно повернулся к Эзизу и доложил:

— Эзиз-хан, какой-то приезжий хочет говорить с тобою наедине.

Воспользовавшись этим, Эзиз объявил заседание дивана закрытым. Советники разошлись, каждый в свою сторону. Последним вышел Артык, пропустив к Эзизу незнакомого гостя.

Войдя в комнату, незнакомец прежде всего тщательно закрыл за собою дверь. Это был человек выше среднего роста, крепкого сложения. По виду ему было лет около тридцати. У него была темная кожа, густые сросшиеся брови и подкрученные усы черны; так же как и жесткая подстриженная борода. Черными были и хитрые, вороватые глаза. На лице белели только зубы, крупные и ровные, словно слегка поджаренные зерна кукурузы. Папах с длинными завитками, шелковый хивинский халат, из-под которого выглядывал ворот желтоватой рубашки, песочного цвета брюки и коричневые сапоги, — этот наряд был похож на туркменский, но сам незнакомец совсем не походил на туркмена, и трудно было по внешнему виду определить, какой он национальности.

После обмена приветствиями Эзиз спросил вошедшего, кто он. Улыбаясь своими черными миндалевидными глазами, незнакомец ответил ломаным языком:

— Мы афган есть.

Эзизу приятно было видеть перед собой афганца: в тяжелые дни он нашел в Афганистане приют и убежище. Однако едва уловимая изнеженность и преувеличенная учтивость неожиданного гостя вызвали у него некоторые подозрения.

— А может быть, ты белудж? — Эзиз сказал первое, что пришло ему на язык.

Незнакомец скрестил руки на груди и ответил по мусульманскому обычаю:

— Хвала создателю — мусульманин! Слава аллаху — афганец!

— Как зовут тебя?

— Абдыкерим-хан.

— Чем занимаешься?

— Что поручат — передаю.

— Откуда и куда держишь путь?

Абдыкерим-хан настороженно огляделся, взглянул на окна, на двери.

— Эзиз-хан, у меня тайное поручение.

— Мы здесь одни, более укромного места, чем это, нет. Говори без опасения, что хочешь сказать.

Абдыкерим-хан снова огляделся вокруг. Поведение его начинало казаться Эзизу загадочным. «Кто же это?» — думал он и еще раз заверил странного гостя, что можно обо всем говорить смело и открыто.

— Афганистан — моя вторая родина, афганцы так же близки моему сердцу, как и туркмены, — сказал Эзиз и добавил: — Кто бы ты ни был, пусть даже преступник, убийца, — там, куда доходит мое дыхание, тебе никто не причинит зла.

— Эзиз-хан, — заявил тогда Абдыкерим, — я не преступник, но и не из тех, кто ходит по своей воле. Я- посланец государства.

— Посланник государства? — недоверчиво переспросил Эзиз.

— Меня послал сюда повелитель Афганистана Хабибулла-хан.

Эзиз сразу проникся уважением к Абдыкериму.

— Сам эмир? Ко мне? — важно спросил он, пытаясь скрыть охватившее его тщеславное чувство.

— Нет, Эзиз-хан, надо говорить правду: к хану Джунаиду, в Хорезм. Когда я выезжал из Афганистана, туда еще не дошла весть о том, что ты стал ханом. Но все же у меня было поручение поговорить при случае и с тобой.

— Ты теперь едешь в Ташауз, в Хорезм?

— Нет, я возвращаюсь из Ташауза. Привет тебе от Курбан-Мухаммеда Джунаид-хана.

— Да будет здоров передающий добрую весть! Все ли благополучно у господина хана?

— Он благоденствует. «Если у Эзиз-хана есть в чем-либо нужда, — сказал он, — пусть сообщит или пошлет человека». Он считает тебя своим братом.

— Да, мы с ним прочитали в Афганистане молитву братства.

— Знаю.

— Абдыкерим-хан, скажи, куда теперь путь держишь?

— К тебе.

Эзиз проверил Абдыкерим-хана со всех сторон. Он попробовал поговорить с ним, насколько умел сам, на языке пушту и убедился, что тот знает этот язык. Спросил о некоторых афганских сановниках, о которых ему приходилось слышать, и оказалось, что Абдыкерим знает их всех, как своих односельчан. Но всего этого Эзизу показалось мало, и он попросил письменных подтверждений. На это Абдыкерим ответил:

— Эзиз-хан, ты сам видишь: чтобы не узнали меня, я хожу в туркменской одежде. Ремесло мое таково, что я не могу при себе носить паспорта своего государства. Я даже не могу признаться, что я афганец, если вполне не доверяю человеку.

У Эзиза больше не оставалось сомнений в правдивости Абдыкерима, и он осведомился о цели его приезда:

— Абдыкерим-хан, чем я могу помочь тебе, какие у тебя нужды? Говори.

— Эзиз-хан, тебя, кажется, хорошо приняли в Афганистане?

— Я видел там только хорошее.

— Джунаид-хан тоже благодарен Афганистану. Он пережил там самое трудное время, а теперь стал ханом всего Хорезмского оазиса. И у тебя, хвала аллаху, положение высокое. Какою смутой охвачен сейчас мир, не мне объяснять тебе, — слава аллаху, ты мыслишь глубже меня. Под властью русского царя туркмены не видели ничего хорошего. А государство, которое теперь будет создано, — будет ли только? — еще незрелый арбуз. Кто знает, может, оно будет еще более грозным... Эзиз-хан, я хочу знать твои намерения. Ты подчинишься России или обратишься к другому сильному государству?

— К какому?

— Ну, например... к Англии.

Когда Эзиз был в Афганистане, видел, как высокомерно держали себя английские офицеры перед афганцами. Это ему не понравилось. Поэтому он ответил Абдыкериму довольно резко:

— Если быть грузчиком, то не все ли равно, у какого купца. Народ, не видевший ничего хорошего под властью русского царя, что увидит под властью английского? Была бы моя воля — я не подчинился бы никому.

При этих словах тень пробежала по лицу Абдыкерима, но он тут же любезно осклабился, показывая белые зубы:

— Эзиз-хан, извини, ты не так меня понял. Я хотел спросить, с кем ты вступишь в союз?

— Ни с кем.

— Может быть, ты вспомнишь своего соседа — Афганистан?

— Чем завтрашнее сало, лучше сегодняшние потроха. Если нельзя без союза, то лучше

побрататься с нашим соседом.

— За тем Хабибулла-хан и послал меня к Джунаид-хану и к тебе, как я понимаю его поручение. Прошло уже немало времени с тех пор, когда русские, англичане и французы поделили между собой мусульманский мир. Ныне война ослабила эти государства. Появилась некоторая возможность объединения мусульман. Это будет, — если они крепко возьмутся за дело со всех сторон, — как одна душа, одно тело. Но надо держаться при этом за какую-нибудь крепкую руку, например, Англии, и можно свершить великое дело... Хабибулла-хан считает возможным, пользуясь беспорядками в России, воссоединить Туркестан и в особенности Туркменистан с Афганистаном. Вот на этот счет мне и нужно знать твое мнение.

Эзиз-хан опустил голову и задумался. Вопрос, поставленный Абдыкеримом, сразу решить было нелегко. Допустят ли русские соединиться с Афганистаном? Если, положим, и удастся соединиться, чем же Афганистан лучше России? И самое главное: примет его афганский эмир как брата или захочет подчинить?

Абдыкерим понимал, что поставленный им вопрос действительно сложен, и терпеливо ждал ответа, пристально глядя на опущенные веки Эзиза. После долгого раздумья Эзиз разжег кальян и потянул — вода в сосуде забурлила, по комнате кругами пошел синий дым.

— Что думает об этом Джунаид-хан? — спросил Эзиз.

— «У меня с Хабибуллой-ханом одна душа, я намерен соединиться с ним», — так он сказал.

— Написал он письмо эмиру?

— Эзиз-хан, я уже говорил тебе: если меня поймают с таким письмом — мне смерть. Гибель моя, конечно, пустяки, но из-за моей смерти может пострадать государство. Как же я мог взять у него письмо?

— Это верно.

— К какому же решению ты пришел?

— К тому же, что и Джунаид-хан.

Двое суток продолжались беседы Абдыкерима с Эзизом о том, как связать Туркменистан с Афганистаном. За это время Абдыкерим успел выяснить силы Эзиза и отношение к нему разных слоев туркменского населения, узнал, его отчаянных нукеров и в то же время разведаль, как идут дела в совете; увидел гвардию Куллы-хана и нукеров Артыка — в одном городе две власти, на одной улице два войска. Знакомясь с положением в Тед-женском уезде, он обратил внимание и на особо выделявшихся людей, имена которых часто произносились, интересовался даже самыми мелкими вопросами. Эзиз удивлялся наблюдательности Абдыкерима: от его глаз, казалось, ничто не ускользало. Эзиз и не подозревал, что в Афганистане имеются такие европейски образованные люди. Однако, как его ни толкало тщеславие показать свою близость к таким людям, он принял все меры к тому, чтобы оставить всех окружающих в неведении о цели приезда Абдыкерим-хана в Теджен.

На третий день Эзиз лично проводил гостя в сторону Серахса и дал ему в провожатые своего человека.

Глава двенадцатая

Ашир шел по городу и с любопытством оглядывался по сторонам, словно видел Теджен впервые. Больше года прошло с тех пор, как его угнали из родных мест далеко в глубь России. Первый знакомый, которого он увидел в городе, был Артык. Друзья горячо обнялись, дивясь и радуясь неожиданной встрече.

Артык оглядел Ашира. На нем был простой темный костюм, какой носили русские рабочие, на ногах черные, грубой кожи ботинки, на голове кепка. Юношески свежее лицо его несколько погрубело. В чуть заметных морщинах на лбу можно было прочесть сложные письма пережитого. Когда-то веселые, немного насмешливые глаза смотрели теперь внимательно, испытующе. Во всей его фигуре чувствовалась какая-то тяжесть. Артык с

изумлением смотрел на него и думал, что его веселый, никогда не унывающий друг, по-видимому, стал другим человеком.

В свою очередь и Ашир с удивлением смотрел на Артыка, в облике которого сильнее проступали смелость и уверенность, Артык стоял перед ним, как бравый джигит, в шелковом красном халате, мохнатой папахе и сапогах; на свободной перевязи, надетой поверх пухового кушака, у него висела кривая, сабля, в руках он держал винтовку. Больше всего удивило Ашира то, что на плечах у друга были зеленые погоны с полумесяцем и звездами. Не сводя глаз с погон, Ашир спросил:

— Артык, ты в каком отряде?

Вопрос показался Артыку странным. Это не было согласно с обычаем. Ашир должен был спросить сначала об ауле, о доме, о матери, что стало с Айной. Он коротко ответил:

— В отряде Эзиз-хана.

Ашир недоуменно заморгал глазами.

— Эзиз-хана?.. А он в каком отряде?

— В своем.

— Какому классу он служит?

Этот вопрос еще более удивил Артыка. В нем прозвучало не простое любопытство, а какое-то беспокойство. Странно было также слышать в устах друга новые, городские слова. Артык ответил:

— Эзиз-хан служит туркменскому народу.

— Народу или баям?

— Как я понимаю, — и дейханам.

— А что это за погоны у тебя на плечах?

— Разве запрещено носить погоны?

— Да, в России они уже отменены. И вообще я думал увидеть тебя совсем в другом наряде.

— С красной повязкой на рукаве?

— Да.

— Пока во главе Красной гвардии стоит Куллыхан, ты не увидишь меня с такой повязкой.

— Жаль.

— Почему?

— Хотя мы с тобой и не были детьми одного отца, но были сыновьями одного народа.

— Я одет по-туркменски, а вот у тебя одежда...

— Дело не в одежде.

— Артык, ради чего мы нападали на царское правительство? За что ты был арестован?

— Мы хотели освободиться от гнета.

— Почему же ты нацепил зеленые погоны?

— Ашир, я уже сказал тебе, что красной повязки Куллыхана носить не буду.

— Красная гвардия служит не Куллыхану, а народу.

— В Теджене она служит Куллыхану.

Ашир немного помолчал, потом задумчиво проговорил:

— Не знаю, чего добивается теперь Эзиз-хан, но цвет ваших погон мне не нравится.

— Ашир, у нас еще будет время поговорить о цвете Эзиз-хана и Куллыхана, — примирительно сказал Артык и пригласил: — Пойдем к нам, попьем чаю. Отдохнешь немного с дороги.

Друзья направились в эзизхановский караван-сарай. С первого же взгляда Аширу не понравились ни порядки в штабе отряда, ни люди, бродившие с лоснящимися от жира лицами и выпяченными животами. Проходивший мимо Эзиз-хан, взглянув на Ашира, сердито и подозрительно спросил Артыка:

— Кто это?

— Мой друг Ашир Сахат.

— Чем он занимается?

— Он только что вернулся с тыловых работ.

— А, очень хорошо.

— Если помнишь, ночью перед нападением на город я приходил к тебе с этим парнем.

— Да, припоминаю. Эта проклятая царская жеребьевка испортила многих наших юношей. Видишь, какая на нем одежда? А в лице ни кровинки... Плохо ты выглядишь, братец. Ну, ничего. Хорошо, что благополучно вернулся и кости целы. А мясо наживешь.

Артык поведал Другу о всем, что произошло в его отсутствие в ауле, сообщил о своей женитьбе. Рассказ о халназаровской невестке-фаланге развеселил Ашира. Артык вынужден был сообщить Аширу и о недавней смерти его жены. Ашир поник головой. Перед отправкой на тыловые работы он не мог даже проститься с больной женой, часто вспоминал ее в далеком краю.

Долго сидел он рядом с другом, не поднимая глаз.

— Да, Артык, она болела чахоткой, ей нужна была хорошая пища. В такой голодный год разве могла она выжить? — сказал он, наконец, и снова погрузился в свои думы.

Артык постарался ободрить его:

— Конечно, горька весть о смерти. Жили вы, я знаю, в согласии. Но ты сам говоришь, что надежды не было. Не горюй! Теперь посватаем тебе хорошую невесту...

— Нет, Артык, пока жизнь не наладится, жениться не буду, — решительно ответил Ашир. Он рассказал Артыку о своей работе на крупном заводе, о том, что подружился с русскими рабочими, многому научился у них, и заявил, что лучше понимает теперь, как надо вести борьбу за права народа. — Раньше мы были, — заключил он, — зрячими слепцами. Смотрели и ничего не видели, не понимали. Наша борьба против бая была детской игрой. Если, бывало, один из нас смело поднимет голос, другой после окрика сразу же оробеет, а третий, попав на удочку бая, выступит против нас же, дейхан. В России — не так. Рабочие там крепко организованы.

— Что? Эргазанлы? Что это за слово?

— В общем, — задумчиво произнес Ашир по-русски и по-туркменски закончил: — согласны, единодушны.

— Ашир, ты за два года стал настоящим моллой, молодец!

— Ах, если бы я был так же культурен, как русские!

— Как? Культуран?

— Это значит уметь читать, писать, видеть и понимать мир.

— Если б ты остался в России еще год, с тобой пришлось бы разговаривать через толмача.

— Остался бы еще на год, так уж, конечно, смог бы тебе получше объяснить, что происходит в мире. Я совсем не жалею, что попал на тыловые работы. Если б не беспокойство о семье, остался бы в России не на год, а на два-три года, стал бы по-русски совсем грамотным. Из-за незнания русского языка и там житья не было от толмачей.

— А почему же ты винишь меня в том, что я не хочу сидеть рядом с Куллыханом? Этот мирза — хуже всякого толмача.

— Постой, это другой вопрос. Я хочу сказать тебе, что там, в России, первое время нам приходилось особенно туго из-за того, что никто из нас не знал языка. Монты Кула ты помнишь?

— Это не тот ли, что мирзу сделал хромым?

— Он самый. У нас он был тысяцким. Так вот этот негодяй не давал нам житья. Он когда-то учился немного в русской школе, умел писать по-русски. Все жалованье на рабочих-туркмен выдавалось ему. А он кому выдавал гроши, а кому просто кулак показывал. Сколько у него к рукам прилипло — никто из нас не мог разобраться; половину наших продуктов, как говорится, слепой съедал, безбородый проглатывал.

— Ну и молодцы же вы! Тысячи вас было, а позволяли обирать себя одному человеку. Где же эта ваша эргазанлы, как ты говоришь?

— В том-то и дело, что мы были неорганизованны, а к тому же еще и неграмотны по-русски. Однажды я уличил его в воровстве. Да что толку? Он нашел сотню оправданий, показал какие-то бумаги, — разве в них разберешься? Например, два раза он ездил в командировку...

— Что это за командировка? Город, что ли?

— Да, город, — невольно рассмеялся Ашир. — В Теджен он ездил. И каждый раз доставлял сюда вагон разных товаров, купленных на наши деньги. Мы жили впроголодь и вернулись с пустым карманом, а он стал настоящим купцом. Говорят, ухитрялся даже скупать оружие и продавать его здесь.

— Теперь тут на каждом базаре торгуют оружием. Я слышал, что маузер с деревянного кобуры, который носит Куллыхан, он купил у этого самого Монты Кула.

— Ну, с этим негодяем я еще сведу счеты!

— Ах, Ашир, много есть таких, с кем надо свести счеты. Я попрошу Эзиза отпустить меня на несколько дней, и мы поедем с тобой в аул. Ты повидашь родных и друзей, поздоровашься с Халназаром.

— Поедем, Артык, поедем! С баем я так поздороваюсь, что он потеряет и сон и покой.

Когда Артык пошел отпрашиваться у Эзиза, тот пристально посмотрел на него и предупредил:

— Не вздумай затевать смуту в ауле! С этим надо повременить.

Артык ничего не ответил.

В тот же день, присоединившись к каравану верблюдов, друзья отправились в путь.

Раньше дорога была в ухабах, на ней лежал толстый слой пыли. А теперь она, словно в гололедицу, была ровна, сера и безжизненна: землю утоптали мягкие ступни верблюдов, а пыль унесло ветрами. «На этой дороге хорошо было бы ездить на двухколесном русском самокате», — подумал Ашир. Особенно удивило его то, что от самой железной дороги до Шайтан-Кала равнина была усыпана бедными туркменскими кибитками вперемежку с казахскими. Навстречу каравану тянулись вереницы еле живых людей, направлявшихся в город. Кругом — ни кустика, ни былинки. Даже привычная к сухой земле верблюжья колючка не успела дать новых ростков и лежала вкривь и вкось, распластав сухие прошлогодние ветки.

Поля оставались бесплодными. На голой пашне прыгало воронье. Огромные птицы царапали когтями твердую, как камень, землю, разрывая невзошедшие зерна. Обильной пищей для них была также лежавшая по обеим сторонам дороги падаль.

Долго шли Артык и Ашир за погонщиками верблюдов, не встречая ни одного всадника. Но вдруг впереди показалось небольшое облачко пыли, послышался топот копыт, и вскоре мимо них промчались два верховых на расстоянии броска палки. Впереди на статном сером коне ехал небольшой упитанный человек в двух красных халатах. Рослый конь, горделиво выгибая шею, шел быстрой иноходью так ровно, что у всадника не колыхалась даже шерсть на папaxe. Вслед за ним на коротконогой лошади галопом скакал огромный детина, и тучное его тело грузно подпрыгивало в седле.

Артык, едва взглянув на них, повернулся и быстрым движением вскинул винтовку. Решение пришло мгновенно. Но Ашир, даже не сообразив, в чем дело, схватился за винтовку и предупредил выстрел. Всадники ускакали.

— Кто эти люди? — спокойно, словно ничего не случилось, спросил Ашир.

— Не одно воронье пирует в этом году, есть сытые и среди голодных! — дрожа от подавленной ярости, ответил Артык. — Зря ты мне помешал. Это и есть начальник твоих красных...

— Красногвардейцев?

— Да. Куллыхан и Келёвхан.

Друзья больше не сказали ни слова и молча пошли дальше. Каждый погрузился в свои думы. Устало шагая, Ашир смотрел на все безрадостными глазами. Мир вокруг лежал в пыли.

Артык поглядел на одежду Ашира и на свои погоны и улыбнулся:

— Ашир, изменился не только мир, но и мы сами. Думал ли кто из нас, что мы приедем в свой аул вот в таком виде?

Вспомнив, как когда-то они смеялись над одеждой Ивана Тимофеевича, Ашир с улыбкой ответил:

— А знаешь, бывает так, что то, над чем смеешься, приходит к тебе. Да, многое изменилось в жизни, изменились, как видно, и мы с тобой. Раньше мы были похожи друг на друга, как близнецы, и думали одинаково. А теперь и одежда у нас разная и мысли у каждого свои.

Подожли к аулу. Артыку не хотелось слушать причитаний матери Ашира, и он прямо направился в кибитку Мерета.

Мать Ашира, увидев сына издали, не узнала его. «Вах, что это за русский идет к нам?» — подумала она. Но когда она услышала голос Ашира, ее охватила дрожь, старчески-тусклые глаза наполнились слезами.

— Дитячко мое! Ашир-джан! — запричитала она, обнимая сына.

Прижавшись лицом к груди Ашира, она ощущала не запах мазута, пропитавшего его одежду, а запах ребенка, вскормленного ее молоком. Плача, рассказала она о своих горестях, о смерти невестки, о ее последних словах, обращенных к Аширу. Все страдания, пережитые с того дня, как она, цепляясь за полы халназаровского халата, умоляла бая отпустить сына, вдруг вспомнились ей, но все они словно смывались слезами. Она почувствовала, как в ее обессиленное, одряхлевшее тело влилась новая струя жизненной силы.

— Ашир-джан, тебя вернул мне сам бог! Теперь мне больше нечего и желать, — говорила она, — и в глазах ее, все еще наполненных слезами, светилась счастливая материнская радость.

Ашир с болью смотрел на мать. Ее платье, то самое, что было куплено когда-то Аширом, было покрыто десятками заплат. Красновато-синеватый цвет его стал пепельно-серым. Платок на голове тоже превратился в отрепья, концы его оборвались. Лицо матери поблекло, щеки и лоб изборождены морщинами, руки исхудали, стали как щепы, костлявые пальцы скрючены. Подняться с места, опираясь о землю, мать еще могла, но садясь, вся дрожала, как больная верблюдница.

Тяжело было Аширу смотреть на мать. Не радовала и кибитка. Она выглядела совсем пустой. Сквозь кошму повсюду просвечивало небо. Солнечные лучи, пронизывая дырявую крышу, светились в углу яркой россыпью блестящих монет. В убогой кибитке не было ни одного наполненного чувала. Пустые мешки были сложены под одеяла, из которых торчали пучки шерсти. Старая мать беспомощно суежилась и не могла придумать, чем покормить сына, — сама она уже месяц не видела чурека и питалась одним кунжутным жмыхом. Она схватилась было за кувшинчик, чтобы вскипятить чай, но у нее не было и заварки, и негде было занять. Все соседи были также нищие. Ашир понял безвыходное положение матери и не ждал уже больше ни чая, ни хлеба. Он думал только о том, как бы ее утешить, приободрить.

Выручила одиннадцатилетняя дочь Мерета — Сона.

— Ашир, тебя зовет Мама! — крикнула она, вбегая в кибитку. — И Артык у нас! Сказали, чтобы скорее шел!..

Она одним духом выпалила все, что успела затвердить дорогой, но, увидев человека в русской одежде, удивленно оглянулась вокруг:

— Вай, Ашир, оказывается, не приехал!.. — и вприпрыжку помчалась обратно.

Видимо, в семье Мерета установился прочный мир. Мама оказала хороший прием Артыку и его другу. К зеленому чаю она подала полную салфетку горячих чуреков, достала припрятанную для почетных гостей миску топленого масла. А к тому времени, когда Мерет совершил вечерний намаз, был уже готов и жирный суп из баранины.

Ашир с улыбкой взглянул на хозяйку:

— Тетушка Мама, когда-то я невольно тебя обидел. Помнишь, как-то вечером я приходил просить у дяди Мерета кобылку и ты приглашала меня выпить чаю?

Мама поправила рассыпавшиеся пряди волос и усмехнулась:

— Ах ты, ушибленный богом! Да разве можно ждать чего-нибудь хорошего от нынешней молодежи?— Впрочем, она тут же приняла серьезный вид и добавила: — Ашир-джан, прости! Тогда я напрасно на тебя рассердилась.

Меред и Артык, чуть сдерживаясь от смеха, боялись взглянуть друг на друга. А Ашир продолжал подшучивать над легкомысленной Мамой и совсем сбил ее с толку.

Глава тринадцатая

Утром, после завтрака, Артык вышел из кибитки. Гряды перистых облаков, передвигающиеся, как барханные пески в Кара-Кумах, сияли белизной хлопка. Влажный холодный ветер лизал щеки, донося тошнотворный запах падали. Артык медленным шагом подошел к шалашу Гандыма.

Гандым сидел у порога и толоч в ступе хлопковый жмых. Желтая пыль курилась над ступой, оседала на его одежде, бороде и ресницах. Лицо Гандыма, принявшее цвет жмыха, стало одутловатым и страшным, как у человека, которого уже коснулось дыхание смерти. Мутные глаза его смотрели на все холодно и безразлично. С такой же безнадежностью смотрела на мир и жена Гандыма, Биби. Хотя ей не было еще и тридцати пяти, она выглядела старухой. А их восьмилетняя дочь стала тонкой, как хворостинка. Казалось, в ее детских чистых глазах затаилась тоска о хлебе.

У Артыка заняло сердце от жалости. «Чем им помочь, как поддержать?». — думал он. В это время ветер донес голос Халназара и громкое ржание Мелекуша. Одного этого было достаточно, чтобы в сердце джигита вспыхнул давний, неутоленный гнев. Хотелось сейчас же пойти к баю и потребовать: «Отвези выюк зерна Гандыму!» Но разве Гандым один так бедствует?.. Что делать с другими?

Артык не решился задавать Гандыму обычные вопросы о здоровье и благополучии дома. Он только сказал подавленным голосом:

— Дядюшка Гандым, нелегкое у тебя житье, как я погляжу.

Возможно, Гандым не понял, что Артык жалеет его. Ответ был суров и резок.

— Да, — сказал он, — есть такие молодцы, что носят пушистые папахи, красные халаты и черные сапоги. И за это хвала аллаху! Либо мирские заботы уйдут от нас, либо мы уйдем из мира. — Он посмотрел на Артыка своими полубезумными глазами. — Да-а, есть и такие,— повторил он, — наденут погоны, в начальники лезут! — и вдруг страшно захохотал: — Ба-я-ар! Ха-ха-ха-ха!..

Разумные слова полубезумного Гандыма потрясли Артыка. Сердце его сжалось от боли. Он взглянул на свой красный халат и почувствовал себя как в огне.

Растерянный, подавленный побрел он вдоль ряда черных кибиток. В этом году в тамдырах не разводили огня; всюду у кибиток зияли темные дыры, точно голодные пасти. Многие тамдыры уже обрушились, в пустых днищах их устроили себе гнезда фаланги и скорпионы. Собачий лай был слышен только в халназаровском ряду. А если попадалась собака, то она неподвижно лежала унылая или же лениво рылась в прошлогодней золе и мусоре, ища себе пропитания.

Артык и не заметил, как набрел на группу дейхан, сидевших и лежавших возле одного шалаша. Большинство из них ничем не отличалось от Гандыма — те же одутловатые лица, тот же землистый цвет кожи и та же безнадежность в тоскливых глазах. Здороваясь с Артыком, они не выказывали никакой неприязни, но в их слабых голосах, в скорбных взглядах была та же горечь и боль. И Артык понял их молчаливый укор: «Ты, братец, в прошлом году лежал вот тут вместе с нами и растратил наши раны, говоря о восстании. А теперь нацепил погоны, стал начальником и забыл нас. Где же твои слова о свободе, о справедливости?»

Артык подумал: «И зачем я все это нацепил на себя? Зачем в таком виде пришел в аул? Умно поступил Ашир. Когда я предложил ему сменить одежду, он отказался. А я дурак и

мальчишка!» — выругал он себя и в своем нарядном халате опустился на пыльную землю.

Черкез разостлал рядом свой потрепанный чекмень и сказал:

— Артык, запылится твоя одежда, ложись вот сюда. Артык принял это за насмешку и стал уверять:

— Дядюшка Черкез, какая бы ни была на мне одежда, я все тот же Артык и сердце у меня прежнее.

Беседа не ладилась. Артык собирался уже было уходить, но из-за ближайшей кибитки появился Ашир. На нем был все тот же темный, с пятнами мазута русский рабочий костюм. Дейхане сразу оживились. Лежавшие поднялись, все начали тепло приветствовать вернувшегося с тыловых работ земляка. Однако одежда Ашира показалась дейханам еще более странной, чем красный халат Артыка. Посыпались шутки:

— Эй, Ашир, ты стал настоящим русом!

— Он похож на кондуктора с железной дороги!

— А я принял его за машиниста с завода Артына-ходжайна!

Ашир весело отшучивался:

— Что я стал русом, это ничего. Не только русом, но и рабочим. А вы поглядите на Артыка! Он стал настоящим баяром.

Артык, и без того обиженный холодным приемом дейхан, раздраженно бросил:

— Ашир, прикуси язык!

Ашир засмеялся:

— Вот видите, — чем не баяр-полковник? Уже и приказывать начал.

— Я не знаю, на что ты намекаешь, и не хочу слушать твоих глупых шуток! — вспыхнул Артык. — Если ты знаешь, как выйти из беды, води людей за собой. А не можешь — следуй за мной!

— Артык, что за речи? Я всегда был твоей тенью. А эти люди ждут от тебя совета. Теперь тем более: ты стал большим начальником!

Артык задрожал от возмущения. Ему хотелось резко ответить Аширу, даже встать и ударить его. Прислушиваясь к перебранке друзей, дейхане сначала посмеивались, но потом начали опасаться серьезной ссоры. Черкез поспешил вмешаться. Он попросил Ашира рассказать, где бывал, что видел. И Артык решил на время отложить объяснение с другом.

Не успел еще Ашир рассказать всего, что хотел, об организации рабочих на заводе, о русской революции, как все заговорили о голоде, о необходимости действовать сообща, о том, что нужно что-то предпринять, чтобы добиться помощи. Артык лежал, опираясь на руку, и слушал. Он не вмешивался в разговор. Но когда Ашир заговорил о том, что неплохо бы обратиться за помощью к совету, не вытерпел и заявил:

— Можно обойтись и без помощи красных гвардейцев Куллыхана! Если пойдете за мной, я найду бальзам, чтобы залечить ваши раны.

— Вот было бы хорошо! Мы всегда ценили тебя.

— Незачем ходить далеко. Зерно можно найти здесь же. И столько, что хватит голодным на целый год!

Седой, с длинными ресницами человек приподнялся и придвинулся поближе к Артыку. Его тусклые глаза оживились, он сказал взволнованно:

— Так ведь это спасение для народа! Где, скажи, искать это зерно?

— Где бы ни искать, а уж у Халназара, наверно, найдем достаточно.

Черкез с сомнением покачал головой.

— У Халназара? — переспросил он. — Разве бай берет зерно у дейхан для того, чтобы вернуть им?

— Он у нас брал — не просил, и мы его умолять не станем!

— Как же так? Ведь он в почете у вашего Эзиз-хана.

— Мы возьмем у него зерно и поделим, будь он хоть самым ханом!

— А как на это посмотрит твой хан?

— Как посмотрит, так пусть и смотрит!

Ашир вдруг вскочил с места и подошел к Артыку:

— Вот теперь, друг, ты опять стал прежним Артыком!

Дейхане задумались.

Отобрать зерно у бая. Да ведь это неслыханное дело! Ашир что-то говорил о новых законах русской революции. Может быть, эти законы разрешают взять у бая. Но можно ли это делать по шариату? Не говорит ли это против обычая, установленного адатом? Да и согласится ли Халназар отдать свое добро без кровопролития?.. Впрочем, все равно помирать. А может быть, Халназар поделится своим хлебом с голодными, пожалеет людей или побоится их?.. Гибнут дети — грех на душе отца. Если уж не избежать греха, так чем отречься от детей, не лучше ли совершить этот грех против бая, отступив от веры и от адата?..

И большинство дейхан решило идти к Халназар-баю требовать хлеба голодным. Весть эта быстро облетела аул. Большой толпой дейхане двинулись к байским кибиткам.

Халназар-бай при виде толпы сразу почувствовал, что голодные люди пришли к нему не с добром. И о-о-о-бенно растерялся он, увидев среди дейхан Артыка в зеленых погонах и Ашира в костюме городского рабочего. Хриплым голосом он обратился к толпе:

— Ой, люди, что это значит? К добру ли?

Артык выступил вперед и сказал:

— Бай-ага, тебе самому известно положение этих людей: им нечего есть, они умирают с голоду. Свежи еще могилы дядюшки Мухамедкули, тетушки Аждаб и Курре. Кладбище ждет и этих людей. Ты богатый человек. Люди пришли тебя просить поддержать их на этот год. Придет новый урожай — и каждый с благодарностью вернет тебе все, что получит.

Если б порядки были хотя бы прошлогодние, Халназар сказал бы: «Так не просят!» — и не побоялся б накричать на толпу. Но пришли новые времена, и разговаривать с людьми надо было по-иному.

— Ах, братец, — сделав скорбное лицо, заговорил Халназар, — о чем толковать! Если бы у меня было столько зерна, сколько песку в Гуры-Дангдане, я все отдал бы людям. Что может быть лучше их благодарности! Но разве есть у меня зерно? Все лишнее я отдал голодным, остатки вошли в мешки. Если разделить эти несколько мешков между вами, вряд ли это кого-нибудь насытит... Все же вы пришли с просьбой, и я не могу отпустить вас с пустыми руками. Придется поискать, и каждому, может быть, наберется фунт или два.

Притворное добродушие сразу слетело с лица Артыка. Он гневно посмотрел на бая и заявил решительно: — Эти люди — не нищие, не попрошайки, чтобы бросать им по фунту зерна! Они пришли требовать от тебя свою долю — ту, что ты отнял у них в прошлом году. Согласен отдать добровольно — мы просим, а будешь вертеться, как ишак под седлом, силой возьмем!

— Ах, брат ты мой, если б ты и не говорил, а они не требовали, я ничего не пожалел бы для этих людей. Разве мне не понятно их горе? Не заставляй меня давать клятву, преступая коран, поверь — лишнего зерна у меня нет.

— Халназар-бай, это мы слышали. Не вынуждай нас к худому. Если будешь увиливать, мы сами найдем зерно и возьмем!

Поняв, что хитрость не удалась, Халназар попробовал круто изменить разговор:

— Ты, халиф, не очень-то повышай голос! «Найдем, возьмем!» Ты жив — и я еще не умер. Халназар все еще Халназар. Не думай, что если ты нацепил себе на плечи эти зеленые подметки, так тебе все дозволено. Знай меру! Не то я с тебя собою спесь и погоны заставлю снять! И сапоги снимешь и сапоги отдашь...

Тут Ашир вырвался на два шага вперед. Пронизывающе глядя из-под козырька кепки горящими, как раскаленные угли, глазами, он крикнул в лицо баю:

— Если ты такой мастер раздевать людей, так раздень сначала меня! Если хочешь отнять последнее, — держи! — И он бросил на голову Халназару свою промасленную тужурку.

Едкий запах мазута ударил в лицо баю. На секунду он растерялся.

— Ах, чтоб тебе!.. — выругался он и ринулся на Ашира.

Ашир наотмашь ударил его, и он повалился на землю. Поднявшись, схватился за палку, но Ашир тут же поймал его за руку и стал выкручивать ее назад, готовясь расправиться в баем за прошлые побои. Халназар завопил не своим голосом:

— Ма-а-вы, э-эй!.. Валлы-ы-ы!..

Вопли бая услышали не только в ряду Халназара, но и Мамедвели-ходжа. В одном белье он выбежал из кибитки, но, увидя, как Ашир с одной стороны и Артык с другой расправляются с Халназаром, бросился наутек.

Из кибиток халназаровского ряда высыпали женщины. Мехинли сначала чуть не задохнулась от испуга, но, поняв, что ей ничто не грозит, не смогла сдержать улыбки. Атайры-гелин хотела броситься на Артыка, но и ей пришла в голову злорадная мысль: «А пусть поубавят ему спеси, может быть поменьше будет рычать!» Садап-бай со слезами на глазах схватила Артыка за руку:

— Сынок! Стыдно бить человека, который тебе в отцы годится! Что вы связались с ним? Войдите лучше в дом, поешьте, выпейте чаю!

Из крайней кибитки с непокрытой головой выбежал и Мавы.

— Э-э-эй! — закричал он еще издали. — Что это вы делаете с моим отцом?

Не успел он, однако, подбежать к Артыку, как Ашир и Черкез схватили его за шиворот и оттащили в сторону. Ашир гневно обрушился на него:

— Ты дурак из дураков! Люди защищают здесь не только себя, но и тебя. А ты кого защищаешь?

— Я?.. Я?..

— Молчи! Мало тебе четырех лет, загубленных в кабале у бая. Эх ты, глупец!.. — И Ашир, уже добродушно, потрепал Мавы по плечу.

Мавы смущенно пролепетал:

— Что же, думаешь, я рад этому?

— А кто тебя держит здесь?

Мавы опустил голову. Не мог же он сказать Аширу, что связывает его с домом бая. А тот, пристально всматриваясь в его лицо, вдруг спросил:

— Где яма с зерном? Хочешь быть с нами — скажи. Мавы оглянулся вокруг. Он и рад бы чем-нибудь отомстить баю, но, опасаясь его, промолчал.

— Мавы, где у Халназара яма с зерном? — повторил Ашир. — Ты мне скажи потихоньку. Я не выдам тебя.

— Скажу, только и на мою долю оставьте.

— Непременно.

— А когда будете открывать яму, я опять нападу на вас. Пусть бай ничего плохого обо мне не думает.

И Мавы повел взглядом на стойло Мелекуша. Ашир понял.

— Больше не знаю. Эту показала мне Мехинли. Кажется, и того, что там есть, хватит на всех.

Тем временем Халназар, руки которого были связаны рукавами его же халата, опустился на сложенные перед дверью кибитки дрова. На вопросы Артыка он не хотел отвечать и думал только о том, как бы поскорее вырваться, схватить двустволку и поскакать к Эзизу. «Но тогда от зерна ничего не останется и никогда не узнаешь, сколько кто взял, — с тревогой думал он. — Пусть даже мне удастся заставить Эзиза всех их истребить — что пользы в том, если сам я останусь нищим?..» Да и на Эзиза было мало надежды, и он удрученно вздохнул: «А бывало и старшина, и волостной, и сам баяр-полковник — все стояли на защите. Желания мои исполнялись... Нет, развалилась жизнь!»

Сопровождаемый дейханами, Артык обошел все кибитки. Как и говорил Халназар, ни в одной из них не было больше двух-трех чувалов зерна. Атайры-гелин никого не хотела впускать к себе в кибитку, — встала на пороге, расставила ноги.

— Убирайтесь прочь! — пронзительно закричала она, как только дейхане

приблизилась к ней.

— Что это за молодуха? — спросил Артык. — Не знаю ее. Да она и не похожа на женщину из семьи Халназара.

— Это новая жена Баллы. Она из ангатов.

Артык считал ниже своего достоинства драться с невесткой-фалангой. Он даже не рассердился на нее, а остановился перед ней и сказал:

— Оказывается, она из родичей моих дядюшек. Жаль, не было меня в ауле. Я расстроил бы свадьбу. Разве рябой Баллы достоин такой жены?

Атайры-гелин пригладила волосы, и ее скрипучий голос приобрел вдруг неожиданную мягкость:

— Сказано: с племянником — хоть семь чужих... Что ж заходи, племянничек, заходи! — сказала она и настежь распахнула обе створки узорчатой двери.

Артык вошел, окинул внимательным взглядом кибитку и, не заметив ничего подозрительного, сказал:

— Будь здорова, тетушка! Кончим дела — зайду, посидим.

Дейхане с пешнями, с кольями, ходили меж кибиток, вокруг стойбищ скота, всюду щупали, ковыряли землю. Ашир топал своими тяжелыми ботинками возле столба Мелекуша. И как ни толст был слой земли над ямой, скоро он нашел место, где яма ответила гулом. Вокруг него столпились люди. Десятки рук взялись за лопаты.

Тогда Халназар не выдержал. Кое-как освободив руки, он схватил кривую палку и с криком кинулся на людей. В слепой ярости он не думал о последствиях, — вместе с зерном, казалось ему, уходила и его душа. Когда он занес палку над головой Артыка, Ашир перехватил его сзади поперек туловища и бросил на землю, вдобавок ударив его еще по задку своим тяжелым солдатским ботинком.

Подбежавшего на помощь Халназару Мавы связали веревкой. Мехинли бросилась к нему с плачем, но он шепнул ей несколько слов, и она успокоилась. Женщины потащили в сторону Халназара и Мавы, причитая, как по покойникам. Атайры-гелин неожиданно вцепилась Аширу в лицо. Не помня себя, Ашир и ее круто ударил оземь.

Черкез отвел Ашира в сторону и сказал:

— Что ты делаешь! Хочешь, чтобы она выкинула? Кто будет отвечать за невинную кровь?

Атайры-гелин вдруг вскочила на ноги и схватилась за палку, выпавшую из рук Халназара. Подоспевшие женщины пытались остановить ее, но она расшвыряла их и с яростью настоящей фаланги ринулась на Ашира.

В конце концов пришлось связать и ее.

Ашир посмотрел на яму, раскопанную уже шагов на семь в окружности, и улыбнулся:

— И это — тоже революция!

Опухшее от голода лицо Гандыма несколько оживилось.

— Какова молодуха, — паучок! — подмигнул он Аширу.

Его страшный смех раскатился по ряду байских кибиток, ударил в уши Халназару, лежавшему на постели. Услышав его, бай вздрогнул и закрылся с головой одеялом. Теперь он окончательно забыл о своей двустволке. Но Атайры-гелин, как только ее развязали, снова начала рваться наружу, и женщины, чтобы удержать ее в кибитке, вынуждены были закрыть дверь на засов.

Мехинли, прикрывая рот яшмаком, освободила Мавы от веревок. Прячась за нее, Мавы потихоньку юркнул за кибитку. Черкез заметил это и крикнул Аширу:

— Мавы убежал! Как бы он не привел джигитов Эзиза!

Ашир успокоил Черкеза:

— Не трогайте его, это свой парень... А вот фаланга здорово меня поцарапала. — И он погладил ладонью щеку, разодранную острыми ногтями Атайры-гелин.

Артык пошутил:

— Ну, пропал! Яд разольется по телу — смерть!

Когда яма была разрыта, глаза дейхан заблестели, как у детей. У всех проснулся давний, неутоленный голод. Со всего аула сбежались женщины, дети. К яме протянулось множество рук с мешками, с чувалами. Гандым прибежал с женой и дочкой, принес две торбы и два самых больших чувала.

— Артык, не забывай, — сказал он, дрожа от нетерпенья, — мне с Халназара помимо этого причитается! Артык похлопал его по плечу:

— Дядюшка Гандым, не волнуйся! Кто ж не знает, что бай ограбил тебя? Ты получишь две доли!

Всю ответственность за дележ Артык взял на себя и сам стал руководить раздачей зерна. Дележ походил на праздник. В полном порядке, без всякого шума и ссор, каждый получал свою долю.

Халназар лежал в кибитке, прислушивался к ликующим голосам и изнемогал от мучительных дум. Он рассчитывал за каждый батман этой пшеницы получить по верблюду, за каждый пуд — по коврику. Он думал нажиться в этом голодном году, чтобы в следующем сравняться богатством с Артыном-ходжайном, собирался открыть в городе магазин, построить хлопковый завод, пустить мельницу. И вот богатство уходит из рук. Уж не до завода тут; хорошо, если удастся вернуть зерно в будущем году пуд за пуд, батман за батман. Чтобы записать в книгу, кто сколько взял, Халназар послал за Мамедвели-ходжой. Но того нигде не нашли.

И тогда Халназар не выдержал, — встал, кряхтя и охая, взял в руки длинную тонкую палку, нож и пришел к яме. Он знал в лицо всех жителей аула и мог не записывать их имен. Надрезами на палке он стал только отмечать, сколько выгружалось из ямы зерна.

Пшеницу делили большим ведром. Артык сыпал зерно в мешок, Ашир считал. Сначала на каждую кибитку давали по двадцать ведер, а где большая семья — по двадцать пять. Когда в мешки Гандыма посыпалось янтарное зерно, ему показалось, что сама река счастья потекла к нему. Его опухшее лицо засияло, безжизненные глаза засверкали.

— Жена! — крикнул он своей Биби. — Хвати об землю ступу вместе со жмыхом, с которым вошла в мой дом нищета! Да здравствует Халназар-бай!..

Смех Гандыма спутал Халназара. Он не знал — то ли он не отметил долю Гандыма, то ли сделал вчетверо больше надрезов. А Гандыму было все равно: пусть Халназар испещрит своими зарубками хоть все жерди своей кибитки! Его восьмилетняя девочка, та самая, которую когда-то здесь, у стойла Мелекуша, Халназар толкнул так, что она ткнулась лицом в пыль, бодро тащила теперь, несмотря на слабость, полную торбу пшеницы в свою кибитку. Тогда бай даже не видел, как уходила она вся в слезах, теперь же он провожал ее злобным взглядом.

Артык не взял себе доли, решив: «Мерעד прокормит семью, а я как-нибудь перебыюсь». Но когда очередь дошла до Ашира, он распорядился насыпать ему лишних двадцать ведер пшеницы, как особо нуждающемуся дейханину, вернувшемуся с тыловых работ. Никто против этого не возражал.

Яма оказалась глубокой, глубже, чем в рост человека. Из нее выгребли пшеницы около шестидесяти верблюжьих вьюков. Голодающим досталось столько, что должно было хватить до весны. Особо нуждающимся досыпали по два-три ведра. Ашир вспомнил обещание, данное Мавы, и шепнул об этом Артыку. Остаток пшеницы — двадцать пять ведер — Артык велел насыпать в чувалы и отставить в сторону.

Халназар посмотрел на пустую яму, на последние чувалы и спросил:

— А это чья доля?

Артык, улынувшись, ответил:

— Бай-ага, это божья доля!

Глава четырнадцатая

Черная кибитка не казалась больше Артыку пустой и неудобной. Если снаружи она

походила на арбуз породы «черный-сморщенный», то внутри она напоминала ему разрезанный арбуз — красный, как жар саксаула.

Переднюю стенку ее украшали узорчатые ковровые чучалы, над ними были развешаны ковровые торбы тонкой работы, прекрасный ковер лежал в глубине, перед чучалами, большой ковер - посредине, сразу за очагом, маленькие ковры — по обеим сторонам его. Кибитка была словно усыпана цветами. И Артык гордился тем, что все это сделано руками Айны.

Но истинным украшением кибитки была сама Айна — в шелковом платье, в широком сверху и суживающемся книзу борыке с позолоченными подвесками на лбу, в шелковом платке, бахрома которого падала на плечи и на круглый серебряный нагрудник, усыпанный по окружности цветными камнями.

Артык находил, что в одежде замужней женщины Айна стала еще красивее. Он любовался ее движениями — легкими, плавными. Чтобы она ни делала, всегда гибкая, упругая, как тростинка, все у нее выходило ловко, умело. Руки ее прилежны, пальцы проворны. Во всех уголках кибитки чистота и уют, посуда и утварь на месте.

С тех пор как Айна вступила в черную кибитку, и Нурджахан точно помолодела. Она стала опрятней одеваться, следила за чистотой. Глаза ее приобрели живой блеск, на лице появилась улыбка.

Изменилась и Шекер. На ней шелковое платье. В манере вставать и садиться, во всех движениях чувствуется уже степенность взрослой девушки. Теперь она, так же как Айна когда-то, подолгу сидит в глубине кибитки, старательно вышивая и показывая свою работу Айне.

Нурджахан уверяет, что Айна оказывает благотворное влияние и на дядю Артыка и на соседок. По ее словам, молодые женщины и девушки часто обращаются за советом к Айне, а один из сотканных ею ковриков ходит по аулу из рук в руки как образец. Девушки учатся у Айны, как вывести ровно край ковра, как делать узелки, как подрезать и выравнивать ворс, делая более четким рисунок.

После раздела халназаровской пшеницы Артык, несмотря на усталость, отказался переночевать в кибитке Мерета и поздно вечером ушел к себе в аул. Утром он проснулся посвежевшим и бодрым, — усталости как не бывало. Айна заварила чай, налила в пиалу и близко подседа к нему. Артык с нежностью взглянул на жену. Глаза Айны заулыбались, на щеках появились ямочки.

— Долго же ты пропадал в городе... — начала она и запнулась.

Артык отставил пиалу с чаем и тоже улыбнулся:

— Айна моя, понятно, что ты хочешь сказать. Я знаю, что ты всегда ждешь меня с нетерпением, и никогда об этом не забываю.

— Тогда что же тебя...

— Жизнь теперь круто повернула в другую сторону. И главный источник ее — в городе. Вот эта жизнь и заставляет меня так часто отлучаться.

— Артык-джан, тебе нравится жить этой беспокойной жизнью?

Артык взял Айну за руку, стал перебирать ее пальцы:

— Где бы я ни был, Айна, сердце мое всегда с тобой.

— Я знаю. Но если б ты сам был рядом со мной, было бы еще лучше.

— Айна моя, неужели ты хочешь, чтобы я сидел в кибитке, сторонился общего дела?

— Нет, я говорю так только потому, что хочу все время быть с тобой. Я люблю тебя за то, что ты такой смелый и сильный, горжусь тем, что тебя уважает народ.

Артык еще раз убедился, что живет с Айной одними мыслями и стремлениями. Ему так же не хотелось разлучаться с Айной, как и ей с ним. Но события, охватившие родной край, не давали ему спокойно сидеть в кибитке. И Айна начинала понимать, что, сколько бы Артык ни давал обещаний, он не сможет усидеть дома.

За чаем Артык рассказал о дележе байской пшеницы.

— Ой, сынок! — испуганно сказала Нурджахан. — А разрешает ли это шариат? Дает ли

такое право адат?

— Не волнуйся, мать. Шариат разрешает даже воровство, когда дело идет о спасении человека от смерти. А мы спасали людей от голода и, кроме того, взяли по праву, каждый — свою долю.

— Если это — право, так почему же столько криков и воплей?

— А когда Халназар отнимал у нас, что же мы — радовались? Вспомни урожай с общинной земли!

— Но ведь бай покупал за деньги!

— Сколько же этих денег перепало тебе?

— Мне? Зачем смеешься, сынок. Ничего и не получила, ни гроша.

— А зерно привозили в кибитку?

— Какое зерно?

— Ну, а что же тогда дал мой труд в течение целого года?..

Нурджахан ничего не ответила сыну. Ей было понятно, что Артык трудился весь год и остался без хлеба, не понимала она лишь одного: как удавалось Халназару присваивать этот труд. Считалось недозволенным отбирать чужое добро, все равно у кого — у бедного или богатого. Но она радовалась тому, что теперь такие, как Гандым, не умрут с голоду, перебьются до будущего урожая. Она хорошо представляла себе этот дележ, эти мешки и чумалы, наполненные пшеницей. В нынешнее голодное время за каждый такой мешок зерна можно купить верблюда. Внезапно в ней проснулась старческая жадность, и она спросила, забыв и жалость к баю, и запреты религиозных обычаев и законов:

— Артык-джан, а тебе сколько досталось?

— Мать, если будет здорова Айна и цела моя голова, — ты голодать не будешь.

— Так много тебе дали, сынок?

— А много нужно?

— Да кто же бывает когда-нибудь сыт добром?

Артык рассмеялся:

— Не боишься преступить законы шариата?

Нурджахан сразу опомнилась и замахала руками:

— Нет, нет! Чужого добра мне не надо. Я думала, что и ты по праву получил свою долю, потому и спросила.

— Не было б греха, если б взял. Но мы живем лучше других, и я решил отказаться от своей доли, чтоб голодающим больше досталось.

— И хорошо сделал, сынок!

Услышав о том, как осрамилась Атайры-гелин, Нурджахан испуганно ахнула:

— Вай! И не совестно ей?

— О чем же думает муженек? — спросила Айна.

— Она не только за Баллы, но и за весь халназаровский ряд воует.

Айна тихо улыбнулась, а Нурджахан, страшась и изумляясь, суеверно поплевала себе за ворот, как бы спасаясь от нечисти:

— Да сохранит бог от худшего!.. Ну, Садап нашла себе подходящую невестку...

Артык поднялся, собираясь уходить. Нурджахан принялась умолять его:

— Дитя мое, не уходи! Я так боюсь за тебя. Когда тебя нет, я все думаю, не обрушилась ли на моего Арты-ка еще какая беда. Может, вернешь хозяину оружие и эти знаки, что у тебя на плечах?

Артык ответил словами Сары:

— Тихий мужчина пригоден лишь для могилы.

— Если шумом можно обойтись, то его и без тебя достаточно.

— Мама, ведь ты родила меня не для того, чтобы прятать в одеяло. Жизнь для меня только теперь и начинается.

— Ну, вот и хорошо! Наслаждайся этой жизнью, сынок, у себя дома.

— Сказано: быку-лежебоке нет корма. Радость жизни сама не придет. За нее надо

бороться, ее надо взять. Если б я спокойно лежал дома, то и Айну отобрали бы у меня. Так ведь, Айна?

Айна молча улыбнулась. Нурджахан делала знаки невестке, чтобы та поддержала ее. Заметив это, Артык начал подшучивать над матерью:

— Вот и Айна мне все время твердит: будешь лежать дома — стыдно будет показаться на народ! Спроси ее, если не веришь.

Нурджахан с тревожным удивлением уставилась на невестку:

— Айна-джан, так ли?

— Мама, храброго пуля не тронет, — спокойно ответила Айна.

— Ой, невестушка! Ты, оказывается, его еще и подхлестываешь! Нет, дети мои, неспокойна у меня душа. Конечно, сынок, ты сам знаешь, что тебе делать. Только я прошу: будь осторожен...

Айна, провожая Артыка в город, сказала:

— О доме не беспокойся. Будь здоров там, куда идешь. А я всегда разделю с тобою судьбу.

— Айна моя, — радостно воскликнул Артык, — я так и думал, что ты поймешь меня и поддержишь!

Глава пятнадцатая

По возвращении в Теджен Артык коротко рассказал Эзизу о событиях в ауле. Когда Эзиз поднял глаза на своего нукера, они были красны от прилившей крови. Но внешне он остался спокоен и только сказал:

— А я о чем тебя просил?

Артык ответил невозмутимым тоном:

— Эзиз-хан, я тебе ничего не обещал.

Эзиз задрожал от гнева и хрипло рявкнул:

— О чем я тебя просил? Отвечай!

От этого крика кровь закипела в жилах Артыка. Ему захотелось еще громче крикнуть в ответ. Но он сдержал себя, и только голос его стал глухим от волнения:

— Эзиз-хан, я оружие твое взял не для того, чтобы слепо носить его. Я ношу его, чтобы служить тебе и чтобы исцелить свои раны. Я живой человек.

— Вижу... Ты что же — хочешь перебить мне ноги?

— Ошибаешься, Эзиз-хан.

— Кто ошибается?

— Ты. Если б я хотел бороться против тебя, я стал бы красногвардейцем Куллыхана. А я и во время восстания шел с тобой и теперь ношу твое оружие. Я и жизнью своей готов пожертвовать ради тебя... по правде говоря, — ради народа. Но я свободы своей тебе не продавал. И если ты будешь ставить мне в вину каждый мой шаг — тогда на, бери оружие! — сказал Артык и бросил перед Эзизом винтовку.

Эзиз еще раз посмотрел на Артыка и опустил голову. Тяжелые веки прикрывали его налитые кровью глаза, гнев душил его. Нукер, которого он возвысил, пошел наперекор его воле. «С ним надо покончить теперь же, одним ударом», — думал он, и в то же время в голове у него мелькала мысль: «Нельзя упускать таких людей! Сегодня уйдет Артык, завтра, чего доброго, лишусь и Кизылхана. Каждый отколовшийся от меня может присоединиться к моим врагам...» Но он считал недостойным своего имени, имени Эзиз-хана, то бесчестие, которому подвергся один из его советников, уважаемый человек. Это унижало его самого.

Некоторое время Эзиз колебался. Ему казалось, что кого бы он ни упустил из рук — Артыка или Халназара, — это нанесет ему большой ущерб. А между тем надо было выбирать кого-то из них. И Эзиз мысленно взвешивал того и другого, прежде чем прийти к окончательному решению.

— Артык, — заговорил он голосом, в котором еще слышалось раздражение, — дружба

бывает прочна, когда друзья советуются и действуют в согласии. Я не променяю тебя на сотню таких, как Халназар. Но раз ты пока еще не понимаешь моей политики, то постарайся хотя бы понять мое положение. Если в следующий раз ты опять вздумаешь затеять такое дело, — предупреди меня. Тогда я не окажусь в неловком положении, и у меня не будет оснований упрекать тебя. А сейчас — что будут говорить про меня в народе? Скажут, что Эзиз-хан в жестокости превзошел царя, ограбил своего же советника...

— Так могут говорить только четыре-пять баев, а народ будет тебе благодарен.

— Ты больше моего бываешь в народе, — может быть, это и верно. И все же надо действовать осторожней.

— Эзиз-хан, здесь все ясно: пусть обижен один бай, зато сто семей бедняков спасено от голодной смерти!

Эзиз задумался, и вдруг его осенила мысль: «Если уж делать выбор в пользу Артыка, то глупо останавливаться на полдороге. Этот своевольный упрямец, пожалуй, прав: ценою временного недовольства одного бая можно купить преданность сотен людей. Бай успеет еще вернуть свое сторицей, а сейчас важнее всего сплотить под своей властью голодных людей».

И Эзиз, подняв голову, обратился к Артыку:

— Возьми десятка два своих джигитов, поедешь со мной.

Услышав обычный приказ, Артык понял, что гроза миновала.

В сопровождении Артыка и двух десятков его джигитов Эзиз-хан проехал по главной улице города. В конце ее виднелась большая толпа. Указывая на нее, Артык сказал:

— Вот смотри, Эзиз-хан, если хочешь знать горе народа. Это толкучка.

Дул холодный, пронизывающий ветер. На толкучку падали неверные блики солнца, лучи которого с трудом пробивались сквозь тяжелые тучи. Среди скопища людей не было почти ни одного человека, не придавленного нищетой: кругом виднелись только лохмотья, едва прикрывающие наготу. Все ежились от холода и еле двигались от истощения. Вещи, которые продавали и покупали на этом базаре, не стоили и ломаного гроша. Голодные дейхане бродили тут же, среди городской бедноты. Они хлынули в город, чтобы не умереть с голоду, в надежде найти пропитание для себя и для своих детей.

Прямо среди улицы горели костры, на таганах стояли котлы с обломанными краями. В них на кунжутном масле поджаривалось почерневшее тощее мясо. Горьковатый дым и тошнотворная вонь носились в воздухе, по люди вдыхали этот отвратительный чад с таким наслаждением, словно это был запах плова. Вокруг котлов толпились голодные. Истекая слюной, с завистью смотрели они на счастливых, которые грызли жесткое, жилистое мясо. Иные, не выдержав соблазна, выхватывали мясо из рук продавцов и убегали. Продавцы бросались за ними вдогонку, поднимался шум, крики. И не было никого, кто бы смотрел за порядком, предупреждал драки, поминутно возникавшие между голодными людьми. Среди торговцев, хозяев котлов сновали поставщики мяса — такие же люди в лохмотьях. Завернув в чекмень свой подозрительный товар, они ходили от котла к котлу, предлагая жесткую ляжку без признаков жира, голову или ребра. И никого не интересовало, какое это мясо — баранье, собачье или ослиное.

Женщины словно потеряли стыд. И старые и молодые, сбросив яшмаки, бродили по базару с открытыми лицами. Никто не заглядывался даже на молодых, — одни кости торчали из их лохмотьев.

Продавцы кричали:

— Вот жирное мясо! Вот сладкая баранина! Подходи!

Худой, с темным, измученным лицом и всклокоченной бородой мужчина долго бродил среди котлов, жадно заглядывая в них. Временами он приценивался к мясу, но, по-видимому, только для вида: вряд ли в его дырявом кармане нашелся бы грош. Рот его судорожно открывался и закрывался. Теряя рассудок, он пошарил в карманах, оглянулся по сторонам. Вдруг, выхватив из котла кусок мяса и даже не пытаясь бежать, он тут же стал рвать его зубами. Владелец котла с криком набросился на него, пытаясь вырвать украденный кусок.

Но худые руки цепко держали добычу. Торговец принялся избивать несчастного, сбил его с ног, а тот все продолжал грызть мясо. Толпа молча смотрела, как мучил торговец свою жертву, и не нашлось ни одного человека, который вступился бы за несчастного. Были и такие, которых развлекала эта схватка, как грызня собак. Они хохотали и подзуживали того и другого.

Артык не мог этого вынести. Он въехал в толпу, схватил за плечо торговца и гневно крикнул:

— Где твоя совесть? Этот бедняга потерял образ человеческий, он на краю могилы.

Избитый продолжал лежать, не выпуская из рук кости, и хотя на ней уже ничего не осталось, обсасывал ее со всех сторон. Наконец, он пришел в себя и понял, что у него нашелся защитник. Отбросив кость, он сел, страдальческими глазами посмотрел на Артыка, потом на владельца котла и, опустив голову, тихо заплакал. Глаза его оставались сухими, но все тело дергалось от глухих рыданий.

Артык узнал нищего: это был тот самый дейханин, который приходил к Халназару, когда бай угощал пловом Артына-ходжайна.

«Как голод обессиливает человека», — с волнением думал он, глядя на рыдающего дейханина. Нащупав в кармане несколько керенок, он спрыгнул с коня, помог нищему подняться на ноги и, сунув ему в руку деньги, сказал:

— Не падай духом, брат. Сдержи себя, будь мужественным!

С ненавистью взглянул он на торговца, учинившего расправу над голодным, и одним пинком ноги опрокинул его котел — масло, шипя, залило раскаленные угли. Затем обернулся и крикнул своему начальнику:

— Эзиз-хан! Ты видишь, как страдает народ. У таких, как Халназар-бай, надо отобрать все добро, а самих предать смерти!

От этих слов толпа, до тех пор, казалось, совершенно безучастная ко всему, словно очнулась. Послышался грозный рев. В нем слышались и жалобы и угрозы отчаяния. Послышались отдельные выкрики, вопли женщин:

— Погибает народ!

— Дети мрут, Эзиз-хан!

— Хлеба нет! Накорми народ, Эзиз-хан!

В эти минуты, прислушиваясь к грозному реву толпы, Артык совсем забыл об Эзизе. Тот сам напомнил о себе, сказав медленно и громко:

— Ты убедил меня, Артык. Надо взять у таких, как Халназар, и раздать голодным...

Эзиз и в самом деле готов был пойти на все, чтобы привлечь на свою сторону голодные массы народа. Он решил опередить мероприятия городского совета. Приказав Артыку с нукерами следовать за собой, он тут же начал обходить склады, сараи и амбары крупных скупщиков и торговцев. Некоторых он силой заставлял открыть лабазы, там же, где никого не оказывалось, запоры ломали его нукеры. Осмотрев запасы зерна, Эзиз приказал Артыку повесить на дверях свои замки и поставить часовых у каждого склада. Когда вешали замок на двери амбара купца Котура, тот стал умолять:

— Господин хан, я — твой человек и я помогал тебе стать ханом. Я много должен в Джизак и Фергану. Не позорь меня! Ты сам пожалеешь потом, если меня разорят.

— Не притворяйся, купец! — нарочито громко отвечал Эзиз. — Ты достаточно нажился, и ты не из тех, кто теряет.

— В таком случае уплатите мне хоть по городской цене!

— Уплатим по такой цене, какую ты сам платил. И то когда разбогатеешь...

Купец ухватился за полы халата Эзиза, продолжая умолять его об отмене приказа. Эзиз отодвинулся от него и приказал часовому:

— Не слушай никого и стреляй во всякого, кто осмелится подойти к амбару!

Когда Эзиз завернул за угол, Котур попытался заговорить с часовым, решив перетянуть его на свою сторону. Вместо ответа часовой направил на него дуло винтовки.

— Нет, нет!.. — замахал руками купец. — Ты не понял меня! — И в страхе побежал от

него прочь, то и дело оглядываясь.

В тихом переулке Эзиз поджидал Артыка, который со своими нукерами навешивал замки на лабазы торговцев. Увидев его, купец опасливо умерил шаг, но Эзиз-хан сам подозвал его и тихо сказал:

— Ты помалкивай. В ближайшее время я поставлю тебя хозяином в таком деле, где ты заработаешь в десять раз больше, чем на своем амбаре... А теперь проваливай!

Действуя с такой же решительностью, Эзиз захватил одну из самых больших пекарен города с целым амбаром муки, а затем приказал объявить через глашатаев: «Если ты из аула и голоден, с завтрашнего дня приходи получать хлеб в пекарне Эзиз-хана. Каждый день на каждую душу будет выдаваться по фунту хлеба!»

Вернулся Эзиз в свой караван-сарай в самом отличном настроении. Победоносно подкручивая усы и глядя на Артыка, он сказал:

— Тем, что ты вывернешь карман у одного Халназа-ра, ты не накормишь народ. Голодных можно насытить только вот так!

— Эзиз-хан, у нас силы не одинаковы: дерево, которое я расшатал, ты рвешь с корнем.

Артык говорил искренне. Однако самодовольная улыбка на лице Эзиз-хана ему не понравилась. Несколько смущенный, он вышел от него, думая: «Конечно, если бы не Куллыхан, Чернышов давно выполнил бы то, на что решился Эзиз-хан, услышав вопли толпы. Но у Ивана руки связаны, а Эзиз делает все, что захочет...»

Размышления Артыка были прерваны появлением Халназар-бая. Тяжело дыша и бросая на него взгляды, полные ненависти, Халназар торопливо прошел к Эзизу. Артык усмехнулся, посмотрев ему вслед, и направился к своим нукерам.

Бай рассказал Эзизу о своих злоключениях и закончил свой рассказ упреком:

— Эзиз-хан, если глубоко задумаешься, то это не только меня ограбили, но опозорили и твое доброе имя.

Эзиз насмешливо посмотрел на бая и ядовито спросил:

— Бай-ага, как же так? Не ты ли говорил, что у тебя лишнего зерна нет?

— Вах! Да где же быть лишнему? Это было то, что я отнял ото рта своих домочадцев и припас на черный день.

— А разве не мы сами решили при тебе собрать излишки зерна и раздать голодным?

— Ну, решили, но значит ли это, что всякий стоящий и нестоящий может меня топтать ногами? Ведь и собирать зерно и раздавать его — это мое дело!

— А было хоть раз, чтобы ты раздавал зерно?

— Я дожидался твоего приказания.

— Ну вот я и приказал Артыку, чтобы народ не обижался на Халназара, начать с Халназара.

— Хм!.. Так и скажи.

— Так, Халназар-бай, так!

Халназар закусил нижнюю губу, тяжело запыхтел. Его десятипудовая туша заерзала на ковре перед Эзизом.

— Эзиз-хан, — проговорил он с дрожью в голосе, — оказывается, ты сначала приманишь собаку лаской, а потом бьешь ее.

Эзиз разгневался:

— Халназар-бай! — угрожающе произнес он. — Собаку я бью так, как это мне нравится! Могу бить, могу и наказать смертью!

— Избави бог от худого! — испуганно пролепетал Халназар. — Ведь я твой советник...

— Не твое дело указывать, каким путем мне идти!

— Я...

— Халназар-бай, сейчас я тебя на совет не звал. И вот что скажу тебе: если ты где-нибудь начнешь жаловаться на меня или поносить меня, добра от меня не жди!.. Я кончил!

Халназар с трудом поднялся, — ноги не держали его тяжелую тушу. Шатаясь, как

после тяжелой болезни, он направился к двери и вдруг, споткнувшись о порог, грохнулся, как бык, которого ударили по голове обухом топора.

Жалкий вид злополучного советника тронул Эзиза.

Когда тот поднялся, он приветливо обратился к нему:

— Послушай, бай-ага, не принимай близко к сердцу того, что случилось. В дальнем пути не следует оплакивать каждого павшего верблюда. Наша задача — довести до цели весь караван. Я слышал, что Иван Чернышов выступил в совете с требованием отобрать у торговцев и баев все запасы зерна и муки, но Куллыхан возражает против этого. Пока они там спорят, мы уже опередили их. Городская пекарня в наших руках. Вместе с теми складами, к которым я сегодня поставил свой караул, это будет огромное хозяйство. Управлять этим хозяйством я поставлю тебя. Думаю, что тебя не надо учить: ты первый с избытком вернешь все отнятое у тебя добро. Со временем все, взятое у богатых людей, будет возвращено мною, но сегодня богатый должен поделиться с неимущим, иначе мы не успокоим народ и не сможем повести его за собой. Я помню, на заседании дивана ты сам говорил, что не надо ссорить дейхан с баями. Ты прав, но для этого надо временно уступить народу. Хорошо ли ты меня понял? Если так, то не ставь в вину то, что случилось с тобой.

— Понял, Эзиз-хан, понял! Спасибо!..

Халназар вышел от Эзиза повеселевшим. В этот день Артык больше не встречался с ним. А позже Халназар старался держаться так, словно между ними никогда ничего не было.

Глава шестнадцатая

Многочисленные враги молодой советской власти использовали каждое затруднение на ее пути. Они искали друг друга внутри страны, чтобы объединиться и нанести смертельный удар новому строю. Они спешили стать на службу к внешним врагам, чтобы по их указке срывать все мероприятия Советов, направленные к облегчению тяжелого положения рабочих и беднейших крестьян. Они открывали новые фронты, наносили удары в спину исподтишка, пытались задуть народную революцию голодом и террором. Особенно широко и активно они развешивали свою деятельность на окраинах.

Декабрь месяц тысяча девятьсот семнадцатого года ознаменовался в Средней Азии новым событием, взволновавшим всех мусульман: в городе Коканде был назначен национальный съезд представителей туркестанских народов, исповедовавших ислам. Съезд этот был организован баями, фабрикантами, оптовиками хлебной и хлопковой торговли, скупщиками скота и каракуля. Характер съезда и его откровенное устремление за советские рубежи были совершенно ясны, но даже не все его устроители знали, чья рука из-за рубежа направляла все дело, завязывала-узлы, плела путы заговора против молодой Республики Советов.

Специальным поездом из Ашхабада выехали на Кокандский съезд и представители туркменской буржуазии. Салон-вагон в середине поезда был украшен снаружи текинскими коврами. Когда поезд остановился в Теджене, из этого вагона вышел худощавый человек среднего роста в хорошо сшитом шелковом красном халате и белой папахе из тончайшей шленки. Из-под папахи выбивалась густая прядь слегка поседевших волос. На плечах у него были золотые погоны, на пояском ремне висела в серебряных ножнах сабля. Это был офицер царской службы Нияз-бек, возглавлявший Ашхабадскую делегацию. Сопровождавшие поезд рослые нукеры, также одетые в красные халаты и белые папахи, звали его «баяром».

Нияз-бек, точно кого-то поджидая, огляделся по сторонам. Тем временем на перроне в сопровождении своих нукеров появился Эзиз-хан в светлом халате из верблюжьей шерсти. Завидев еще издали его рослую фигуру, Нияз-бек направился ему навстречу, дружески поздоровался и пригласил к себе в вагон. Заочно они уже были друзьями, а встретившись, понравились друг другу с первого взгляда.

Молодые джигиты, которых вывел Эзиз для встречи Нияз-бека, в своих черных папах и поношенной одежде выглядели более чем скромно по сравнению с нарядными

нукерами из Ашхабада. Но опытный глаз Нияз-бека сразу отметил, что в качестве боевой силы каждый из них стоит дюжины ашхабадцев. Особенно внушительное впечатление произвел на него Артык с его гордым, мужественным взглядом. И Нияз-бек откровенно высказал Эзизу свое восхищение им, как только они вошли в салон-вагон.

За обедом, не решаясь предложить Эзизу запрещенных мусульманским законом спиртных напитков, Нияз-бек угощал его лимонадом. Эзиз, впервые на своем веку очутившийся в салон-вагоне, с изумлением рассматривал бархатную мебель и зеркала, столовое серебро и хрусталь, поражаясь широкому образу жизни и роскоши, которой окружил себя Нияз-бек. «Эти люди знают, как жить, — одобрительно подумал он, — они берут от жизни все, что можно... И правильно делают».

На вопрос Нияз-бека о положении в Теджене Эзиз ответил, что намерен в ближайшие дни разделиться с красногвардейским отрядом. Нияз-бек, однако, посоветовал ему не торопиться с этим.

— Эзиз-хан, — сказал он, — благополучие туркменского народа — в постепенном движении. Повремени, есть дела и поважнее. На обратном пути из Коканда я обязательно задержусь в Теджене. Тогда мы скроим огненный халат и твоему Чернышову и всем, кому нужно.

В осторожной беседе каждый старался, не раскрывая собственных планов, выяснить намерения другого. Глядя на Эзиза, Нияз-бек решал: «Надо его обязательно прибрать к рукам. С такими, как этот, мы быстро утвердим свою власть не только в Туркмении, но во всем Туркестане». А Эзиз в свою очередь думал: «Хотя этот Нияз-бек из узкоштанников, но он мне нравится. С таким баяром надо быть в дружбе. А когда я крепко встану на ноги, все они, в том числе и Нияз-бек, станут игрушкой в моих руках...» Оба говорили о дружбе, но, подобно тому как мышь тянет в поле, а лягушка в болото, один мечтал занять крупный государственный пост в будущем «автономном Туркестане», другой думал о собственном ханстве.

Эзиз присоединил к ашхабадской делегации в качестве своего представителя Мадыр-Ишана, и на этом свидание с Нияз-беком закончилось.

На съезде автономистов в Коканде собрались буржуазные националисты со всего Туркестана. Во всех выступлениях говорилось главным образом о борьбе с советской властью. В результате съездом была объявлена автономия Туркестана и сформировано контрреволюционное правительство. День рождения пророка Мухаммеда, двадцать шестое декабря, Кокандский съезд буржуазных автономистов объявил «днем автономии», днем смотра своих сил.

Председатель новоявленного правительства на первом же заседании своего кабинета дал понять, что одна крупнейшая держава обещала оказать поддержку независимому от России автономному государству в Средней Азии материальными средствами и войсками. Заводчики, баи и офицеры-белогвардейцы тотчас же приступили к формированию воинских частей. Первым главарем контрреволюционных сил «Кокандской автономии» стал Иргаш-бай, сколотивший банду самых отчаянных головорезов.

Накануне «дня автономии», как только стало известно, что Эзиз готовится отметить этот день, в городском совете состоялось экстренное совещание. Кроме членов совета, Чернышев вызвал на это совещание и начальника штаба Красной гвардии Келёвхана.

Вместе с Келёвханом в кабинет председателя вошел высокий, смуглый детина, не то помощник его, не то ординарец. Это был странный человек. Как только он вошел, его черные глаза беспокойно забегали по кабинету, и было в этом бегающем взгляде что-то безумное. Это впечатление усиливалось еще тем, что никакой мысли не отражалось на гладком и смуглом, точно медном, лице этого человека и в его пустых черных глазах.

Келёвхан звал его Ата-Дяли (Дяли — безумец), и для этого были все основания. Ата задевал кого хотел и всегда нагло смеялся, а его бесноватые глаза говорили, что для него ничего не стоит и убить человека. Усевшись на свободный стул рядом со своим начальником, Ата-Дяли подкрутил усы с таким видом, который показывал, что он считает себя удалцом.

Но Келёвхан, должно быть, держал его при себе по другим соображениям: похвали да поощри такого человека — и он будет твоим.

Открыв совещание, Иван Чернышов обрисовал создавшуюся в городе обстановку и сказал:

— По-моему, завтра не нужно выводить красногвардейцев на улицу. Эзиз, по всей вероятности, ограничится мирной демонстрацией. Но на всякий случай следует держать красногвардейцев в боевой готовности, и члены штаба должны быть на своих местах.

Один из членов совета возразил:

— Вряд ли Эзиз проведет этот «праздник» без крови. Поэтому придется на кровь ответить кровью.

Куллыхан поставил вопрос еще более решительно:

— С Эзизом надо покончить в эту же ночь!

Чернышов попытался убедить не согласных с его предложением. Он понимал, что Красная гвардия в Теджене и численно, и по боевым качествам значительно уступает нукерам Эзиза. Решительные действия против Эзиза он рассчитывал начать в тот день, когда придет обещанная помощь из Ашхабада. Но Куллыхан не хотел слушать никаких доводов.

— Я — комиссар! — кричал он. — И будет согласен совет или нет, но я сегодня же на рассвете рассчитаюсь с Эзизом! Я превращу его праздник в день скорби!

— Куллыхан, если ты комиссар, то я — начальник штаба, — заявил Келёвхан. — То, что ты сказал, сходится с моими намерениями. Нечего дожидаться рассвета, — нападём сейчас.

Слова Келёвхана не имели большого значения, но упрямство Куллыхана начинало раздражать Ивана Тимофеевича.

— Куллыхан, — строго обратился он к комиссару, — ты вечно кричишь и споришь, а толку от этого — нет. Когда мы говорили, что надо отобрать хлеб у баев и помочь бедноте, ты вот так же горячился. Тогда ты пугал нас чуть ли не восстанием в аулах и говорил, что у тебя сил не хватит справиться с беспорядками. А видел, что получилось? Эзиз сделал то, что должны были сделать мы, и привлек дейхан на свою сторону. Совет сделал большую ошибку, послушав тебя. Теперь ты опять упорствуешь, но мы не допустим новой ошибки. Хотя ты и комиссар, а Келёвхан — начальник штаба, отряды красногвардейцев не двинутся с места без разрешения совета.

— Оружие в моих руках! — опять закричал Куллыхан. — И я обязательно...

— Замолчи! — гневно стукнув рукой по столу, перебил его Чернышов. — Скажешь еще хоть слово — положишь оружие на стол!

Воцарилось молчание. Эсер поддерживал Куллыхана во всех случаях, когда тот не соглашался с Чернышевым. Но на этот раз, взглянув на председателя совета и встретив его гневный взгляд, он опустил голову и стал ковырять пальцем стол. Ата-Дяли с обычным своим глуповатым видом сказал:

— Фу-ты, ей-богу, как они бесятся! А еще ученые люди. Куллыхан, если ты и дня не можешь прожить без драки, так давай драться со мной. А ты, Иван, если тебе нужно оружие, бери мое. Я и одними кулаками справлюсь!

Ата-Дяли не отличался умом. Но недаром говорят, что у безумного сто слов пустых, да одно нужное. Вмешательство Ата-Дяли подействовало успокоительно. Куллыхан тоже опустил голову: Чернышов не бросал слов на ветер, и комиссар красногвардейцев прекрасно понимал, что Эзиз уничтожит его в тот же день, как только он останется без вооруженной охраны. Он уже раскаивался в своей горячности, но признаваться в ошибке считал ниже своего достоинства.

А Чернышов спокойно закончил:

— Пока у нас сил меньше, чем у Эзиза, нельзя начинать драку. А кроме того, надо учитывать то, что сейчас в городе полно дейхан. Они не поймут, почему мы решили пролить кровь в день их большого мусульманского праздника. Нельзя повторять ошибок. Если даже сам Эзиз будет искать повод для столкновения, мы должны избегать его, чтобы выиграть

время.

Куллыхан опять не сдержался и крикнул:

— Выходит, мы должны покориться Эзизу?

— Никогда! Настанет время, и Эзиз покорится народной власти. Как только мы получим обещанную нам помощь, мы сами покончим с ним. Если вы находите, что это надо ускорить, то мне придется самому съездить в Ашхабад.

Совещание в совете закончилось поздно вечером. Все предложения Чернышова были приняты.

А ночью скупое небо, не давшее за весь год земле ни капли влаги, расщедрилось. Еще с вечера небесную синь начала застилать плотная пелена облаков. С полуночи пошел густой снег. Сухая земля покрылась толстым белым покровом. На рассвете тучи поредели, разорвались, а к утру небо снова очистилось и засверкало прозрачной синевой.

Сразу же после восхода солнца все мусульманское население города поднялось на ноги. Старейшины, прибывшие из аулов по приглашению Эзиза, духовенство, дейхане, бывшие в городе, вышли на улицу. Под ногами скрипел снег, из ртов шел пар. Рядом с Эзизом важно шагал Мадыр-Ишан, держа в руках зеленое знамя ислама.

Главная улица маленького города оказалась переполненной людьми. Толпы народа прошли через площадь и остановились перед мечетью. Здесь Мадыр-Ишан, лицемерно проливая слезы, стал громко выкрикивать:

— О аллах!.. О создатель!.. О наш пророк!..

Другой советник Эзиза, Алты-Сопы, воскликнул:

— Да живет ислам! Да здравствует Эзиз-хан!

Люди, ежась от холода, обошли вокруг мечети, повторяя возгласы Мадыр-Ишана и Алты-Сопы. Затем Мадыр-Ишан, передав стяг в руки Халназар-бая, поднялся на минарет. Хищным взглядом обвел он толпы мусульман, заполнявшие площадь. Первые слова призыва к молитве прозвучали торжественно и грозно:

— Аллахы экбэр! Аллахы-экбэр!..

Некоторые дейхане изумленно смотрели на все происходящее и думали: «И чего этот Мадыр-Ишан вздумал призывать бога и пророка? Может, видя сегодняшний снег, молится, чтоб наполнилась водою Тедженка и напала влагой землю? Но что ему до посева? Он и в голодный год хлыщет водку да жрет свинину... А чего Алты-Сопы дерет горло и призывает к молитве? Солнце давно взошло, до полдня далеко — к чему этот азан? Как будто тут ни у кого не родился сын. И почему собралось столько народу? Видно, с ума сходят люди от безделья и голода!»

Неспроста надрывался Мадыр-Ишан, вопя истошным голосом: «Аллахы экбэр!» Сейчас все его благополучие зависело от того, насколько ему удастся разжечь религиозный фанатизм народа и заслужить доверие Эзиз-хана.

После молитвы Мадыр-Ишан, по знаку Эзиза, выступил с речью. Он рассказал о Кокандском съезде, разъяснил, что такое автономия и какие цели ставит перед собой мусульманское правительство. Он говорил горячо, широко раскрывая рот и порой вытирая глаза платком.

У Халназара поясница ныла от усталости — тяжелое знамя приходилось держать на вытянутых руках. В другое время зрелище всего происходящего, вероятно, радовало бы Халназара, но сейчас все это казалось ему пустой затеей. Как не верил он в восстановление царского трона, так не верил и в то, что какому-то там кокандскому правительству удастся утвердить знамя ислама. А Юмуртгачи ни о чем не думал: он чувствовал себя так, словно уже сидел на троне халифов.

На ступени мечети поднялся Эзиз. Высокомерным взглядом он окинул толпы людей, собравшихся вокруг, и не спеша, с важностью в голосе, начал речь:

— Народ! Старшины! Духовенство! Сегодня — великий день! Не только потому, что мы празднуем день рождения нашего пророка Мухаммеда, мир праху его! Сегодня мы берем свою судьбу в свои руки. С сегодняшнего дня все дела будут решаться по нашему

мусульманскому закону, по шариату. Духовенство, старейшины, весь народ! В этом деле мне нужна ваша поддержка. До сего времени в нашем городе существовало две власти, два разных начала. Я заверяю вас, что в ближайшие дни мы с вашей помощью сметем кучку людей, которые пытаются встать нам на пути. Я всех вас призываю на правый путь, под знамя ислама. Да здравствует наше единство!

Мадыр-Ишан начал говорить — и покатился по площади рев толпы:

— О аллах!

Глава семнадцатая

Не успело солнце подняться над краем земли, как по аулу Гоша полетела странная, ошеломляющая весть. Сначала ее передавали шепотом, затем заговорили открыто и громко:

— У Халназара жена убежала!

— Сбежала Мехинли!

— Она с Мавы убежала!

Случалось и раньше — убежит девушка, и никого это особенно не удивляет. Но весть о том, что сбежала замужняя женщина, взволновала всех. Происшествие обсуждалось на все лады. Халназара, впрочем, никто почти не жалел, даже Мама. В другое время она, быть может, и посочувствовала бы ему, но теперь говорила:

— Вот хорошо! Когда моя дочь убежала, он орал на меня, как бешеный. Посмотрим, на кого он теперь будет орать. Упустить собственную жену! Да лучше бы ему с жизнью расстаться!

Старики, встречаясь, качали головами:

— Неслыханное дело. Чтобы убежала жена от мужа! Дурное, дурное знамение.

— И я так думаю. Последние времена!..

А женщины — так те просто были потрясены неслыханной смелостью Мехинли. Они даже сбросили яшма-ки и тараторили без умолку, с каким-то радостным волнением. Большинство из них одобряло поступок Мехинли, но были и такие, что проклинали ее, как беспутную.

Обиженная Халназаром Умсагюль дала волю своему языку. Подоткнув платье, она все утро бегала по аулу от кибитки к кибитке, побывала даже в одном из соседних аулов. И всюду она высказывала сочувствие Мехинли и ругала бая.

— О девушки, — говорила она, — да как же ей не бежать! Халназар и мужем-то ей не был и кормил ее, как собаку! А одежды у бедняжки только и было, что наготу прикрыть. Теперь она отомстила баю за все. Говорят, если она пожалуется большевикам, Халназара могут упрятать в тюрьму. Так ему и надо! Что бы ни обрушить на голову этому жадному баю — все будет мало!

Тяжелый год выпал на долю Халназара. Сначала появилась в доме невестка-фаланга. Потом свергли царя. Артык смешал имя бая с грязью, а те, кого Халназар считал бездельниками, дармоедами, растащили тысячи батманов зерна. И в довершение всего — сбежала жена! Как перенести этот новый позор? Ведь не животное он, не собака какая-нибудь, которая огрызнется и уйдет, когда ее побьют. Нанесено смертельное оскорбление, затронута честь. И кем — подумать только! Рабыней, которая была куплена за чужал ячменя, и безродным Мавы, который у семи дверей не находил себе пристанища! Что же делать, чтобы смыть с себя этот позор? Преследовать, найти, вернуть? Но где прежние джигиты, которых можно было пустить по следу? Где верные защитники — волостной Ходжамурад, арчин Бабахан? Призвать сыновей защищать честь отца, самому сесть на коня... Ну, хорошо, нападешь на след, погонишься, а вдруг след приведет опять к Эзиз-хану? Ведь достаточно Мавы, по примеру Артыка, стать нукером Эзиз-хана, чтобы получить у него защиту.

Был уже полдень. Халназар все сидел на ковре перед пиалой давно остывшего чая и думал: «С таким позором как показаться на людях? Каждый может назвать малодушным и

недостойным, каждый может плюнуть в лицо. Чем жить опозоренным, лучше умереть с честью».

Халназар взял в руки недавно купленный револьвер, проверил пули в барабане, взвел курок. Руки его дрожали, глаза округлились, губы задергались. Подавив колебания, он приставил дуло к груди и зажмурил глаза. Но сердце вдруг так сильно забилося, что он невольно открыл глаза, повел вокруг себя блуждающим взглядом. Солнечный луч, падая через отверстие в крыше, играл на прекрасных узорах ковра. Это легкое колебание солнечных бликов, эта игра красок словно говорили Халназару: «Ты глуп. Кто же добровольно спешит в могилу, отказываясь от радостей жизни? Что для тебя честь и почет, если сам ты станешь пищей червей и от всего твоего большого тела, от живого лица и глаз не останется ничего? Ведь ты не дурак. Образумься, пока не поздно!» Халназар облегченно вздохнул. Как хорошо, что дышит грудь, что дыхание согревает тело! И он содрогнулся от мысли о черной могиле, о судьях с их огненными колесницами. Револьвер со взведенным курком медленно опустился на подушку. До слуха Халназара донеслись знакомые звуки... Вот заржал Мелекуш, вот звонко засмеялась маленькая дочка... Почувствовав снова вкус к жизни, Халназар сказал себе: «Я и на самом деле глуп. Умирать из-за какой-то мехинки! Да разве она была для меня женой, разве я жил с ней? Я купил ее как рабыню, — ну и пусть она будет платой Мавы за его пятилетний труд. А в народе поговорят да перестанут! Пусть меня назовут трусом, но я буду жить. Стиснув зубы, как-нибудь переживу пять дней. Пройдет и это!..»

Надев теплый халат, он вышел из кибитки и сразу встретился глазами с невесткой-фалангой. Глаза Халназара говорили: «Ах ты, проклятая! С тех пор как твоя поганая нога, соленое копыто, переступила порог моего дома, на мою голову посыпалось несчастье за несчастьем. Ты — злой дух, не человек! О, если б мне избавиться от тебя!» А глаза Атайры-гелин, словно понимавшей мысли Халназара, также злобно глядели на бая. В этот миг ей вспомнилось, как Халназар в первые дни после тоя ругал Баллы: «Не мужчина ты, раз не справишься с одной женщиной!»

— Что ж, — заговорила она с ехидной усмешкой, — и ты, видать, ни на что не годен? Раз не мог справиться со своей рабыней, бесчестье в бороду не упрячешь. Если хватит мужества — пойди догони их! — И она указала рукой в сторону города.

И тут Халназару действительно пришлось стиснуть зубы...

А в это время Мавы и Мехинли с помощью Ашира устраивались на новом месте в городе.

Незадолго до этого Ашир записался в Красную гвардию и получил оружие. В городе он оказался единственным человеком, которого знали Мавы и Мехинли. По его рекомендации Мавы тоже вступил в Красную гвардию. Чернышев помог достать молодоженам небольшую комнату, а спустя несколько дней Ашир до-ставил Мавы его долю халназаровской пшеницы. И Мехинли впервые в жизни почувствовала себя настоящей хозяйкой. У нее теперь есть свой угол, постель, посуда. Много ли, мало ли, а в кооперативе дают и масло, и чай, и даже сахар. Немало у нее и вещей, которые она, готовясь к бегству, сумела припрятать. И никто теперь не ругает ее, не бьет, не называет позорным именем рабыни-мехинки. Она по-прежнему — Майса, молодой побег ячменя, наполненный зерном колос, который распустил свои колючие усики. Нет, она теперь уже не та мехинка, над которой в ряду халназаровских кибиток каждый мог поиздеваться. Какое блаженство! Кто дал эту радость Майсе? «Это не Атайры-гелин? Нет. Это не те, что свергли царя? Нет. Не Ашир? Нет. Мавы? Не один он, — думала она и вдруг решила: — Я сама этого добилась! В нынешней новой жизни это оказалось уж не таким трудным делом».

А Мавы, видя, как расцветает Майса, только приговаривал:

— Моя Майса! Ты моя теперь, моя! Ты дала мне эту радостную жизнь. Ты и советская власть!

Услышав о том, что Мавы и Мехинли сбежали от Халназара в город, Артык пошел поздравить молодоженов. По пути ему встретился Молла Дурды. Вид у него был

подавленный. Артык внимательно взглянул ему в лицо и спросил:

— Что это с тобой? Почему такой невеселый?

Дурды, сдержанный и замкнутый в обращении с людьми, откровенно признался Артыку.

— Человек должен шагать в ногу с жизнью, — невесело проговорил он. — А жизнь идет не так, как мне хочется. Не нравится мне, как ведут себя люди.

— Это почему же? Люди везде разные. Даже в этом нашем городишке два стана. И ни один тебе не по нраву?

— Нет.

— Разве ты не мусульманин?

— Такое мусульманство, какое исповедует Эзиз-хан, мне не по сердцу.

Артык вспомнил, что Молла Дурды когда-то был частым гостем Ивана, и усмехнулся:

— Если так... иди к узкоштанникам.

— К хромому мирзе? Я и раньше без отвращения видеть его не мог.

— Так чего же ты хочешь?

— Я хочу справедливости, правды, провозвестником которой является революция.

— И ты думаешь, что тебе принесут ее и сунут в рот? Готовой пищи не бывает.

— Понимаю и это...

— Нет, Дурды, я вижу, ты этого не понимаешь. Если б понимал, не шатался бы между двумя лагерями. Когда-то я готов был преклониться перед тобой. А теперь чувствую, что я сильнее тебя. У меня есть цель, я знаю, за что нужно бороться. Некогда ты давал мне советы, теперь я тебе посоветую: брось свои колебания и приходи к нам.

— К вам?

— А что — не доверяешь?

— С тобой могу быть заодно, но Эзизу не верю. — Не веришь и тому, что он сейчас Делает?

— Итеперь не верю, а как подумаю о том, кем он станет в будущем, — страшно становится.

— Дурды, я себя тоже не считаю слепцом, которому нужен поводырь. Мы с Эзизом не узами крови связаны. Сделай он не по-моему, — я найду другую дорогу.

— Не знаю...

— Вот это мне и не нравится в тебе, что ты не знаешь... куда идти.

Дурды промолчал, а когда Артык вновь спросил его, что он думает делать, уклончиво ответил:

— Посмотрим, посмотрим... Пока ничего решить нельзя...

Когда Артык, разыскав квартиру молодоженов, вошел к ним, Майса сидела одна: Мавы куда-то вышел, но должен был скоро вернуться. Артык сердечно поздравил Майсу и весело заговорил с нею. Он видел, что она счастлива со своим Мавы, но это счастье казалось ему каким-то ненастоящим. Впрочем, вспомнив о жизни, которая осталась у них позади, он одобрил их шаг. Обижало его только то, что Мавы пришел не к нему, а к Аширу и Куллыхану.

В этот момент к молодоженам зашел и Ашир. Некоторое время беседа велась в шутиливом тоне, но скоро перешла в словесную перепалку между друзьями. Артык был недоволен тем, что Ашир связался с Куллы-ханом, а Ашир корил друга тем, что тот служит Эзиз-хану, а не народу. Они пытались объяснить, и каждый, оправдываясь, защищал себя и винил другого. Спор между ними напоминал драку слепых, которые бросались камнями. Потом они разгорячились до того, что уж еле владели собой. Артык вскочил и хотел уйти, но Ашир преградил ему путь. Оба с минуту стояли друг против друга, молча сжимая кулаки и обмениваясь гневными взглядами. Недавние друзья теперь были похожи на смертельных врагов. Майса испуганно смотрела на них и думала: «Что это с ними случилось? Мы как будто достигли желанного, а они готовы убить друг друга. А ведь такими друзьями были с самого детства, каждый не поколебался бы жизнь за друга отдать. Что это вдруг с ними случилось?»

Чего они не поделили?» Не зная, что делать, как помирить друзей, она с надеждой поглядывала на дверь: «Ах, хоть бы поскорее пришел Мавы!»

И только она так подумала, как дверь открылась и вошел Мавы. Артык вяло ответил на его приветствие, а поздравить и совсем забыл.

Майса стала что-то шептать на ухо мужу, который ничего не мог понять, а в это время ссора продолжалась:

— Артык, — говорил Ашир, — ты не уйдешь отсюда, пока не решишь этот вопрос!

— Нам не о чем больше говорить! — хриплым голосом ответил Артык.

— Нет, ты так не уйдешь отсюда! Или ты застрелишь меня, или же я...

— Это было бы трусостью! Вот встретимся на широком поле — тогда и сразимся, как подобает отважным.

— Хорошо, дружба между нами кончена!

Артык, не отвечая, отстранил Ашира рукой и стремительно вышел.

Глава восемнадцатая

Торжества, учиненные Эзизом в Теджене, были своеобразным смотром сил, готовых стать под знамена буржуазно-националистической контрреволюции. Смотр этот показал Эзизу, что он может рассчитывать на поддержку со стороны пестрого туркменского населения, которое в Теджене состояло главным образом из базарных торговцев, кустарей, аробщиков и скопившихся здесь в эту тяжелую зиму голодных дейхан. Но главарь местного антисоветского движения видел также, что немало туркмен относится к нему безразлично или выжидательно. Знал он и о том, что значение совета как органа рабоче-крестьянской власти растет не только в городе, но и в ауле. Терпеливый и настойчивый Чернышев сумел привлечь уже немало людей, готовых до конца идти с ним в борьбе за права и счастье обездоленных. Вырванные событиями последних лет из родных аулов, повидавшие жизнь дейхане, вроде Ашира, или вчерашние рабы, как Мавы и Мехинли, становились преданнейшими сторонниками советской власти. Тедженский отряд Красной гвардии мог стать серьезной силой — все это понимал Эзиз. Но, готовясь к прыжку, он вынужден был ждать благоприятного момента и помощи, которую обещал Нияз-бек.

Ясно представлял себе нарастающую угрозу и Чернышев. Контрреволюция в Туркестане поднимала голову. Отрезанная белогвардейскими казачьими частями Дутова от революционных центров России, Средняя Азия стала предметом особых вожделений для всех темных антисоветских сил. Буржуазные националисты «Кокандской автономии», закаспийские эсеры и белогвардейцы, казачьи части, возвращавшиеся из Ирана, феодалы разбойничьих ханств вроде Джунаида и главари контрреволюционных отрядов типа Иргаш-бая, Аллайр-хана и Эзиза — вся эта нечисть оживала, строила козни против советской власти, темной тучей нависала над Туркестаном. Все эти контрреволюционные силы Направляла рука опытного империалиста, мастера колониальных захватов и разжигания национальной вражды. Теджен представлял кипящий котел, и малочисленным представителям нового строя приходилось принимать самостоятельные решения перед лицом угрозы, нависшей над всем Туркестаном. Ташкентский ревком был занят подавлением контрреволюционных выступлений в восточных пределах края; на поддержку Ашхабадского областного совета — Чернышов это чувствовал — рассчитывать было трудно.

Между тем с каждым днем положение в городе становилось все более напряженным. Чернышов понимал, что надо было как можно скорее разоружить Эзиза. Но для проведения операции требовались значительно большие силы, чем те, которыми располагал Тедженский совет. К тому же Чернышов все меньше доверял Куллыхану. Обстановка требовала от Чернышева немедленных действий, и он решил лично отправиться в Ашхабад, чтобы добиться помощи или хотя бы выяснить позицию областного совета.

Обратиться за помощью в Ашхабад решил и Эзиз. Но, считая ниже своего достоинства лично ехать на поклон к Нияз-беку, он направил туда Артыка с письмом, составленным

Мадыр-Ишаном. В результате некоторых размышлений Эзиз пришел к выводу, что ему, как хану, приличествует разговаривать с национальным комитетом через представителя в звании не выше сотника.

Так случилось, что Артык оказался в одном поезде с Чернышевым. Завидя старого друга, Артык бросился было к нему навстречу, но смутное движение души остановило его: ведь он ехал, чтобы получить помощь для Эзиза против Ивана! В эту минуту Артык впервые остро почувствовал, как далеко зашел он, присоединившись к Эзизу. Пользуясь тем, что Иван Тимофеевич не заметил его, он забился в один из вагонов и не покидал его до прибытия поезда в Ашхабад.

Один из ашхабадских дворов, в который вошел Артык, был обнесен с улицы решетчатой изгородью. Сразу за нею начинался сад; здесь густо стояли абрикосы, яблони, груши, сливы, персики и даже гранат. За ними в несколько рядов тянулись кусты винограда. Широкая дорожка, выложенная кирпичом, была сплошь оплетена с обеих сторон виноградными лозами. Она шла от ворот к дому и огибала небольшой бассейн в форме сердца. Из поднятого клюва зеленоголовой каменной утки, стоявшей посреди бассейна, прыскал фонтан, и блестящие капли воды бисером рассыпались вокруг. За бассейном стоял высокий белый дом с широкой верандой. Весной приятно было сидеть на этой веранде или, спустившись к бассейну, прогуливаться по тенистому саду под переливчатое пение птиц. Но сейчас двор, фонтан, виноградник и деревья были покрыты снегом. Солнце едва проглядывало сквозь тяжелые серые тучи. На дворе и в саду никого не было, только воробьи, с оглядкой прыгая по расчищенной дорожке, нарушали унылую тишину задорным чириканьем.

Ничто не могло рассеять грустных мыслей Артыка. Он уклонился от встречи с Иваном, и это было похоже на бегство. Из подавленного настроения его вывела только приветливая улыбка Нияз-бека, который встретил его как старого знакомого. Нияз-бек занимал в доме лишь одну скромно обставленную комнату; семья его жила в ауле.

Слуга подал чай. Нияз-бек хотел произвести хорошее впечатление на своего гостя, видя в нем представителя тех самых дейханских масс, которые важно было привлечь на свою сторону. Подчеркнуто соблюдая обычаи, он долго расспрашивал Артыка о жите-бытье, о здоровье его семьи, о хозяйстве и скоте. Деловой разговор начался, когда Артык вручил Нияз-беку письмо Эзиз-хана. Тому не терпелось узнать, когда Нияз-бек собирается в Теджен, что думает о хромом мирзе, что собирается делать. Но беседа на этот раз длилась недолго. Вошедший слуга доложил о приходе нового гостя.

Наружный вид и манеры неизвестного изобличали в нем городского человека. Не в пример Артыку, который вошел в комнату в верхней одежде, незнакомец в прихожей снял с себя крытую дорогим сукном шубу на куньем меху и мерлушковую кавказскую шапку. Оставшись в коричневом, хорошо сшитом костюме, плотно облегавшем его высокую, крепкую фигуру, гость вошел в комнату. Нияз-бек с любопытством смотрел на него, но узнать не мог. С первой же минуты ему стало ясно, что он не встречал в Ашхабаде этого человека, но пытливые глаза его сразу же отметили в странном госте какую-то неестественность. «Это не простой человек, — подумал Нияз-бек, ничем, однако, не выдавая своего подозрения и удивления. — Кто же подослал его и с какими целями?» Но Артыку показалось, что этого неожиданного гостя, только в ином обличье, он где-то встречал, и не так давно. Бросались в глаза его крупные ровные зубы, похожие на зерна поджаренной кукурузы, сверкавшие на загорелом лице, останавливали внимание также черные закрученные усы и глаза, которые ни минуты не оставались в покое. Окинув острым взглядом комнату, гость чуть задержал глаза на Артыке, затем почтительно поздоровался с хозяином.

Нияз-бек, вежливо ответив на приветствие, пригласил гостя сесть, задал несколько обычных вопросов, затем прямо спросил, зачем он пожаловал. Гость немного замаялся и, бросив взгляд на Артыка, дал понять, что он предпочел бы вести беседу наедине.

— Я пришел... открыть вам свое сердце.

Нияз-бек понял его желание, но не захотел сразу же идти навстречу странному гостю.

— Уважаемый гость, — ответил он, полуприкрыв глаза, — наш туркменский народ не любит ничего скрытного.

— Понимаю, хороший обычай. Я — турок...

Теперь Артык не сомневался, что узнал гостя Нияз-бека, — он видел его у Эзиза. Он понял, что его присутствие мешает, и попросил разрешения уйти, сославшись на дела.

После ухода Артыка Нияз-бек не сразу решил, как ему держать себя с человеком, прибывшим к нему, очевидно, по важному делу. Слово «турок» заставило его сердце забиться радостно и тревожно. Оно открывало такие перспективы... Однако Нияз-бек постарался взять себя в руки. «Кем бы ты ни был, а я тебя не звал», — мысленно проговорил он и вопросительно посмотрел на гостя. Тот повторил:

— Эфенди (Эфенди — господин (турецк.)), я — османский турок.

— Осман?.. Рад тебя видеть.

— Меня зовут Хамид-бек.

Если бы это слышали Артык или Эзиз-хан, они подумали бы, что существуют люди, похожие друг на друга, как две половинки разрезанного яблока, и не смогли бы подавить сомнений. Но Нияз-бек, сомневаясь в национальном происхождении гостя, принял на веру его имя.

— Откуда вы прибыли, уважаемый Хамид-бек?

— Я из Стамбула...

— Из Стамбула?

— Побывал у Нури-паши...

Слово «Стамбул» так же волновало Нияз-бека, как и слово «осман». Имя Нури-паши приятно ласкало слух: Нияз-бек знал, что так зовут командующего турецкими войсками, вступившими на Кавказ.

— А куда держите путь? — спокойно продолжал хозяин, как будто в той откровенности, с которой говорил гость, не было ничего необычного.

— К вашему превосходительству, эфенди.

— Ко мне?

В этом вопросе Нияз-бека уже проглядывало удивление и даже недоверие. Гость оглянулся на дверь и ближе наклонился к хозяину.

— Я благодарю аллаха за то, что именно мне оказана честь посетить ваше превосходительство.

Странный гость говорил, путая туркменские и турецкие слова. Нияз-бек не все понимал, но основная суть для него была ясна. Не доверяя так слепо, как Эзиз, хотя этот визит и отвечал его тайным стремлениям, он вежливо намекнул на необходимость предъявить документы.

Хамид-бек, еще раз удостоверившись, что они одни, быстро и ловко достал из-под фальшивых подметок своих коричневых ботинок бумаги, завернутые в тонкий прорезиненный шелк, и почтительно подал их Нияз-беку.

— Эфенди, — сказал он, при этом понижая голос до шепота, — если эти бумаги попадут в руки русских, все равно — красных или белых, мне грозит смерть. Но я доверяю вам, как брату, свою кровь и жизнь.

Нияз-бек развернул один из документов и кое-как разобрал написанное. Это был турецкий паспорт на имя Хамид-бека, уроженца Стамбула. Другой документ был удостоверением на то же имя, подписанным самим Нури-пашой. Теперь у Нияз-бека не осталось больше сомнений в том, что перед ним сидит настоящий османский турок, и его черные глаза заулыбались гостю:

— Хамид-бек! Приходящий — богатство в доме, уходящий — нищета. Благодарение аллаху за ваш приход! Я готов служить вам.

— Я счастлив быть вашим гостем, ваше превосходительство...

Не прошло и часа, как скромная комната, в которой Нияз-бек принял Артыка,

неузнаваемо изменилась. Вместо грубой домотканой скатерти, разостланной на ковре, и простого угощения, на столе, покрытом белоснежным полотном, появились вина, ликер, разнообразные закуски. Хамид-бек, завладевший волей хозяина, чувствовал себя как дома. После сытного завтрака разгоряченные напитками гость и хозяин расположились на ковре, подложив под бок пуховые подушки, услужливо поданные тем же молодым молчаливым джигитом, который исполнял у Нияз-бека обязанности денщика. Он же разостлал между ними узорную скатерть, перенес сюда ликер и подал чай. Казалось, теперь странный гость спешил выполнить свое обещание, данное Нияз-беку в первую минуту, — раскрыть перед ним свое сердце. Но внимательный наблюдатель без труда заметил бы, что Хамид-бек, отвлекая внимание хозяина, несколько раз подменял ликер в своем бокале остывшим чаем. Он хотел казаться более пьяным, чем был на самом деле, старался укрепить веру Нияз-бека в то, что он вполне откровенен и искренен.

— Нияз-бек! — воодушевленно говорил он. — Вы были русским офицером. Теперь вы — сын и представитель своего народа... Вы понимаете, все мы — братья по крови. Сколько уже лет наши народы живут в горькой разлуке. Враги грызут наши кости...

Нияз-бек был одним из организаторов «Кокандской автономии». Он сам не раз выступал перед колеблющимися с туманными речами в исламистском духе. Но сейчас он впервые ощущал дыхание той силы, которая, как ему казалось, действительно могла стать могучей опорой автономистов и к тому же нуждалась в нем, Нияз-беке. Иначе зачем же прибыл к нему посланец Стамбула и Нури-паши?.. Короче говоря, если Эзиз-хан слепо доверился Абдыкерим-хану, то Нияз-бек последовал за ним с открытыми глазами. Но, несмотря на двойное опьянение — от сладких вин и от еще более сладких мечтаний, у него оставалась еще доля здравого смысла.

— Эфенди, — дыша ему в лицо, требовательно говорил Хамид-бек, — по этому вопросу я хочу знать ваше мудрое мнение.

— «Созрей яблоко, и упади мне в рот!» — такими словами, Хамид-бек, еще не сделаешь дела.

— Ха-ха! — деланно рассмеялся Хамид-бек. — Вы действительно мудрец, господин Нияз-бек! Легко сказать — «надо объединиться», но трудно объединиться на деле.

Всем своим видом Хамид-бек красноречиво показывал, что он очень огорчен сомнениями Нияз-бека и его неверием в могущество зеленого знамени. Он горячо говорил еще несколько минут о том, какие блистательные перспективы открываются перед Нури-пашой и его войсками на Кавказе. Но, внезапно оборвав речь, в упор взглянул на хозяина и задал ему неожиданный вопрос:

— А скажите, эфенди, как вы смотрите на союзников?

— На каких союзников? — переспросил озадаченный Нияз-бек.

— На союзников России, ну... хотя бы на англичан?

— У нас, — уклончиво ответил Нияз-бек, — самого хитрого человека сравнивают... с англичанином.

— Это я знаю, — прервал его Хамид-бек. — Но я хочу знать другое: если в Туркестан или в Закаспийскую область придут англичане, как вы на это посмотрите?

— Хамид-бек, не бывает ничего хорошего из дружбы с тем, кто выше и сильнее тебя. Если уж мы сами не сможем отвоевать себе автономию, то по поговорке: «С привычным врагом и воевать легче», — мы русских всегда предпочтем англичанам. Русские нам ближе, понятнее.

Ответ туркмена сильно подействовал на Хамид-бека. Чтобы скрыть свое волнение, он схватил рюмку ликера и, поднеся ее к губам, бросил быстрый взгляд на Нияз-бека. Теперь в его вороватых глазах блеснула открытая злоба. Но Нияз-бек ничего не заметил.

— Почему я спрашиваю об этом? — продолжал Хамид-бек. — Если турки займут Кавказ и пройдут в Туркестан, для союзников это — смерть. Поэтому англичане хотят опередить их. Конечно, на Кавказе они не смогут перерезать нам путь. Но сюда, в Закаспийскую область, у них есть возможность выйти через Иран. Через Кашгар они могут

дойти до самого Ташкента. Так вот скажите, если сюда вторгнутся англичане, кому вы протянете руку: нам или союзникам?

Нияз-бек не особенно удивился тому, что Хамид-беку так хорошо известны военные планы союзников. Хамид-бек в его глазах был человеком дипломатической службы, которому должно быть известно все. Но вместе с тем он подумал, что и ему самому в этом разговоре надо быть дипломатом, и продолжал отвечать так же уклончиво:

— Хамид-бек, я вам уже говорил: если вы располагаете такой силой, что можете оказать нам военную помощь, то и мы протянем вам руку, если же нет... В таком случае не лучше ли будет протянуть руку русским и постараться вместе с ними восстановить прежний строй? «Лучше драться с врагом, которого знаешь», — так говорит наша пословица...

Когда закончилась эта беседа, Хамид-бек, несмотря на неопределенность ответов Нияз-бека, мог быть доволен: он все же узнал об отношении туркменских автономистов к англичанам и туркам. В конечном счете, как стало ему ясно из слов Нияз-бека, решает сила. Почти неделю прожил он в доме Нияз-бека в качестве почетного гостя и это время употребил на то, чтобы разведать настроения близко стоящих к нему людей. Ничего невероятного не было бы и в том, если бы оказалось, что Хамид-бек, облачившись в другую одежду и говоря на русском языке, обошел бы главные учреждения города. Может быть, он имел беседу и с эсерами, занимавшими руководящие посты в областном совете, может быть, заложил в Ашхабаде базу какого-нибудь правительства. Кто знает? Нияз-бек этого не знал и едва ли мог подозревать подобное. Он считал Хамид-бека и в самом деле посланцем Нури-паши.

А сам Хамид-бек прекрасно разгадал Нияз-бека: член «национального комитета», один из организаторов «Кокандской автономии», враг советской власти, Нияз-бек служил той стране, за представителя которой выдавал себя Хамид-бек. Поэтому Хамид-бек не счел нужным раскрывать свое настоящее лицо. Он разведал намерения Нияз-бека и понял, что эти намерения идут вразрез с планами англичан.

В «национальный комитет» Артык пришел, когда там шло какое-то совещание. Большая, по-европейски обставленная комната, в которой он очутился, была полна народу.

Артык не понимал, куда он попал. Он обвел взглядом присутствующих и, за исключением Нияз-бека, не узнал никого. Но внешность людей говорила сама за себя. Вот бритоголовый и безбородый, с крючковатым носом бек, похожий на грифа-стервятника; рядом — толстый купец, с плоским носом на мясистом лице и глубоко сидящими маленькими глазами; дальше — похожий на Халназара бай — лысый и с бородой до пояса... А вот кто-то внешностью совсем отличный от всех, в военном мундире и галифе, поверх которых выпущен длинный шнур револьвера. Подбоченившись и подкручивая черные густые усы, он важно прохаживался, качаясь под тяжестью своего огромного и круглого, как котел, живота. Он грозно хмурился, но его важный, надменный вид вызывал у Артыка не страх, а насмешливую улыбку. Артык еще не знал, что это председатель национального мусульманского комитета, полковник царской службы Ораз-Сердар. Он понял только, что этот полковник-мусульманин мнит себя главным среди всех этих надменных и далеких от народа людей, и подумал: «Ну, если они — наша опора, то горе нам!»

На совещании речь шла о взаимоотношениях «национального комитета» с Ашхабадским советом. Спорили о том, согласится ли совет включить в свой состав членов «национального комитета», признать комитет полномочным органом туркменского народа и поровну разделить имеющиеся в городе оружие и боеприпасы. Особенно горячие споры вызвал вопрос — ответит ли совет в двухдневный срок на ультимативное требование комитета.

«Что же это за сила? — думал, слушая споры, Артык. — Да они еще и сами на ноги не встали...»

Какой-то толстый бек с пеной у рта доказывал необходимость применения решительных мер.

— Я не понимаю, — говорил он, багровея не то от натуги, не то от возмущения, —

какой же политики придерживается «национальный комитет»? Раз мы потребовали, так надо добиваться исполнения наших требований! Не дадут удовлетворительного ответа — перевернуть весь город! Ведь не совет, а мы являемся подлинной властью! Если комитет и дальше будет так нерешителен в вопросах политики, меня в комитете не будет! Клянусь аллахом, я уйду из такого комитета!

Этот бек, должно быть, считал здесь главным себя и полагал, что если он выйдет из комитета, комитет развалится. Но он, по-видимому, сильно преувеличивал свое значение в комитете. Нияз-бек посмотрел на него и усмехнулся. Затем тихо, но достаточно внятно, чтобы слышал Артык, сказал:

— Ну и проваливай отсюда! Кто тебя звал? Прижали вас, вот вы и лезете сюда, чтобы хоть чем-нибудь поживиться.

Зачитанное Нияз-беком письмо Эзиза было встречено довольно холодно. При обсуждении его снова начались споры. Одни предлагали направить в Теджен две сотни джигитов и рассеять красногвардейский от-ряд. Другие возражали: «А чем Эзиз лучше Куллы-хана? Дайте ему только немного укрепиться, и он вы-ступит против нас». Некоторые советовали послать в Теджен полковника Ораза и Нияз-бека для примирения противников. А было немало и таких, которые совершенно безучастно относились к обсуждаемому вопросу. В конце концов большинство сошлось на том, чтобы поручить Ораз-Сердару и Нияз-беку выехать и Теджен и на месте ознакомиться с положением, а окончательное решение принять позднее.

Заговорили об общей обстановке, создавшейся в Средней Азии. Нияз-бек, не раскрывая всего того, что он узнал от Хамид-бека, вскользь упомянул о повышенном интересе, который начинают проявлять к положению в Закаспийской области англичане, немцы и турки. Кто-то заметил, что немцы могут сильно навредить англичанам, если как следует используют турецкую армию.

— Это верно, клянусь аллахом! — тотчас же подхватил толстый бек. — По-моему, англичане не устоят против турок. Пусть сказанное мною останется в этих стенах, — но я уже беседовал об этом с одним турецким офицером...

Нияз-бек понял, что его гость не терял даром времени в Ашхабаде.

Ораз-Сердар сообщил некоторые новости, которые только что стали ему известны:

— Казачье командование в Иране подчинилось английской военной миссии. Двадцать казачьих офицеров по поручению англичан уже выехали в Кумбет-кабуз, Ходжанепес, Хиву и Бухару. Русские, вероятно, не смогут сейчас выступить против турок и немцев на Кавказе и в Туркестане, но англичане обязательно выступят. На нашей земле может произойти кровопролитное сражение между большими державами, — сделал он вывод.

Но и это не произвело большого впечатления на присутствующих. По-прежнему вздорны и мелочны были выступления, словно речь шла не о смертельной угрозе родному краю. В речах выступавших было много пустого бахвальства и заносчивости, но каждый из них в сущности оставался глубоко равнодушен ко всему, кроме собственного кармана, и в любую минуту готов был встать и уйти из этой комнаты, как из надоевшей чайханы.

Артык уже раскаивался в том, что пришел на это заседание. «Зачем я здесь? — размышлял он. — Здесь никто и не думает о народе...» Из всего услышанного глубоко врезалось ему в память только одно: Эзиз хочет воспользоваться помощью «национального комитета» для утверждения собственной власти. Но ведь о честолобивых стремлениях Эзиза совсем недавно говорил и Молла Дурды, а еще раньше — Иван Чернышов. Значит, только он один, Артык, верит в то, что Эзиз борется за благо народа. Да верит ли и он в это?..

В тяжелом настроении ушел Артык из «национального комитета», так и не сумев до конца выяснить его отношение к тедженским делам. В течение совещания он ни разу не попросил слова. Он чувствовал, что никакие, самые горячие речи не тронут этих корыстных людей с прожженной совестью. К тому же сомнение уже закралось в душу: он готов быть верным нукером народного вождя, но почему он должен способствовать проискам честолобивого хана?..

Глава девятнадцатая

В тот самый час, когда Артык шагал к вокзалу, Иван Тимофеевич Чернышов заканчивал свою речь в Ашхабадском совете. Нелегко было ему выступать перед людьми, большинство которых относилось враждебно к нему и ко всему, что он говорил. Трудность его положения усугублялась еще тем, что ашхабадские большевики — такие, как Теллия, Житников, Молибожко, Батманов и другие, — почему-то отсутствовали. Чернышов только много позже узнал, что их отсутствие не было случайным: сидевшие в областном совете эсеры и меньшевики во главе с Фунтиковым и Доховым умышленно сообщили большевикам более поздний час начала заседания.

Десятки глаз смотрели на оратора настороженно и враждебно.

— Эзиз с каждым днем все больше распоясывается, — говорил Чернышов. — Цели его нам ясны, а действия никого не обманут. Эзиз думает о ханстве, хотя в продовольственном вопросе, чтобы привлечь на свою сторону массы голодающих дейхан, проводит сейчас меры, которые должен бы проводить совет. Если мы будем бездействовать и позволять Эзизу собирать силы, мы упустим время и дождемся повторения в Теджене кровавых событий, которые произошли в Ташкенте, когда автономисты пытались свергнуть там советскую власть. Отряд Эзиза надо разоружить немедленно. Для этого нужен большой перевес сил, и я прошу оказать нам поддержку посылкой в Теджен отряда красногвардейцев. Наш тедженский отряд Красной гвардии, к сожалению, слишком мал...

В зале поднялся шум. Иван Тимофеевич повысил голос и резко добавил:

— Не думайте, что Эзиз угрожает только нам, в Теджене. Если не принять мер немедленно, он может захватить в свои руки всю область.

— Может быть, и царя восстановит? — иронически бросил высокий, кривой Фунтиков.

— Царя не восстановит, но собственное ханство из рук не упустит.

Выступил лидер ашхабадских меньшевиков — толстый, почти квадратный Дохов. Он начал свою речь в назидательном тоне, давая понять, как плохо разбирается Чернышов в вопросах государственной политики, и заключил:

— Вопрос об Эзизе и ему подобных надо решать с сугубой осторожностью. Обидишь одного туркмена — тысяча их восстанет. Поэтому открыто выступать против Эзиза — бессмысленно. Я не вижу другого выхода, как использовать вражду среди самих туркмен. Нужно заручиться поддержкой других влиятельных главарей...

— Не главарей, а дейханской массы, — перебил Дохова Иван Тимофеевич. — Надо освободить дейхан из-под влияния баев и таких главарей; как Эзиз, наделить их землей и водой, установить, наконец, советскую власть в ауле. А то, что вы предлагаете, похоже на натравливание одной части народа на другую. Это политика царизма, а не советской власти.

— У вас в совете есть такие туркмены, как Куллы-хан. Почему вы не используете их для укрепления своего влияния в туркменских аулах?

— Я уже говорил вам, что полностью доверять Куллыхану нельзя. Он постоянно противодействует мероприятиям совета.

Дохов сердито обернулся к Чернышеву:

— Он противодействует, а ты чего смотришь? Ты же председатель совета? Если не справляешься со своими обязанностями, так зачем сидишь там?

— Нас, большевиков, в совете слишком мало, а вы отсюда поддерживаете наших противников.

— Контрреволюцию, ты хочешь сказать?

— Да. Тайных корниловцев и калединцев у вас тут хватает.

Фунтиков злобно уставился на Чернышова единственным глазом:

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Хорошо понимаю. Почему не хотите сейчас же принять меры к разоружению Эзиза? Не значит ли это, что кое-кто из тайных корниловцев, о которых я говорю, делает ставку на

темных людей вроде Куллыхана, а может быть, и на самого Эзиза?..

Выступление Чернышова превратилось в обвинительную речь против эсеровско-меньшевистской верхушки областного совета. Фунтиков ерзал на стуле, то и дело пытаясь прервать оратора. Но он видел, что в зал вошла довольно большая группа кизыл-арватских рабочих и ашхабадских красногвардейцев. Один за другим стали появляться и занимать свои места и большевики — члены областного совета. Это удерживало Фунтикова. Вместо того, чтобы после нового резкого требования Чернышова о помощи ответить столь же резким отказом, председатель вдруг переменял тактику:

— Странное зрелище, — сказал он, после того как Чернышев закончил свою речь. — Приезжает человек, выступает этаким прокурором, обвиняет в контрреволюции чуть ли не всех нас — и все для чего? Чтобы у нас же просить помощи! Удивительно ли, что таким способом действий он восстановил против себя в Тед-жене всех и вся?.. Да, уважаемый товарищ Чернышов, немного позднее мы займемся тедженскими делами. Но от этого вам может не поздоровиться. А пока — вряд ли вы найдете дураков, согласных расхлебывать кашу, которую вы заварили в Теджене. Таких охотников не найдется, так ли я говорю, товарищи?.. — Выждав минуту, как бы для того, чтобы дать возможность членам совета откликнуться на вопрос, Фунтиков с торжеством повернулся к Чернышеву: — Вот видишь, таких чудачков не находится...

— Я согласен поехать в Теджен! — раздался вдруг-голос из глубины зала.

— Кто это говорит? — недовольно спросил Фунтиков.

— Это я говорю, — ответил высокий загорелый красногвардеец, выходя к столу президиума.

Чернышов узнал Алексея Тыжденко — того самого милиционера, который на выборном собрании в клубе железнодорожников в Теджене расспрашивал об Артыке. На секунду опешивший, Фунтиков хотел было вообще снять вопрос о поездке в Теджен, но шум, поднявшийся на местах, занятых кизыл-арватцами, заставил его пойти на уступки.

Не прошло и двух часов, как Чернышов уже возвращался в Теджен в сопровождении красногвардейского отряда Алексея Тыжденко, к которому присоединился еще отряд кизыл-арватцев.

Глава двадцатая

Полковник Ораз-Сердар и Нияз-бек, неожиданно приехавшие в Теджен, решили показать, что они не примыкают ни к одной из сторон, и потому направились с вокзала прямо в дом купца Котура. Купец, заранее предупрежденный телеграммой из Ашхабада, хорошо подготовился к встрече почетных гостей.

Гости проследовали к дому купца в сопровождении небольшого отряда джигитов. Нияз-бек, прежде чем пройти внутрь, сел на стул в передней комнате и вытянул ногу. Молодой джигит, исполнявший при полковнике обязанности денщика и одетый в белую папаху и красный халат с погонами, опустился перед ним на одно колено:

— Баяр-ага, достать щетку или так?

— Как хочешь, только скорее.

Джигит вынул из кармана платок, обтер им грязь с сапога, поправил шпору и тем же платком навел глянец на узкое голенище. Когда был вычищен и другой сапог, Нияз-бек поднялся и с надменным видом прошел на почетное место..

Среди людей, которые пришли посмотреть на представителей «национального мусульманского комитета», был и Молла Дурды. На процедуру чистки сапог он смотрел с возмущением и думал: «Как ему не стыдно заставлять при всех чистить себе сапоги такого же человека, как он сам? И как не стыдно так унижаться самому джигиту?» Нияз-бека он представлял себе солидным, почтенным человеком, и этот маленький франтоватый полковник с бельмом на глазу сразу же ему не понравился.

Купец Котур подобострастно суеился вокруг гостей, не зная, как им угодить. Во время

чаепития, выбрав подходящий момент, он стал жаловаться на Эзиз-хана:

— Уважаемые баяры! Наши старейшины! Эзиз-хан, конечно, полезный для нас человек, но иногда переходит меру. Нет-нет, да и хватит через край. Ошибается иногда человек. Что касается противников, — это дело его, но я-то ведь свой человек! А он забрал у меня три вагона зерна. Силой отобрал! Разве это допустимая вещь по шариату? Почтенные гости наши! Он не откажет вам. Прикажите ему вернуть мне эти три вагона зерна!..

Ораз промолчал, а Нияз-бек недовольно поморщился. Конечно, и ему не нравилось, что Эзиз-хан восстанавливает против себя состоятельных людей, но время ли говорить об этом? Он чувствовал, что надо как-то успокоить купца, не роняя достоинства Эзиза. И он сказал:

— Эзиз-хан, по-моему, умно поступил. Я не знаю, как назвать того, кто пожалеет отдать свое добро и свою жизнь нашему великому делу. Что значит в сравнении с этим делом какая-то горстка твоего зерна! Ты — хозяин, мы — твои гости. Потому я не скажу ничего больше, только дам тебе совет: ни с Эзизом, ни с нами, ни с кем-либо еще и не заговаривай об этом. Когда для всех нас придет урожайный год, ты в возмещение потерянного получишь гору зерна.

— Нияз-бек, сынок...

— Господин купец, слово сказано. Если ты не хочешь прогнать нас из своего дома, больше не открывай рта.

— Сохрани аллах, баяр-ага!..

Разговоры с двумя главарями вооруженных отрядов — Куллыханом и Эзизом — не дали никаких результатов. С каждым из них говорили отдельно, каждому дали совет — помириться, но ни один из них не пошел навстречу добрым намерениям приезжего «начальства».

В конце концов вызвали для переговоров обоих сразу. Эзиз пришел в сопровождении Кизылхана и Ар-тыка. Куллыхан привел с собой Келёвхана и Ата-Дяли. Чтобы придать больше торжественности предполагавшемуся примирению, из аулов пригласили самых почетных старейшин.

Но и на тот раз попытка примирить враждующие стороны ни к чему не привела. Куллыхан то и дело бросал колкости в адрес Эзиза. Эзиз некоторое время терпеливо слушал. Наконец, сжав кулак, он повернулся в сторону Куллыхана и с плохо сдерживаемой яростью обратился к нему:

— Эй ты, хромой кривляка, погляди на этих людей! Они самые почтенные люди нашего народа. Как видишь, они не посчитались со своим высоким положением и сами приехали к нам, чтобы водворить мир и благополучие в народе. Считаю тебя и меня за разумных людей, они от чистого сердца стараются уговорить нас без брани и крика. А ты, низкая душа, брызжешь ядовитой слюной...

Куллыхан, задрожав от злобы, прервал Эзиза:

— Не распускай свой поганый язык! — и зашарил у себя на боку, ища кобуру.

Эзиз, не обращая на это внимания, продолжал:

— Если тебе мало всего того, что ты натворил, продолжай свои подлые дела! Дай только отбыть благополучно нашим почетным гостям. После этого я сравняю тебе обе ноги!

Куллыхан выхватил из кобуры револьвер.

Эзиз вскочил на ноги, глаза его налились кровью. Его опередил Артык. Он выхватил револьвер у Куллыхана и замахнулся, чтобы рукояткой ударить его по затылку. Присутствующие бросились их разнимать. Келёвхан, дрожа от страха, спрятался за спины других, а тугодум Кизылхан смотрел на происходящее, не зная, принять ли ему участие в драке, или успокаивать Куллыхана. Ата-Дяли подошел к Артыку и сказал улыбаясь:

— Помилуй бог, — это ведь не игрушка. Дай-ка сюда револьвер.

Артык с изумлением посмотрел на спокойное лицо Ата-безумца, в улыбке которого не было ничего обидного, и сам не заметил, как отдал ему револьвер.

Некоторое время все напряженно молчали.

Эзиз еще долго тяжело дышал и не мог прийти в себя.

Молла Дурды был поражен картиной, которую ему случайно пришлось наблюдать. Она повергла его в уныние: «А где же революция? Опять ханы, опять чиновники, баи! Неужели нельзя покончить с ними? Или будет еще хуже?..»

Когда противники несколько успокоились, Нияз-бек, поняв, что увещеваниями ничего не добьешься, решил сообщить предложения, заранее выработанные представителями «национального комитета».

— Куллыхан! — строго сказал он. — Наша забота не в том, чтобы русские создали свою гвардию. Нам дороже всего туркменские джигиты. Это надо понять! Раздор между вами — раздор туркменского народа. Где единство — там бог укрепит, где раздор — разрушит. Я предлагаю обеим сторонам следующее: пусть оба отряда соединятся. Пусть Эзиз-хан останется главой мусульманского управления, а Куллыхан станет командиром объединенного отряда. Пусть они здесь, в нашем присутствии, помирятся от чистого сердца. Нурберды-ходжам, дай им свое благословение!

Эзиз не подал голоса. Не сразу ответил и Куллыхан. Он подумал немного и пришел к выводу, что принять такое предложение никак нельзя. Если сегодня он станет командиром отряда Эзиз-хана, то завтра превратится в его раба. Кроме того, он был уверен, что с помощью отряда красногвардейцев, ожидаемого из Ашхабада, он разгонит отряд Эзиза. Поэтому, не дожидаясь благословения ходжи, он резко ответил:

— Головы двух баранов в один котел не кладут! Если вы действительно хотите нас помирить, то прикажите Эзизу распустить свой отряд и покинуть город. Только на этом я помирюсь. Конечно, я не родня большевикам, хотя и приходится им служить. Но я подчинюсь вашим указаниям только после того, как вы уберете отсюда Эзиза.

Ораз-Сердар, с безразличным видом смотревший на все происходящее, так же равнодушно выслушал и эти слова Куллыхана. Старейшины смотрели в рот Нияз-беку. Вращая своим бельмом на глазу, тот грозно посмотрел на Куллыхана.

— Куллыхан, ты болтаешь вздор! Ты с оскорбительным непочтением относишься к словам представителей национальной власти. Я тебя в последний раз спрашиваю: согласен ты с нашим предложением или нет?

— Нет!

Нияз-бек, подняв дрожащие пальцы к потолку, гневно сказал:

— Ну, ладно! Я тебя еще раз спрошу, когда тебе наденут петлю на шею!

Эзиз-хан и Куллыхан в сопровождении своих нукеров с шумом двинулись в разные стороны. А комиссия «национального комитета» в тот же день вернулась обратно в Ашхабад.

Глава двадцать первая

Наступил вечер. Белые облака, озаренные последними лучами закатившегося солнца, окрасились в красный цвет. В воздухе чувствовалась какая-то гнетущая тяжесть. Даже воробьи, прыгавшие по веткам голых деревьев, с жалобным чириканьем прятались в укромные места.

Со стесненным сердцем прохаживался Халназар по двору караван-сарая. В сумерках он казался ему мрачным, точно тюремный двор. Его удивляло, почему так долго не возвращается Эзиз. Узнав о прибытии комиссии «национального комитета», Эзиз вызвал из аулов своих советников. Однако, когда Халназар-бай и Алты-Сопы явились в Теджен, они его уже не застали. Не дождавшись своих людей и не сказав, куда он направляется, Эзиз выехал из города сразу же после отъезда комиссии. Сказал, что скоро вернется, но вот уже и день прошел, а его все нет.

С тех пор как сбежала Мехинли, Халназар еще не показывался на людях. Сегодня он первый раз приехал в город. Ему казалось, что все сторонятся его. Даже Алты-Сопы под каким-то предлогом ушел из штаба, и Халназар не находил себе достойного собеседника. «Что, если и мне пойти к кому-нибудь?» — подумал он и стал перебирать в памяти своих

городских знакомых. Артына-ходжайна давно не было в Теджене. После того как власть перешла в руки Советов, он распродал свое имущество и выехал на Кавказ. Пойти к купцу Котуру? Едва подумав о нем, Халназар тут же отказался от своего намерения: купцу, может быть, уже известно о бегстве Мехинли, и он злорадствует по этому поводу. На душе стало еще тяжелее: нет, уж лучше никуда не ходить. Халназар решил пораньше лечь спать.

Долго ему не удавалось заснуть. Он продолжал раздумывать над всем, что с ним случилось, и не находил утешения. За последнее время его богатство явно пошло на убыль. Начался падеж скота. От бескормицы овцы сталидохнуть целыми гуртами. Окрестности аула были усеяны трупами его верблюдов. «Может быть, я сам во всем этом виноват? Может быть, я кого-нибудь обидел, и это — судьба, посланная мне богом?—со страхом думал он и молился: — Боже, каюсь перед тобой, сохрани только от худшего! Если мне не придется, подобно Гандыму, попрошайничать, я и этим буду доволен, буду восхвалять тебя!..» Немного успокоившись, Халназар задремал.

Проснулся он от ружейных залпов. В испуге вскочив, набросил на плечи халат и выбежал во двор. Кругом была темнота. Ее прорезали лишь вспышки выстрелов. Слышалась беготня и беспорядочные крики. Нукеры Эзиза, должно быть, были застигнуты врасплох.

— Эзиз-хан!.. Артык!.. — крикнул Халназар, и в ту же секунду обжигающим ударом его толкнуло в грудь. Он закачался, вытаращенные глаза его перестали что-либо различать. — Сынок... Ата-Дяли... Это я... не враг... — пробормотал он и как подкошенный повалился на землю.

В предсмертной судороге он повел глазами и ничего не увидел. Ему показалось лишь, что идет мать Ашира и говорит: «Ах, чтобы кровь плескалась в твоей кибитке! Чтоб умереть тебе не в своем углу!» Халназару хотелось окликнуть ее, умолить, раскаться, но язык не слушался. Губы шевелились, голоса не было...

Первым перепрыгнул через забор во двор караван-сарая Ата-Дяли. Ему и в голову не приходило, что его могут убить или схватить. Он видел, как закачался и грохнулся на землю Халназар, слышал стоны раненых. Узнав Халназара, он тронул его ногой:

— Эй, бай-ага! Вставай-ка! Разве можно так беспечно валяться во время битвы?

Халназар не издал ни звука.

— О, да он, кажется, и вправду... — со смехом проговорил Ата-Дяли. — Не уснул ли он последним сном?

В совете весь день шла подготовка к нападению на штаб Эзиза. Операция ночью была проведена быстро и решительно. Отъезд Эзиза облегчил дело. Чернышов передал, командование сводным красногвардейским отрядом Алексею Тыжденко и сам находился при нем неотлучно. Алексей Тыжденко еще днем тщательно изучил расположение караван-сарая, где размещались нукеры Эзиза. После полуночи красногвардейцы под его командованием окружили караван-сарай. Караул поднял тревогу, когда сопротивление было уже бесполезно, — красногвардейцы подошли вплотную. Вскочившие из казармы джигиты Эзиза спросонья открыли беспорядочную стрельбу. Со стороны железной дороги им ответили дружными залпами. Это решило исход боя. Полуголые, разутые нукеры Эзиза пустились в бегство через невысокий забор, бросая оружие и оставив посреди двора бездыханное тело Халназара. Караван-сарай был захвачен со всеми лошадьми и оружием эзизовского отряда.

В стороне железной дороги еще кое-где раздавались одиночные выстрелы — то отстреливались, уходя, наиболее упорные из отряда Эзиза. Среди них был и Артык. В первые минуты, разбуженный выстрелами, напрасно пытался он остановить перепуганных, бегущих людей. Увидев, что все потеряно, он и сам бросился наутек — перепрыгнул через забор и побежал, временами останавливаясь, чтобы пустить пулю-другую в своих преследователей.

Красногвардейцы не отставали. Слыша свист пуль над своей головой, Артык понял, что кто-то упорно преследует его, и спрятался за какой-то низкой каменной стенкой. Неподалеку укрылся и его преследователь. В ночной темноте опять замелькали вспышки выстрелов: оба не жалели патронов. Довольно долго перестреливались они, темнота лишала их меткости.

Вдруг у Артыка патроны кончились, и он выругал себя за излишнюю горячность. Поединок становился неравным — у Артыка оставалось только несколько патронов в револьвере. Но и преследователь его почему-то замешкался с очередным выстрелом. Слышалось щелканье затвора, а выстрела не было. Не спуская глаз с того места, где находился его противник, Артык начал осторожно приподниматься из-за своего укрытия. Красногвардеец тоже поднялся, — темная фигура его ясно обозначилась на фоне звездного неба. В ту же минуту откуда-то со стороны грохнул выстрел. Красногвардеец взмахнул руками и упал. До слуха Артыка донесся заглушённый зов:

— Тыжденко!.. Алеша, помоги!

Этот зов ударил Артыка в самое сердце. Сомнений быть не могло, — голос был ему хорошо знаком. Не раздумывая ни секунды, Артык подбежал к раненому, нагнулся над ним и, уловив неясное бормотанье, тихо спросил, все еще не веря своей догадке:

— Ашир... Это ты, Ашир?

Раненый приподнял голову. В скупом свете ночи глаза его казались огромными.

— Артык... — прошептал он.

— Да, Ашир, это я.

— Ты?

— Это не я тебя ранил! — взволнованно и торопливо сказал Артык.

Ашир слабо пошевелил губами:

— Зна...ю... — Больше у него не было сил говорить, голова его запрокинулась.

Артык поднял друга на руки и оглянулся. Куда идти? В казармы красногвардейцев? Могут задержать как сотника Эзиза. К Чернышову?..

В стороне слышались шаги. Артык позвал:

— Эй, кто там, помоги!

Человек остановился, потом подошел ближе. В руках у него блеснул ствол винтовки.

— В чем дело? — спросил он настороженно.

— Тедженка!.. Брат! — обрадовался Артык. — Помоги отнести раненого... Вашего раненого, Ашира Сахата.

— Ашира? Он ранен?

Не сказав больше ни слова, и не подав вида, что узнал Артыка, Тыжденко взял винтовку на ремень и переплел свои руки с кистями рук Артыка.

— К Ивану... К Чернышову... — сказал Артык. — Это недалеко.

Тыжденко молча кивнул головой, и они пошли.

Так на сплетенных руках, то останавливаясь передохнуть, то медленно продвигаясь вперед, они осторожно донесли раненого до домика Ивана Тимофеевича.

Напуганная стрельбой, Анна Петровна еще не спала, с тревогой ожидая возвращения мужа. Услышав тяжелый топот на крыльце и слабый стон раненого, она вскрикнула:

— Иван!.. Что — убит?!

— Не волнуйтесь, Анна Петровна, это не Иван Тимофеевич, — сказал Тыжденко, протискиваясь в дверь. — Мы принесли раненого. Сейчас я пришлю за ним санитаров с носилками, а пока пусть он полежит у вас.

Ашира положили на постель, и Анна Петровна захлопотала вокруг него.

Через минуту Ашир открыл глаза. Первые его слова были обращены к Тыжденко.

— Алеша, — сказал он, — это не Артык ранил меня. Тыжденко взглянул на Артыка выжидающе и недоверчиво.

— Да, не я ранил его, — подтвердил Артык, — но я тоже стрелял в него, мог убить.

Тыжденко повернулся к раненому.

— Успокойся, Ашир, — тихо проговорил он. — Мы успеем еще разобраться, кто друг и кто враг.

Он так и не поздоровался с Артыком, не спросил его ни о чем, не порадовался неожиданной встрече, словно никогда не называл его братом.

— Алеша, — снова заговорил Ашир, — мы с тобой еще не раз увидим, как волки

становятся ягнятами, когда видят, что деваться некуда...

Кровь бросилась в лицо Артыку. В эту минуту он вспомнил слова, когда-то сказанные ему Иваном: «Уйдя к Эзизу, ты скоро убедишься, что служишь врагам советской власти и своего народа... А право народа — быть беспощадным к врагам».

Артык понял, что дальше оставаться ему здесь нельзя. Попрощавшись с Анной Петровной, он направился к двери. Никто его не останавливал, не спрашивал, куда он идет. Все же Анна Петровна сказала:

— Артык, ты хоть бы подождал Ивана.

Услышав эти слова русской женщины, говорившей во имя прежней дружбы, Артык растерялся. Это был голос матери, ласковый, идущий от самого сердца; он тронул Артыка до слез. Но оставаться было нельзя.

— Будем живы — увидимся. Прощай, Анна Петровна! — сказал Артык и ушел.

Глава двадцать вторая

Артык шел в аул. Ночной мороз к рассвету стал ослабевать. Яркие звезды затянуло серой пеленой облаков. Сделалось как будто еще темнее. Уверенно шагая знакомой дорогой, Артык рассуждал про себя:

«Невозможно понять, что творится в мире! Все сумрачно, смутно, темно. Думаешь, вот прямая дорога, а шагнешь вперед — провалишься в яму; повернешь в сторону — ткнешься лицом в колючку, а назад и вовсе нет пути. Какими друзьями мы были с Аширом! Мы росли и жили, как братья. И вот только что мы стреляли друг в друга. А почему? Чего- мы не поделили? Из-за кого мы враждуем? Из-за Эзиз-хана? Но Эзиз мне не брат. Где же причина? Идет борьба, и каждый борется за свое. Чего добился отец, не вмешиваясь ни во что, думая только о пропитании на каждый день? Ничего. Чего достиг я в свои двадцать лет, работая от зари до зари? Я был вечно голоден, как собака. Что же мне — укрывшись с головой, трусливо лежать в кибитке и ждать, пока на меня снова накинута узду? Нет, рабом я больше не буду! Чтобы выйти победителем, надо биться с врагом, пока хватит сил. Значит, нельзя мне успокаиваться до тех пор, пока я и другие, такие же, как я, не победим. Надо покончить со всей шайкой баев-грабителей во главе с волостными... Но разве у Ашира, Ивана, Тедженки не те же цели? Не борются ли они так же, как и я, за народ?.. — Пораженный этой мыслью, Артык даже остановился. — Так, может быть, причина того, что я так запутался и мир стал темен в моих глазах — вот эти погоны?»

Он сорвал с себя и отбросил прочь зеленые погоны эзизовского нукера, а когда очнулся от своих дум, мир уже оделся в серый чекмень, — моросил дождь, мелкий и острый, как кончик иглы. Артык двинулся дальше, даже не думая о том, что промокнет. Дождь веселил его печальное сердце, отвлекал от тяжелых дум. Уже в третий раз в этом году хмурилось небо, в воздухе чувствовался запах весны.

Дождь прибил пыль и вскоре унялся. Легкий ветер согнал облака, и синее небо засверкало в лучах восходящего солнца. Мир, который еще недавно казался Артыку тесным и темным, расширился, засиял, его нельзя было обнять взглядом. На пашнях влажно поблескивала только что появившаяся нежная зелень пшеницы. Зерно, не взошедшее в прошлом засушливом году, теперь пробивало своими ростками размягченную дождем почву.

Это зрелище окончательно развеселило сердце Артыка, заставило его снова почувствовать себя сильным и бодрым. Шагая вдоль дороги, он незаметно для себя стал напевать, а приближаясь к аулу, запел совсем громко.

Айна выбежала ему навстречу и так порывисто обняла, словно давно потеряла надежду на его возвращение. Особенно радовал ее веселый вид Артыка и то, что плечи его были свободны от зеленых погонов.

«Когда Айна подле меня, — подумал Артык, — все мои горести исчезают бесследно. Почему я не наслаждаюсь своим счастьем? Что бы там ни происходило в мире, жизнь уже не будет такою, какою была. Я все же легкомыслен; не пора ли образумиться, пожить семейной

жизнью? Вот и Айна, наверно, ждет этого от меня».

Смерть Халназара повергла в скорбь все его семейство. Когда тело его привезли на верблюде в аул, у Са-дап-бай чуть не разорвалось сердце. Она уткнулась лицом в чувал и запричитала во весь голос.

В обширную кибитку плотно набились женщины аула. Накрывшись халатами, они расселись на коврах, как головки сахара в синих обертках. Каждая из них, не слушая, что выкрикивают другие, стала оплакивать своих близких, даже давно умерших. По всему аулу разносился заунывный плач, как завыванье шакалов.

Мать Ашира, выполняя обычай, хоть и присоединилась к плакальщицам, но в душе была рада. Она верила, что бог услышал ее молитву и послал смерть Халназару. Мама, не чувствуя ни скорби, ни радости, только повторяла свои обычные причитания и выла, сама наслаждаясь своим голосом. Из общего хора выделялись пронзительные причитания Садап-бай:

*Повалилась чинара моя, ой, ой!
Честь померкла, почет развеялся вдруг:
В путь последний ушел мой муж дорогой,
Мой возлюбленный сердцем супруг и друг!*

*Ах, не дома он умер, не средь родных;
Боль ему не смягчала улыбкой я.
Где теперь он, опора детей моих,
Где он, радость моя, надежда моя?*

*Трон мой рухнул, и мой распался венец,
И рассыпались вмиг мои жемчуга.
Рок меня поразил, губитель сердец,
И согнулся мой стройный стан, как дуга, А-а-а!..*

На широком ковре и паласах, разостланных перед дверью кибитки, уткнувшись лбами в землю и выпятив кверху зады, басовито и хрипло ревели мужчины.

— Ва-ай! Ва-ай! — созвучно ревели они.

Баллы некоторое время тянул вместе со всеми, но потом решил сдержать себя, показать свою твердость. Женщинам, причитавшим в кибитке, он крикнул:

— Перестаньте! Довольно!

Голоса женщин постепенно затихли. Только невестка-фаланга, может быть назло ему, продолжала завывать с такой волчьей тоской, что две-три халназаровские собаки сначала насторожили уши, а потом тоже завывали. Младший сын Халназара, Ораз-Молла, прятал свое лицо в ворот халата, точно он совершил что-то постыдное.

В кибитке начали обмывать тело покойника, а на паласах, перед дверью, под руководством Мамедвели-ходжи занялись шитьем савана. Шили его из белой материи, без рукавов и ворота, в два слоя. Из всего добра, накопленного лукавством, насилием и обманом, только это одеяние и мог Халназар захватить с собой.

После обмывания приступили к очищению покойника от грехов, совершенных за долгую жизнь. Халназар прожил шестьдесят восемь лет. Двенадцать из них отнесли к невинной поре детства, а за остальные пятьдесят шесть лет стали подсчитывать пропущенные посты и молитвы. За каждый год таких недоимок перед аллахом насыпали по полчаши пшеницы, а сверху клали золотые и серебряные вещи. Чтобы Халназар ушел безгрешным из этого мира, родственники покойника жертвовали все это Мамедвели-ходже. Перед ходжой сидел мулла мечети.

— За годовые грехи Халназара вот это мы жертвуем вам! — сказал Мамедвели и обеими руками подвинул мулле тяжелый сосуд с пшеницей и ценностями.

— Приняли и взяли и дарим вам! — ответил мулла в свою очередь и подвинул сосуд к Мамедвели.

Пятьдесят шесть раз передвигали они друг другу сосуд, а тем временем куча пшеницы, золотых и серебряных вещей росла все больше. Мамедвели-ходжа вернул ценности хозяевам, а пшеницу отправил домой. Так был очищен от грехов старый бай, вся жизнь которого пришла в злодеяниях и насилиях.

Пока Мамедвели и мулла совершали обряд очищения грешника, из двух жердей и нескольких поперечин были сколочены носилки в виде лестницы. Тело Халназара завернули в молитвенный коврик, вынесли из кибитки ногами вперед и положили на носилки. Мамедвели велел повернуть носилки так, чтобы лицо Халназара было обращено к Мекке, затем начал безмолвно читать молитву. Мужчины встали позади него рядами.

— Я мыслью вознесся, — читал про себя Мамедвели. — Лоб мой обращен к Каабе, лицо мое обращено к Кыбле (Кыбла — направление к Мекке), молитва моя — к богу. Слава всевышнему аллаху!..

Раскрыв ладони, он дотронулся большими пальцами до ушей. Мужчины, не произнося ни слова, повторяли его движения. Так же беззвучно Мамедвели читал молитву еще две-три минуты. Закончив ее, он молча поклонился на обе стороны и провел ладонями по лицу.

Тогда Садап-бай вынесла четыре куска шелковой материи и положила их на тело Халназара. Шелком обернули носилки, и погребальная процессия двинулась в путь.

Чтобы придать похоронам больше торжественности и выполнить требования адата, Баллы привязал к носилкам двух верблюдов.

Около двух верст мужчины несли покойника на плечах. Многие делали это не столько из уважения к Халназару, сколько из желания получить что-нибудь при раздаче погребальных денег на могиле.

В кибитке Садап-бай снова поднялся плач. Но на этот раз причитания продолжались недолго. Как только погребальная процессия вышла за аул, женщины прекратили свои завывания и заговорили о Халназаре. Они превозносили широту его души, его нрав, его щедрость, все его поступки. Садап-бай расчувствовалась до того, что стала сравнивать Халназара с пророком. Она говорила:

— Отец детей моих — это белая птица из самого рая. Увы, он ушел от нас!

Мама села поудобнее и сказала:

— Ах, конечно, огонь ада не коснется Халназар-бая! Как говорят муллы, в раю его встретят гурии. Он будет блаженствовать среди них.

Хотя слова Мама и пришлись по сердцу Садап-бай, но то, что муж будет жить в раю с гуриями, вызвало в ней что-то вроде ревности. Она знала, что когда в бороде Халназара еще не было седины, он легко сошелся с одной соседкой, перекочевавшей из песков. Тогда она, Садап-бай, была молода, ее не могла успокоить даже плетка Халназара, и она, не считаясь с болью, кричала: «Чтоб тебе спокойно не улежать в могиле!» Теперь, вспоминая о неверности Халназара, она чуть не повторила это проклятие. Но тут же пришла ей в голову мысль: «А что, если это проклятие закроет перед ним двери рая и он будет гореть в адском огне?» Ее стали душить неожиданно хлынувшие слезы. «Каюсь, о господи! — мысленно взмолилась она. — Пусть светлым будет место, где он лежит!»

Тем временем погребальщики доставили тело Халназара на кладбище. Могила была уже вырыта. Около могилы возвышались два холмика красноватого песку. Тело Халназара тихо опустили в могилу и положили в боковую нишу — лицом в сторону Кыблы. Потом заложили нишу кирпичиками и замазали глиной. Гандым посмотрел на свою работу и подумал: «Мой шалаш в сто раз лучше, чем это твое жилище».

Получив разрешение от старшего сына покойного, стали засыпать могилу. В изголовье поставили вилообразный шест, на верхушку его привязали белую материю, из песка сделали могильный холмик и лопатами уравнили его со всех сторон. Когда со всем этим было покончено, у могильного шеста разостлали скатерть, разложили жаренные на масле лепешки и все стали «пробовать соль» — отламывать по кусочку и есть. Гандым засунул в рот целую

лепешку и, как верблюд, в несколько секунд проглотил ее. Он хотел было протянуть руку за второй, но в это время Мамедвели поднял раскрытые ладони и начал читать благодарственную молитву. Гандым с досадой подумал: «Ну и скуп же ходжа, байское добро жалеет!»

Погребальщиков было всего шестьдесят человек. Баллы поделил между ними сорок туманов — стоимость двух верблюдов, которые были привязаны к носилкам покойника. Разделили и шелковую материю, которой были обвиты носилки. Каждому досталось не больше того, что обычно идет на оторочку женских штанов. Но Гандым, слыша звон серебра в своем кармане, радовался: «Вах, если бы каждый день умирало хоть по одному баю!»

На поминки зарезали двух баранов. К приходу погребальщиков плов уже был готов, а из печей вынимали горячие лепешки. Обычно люди не очень охотно ели за поминальной трапезой, но в это голодное время каждый был рад поесть досыта. Гандым, которому за последние шесть месяцев не удалось даже попробовать свежего мяса, опять стал мысленно благодарить бога за смерть бая. Он уже на первых поминках радовался тому, что и в третий, и в седьмой, и в сороковой день его ждет такое же угощение.

После поминок начался раздел имущества бая между наследниками. Делили по адату, общепризнанным истолкователем которого был Мамедвели. Садап-бай еще при жизни Халназара считалась совладелицей его имущества, поэтому ей отделили половину того, чем владел муж. Из другой половины выделили сыновьям по целому паю, дочерям и женам бая — по половине пая.

Садап-бай и из этой половины получила свою долю. Атайры-гелин была недовольна таким разделом и затеяла ссору. Ее успокоили тем, что дали в дополнение к паю Баллы двух стельных верблюдиц.

Не остался в накладе и Мамедвели-ходжа. За «обмывание» грехов бая и за помощь в дележе наследства он получил годовалого верблюжонка, полушелковый халат, галоши и ичиги Халназара. «Потомок пророка» не поминул помянуть добрым словом покойника:

— Настоящее подношение — только от бая. Халназар был щедр при жизни — это само собой. Но душа его и после смерти творит добро.

Артык остался в ауле.

Какой прекрасной показалась ему жизнь с Айной! Все было радостью: ее речь, поступки, каждое движение. Айна старалась угодить Артыку во всем. Она делала это не из покорности мужу, а от чистого сердца. Ей хотелось, чтобы оба они жили одними мыслями, одним дыханием. Если одному больно, пусть у другого болит сердце; если у кого-то дрогнут губы в улыбке, пусть и у другого засмеется душа. И чтобы всегда, всегда они оставались верными друг другу! Айна думала, что только в этом и заключаются все радости жизни. Стремления эти отвечали и желаниям самого Артыка. Он советовался с ней даже в мелких делах, считался с ее мнением и старался не огорчать свою Айну.

Дядю Артыка удивляло такое согласие между молодыми супругами. «Что такое женщина? — рассуждал он. — Разве можно потакать жене? Так нетрудно и потерять мужское достоинство. Правда, вода в новом кувшине всегда кажется более прохладной. Конечно, все это порождено жаждой любви, которую они еще не успели утолить. Минует это время, и все пойдет точно так же, как у других».

Незаметно Артык втянулся в семейную жизнь и стал подумывать о том, чтобы отказаться от всего постороннего и вернуться к исконному делу своих отцов — землепашеству. Теперь и Халназар не помешает, жить будет лучше. Разве не унес он с собой в могилу все свои злодеяния, жестокости и насилия?

Однако, как говорят в народе, упадет кибитка — останется след. Так и Халназаром. Зловещая тень его стояла над Артыком. В ауле распространился слух, что Халназара убил Артык. Конечно, если бы представился случай, Артык, вероятно, воспользовался бы им и не побоялся людской молвы. Но это была клевета, и в новой мирной жизни она действовала на него первое время угнетающе. Впрочем, вскоре он успокоил себя: «Пусть говорят, что хотят.

К тому же, если и не я застрелил Халназара, то арчина Бабахана я непременно убью!»

Между тем дожди, выпадавшие чуть не ежедневно, все больше увлажняли землю, и дейхане уже начинали пахать. Артык тоже натянул на ноги чокай и оделся в грубошерстный чекмень. Он починил дышло, наладил соху, сделал новую рукоятку к лопате и в один пасмурный день вместе с дядей вышел на пахоту. Запрягли в соху лошадь и верблюда и провели по земле первые борозды.

Тяжелые тучи громоздились в небе. Под ними звонко щебетали жаворонки. Влажный ветер лизал вспотевшее лицо. Острый лемех легко врезался в сырую землю.

Артык остановился и окинул взглядом поле. И вдруг ему вспомнилось: в шестнадцатом году он вот так же пахал землю с Аширом, а весной восемнадцатого они наводили друг на друга винтовки.

Глава двадцать третья

В Теджене с двоевластием было покончено: вся власть перешла к уездному исполкому совета. Прежде всего исполком принял меры к облегчению продовольственного положения в городе и аулах. Спекулянтские запасы зерна и муки были реквизированы, городские пекарни начали отпускать хлеб рабочим, служащим и дейханам по твердым государственным ценам. Влияние совета стало быстро распространяться на ближайшие к Теджену аулы. Кое-где были произведены выборы в местные аульные советы.

После разгрома нукеров Эзиза ашхабадские и кизыл-арватские красногвардейцы вместе со своим командиром Тыжденко вернулись в областной центр. Положение же тедженского комиссара Красной гвардии заметно укрепилось. Всю заслугу разгрома эзизовцев

Куллыхан приписывал себе. Председатель совета Чернышев видел, что бывший писарь одержим невероятным честолюбием, но вынужден был мириться с этим. Устои новой власти еще не были настолько прочны, чтобы отказываться хотя бы и от временных попутчиков.

Рана Ашира, хотя и вызвала большую потерю крови, оказалась не тяжелой. Уже через три недели Ашир был на ногах и вернулся в совет. И в первые же дни он успел подметить то, что ускользало от внимания перегруженного работой председателя.

Почти все красногвардейцы тедженского отряда вооружены однозарядными берданками. По возвращении в отряд Аширу сразу бросилось в глаза, что ни у кого не было новеньких пятизарядок, которыми щеголяли нукеры Эзиза. При первой же встрече с Мавы Ашир спросил его, почему он не получил такой же винтовки, какая была у Артыка.. Мавы ничего не мог ответить, но рассказал, что как-то ночью, стоя на посту у склада в караван-сараяе, он собственными глазами видел, как эти винтовки грузились на верблюдов.

— Наверно, этих винтовок уже нет в Теджене,—сказал Мавы. — Я хотел узнать, куда их отправляют, но Куллыхан сначала прикрикнул на меня, а потом сказал: «В Ашхабад. Там они нужнее». Но я думаю, что он сказал неправду. Под утро меня сменили, и я видел, что караван перешел железную дорогу и направился на север, в пески.

У Ашира сейчас же возникли подозрения, и он решил проверить, куда отправлено оружие со склада Эзиза. Расспросы знакомых дейхан дали совершенно точные сведения, и он, прежде чем обратиться к Чернышеву, повел прямой разговор со своим начальником:

— Куллыхан, куда делось оружие из караван-сарая Эзиза?

— Тебя это не касается! — грубо ответил тот.

— Если б не касалось, не спрашивал бы! — вспыхнул Ашир.

Куллыхан с удивлением посмотрел на молодого красногвардейца, который осмелился требовать у него отчета. Но он все же решил спокойно ответить:

— Оружие увезли с собой ашхабадцы.

— Куллыхан, лучше было бы тебе сказать правду!

Хромой мирза, скривив рот, злобно ощерился на Ашира:

— Ты на кого это кричишь? На меня? Комиссара Красной гвардии?.. Что тебе от меня нужно?

— Я хочу знать, кто посылал Чары Чамана.

— Куда?

— В Ташауз.

— В Ташауз?!

— Что, успел уже забыть?

— Для чего мне его посылать?

— Чтоб продать оружие!

На равнодушном ко всему лице Куллыхана мелькнуло выражение растерянности. Он, видимо, обдумывал, что ответить Аширу, а когда заговорил, голос его зазвучал неуверенно:

— Ашир, теперь много людей, торгующих оружием. За кого же из них мне отвечать?

— Ты комиссар Красной гвардии и должен отвечать за всех! И в особенности за Чары Чамана. Хорошенькое дело! Захватили оружие у Эзиза, чтобы вооружить Джунаид-хана!

— Мне об этом ничего неизвестно.

— Если тебе неизвестно, так мне известно!

— Если так, то тебя и следовало бы поставить комиссаром отряда.

— Куллыхан! Я не посягаю на твою должность. Но я хочу знать: куда делось оружие, принадлежащее рабоче-крестьянскому правительству?

Куллыхан грозно выкатил глаза. Губы его задергались.

— Как ты смеешь так разговаривать со мной! — закричал он с пеной у рта.

— Я требую!..

— Я хорошо понимаю, почему ты требуешь: ты близкий друг Артыка, ты хвост его! Мне теперь ясно все. Ты — шпион, оставленный среди нас Эзизом!

— В этом деле я для тебя судья, и тебе придется давать ответ!

— Арестовать! — крикнул Куллыхан вне себя от бешенства.

Ашир схватился за оружие.

Подоспевший в это время на крик Ата-Дяли встал между ними и постарался обратить все в шутку;

— Вот, ей-богу, что за люди! — заговорил он, смеясь. — Только думали — настало спокойствие, а тут опять раздоры. Куллыхан, иди занимайся своим делом! А ты, Ашир, еще не совсем выздоровел. Тебе вредно так горячиться. Сперва поправься, пусть усы твои встанут торчком, а с Куллыханом мы успеем подраться. Мы не царские солдаты, а туркменские джигиты. Пойдем-ка выпьем чаю, придешь немного в себя. Не то опять уложим тебя в постель.

Волнение и в самом деле подействовало на Ашира. У него не было сил кричать, а тем более драться с хромым мирзой, и он невольно последовал за Ата-Дяли. Но и за чаем, слушая болтовню Ата-Дяли, он не мог успокоиться, — наоборот, волнение его все больше росло. Он думал: «Артык, пожалуй, был прав, он лучше знает хромого мирзу. А я совсем дурак! Состою в отряде вора, становлюсь вроде как пайщиком в грязных делах Куллыхана. Нет, больше этого терпеть нельзя!» — сказал он себе и, не медля ни минуты, пошел к Чернышеву.

Войдя в кабинет, Ашир, даже позабыв приветствовать председателя совета, заговорил возбужденным тоном:

— Иван, ради чего мы дрались с Эзиз-ханом?

— Что за вопрос?

— Для того чтобы захватить оружие в караван-сарай и начать торговать им?

— Ашир, что ты говоришь! Мы не только оружие, мы всю власть в городе взяли в свои руки.

— Мы — или хромым мирза, Куллыхан?

Ивану Тимофеевичу не понравился тон, которым говорил Ашир. Он недовольно поморщился и сказал:

— Ашир, если у тебя дело ко мне — говори. А нет — не обижайся, я не могу тратить время на пустые разговоры.

Эти слова словно подхлестнули Ашира. Заикаясь от волнения, он заторопился высказать все, с чем пришел.

— Иван, я требую, чтобы хромой мирза был предан суду революции! Это одно. И еще хочу спросить тебя: почему ты не добиваешь Эзиз-хана? Ты думаешь — выгнал его из города, и дело с концом? А он опять собирает нукеров, чтобы напасть на тебя. Почему медлишь? Надо самим напасть на него. Этого я тоже требую!

Упрек был справедлив. Чернышев задумался. Затем, медленно отвлекаясь от какой-то мысли, задумчиво проговорил:

— Что верно, то верно. Слишком рано успокоились, недооцениваем этой опасности. Верно говоришь, Ашир! С этим делом надо торопиться, нельзя допускать, чтобы Эзиз снова укрепился... Что касается Куллыхана, я не совсем понимаю тебя. У этого хромого писаря давняя вражда с Эзизом. Следовательно, тут он будет драться честно. А так — и я его знаю...

— Нет, ты его не знаешь!

— Ашир, здесь надо действовать обдуманно. Поспешность . может испортить все, и мы не только не устраним Куллыхана, но добьемся усиления его в Совете. Сейчас в его руках сила - мусульманского большинства...

— Вы же и дали ему эту силу! А он использует ее для воровства и наживы!

— Ашир!..

— Где оружие, захваченное в караван-сарай Эзиза?

— Должно быть, там, на складе...

— Должно быть? Да. Но оно давно уехало на верблюдах Чары Чамана!

— Чары Чамана? Кто это?

— Караван-баши, человек хромого мирзы. Через него тот сбывает все, что удастся украсть. А ворует он не только оружие. Проверишь, так узнаешь, что он запускает руку и в пекарню и на хлопковый завод.

И опять задумался Чернышов. Напрашивался единственно правильный вывод: убрать Куллыхана. Но как это сделать? Поймет ли необходимость этой меры мусульманское большинство совета? И не воспользуются ли ашхабадские эсеры и меньшевики неизбежными разногласиями для того, чтобы поставить во главе совета своих людей?.. Так и не придя ни к какому определенному решению, Чернышов тяжело поднялся из-за стола и, видя, что Ашир. ждет от, него ясного ответа, сказал озабоченно:

— Хорошо, Ашир, проверю все эти сведения о Куллыхане. Но если даже и верно все то, что ты говоришь, я не мог отстранить его, а тем более арестовать без ведома и согласия областного центра.

Ашир пристально посмотрел на Чернышева и, ничего не сказав, вышел из кабинета недовольный.

Почувствовав снова упадок сил, он пошел домой отдохнуть. Но не успел он сделать и сотни шагов, как за углом здания лицом к лицу столкнулся с Куллыханом, который шел навстречу в сопровождении трех красногвардейцев.

Все последующее произошло в одну минуту. Куллы-хан преградил путь Аширу и объявил ему:

— Ты арестован!

Ашир сорвал с плеча винтовку, но его тотчас обезоружили и повели. Через полчаса он уже сидел за решеткой. Куллыхан крепко наказал начальнику тюрьмы, чтобы никто не знал об аресте Ашира Сахата.

После этого Куллыхан направился к Чернышеву. Войдя в кабинет, он заговорил развязным тоном:

— Знаешь, председатель, ты под своей подушкой держишь змею!

Чернышев пристально посмотрел, на него и сказал:

— А, пожалуй, это верно.

— Если ты согласен, я сегодня же арестую предателя.

— Кого ты имеешь в виду?

— Конечно, Ашира Сахата.
— Ашира?!
— Он шпион Эзиза, предатель.
Взгляд Ивана Тимофеевича стал гневен.
— По-моему, следует арестовать другого человека.
— Другого?.. А ты о ком говоришь?
Чернышов поднялся с места и с отвращением глядел на хромого, который ежился под его взглядом. Кривя рот, Куллыхан повторил свой вопрос:
— О ком ты говоришь, Иван Тимофеевич?
— Его зовут... Куллыханом!
В глазах Куллыхана мелькнула растерянность
— Иван Тимофеевич, — спросил он, сразу меняя тон, — ты это всерьез или шутишь?
— Где оружие, захваченное красногвардейцами в караван-сараях Эзиза? — спросил в свою очередь Чернышов.
— А-а, я понимаю, от кого это идет. Он провокатор!
— Я у тебя спрашиваю: где оружие?
Куллыхан провел рукой по губам, пальцы его дрожали.
— Ты хочешь очернить меня по доносу провокатора?
— Я хочу всю твою черную душу вывернуть наружу, чтобы люди увидели, наконец, с кем они имеют дело!
— Ты не имеешь права...
— Кончен разговор! Созываю заседание исполкома и ставлю вопрос о твоих подлых делах!
— Ну, что ж, созывай!
Куллыхан злобно посмотрел на председателя совета и торопливо вышел из кабинета, хлопнув дверью.

Глава двадцать четвёртая

О разгроме своего отряда Эзиз узнал от уцелевших нукеров, которые разыскали его в дальнем ауле. Они рассказали и о смерти Халназара. Это мало огорчило Эзиза. Однако, считая себя по меньшей мере ханом Теджена, он не мог допустить, чтобы убийство его советника осталось безнаказанным. Услышав от одного из нукеров, что Халназар убит, по всей вероятности, Ата-Дяли, Эзиз-хан угрюмо сказал:

— Ладно! Этот безмозглый еще попадется мне в руки. Я расправлюсь с ним так, что внуки, его внуков будут со страхом вспоминать его казнь.

Однако все внимание его было поглощено другим сообщением: в караван-сараях, где помещался штаб отряда, красногвардейцы захватили двести восемнадцать винтовок и двенадцать тысяч патронов. Эта потеря была куда тяжелее смерти любого советника. Впрочем, по словам нукеров, еще имелась возможность вернуть оружие. Куллыхан, заботясь больше о своей наживе, чем о безопасности совета, нашел ловкого парня — погонщика верблюдов по имени Чары Чаман — и отправил с ним караван оружия через пустыню в Ташауз. Там оружие легко сбыть или Джунаид-хану или кому-нибудь из хорезмских старейшин, которые не хотели признавать власти Джунаида и копили силы против него.

— Караван не мог далеко уйти, — говорили нукеры, — Если пуститься в погоню на быстроходных верблюдах, винтовки и патроны будут опять в твоих руках.

И Эзиз не медлил ни часу. Не успел день склониться к вечеру, как на шести быстроходных верблюдах, в сопровождении самых верных джигитов, он пустился по бесплодной равнине в погоню за Чары Чаманом.

В открытых степных просторах верблюды неслись с такой быстротой, на какую только были способны. Их ноги мелькали, как крылья ветряной мельницы. Барханы сыпучих песков, похожие на морские волны, заставляли их замедлять движение. Но, перевалив через них, они

вновь продолжали свой бег. Песок не успевал покрывать их ступню, а ветер тут же заравнивал их следы.

Из Ташауза по верблюжьим тропинкам шли встречные караваны. При виде всадников Эзиза караванщики шарахались в стороны, принимая их за разбойников.

Поравнявшись с одним из караванов, Эзиз остановил своего верблюда и стал смотреть. Караван выглядел жалко. Обычно верблюды даже после долгого и тяжелого перехода по пустыне высоко держат головы на круто выгнутых шеях, шагают важной поступью, озираясь по сторонам, и у всех вызывает уважение их величественно-гордый вид. Караван, на который смотрел Эзиз, был совсем иным. Худые верблюды с торчащими костями еле плелись, качаясь от слабости. Глаза их тускло поблескивали, как черно-синеватые ягоды колючек; в помертвевших зрачках, казалось, застыли слезы. Многие верблюды шли развьюченные, едва передвигая ноги. Караванщики выглядели не лучше. Некоторые из них, взвалив на спину поклажу, под которой пал верблюд, плелись подле каравана, сгибаясь под тяжестью ноши.

— Аллах да поможет вам! — приветствовал их Эзиз. Затем он начал расспрашивать о Чары Чамане.

Караванщики сначала не могли сообразить, о ком идет речь. Но после того как Эзиз описал наружность Чары Чамана, один молодой хорезмец сказал:

— Так это не тот ли, которого встретили мы на Орта-Каке? Черный такой, вертлявый человек. Да он уже, наверно, перевалил за Кыр!

Подошел старик, за которым волочилась размотавшаяся от арыков веревка, и спросил:

— О ком разговор? О Чары Чамане?

— Да, путники спрашивают о нем.

— Это вы меня спросите, — степенно и неторопливо заговорил старик. — Чары Чаман — вовсе не чаман (Чаман — ленивый, медлительный). Он — настоящий скороход. — И старик длинно и утомительно принялся рассказывать, как однажды Чары, будучи еще подростком, состязался в беге с коротконогой казахской лошадкой, отстал от нее всего на два шага и как тогда кто-то в шутку назвал его «чаманом».

— Ты скажи, отец, — прервал старика Эзиз, — смогу ли я догнать его до Ташауза?

— Где там! — махнул рукою старик. — Разве такого скорохода догонишь!

Другой караванщик возразил:

— Ты, дядюшка, по себе не суди. Посмотри, какие у них верблюды. У них под ногами ветер! Если они не пожалеют верблюдов, то, может статься, придут раньше его в Ташауз.

Эзиз опять погнал своих коротконогих, мохнатых верблюдов. Не слезая с седла, не отдыхая, он делал фарсах за фарсахом (Фарсах — один переход, около восьми километров).

Впереди горбясь барханами, лежал десятидневный путь по пустыне. В необъятных Кара-Кумах прежде мирно паслись верблюды и стада баранов. Ночами, бывало, по обеим сторонам караванных троп лились звуки тростниковых дудок чабанов. В низинах, у колодцев и водоемов, толпились люди и животные. Пустыня жила своею жизнью. Но засуха семнадцатого года убила здесь почти все живое. Потерявшие свои стада скотоводы, оставшиеся без дела пастухи разбрелись по оазисам Ташауза и Кесе-Аркача. Большинство колодцев пересохло, и только у некоторых остались одинокие кибитки. На саксауле не было зелени, голодные верблюды давно обгрызли даже сухие ветки. От осоки не осталось и следа. Нигде не увидишь даже чахлой былинки. Раздолье наступило волкам да лисицам. Теперь им не нужно было рыскать по ночам в поисках пищи — повсюду лежали трупы, провяленное солнцем мясо. Ожиревшие волки, не страшась путников, выходили ночью на свет костров и молча глядели на людей, словно удивляясь тому, что, кроме них, в пустыне остались еще живые существа. Неподалеку от привалов безбоязненно прыгали лисицы, размахивая пушистыми хвостами. Весело посвистывали суслики, стоя на задних лапках у своих норок. На ветвях саксаула сидели ящерицы, греясь на солнце и наблюдая мир своими неподвижными глазами.

Достигнув Орта-Кака, Эзиз опять стал расспрашивать караванщиков о Чары Чамане и его спутниках.

— Прошло уже двое суток, как мы их видели, — отвечали караванщики. — Они очень торопились. Тот, кого называли Чары Чаман, все время твердил, что нужно спешить. Должно быть, они уже вышли из черных песков.

Эзиз снова бросился вперед. Он знал, что Чары Чаману никуда от него не уйти. Но он боялся, что этот ловкий человек успеет продать оружие раньше, чем погоня достигнет Ташауза. Поэтому Эзиз гнал верблюдов, не жалея их, и десятидневный путь сумел преодолеть за трое суток. Когда до Ташауза оставалось два перегона, он встретил снова караван. В ответ на вопрос один и погонщиков, не задумываясь, сказал:

— Мы встретились с ними вчера. Клянусь аллахом, этот черномазый везет оружие. Болтает без конца, словно язык у него привязан к хвосту собаки. «Я, говорит, закуплю здесь не меньше шестидесяти верблюдов риса». А у нас весь аул не в силах отправить столько. Да еще хвастается: «Приеду и во второй раз. Весь Теджен завалю рисом!»

— Когда, по-твоему, они войдут в Ташауз? — перебил Эзиз говорившего.

— Завтра утром, самое позднее — в полдень. Эзиз покачал головой:

— Что бы нам выехать на день раньше!

И снова под всадниками заплясали мохнатые ноги быстроходных верблюдов.

На следующее утро всадники Эзиза вышли из песков на равнину, усыпанную мелкой красноватой галькой. Вдали виднелись зеленые островки садов Ташауза. Неопытный путник сказал бы: «Да что ж, тут совсем близко — рукой подать...» Но усталым всадникам Эзиза весь путь между Тедженом и Ташаузом показался менее тяжелым, чем последний фарсах между границей песков и видневшимися вдали садами.

Только с наступлением сумерек Эзиз въехал во двор Джунаид-хана, правителя Ташауза. Прибывших хотели было повести в помещение для гостей, но Эзиз велел доложить о себе самому хану.

Его принял одетый по-туркменски плотный, краснолицый человек среднего роста, с белой густой бородой. Он вышел навстречу Эзизу и дружески приветствовал его. Они обнялись. Джунаид долго не выпускал руки Эзиза и жадно разглядывал его:

— Брат мой, Эзиз-хан! — говорил он. — Меня радует, что ты оказал мне уважение — первый приехал ко мне, как к старшему брату, и так неожиданно. Я рад видеть тебя.

Джунаид повел Эзиза во внутренние покои, где он принимал только особо почетных гостей.

Эзиз был поражен богатством и широтой жизни Джунаид-хана. Не было счета приезжавшим и уезжавшим отсюда. Седобородые всадники на иноходцах в разукрашенной серебром сбруе были похожи на старейшин племен или родовитых баев. Тут же во дворе были люди с арканами на шее, бежавшие что есть силы позади лошадей. Их вели к хану, осыпая ударами плетей.

В первом дворе от спутников Эзиза приняли верблюдов. Здесь было множество легко оседланных коней. Весь второй двор был завален выюками, как бахча дынями в урожайный год. Личные покои Джунаид-хана находились в третьем дворе.

Дом казался самым обыкновенным по внешнему виду, но внутри комнаты были сверху донизу разукрашены резьбой и цветными узорами. Ветви деревьев, отягощенные плодами, гроздья винограда, полыхающие яркими красками бутоны цветов, а рядом самовары с бьющим из трубы красноватым пламенем, цветные чайники с льющим из носика чаем — орнамент, мозаика, восьмисотлетняя глазурь древнего Куня-Ургенча — все это причудливо переплелось по стенам. На дорогих коврах лежали бархатные тюфяки, высокие стопки одеял и подушек в наволочках из цветного шелка. Огромное зеркало в углу удваивало все, что было перед ним. Таково было убранство комнаты, в которую Джунаид ввел своего гостя.

Эзиз устало опустил на бархатный тюфяк. Слуга, наполнив серебряную чашечку кальяна светлым ташаузским табаком и положив сверху уголек саксаула, подал гостю трубку. От первых затяжек ароматным дымом у Эзиза закружилась голова, цветные узоры на стенах задвигались перед его глазами, теряя ясность.

Хан не торопился спрашивать о здоровье, о жизни. Эзизу же не терпелось поскорее

узнать, куда скрылась дичь, за которой он охотился. Поэтому, лишь только вернулась к нему ясность мысли, он обратился к Джунаид-хану:

— Курбан Мухаммед-хан, прости меня! Я приехал для того, чтобы...

Курбан Мухаммед — это было имя хозяина, Джунаид — название его племени. Неожиданное обращение. Эзиза запросто, по имени, изумило хана. К тому же обычай не допускал, чтобы гость первый заговорил о цели приезда, пока сам хозяин не спросит его об этом. Ничего не понимая, Джунаид-хан уставился на Эзиза:

— Эзиз-хан! Как неожидан твой приезд, так неожиданны и твои речи. К добру ли?

— Господин хан! Еще раз говорю: прости меня. Сейчас с тобой говорит не Эзиз-хан, а человек, который не хочет упустить потерянное. Моя потеря сегодня утром или самое позднее в полдень вошла в твою страну. Если не трудно, я прошу раньше всего разузнать о ней.

— Потеря?.. Эзиз-хан, это что-то вроде загадки. Твоя потеря — это что-нибудь домашнее или степное?

— И домашнее и степное.

— Съедобное или несъедобное?

— Поганее собачьего мяса!

— Если твоя потеря находится в пределах моей страны, то завтра, как только ты проснешься, она будет перед твоими глазами.

— Будь здоров, господин хан, я благодарен тебе!

Эзиз сообщил приметы Чары Чамана. Джунаид тотчас же разослал по аулам гонцов, приказав связать и привести Чары Чамана вместе с его спутниками и теми, кто оказал ему гостеприимство.

Слуга внес зажженную лампу. При свете ее Джунаид пытливым взглядом в лицо гостя и увидел на нем следы душевного смятения. Поняв, что с Эзизом случилось что-то неладное, хан решил расспросить его, хотя это тоже шло в разрез с общепринятыми правилами приличия, так как гость еще не успел отдохнуть.

— Эзиз-хан, — обратился Джунаид к своему гостю, когда подали чай, — хотя мы и живем далеко друг от друга, сердца наши близки. Я всегда расспрашиваю о тебе проезжих и приезжающих из Теджена. Твои успехи радовали мое сердце. Мне казалось, что ты достиг всего, чего хотел, или близок к цели. Но твой неожиданный приезд и вид твой, если только это не от усталости, говорят мне о многом. Я не спрашиваю о цели твоего приезда. Мне хотелось бы только знать, чем объяснить разницу между тем, что я слышал о тебе и твоих успехах, и тем, что я вижу?

Эзиз понял, что перед ним проницательный и решительный человек, способный быстро и без раздумий составить себе мнение о людях, как и отдать приказ об уничтожении их. Поэтому следовало подумать, как говорить с ним. Эзиз, неспеша, начал беседу:

— Господин хан, я никогда не забывал твоего совета: «Если хоть смутно почувствуешь намерение врага, — опереди его». Я так и Действовал. Когда мне стало известно о намерении Совета отобрать хлеб у баев, чтобы помочь голодным дейханам, я сам захватил запасы богатых и стал раздавать хлеб населению по твердым ценам. Мусульмане превознесли мое имя. Но твой завет я не выполнил до конца: я послушался пустых болтунов из «национального комитета» и в результате опоздал — получил пощечину.

И он рассказал Джунаиду обо всем, что произошло в Теджене.

Джунаид тотчас спросил:

— Эзиз-хан, почему я живу не в Хиве, не во дворце Исфендиар-хана, а обосновался вот здесь, в Ташаузе?

Вопрос привел Эзиза в недоумение: какое это имеет отношение ко всему тому, о чем он говорил? Сколько он ни думал, ясного ответа найти не мог и вообще не понял, к чему был задан этот вопрос.

— Господин хан, я не знаю, почему ты не живешь в Хиве. Может быть, потому, что ты хан Джунаида?

Джунаид укоризненно посмотрел на своего собеседника:

— Ты и на самом деле этого не понимаешь! Если бы я сидел во дворце Исфендиар-хана в Хиве, то, конечно, считался бы повелителем всего Хорезма, но был бы там в положении соловья в позолоченной клетке. Там со всех сторон крепостные стены, широкая река. Вокруг дворца живут старые чиновники Исфендиара, которые ненавидят меня. Да и русские не питают ко мне никакого доверия. Случись со мной что-нибудь, — все окружающее превратится в кольцо, которое трудно разорвать. В каком же положении я окажусь? А сюда ко мне никто не осмелился подступиться. Всадник лишится копыт, птица — крыльев! Стоит мне только узнать, что в Хиве, в любом месте Хорезма восстанут против моей воли, и я в ту же ночь появляюсь там, чтобы разнести все в пух и прах!.. А твое положение? Сидя в городе, кем ты хочешь повелевать, над чем властвовать? Повелевать царскими чиновниками? Не велика честь! Управлять городом? Не удастся! Железная дорога проходит по твоему животу, режет его пополам. Будешь сидеть в городе — железо будет со всех сторон колоть тебя, подобно штыкам. Сегодня ударишь кого-нибудь по лицу, завтра тебе ответят подзатыльником и рот твой забьют землей. С железной дорогой нельзя шутить. Ну, предположим, дам я тебе пятьсот джигитов, и сегодня ты разгромишь тедженских красногвардейцев. Нет сомнения, что разгромишь. Но завтра с двух сторон по железной дороге подвезут тысячу всадников — где у тебя сила устоять против них?.. Ты — сын туркмена, вырос на просторах степей..Ты держись всегда простора, не путайся в тесноте города! Не понравилось тебе что-нибудь в Теджене или власть не угодила твоему сердцу — вот тогда иди в город. Разгроми все в одну ночь — и назад. Тогда, чтобы твои враги ни делали, они не смогут подчинить тебя и одно твое имя будет наводить на них страх. Они даже не смогут напасть на тебя. Да и то учти: стать ханом Теджена — еще не значит стать ханом теке, подчинить своей власти Ахал-Аркач и Мары. Ты отодвинься от железной дороги на север, в глубь степей, и стань покрепче и пошире на ноги. А я всегда подле тебя — только дай знать... И еще скажу: не нравятся мне эти твои новые покровители — Нияз-бек и Ораз-Сердар. Их люди едут и ко мне без конца — не дают высохнуть помету своих коней во дворе. Я хоть и говорю им приятное, но то, что намерен делать, держу в себе. С тобой они говорят на твоём языке, а все же не от сердца. Они хотят сесть на тебя и погонять, как ишака. А ты постарайся сам сделать их своими ишаками. Будь с ними ласков, но не подчиняйся им своим сердцем. Пусть в серьезных делах не ты, а они обращаются к тебе за советом и помощью...

Эзиз считал себя вполне зрелым правителем, но, послушав Джунаида, почувствовал себя ребенком в большой политике.

«Да, эта старая лиса, — подумал он о Джунаиде, — научилась тысяче и одной хитрости и всяким уловкам». Вспомнилось, что старый хан еще полгода назад обещал свою помощь, и Эзиз сказал:

— Кстати, господин хан, я хотел поблагодарить тебя за привет и обещание помощи. Афганец, который был у тебя с поручением от афганского эмира, заезжал ко мне и передал мне твои слова.

— Афганец?.. — Джунаид-хан задумался, что-то вспоминая, затем спросил: — Это не Абдыкерим-хан?

— Да, он.

— Два раза он был у меня. И других таких посланцев приезжает немало.

Хотя Джунаид и знал, что Абдыкерим-хан не афганец, но не сказал об этом Эзизу. Но раз уже зашла речь о внешних сношениях, он постарался убедить тедженского хана в необходимости служить тому же государству, которому служил Абдыкерим-хан и сам Джунаид. Он начал издали:

— Мы переживаем смутное время. Делай что хочешь, и нет такой силы, которая могла бы тебе помешать. Но это время продлится недолго. Порядок скоро придет...

— Откуда? — спросил Эзиз, пользуясь тем, что Джунаид умолк, словно задумавшись над своими словами.

— Вот об этом я и хочу сказать, - продолжал старый хан. — Сегодня сила в наших руках. Но надолго ли? Если мы не воспользуемся этим смутным временем для того, чтобы укрепить свое положение, не останется у нас ни ханской власти, ни ханского достоинства и ничего такого, что выделило бы нас среди обыкновенных смертных. Мы пережили уже такое...

— ...в царское время, — подсказал Эзиз.

— Ты угадал мою мысль. В чьих бы руках ни оказалась власть — в руках русских богачей или русских бедняков — для нас это будет не лучше, чем царское время... Мы должны удержать власть в своих руках. А для этого нам необходимо заручиться могучей поддержкой одной из великих держав.

Эзиз понял, что Джунаид-хан имеет в виду какое-то большое государство, и удивленно спросил:

— Значит, наша надежда — не повелитель Афганистана, не Хабибулла-хан?

— Наши соседи Афганистан и Иран не смогли бы оказать нам помощи, даже если бы захотели. Разве устоять им против России? Нет, мой брат, спасти нас может только одна держава, это... Англия.

«Англия?..» — Эзиз насторожился. С детства он знал, что туркменам издавна ненавистны англичане — захватчики восточных стран и поработители мусульманских народов; про коварного и подлого человека туркмены говорили — «как англичанин». И вот теперь Джунаид-хан советовал искать опору ханской власти в Англии, у этих коварных людей. Эзиз растерянно смотрел на своего названного брата и союзника, не зная, что ответить ему.

— Господин хан, — сказал он, когда уже надо было что-то сказать, — я знаю поговорку: «У кого опорой гора, у того железное сердце». Неплохо бы опереться на силу оружия большого государства, но... Но разве можно доверять англичанам?

— Хотим мы этого или не хотим, — ответил на его сомнения Джунаид-хан, — а, по моим сведениям, англичане скоро придут в Закаспийскую область, чтобы навести здесь порядок. И, конечно, погонят они своих солдат проливать здесь кровь не ради нас, ханов. У них свои расчеты. Немало захватили они мусульманских стран, — почему не воспользоваться нынешней слабостью России и не оторвать от нее Туркестан? Здесь тоже немало всяких богатств: хлопок, шерсть, каракуль, ковры... Есть на чем поживиться английским купцам и промышленникам. Как ты думаешь, Эзиз-хан? Я тоже много думал над этим и пришел к мысли, что для нас это даже выгодно. Пусть наживаются англичане, — если мы останемся ханами, на нашу долю тоже перепадет немало. Золото, звонкую монету будем выручать от торговых дел. У меня вон лабазы забиты разными товарами, а куда их денешь? Не на советские же ничего не стоящие бумажки продавать шерсть, каракуль. А главная наша выгода в том, что англичане не будут посягать на нашу ханскую власть, как это несомненно сделают большевики.

Эзиз больше не возражал и только слушал старого хана, как видно, весьма осведомленного в вопросах политики. Он уже и сам понимал, что без поддержки извне трудно стать ханом, а удержать в своих руках власть — и того труднее. Между тем Джунаид-хан откровенно рассказал, что он уже вошел в соглашение с англичанами и вполне осведомлен о планах английского командования в Иране ввести войска в Закаспийскую область. Когда же он сообщил, что англичане гарантируют сохранение ханств, недоверие Эзиза было окончательно сломлено: ради титула хана и власти он готов был служить хоть самому дьяволу.

Громко приветствуя хана, в комнату вошел здоровенный бородатый детина с патронными лентами на груди, револьвером у пояса и винтовкой за плечом. Это был, по-видимому, сотник. Он коротко доложил:

— Хан-ага... Старшина аула отказался выполнить твое повеление. Он отнял оружие у наших людей, а самих прогнал. Он сказал им: «С этого дня — я сам себе хан! Идите и передайте мои слова вашему хану». Если разрешишь, мы вразумим его.

Джунаид не побледнел от гнева, не закричал. Ни одна жилка не дрогнула на его лице, только слегка потемнел зрачок его острых глаз. Спокойным голосом он приказал:

— Возьми сотню джигитов и отправляйся с ними в аул. Всех, кто мужского пола, уничтожь. Кибитки сожги. Имущество разграбь. Женщин и скот приведи сюда. О выполнении доложишь завтра, не позже утренней

— Слушаю, хан-ага! — ответил сотник и вышел, повернувшись на одной ноге.

А Джунаид-хан, словно ничего не случилось, продолжал разговор.

В то время предводители хорезмских племен Гулам-Али-хан и Гоч-Мамед-хан, вербовали нукеров, собираясь выступить против ташаузского деспота. Они говорили: «Чем Джунаид-хан лучше нас? Он ни во что нас не ставит, с нами не советуется, а кто дал ему власть, как не мы? Мы сами ханы!» За ними тянулся и Килыч-Нияз. И только Черик-бай оставался острым и верным оружием Джунаида.

«Круто! — подумал Эзиз, услышав ханский приказ. — Убивать сотни людей, сжигать кибитки, сотнями забирать женщин из-за одного только дерзкого слова!.. Но, поразмыслив, решил: — Жестоко, но — правильно. Расправиться с одним аулом — сотни других изъявят покорность. Так и должен поступать хан, знающий свою силу!»

В своих размышлениях Эзиз был недалек от истины: жестокая расправа над жителями непокорного аула была прежде всего рассчитана на устрашение Гулам-Али-хана и Гоч-Мамед-хана.

Долго беседовали два хищника, изливаясь в братских чувствах и поучая друг друга искусству управлять полуразбойничьими, полурабовладельческими ханствами. Оба и в самом деле были искренни в своих излияниях, ибо хорошо понимали, что падение одного ослабит другого. Во время беседы Джунаид бросил перед Эзизом несколько маленьких шелковых платочков, шириной в четыре, длиной в шесть пальцев. Эзиз посмотрел на них с удивлением. Хоть он был и неграмотным, но разобрал на платочках цифры: 10, 100, 500. Такие цифры он привык видеть на бумажных деньгах. Он взял один из платочков и, рассматривая его, спросил:

— Что это, господин хан?

— Платок.

Эзиз еще раз пристально посмотрел на цифры.

— Нет, господин хан, таких платков не бывает.

— А что же это?

— Не знаю, но на них печать, они похожи на деньги.

— Похожи?

— Похожи.

Джунаид-хан действительно выпустил свои деньги из домотканого шелка. Красивые, прочные, они были особой гордостью хана. Услышав ответ Эзиза, он не мог сдержать самодовольной улыбки.

Эзиз решил: «Если Джунаид выпустил шелковые деньги, то я выпущу ковровые!»

Наконец, жирный плов с курицей и зимняя ташаузская дыня «старая дева» заставили отяжелеть не спавшего уже в течение нескольких суток Эзиза. Он то и дело прикладывался к трубке кальяна, мучительно зевал. Как только Джунаид оставил его на ночь одного, он повалился на бархатный тюфяк и, вспомнив еще раз Чары Чамана и оружие, погрузился в крепкий сон.

Тем временем в ауле, отказавшемся признать над собой власть Джунаид-хана, и в другом ауле, куда к вечеру этого дня прибыл со своим караваном Чары Чаман, шли события своим чередом.

Аул Огузляр был издревле известным становищем воинственного племени йомудов. После вечерней молитвы огузы собрались вокруг каравана Чары Чамана, рассматривая оружие, приценивались. Чары Чаман важничал.

— Братья йомуды! — кричал он в толпу. — Я пришел сюда не для того, чтобы наживаться на оружии. Мои начальники хотят воспользоваться падением царя и вооружить

братьев йомудов. Я приму цену, которую

установите вы по совести и справедливости.

Чары Чаману стоило подарить винтовку хозяину кибитки, который предоставил ему кров, чтобы узнать все цены на оружие. Теперь он был уверен, что хозяин кибитки не даст обмануть его и сделка будет выгодной. Но только разгорелась торговля, как послышался конский топот. Люди насторожились. Чары Чаман задрожал в предчувствии недоброго.

— Что это значит? — спросил он, испуганно вытаращив глаза.

Хозяин кибитки и сам струхнул, не понимая, зачем понадобилось людям Джунаид-хана скакать в ночное время. Однако он постарался успокоить Чары Чамана:

— Гость, не беспокойся, лежи, отдыхай! Пока жив Джунаидхан, тебя никто и пальцем не тронет. Если хан услышит, что ты привез оружие и патроны, он призовет тебя к себе и проводит с подарками и почестями.

В это время всадники подъехали к кибитке и спешились. Их главный спросил:

— Кто здесь Чары Чаман?

Ободренный хозяином, Чары Чаман выступил вперед:

- Чары Чаман — я!

В мгновение ока ему скрутили руки назад. Хозяин кибитки закричал:

— Йомуд, что делаешь? Умру за гостя! Эй, кто огуз, — на помощь! Эй!

В ту же минуту и ему связали руки. Старший джигит пригрозил огузам:

— Не говорите, что не слышали: если хоть один поднимет руку — сожгу весь аул!

При свете луны всадники навьючили тюки с оружием и патронами на верблюдов и двинулись в путь, захватив с собой Чары Чамана и хозяина кибитки.

Джунаид-хан на утренней молитве поднял ладони, благословляя кровавые подвиги своих джигитов, жестоко расправившихся с непокорным аулом. А Эзиз-хан, уже зная о возвращении оружия, увезенного Чары Чаманом, в знак благодарности аллаху молитвенно провел ладонями по лицу.

Когда Чары Чаман встретил страшный взгляд Эзиза он задрожал, как мышь перед кошкой. Эзиз приступил к допросу.

— Сколько привез винтовок?

— Двести восемнадцать, хан-ага.

— Сколько патронов?

— Две... двенадцать тысяч.

— Чье это оружие и патроны?

— Не... не мои, хан-ага. Ку... Куллыхана.

— Сколько роздал?

— Ни... ничего, кроме одной пятазарядки хозяину кибитки.

Ответы Чары Чамана удовлетворили Эзиза. Он попросил Джунаид-хана освободить всех караванщиков, а Чары Чамана посадить в тюрьму.

Выйдя вместе с ханом во двор, он увидел сотни полуголых женщин и детей, которые сидели на пыльной земле и рыдали. Среди них не было ни одного мужчины, ни одного мальчика старше десятилетнего возраста. На колья были посажены головы старейшин непокорного аула. Открытые глаза их неподвижно смотрели на проходящих. Голова с развевающейся на ветру длинной бородой, обращенная в сторону плачущих женщин и ребятишек, как бы говорила: «Вот смотрите, до чего дошло зверство! Вот наша участь в ханстве Джунаида!»

Даже Эзиз в первое мгновение содрогнулся при виде этой жестокости, но уже в следующую минуту подумал: «Джунаид прав! Надо было и мне поступить так с семьями Куллыхана и прочих».

В тот же день он нагрузил верблюдов отнятым у Чары Чамана оружием и, получив последние наставления от старого хана, пустился в обратный путь.

Вернувшись из Ташауза, Эзиз обосновался на горе Ак-Алане, в семнадцати верстах к северо-западу от Теджена. Здесь он вновь приступил к вербовке нукеров. По-прежнему его

окружали баи и их ставленники: Алты-Сопы, Анна-Курбан Юмургачи, Гарры-Молла. Ахуны и ишаны возобновили с ним связь. Мамедвели, считавший себя после смерти Халназара осиротевшим, тоже не отходил от новоявленного хана.

Теперь Эзиз действовал смелее. Для осуществления своих целей он не останавливался ни перед чем, не щадил ни баев, ни бедняков. Он разослал в аулы своих людей с приказом отовсюду собирать коней, и в его отряде с каждым днем увеличивалось число породистых скакунов.

Видимый издалека, Ак-Алан гордо возвышался над расстилавшимися вокруг полями. Два глинобитных дома и две кибитки были заняты Эзизом и его старшим братом. Третья кибитка принадлежала отцу Эзиза — Чапык-Сердару. Вокруг расположились кибитки нукеров, стояли многочисленные коновязи, у которых ржали и били копытами горячие кони. Таково было новое разбойничье гнездо Эзиз-хана.

Как кровожадный беркут, Эзиз, сидя на своей высоте, хищно оглядывал Тедженскую равнину. Помня наставления и пример ташаузского хана, он без разбора начал грабить дома и имущество своих старых врагов — царских чиновников и всех, кто не хотел считаться с ним, как с ханом. Тех же, кто в будущем мог помешать ему утвердить свою власть, он убивал.

Весть о зверствах Эзиз-хана распространилась по аулам, вызывая трепет у притихших дейхан.

Имя ак-аланского хана стало означать насилие и кровь.

Но вместе с тем Эзиз не забывал и о тех, кто мог быть ему полезен, — о нукерах, которые почему-либо не вернулись к нему после разгрома в Теджене. И однажды прозвучал его голос, обращенный к сотникам:

— А где наш Артык?..

Глава двадцать пятая

Иван Тимофеевич сидел в своем кабинете и писал в Ташкент обстоятельный доклад о положении в Закаспийской области. Последняя встреча с руководителями Ашхабадского совета произвели на него тягостное впечатление. Он понимал, что только неожиданное выступление Тыжденко помогло ему установить советскую власть в Теджене. Состав областного совета внушал ему крайнее недоверие. А это был центр всего Закаспийского края. Что же будет, если и дальше большинство депутатов областного совета будет плясать под дудку таких проходимцев, как Фунтиков и Дохов?.. Не стесняясь в выражениях, Чернышев резко критиковал Ашхабадский совет за его бездеятельность, писал о всех своих тревогах и подозрениях и настаивал на том, чтобы в Ашхабад был послан крупный работник, большевик с широкими полномочиями.

В запертую дверь кабинета постучали. Чернышев неохотно открыл, досадуя на то, что мешают работать, но тут же невольно улыбнулся — перед ним стоял Мавы. Вот с кем можно поговорить о подлинных настроениях дейханства! Кто же лучше, чем простодушный Мавы, способен рассказать об этих настроениях? Ведь именно он, этот вчерашний раб Халназар-бая, при советской власти обрел человеческое достоинство.

Действительно, это был уже не прежний Мавы. На поясе у него висели подсумки с патронами, теперь он умел владеть оружием. В лице его, вместо прежней забитости, проступало мужество, взгляд стал осмысленным. «Вот из таких туркмен, — думал Иван Тимофеевич, — и создаются национальные кадры революции».

— Входи, Мавы, входи! Вот кресло, садись!

Но движения Мавы были вялы, он нехотя сел, опустил голову. Чернышев уловил в его глазах какую-то тревогу.

— Ну, как чувствуешь себя, Мавы? Как дела?

— Дела?.. Нехорошие у нас дела.

— Почему?

— Иван, я остался один...
— Не понимаю.
— Почему не понимаешь? Из нашего аула — один. Был Артык, но он стал врагом. А Ашир... Его крепко держат.
— Опять не понимаю. Что с Аширом?
— Сам делаешь, а у меня спрашиваешь?
— Что я сделал?
— Зачем притворяешься? Я, что ли, посадил Ашира в тюрьму?
— Ашир в тюрьме?!
— Будто не знаешь!
— Кто его арестовал? Мавы, говори все, что знаешь. Я об этом ничего не слыхал.
Мавы тяжело вздохнул.

— Иван, я верю тебе, — печально сказал он, и в голосе его прозвучало недоверие. — Но... говорят, что Ашира арестовали по твоему приказу. Его очень крепко держат. Куллыхан пригрозил начальнику тюрьмы: «Если хоть один человек узнает, что здесь Ашир, от тебя только мокрое место останется». Я слышал это от милиционера, который принимает хлеб для арестантов.

— Ах, негодяй! — Чернышев на минуту задумался; «Что это — личные счеты или измена?.. Куллыхан начал расправляться с людьми, наиболее преданными советской власти?..»

— Мавы, — он пытливо взглянул в глаза красногвардейцу, — ты мне не все сказал. Так не годится. Друзья советской власти должны быть откровенны друг с другом.

— Я ничего не знаю...

— Мавы, ты мужчина и воин. Будь же честным!

И Мавы, уступая настоянию Чернышова, выложил ему все, что знал. Озираясь и тревожно поглядывая на дверь, он рассказал о караване оружия, который Чары Чаман повел на Ташауз, о своем разговоре с Аширом по этому поводу, о столкновении Ашира с начальником Красной гвардии и о вмешательстве Ата-Дяли в их ссору.

— У нас житья нет тому, кто идет против Куллыхана, — закончил он свой рассказ. — Хромой мирза и меня ненавидит. Я думаю, что мне надо уходить отсюда, иначе и меня ждет тюрьма или что похуже... Куллыхан убьет меня, если узнает, что я тебе рассказал об оружии. Он хочет разделаться со всеми друзьями Советов, которые близки к большевикам.

— Мавы, повторяю тебе: я ничего об этом не знал. Будь покоен, Ашира мы освободим из тюрьмы, а тебя никто пальцем не тронет. С Куллыханом я сам скоро разделаюсь, можешь его не бояться.

— Ах, Иван! — воскликнул Мавы, посветлев лицом. — Я не боюсь умереть, сражаясь вместе с тобой и Аширом за правду. Но я боюсь убийцы из-за угла.

— Этого мы не допустим! — решительно сказал Чернышов. — Мы возьмем в свои руки Красную гвардию и наведем там порядок. А пока... — Он написал несколько слов на бумажке, поставил печать и протянул Мавы. — Вот приказ начальнику тюрьмы об освобождении Ашира. Возьми с собой двух красногвардейцев, иди сейчас же в тюрьму и приведи Ашира сюда.

Вечером этого дня Чернышов созвал экстренное заседание исполкома.

Курили беспрерывно. Комната была наполнена табачным дымом, который при свете лампы казался туманом.

Чернышов говорил уже почти час. В своей речи он подробно остановился на международном и внутреннем положении Республики Советов. Он говорил об огромных трудностях, которые встали перед Советами в Средней Азии, о сопротивлении классовых врагов, о восстаниях белогвардейцев, стремящихся отрезать Туркестан от революционных центров страны, и о предательской роли эсеров и меньшевиков.

— Но, — продолжал Чернышов, — братская связь с центром и помощь Москвы

окраинам усиливается. И каковы бы ни были временные успехи врагов революции на окраинах, революция в стране разворачивается все шире и советская власть все больше укрепляется по мере вовлечения масс трудящихся в борьбу за свои права. Белогвардейцам и буржуазным националистам не удастся разъединить силы революции и посеять вражду среди трудящихся разных наций бывшей Российской империи. — Чернышов привел выдержки из телеграммы председателя Ташкентского совета, адресованной Сталину. Первая говорила о том, что Туркестанская республика накануне голодной смерти. От Кавказа отрезаны... От Сибири отрезаны... Требовалась помощь со стороны Самары. Промедление грозило ужаснейшими последствиями. Вторая телеграмма, сообщая о голоде, эпидемиях и безработице, содержала просьбу к Сталину о незамедлительной доставке хлеба и об отпуске десяти миллионов рублей в помощь Туркестанской республике. Чернышов приводил выдержки из этих телеграмм совсем не для того, чтобы запугать присутствующих трудностями создавшегося в крае положения.

— Напрасно думают буржуазия и ее слуги, что нас можно съесть живьем, — говорил он. — Напрасны попытки оторвать Туркестан от Москвы, Питера, от революционных пролетарских центров России. Мы не одиноки. Правительство Российской Федерации помнит о нас, вожди революции заботятся о Туркестанской республике. Просьба Туркестанского Совнаркома удовлетворена: десятки тысяч пудов хлеба уже отправлены из Царицына в Ташкент по распоряжению товарища Сталина, а по указанию товарища Ленина из Москвы высылаются деньги. Близок конец нашим испытаниям. Врагам революции не удастся согнуть нас! Революционный Туркестан был и останется единым с революционной Россией!

Переходя к делам Теджена, Чернышов остановился на том, когда можно ожидать помощи городу и прилегающим к нему аулам.

— Помощь близка, — продолжал он, — но нельзя сидеть сложа руки, пока все само собой устроится. Есть люди, которые каждый наш промах стремятся использовать в целях борьбы против революции. Это — явные и тайные враги советской власти. Есть у них и помощники в нашей среде. — Чернышов прямо подошел к вопросу о тедженском отряде Красной гвардии и заговорил с новым подъемом: — Товарищи! У нас в отряде не все благополучно. Вам известно, что прежний начальник штаба Келевхан занимался грабежом. После учиненных им преступных бесчинств в ауле Мьяне-Чече мы сняли его и отдали под суд. Мы думали, что вырвали зло с корнем. Оказывается, нет. — Чернышов обернулся в сторону хромого мирзы и четко, отделяя каждое слово, сказал: — Я обвиняю члена совета, нынешнего комиссара отряда Куллыхана!

Куллыхан, как всегда, сидел с безучастным видом и непрерывно жевал табак. При словах Чернышева он вскочил, как ужаленный, и, вытирая рот, хрипло крикнул: . — В чем ты меня обвиняешь?

— Куллыхан, — спросил Чернышов, в упор глядя ему в глаза, — скажи: где Ашир?

Растерявшийся в первую минуту Куллыхан несколько ободрился, подумав, что председатель еще не разговаривал с Аширом.

— Я арестовал его. Это шпион Эзиз-хана, он сеет раздор среди нас.

— Вот как! Выходит, что каждый, кто раскрывает твои грязные делишки, — шпион и контрреволюционер? Это — старый прием. Уже не служил ли ты в царской охранке?

— Что ты, Иван! — хромого мирзу передернуло от этих слов. — Кто поверит?

— А кто такой Чары Чаман?

Куллыхан заерзал на месте, но промолчал.

— Кто такой Чары Чаман, я спрашиваю? — повторил свой вопрос Чернышов.

— Откуда мне знать всех и каждого... — невнятно пробормотал Куллыхан.

Чернышов стукнул кулаком по столу:

— Не лги! Ты знаешь и находишь тех, кто тебе нужен... Я спрашиваю тебя: кому ты отправил с Чары Чаманом двести восемнадцать винтовок и двенадцать тысяч патронов?

У Куллыхана задергалась щека, выдавая его замешательство, которое он, шевеля

губами, старался скрыть.

— Иван, ты веришь на слово таким шпионам, как Ашир Сахат, хочешь очернить меня. Зря придираешься... Если Чары Чаман повез кому-то оружие, почему я должен отвечать за него?

— За все ответишь! И прежде всего за то, что оружие со складов Эзиза пошло на склады Джунаид-хана!

Как ни хитрил Куллыхан, прямые вопросы Чернышова поставили его в трудное положение. Но он чувствовал безмолвную поддержку со стороны учителя-меньшевика и эсера, прикидывался, что не понимает, в чем его обвиняют и продолжал изворачиваться:

— Если от меня требуют принять меры против тайной торговли оружием, пусть исполком разрешит мне увеличить отряд вдвое, и тогда я наведу порядок в городе и в аулах...

— Ты не вилай, а отвечай на вопрос! — перебил его Чернышов.

— А ты не кричи! — огрызнулся Куллыхан и вдруг перешел в наступление. — Ты хочешь проводить политику царского правительства, потому и разговариваешь с туркменами как баяр-полковник! Я вижу, ты сам провокатор царской охранки!

Рабочий хлопкового завода Тайлы-Таган не любил много говорить, но умел вовремя бросить меткое слово. Лицемерие и бесстыдство Куллыхана возмущали его. Он еле сдерживал себя и, наконец, не выдержал — вскочил с места и гневно крикнул:

— Что ты сказал?! Чернышов — провокатор?! Ты лжешь, как самый бессовестный человек! Чернышов готов жизнь отдать за народ и за советскую власть! Это не царский чиновник. Он представитель рабочего класса. А ты?.. Что мы — не знаем тебя? Ты еще и теперь тоскуешь по старым порядкам. Доверенное тебе дело употребляешь во зло. А когда раскрывают твои подлые проделки, ты начинаешь клеветать на других. Ты действуешь, как тот вор, который хотел, чтобы стыдно было не тому, кто воровал, а тому, кто видал... Я тоже требую от тебя отчета: где оружие, захваченное в караван-сарай Эзиза? Исполком требует!

Все смотрели на Куллыхана. Во взгляде эсера было не возмущение, не осуждение, а простое любопытство: как будет дальше изворачиваться комиссар Красной гвардии? А учитель попросил слова и сразу стал защищать Куллыхана.

— Можно только удивляться, — заговорил он с деланным спокойствием, — да, именно удивляться тому, что здесь происходит. Сказать, что наш комиссар Красной гвардии занимается тайной торговлей оружием — да ведь это, друзья мои, чудовищная нелепость. Да, именно нелепость! Разве товарищ Куллыхан не рисковал своей жизнью, сражаясь за советскую власть? Помните, он первый требовал разгрома Эзиза и сам участвовал в ночной операции. Как же можно возводить на него такое нелепое обвинение? Нет, это клевета. И, конечно, она выгодна тем, кто стремится сеять вражду между русскими и туркменами. Я склонен думать, что наш уважаемый председатель опрометчиво поверил злостным сплетням враждебных Куллыхану людей, может быть и в самом деле шпионов Эзиза, и сделал неправильные выводы. Это тем более вероятно, что, как мы знаем, отношения у председателя с комиссаром давно не ладятся...

— Товарищ учитель, — прервал его Тайлы-Таган, — вы человек ученый и, кажется, гордитесь этим. Но когда я слышу, как вы запутываете простой вопрос, я начинаю сомневаться в вашей учености. Может быть, вы делаете это намеренно, как Куллыхан или тот вор, о котором я говорил? Тогда это другое дело...

— А вы, может быть, и меня хотите очернить?

— Я хочу только одного: чтобы вы не кривили душой и не старались бросить тень на товарища Чернышева. Если у вас есть совесть, не оправдывайте Куллы-хана, а потребуйте у него отчета в его подлых делах!

— У меня нет никаких данных обвинять товарища комиссара. Свое мнение о предъявленном ему обвинении я высказал. И вообще я кончил...

— Кто еще хочет высказаться? — спросил Чернышев и посмотрел на эсера.

Пожав плечами, тот нехотя выдавил из себя несколько слов. Общий их смысл сводился к тому, о чем только что говорил учитель, утверждая, что для обвинения Куллыхана нет

оснований.

А сам Куллыхан сидел, надувшись, как варан, и молчал.

Тогда снова заговорил Чернышев. Он зачитал акт об исчезновении оружия, захваченного на складе Эзиза, и заявил, что есть материалы и свидетели, подтверждающие преступные действия Куллыхана.

Тайлы-Таган внес предложение:

— Ввиду того, что Куллыхан употребил свое положение в совете и свою силу во зло; чтобы усилить врагов советской власти, продал им казенное оружие; посадил в тюрьму, очернив как врагов преданных советской власти красногвардейцев, — вывести его из исполкома совета и снять с должности комиссара Красной гвардии, а дело о нем передать в ревтрибунал.

За это предложение голосовало двое, но и за Куллыхана было двое, а пятым членом исполкома был сам Куллыхан.

После заседания Чернышов долго еще сидел в прокуренной комнате, обдумывая создавшееся положение. Вернувшийся к нему Тайлы-Таган старался ободрить его и посоветовал добиваться разрешения на перевыборы совета. Он утверждал, что теперь не только рабочие, но и многие из дейхан будут голосовать за большевиков. Поздно вечером Чернышов отправился на телеграф и вызвал к прямому проводу председателя Ашхабадского совета. Объяснив создавшуюся обстановку, он решительно потребовал предания Куллыхана суду и перевыборов Тедженского совета, заявив, что в случае отказа он будет вынужден обратиться непосредственно в Ташкент, к председателю Совнаркома. Ему удалось добиться обещания, что Куллыхан будет вызван в Ашхабад для разбора дела о похищении оружия.

Действительно, на следующий день Куллыхан был вызван в областной центр к военному комиссару. Этот вызов, по-видимому, не на шутку напугал Куллыхана. Он сам пришел к Чернышеву, пытался убедить его в том, что оружие, захваченное в караван-сараях Эзиза, похищено самими эзизовцами, и в конце концов заявил, что будет просить областного комиссара назначить на его место другого работника.

Чернышов не поверил в искренность Куллыхана. Не ждал он и особенно решительных мер со стороны областного совета, где эсеры и меньшевики, хотя и вынуждены были уступить общее руководство большевикам, еще оставались на некоторых руководящих постах. На свой разговор по прямому проводу он смотрел, как на обязательное обращение к вышестоящему органу власти. Все же он собрал необходимые документы — акт об исчезновении оружия, показания Ашира и Мавы — и вместе со своим письмом отправил в Ашхабад областному военному комиссару специальным курьером.

В областном совете, когда явился туда Куллыхан, шли непрерывные заседания. Обстановка была тревожной. По указанию английской военной миссии в Иране, части стоявшего там русского казачьего корпуса двинулись в Туркестан через Закаспийскую область. Одни из них направлялись в район Коканда, на помощь уже разгромленным советскими войсками отрядам «Кокандской автономии», другие шли на соединение с контрреволюционными частями атамана Дутова, действовавшими в районе Оренбурга. Следовало разоружить казачьи части, но в распоряжении Ашхабадского совета не было достаточных для этого воинских сил. Эсеры и меньшевики произносили на заседаниях громкие речи, требуя разоружения казаков и обвиняя большевистское руководство совета в неспособности справиться с положением, и тайно помогали командованию казачьих частей беспрепятственно передвигать воинские эшелоны по Закаспийской железной дороге.

Военный комиссар области, ознакомившись с документами Чернышева и выслушав Куллыхана, решил поставить вопрос о положении в Теджене на заседании исполкома совета. Куллыхану была дана возможность высказаться, и он использовал эту возможность, чтобы изобразить положение в Тедженском совете в самых мрачных красках. Для эсеров и меньшевиков это был лишний повод поднять скандал. Защищая Куллыхана, они с пеной у рта доказывали, что Чернышев ведет неправильную линию в отношении представителей

туркменского населения и лишь обостряет и без того напряженное положение. Вопрос об ответственности комиссара Красной гвардии за оружие, исчезнувшее со склада, был потоплен в мутном потоке словопрений, чего, собственно, и добивались покровители Куллыхана. Никакого решения в отсутствие Чернышова исполком областного совета принять не захотел, а военный комиссар не нашел ничего лучшего, как оставить Куллыхана на прежней должности.

Глава двадцать шестая

В этом году Тедженка с самой ранней весны стала наполняться полой водой, довольно часто выпадали дожди. Земли Теджена, еще недавно лежавшие в пыли, стали неузнаваемы: в степи зазеленели всходы прошлогодней пшеницы, появилась молодая трава. В Артыке пробудились чувства его отцов и дедов — дейхан. С помощью дяди он засеял свое поле пшеницей и теперь прилежно обрабатывал его. Воду отводили от главного канала.

В один из жарких полдней Артык усталый вернулся с поля и сел пить чай. Горьковатый зеленый напиток подбодрил его. Сегодня с утра у него из головы не выходил Ашир. Кто-то пустил по аулу дурную весть: Куллыхан арестовал Ашира. Хотя они и стали врагами и даже стреляли друг в друга, эта весть больно отозвалась в сердце Артыка. Он думал отправиться в город и как-нибудь помочь Аширу бежать из тюрьмы.

И словно в ответ на эти мысли перед ним неожиданно появился Ашир. Артык несказанно обрадовался и поднялся ему навстречу. Но тут же на лицо его легла тень, — вспомнилась недавняя обида. Они поздоровались. Однако слова взаимных приветствий звучали так, словно их произносили по принуждению.

Нурджахан смотрела на них и ничего не понимала; «Что случилось? Какой злой дух проскочил между ними?» Шекер не узнавала в них прежних друзей. Айна тоже не могла понять причины этой натянутости. Артык делился с ней всем, даже самыми сокровенными мыслями, но о своей ссоре с Аширом ничего не сказал.

Артык был рад приходу Ашира, но не мог забыть перенесенной обиды, и гордость не позволяла ему первому признаться в своей вине. Помнил о прежнем и Ашир. Ссора друзей не была случайной — она выражала их политические разногласия. Они действительно стали врагами и не случайно охотились друг за другом в бою. Тем не менее Артык поднял его, раненого, истекающего кровью, и вместе с Алешей Тыжденко принес на своих руках в дом Ивана Чернышева, — этого Ашир не мог забыть. Чувство благодарности к другу не покидало его.

За чаем они вели натянутый разговор; вопросы и ответы шли невпопад. Собеседники не могли преодолеть неловкости, возникшей с первой минуты встречи. И вдруг у Ашира вырвалось:

— Артык... прости... тогда, в доме Чернышова, я напрасно обидел тебя...

Как трудно было выговорить эти несколько слов! Ашир весь покраснел, на лбу выступил пот.

Артык, все еще не доверяя словам, настороженно посмотрел на Ашира. Ведь он был всегда такой насмешник! Но нет, на лице его не было ничего, кроме простодушия и волнения. И Артыку стало больно от мысли, что друг пришел к нему с повинной.

— Ашир, виноват не ты. Нас разлучили наши разногласия.

— Артык, пойми... прийти к тебе было труднее, чем сидеть в тюрьме Куллыхана.

— Ну, тогда дай руку!

Друзья поздоровались вновь. Нурджахан опять ничего не могла понять. Минуту назад на их лицах лежала печаль и злость, теперь они светились беспечной детской радостью и искренностью.

Ашир рассказал о столкновении между Чернышевым и Куллыханом, сообщил, что хромого мирзу вызвали в Ашхабад и, наверно, будут судить. Потом нерешительно добавил:

— Артык, я пришел к тебе не только по велению своего сердца. Меня прислал за тобой

Иван. Он с нетерпением ждет тебя и верит, что ты исправишь свою ошибку.

Артык обрадовался. О, если б Куллыхан действительно был арестован и у него отняли бы власть! Тогда Артык ни минуты не колебался бы. Он на крыльях помчался бы к Ивану. Но он не поверил в падение Куллыхана и не скрыл своих сомнений перед Аширом.

И он оказался прав.

Не прошло и недели, как в ауле появился Куллыхан в сопровождении шести джигитов. В тот же день «узын кулак» — длинное ухо пустыни — донесло тревожную весть: «Куллыхан ищет Артыка». А вскоре стало известно, что хромой мирза, остановившись у Баллы, хвастался в присутствии Атайры-гелин:

— Баллы-хан, будь покоен: за кровь твоего отца я вдвойне взыщу! Халназар-бай был всеми уважаемый человек. Он не только твой отец — он и мой отец. А этот эзизовский зеленопогонник еще побеждает у меня за конем на аркане! Я разорву в куски Артыка и каждый кусок повешу отдельно! Тогда все поймут, что имя Халназара свято. Ты займешь его место в народе. Пока я жив, никто не тронет тебя даже пальцем!

Артык опять потерял покой. Глупая болтовня хромого мирзы лишила его сна. Он то вставал, то ложился, думая об одном: как рассчитаться с Куллыханом? Его тревога передалась и Айне.

— Артык, что с тобой? — спрашивала она.

— Ничего, моя Айна, — отвечал Артык.

— Нет, ты не прежний Артык! Даже лицо у тебя изменилось.

— Айна моя! Я ведь не зеркало, как ты: на моем лице не видно, что у меня на душе.

— Чтобы видеть твою душу, Артык-джан, мне не нужно ни зеркала, ни очков...

Не хотелось Артыку преждевременно огорчать Айну, пока он сам не решил, что делать. Сидя у кибитки, он продолжал думать, как ему поступить. «Чем быть у каждого на языке или погибнуть, убегая от опасности, лучше погибнуть, достигнув цели!» — убеждал он себя. В это время к кибитке подъехал Кизылхан в сопровождении нескольких нукеров. Не сходя с коня, он объявил:

— Артык, Эзиз-хан шлет тебе привет! Он ждал тебя, но ты не пришел. Эзиз-хан знает, что ты любишь, когда тебя упрощают. Поэтому он послал меня к тебе. Скорее готовься в путь, — едем!

Артык не сразу ответил Кизылхану. Надо было найти предлог, чтобы выиграть время, подумать, и он спросил:

— Кизылхан, ты куда приехал? К пастухам в степь или в аул?

— Меня Эзиз-хан послал не за пастухом.

— Ты принимаешь меня за последнего из последних?

— Аллах! Что ты говоришь, Артык? Если б я считал тебя недостойным, разве я приехал бы к тебе?

— Или ты решил, что здесь не найдется для тебя щепотки чаю и куска хлеба?

— Ф-фу! Ну и задал же ты мне!..

Кизылхан спрыгнул с коня и приказал спешиться своим нукерам.

За чаем Артык узнал все новости об Эзиз-хане и его делах. Земля все еще тянула его к себе, но рассказы Кизылхана и зов Эзиза, раздавшийся в такой момент, когда сердце Артыка разрывалось от противоречий, решили все.

Напоив джигитов чаем, Артык сказал:

— Теперь я готов ехать. Но у меня нет коня, а у кибитки Халназара стоит жеребец, который достоин быть в войске Эзиз-хана. Кизылхан, возьми его для меня, и душа Халназара возрадуется на небе.

Джигитам Эзиза не надо было повторять приказание. Они вскочили на своих скакунов и помчались как ветер.

Солнце только начинало садиться за край земли. Еще не наступили сумерки. С запада вставала туча, затягивая небосвод синим покрывалом. Весенний ветер дышал запахами

новых трав и полыни. Баллы сидел в кибитке, терпеливо перенося упреки и ругань «фаланги». Неожиданный топот коней заставил его вскочить на ноги и выбежать за дверь. Вдоль ряда кибиток уже неслись всадники. Мелекуш горделиво заржал и заметался вокруг своего кола.

Баллы слышал про лагерь Эзиза в Ак-Алане, слышал и про то, что эзизовцы отбирают у баев породистых скакунов. Он уже подумывал о том, чтобы продать Мелекуша или отдать его под охрану Куллыхана. При виде нукеров с зелеными погонами Баллы растерялся. Дрожа, как в лихорадке, он подошел к остановившимся против двери всадникам и пригласил их войти в кибитку. Но те отказались слезть с коней:

— Благодарим, бай. У нас нет времени.

Баллы увидел коней, подобных своему, и потерял надежду на то, что Мелекуш останется у него. И все же он стал упрашивать:

— Да разве можно куда-нибудь опоздать, когда под вами такие кони! Слезайте, зарежем ягненка...

В ответ раздалось:

— Эзиз-хан шлет привет сыну Халназара! Мы просим почтенного бая дать нам на время его коня. Если нет самого Халназар-бая, пусть хоть конь его послужит общему делу. А мы стократ взыщем с врага за кровь Халназар-бая.

— Конь... — пробормотал побледневший Баллы. — Конь...

Кизылхан вытянул вперед ноги в стремянах.

— Баллы-хан, — сказал он, — ты напрасно волнуешься. Мы берем не только у тебя, — у всех, у кого хорошие кони. Конечно, жаль подставлять под пули таких скакунов. Но это временная мера. Коней мы вернем, и в первую очередь — коня Халназар-бая.

Не успел Баллы ответить Кизылхану, как подоспела разъяренная Атайры-гелин и откинула с губ яшмак.

— Не для вас выхаживали Мелекуша! — отрезала она. — Отправляйтесь отсюда подальше!

— Что ты, гелин! Ведь мы — ваши защитники. Кони нужны, чтобы защищать ваше достояние, вашу честь.

— Меня и волк не возьмет! Я и без вас сберегу свою честь. Не отдам коня!

— Такая хорошая гелин — и такая жадная, — с досадой проговорил Кизылхан.

— Хорошая или плохая — не ваше дело!

— Мы у тебя просим коня или у Баллы-хана?

— У Баллы нет ни коня, ни собаки! И нечего у него просить. Поняли?

— Ясный ответ. Если так — возьмем и без спроса.

— Попробуйте только!..

Кизылхан приказал одному из своих нукеров принести сбрую. Тот соскочил с седла, но Атайры-гелин, опередив его, подбежала к кибитке и заперла ее. Когда другой нукер стал снимать с Мелекуша попону, она схватила его за плечо и стала бешено трясти.

В это время позади нее хлопнул гулкий выстрел. Это другой нукер, подойдя к кибитке, сбил пулей замок. Атайры-гелин бросилась назад и, подхватив с земли лопату, размахнулась ею, норовя ударить нукера, выносившего из кибитки седло. Лопата ударилась о дверной косяк, черенок ее задел голову нукера. Тот зашатался. Атайры-гелин вцепилась в седло.

— Застрелю! — в ярости закричал эзизовец. Атайры-гелин выпятила грудь:

— Если ты мужчина, стреляй, сын свиньи!

Кизылхан крикнул с коня:

— Стреляй!

Пуля с визгом пролетела над головой Атайры-гелин. Женщины, отчаянно крича, разбежались по кибиткам. Атайры с проклятием бросила седло. Падая, оно зацепилось за ее косы и сорвало с них серебряные украшения. Разозлившись еще больше, Атайры вцепилась ногтями в лицо эзизовца, но тот с такой силой отшвырнул ее в сторону, что она растянулась в пыли. Гандым стоял в стороне и покатывался со смеху.

Когда нукер вынес из кибитки и серебряную уздечку Мелекуша, Атайры-гелин, вся в пыли, устремила к коню. Баллы хотел удержать ее, но она оттолкнула его:

— Чтоб ты высох, бесплодный! Еще скажешь, не стыдись, что ты муж?!

Садап-бай, причитая, высунула голову из кибитки, старалась уговорить Атайры-гелин, но та не постеснялась осрамить и старую жену бая:

— Хорошего сына родила ты! Лучше б родила собаку, — та хоть лаяла бы!

У коновязи снова началась схватка Атайры-гелин с рослыми нукерами Кизылхана. Она закончилась тем, что женщине скрутили руки назад и связали их ее же платком.

Мелекуша оседлали, попону, скатав, приторочили сзади. Атайры-гелин бросилась под копыта коню. Кизылхан сказал своим нукерам:

— Такая отважная гелин и нам нужна. Положите ее на коня и привяжите!

Связанная Атайры-гелин была беспомощна, но язык ее не сдавался.

— Свою сестру к этим негодьям возьми! — крикнула она. — Почет добудешь!

Кизылхан не знал, смеяться ему или сердиться.

— Поганая тварь! — процедил он сквозь зубы. Атайры-гелин хотели перекинуть поперек седла, но Мелекуш шарахался от нее, встал на дыбы.

Тогда нукеры, бросив беснующуюся женщину на землю, вскочили в седла и тронули коней. Атайры завопила на весь аул, словно из ее кибитки выносили покойника.

Опасаясь мести Эзиза, старшина Бабахан все время держался вблизи Куллыхана и чаще всего ночевал в городе. А когда случалось заночевать дома, он до самого утра не мог заснуть от тревоги и страха, поминутно ожидая налета джигитов Эзиза. Он знал, что засевший в Ак-Алане хан не щадил никого из тех, кто выступал против него, и в последнее время начал особенно рьяно расправляться со своими противниками. Это по его приказу были убиты Курбан и Кара Гекча, а имущество их разграблено. Обычно расправы совершались в ночное время. В ауле Бабахана несомненно тоже были люди, связанные с Эзизом, и разве трудно было им сообщить своему хану, что арчин остался ночевать в своей кибитке? Одна мысль об этом лишала Бабахана покоя и сна.

Так было и в эту ночь. Лежа в постели, Бабахан то забывался в тяжелой дремоте, то вздрагивал от испуга, услышав какой-нибудь подозрительный шорох, и начинал прислушиваться к ночной тишине. Время тянулось невыносимо медленно. Бабахан уже не думал о сне и хотел только одного: чтобы поскорее наступило утро. Временами в ауле принимались лаять собаки, заставляя арчина в испуге вскакивать на постели, потом затихали, и Бабахан роптал: «Боже, на что ты сотворил собаку?!»

Вдруг с конца аула покатился остервенелый собачий лай и вместе с ним сначала глухо, потом все явственнее стал доноситься конский топот. Копыта коней словно били по голове Бабахана, — он задрожал всем телом. Вскочил на ноги, хотел бежать, зарыться в омете соломы, но пошатнулся, упал. Ноги не держали его, страх отнял последние силы.

Всадники окружили кибитку.

С помощью жены арчин дрожащими руками напялил на себя ее платье, накрутил на голову платок. И только он успел притаиться в углу, как в дверь сильно ударили ногой. Запертая изнутри, прочная деревянная дверь не поддавалась. На крик жены арчина: «Кто там?» — не обратили никакого внимания, последовал еще более сильный удар, затем другой — и дверь слетела с петель, хлопнулась в стенку, сотрясая весь остов кибитки.

Ворвались джигиты. Старший из них приступил к жене арчина:

— Где Бабахан?

Набат, стараясь не выдавать своего волнения, ответила:

— Да ведь он еще днем уехал в город.

— Лжешь, тетушка, — сказал молодой джигит. — Он был дома и перед закатом солнца и после. И когда спать ложились, никуда он не уезжал. Не проглотила же его за это время земля!

— Что же подделаешь, если ты мне не веришь, сынок, — вздохнув, проговорила жена арчина. — Тогда вот тебе кибитка, ищи.

— Плохо тебе будет, если найдем!

— Ничем не могу вам помочь, сынок...

Джигиты прежде всего кинулись к огромным чучалам, стали выбрасывать из них одежду, ткани, — арчина там не оказалось. Старшина отряда подумал: «Куда же он делся? Неужели кто-нибудь предупредил его и он успел удрать в город? А может быть, прячется у соседей?»

Перерыли все и в кибитке и во дворе, раскидали и омет соломы, но Бабахана не нашли.

Вдруг старшина отряда заметил в темном углу женщину, которая безмолвно сидела, накрывшись халатом и закрывая лицо. Он знал, что в кибитке арчина не было женщин, кроме его жены.

— Кто эта женщина? — спросил он жену арчина. На мгновение растерянность мелькнула на лице Набат, но она быстро нашлась.

— Ах, эта? — с невозмутимым видом ответила она, взглянув в темный угол. — Сваха наша, кто же еще! Приехала погостить.

— Сваха?

— Ну да, старая женщина, приехала из Гараермэ.

— А как зовут ее?

— Как зовут?.. Дурсун ее имя.

Джигит повернулся к темной женской фигуре, спросил:

— Да это ты, бабушка Дурсун?

Из-под яшмака раздался тонкий дрожащий голос, явно выдавая мужчину:

— Я, сынок, я-а...

Джигит сразу шагнул к подозрительной женской фигуре, но между ним и ею встала Набат.

— Ах, братец, стыдись! — с укором заговорила она. — Неужели ты коснешься женщины?

Но джигит, отстранив ее рукой, запустил другую руку под яшмак, нащупал бороду Бабахана и потянул его к тусклой лампе:

— Вот так бабушка Дурсун! Бородатая, оказывается!

Остальные джигиты отозвались на его слова громким хохотом. Посыпались шутки:

— Ничего не скажешь, это ей даже к лицу!

— Может быть, это полуженщина-полумужчина?

— А вдруг это не человек, а джин? Берегитесь, не растут ведь у женщин волосы на лице! ,

— Давайте снимем платок и посмотрим, что у нее на голове!

Сдернули платок, и бритая голова Бабахана засверкала при свете лампы.

Старший джигит обратился к Набат:

— А что, тетушка, не лучше ли нам проводить твою сваху домой? Ведь смотри — у нее какая-то болезнь: с головы облысела, а с лица заросла волосом. Как бы и ты от нее не заразилась!

Набат закрыла лицо руками и заплакала.

Арчин продолжал сидеть, растерянный, жалкий. У него и ноги не слушались и язык не ворочался. Он хотел упросить джигитов пощадить его, предложить им богатый выкуп. Но из его невнятного лепета никто ничего не понял, да и не слушали его джигиты. По приказанию старшего, они старались его поднять, поставить на ноги. Бабахан был тяжел, как наполненный мукою чучал, и как ни бились джигиты, не могли заставить его идти. Оставалось только волоком тащить его из кибитки. Тогда один из джигитов, выбившись из сил, сорвал с плеча винтовку и наставил дуло ее на арчина. Старший крикнул: «Эй, что делаешь?» — но было поздно: раздался выстрел, и пуля пробила грудь Бабахана. Убивший его джигит сердито проговорил:

— За шкуру волка дают овцу. А его шкура и гроша не стоит!

— Но ведь Артык приказал нам доставить его живым!

— А мы скажем, что он еще живым превратился вдохлятину!

Набат с громкими рыданиями бросилась к трупам мужа, а всадники вскочили на коней и помчались в степь.

Глава двадцать седьмая

Борьба контрреволюции против советского государства усиливалась по всему Туркестану. После распада «Кокандской автономии» в Ферганской степи. росло басмаческое движение. Джунаид-хан угрожал не только Хиве, но и Петро-Александровску. Эмир Бухары на словах «помирился» с советской властью, но, по-видимому, ожидал только подходящего момента для своего выступления. Ко всем очагам контрреволюционного мятежа тянулись незримые нити от английской военной миссии в Иране.

Из всех врагов советской власти наиболее опасным казался Эзиз-хан. Он укрепился в самом центре Закаспия, у железной дороги. Если бы ему удалось соединиться с эмиром бухарским, он мог бы в любое время перерезать железную дорогу — эту главную артерию всего края. Поэтому туркестанское правительство стремилось в первую очередь покончить с Эзизом. Не доверяя Ашхабаду, оно послало в Теджен отряд специального назначения во главе с военным комиссаром Оси-повым.

Прибыв со своим отрядом в Теджен, ташкентский комиссар почему-то не спешил начинать военные действия против Эзиза. Он сидел в своем салон-вагоне на станции, иногда вызывал к себе Куллыхана и наедине беседовал с ним, а с председателем совета как будто даже и не считал нужным разговаривать.

Удивленный таким поведением комиссара, Чернышев обратился к нему с письменным предложением приехать на заседание исполкома. Осипов ответил запиской, в которой сообщал, что приехал не заседать, а если председатель совета хочет обсудить с ним какие-либо вопросы, он готов принять его в любое время.

Было около одиннадцати часов вечера, когда Иван Тимофеевич вошел в салон-вагон военного комиссара туркестанского правительства. Осипов принял его весьма радушно: усадил на диван, предложил папиросу, открыв свой серебряный портсигар с золотой монограммой, тотчас же приказал принести горячий ужин. Затем он достал из шкафчика бутылку водки, две рюмки и, наполнив их, поставил одну перед Чернышовым. Но Чернышов отказался пить. Осипов удивленно взглянул на него и, улыбаясь одними глазами, сказал:

— Не стесняйтесь, товарищ Чернышов, ведь мы — люди одной семьи.

Иван Тимофеевич понял, что он хотел сказать, и ответил:

— Нисколько не стесняюсь, товарищ комиссар. Я не пью потому, что водка плохо действует на меня.

— Что, доктор запретил?

— И доктор не советует, да и сам чувствую.

— Но так уж повелось у нас на Руси. Я тоже не из пьющих. Однако ради первого знакомства... Одна не повредит.

Чернышов вынужден был выпить рюмку водки.

За ужином они говорили о положении в Туркестане. Осипов старался выявить взгляды Чернышева по всем вопросам внешней и внутренней политики. Когда речь зашла о возможности интервенции, Чернышов заговорил о подлой роли английской военной миссии в Иране и так разгорячился, что Осипов понял: его собеседник — большевик настоящий, не способный ни на йоту отступить от линии партии.

Незаметно для самого себя Иван Тимофеевич обрушился и на самого Осипова, закончив свою речь неожиданным для него выводом:

— Положение здесь в Теджене, товарищ комиссар, весьма напряженное, и меня удивляют ваши действия.

Осипов не рассердился и только с недоумением посмотрел на своего собеседника:

— Какие действия, товарищ Чернышов? Ведь не прошло и двух суток, как я прибыл

сюда...

Иван Тимофеевич перебил его:

— А уже все известно в городе и, конечно, Эзизу. Момент неожиданности упущен!

— Но какое же из моих действий вас удивляет?

— Товарищ комиссар! К чему нам пускаться в дипломатию! Вы, вероятно, лучше меня знаете, что англичане уже накинута свой аркан на шею Эзиза. И вы, конечно, понимаете, какую ужасную роль будет играть Эзиз, если в Закаспии начнется интервенция. Поэтому не следовало вам терять ни часу времени, а прямо с ходу бросить свой отряд на Ак-Алан и разгромить Эзиза. Ведь мне известно, что вы и посланы-то сюда с отрядом специально для этого. И сил у вас, если бы вы присоединили к своему отряду наших красногвардейцев, было вполне достаточно.

Осипов уже с трудом скрывал свое раздражение. Он налил в рюмку водки, залпом выпил ее и, стараясь держаться прежнего невозмутимого тона, сказал:

— Врага можно обезвредить не только силой оружия, и вообще там, где нет в этом особой необходимости, мы стараемся не применять военной силы. Поэтому я не прочь при известных условиях вступить в переговоры с Эзизом, — вам об этом, вероятно, докладывал ваш комиссар, — то есть, применить сначала дипломатию...

— Вам эта дипломатия ничего не даст! Эзиз — непримиримый враг советской власти, а кроме того, он связан с англичанами.

Осипов, закуривая папиросу, иронически улыбнулся:

— Извините, товарищ Чернышев, может быть вы и хороший дипломат, но в вопросах стратегии и военной тактики, по-видимому, разбираетесь плохо. Наступление, все возможности которого не взвешены заранее, не изучены во всех деталях, может привести к поражению.

Чернышев открыл свой портфель, вынул карту и разложил ее перед комиссаром; на карте были отмечены все подходы к Ак-Алану и укрепленные точки противника.

— Я не собираюсь, — сказал он, — оспаривать ваших знаний и опыта в военном деле. На то вы и военный комиссар, чтобы решать эти вопросы с полным знанием дела. Но здесь не надо быть большим стратегом, чтобы понять обстановку. Задача проста: застать Эзиза врасплох и зажать в тиски. Если же вы упустите момент и позволите Эзизу уйти из Ак-Алана в степь, вам не удастся его поймать. Сегодня он здесь, завтра в другом месте — ведь это туркменские джигиты, поймите!

Военный комиссар мельком взглянул на карту Чернышева и отодвинул ее от себя:

— У меня есть получше, с более точными данными. Но дело не в этом. Мне нужно прежде всего установить, сколько у Эзиза нукеров, сколько оружия, чем он дышит, на кого опирается.

— Его поддерживают только баи, купцы и духовенство.

— Куллыхан считает, что он пользуется более широкой поддержкой в народе.

— Этот человек занимает должность комиссара местного отряда Красной гвардии, но трудно понять, кому он служит.

— Как бы то ни было, товарищ Чернышов, Куллыхан — туркмен и, вероятно, лучше нас с вами знает настроения своего народа.

— Куллыхан никогда не был близок к народу!

Осипов с недовольным видом прошагал по салону и, остановившись перед председателем совета, официальным тоном спросил:

— Так чего же, в конце концов, вы от меня хотите?

Иван Тимофеевич тоже поднялся с дивана и спокойно ответил:

— Я хочу только одного: чтобы вы не допустили ошибок в возложенном на вас важном и сложном деле.

— Что же, вы сомневаетесь во мне?

— Не имею для этого оснований. Но я хочу напомнить вам, что если вы теперь не покончите с ак-алан-ским ханом, потом будет поздно. Поэтому от имени Тедженского совета

я требую военных, а не дипломатических действий.

Осипов сердито поглядел на Чернышева, и голос его задрожал от гнева:

— От меня — требовать?! От Чрезвычайного и полномочного комиссара Туркестанской республики?! Да вы понимаете, что говорите? Никто и ничего не может здесь от меня требовать! И в советниках я не нуждаюсь! Поняли?.. А тех, кто вздумает мне противодействовать, я имею право загнать в арестантский вагон!

Чернышеву больше нечего было сказать. У него оставалась только одна возможность воздействия на республиканского комиссара: сообщить о его ошибках Туркестанскому Совнаркому. Об этом он и думал, стоя перед комиссаром и ожидая только удобного момента, чтобы уйти.

Видя, что Чернышов переменился в лице, и не от смущения, а принимая какое-то твердое решение, Осипов фальшиво улыбнулся, положил руку на плечо Ивану Тимофеевичу и заговорил другим тоном:

— Простите меня, товарищ Чернышов, погорячился... Служебное положение, знаете ли, действует и на характер человека. Вот накричал на товарища по оружию — куда это годится? Оба мы — советские люди, и интересы у нас одни... Еще раз прошу, извините. За ваш совет я могу только поблагодарить . вас. Как говорят туркмены, халат, скроенный по совету многих, короток не бывает. Но мне кажется, что переговоры с Эзизом дадут более положительные результаты, чем действие оружием. И указания сверху мне даны примерно в таком же духе. Применить теперь оружие — дело крайне рискованное. Это значит плодить врагов. Я намерен очень мягко разговаривать с Эзизом, даже войти к нему в доверие, а потом увести его, если удастся, со всем отрядом в Ташкент. Попробую освободить вас от ак-алановского хищника мирным путем, без пролития крови.

— «Серый ворон на стрелу не пойдет», — есть у туркмен поговорка.

— Что ж, если ничего не выйдет, если, как говорится, коса найдет на камень, тогда будем знать, что делать... Прошу вас — заходите ко мне в любое время. А за горячность и необдуманные слова извините.

Комиссар проводил Чернышева с таким же радушием, как и встретил.

На другой же день Осипов послал к Эзизу в Ак-Алан человека с приглашением приехать в Теджен для переговоров. Но Эзиз после своей встречи с Джунаид-ханом превратился из ворона в коршуна. Даже не выслушав посланца ташкентского комиссара, он ответил:

— Кому нужно меня видеть, пусть приезжает ко мне!

После долгих и безрезультатных переговоров через переводчиков Осипов предложил, наконец, Эзизу встретиться без свидетелей, один на один, в открытой степи.

Эзиз это предложение принял.

Встреча состоялась в один из погожих весенних дней. Громадное солнце спокойно плыло в чистом воздухе. Дул легкий, приятный ветерок, земля переливалась зеленью трав.

Осипов выехал на водораздел Векиль, находившийся в двух верстах от города, не взяв с собой никого, кроме адъютанта и переводчика. Эзиз-хан, по договоренности, тоже должен был оставить свой отряд и приехать на место свидания лишь с переводчиком и ординарцем. Но как ни крепок был договор, Эзиз, опасаясь, что в арыках заранее будет скрыт отряд красноармейцев, с вечера тайно послал следить за арыками. Такие же меры предосторожности были приняты и Осиповым.

Когда Эзиз выехал из Ак-Алана, за ним следовала около сотни нукеров. На высоком берегу, в версте от Векиля, всадники развернулись широким фронтом, готовые ринуться по первому сигналу. Эзиз взял с собой только Кизылхана и переводчика и приехал к водоразделу на полчаса раньше условленного времени.

В одиннадцать часов Эзиз и Осипов дружески встретились в степи и мирно уселись на берегу арыка.

Осипов вынул серебряный портсигар и предложил закурить. Опасаясь отравы, Эзиз грубыми пальцами нерешительно вытянул одну папиросу. Поняв его опасения, Осипов, не

глядя в портсигар, небрежно взял первую попавшуюся папиросу и, чтобы рассеять подозрения, первый закурил, потом протянул спичку Эзизу. Голубоватый дымок поплыл в чистом воздухе. Кизылхан стоял поодаль, держа руку на раскрытой кобуре револьвера. Адьютант Осипова не спускал с него глаз.

После обязательных приветствий Осипов обратился к Эзизу:

— Эзиз-хан, хотя тебя и изображают страшным врагом советской власти, я в это не верю. Твоя история мне известна. Ты один из тех, кто в свое время восстал против царского правительства и даже вынужден был покинуть родную страну. Я считаю тебя настоящим революционером. Поэтому я и не теряю надежды договориться с тобой. Вот мы сидим здесь, в степи, нам нет нужды опасаться друг друга. Давай сотрем ржавчину с наших сердец.

Слова ташкентского комиссара удивили Эзиза. Помня прежние встречи с представителями Тедженского совета, он ожидал, что его прежде всего спросят: «Ты подчинишься советской власти? Сдашь или нет оружие добровольно?» И он приготовился отвечать с надменным высокомерием, как подобает хану... Покашляв от непривычной папиросы, он медленно поднял на Осипова свои налитые кровью глаза и ответил грубым, хрипловатым голосом:

— Товарищ Юсуп! У сумасшедшего — прямое слово. Я враг тому, кто хочет угнетать мой народ, будь то царь или советы. Но тому, кто смотрит на мой народ милосердным взглядом, я друг, будь то мусульманин или неверный.

Манера Эзиза говорить понравилась Осипову.

— Эзиз-хан! — снова заговорил он. — Ты укрепляешь мои надежды. Но скажи: что послужило причиной того, что ты отвернулся от советской власти? Мне известно, что безрассудные красногвардейцы, врасплох напав на тебя, помutilи твоё сердце. Скажи откровенно, почему у тебя произошла ссора с теми, кто стоит во главе Тедженского совета?

— Юсуп, хотя в вашем совете сидит человек из народа, как я, его волей управляет другой.

— Понимаю, это Куллыхан.

— Не один Куллыхан, с ним и другие царские чиновники.

— Если мы устраним Куллыхана из совета...

Эзиз, прервав комиссара, ударил плетью по голенищу своего сапога.

— Не в том дело, Юсуп! Если вы не уберете Куллыхана, то, вероятно, я сам это сделаю. Я хочу, чтобы свободу народа не прятали в городской сундук, а отдали ему самому. А кому захочет народ верить свою судьбу — тебе или мне, — это его дело.

Осипов сломал веточку гребенчука и стал ковырять сырую землю между ногами. Он подавил готовый вырваться зевок, помолчал и спросил:

— Значит, Тедженский совет, вопреки советскому закону, держится политики великодержавного царизма, — обижает туркмен? Так?

— Да так. Иначе, какое дело русскому солдату до вражды между нами, между мною и хромым мирзой? Если б к нему не подоспела помощь из Ашхабада, Куллыхану ли тягаться со мной?

Осипов снова вынул портсигар. Эзиз на этот раз взял папиросу безо всяких колебаний. Выпустив струю дыма, Осипов неожиданно предложил:

— А что, Эзиз-хан, если бы тебе перебраться в город и самому возглавить...

Эзиз, грубо прервав комиссара, вскочил и швырнул недокуренную папиросу в колючки. Кизылхан схватился за рукоятку револьвера. Адьютант Осипова тоже зашарил рукой по поясному ремню. Переводчики, ничего не понимая, испуганно посмотрели в глаза друг другу. Осипов, вскочив на ноги вслед за Эзизом, с недоумением глядел на него.

— Эзиз-хан, что я такое сказал?

Главарь нукеров потряс своей плетью:

— Слепой даст украсть свой посох только один раз! Перебраться в город? Нет, в эту ловушку вы меня не заманите!

Осипов заговорил почти заискивающе:

— Вполне понимаю вас, Эзиз-хан. Один раз вы были обмануты, теперь у вас все основания сомневаться. Но, Эзиз-хан, я прошу вас об одном: не считайте меня сейчас представителем власти, а примите как друга, в крайнем случае просто как знакомого, который не питает к вам никакой вражды. Я приехал не угрожать вам, не обманывать, а поговорить с вами по душам. Поверьте мне в этом!

Затем, взяв Эзиза под руку, Осипов направился с ним по тропинке, меж зарослями колючки. Переводчик хотел последовать за ним, но он остановил его и позвал переводчика Эзиза.

Они стали прогуливаться взад-вперед. Запах красноватых цветов гребенчука смешивался с ароматом надушенных папирос. Встревоженные пичуги, оставив свои гнезда в верблюжьей колючке, взлетели из-под ног с жалобным писком. Молодые цепкие листочки цеплялись за одежду, к сапогам приставала влажная трава. Но увлеченные собеседники ничего не замечали. Осипов всячески старался расположить к себе Эзиза. Хотя Эзиз и не верил его словам, все же заманчивые обещания заставили его прислушаться. Но когда Осипов осторожно повел разговор об английской миссии в Иране, Эзиз сразу остановился и хмуро посмотрел на ташкентского комиссара, истинных намерений которого он так и не мог понять.

— Юсуп-бек! — сказал он. — Туркмен никогда не будет поить своего коня из одного колодца с ними!

Громадный гнедой конь Эзиза, услышав его голос, наострил уши и стал бить могучим копытом сырую землю. Эзиз, глядя на коня, улыбнулся:

— Мои джигиты не в счет, даже мой гнедой не хочет слышать об англичанах.

Осипов, не обращая внимания на слова Эзиза, продолжал свою мысль:

— Я хочу сказать, что в случае необходимости можно пользоваться и помощью врага.

— Это верно, но англичанин такой враг, который раньше сто раз воспользуется тобой, прежде чем даст поймать себя за хвост.

Ответ Эзиза не удовлетворил Осипова. Он в свою очередь не понимал, что Эзиз выразил лишь отношение к англичанам туркмен, которые привыкли считать англичан самым хитрым народом.

— Но... — помолчав, задумчиво продолжал Эзиз, — вы можете передать тем, кто вас послал: против большевиков Эзиз-хан пойдет с кем угодно!

Осипов удовлетворенно кивнул головой и перешел к вопросу о Бухаре. Эзиз оживился:

— Это — другое дело. Турки, бухарцы — наши соседи, мусульмане. Мы можем идти с ними по одному пути. Но головы сгибать и перед ними не будем. Туркмены никогда не покорялись бухарским эмирам. Кровь наших отцов, пролитая в борьбе против эмира Хайдара, окрасила берега Амударьи. Правда, теперь другое время. Если эмир поделится со мной своим золотом, — а если я ступлю на его землю, я заставлю его это сделать, — тогда можно объединиться с его войсками. Но и в этом случае я черпака ему не доверю!

Осипов смотрел на Эзиза и думал: «Станный и страшный человек! Он не пощадит ни чужих, ни своих!» Но тем заманчивее была мысль привлечь это чудовище на свою сторону для осуществления тех тайных целей, открыто говорить о которых он не решался даже с Эзизом.

Повернув назад, они увидели в двадцати—тридцати шагах длиннохвостого фазана. Должно быть, он не встречался в этих местах с человеком, поэтому спокойно сидел на высоком валу арыка.

Эзиз рванул клапан кобуры и выхватил из нее наган. Осипов испуганно отшатнулся от него, меняясь в лице. Но Эзиз, не заметив этого, крикнул:

— Юсуп-бек, смотри!

Не успел заглухнуть гул выстрела, как длиннохвостая крупная птица распласталась на склоне арычного вала. Переводчик побежал и принес убитого фазана. Эзиз гордо подкрутил усы:

— Вот так будет с каждым, кто станет против меня!

Услышав выстрел, нукеры Эзиза ринулись лавой вперед. Конские копыта подняли облако пыли. У Осипова побежал по спине неприятный холодок.

— Эзиз-хан, я не ожидал от тебя такого вероломства! — пробормотал он в полном замешательстве.

В то же время со стороны железной дороги к месту свидания помчалась сотня красноармейцев с легкой пушкой на двух колесах.

Эзиз, уже раскаиваясь в своей опрометчивости, приказал:

— Кизылхан, на коня! Пусть джигиты вернутся назад!

Осипов дал такое же приказание своему адъютанту:

— Скорее на коня! Верни сотню назад!

Топот коня Кизылхана растаял в степи, адъютант помчался к городу. Эзиз-хан и комиссар с недоверием взглянули друг другу в глаза, — приказание вернуться назад могло ведь условно обозначать: «Поспешите!» Неловкость рассеялась, как только гонцы с обеих сторон доскакали до своих отрядов. И нукеры Эзиза и сотня комиссара остановились, но не повернули назад. Лица обоих собеседников приняли обычное выражение. Они возобновили прерванный разговор. Эзиз заявил, что ради свержения большевистской власти он готов идти с любым союзником; войдет в союз даже с англичанами, если они вступят в Закаспий. Тогда Осипов отстегнул от ремня свой маузер и, протягивая его Эзизу, сказал:

— Эзиз-хан, это тебе от меня в знак дружбы.

Эзиз с волнением взял маузер и, не зная, чем отблагодарить новообетенного друга, немного постоял в раздумье. На взмыленном коне подскочил Кизылхан.

— Кизылхан, веди сюда коня! — приказал Эзиз.

Красновато-рыжий конь с белой меткой на лбу, круто изогнув шею, бил копытами землю. Эзиз вложил повод в руку Осипова и крепко пожал ее.

— Юсуп-бек, а это тебе мой подарок!

Осипов, расчувствовавшись, обеими руками сжал руку Эзиза. Он дал слово, что немедленно вышлет Эзизу мандат от Туркменского военного комиссариата с широкими полномочиями...

Враги расстались друзьями.

Глава двадцать восьмая

Весна еще только переходила в лето, а положение с хлебом в Теджене стало крайне напряженным. Население не получало и полуфунта хлеба на душу. Свирепствовали эпидемические заболевания, смертность росла. Контрреволюция делала главную ставку на голод. Это же являлось основной задачей и государств Антанты. Помогая атаману Дутову, организуя и вооружая басмачество, они стремились отрезать Туркестан от России и Кавказа, чтобы костлявой рукой голода задушить здесь советскую власть.

Чернышов ночи не спал в поисках выхода из небывало тяжелого положения. В эти дни он получил некоторую передышку: со стороны Ташкента стал понемногу поступать хлеб из продовольственных эшелонов, отправленных по распоряжению Сталина из Царицына. Пришел хлеб и на пароходах через Каспий. Правда, часть его захватили в Красноводске восставшие белогвардейцы, немало осталось его в Ашхабаде, но все же пятнадцать вагонов, около пятидесяти тысяч пудов зерна, дошло до Теджена. Это позволило Чернышеву несколько увеличить хлебный паек в городе и даже отпустить часть зерна для посева в аулы, беднейшим дейханам.

А тем временем благоприятная для посевов весна восемнадцатого года окрылила надежды дейхан. Зазеленели поля, появились съедобные травы — чеснок, ранняя лебеда. Дейхане, нахлынувшие зимой в город, начали понемногу возвращаться в аулы. С раннего утра до заката солнца копошились они на полях, делали грядки, закладывали бахчи, сеяли кунжут, а кто нашел семена, сеял и джугару. В начале лета заколосился и начал желтеть не взошедший в прошлом году ячмень, — можно было уже собирать созревающие колосья. В

густой бахчевой листве появились дыньки — и они шли в пищу.

Теперь у дейхан не оставалось времени на долгие беседы в тени кибиток. Но тем оживленнее проходили беседы по вечерам. После дневной жары вечерами дул легкий ветерок. Полная луна разливала молочно-белое сияние. Месяца два тому назад дейхане только и думали, только и говорили о хлебе. Теперь беседы часто касались политики. Каждый по своему разумению давал оценку советской власти.

— Ба, ей-богу! Советская власть ни на какую власть не похожа. Кончился год, а она и не требует налога!

— Где там! Наоборот, — еще и кормит голодных!

— А кое-кому дает и зерно на посев!

— Все-таки я сомневаюсь.

— Почему?

— А кто у нее служит? Опять прежние люди: хромой мирза, волостной Ходжамурад...

Гандым, почесывая бок, возразил:

— Э, брат, не говори так! Есть и новые люди.

— Кто?

— А Иван, друг Артыка!

— Один Иван что?..

— А Тайлы-Таган? А Ашир, Мавы? Нет, теперь и наши люди сидят в управлении.

— Да, это не такие люди, как полковник. Они не брызжут слюной, а говорят так, словно в близком родстве с тобой.

— Что ни говори, а прежних порядков нет.

— Какие там прежние порядки! Ты скажи, молодец, как они спасали народ от голодной смерти!

— Вы меня послушайте! Я был у них в городе на собрании. Они не говорят «будь что будет», не приказывают, как начальники, а спорят о каждом деле и потом руки поднимают. За кого больше рук поднимется, на стороне того, считай, и правда. По-народному решают дела.

— Раньше было так в управлении: не сунешь стремянному или сторожу, так и дверей не увидишь. А теперь сидящие там встречают тебя, как родного брата.

— И Куллыхан такой?

— А что один Куллыхан? По-моему, и у него дорога под ногами не очень гладкая, не сегодня-завтра он тоже слетит со своего места.

Тут же среди дейхан сидел Ашир. Он иногда выезжал в аулы по поручению Ивана Тимофеевича, который стремился укрепить связь совета с дейханами. Бывая в своем ауле, он помогал матери по хозяйству и часто оставался провести ночь под родным кровом.

— Советское правительство, — сказал он, — не один человек. Советская власть — это сам народ. Он должен выбирать всех, от старшины в ауле до самого высшего. Все члены совета и председатель тоже должны быть выбранными. Если это сейчас не проводится в полной мере, так только потому, что не весь народ это понял.

Гандым похлопал по спине несговорчивого соседа:

— Эх, где тебе спорить с Аширом! Он все земли прошел, по-русски говорить умеет. Это он и царя свалил!

Кто-то возразил Аширу:

— Что ж, выборы — трудное дело? Собрались, поговорили — и выбрали. Разве мы не выбираем и мираба сразу, как сядем?

— Да, выбираем, как сядем, а потом целый год и плачем. Сколько мирабы сожрали народного добра!

— А что, сейчас нет негодяев? Говорят, в город привезли пятнадцать тысяч пудов зерна. А сколько, думаешь, слопал Куллыхан со своими дружками?

— Кто такой Куллыхан — известно. А надо и то сказать, что при старых порядках ни одного фунта этого зерна не досталось бы дейхану.

— Верно!.. Разве не советская власть спасла нас от голода?

Ашир опять вступил в разговор:

— Дом разрушить легко, построить трудно. А тут дело более сложное. На развалинах старого строится новое государство. Пока советская власть окрепнет, немало еще у нее будет таких прихвостней, как хромой мирза. Но его нельзя смешивать с советской властью. Советская власть говорит: земля и вода должны принадлежать не баям, а дейханам — тем, кто трудится в поте лица...

— Молодец, Ашир! — похвалил Гандым. — Вот правильные слова!

— ...Заводы, фабрики и железные дороги должны перейти под контроль рабочих и стать собственностью советского государства, то есть народа.

— Эге! И Артын-ходжайн будет на это согласен?

— А где твой ходжайн?

— В этом году у него на водокачке сова поет!

— Постепенно все уладится, — продолжал Ашир. — Надо только, чтобы каждый помогал советской власти. Советское правительство — это наше правительство. Во главе его — мудрый Ленин...

— Да, вот тот, кого зовут Лейлин, — говорят, — богатырь.

— Если бы он не был сильным, разве он опрокинул бы царя?

— Он друг всех народов, наш брат, — закончил Ашир.

— Я слышал, у Лейлина есть свое войско, — большевики.

Ашир улыбнулся:

— Подожди немного, и ты поступишь в это войско.

— И поеду в Петроград?

— Зачем в Петроград? Организация Ленина есть и в нашем городе. Может, позже и в наш аул придет.

— Эге, Ашир! Значит, и ты его нукер?

— Я с ним всей душой.

— Я же говорил, что Ашир молодец!

Было уже близко к полуночи. Все разошлись по кибиткам и шалахам, Ашир остался один. Год своей жизни он провел на тыловых работах, уже полгода ходит вдовцом. Хотя он и дал Артыку слово, что не женится, пока все не наладится в мире, но одиночество тяготило его и часто заставляло задумываться. Посеянная им пшеница хорошо взошла. Ячмень созрел. Дыня разбросала плети во все стороны... Может быть, жизнь теперь и станет лучше, но кто будет сидеть в его кибитке?

Состояние Ашира было похоже на то, в котором находился Артык весной шестнадцатого года. Приезжая в аул, он и вечером, ложась спать, и утром, вставая, все думал о семейной жизни. Из девушек аула больше всех привлекала его сестра Артыка — Шекер.

Но Шекер пошел лишь шестнадцатый год, а он — вдовец! Понравится ли он Шекер? Согласится ли Нурджахан отдать дочь за вдовца? Что скажет Айна, и как на это посмотрит Артык? Ведь он опять ушел к Эзизу, и теперь они — снова враги!

И Ашир пришел к выводу, что его мечта о Шекер несбыточна. Разве потерпел бы он, если бы его враг вознамерился искать с ним родства? Характер Артыка достаточно хорошо известен Аширу. И все же он чувствовал, что Шекер все больше завладевает его сердцем. Он думал о ней целыми днями и чуть не каждую ночь видел ее во сне. Часто оставаясь наедине с самим собой в поле, он, думая о Шекер, принимался вдруг петь, как Артык когда-то.

Однажды под каким-то предлогом Ашир отправился в кибитку Артыка. Нурджахан встретила его, как родного сына. Айна разговаривала с ним, как с близким человеком. Но Шекер!.. Ей как будто неловко от присутствия Ашира. Встретившись с ним глазами, она тотчас отводит их. Свесив косы по обеим сторонам груди, она сидит над вышивкой, опустив глаза, и лишь временами бросает на гостя быстрый и незаметный взгляд. То она поднимает одно колено, то другое, быстро-быстро оторвет нитку и медлит, вдевая ее в ушко иглки. Все

это говорит Аширу, что она не стала еще вполне взрослой. Но ее открытый лоб, круто изогнутые тонкие брови, губы, которым так и хочется улыбаться, слегка выющийся локон на полной щеке доводят Ашира до опьянения. Он всегда считал дом Артыка своим, а теперь совсем потерялся. Руки у него не дрожали, но, переливая чай из пиалы в чайник, он пролил его на ковер. Ему хотелось заговорить с Шекер, и он не решался, боясь, что она не ответит ему.

«Любовь, оказывается, делает человека беспомощным,— думал Ашир.— Может быть, Шекер ни о чем и не подозревает. Но почему же Айна не заговаривает о Шекер? Айна знает что такое любовь. Разве она не видит, что я хожу вдовцом? Или она считает, что я недостойн Шекер? Может, ей и в голову не приходит, что в душе Ашира могут возникнуть такие намерения? Ведь она не знает, что мы с Артыком — враги. Так почему же она не хочет помочь мне? Или сытому от голодного вести нет, — уже забыла о своей любви? Забыла и не хочет отплатить За мое добро. Неужели с замужеством у нее так переменился характер?..»

И, сдерживая волнение, Ашир сам заговорил о Шекер:

— Шекер, оказывается, стала уже взрослой девушкой!

Айну не удивили эти слова. Каждый может сказать такое о девушке, которая действительно стала взрослой. Правда, она заметила, что Ашир произнес это каким-то сдавленным голосом, но не обратила на это внимания и просто ответила:

— Да, Шекер быстро растет. Посмотри, она и сидит, как взрослая, глаз не подымет.

Шекер хотела улыбнуться, уже блеснули ее ровные и белые, как у ягненка, зубы. Но она тотчас же вспомнила, что она — взрослая девушка, и приняла серьезный вид, будто не слыша, что речь идет о ней. Ашир опять спросил Айну:

— Может быть, уже приходили и свататься?

Шекер сердито покосилась на Ашира. Айна ответила:

— Нет, Шекер еще слишком молода. Мы пока сватов и на порог не пускаем. Да мы и не хотим отдавать Шекер в далекий край, пусть лучше будет у нее муж из наших аульных.

У Ашира забилося сердце. Он решил, что тут Айна подразумевает его самого. Заметив улыбку на губах Шекер, он принял ее за подтверждение слов невестки.

После шуточного разговора о Шекер заговорили об Артыке. Айна упрекнула Ашира:

— Ашир, ты ему друг, — почему же ты его не удерживаешь?

У Ашира чуть не сорвалось резкое слово. Вовремя вспомнив, что Айна ничего не знает, он прикусил губу. Потом хмуро проговорил:

— Айна, ты знаешь Артыка не хуже меня. Если он что-либо решил — никого не послушает. Из-за этого своего характера он и попал на неверный путь.

— Разве ему мало, когда говорят, что он убил Халназара? А теперь прошли слухи, что его нукеры расправились и с Бабаханом.

Насчет Бабахана у Ашира было определенное мнение. Тут он заговорил прямо, не кривя душой:

— А если и так, Айна? От такого дела на совести Артыка не будет пятна.

— Разве хорошо это — пролить кровь человека, сидящего дома?

— А кто тебя, силой взвалив на коня, увез из тростников от Артыка?

— Да это же были халназаровские!

— Халназар это сделал, опираясь на Бабахана. А кто вас с Артыком стащил с коня?

— Разве это были не джигиты бая?

— Нет. Это были собаки старшины Бабахана. А кто заковал в кандалы и заточил в темницу Артыка?

— Это были царские чиновники.

— А Бабахан чьей собакой был? Кто, как не он, вырывал у дейханина изо рта последний кусок, чтобы набить брюхо Халназару! Не он ли и меня послал на тыловые работы?

— Ашир! И я не хочу, чтобы Артыка топтали ногами. Я до сих пор не могу забыть его мстительных слов, когда его свалили с гнедого. Но ведь у Артыка не две жизни. Он не

считается с силой, не жалеет ни себя, ни меня.

— Айна! И мы с Артыком кое в чем не сходимся. Но я его уважаю за прямоту, за отвагу. Я верю, что он поймет свою ошибку. И может быть, я его больше твоего люблю.

Нурджахан, вспомнив о самоотверженности Артыка, всплакнула. Прервала молчание Шекер и тоже заговорила о мужестве брата. Ашир почувствовал себя как в родной семье. Забыв о том, что он сам стрелял в Артыка, он пылко воскликнул:

— Кто протянет руку к Артыку, тому я отрублю ее по самое плечо!

Взволнованная Нурджахан со слезами на глазах обняла Ашира:

— Аширджан! И ты мое дитя!

Конец второй книги.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава первая

Вооруженные силы контрреволюционной «Кокандской автономии» были разгромлены красногвардейцами в феврале тысяча девятьсот восемнадцатого года. Но враги советской власти не унимались: семнадцатого июня в Ашхабаде была сделана первая попытка контрреволюционного переворота, подавленная революционными рабочими. А одиннадцатого июля эсеры, меньшевики, контрреволюционно настроенные офицеры царской армии и туркменские националисты вновь подняли восстание. Двенадцатого июля они захватили власть в Ашхабаде и Кизыл-Арвате. Прибывший в Кизыл-Арват с особыми полномочиями чрезвычайный комиссар Закаспийской области Фролов был убит, а небольшой отряд кизыл-арватских красногвардейцев и большевиков почти полностью уничтожен. В тот же день белые расстреляли председателя Кизыл-Арватского ревкома Дианова и членов ревкома Губкина, Будникова и Каско. Несколько позже та же участь постигла и ашхабадских большевиков: Батманова, Молибожко, Розанова, Теллия, Житникова, комиссаров Красной гвардии и членов совета. Они были без суда расстреляны белогвардейцами у железнодорожной станции Аннау, юго-восточнее Ашхабада. В столице области было организовано контрреволюционное «правительство» во главе с эсером Фунтиковым.

Захватив власть в центре Закаспия, эсерово-белогвардейские заговорщики обратились за помощью к английской военной миссии в Иране, и мастер кровавых колониальных провокаций генерал-майор Маллесон двинул англо-индусские войска на север, к русско-персидской границе. Своим представителем в Ашхабад он послал капитана Тиг-Джонсона.

В середине лета тысяча девятьсот восемнадцатого года усилиями английских интервентов, успевших к этому времени создать очаги контрреволюции по всей Средней Азии, советский Туркестан оказался в замкнутом кольце врагов. На юго-востоке, в Ферганской долине, хорошо вооруженные басмачи, поощряемые английским консулом в Кашгаре, сэром Маккертнэем, начали осаду городов, копей и нефтяных промыслов. На востоке подняли восстание, стремясь к захвату Алма-Аты, верхи семиреченского казачества, с которыми «поддерживал связь» тот же сэр Маккертнэй. На севере атаман Дутов снова захватил Оренбург, перерезав железнодорожную магистраль Ташкент — Москва. На северо-западе отряды эмира Бухары, ташаузский хищник Джунаид-хан в Хиве и английский флот на Каспийском море замкнули это вражеское кольцо. Весь Туркестан был наводнен шпионами и тайными военными агентами генерала Маллесона. При таком положении «генерал от интервенции», по-видимому, не сомневался, что ему удастся осуществить план отторжения Туркестана от Российской Федерации Советских Республик. Так или иначе, англо-индусские войска Маллесона к двенадцатому августа завершили путь от Мешхеда к

русско-персидской границе и перешли ее в ста километрах юго-восточнее Ашхабада.

Тем временем, в ожидании англичан, белогвардейское «правительство» Фунтикова решило поднять и туркмен на борьбу против советской власти. В окрестностях Ашхабада был созван съезд представителей туркменской торговой буржуазии, баев и духовенства. Со стороны разгромленного еще в июне «национального комитета» на этот съезд приехали и скрывавшиеся где-то Ораз-Сердар и Нияз-бек со своими офицерами. После громких речей против большевиков и советской власти буржуазные националисты решили объединиться с эсеровско-белогвардейскими мятежниками. Съезд принял обращение к туркменам, в котором призывал их взяться за оружие. Ораз-Сердар был введен в состав «правительства» и вместе с Нияз-беком поставлен во главе туркменского войска.

В Теджене наступили тревожные дни. Белогвардейский переворот в Ашхабаде и Кизыл-Арвате стал совершившимся фактом, и было ясно, что белые не сегодня-завтра двинутся по линии железной дороги на Теджен, Мары, Чарджоу, и, может быть, дальше, в сторону Ташкента. С немногочисленным отрядом Красной гвардии Тедженский совет не мог держаться даже против Эзиза, которому за последние месяцы удалось наберечь в свой отряд большое количество нукеров. Между тем стало известно, что Эзиз готовится в ночь или под утро напасть на город.

Взвесив все, Чернышев решил немедленно отступить в сторону Мары, на восток. Он провел совещание с верными советской власти рабочими и красногвардейцами, затем созвал экстренное заседание исполкома и внес свое предложение. Неожиданно против отступления из Теджена стал резко возражать Куллыхан, осыпая председателя совета оскорблениями и обвинениями его в трусости.

— Я знал, что ты здесь — только гость! — кричал он, размахивая кулаками. — Беспокойное время у тебя хватало смелости на все, ты даже на меня орал. Но как только стало опасно, ты готов взять хурджун на спину и бежать туда, где поспокойнее. А за все дела, которые ты натворил здесь, должен отвечать я? Не бывать этому! Не померявшись силами с белыми, отряд отсюда и шагу не сделает. Пока я жив, буду стоять поперек пути таких дезертиров, как ты!

Чернышеву не стоило большого труда разгадать, неожиданный маневр Куллыхана. Так вот, оказывается, каков настоящий результат поездки хромого писаря в Ашхабад! Вот почему Фунтиков и Дохов поддерживали Куллыхана и защищали от всех попыток выгнать его из Тедженского совета! Сама собою напрашивалась мысль, что Куллыхан в сговоре с ашхабадскими предателями. Теперь он явно бил на то, чтобы сорвать организованное отступление и, оставшись в Теджене, соединиться с наступающими белогвардейцами. Чернышов понял, что сейчас он обязан во имя интересов революции действовать со всей решительностью.

— Куллыхан, — ответил он сдержанно, с суровыми нотками в голосе, — ты ошибаешься. Я здесь не гость и не случайный человек. Любой куст гребенчука в Теджене мне дорог, любое место на советской земле для меня — родина. За каждую пядь этой земли я готов отдать жизнь. Но я не поддамся на провокацию. Мне жизнь еще нужна для борьбы за рабоче-крестьянскую власть, для уничтожения врагов Советов. Не думай, что нам непонятен истинный смысл твоего предложения. Ты и раньше не раз становился на неправильный путь и делал это не по ошибке, а сознательно. Нельзя сказать, что у тебя мозги не работают, но они работают всегда в одном направлении — расстраивать все, что предпринимает совет...

Перебивая Чернышова, Куллыхан закричал:

— Мои мозги не гости в моей голове, они постоянно в ней!

— Вот это я хочу сказать: все, что ты делал, ты делал вполне сознательно, то есть обдумывая каждый свой шаг. Тебя поддерживали влиятельные люди в Ашхабаде, ныне — наши враги, а я не проявил достаточной настойчивости. В этом, конечно, большая моя ошибка. Из-за этой ошибки ты и получил возможность творить всякие безобразия, прикрываясь личиной преданности советской власти. Давно пора сорвать с тебя эту маску...

— Не тебе рассуждать об этом! — крикнул опять Куллыхан. — Есть люди повыше тебя!

Меня и в Ташкенте знают!

— Ты хочешь сказать, что военный комиссар республики Осипов больше прислушивался к твоим советам? Мне это хорошо известно. Осипов со своим отрядом красноармейцев и нашими красногвардейцами мог легко разгромить Эзиза в Ак-Алане, но не ты ли отсоветовал ему это сделать? А вот теперь небольшой наш отряд красногвардейцев ты предлагаешь поставить под удар со стороны ашхабадских белогвардейцев и со стороны того же Эзиза. Ты хочешь всех нас, сидящих здесь, и всех наших красногвардейцев предать в руки врагов, так, что ли?..

Ашир, сидевший с винтовкой в руках, все время внимательно слушал, бросая яростные взгляды на Куллы-хана. При последних словах Чернышова он вскочил с места и крикнул:

— Иван! Лучше разделаться с негодяем раньше, чем он предаст нас!.. — И он загремел затвором винтовки.

Чернышов движением руки остановил его и продолжал свою речь:

— Надо вот над чем пораскинуть мозгами и Куллы-хану и некоторым другим... Советская власть — это власть огромного большинства народа. Ее не победят ни белые, ни англичане, которые стремятся захватить Туркестан. Правда, положение у нас очень тяжелое. Враги советской власти, надеясь на поддержку английских войск, обнаглели. Им удалось захватить некоторые города Туркестана. Но мы убеждены, что и на этот раз сумеем подавить мятеж и советское знамя будет развеиваться над всей нашей землей. Пусть сегодня нам приходится отступать, — завтра мы перейдем в наступление. Я уже говорил, что у нас еще нет приказа оставить Теджен, но только потому, что Ташкент не располагает полными сведениями о создавшейся обстановке. Мне стало известно, что бронепоезд белогвардейцев и их эшелоны уже двигаются на нас со стороны Ашхабада. Если Эзиз вздумает перерезать железную дорогу с востока, мы окажемся здесь в безнадёжном положении и погибнем без всякой пользы для советской власти. Решение может быть только одно: мы должны отступить к Мары. Как председатель совета, я обязан сейчас взять в свои руки командование нашим небольшим отрядом красногвардейцев и всеми, кто пойдет сражаться за советскую власть. — Иван Тимофеевич бросил суровый взгляд на хромого писаря. — Понятно это тебе, Куллыхан? В качестве полновластного военного начальника я не буду советоваться и спорить, я буду приказывать и требовать беспрекословного повиновения. Приказываю: первое — тедженскому отряду Красной гвардии немедленно погрузиться в приготовленный на станции эшелон; второе — вооружить и присоединить к отряду всех рабочих и дейхан, которые добровольно изъявляют желание отступить в Мары для дальнейшей борьбы с контрреволюцией; и третье — со всеми, кто будет противодействовать выполнению приказа, поступать по законам военного времени.

Такого крутого поворота Куллыхан не ожидал. Он выступил против Чернышова, считая, что командование отрядом по-прежнему остается в его руках. Что же теперь делать? Куллыхан мысленно перебирал людей, которые могли бы поднять оружие против Чернышова.

Их было немало в отряде, но они не присутствовали на заседании совета. А у Чернышева тут были Тайлы-Та-ган, Ашир, Мавы. Слишком поздно Куллыхан заметил в руках у них винтовки. Сильно подействовали на него и гневные слова Ашира. Идти сейчас на открытое неповиновение было бы глупо. Отстать от эшелона? Куллыхан подумал и решил, что это тоже бессмысленно: белые приняли бы его, перейди он на их сторону хотя бы с частью отряда, но вряд ли они пощадят ненужного им одиночку Куллыхана, работавшего в совете.

Вспомнив, что полковник Нияз-бек пообещал вздернуть его на виселицу, Куллыхан тяжело вздохнул, — оставалось только подчиниться Чернышову.

— Иван, я погорячился, — сказал он покаянным тоном, — ты ведь знаешь мой характер. Я понял, что действительно ошибся. Твое решение мудро. Я признаю тебя командующим и обещаю выполнять все твои приказы беспрекословно. Прости меня!..

— Поздно вздумал раскаиваться, — усмехнувшись, сказал Чернышев. — У нас нет

времени проверять искренность твоего раскаяния, и потому я тебе приказываю: немедленно сдай оружие! Ашир Сахат, Мавы, — обернулся он к стоявшим у двери красногвардейцам, — передайте арестованного караульному начальнику, пусть приставит к нему часового. При первой же попытке к сопротивлению или бегству — стреляйте!

Вконец растерявшийся Куллыхан вскочил, намереваясь что-то сказать, но Чернышов махнул рукой:

— Разговор окончен!

Несколько вооруженных рабочих, членов совета, тоже поднялись со своих мест, готовые в случае необходимости пустить в ход оружие. Через минуту обезоруженный Куллыхан уже шел под конвоем, недоумевая, как могли так ошеломительно быстро рухнуть все его планы.

Ашир спросил:

— Иван, а может, не стоит таскать его с собой?

— Это дело военного трибунала, — ответил ему Чернышов.

Сделав еще несколько распоряжений, он объявил совет временно распущенным и огласил состав ревкома, которому отныне должна была принадлежать вся власть в Тедженском районе. Затем, дождавшись возвращения Ашира, пригласил его в кабинет и сказал:

— Ашир, я хочу дать тебе очень опасное и ответственное поручение. Не думаю, что мы будем отступать дальше Мары. Вероятно, подойдут части Красной Армии из Ташкента и самое большее через неделю мы вернемся в Теджен. Может быть, даже двинемся в наступление на Ашхабад. Но ты должен остаться здесь и поехать в аулы. Нужно сплотить всех дейхан, которые стоят за советскую власть, разъяснить им положение и поднять их на борьбу против наших общих врагов. Найди себе хороших помощников и начинай действовать здесь, в тылу у белых.

— А позволит ли действовать Эзиз?

— А ты не ожидай его разрешения, действуй так, чтобы лишить его опоры в аулах. По-моему, Эзиз двинется в погоню за нами. Только не забывай, что это очень опасное дело, — более опасное, чем встреча с врагом лицом к лицу. В руки белых не попадайся! Я уверен, что ты сумеешь выполнить поручение. Если тебе нужен помощник, возьми с собой Мавы.

— Нет, Мавы тебе больше нужен. Помощников себе я найду в аулах.

Чернышов, протянув руку, тепло посмотрел в глаза Аширу:

— Ну, желаю успеха!.. А увидишь Артыка, скажи ему об аресте Куллыхана и постарайся перетянуть его на нашу сторону.

Через полчаса Ашир один поехал в сторону аула Гоша.

Немного позже половина тедженского отряда красногвардейцев, погрузившись в эшелон, двинулась на восток. Другая половина — дружки Куллыхана — попряталась в городе.. А еще через час из Ашхабада в Теджен прибыл бронепоезд белых.

Глава вторая

К тому времени число всадников у Эзиза перевалило за триста. Эзиз считал, что покончил в аулах со всеми возможными противниками. Его глаза, жаждущие крови, искали новое поле деятельности, новых жертв. Нукеры, привыкнув к легкой добыче, ссорились из-за пустяков. Враждовали между собой и сотники Эзиза. Как и раньше, держался особняком Артык, косились друг на друга Кизылхан и Кельхан.

Когда Артык приехал в Ак-Алан, Эзиз встретил его приветливо, но не уделил ему большого внимания, готовясь к серьезным событиям. Он уже знал о белогвардейском перевороте в Ашхабаде и Кизыл-Арвате и о решении туркменского «национального комитета» присоединиться к русским белогвардейцам. Наступал момент использовать выгодное положение в Ак-Алане для осуществления честолюбивых замыслов. Нукеры поговаривали о возможном нападении на Теджен или на станцию Каахка, но Эзиз со дня на

день откладывал выступление, чего-то выжидая. В его доме безотлучно находились военные люди, относительно которых было известно только, что это офицеры.

Возвращаясь к Эзизу, Артык знал, что ему придется запастись терпением. Первые же дни пребывания в Ак-Алане показали ему, на какое тяжкое испытание обрек он себя. Теперь он тяготился своим положением в отряде Эзиза. И в то же время он не решался расстаться со своими джигитами, которые, будучи сами в большинстве из бедных дейхан, верили в своего сотника больше, чем в Эзиза, любили его за честность и отвагу в бою и готовы были идти за ним на любого врага. В эти дни Артык сблизился с одним сотником, участником дейхан-ского восстания шестнадцатого года — Юзбаши Кель-ханом. Сблизило их возмущение произволом и зверствами Эзиза. Оба они уже подозревали Эзиза в измене народному делу и сговорились поддерживать друг друга в случае столкновения с ним.

Очень скоро этот сговор подвергся серьезному испытанию. Один из местных баев пришел к Эзизу с жалобой: кто-то ночью сжал часть его пшеницы. Бай заподозрил в этом бедняка из своего аула. Эзиз послал в аул всадников. Дейханина привели. Он отказался признать за собой вину.

— Хан-ага, — заявил он, — я даже не помню, когда моя нога ступала на землю бая.

— Сейчас заставим вспомнить!

По знаку Эзиза нукеры сорвали с дейханина халат и рубаху и бросили его ничком на землю. Двое сели ему на ноги и плечи. Яркий солнечный луч скользнул по смуглой худой спине, на которой можно было пересчитать все ребра. Эзиз махнул рукой, и два нукера с двух сторон начали хлестать ременными плетями по голой спине. В несколько секунд кожа покрылась кровавыми рубцами. У дейханина захватило дыхание, он хрипло выкрикнул:

— Я не вор!.. Ой, умираю!

Артык, услышав этот крик, бросился к толпе нукеров, которые окружили место расправы. Ворвавшись в круг, он выхватил плетень из руки одного палача, свалил ногой тех, кто сидел на плечах и ногах избиваемого, затем поднял дейханина, вся спина которого уже превратилась в сплошную рану.

И тут только заметил наблюдавшего за расправой Эзиза.

— Где же справедливость? — гневно сказал Артык. Глава Эзиза налились кровью.

— Это не твое дело! — яростно крикнул он. Артык крикнул еще громче:

— Я это оружие ношу не для того, чтобы убивать невинных людей!

— Раздеть и выпороть и его самого! — приказал Эзиз.

Нукеры, избивавшие дейханина, бросились на Артыка, но он выхватил из кобуры револьвер:

— Прочь! Застрелю!

На помощь Артыку подбежали несколько его джигитов и сотник Кельхан.

Эзиз задрожал, в глазах его вспыхнули зловещие огоньки. Казалось, он сейчас ринется на Артыка и собственноручно убьет его. Но Артык не опускал револьвера, и Эзиз, немного овладев собой, крикнул:

— Кельхан!

Сотник, загородив своей крупной фигурой Артыка, молча смотрел на Эзиза.

— Приказываю тебе застрелить Артыка!

Кельхан не двинулся с места. Все так же глядя в горящие глаза Эзиза, он, выждав несколько мгновений, спокойно сказал:

— Эзиз-хан, разве мало мы по твоему приказу перестреляли людей? Или теперь наступила очередь стрелять друг в друга?

— Ах, и ты за него?

— Я — за справедливость! — твердо заявил Кельхан.

Эзиз оглянулся, ища глазами Кизылхана. Но, вспомнив, что сам же отправил его с поручением, схватился за кобуру, решив собственноручно расправиться с непокорным сотником. Джигиты Артыка подняли шум. Послышались выкрики:

— Артык, кого бить?

— Артык, душа твоего обидчика отправится в ад!

Эзиз уже готов был броситься на Артыка, но в это время Юмургачи схватил его за локоть и зашептал в ухо:

— Эзиз-хан, не стоит тягаться с мальчишками. Через час они пожалеют об этом и придут просить у тебя прощения...

Притихший за спиной Эзиза, бледный от страха Абды-Джелил-ишан вторил Юмургачи:

— Хан-ага! Гнев — это гяур. Его нужно проглотить...

Напряженное положение разрядил вестовой Эзиза.

Запыхавшись, он подбежал к своему господину и сообщил о приезде представителей «ашхабадского правительства».

Эзиз не мог сразу принять гостей и приказал отвести их в кибитку для приезжих. Вернувшись к себе, он долго не мог успокоиться. «Что это такое? — думал он. — Люди, которые мне обязаны всем, идут против меня! Кто такой -Артык, чтобы тягаться со мной?! Допустим, Артык — безусый дурак, но что нужно Кель-хану? Разве он не сидел без куска хлеба, не носил золу из чужой кибитки? Я вывел его в люди, доверил ему сотню нукеров, а теперь он поучает меня справедливости! Должно быть, я сам неумен. Я их совсем распустил! С такими сотниками далеко не уйдешь. Сегодня же ночью надо покончить с Артыком!.. Да, но он уже не один, за ним сотня сабель. А если они восстанут против меня? Или, взяв оружие и коней, уйдут и поднимут против меня аулы? Мои люди, мною же обученные, станут моими врагами! Кельхану тоже нет доверия... Где же взять силу, чтобы, подобно Джунаид-хану, сразу истребить врага?.. Нет, с этим нельзя торопиться Артыка надо позвать к себе, пожурить, дать почувствовать, что я тверд в своих решениях. Но пусть он по-прежнему считает, что я расположен к нему..»

Придя к такому решению, Эзиз окончательно успокоился и принял гостей. Ашхабадские представители передали ему привет от Ораз-Сердара и Нияз-бека, затем вручили письма. Белы и Нияз-бек приветствовали борьбу Эзиза против большевиков и приглашали его стать их союзниками. Они обещали обеспечить его деньгами и оружием, дать офицеров для обучения нукеров военному делу. Называя Эзиза «ханом Теджена», они заверяли его, что не будут вмешиваться в дела управления уездом.

Давнишня мечта Эзиза исполнилась. Недолго раздумывая, он заключил с ашхабадцами договор на самых выгодных для него условиях: много оружия, много денег и особо — невмешательство белого «правительства» в дела «хана».

Не успела выехать из Ак-Алана ашхабадская делегация, как прибыло посольство из Бухары. Эмир бухарский побаивался Эзиза и, чтобы расположить его к себе, прислал ему со своим представителем Тогса-баем богатые подарки: пятьдесят пудов зеленого чаю, дорогие халаты и большой солнцеподобный орден.

Обойдя стороною Мары, Тогса-бай торопился к Эзизу, чтобы не упустить горячую пору. Эзиз был поражен пышностью бухарского посольства. Тогса-бай, в расшитом золотом халате с плоским серебряным поясом, в чалме, толстый, краснолицый, нагнулся почти до земли в раболепном приветствии:

— Опора неба и земли, эмир эмиров благородной Бухары, великий из великих, ученый из ученых, хан ханов, бек гушбеков, солнечный луч ислама, его величество великий эмир прислал вашему высокому превосходительству с милостивой любовью свой дружеский привет!..

— Пусть будет здоров привозящий благую весть!

— Двенадцать муфтиев (Муфтий — мусульманский правовед) благородной Бухары, великий казий, шейх-уль-ислам (Шейх-уль-ислам — духовный глава мусульман) творят молитвы о вашем здравии, чтобы еще выше поднялось ваше ханское величие и чтобы ваш свет распространился на весь мир ислама. Каждый день пять раз, после молитвы, возглашают они свои благословения вам. Возношу хвалу аллаху — довелось и мне лицезреть ваш благословенный лик!..

Эзиз, не поняв как следует слов Тогса-бая, которых хватило бы на хороший выюк для осла, не зная, что сказать, опять коротко ответил:

— Пусть будет здоров его величество эмир!

Приказав своим людям передать подарки, Тогса-бай собственноручно прицепил на грудь Эзиза сияющий орден. Красное, лоснящееся лицо Эзиза, изъеденное оспой, засияло от гордости.

— Не приложу ума, чем отблагодарить его величество эмира за оказанный мне почет.

Тогса-бай, напыжившись еще больше, сказал:

— Его величество эмир, свет мира, повелитель правоверных, от чистого сердца благодарит вас за услугу миру ислама. В какой бы помощи вы ни нуждались, он почтет своим долгом оказать вам ее. Из далекого края, от близкого сердца он шлет вам уверения в своем уважении. Как только станет поспокойнее, он будет рад принять вас в благодатной Бухаре, и мы надеемся, что вы, светлейший хан, будете почетным гостем нашего повелителя и его собеседником.

— Если будем здоровы, бог даст, увидимся.

В дальнейшей беседе Тогса-бай осторожно дал понять тедженскому хану, что эмир Бухары, пользуясь смутой, намерен расширить свои владения, а его, Эзиза, сделать своим наместником в Туркменистане.

Эзиз почувствовал себя равным чуть ли не шах-ин-шаху. Кто знал его имя за несколько лет до этого? А сейчас к нему с поклоном идут послы правителей и правительств. Каждый его задабривает, каждый обещает всякую помощь. «От ашхабадских меньшевиков и эсеров возьму оружие, — думал Эзиз, — соберу войско. Когда достигну Бухары, — запущу руку в ее казну. Пусть Тогса-бай считает меня дураком. Пусть эмир думает, что перетянул Эзиза на свою сторону. Потом посмотрим, кто окажется в дураках. Тогда и ашхабадских правителей их же оружием стукну по лбу. Пусть сегодня я — хан одного Теджена. Завтра я буду ханом ханов, повелителем всего Туркменистана!»

После приема бухарцев Эзиз посоветовался со своими советниками, затем продиктовал Абды-Джелил-ишану свое первое повеление по «Тедженскому ханству»:

«По воле аллаха, с благословения наших ишанов, мы препоясались для борьбы с большевиками, которые оскорбили ислам. Поэтому приказываю тедженскому народу:

Двадцатого июля, рано утром, прислать в город Теджен по одному мужчине от каждой пятой кибитки.

За исполнение этого приказа отвечают старейшины и арчины.

Кто не выполнит моего приказа, пусть не ждет от меня хорошего. Люди, уклонившиеся от явки в мое войско, будут считаться предателями, примкнувшими к врагам ислама. Их постигнет тяжелое наказание».

Для скорейшего распространения своего повеления Эзиз послал в каждый аул по несколько нукеров, приказав им применять беспощадные меры при наборе людей. Он приказал также привести из аулов всех годных для войска коней.

Только после этого Эзиз вспомнил о необходимости поговорить с Артыком.

Артык между тем ждал, чем ответит Эзиз на его выступление в защиту избитого дейханина, и решил на всякий случай держать под седлом Мелекуша. Заметив беспокойство своего сотника, джигиты сотни обступили его с тревожными вопросами. Артык не скрыл от них, что лежало у него на сердце.

— Друзья! — сказал он. — Мы с вами немалое время вместе делили хлеб-соль, вместе садились на коней, вынимали сабли, а где нужно, и кровь проливали. Я вам не говорил раньше, но теперь скажу: каждого из вас я полюбил, как брата. И вот теперь... пришло время расстаться. Если обижены мною — простите!

Джигиты стояли перед ним, опустив головы. Никто из них не мог сразу ответить своему сотнику. Артыку захотелось их подбодрить.

— Друзья! — продолжал он. — Мир создан так: если утром встаешь веселым, к полудню часто горюешь. Уйти от вас мне нелегко. Но после всего, что произошло, мне

нельзя здесь оставаться. Опасность висит не только надо мной, но и над вами. Если уйду, вас, может быть, минует беда. Думаю, что мы еще встретимся.

Один из джигитов поднял голову:

— Артык, куда ты уйдешь?

— Не знаю еще. Позволят — уйду в свою кибитку. Будут преследовать — придется скрываться.

— А стоит ли тебе уходить? Можно рассчитаться и здесь.

— Ты нам дороже Эзиза! Может быть, его самого?..

— Нет, нельзя. Силы неравны, нас перебьют.

— Тогда... возьми нас с собой!

Артык задумался. Предложение соответствовало тайным его надеждам, но застало его врасплох. Что делать с сотней вооруженных всадников? Устроить свое становище и, как Эзиз, грабить народ? Нет, на это он не пойдет. Померяться силами с, Эзизом или белогвардейцами? С одной сотней долго не навоюешь. Вот если бы Иван был здесь. О, тогда Артык привел бы в совет всю сотню своих удалцов и лишил бы силы хромого мирзу! Но Иван, наверное, уже далеко, к нему не пробиться. «Может быть, потерпеть, выждать, пока Эзиз начнет бой с красногвардейцами?» — подумал Артык и обратился к своим джигитам:

— Нет, друзья, сейчас этого сделать нельзя. Один я в любом месте найду себе кров и приют, а с целой сотней куда Денешься?

— Тогда, может, и нам разойтись по домам?

Артык не знал, что ответить. Привести бы свою сотню к Чернышеву и сказать: «Вот мои джигиты, Иван. Они будут служить советской власти лучше, чем Куллыхан!»

Подошел Кельхан и сказал:

— Артык, нас зовет Эзиз-хан. Идем-ка.

Приняв задумчивость Артыка за нерешительность, он повторил:

— Идем же! После почестей и подарков, какими осыпал его посланец бухарского эмира, он теперь совсем размяк...

Артык неохотно последовал за ним, а войдя к Эзизу, молча сел и насупился. Эзиз не стал растревать его раны напоминанием о столкновении и заговорил совсем о другом.

— Ребята! — начал он, словно ничего не случилось. — До сего времени мы наводили порядок вокруг Теджена, теперь нам нужно выходить на широкую дорогу. Перед нами стоят большие задачи. Завтра, самое позднее послезавтра, мы выступаем. Жаль, нет Кызыл-хана, но завтра он, может, вернется... Что вы думаете о моем решении?

Артык молчал. Не ответил ничего и Кельхан. Подождав немного, Эзиз спросил:

— Почему молчите?

И опять Артык не проронил ни слова. Только теперь он понял, как трудно ему притворяться.

Кельхан не удержался, с упреком сказал:

— Эзиз-хан, ты — старший. Мы выполняем твои приказы. Но ты не считаешься с нами.

— Верно, Кельхан, — уступчиво проговорил Эзиз, — бывает, что я хвачу через край... Сегодня я обидел тебя, Артык. Это и меня самого мучает. Слишком погорячился. Но ты не принимай близко к сердцу того, что произошло между нами... Давайте поговорим о походе. Нам нужно будет погрузиться вместе с конями в вагоны. Хочу с вами посоветоваться. Как вы считаете: какие нужны для этого приготовления?

Артык тяжело вздохнул и ответил:

— Для меня самое подходящее приготовление — сдать тебе оружие и патроны!

— Артык, так нельзя!

— А как можно? Поверить слову толстобрюхого бая и бить насмерть такого же, как я, дейханина?

— Артык, мужчина говорит один раз: я уже признал свой промах. Не заставляй меня давать клятву, — и в молитве бывают ошибки... Но вернемся к делу. Сейчас решается судьба не только Теджена, но и всей Туркмении.

— Что ж, угнетающий немногих, если найдет силу, будет угнетателем и многих, — угрюмо проговорил Артык.

— Если мы хотим отвоевать свою независимость, — продолжал Эзиз, словно не слыша слов Артыка, — мы не имеем права бросать оружие...

«Да, — подумал Артык, — я теперь хорошо знаю, что нельзя бросать оружия. Но для свободы и независимости нашего народа, пожалуй, лучше всего направить это оружие против тебя...»

Кельхан как бы подвел итог разговору:

— Эзиз-хан, пока что ни Артык и никто из нас не собирается бросать оружие. Но ты не забывай, в чьих руках это оружие и для чего оно служит.

Глаза Эзиза и Артыка на мгновение встретились. Взгляд Эзиза говорил: «Ну, ладно! Придет время, я рассчитаюсь с тобой!» Глаза Артыка отвечали: «Птицу, пойманную тобой, я еще раньше общипал. Не думай, что Артык будет застигнут врасплох!..»

Глава третья

В Закаспии наступили смутные дни.

Захватив власть в Ашхабаде, белогвардейцы двинулись по линии Закаспийской железной дороги на восток и на запад. Вскоре им удалось занять Красноводск. Здесь так же, как в Кизыл-Арвате и Ашхабаде, начались повальные аресты и убийства сторонников советской власти. Зверски расправлялись белогвардейцы с большевиками и рабочими, примыкавшими к большевикам. Тюрьмы были переполнены.

Вся человеческая нечисть собралась сюда для этого черного дела: записные провокаторы, эсеры, меньшевики, офицеры, лакействовавшие перед англичанами. Туркменские националисты во главе с царскими полковниками Ораз-Сердаром и Нияз-беком стремились поднять аулы на поддержку белогвардейской власти. Баи и муллы привезли в Ашхабад до восьмисот человек мусульман, среди них — немало обманутых дейхан. Несколько сот их было двинуто эшелонами в сторону Мары. К двадцать первому июля вся Закаспийская область была в руках белых. Держалась лишь крепость Кушка, гарнизоном которой командовал храбрый патриот генерал Востросаблин, да на подступах к Чарджоу, в районе Мары, вели бои с белогвардейцами отряды революционных рабочих.

Получив известие об ашхабадском мятеже, ЦИК и Совнарком Туркестанской республики направили в За-каспий специальную делегацию во главе с народным комиссаром труда Полторацким.

Делегация останавливалась в каждом городе. Полторацкий выступал на митингах, всюду призывая к защите советской власти, присматривался к людям, узнавал о настроениях широких народных масс. В Кагане его выступление на митинге было сорвано местными эсерами. Делегации с трудом удалось вырваться оттуда, едва избежав ареста. Но Полторацкий был не из пугливых. В социал-демократическую партию он вступил еще до тысяча девятьсот пятого года, принимал деятельное участие в революционной борьбе рабочих Баку. Вырос он в бедной семье, обучение проходил в типографии и был наборщиком вплоть до того дня, когда рабочие Бухары послали его своим делегатом в Петроград на Первый Всероссийский съезд Советов. Здесь он без колебаний примкнул к большевикам, а позднее, в Ташкенте, с оружием в руках бился с контрреволюционерами за установление власти Советов. Потом стал редактором первого официального органа советской власти в Ташкенте «Советский Туркестан» и в последнее время был назначен ТуркЦИКом на пост народного комиссара труда. В самую гущу контрреволюционного мятежа он ехал со спокойным сознанием того, что дело, которое он защищает, — бессмертно, что великие социалистические идеи Октябрьской революции восторжествуют повсюду.

В Чарджоу рабочие, собравшись на вокзале, тепло встретили народного комиссара. Но в Мары на вокзал пришло только несколько большевиков — членов городского совета. В числе встречавших Полторацкого был и Иван Тимофеевич Чернышов со своими

красногвардейцами.

Чернышов с нетерпением ожидал приезда Полторацкого. Прибыв в Мары, Иван Тимофеевич увидел здесь не то, что ему хотелось: руководители совета растерялись и явно были неспособны мобилизовать силы для подавления контрреволюции. Город был переполнен подозрительными людьми, которые вели провокационную агитацию среди населения. Многие члены совета, эсеры и меньшевики, получив телеграмму Фунтикова, и не думали ни о каком сопротивлении белогвардейским отрядам, уже начавшим движение на восток со стороны Ашхабада, а, наоборот, готовились торжественно встречать белые войска. Чернышов со своим небольшим отрядом почувствовал себя во вражеском окружении и вряд ли остался бы в Мары, если бы на другой день не встретился на улице с Алешей Тыжденко.

Алеша обрадовался Чернышову, как родному отцу. Приехав в Мары с отрядом красногвардейцев еще до ашхабадского мятежа, чтобы помочь совету ликвидировать очаги контрреволюции, он застрял здесь и теперь тоже не знал, что ему делать: готовиться ли к бою на подступах к Мары, имея за своей спиной враждебные силы в городе, или отступить на восток, в сторону Байрам-Али. А положение в районе было очень серьезным. Тыжденко рассказал о начавшемся брожении в аулах, где появились агенты «национального комитета» и вместе с баями и духовенством вели враждебную агитацию.

Рядом с Алешей стоял пожилой туркмен с черной бородой и большими черными глазами. Чернышеву с первого взгляда понравилась свободная, гордая его осанка. Алеша, знакомя их, сказал, что Карагез-ишан — так звали туркмена, — член Марыйского совета, в народе пользуется большим уважением, а в совете держится большевистской линии.

Втроем, взяв с собой сопровождавших их красногвардейцев, они вошли в здание совета. В кабинете председателя, наполненном махорочным дымом, шло беспорядочное заседание. Почти никто не слушал председателя, говорившего о необходимости защищать советскую власть; некоторые прерывали его речь ехидными замечаниями. Особенно разошелся какой-то лысый горбун с выпуклым лбом и впалыми глазами. Охрипшим голосом он кричал громче всех:

— Мы не против Советов, мы против тех, кто узурпирует власть Советов! Поэтому мы советы перестроим немного... И ашхабадцев мы встретим не со штыками, а со знаменами!..

Иван Тимофеевич не стерпел. Здесь, в совете, открыто вели контрреволюционные речи! Он гневно крикнул, перебив горбуна:

— Врешь! Я не знаю, в какой ты партии, но таких, как ты, контрреволюционных гадов надо выбрасывать вон из советов!

Горбун скрюченными пальцами ударил себя в грудь:

— Я — эсер и горжусь тем, что принадлежу к партии последовательных революционеров!

— Будь покоен, с этой гордостью ты недолго продержишься! Начавшаяся у нас гражданская война, как она ни тяжела, все же позволит нам освободиться от подобных двуличных врагов. Сейчас не время для пустой болтовни. Надо готовиться встретить белых. Не со знаменами, как вопит этот прохвост, а с оружием!..

Горбун закричал:

— Я не знаю тебя и знать не хочу!

— Не хочешь, а узнаешь! — Иван Тимофеевич обернулся к Алеше и громко сказал: — Комиссар, надо бы представиться этому господину!

Алеша открыл дверь и, когда в кабинет вошли Мавы и два красногвардейца с винтовками, официальным тоном обратился к горбатому эсеру:

— Именем Туркестанской Советской Социалистической Республики... — И, не выдержав, крикнул: — Вон, гад, отсюда!

Чернышов обвел глазами кабинет:

— Еще кто хочет встречать белых со знаменами? Никто не произнес ни слова.

Когда Полторацкий выезжал из Ташкента, он надеялся, что ему удастся уладить все мирным путем. Лишь, в Мары, побеседовав с председателем Тедженского и Марыйского

советов, с обоими комиссарами Красной гвардии — Тыдженко и местным, он понял, что положение в Закаспии гораздо серьезнее, чем он предполагал. На улицах города шла открытая агитация, против Советов. Правда, митинг на площади, на котором выступил Полторацкий, прошел без всяких инцидентов, может быть потому, что на нем присутствовали вооруженные красногвардейцы. Но едва начало темнеть, как на окраинах города белогвардейцы открыли стрельбу по красногвардейским патрулям. Железнодорожный диспетчер получил сообщение о выходе из Теджена в сторону Мары воинских эшелонов. Чернышов уже знал, что из Ашхабада на Теджен шло около шестисот белогвардейцев и несколько сот туркмен, набранных по аулам агентами «национального комитета». Возможно, что к этим эшелонам присоединил своих нукеров и Эзиз. Для Полторацкого стало ясно, что удержать Мары силами двух-трех сотен пеших красногвардейцев не удастся: слишком мало оставалось времени на подготовку, белые могли начать бой за город в эту же ночь.

По пути в Мары правительственная делегация включила в свой состав несколько туркмен — представителей местных советов. От Марыйского совета Полторацкий охотно присоединил к своей делегации Карегез-ишана, который и на него произвел хорошее впечатление. Карегез-ишан убедительно доказывал, что туркмены не пойдут за царскими офицерами и чиновниками, что надо разъяснить туркменам, из кого состоит белая армия, и тогда они поймут, кто их друг и кто враг. Но поздно, поздно уже было начинать разъяснительную кампанию в аулах — вопрос о власти решался силой оружия.

Чернышов предлагал объявить город на военном положении, мобилизовать весь транспорт, начать сооружать укрепления. Но и для этого уже не оставалось времени. Полторацкий решил сделать главным опорным пунктом красногвардейских частей заводской поселок Байрам-Али в двадцати пяти километрах от Мары. Туда должна была вернуться его делегация, чтобы развернуть работу среди дейхан и рабочих. Туда же он предложил выехать и Чернышеву с красногвардейцами, чтобы сконцентрировать там под его командованием все силы для отпора белогвардейцам на пути к Чарджоу. В Мары он оставлял отряд Тыдженко, и сюда же должен был прибыть вызванный им отряд красногвардейцев из Ташкента. Диспетчер сообщил, что ташкентский военный эшелон уже вышел из Кагана. Чернышов не хотел оставлять Полторацкого, но тот успокоил его, заверив, что пробудет в Мары недолго, только для окончательного выяснения военной обстановки, и, если дела будут плохи, вернется в Байрам-Али с эшелоном Тыдженко или ташкентского отряда.

Проводив делегацию и Чернышева, Полторацкий зашел на телеграф, вызвал к прямому проводу Фунтикова и потребовал от него прекращения военных действий. Фунтиков отвечал очень вежливо: заявил, что военных действий пока нет и, как он надеется, и не будет, а затем предложил приехать для личной встречи в Ашхабад, обещая сделать все необходимые распоряжения о беспрепятственном пропуске поезда народного комиссара. Полторацкий понял эту хитрость и в свою очередь ответил предложением Фунтикову приехать в Мары. Последовал ответ с благодарностью и заявлением, что Фунтиков прибудет в Мары завтра не позже двенадцати часов дня. Попросив телеграфиста соединиться с Ташкентом и вызвать к прямому проводу председателя Совнаркома, Полторацкий вышел к Алеше Тыдженко и стал прохаживаться с ним по перрону.

Было тихо. Старинные часы в комнате телеграфа пробили три часа ночи. На безлунном чистом небе спокойно мерцали звезды. Дневная жара сменилась прохладой, из степи подувал ветерок. Ночную тишину нарушали только пронзительные свистки и шум маневрового паровоза. И вдруг на окраине города, где находились посты красногвардейцев, защелкали выстрелы. Тыдженко встревожился. Полторацкий заметил, что эти выстрелы ничего особенного не обозначают, так как в городе вообще царит беспорядок и часто стрельбу открывают сами милиционеры. Но стрельба не прекращалась, и он сказал комиссару:

— Товарищ Тыдженко, вам надо поспешить к отряду.

— Как же я вас оставляю здесь одного?

— Один или двое — большой разницы нет. Но если вы не наведете порядок, эта

стрельба взбудоражит весь город и, возможно, даст сигнал белым начать нападение.

Алеша колебался. Полторацкий ему сказал:

— Друг мой, сейчас не время раздумывать. Раз партия послала нас воевать, надо уметь выходить из любого положения. Идите делайте свое дело, а я буду делать свое. Обо мне не беспокойтесь. Вон стоят лошади под седлом. Станет опасно — сяду и ускачу. Идите же! Когда выясните, что там за шум, возвращайтесь на телеграф.

Пока добились связи по прямому проводу с председателем Совнаркома, прошло еще около часу. Полторацкий передал в Ташкент о тяжелом положении в Закаспии и о своих распоряжениях по концентрации советских сил в Байрам-Али. Председатель Совнаркома сообщил, что в Ташкенте осталось очень немного красногвардейцев, а части Красной Армии только формируются, но предложил использовать сводный Московский полк. Этот полк направлялся по Закаспийской железной дороге через Чарджоу, Ашхабад и Красноводск во внутреннюю Россию. Полторацкому предписывалось задержать его, как только он прибудет в Байрам-Али, и бросить на подавление белогвардейского мятежа в Туркмении. Полторацкий был не очень доволен таким решением и не удержался от того, чтобы не упрекнуть председателя Совнаркома в том, что он недооценивает всей серьезности положения, угрозы самому Ташкенту. Председатель ответил, что Полторацкий недостаточно осведомлен о положении Туркестана, и предложил ознакомиться с телеграммой, посланной в этот день Ленину. На телеграфной ленте появились слова:

«Туркестанская республика в когтях врага. Действуют фронты: Оренбургский, Ашхабадский, Верненский.. Действия англичан активизируются... Недостает снарядов, оружия... Положение отчаянное...»

Не успел телеграфист закончить прием телеграммы, как телеграфная дрогнула от орудийного выстрела. Это бронепоезд белых дал знать о своем прибытии. Задерживаться нельзя было больше ни минуты. Приказав телеграфисту отстукать в Ташкент последнее сообщение о подходе белых. Полторацкий бросился из телеграфной к своему коню, стоявшему у коновязи. Но, выбежав из помещения, он сразу наткнулся на группу бежавших по перрону белогвардейцев. Его схватили и обезоружили.

Начинало светать. Весь привокзальный район был охвачен перестрелкой. Перрон, по которому еще за час до этого прогуливались Полторацкий и Тыжденко, наполнялся группами вооруженных белогвардейцев. Идя в сопровождении своих конвоиров, Полторацкий заботился лишь о том, как бы Тыжденко не вздумал выручать его.

А Тыжденко в этот момент был совсем неподалеку. Отстреливаясь от наступавших дозоров белых, он успел погрузить в эшелон, стоявший под парами на товарной станции, вывезенное со склада оружие и кое-какие ценности и приказал своим красногвардейцам отступать на Байрам-Али. Сам он остался, чтобы идти на телеграф за Полторацким. Хотел было взять с собой двух красногвардейцев, но в последний момент отказался от этого намерения: «Зачем? Одному легче пробраться, да и каждый боец на счету».

Но и одному пробраться на телеграф оказалось нелегко. Везде и всюду он наткнулся на белогвардейцев. Приходилось то и дело прятаться за глинобитные стены, в арыках, садах. Когда он добрался до телеграфа, помещение уже было занято белогвардейцами. Из раскрытых окон долетел разговор:

— Чей это конь?

— Да тут задержали одного большевика. Оказался чрезвычайным комиссаром из Ташкента.

— Ну и куда ж его?

— Куда?.. Или в тюрьму, или сразу к стенке.

Алеша похолодел. Что ж теперь делать? Скакать в Байрам-Али? Нет, это невозможно. Как покажется он на глаза Чернышову, делегатам?.. Вспомнилось прощание с Полторацким на перроне; его горячие слова о преданности партийному делу, казалось, еще звучали в ушах. «Но как же помочь ему? Ведь он — в тюрьме!..И вдруг он вспомнил, что начальник марыйской тюрьмы — его старый знакомый. Когда Тыжденко служил в охране ашхабадской

тюрьмы, тот был там старшим надзирателем. Это был человек довольно прямой, служака, хотя и не чуждый корысти. Алеша решил рискнуть.

Весь день он провел в полуразрушенном доме вблизи вокзала, обдумывая планы и способы спасения Полторацкого. Немного поспал. А вечером, спрятав свое оружие, пробрался к тюрьме и, заявив постовым, что должен видеть начальника по срочному делу, смело вошел в канцелярию.

Увидев Тыжденко, начальник тюрьмы вытаращил глаза: перед ним стоял комиссар красногвардейского отряда, теперь, когда власть перешла в руки белых, свободно разгуливающий по городу.

Алеша опередил его вопрос:

— Я с повинной... Хочешь — помоги мне, не хочешь — губи.

— В чем дело? — спросил начальник тюрьмы. — Чем помочь?

— Я не ушел с большевиками, понадеялся на тебя. Если явлюсь в штаб, мне не поверят, если же и поверят, пошлют на фронт. А воевать надоело, — я пока не хочу умирать. По старой дружбе устрой меня тут на какую-нибудь должностенку.

Видя, что начальник колеблется, Алеша добавил:

— Свой наган и винтовку я спрятал тут неподалеку. Если хочешь, возьми их. Больше мне пока отблагодарить тебя нечем.

Наган и винтовка — это было не так уж мало. Кругом торговали оружием в открытую и за огнестрельное оружие платили неплохие деньги. Тем не менее начальник нерешительно промямлил:

— Ладно, подумаю. Через несколько дней зайди.

— Мне вот сейчас деться некуда, — настаивал Тыжденко. — Назначь меня хоть подметальщиком или воду носить, только помоги.

Начальник тюрьмы почесал в затылке, посопел носом и, наконец, согласился назначить Тыжденко коридорным надзирателем к одиночным камерам, где как раз не явился на ночное дежурство один из надзирателей. Объяснив, что пост в этом коридоре особо ответственный, так как там сидит арестованный утром комиссар Полторацкий, начальник тюрьмы предупредил, что Тыжденко будет отвечать головой, если что-нибудь случится.

Через полчаса, прицепив к поясному ремню револьвер, Алеша направился на ночное дежурство. С беззаботным видом, довольный неожиданной удачей, даже насвистывая что-то, спускался он по каменной лестнице в подвальный этаж, как вдруг заметил устремленный на него, злобный взгляд горбуна, стоявшего на слабо-освещенной лестничной площадке. Прошло немного больше суток, после того, как этого самого горбуна красногвардейцы Тыжденко доставили в тюрьму, а теперь он, видимо, получил свободу. Алеша торопливо сбежал с лестницы и исчез за дверью коридора.

Полторацкий сидел в одиночке. Военный штаб белых уже объявил ему о смертном приговоре, вынесенном в тот же день. До казни оставались считанные часы. Полторацкий думал о своей жизни. Перед мысленным взором его прошли детство, юность, зрелые годы, когда он работал наборщиком типографии, боролся за лучшее будущее рабочего класса, а потом был подхвачен могучим вихрем революционных событий — побывал в Петрограде на съезде Советов, услышал Ленина, стал большевиком. И ему стало невыносимо тяжело от сознания, что поручение партии остается невыполненным, что в тот момент, когда над советским Туркестаном нависла такая страшная угроза, ему приходится уходить из жизни, почти ничего не сделав для организации отпора врагам. Ему хотелось хоть несколько слов написать перед смертью тем, кто должен жить и бороться за новый, прекрасный мир свободных людей и свободного труда... Обхватив голову руками, он сидел неподвижно на голом топчане, и мысли уносили его все дальше и дальше из мрачного каземата. И до исполнения приговора оставалось все меньше и меньше времени.

В двери тихонько щелкнул и открылся волчок. Полторацкий не двинулся с места, но вдруг услышал шепот:

— Товарищ комиссар!.. Товарищ комиссар!..

Он обернулся и, увидев знакомые горячие глаза Алеши, быстро подошел к двери. Тыжденко торопливо объяснил ему свое появление здесь, спросил, что делать, чтобы облегчить побег.

Полторацкий на минуту задумался. Алеша вспомнил, как некогда вот так же стоял и разговаривал через волчок с Артыком в коридоре ашхабадской тюрьмы. Артыка надо было успокаивать, ободрят Комиссар, видимо, не нуждался в этом. Ни тени беспокойства и страха в его лице Тыжденко не заметил.

— Ничего из этого не выйдет, Алеша, — заговорил, наконец, Полторацкий. — Погибнем оба. Лучше уж один я... Карандаш и бумага у тебя есть?

За дверью коридора послышались шаги. Алеша, ничего не успев ответить, сунул в волчок свою записную книжку с карандашиком и захлопнул дверцу.

Пришел незнакомый надзиратель, принял дежурство, а Тыжденко велел сейчас же идти к начальнику тюрьмы.

Как только закрылась за Тыжденко дверь кабинета, начальник с беспокойством сообщил ему, что его узнали.

— Тебя, говорят, надо не на караул ставить, а самого в одиночку посадить... Что теперь будем делать?

— Я ведь сразу сказал, что вручаю тебе свою судьбу, — спокойно ответил Тыжденко. — И теперь повторю то же самое: можешь снять этот револьвер и отправить меня в камеру.

Но что бы ни говорил язык, рука Алеши лежала на кобуре револьвера.

— Я говорил этому горбуну; что он ошибся, что ты — не ты, — ворчал начальник. — Но, видать, это вредный человек. Возможно, утром придут проверять. Поэтому мой совет тебе: уезжай в Ашхабад...

— В Ашхабад?

— Или дальше — куда захочешь. Я дам тебе бумажку с печатью, в которой будет сказано, что ты откомандировываешься в распоряжение начальника ашхабадской тюрьмы. С такой бумажкой тебя никто не задержит...

Получив документ, Тыжденко все же попросил разрешения остаться на дежурстве до рассвета, чтобы из тюрьмы прямо отправиться на поезд. За это время он надеялся еще раз поговорить с Полторацким и убедить его в необходимости бежать, если бы даже ему, Алексею Тыждёнку, ради этого пришлось погибнуть.

Позвонил телефон. Из ответа начальника тюрьмы Алеша понял, что в тюрьму направляется отряд белогвардейцев для приведения в исполнение приговора над Полторацким.

Начальник разрешил Тыжденко остаться на дежурстве до утра. Он боялся, что неопытный надзиратель, сменивший Тыжденко, может не угодить белогвардейскому начальству, которое вот-вот прибудет в тюрьму.

Когда Алеша вновь открыл волчок в камеру Полторацкого, тот уже перечитывал свое предсмертное письмо. Дочитав его, он опять взялся за карандаш и написал еще несколько строк, затем поднялся и, передавая Алеше письмо вместе с его записной книжкой, сказал:

— Спрячь получше да постарайся не попадаться к ним в руки...

Алеша горячо зашептал, излагая придуманный им план побега. Но разговаривать больше уже было невозможно. С лестницы донесся грохот солдатских сапог. Полторацкий взволнованно сжал руку Алеши и отвернулся. Алеша захлопнул окошечко.

Стоя около двери, он слышал последние слова комиссара, брошенные им в лицо вошедшим в камеру белогвардейцам:

— Вы — потерявшие образ человека, кровожадные псы!.. Все равно, расстреляв меня и мне подобных, вы революцию не задушите! Наоборот, вы этим только приблизите свою гибель!

Полторацкого повели из камеры. Тыжденко пошел вслед за белогвардейцами, держа руку на кобуре револьвера и с волнением ожидая момента, когда приговоренного выведут за

ворота тюрьмы. Но выйдя на улицу, он сразу понял, что сделать ничего невозможно: Полторацкого немедленно окружили всадники с обнаженными шашками. «И комиссара не спасешь, и себя погубишь, — с отчаянием подумал Тыжденко. — Пропадет и его последнее письмо. Должно быть, писал самым близким, может, жене, детям. Если меня схватят у него на глазах, то лишу его и этого последнего утешения перед смертью...»

Безнадежно озираясь, Тыжденко заметил, что один из конвоиров, спешившись, отошел напиться воды. Осененный внезапным решением, Алеша вскочил в седло и мгновенно исчез в ночной мгле.

Это произошло так неожиданно, что конвоиры, не спускавшие глаз с приговоренного, не успели ничего предпринять. Несколько выстрелов вдогонку не причинили Тыжденко никакого вреда.

Полторацкий невольно улыбнулся. Удалявшийся топот коня звучал в его ушах как стремительный бег революции, которую ничем не остановить.

Глава четвёртая

Город Теджен и станция закипели людьми. По приказу Эзиза со всего уезда шли мобилизованные. Каждого провожали один-два родственника. Улицы, площади и окрестности железной дороги были густо усыпаны черными папахами. Порывы горячего ветра, налетавшие с юго-востока, со стороны раскаленных песков пустыни, трепали завитки папах и устрашающе раскачивали труп повешенного...

Эзиз озаменовал занятие Теджена новыми зверствами. На этот раз он хотел придать им особенное, назидательное значение. Он давно обещал своим советникам искоренить воровство и запрещенное мусульманским законом курение терьяка. Воров и терьякешей (Терьяк — наркотик, терьякеш — курильщик терьяка) теперь до полусмерти избивали плетми, а всякого, кто осмеливался поднять голос против Эзиза, тайно убивали или «в назидание другим» вешали.

На большой дороге, неподалеку от города, был повешен Хораз-бахши — семидесятилетний певец-музыкант, постоянный участник пиров, веселья, шумных народных праздников. Всю свою жизнь он прожил среди народа и хорошо знал его думы, стремления и чаяния. Он не был прославленным поэтом, но порой и сам слагал песни, подбирал к ним напевы. Сложил он песню и об Эзиз-хане — грабителе, жестоком насильнике, горе народном:

*В те дни, когда дышал народ счастливой новью,
Ты рухнул на него бедою, Эзиз-хан,
Народным горем став, белки ты налил кровью,
Ты свой народ обрек разбою, Эзиз-хан.*

*Ты баям по-сердцу, и сам лишь баев любишь,
Добро народное ты расхищаешь, губишь;
Ты слизываешь кровь с меча, которым рубишь;
Рад зверствовать, ты стал грозой, Эзиз-хан.*

*Приманку «веры» дав ахунам да ишанам,
Ты самозванствуешь, зовясь Тедженским ханом.
Но сколько бед принес ты беднякам-дейханам!
Навек проклятие с тобою, Эзиз-хан!*

Песня растрогала сердца дейхан, бахши пришлось повторить ее несколько раз. А на другой день петля Эзи-за задушила его.

Толпа за толпой проходили по дороге мобилизованные в аулах дейхане. Они с тоской и

страхом смотрели на висевшего у дороги Хораз-бахши. Какой-то юноша остановился, пристально глядя на повешенного, и невольная слеза выкатилась у него из глаз. «Бахши-ага,— прошептал он, захлебываясь от горя, — еще позавчера мы слушали твою новую песню. Дейхане готовы были носить тебя на руках. И вот что сделали с тобой палачи Эзиза. О звери!..» Но тут налетели эзизовские нукеры и плетью погнали юношу по дороге.

На груди повешенного была прикреплена дощечка с надписью по-арабски: «Кто б ни был прославляющий власть, противную вере ислама, — так и с ним будет!» Никто из дейхан не понимал этой арабской надписи. Но и без того в глазах мобилизованных, которых гнали в город, повешенный был грозным предостережением: «Так будет с каждым, кто вздумает не подчиняться воле Тедженского хана!»

Бахши висел перед глазами проходящих и казался джарчи (Джарчи — вестник, глашатай), который как бы возглашал во весь голос:

— Эй, заблудший народ, на твою голову обрушилась черная буря! Смотри на меня! В чем мое преступление?.. Разве я искал чего-нибудь в жизни, кроме веселья народного? Разве не избегал печали, не искал всегда радости? Ваша печаль печалила мое сердце. Ваше веселье заставляло греметь струны моего дутара... И, видите, что получилось. Дикий кабан Эзиз с налитыми кровью глазами лишил меня дыхания жизни. Все мое преступление в том, что я оплакивал печаль вашу, горе народное... Пусть смерть стала мне уделом, — я говорю всем вам: куда вы идете, зачем? Очнитесь, опомнитесь! Если вы и дальше пойдете этим гибельным путем за диким зверем Эзизом, кровь ваша ручьями потечет среди сыпучих песков, а трупы ваши станут лакомством хищных птиц и волков. Проснитесь же, друзья, откройте глаза!..

Несчастные люди, содрогаясь от ужаса, шли со своими горестями мимо повешенного.

Начиная с прошлой ночи, в сторону Мары проходил эшелон за эшелон. С платформ торчали дула орудий, в жерла которых можно было просунуть руку с рукавом. В этих дулах притаилась смерть для сотен и тысяч людей. Но люди, выбегавшие из вагонов с баклажками в руках, по-разному вооруженные, в разных одеждах и разного возраста, не думали об этой смерти, — они везли ее для других. Они надеялись, что смерть пройдет мимо них.

На пыльном поле возле станции старые и вновь мобилизованные нукеры Эзиза спешно обучались военному делу. Эзиз разделил их на роты и взводы, рядом с каждым ротным командиром поставил русского офицера. В городе были мобилизованы все туркмены, знающие русский язык, все толмачи. Сынки городских купчиков с удовольствием надели зеленые погоны. Толмачей хватило не только для адъютантов, взятых Эзизом в штаб, но и для офицеров-инструкторов.

Эзиз роздал берданки мобилизованным, выдал кое-кому белье. Среди получивших берданки были и безусые подростки, и такие, что уже брили бороду, и бородачи, которым перевалило за полсотни лет.

Эти пестрые роты и взводы проходили обучение. Большинство не имело никакого представления о военном строе. Ноги в чокаях старательно взбивали густую пыль, из-под папах градом катился пот, но толку получалось мало. Когда одной из рот дали команду: «Кругом!» — все повернулись в разные стороны. Ружейные приемы давались еще труднее. Люди неуклюже вскидывали и опускали берданки, толкали прикладами друг друга; когда по команде делали выпад и кололи штыком, многие падали лицом в пыль. Для проверки меткости стрельбы попробовали стрелять залпом. Мишенью сделали полуразрушенную глинобитную стену, которой было огорожено железнодорожное полотно. По команде: «Пли!» — пальнули и как горохом посыпали. Пыльные дымки взвились до стены, а большинство пуль понесло в небеса. Многие стреляли с закрытыми глазами.

Офицеры-инструкторы сначала довольно ретиво бегали от взвода к взводу, показывая, как обращаться с оружием, как стрелять и колоть штыком. Руки, привыкшие держать черенок лопаты, неумело и неохотно брались за приклад, а от прикосновения к холодному стволу вздрагивали, словно коснувшись тела змеи. Офицеры совсем приуныли. Им стало ясно, что такое войско в бою будет лишь помехой, мишенью для орудий и пулеметов.

Востроглазый, небольшого роста плотный офицер, глядя злыми глазами на беспорядочное месиво черных папах, сказал толмачу:

— Куда я попал? Это же какая-то дикая, необузданная орда! Да разве можно эту толпу отправлять на фронт? — и пожал плечами.

Толмач покосился в сторону Эзиза, стоявшего неподалеку в гордой позе и озиравшего ястребиным взглядом свое войско, и негромко ответил:

— Ничего, научатся, Эзиз-хан душу выбьет из каждого, а своего добьется. Недовольства не следовало бы показывать. Иначе хорошего будет мало.

В это время из Ашхабада подошел специальный поезд с зелеными флагами, и Эзиз со своими адъютантами торопливо направился на перрон. Из штабного вагона вышли Джелил-ишан, Каразат-молла и несколько толстых, краснолицых баев. Вслед за ними вылез грузный, кривоногий Ораз-Сердар, назначенный командующим войсками Закаспийского фронта.

На площади против вокзала начался митинг. Говорил Каразат-молла, надевший специально для этого выступления белую чалму. Он казался чем-то озабоченным и начал вяло, затем оживился, и его резкий голос перешел в крик.

После митинга Ораз-Сердар пригласил Эзиза в штабной вагон и вручил ему приказ о назначении его командующим «Особым тедженским корпусом». Эзизу назначили время отправки его эшелонов и участок фронта. Затем поезд командующего ушел в сторону Мары.

Эзиз не стал медлить ни часу и, прервав обучение своего войска, приказал грузить лошадей и сбрую в вагоны. Сытые, горячие кони, которых даже порой нельзя было поставить рядом, вставляли на дыбы, лягали и грызли друг друга. Завязав им глаза, их кое-как заводили в вагоны. Между вагонами и перроном бились сорвавшиеся с мостков кони. Чувствуя непрочность дощатого пола, горячие скакуны, привыкшие к степным просторам, бесились, грызли положенные перед ними перекладины. По всему эшелону раздавалось буханье тяжелых копыт о полы вагонов.

Но вот первый эшелон, с классным штабным вагоном в середине, тронулся. Перрон огласился криками, плачем:

— Хош, будь здоров!

— Возвращайся благополучно!

— Аллах да сохранит тебя от пули и сабли!

Из вагонов кричали в ответ:

— Не горюйте, вернемся живы-здоровы!..

Счету не было бежавшим по обе стороны эшелона и тем, кто отставал, роняя слезы.

Дурды был мобилизован как переводчик. Но оказалось, что он недостаточно свободно владел русским языком, и его отправили в строй. Он попал в один из вагонов вместе с тридцатью двумя другими мобилизованными. Рядом с ним сидел старик в залатанных чоках, с поседевшей бородой, закрывавшей вырезной воротник бязевой рубахи. Это был шестидесятилетний Черкез из аула Гоша. Он сам явился на призыв, пожалев сына, на которого пал жребий. Белый офицер, прикомандированный к штабу Эзиза для обучения мобилизованных, был против его принятия, но Эзиз сказал: «Человек, повидавший и жар, и холод, хорошо будет драться».

Когда эшелон тронулся, Черкез высунул голову из двери вагона. Рядом с вагоном бежал его четырнадцатилетний сын.

— Отец! — сквозь слезы кричал он. — Будь здоров, возвращайся благополучно!

Дорога, на которую ступил Черкез, не была похожа на ту, по которой он шел всю свою жизнь. Сердце его летело к сыну, фигура которого становилась все меньше и терялась вдали. Из глаз Черкеза потекли слезы., «Дитя мое!» — хотел он сказать, но рыданье сдавило ему горло.

Эшелон прошел мимо повешенного на переезде Хораз-бахши, вытянувшегося, как часовой, простучал по железному мосту. Знакомый город, родные места оставались позади. Перед глазами Черкеза проплывала милая с детства, цеплявшаяся за ноги мягкая лебеда,

сухая, осыпающая семена верблюжья колючка, ветвистые гребенчуки, солянка, живым ковром устилавшая степь. Черкез не выдержал муки расставания с родными местами, отошел от двери в глубь вагона и растянулся на нарах.

В этом же вагоне был и Покги Вала. В шестнадцатом году ему удалось избавиться от царского набора на тыловые работы благодаря родственнику-джигиту, теперь выручать его было некому. Спасая от мобилизации своего сына, он тоже попал в красный вагон. На Покги не особенно подействовало то, что Теджен остался позади. Его никто и не провожал. Явно гордясь берданкой, которую не выпускал из рук, он то и дело щелкал затвором и, не обращая внимания, слушают его или нет, болтал без умолку:

— Ах, вот это оружие! Что ствол, что курок, что затвор — все блестит, точно прямо из воды! Сумей только взять прицел, а уж пуля попадет куда надо.

Расстроенному Черкезу надоела болтовня Покги, и он недовольно сказал:

— Ну и болтун ты, мираб! У людей от этих ружей сердце ноет, а ты все свое: «вала-бала»... Перестань греметь этой дрянью и мутить душу!

Если бы кто-нибудь в ауле сказал так, Покги Вала поднял бы крик. Но здесь Черкез не испортил ему настроения. Он добродушно покачал головой:

— Эх, Черкез! Зачем так говоришь? Все наше счастье теперь вот в этом оружии. Оно будет охранять нашу жизнь. И славу даст! А если повезет, и добычей порадует. О нет, я готов стать жертвой этого оружия!

— Не спеши! Раз едем на войну, значит, будешь жертвой.

— Какой ты злой, Черкез! Хоть бы раз открыл рот для доброго слова.

— Доброе слово — для доброго дела. А на доброе дело с ружьями не ходят.

— Ты забываешь наших предков — аламанов.

— Аламань — другое дело. Тогда шли не убивать, а добыть на пропитание. А мы зачем едем?

— Гм... На это твоего ума не хватает? Ты забыл, что большевик — наш кровный враг?

— Врешь! Большевик, может быть, тебе враг. Разве не большевики в этом году спасли нас от голода?

— Ты не понимаешь их намерений. Ведь они хотят перемешать все семьи!

— Опять врешь. В последнее время я жил в пригороде. И никто не пробовал от меня увести жену.

— Э-э, да в тебе большевистская зараза!

— Если во мне большевистская, так в тебе — царская! Я хоть и беден, а с тобой себя не сравню.

— Ты понимаешь ли, что говоришь? Мы едем воевать с большевиками, а ты их восхваляешь. Услышит Эзиз-хан, он тебе даст!

— Разве не Эзиз довел нас до этой жизни? Лучше я умру от руки Эзиза, нежели подниму руку на большевика, накормившего меня в голодный год. Иди донеси! Пусть Эзиз изжарит меня и съест!

— Гм!.. Если ты такой, я не остановлюсь. Не остановлюсь! Пойду и скажу!

В вагоне был черненький подросток, по имени Кичи-Кул. У него едва хватало силы держать берданку. Он стукнул прикладом в пол и крикнул:

— Ты, Вала, хоть землю переверни, а то, что говорит дядюшка Черкез, — и я говорю!

Покги Вала растерянно заморгал глазами:

— Ты, хан мой, откуда знаешь мое имя? Лучше не слушай этих речей. У Черкеза голова не в порядке...

Другой подросток, лежавший на нарах, приподнялся на локте и сказал своему товарищу:

— Кичи-Кул, смажь ему по зубам, чтоб не трещал! У него язык — что кобель, сорвавшийся с привязи.

Покги Вала разозлился:

— Ах ты, щенок мокрогоубый!

— Замолчи!

— Что ж, мне и слова нельзя сказать?

Кичи-Кул направил на толстяка свою берданку. Покги вытаращил на него глаза, закрылся руками.

— Молчу, молчу!.. — и тут же, отодвигаясь в угол, попытался все обратить в шутку. — Вот богатыри нашлись!

Молла Дурды, до сих пор слушавший перебранку молча, вмешался в разговор:

— Покги-мираб, ты, конечно, неправ. Твои разговоры — пустая болтовня. Мне тоже начинает казаться, что большевики — это все же лучше, чем «хан тедженский». Большевики хотят построить новую жизнь, вывести народ из темноты к знаниям, культуре, из нищеты — к обеспеченной жизни. А тем, что сейчас происходит, недовольны не только Черкез или Кичи-Кул, недоволен и я и многие другие.

В это время вдоль эшелона, остановившегося на каком-то разъезде, проходил Артык. Услышав голос Дурды, он заглянул в открытую дверь вагона и удивился:

— Молла Дурды?

— Да, я.

— Что делаешь здесь?

— Что делают эти люди, то и я.

— Кто тебя привел сюда?

— Кто их привел, тот и меня.

— Ты доброволец?

— Если они добровольцы, то и я...

Горечь слов Дурды дошла до Артыка. Еще раз взглянув на него, он, ни слова не говоря, направился к штабному вагону.

В штабном вагоне советники Эзиза лежали на коврах, выпитив животы. Тут же ехали старейшины аулов и адъютанты Эзиза.

Артык подошел к Эзизу и заговорил с ним о Дурды. Мадыр-Ишан, услышав их разговор, поддержал Артыка:

— И в самом деле, нужно взять этого юношу сюда.

Артык вернулся к вагону, в котором ехал Дурды, и коротко сказал:

— Дурды, бери оружие, слезай.

— Куда?

— После узнаешь.

Дурды уже привык к окружающим его людям. Уходить от них ему не хотелось. Но Артык торопил:

— Скорее! Эшелон сейчас тронется.

Дурды слез, захватив с собой ружье и мешок. Артык привел его в штабной вагон и велел занять верхнюю полку в крайнем купе.

Эшелон двинулся дальше.

Глава пятая

Маленький городок Байрам-Али не оправдал надежд Чернышова. Рабочие хлопкового завода, правда, готовы были в любой момент взяться за оружие и выступить на защиту советской власти, но собрать и вооружить за одни сутки массу дейхан оказалось невозможным. Помощь Ташкента тоже задерживалась. А между тем наступление белых шло быстро и успешно для них.

Чернышов оказался в трудном положении. Он уже знал, что город Мары занят белыми. Отряд Тыжденко, потеряв около половины своего состава, пришел в Байрам-Али, но Алеши с ним не было. О судьбе Полторацкого тоже никто ничего не знал. Чернышов думал послать в Мары кого-нибудь на разведку, хотя бы Карагез-ишана, но должен был отказаться от этой мысли. Бронепоезд белых мог появиться перед Байрам-Али в любую минуту, надо было

принимать решение. Посоветовавшись с делегацией Полторацкого, Чернышов решил отступить дальше, на Чарджоу.

Подготовили два эшелона. Чернышов взобрался на высокий бугор, чтобы бросить последний взгляд на эти места. Из-за развалин древнего Мерва, в том месте, где возвышался голубой купол мечети султана Санджара, поднимался, медленно отрывая от земли свое тяжелое тело, красный диск солнца. Длинные и острые, как пики, красноватые солнечные лучи осветили крышу вокзала, рабочий поселок, трубы хлопкового завода.

Раздался протяжный заводской гудок. Из поселка потянулись к эшелонам рабочие с женами и детьми. И едва умолк тревожный гудок, как со стороны Мары, словно подстегивая людей, донеслись оружейные выстрелы. Чернышов решил, что это подходит бронепоезд белых. Надо было немедленно отправлять эшелоны.

Когда он вернулся на вокзал и отдал распоряжение об отправке первого эшелона с женщинами, детьми и ранеными, на степной дороге показался одинокий всадник. Он так быстро мчался, что Чернышов вначале подумал, что это возвращается кто-либо из его дозорных с донесением о появлении белых. Но лошадь шла усталым наметом, и всадник ехал, по-видимому, издалека.

С коня, который был весь в мыле и еле держался на ногах, спрыгнул Тыжденко. Первый вопрос Чернышева был о Полторацком. Алеша опустил голову. Вокруг столпились вооруженные рабочие с хлопкового завода. Все они помнили благородный образ комиссара, который за три дня до этого дружески беседовал с ними после митинга.

Тыжденко молча вынул из кармана гимнастерки потрепанную записную книжку, бережно взял оттуда листочки предсмертного письма Полторацкого и протянул их Чернышову. Руки Ивана Тимофеевича задрожали, когда он начал читать письмо вслух, голос его звучал глухо.

— «Товарищи рабочие, я приговорен военным штабом к расстрелу. Через несколько часов меня уже не станет, меня расстреляют. Имея несколько часов в своем распоряжении, я хочу использовать это короткое драгоценное время для того, чтобы сказать вам, дорогие товарищи, несколько предсмертных слов.

Товарищи рабочие, погибая от рук белогвардейцев, я, как революционер, ничуть не страшусь смерти, ибо я верю, что на смену мне придут новые товарищи, более сильные, более крепкие духом, которые станут и будут вести начатое святое дело, дело борьбы за полное раскрепощение рабочего люда от ига капитала. Но, уходя навсегда от вас, я, как рабочий, боюсь только лишь одного: чтобы моя преждевременная смерть не была понята как признак временного крушения, временной утери тех завоеваний, которые дала рабочему классу Октябрьская революция...

Товарищи, я главным образом и хочу обратить ваше внимание на это. Умереть — не важно, но слишком больно и тяжело чувствовать то, что часть демократии, подпав под влияние белогвардейцев, своими же руками роет себе могилу, совершая преступное дело перед теми славными борцами, которые, не щадя своей жизни, шли гордо и сейчас идут на борьбу за светлое будущее социализма...

Никогда в истории не обманывали так ловко и нагло рабочий класс. Не имея сил разбить рабочий класс в открытом и честном бою, враги рабочего класса стараются приобщить к этому делу самих же рабочих. Вам говорят, что они борются с отдельными личностями, а не с Советами. Наглая ложь! Не верьте, вас преступно обманывают. Наружу вылезли все подонки общества: офицерство, разбойник Эзиз-хан, эмир бухарский. Спрашивается: что вся эта контрреволюционная челядь пошла защищать поруганные права рабочего класса? Да нет, сто раз нет! Не верьте, не верьте, вас обманывают!

Товарищи рабочие! Пока оружие в ваших руках, вы — сила. В ваших руках аппарат передвижения, в ваших руках вся жизнь города, и вам только лишь необходимо сознание и организованность. Не давайте себя в руки контрреволюции, ибо тогда будет слишком трудно и опять потребуется много жертв. Берите пример со своих братьев оренбуржцев, — они уже два месяца бастуют, не давая ни одного паровоза, ни одного человека для преступно

кошмарного дела. Смело, дружными рядами вставайте за защиту Красного Знамени! Дайте решительный отпор наемникам империализма! Заклейте всех, губящих революцию!

П. Полторацкий.

Ну, товарищи, кажется все, что нужно сказать, я сказал. Надеюсь на вас, я спокойно и навсегда уйду от вас, да не сам, меня уведут.

Приговоренный к расстрелу П. Полторацкий — типографский рабочий. 21 июля 12 ч. ночи 1918 года».

Лица слушателей потемнели, гневные глаза смотрели в одну точку.

Чернышову не удалось собраться с мыслями, найти подходящие слова. В них не было необходимости. Сказать больше и сильнее того, что сказал Полторацкий, в эти минуты было невозможно.

Письмо комиссара быстро переписали несколько раз. Потом копии его расклеили на стенах вокзала и заводского здания и лишь тогда стали садиться в вагоны.

Чернышову показалось нецелесообразным брать с собой малочисленный конный отряд Карагез-ишана. Так же, как Ашира, он оставил марыйского депутата в тылу, поручив ему размножить письмо Полторацкого и распространить среди рабочих Мары, а если удастся, переслать и рабочим Ашхабада.

Эшелон Чернышева двинулся на Чарджоу. Бронепоезд белых, продолжая стрелять, приближался к Байрам-Али.

Когда эшелон пришел к Чарджоу, на площади перед вокзалом происходил митинг. Чернышов и Тыжденко, взяв с собой Мавы, тотчас же направились к трибуне. Вся площадь была запружена людьми. Всего несколько дней тому назад здесь звучал голос Полторацкого, по призыву которого рабочие поклялись не допустить белогвардейцев до Амударьи. Но речь, звучавшая сейчас с трибуны, не возбуждала революционный дух, а вызывала негодование подошедших тебженцев и местных рабочих. В толпе раздавались выкрики:

— Кончай!

— Долой!

На трибуну поднялся другой оратор. Он был в чесучовом костюме и, несмотря на летнюю жару, в галстук. На глазах у него блестели стекла пенсне, на ногах — лакированные туфли. Не обращая внимания на шум и неодобрительные возгласы, он вынул из кармана расческу и начал приглаживать ею рыжеватые волосы.

Кто-то крикнул:

— Гляди, охорашивается, что твоя красная девица!

Раздался смех.

Мавы что-то сказал на ухо Чернышеву. Тот утвердительно кивнул головой.

Оратор неторопливо спрятал гребенку в карман, окинул площадь прищуренными глазами и начал речь:

— Товарищи рабочие!

Опять послышались выкрики, смех:

— Посмотрите на него, — чем не молотобоец?

— Настоящий кочегар!

— Мы, товарищи рабочие, слишком терпеливые люди. Большевики...

Незаметно подойдя сзади, Мавы схватил оратора за шиворот. Со всех сторон раздалось одобрительные возгласы:

— Держи его, пока глаза на лоб не вылезут!

— Тащи его с трибуны!

Под общий хохот Мавы швырнул франта с трибуны. Тот взмахнул руками и растянулся в пыли.

На трибуну поднялся Чернышов, держа в руках большевистское завещание Полторацкого.

Когда он читал письмо комиссара, чарджоусцам казалось, будто сам Полторацкий снова стоит перед ними и снова звучит на площади его пламенная речь... Они повторили клятву, данную байрам-алийцами. И не успел еще кончиться митинг, как со стороны Ташкента прибыли три воинских эшелона. Это были эшелоны сводного Московского полка, о котором председатель Туркестанского Совнаркома сообщал по прямому проводу Полторацкому.

Неожиданная военная помощь окрылила чарджоусцев. Но их радость оказалась преждевременной. Командир полка, узколобый, худой человек с выправкой старого царского офицера, с безразличным видом выслушал сообщение о положении в области и сухо сказал:

— Мы прибыли сюда не сражаться. Полк сильно потрепан в боях на Оренбургском фронте и направляется через Каспий в Россию. Я имею предписание в кратчайший срок доставить солдат и материальную часть полка в Красноводск и погрузить на пароходы. А то, что здесь у вас происходит, меня не касается.

От этих слов у Чернышева закипело в груди.

— Товарищ командир полка, — сказал он, с трудом сдерживаясь, — если идешь вброд, будешь мокрым. По всей области льется кровь, — как ты сможешь пройти не запачкавшись? Если на твоей одежде нет белой сырости, ты обязан помочь красногвардейцам, большевикам отстоять советскую власть.

Командир полка вспыхнул:

— Не вам судить о чистоте моей одежды! И мне, знаете ли, в высшей степени наплевать, за кого вы меня принимаете. Совнаркому Туркестана достаточно хорошо известно, за что проливали кровь мои солдаты на Оренбургском фронте. А вас я и знать не хочу! Мы идем защищать свою родину.

— Разве для советского гражданина не одинакова земля советская, разве не вся она — его родина?

— Я не нуждаюсь в лекциях на тему о воинском долге русского оф... командира!

Не говоря больше ни слова, Чернышов протянул письмо Полторацкого. Командир полка, даже не взглянув на письмо, бросил его на платформу.

Мавы бережно поднял листочки и, с ненавистью глянув на того, кто их бросил, что-то прошептал Чернышеву. На этот раз Иван Тимофеевич отрицательно покачал головой. Он полностью разделял возмущение простодушного Мавы, но не мог, решиться на крайние меры против явного изменника, не выяснив настроения всего полка. Он не знал и не мог знать, что командир полка, выполняя приказ Осипова, стремился перейти на сторону белых с оружием в руках и из этого оружия открыть огонь по красногвардейцам. Видел он только одно: силой тут ничего не сделаешь. Открыть второй фронт в Чарджоу значило бы ослабить весь фронт против белых. Но еще опаснее было пропустить к белым хорошо вооруженный полк, который завтра же мог повернуть свои орудия против советской власти.

Эти мысли в одно мгновение пронесли в его голове. Глаза его в то же время испытующе остановились на лице молча стоявшего комиссара полка — коренастого человека в солдатском обмундировании, очевидно выдвинутого из рядовых. Комиссар с явно недовольным видом хмуро поглядывал на своего командира.

Тогда Чернышов решился. Он подошел к Тыжденко и тихо отдал ему какое-то приказание. Алеша, взяв с собой Мавы, сейчас же исчез.

А Иван Тимофеевич обернулся к комиссару полка и протянул ему письмо Полторацкого. Комиссар с волнением стал читать его, а когда дочитал, отвернулся, чтобы скрыть слезы, выступившие на глазах. Молчание нарушил полковой адъютант, который доложил:

— Товарищ комполка, диспетчер отказывается отправлять эшелоны.

Командир полка выругался и, придерживая рукой шашку, быстро зашагал к диспетчерской. Адъютант хотел последовать вслед за ним, но комиссар остановил его:

— Пойдите. Дело тут не в диспетчере. Если даже здесь и пропустят наши эшелоны, задержат там, впереди. Раз открылся здесь фронт, надо нам обсудить свое положение.

Передайте по вагонам, чтобы все выходили на митинг.

Адъютант молча козырнул и зашагал к вагонам. Чернышов сказал комиссару:

— Спасибо, товарищ. Узнаю в вас настоящего, верного родине большевика.

— Товарищ Чернышов, — ответил комиссар, поднося руку к козырьку, — я вижу в вас старшего начальника и считаю, что наш Московский полк должен поступить в ваше распоряжение. Сейчас на митинге обсудим этот вопрос. Я прошу вас огласить письмо товарища Полторацкого. Но давайте сначала познакомимся... Меркулов Павел Георгиевич...

Они обменялись крепким рукопожатием.

Чернышов сообщил комиссару, что приказал своему комиссару Тыжденко арестовать командира полка. Затем начал рассказывать о положении в области. Тем временем солдаты и командиры полка собрались на митинг.

Меркулов и Чернышов взошли на открытую платформу, где под брезентом стояли два трехдюймовых орудия. Комиссар полка обратился к собравшимся:

— Товарищи солдаты и командиры! Наш полк встретился с неожиданным препятствием — он наехал на фронт. Здесь тоже белогвардейские офицеры, эсеры, меньшевики, мусульманские националисты подняли мятеж против советской власти. Ашхабад, Кизыл-Арват и другие города на нашем пути до самого Красноводска заняты мятежниками. Еще до отправки наших эшелонов из Ташкента выехала в Закаспийскую область правительственная делегация во главе с народным комиссаром труда товарищем Полторацким. Но она не успела предупредить мятеж. Захватив власть в Ашхабаде и Кизыл-Арвате, белогвардейские мятежники начали зверскую расправу с членами советов — большевиками, с рабочими-красногвардейцами, двинули свои отряды в сторону Мары, открыли фронт. Народный комиссар Полторацкий не успел выехать из Мары, попал в руки белогвардейцев и в ночь на двадцать второе июля расстрелян. Сейчас командующий фронтом товарищ Чернышов прочтет вам обращение товарища Полторацкого к рабочим, которое он писал в тюрьме перед расстрелом...

Чернышов начал читать письмо. С хмурыми лицами, в глубоком молчании слушали солдаты и командиры полка предсмертное обращение народного комиссара.

Сотни глаз горели огнем ненависти к подлым убийцам. Временами слышались тяжелые вздохи.

— Героической смертью, как истинный большевик, умер народный комиссар Полторацкий за дело рабочего класса и всех трудящихся, — сказал Чернышов, закончив чтение. — Почтим бессмертную память товарища...

Все вытянулись, замерли, приложив руки к козырькам фуражек. И как только комиссар сделал знак: «вольно» — тишину разорвали гневные выкрики:

— Смерть убийцам!

— Долой предателей меньшевиков и эсеров!

— Отомстим за смерть народного комиссара!

На платформу вскочил крепкий загорелый солдат, взял под козырек:

— Товарищ комиссар, разрешите...

Комиссар кивнул головой:

— Слово предоставляется товарищу Кулагину.

— Правильно, ребята! Смерть врагам революции! — горячо и громко заговорил Кулагин, взмахивая кулаком. — Только так мы можем ответить на это подлое убийство народного комиссара! Я никогда не слышал товарища Полторацкого. Но его письмо, которое он писал перед расстрелом, думая о нас, рабочих, солдатах и крестьянах, о нашей советской власти, переворачивает всю душу. Вот я слушал его предсмертные слова, и казалось мне, будто это он мне говорит, как самый близкий мой друг: «Кулагин! Я отдаю жизнь за твое будущее, за свободу и счастье таких, как ты. Я умираю. Но ты не падай духом, крепко бейся за свое будущее, за светлое будущее социализма! Беспощадно громи врагов революции! В твоих руках оружие, ты — сила. Ты смело или вперед и добейся победы!...»

Он отер глаза кулаком и продолжал:

— Товарищи! Мы должны до конца выполнить свой революционный долг. Раз и тут перед нами открылся фронт, мы должны помочь здешним красногвардейцам расколотить белогвардейскую сволочь и открыть себе путь на Красноводск. Правильно я говорю?

— Правильно-о! Верно-е! — покатилося по рядам солдат. — Рапортуй, Кулагин! Все согласны!

— А если согласны, то разрешите мне обратиться к товарищу командующему фронтом от вашего имени...

И снова со всех сторон раздались голоса:

— Давай, Кулагин! — Говори за всех!

— Твое слово — наше слово!

Кулагин взял под козырек и вытянулся перед Чернышевым:

— Товарищ командующий! Солдаты сводного Московского полка поручили мне доложить вам, что они готовы выступить в бой с врагами советской власти!

Иван Тимофеевич Чернышов, растроганный этим единодушием русских солдат, шагнул к Кулагину, обнял его и крепко поцеловал. Это еще больше взволновало бойцов. Снова раздались возгласы: «Смерть белогвардейцам!», «Да здравствует советская власть!» И тут же дружно покатилося вдоль эшелона:

— Ур-ра-а-а!

На платформу поднялся Тыжденко и, придерживая шашку левой рукой, а правую приложив к козырьку, доложил:

— Товарищ командующий, ваш приказ выполнен. Комиссар полка обратился к солдатам и командирам:

— Товарищи! Командир нашего полка выполнял приказания предателя Осипова. Он отказался выступить против мятежников. Он, как видно, хотел провести наши эшелоны в Ашхабад и там передать полк в распоряжение белогвардейского командования. А письмо товарища Полторацкого он даже не стал читать, швырнул его на землю. По приказу командующего он взят под арест.

Гулом возмущенных голосов отозвалась солдатская масса на сообщение комиссара.

— Правильно! — раздались голоса. — Пустить в расход предателя!

Дневной жар спадал, солнце клонилось к закату. Разойдясь после митинга по своим вагонам, командиры и солдаты полка стали готовиться к бою. Поступило уже сообщение, что эшелоны белых подходят к Чарджоу.

Глава шестая

С тяжелым сердцем приближался Артык к Мары. Нетерпеливо ожидая сближения с красногвардейцами, он в то же время весьма смутно представлял себе, где и как он сумеет перейти на их сторону.

Когда эшелон прибыл в Мары, солнце уже садилось. Эзиза окружили местные торговцы, баи и повезли его на той, специально устроенный в честь прибытия такого почетного гостя.

Артык, прохаживаясь по перрону, заметил, что рабочие-железнодорожники чем-то необычайно взволнованы, то здесь, то там собираются группами и возбужденно разговаривают. Направившись к ним, он увидел Дурды, который отделился от группы рабочих и поспешил ему навстречу. Артык спросил, о чем говорят рабочие. Дурды ответил:

— У них есть письмо одного большого комиссара, расстрелянного здесь белыми. Ну, вот об этом и говорят. Раскаиваются, что допустили такое дело, и упрекают друг друга.

То, что сказал Дурды, Артык не вполне понял, но эти слова взволновали и без того беспокойное сердце Артыка. Не зная сам почему, он переспросил:

— Так, говоришь, раскаиваются? — и опустил голову.

Дурды еще не видел Артыка в таком удрученном состоянии. Он считал Артыка человеком твердым, решительным, который не раздумывает и не колеблется, раз перед ним

определенная, им самим поставленная цель. А сейчас у Артыка был вид человека, побежденного в борьбе, придавленного, потерявшего цель, к которой он стремился.

— Артык, — продолжал он начатый разговор, — по-моему, ошиблись не одни только здешние рабочие, ошиблись и мы. Говоря «мы», я имею в виду не только себя. Правда, народ не по своей воле присоединился к Эзизу. В какой вагон ни заглянешь, всюду сидят люди в лохмотьях, тая в голове тяжелые думы. Эти люди пришли сюда из страха перед Эзизом. А кто такой Эзиз, этот безграмотный дикарь, возомнивший себя ханом Теджена? Не будь при нем таких, как ты и тебе подобные, разве смог бы он ввергнуть наш народ в пучину таких страшных бедствий?

Дурды говорил искренне. Но, сам того не сознавая, каждым своим словом он бил прямо в сердце Артыка. И Артык, не в силах больше выносить этих ранящих слов, крикнул:

— Довольно! — и ушел, опустив голову.

Дурды ничего не понял. «Что это с ним? Он не в своем уме», — подумал Дурды, глядя вслед удаляющемуся Артыку. Поведение Артыка несколько напугало его. Но он знал, что тот, если даже в ком и заподозрит врага, не пойдет доносить, а сам примет меры.

Не находя нигде покоя от тяжелых дум, Артык часов в одиннадцать ночи снова вышел из штабного вагона и стал ходить вдоль эшелона. Лязг буферов, свистки паровозов, крики солдат, уезжавших на фронт, еще больше угнетали его. От непривычного шума и паровозной гари начинала болеть голова. Не зная, куда идти и что делать, Артык повернул к своему вагону и как раз в этот момент увидел человека, вылезающего из-под буферов. Человек этот озирался, как будто искал кого-то. Заметив Артыка, он, все так же оглядываясь по сторонам, направился к нему. В темноте Артыка разглядел чернобородое лицо незнакомого туркмена.

— Скажи, джигит, это эшелон Эзиз-хана? — спросил человек на марыйском наречии.

— Да. Тебе нужен Эзиз-хан?

— Нет, мне нужен другой. Может быть, ты его знаешь?

— Если он в этом эшелоне, то наверняка знаю.

— Я... хотел видеть Артыка Бабалы.

Артык с удивлением посмотрел на незнакомца, который как будто опасался расспрашивать о нем.

— А зачем тебе нужен Артык Бабалы?

— Мне надо передать ему кое-что.

— Артык Бабалы — я.

Чернобородый приблизил к лицу Артыка внимательные глаза, словно желая убедиться, что его не обманывают.

— Ты из тедженских русских кого-нибудь знаешь? — тихо спросил незнакомец.

Артык, забыв про всякую осторожность, не задумываясь, ответил:

— Знаю Ивана Чернышева.

— Иван передает тебе привет и...

Артык так порывисто схватил чернобородого за плечи, что тот испуганно вздрогнул. Артык успокоил его:

— Не опасайся меня. Кто ты?

— Меня зовут Карагез-ишан.

— Где ты видел Ивана?

Карагез-ишан еще раз осмотрелся кругом, потянул Артыка в тень и рассказал все, что произошло в Мары и Байрам-Али. Упомянул он и о том, что Куллыхан находится в поезде Ивана под арестом и будет отдан под суд. На вопрос Артыка, что же просил передать Иван, Карагез-ишан ответил:

— Иван все время с сожалением вспоминает о тебе. Он говорит, что пора тебе обдумать и понять, кто же защищает власть народа. Твой друг Алеша Тыжденко тоже считает, что ты не враг советской власти. Они требуют, чтобы ты вернулся к народу...

Артык молчал, словно прислушиваясь к голосу своей совести. Вдруг он спросил:

— А что говорит Ашир?

— Ашир?
— Ты что, не видел его?
— Нет.
— Почему же?

— Иван Чернышов оставил его в Теджене. Аширу поручено вести агитацию среди дейхан, поднимать их на защиту советской власти. Он должен был повидать и тебя.

— Эх, жаль, я не знал об этом... Если бы я встретился с Аширом, мне удалось бы остаться со своей сотней в Теджене. Ты передай Ивану: против советской власти я воевать не буду. Перейду на его сторону вместе со всеми своими джигитами, как только найду для этого подходящее время и место...

Артыку вдруг показалось, что из-за соседнего эшелона кто-то наблюдает за ними. Взяв за руку, он отвел Карагеца на другое место, и все же его не оставляло ощущение, что следившие за ними глаза не упускают их из виду. Он поторопился закончить разговор и предложил проводить Карагеца между эшелонами. Но Карагез отказался от его помощи, заявив, что одному легче проскользнуть незаметно. Распрощавшись с Артыком, он нырнул под вагон и исчез.

Было уже за полночь. Артыку не хотелось встречаться с Эзизом, который еще гулял в городе с баями. Пройдясь еще раз по перрону, он направился спать в вагон, где помещались его джигиты.

А тем временем Карагез-ишан неподалеку от вокзала был захвачен белогвардейцами. При нем нашли копии письма Полторацкого. Уже одного этого для них было достаточно, чтобы расстрелять туркмена как агента большевиков. Однако им важно было узнать, кто связан с большевиками в эшелоне Эзиз-хана, и начальник контрразведки решил передать арестованного в распоряжение Эзиза, чтобы тот сам произвел суд и расправу.

В штабной вагон Карагез-ишана привели около двух часов ночи. Эзиз в сопровождении марыйских баев только что вернулся с праздника. Баи сейчас же узнали мусульманского депутата в совете.

Эзиз отпустил марыйских баев и принял арестованного от контрразведчиков. Советники, старейшины и адъютанты уже спали. С Эзизом оставались лишь два нукера его личной охраны и его слуга Пеленг.

Мягко поговорив с Карагез-ишаном, Эзиз приказал Пеленгу:

— Проводи его от собак.

Карагез был невероятно удивлен таким благополучным исходом дела. Когда его вели к Эзизу, он с ужасом думал о том, что его ждет. Но все же ему не понравились слова: «Проводи от собак». Какие же собаки тут, вокруг эшелонов? «Или Эзиз назвал собаками белогвардейцев?.. А может быть, меня хо--тят...» - подумал было Карагез, но так и не решился додумать до конца. Его большие глаза с беспокойством остановились на красноватом, непроницаемо-равнодушном лице Эзиза.

— Хан-ага, спасибо, я сам дойду, — глухо проговорил он.

Эзиз многозначительно улыбнулся:

— Ишан-ага, время военное, тревожное, всего можно ожидать... Лучше всего джигит проводит... и от собак проводит.

Опять это «от собак проводит». Что за странные слова? Как их понять?

— Хан-ага, я... я не боюсь собак.

— Ишан, собаки бывают опасны. Не вредно их поостеречься. — Эзиз посмотрел на Пеленга, ожидавшего приказаний. — Отведите!

Слово «отведите» показалось Карагезу еще более страшным, чем «проводи от собак». Он продолжал стоять перед Эзизом, не в силах двинуться с места. Пеленг подтолкнул его:

— Ну, шагай вперед!

Карагез хотел еще что-то сказать Эзизу, но тот гневно рывкнул:

— Пеленг!

Огромный верзила схватил Карагеца за плечи своими ручищами и вытолкнул в коридор,

а вслед за тем прикладом ударил его в бок...

Карагез-ишана больше никто не видел.

Когда на следующую ночь войско Эзиз-хана прибыло на разъезд Барханы под Чарджоу, там уже стояло более десяти эшелонов. Конницу и пехоту выгрузили из вагонов. Остывшие к утру барханы покрылись двигающимися во всех направлениях черными точками. Все кругом было полно движения и суеты.

«Зачем столько войска? — подумал Эзиз, оглядывая невиданное для песков Кара-Кумов скопление людей. — Если бы поручили мне одному, неужели я сегодня же не взял бы Чарджоу?» Ему не терпелось поскорее достичь Бухары, и он не прочь был сейчас же послать гонцов к эмиру, если бы не боялся испортить отношений с белыми союзниками.

Перед рассветом белогвардейские части двинулись на Чарджоу. Эзиз, его помощник Мадыр-Ишан и адъютанты сели на коней. Эшелоны опустели. На разъезде остались только старейшины, повара и караул.

Едва стало светать, как над Чарджоу загремели орудийные выстрелы с бронепоезда белых. Ему ответила пулеметная и ружейная пальба. Жители города в испуге заметались по улицам. Майса с растрепанными волосами выбежала из дому, закричала:

— Мавы! Мавы!..

В грохоте пальбы голос Майсы почти не был слышен. Только Анна Петровна, выйдя за ней, откликнулась на ее крик:

— Майса, что ты? Разве в такое время Мавы будет сидеть дома!

— А что мне делать без Мавы?

— А что мне делать без Ивана? Не теряй головы, может, и нам придется помогать, если, не дай бог...

Анна Петровна не успела договорить. Неподалеку разорвался шрапнельный снаряд. Обе бросились в комнаты. Страх заставил Майсу на время забыть Мавы.

Мавы был в это время в цепи.

Первый орудийный выстрел с бронепоезда заставил и его вздрогнуть. Но он быстро овладел собой и, как только вдаль появились наступающие цепи белых, стал спокойно целиться в перебегавшие с места на место фигурки людей, выпуская пулю за пулей.

Орудийная и ружейная стрельба разрасталась. Неожиданно для белых на орудийный огонь с бронепоезда отозвались громоподобные залпы со стороны красных. Это открыла огонь батарея Московского полка.

Возле разъезда Барханы в тени саксаула лежали советники Эзиза и аульные старейшины. Анна-Курбан Юмургачи, облокотившись на папаху, говорил:

— Да, наши сегодня, конечно, возьмут Чарджоу. А вечером мы двинемся в пределы благородной Бухары... Если будет на то воля аллаха, Эзиз-хан встретится с бухарским падишахом. .

Гарры-Молла поджал голые ноги, пряча их под халат от горячих солнечных лучей, рукавом вытер пот с лица и заговорил в свой черед:

— Я думаю, что и бухарский падишах склонит шею перед могуществом нашего хана. Ты слышал? На спине Эзиза, говорят, есть след десницы пророка.

Лежавший в стороне Дурды с мрачным видом слушал, удивляясь невежеству и скудоумию советников Эзиза.

Юмургачи продолжал:

— Говорят, у людей, на которых всевышний обратил свой взгляд, бывают такие приметы, как у Искендера Зюлькарнейна (Искендер Зюлькарнейн — Александр Македонский), у которого на голове были рога. Говорят, когда Эзиз-хан ночью бывает в пути, над его головой горит факел и освещает ему путь. Даже пули его не берут.

— Если б пуля брала его, он должен бы давно умереть.

— Говорят, пуля, летящая на него, скатывается ему в подол или сворачивает в сторону с визгом...

Дурды не мог понять, куда он попал. Если судьбу народа будут решать подобные люди,

разве не ясно, что все погибло? Что можно придумать хуже этого? Дурды вспомнил, как Артык обрезал его, когда он пытался объяснить ему это; как ушел от него, ни слова не говоря. Что же думает Артык? На что надеется, идя с этими сеятелями невежества и мрака?

Артык в это время, обогнув город с юга, повел свою сотню вдоль Амударьи к железнодорожному мосту, надеясь соединиться с красногвардейцами. Дорогу ему неожиданно перерезали наступающие цепи белогвардейцев. Артык подумал, что весь город перешел в руки белых, повернул назад и до темноты держал сотню в кустарниках на берегу реки.

В полдень большая часть города действительно находилась уже в руках белых. В штаб Чернышева одно за другим приходили донесения о больших потерях. Бой разгорелся вокруг железнодорожного депо. Некоторые командиры советовали отступить.

— Мы почти окружены, — говорили они. — Остается свободным только путь через мост. К чему без пользы губить людей? Оставим город. Надо перейти через Амударью в Фараб, иначе все попадем в плен.

Но Иван Тимофеевич твердо отклонял эти советы. Каждому, кто приходил к нему с предложением отступить или заключить перемирие, он отвечал одно:

— Стыдно говорить об отступлении или о перемирии. Мы именно здесь должны нанести белым удар. Запрещаю отступать. В Фараб уже прибыл Казанский полк. Если продержимся еще полчаса, он подоспеет.

И действительно, Казанский полк подошел. Это был один из первых сформированных в Ташкенте полков регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Красноармейцы быстро выгрузились из вагонов, открыли сильный огонь из пулеметов и сразу же пошли в атаку. Белые дрогнули и начали отступать.

Эзизу удалось вывести свою конницу из-под губительного огня. Он ушел берегом Амударьи, захватив и прятавшуюся в кустарниках сотню Артыка. Но его пехота была разгромлена.

Черкез, держа под мышкой берданку, бежал с одной улицы на другую. Он не знал города и путался здесь. Убегая от смерти, он бежал навстречу ей. Когда он повернул к реке, в грудь ему ударила пуля. Он зашатался, уронил ружье и опрокинулся на спину.

Мавы подбежал к нему, и, узнав, приподнял голову старика с земли. Но голова повисла как тыква, у которой завяла плеть. Помертвевшие глаза Черкеза как будто узнали Мавы, пересохшие губы шевельнулись. Мавы разобрал только два слова «Мавы, Чары...» Глаза Черкеза снова видели сына. Вот он, провожая отца, бежит вдоль железнодорожной насыпи и кричит: «Отец!..» Но когда Черкез хотел позвать его: «Чары, сын мой...» — язык уже не повиновался. Глаза закрылись.

С тяжелым сердцем наблюдал Мавы эту бессмысленную смерть старика. Больно было сознавать, что Черкез, которого так любили дейхане, к голосу которого всегда прислушивались, погиб не в борьбе за народную власть, а в рядах врагов народа. На какую-то минуту вспомнились Халназар, аульные баи и Эзиз-хан — это бедствие народное. Мавы еще крепче сжал в руках винтовку и побежал дальше.

За углом он увидел толстяка Покги, который метался по улице, как сурок, потерявший нору. Мавы остановился в нерешительности. Он считал, что стрелять хотя бы и в вооруженного, но знакомого и растерявшегося человека нехорошо, и решил взять мираба в плен. Но когда он подбегал к нему, Покги Вала выстрелил, пуля чуть задела Мавы. Поняв, что врагу нельзя оказывать милосердия, Мавы нажал спусковой крючок. Выронив из рук берданку, Покги упал на спину, как опрокинутая черепаха.

Солнце склонялось к закату. Стрельба прекратилась. Советники и старейшины Эзиза, лежа на песке возле разъезда, подумали: «Наши взяли город!» Но когда они поднялись на вершину бархана, то увидели беспорядочно бегущую со стороны города толпу эзизовских нукеров.

Глава седьмая

Аширу, оставшемуся в Теджене по поручению Ивана Тимофеевича, не удалось увидеть Артыка. Была уже глухая ночь, когда он доехал до Ак-Алана. Он оставил коня в пересохшем русле канала и, стараясь, чтобы ни человек, ни собака его не заметили, пробрался к окраине аула. Вдруг перед ним кто-то прячась, как и он, перебежал дорогу и прыгнул в сухой арык. Ашир притаился за арычным валом, но вскоре успокоился: человек, пригибаясь, побежал по арыку в противоположном направлении, в степь. И тут произошло что-то непонятное: аул наполнился криками, топотом, визгом.

Оказывается, за несколько минут до этого в одну из кибиток явился непрощеный... зять. Его молодая жена, по обычаю, через месяц после свадьбы вернулась под родительский кров. До полной выплаты калыма молодым не полагалось встречаться. Увидя, что его обнаружили, зять сбежал. Его-то и испугался было Ашир.

Следом за нескромным мужем побежали с палками братья и отец молодой жены. Вместо нарушителя обычая они настигли Ашира и бросились к нему. Ашир чуть было не попался к ним в лапы. Один парень уже схватил его за плечи, но Ашир сбросил его и пустился бежать. Попавшая в спину палка сбила его с ног. Он упал, но тут же поднялся и опять побежал. Четыре-пять человек да аульные собаки погнались за ним. Людей Ашир быстро оставил позади, но с собаками было труднее; они то забегали вперед с остервенелым лаем, то сзади хватили за ноги. На шум выскочили из своих шалашей и кибиток нукеры Эзиза, несколько человек сели на коней. Наконец, Ашир, продравшись сквозь заросли колючек на дне арыка, ухватился за коня. Когда он вскочил в седло, сзади раздались выстрелы. Он ударил коня плетью и исчез в темноте.

На другой день Эзиз со всем своим войском уехал на фронт. В Теджене остался лишь небольшой отряд его конницы для несения караульной службы. Для Ашира открылась возможность свободно ходить по аулам, агитировать дейхан за советскую власть.

Прежде всего Ашир направился в свой аул. Еще издали увидел он на пшеничном поле жнецов. Их было очень много — так много, что издали склонившихся над невысокой пшеницей людей можно было принять за поникие и редкие в засушливый год стебли подсолнухов. Ашир понял, что это — евар, помощь, устроенная для уборки урожая на поле кого-нибудь из дейхан. Издавна существовал у дейхан этот хороший обычай — помогать человеку, оставшемуся в своей семье без помощников.

Сегодня собравшиеся на евар жали пшеницу на поле старого дейханина, сын которого ушел на фронт по эзизовской мобилизации. Люди работали быстро, подзадоривали друг друга и жали гораздо старательнее, чем делали бы это на своем поле. По всему полю звучали веселые голоса, раздавался смех. Старые женщины кипятили для жнецов чай, готовили пищу.

Солнце уже высоко поднялось над землей, пришло время передохнуть, подкрепиться едой. Жнецы собрались под ветхим навесом, где прогнившая соломенная крыша местами пропускала солнечные лучи. Рассевшись на разостланных под навесом старых одеялах и рваной кошме, усталые, потные люди потянулись к пиалам, к чайникам. Бросали короткие, шуточные замечания. Но вот появился под навесом Ашир — и все радостно приветствовали его. Давно исчез человек из аула — то ли ушел с красногвардейцами в Мары сражаться за советскую власть, а может, стал жертвой кровавых расправ эзизовских нукеров... Сары, распоряжавшийся сегодняшним еваром, усадил Ашира на почетное место. Некоторое время дейхане подшучивали над Аширом, над тем, что он сначала стал «русом», потом большевиком, а теперь снова нарядился в дейханское платье.

Больше всех, как всегда, хохотал Гандым. Но вдруг он умолк и, серьезно уставившись на Ашира, сказал:

— Ашир, говорят, ты хлопнул хромого мирзу по горбатой спине и затолкал в красный вагон. Это правда?

— Гандым-ага, — улыбаясь, ответил ему Ашир, — ты не смотри, что я в дейханской одежде. Я — солдат Красной Армии. Что мне прикажет командир, то я и должен делать. Это

мой долг.

— А вдруг командир прикажет тебе расстрелять хромого мирзу? Тогда как?

- Если военный трибунал вынесет такой приговор и выполнять его прикажут мне, я не стану раздумывать.

— Я всегда верил в тебя. Если и мне дадут в руки оружие, я тоже не остановлюсь ни перед чем... Да, а почему же ты здесь разгуливаешь, почему не сражаешься на фронте?

— Тоже по приказу нашего командования...

Сары, видя, что этим расспросам Гандыма не будет конца, вмешался в разговор:

— Ты молодец, Ашир! — сказал он и обратился к Гандыму: — А ты, дядюшка Гандым, вот что должен понять: сейчас судьба народа решается не только на фронте. Вот мы здесь убираем хлеб. А ведь зерно в руках дейхан — тоже оружие. Оно может служить им на пользу или во вред. Если мы будем слушать наставления Мамедвели-ходжи, нам придется ссыпать зерно в бездонные амбары Эзиз-хана. Тогда труды дейханина за целый год пропадут и пахарь будет побит своим же оружием.

Люди внимательно слушали, что говорил Сары, и возмущенно отозвались на его слова:

— Яд вместо зерна черноглазому ходже!

— Царь брал по одному человеку от пяти кибиток на тыловые работы, а Эзиз забрал столько же людей и погнал их на убой!

— Для народа Эзиз-хан страшнее царя!

Горестно прозвучал голос старика, которому помогали убирать поле дейхане:

— Да, вот и моего сына забрали. И кто знает — вернется ли?

Сары заметил, как загорелись глаза у Ашира, как беспокойно задвигался он на месте, и понял, что ему не терпится поскорее высказать свои мысли.

— Люди, — обратился он, к дейханам, — Ашир лучше нас знает, кто поднял эту войну, кому она нужна и выгодна. Давайте-ка послушаем его!

Все затихли, и Ашир начал не спеша говорить.

— Земляки, — заговорил он, обводя дейхан серьезным взглядом, — мало сломать хребет гадюке, надо ей и голову разmozжить, иначе укусит. Для победы народа мало, оказывается, свергнуть царя и правительство капиталистов, баяр, ханов и беков. У них остались и дядюшки и племянники, их верные слуги — офицеры, чиновники, эсеры, меньшевики. Все эти люди, как свора злых, голодных собак, ждали только удобного момента, чтобы напасть на молодую советскую власть. Заручившись поддержкой иностранных государств, они в некоторых местах большой страны подняли вооруженный мятеж. Эсеры, белые офицеры и наши туркменские националисты подняли такой мятеж и в Ашхабаде. Туркестанский Совет Народных Комиссаров не хотел кровопролития. В Ашхабад приехал его чрезвычайный комиссар товарищ Фролов, чтобы установить порядок мирным путем. Но засевшие в Кеши (Кеши — пригород Ашхабада) Ораз-Сердар и Нияз-бек не захотели явиться к товарищу Фролову для переговоров. А когда Фролов сам пришел к ним, они отказались разговаривать с ним, как с представителем советского правительства, — мы, дескать, сами правители области. Фролову оставалось одно: заставить мятежников подчиниться силой оружия. И вот, когда в сторону холмов Кеши было сделано для острастки несколько пушечных выстрелов, эти «правители» и их пошчи разбежались, как перепуганные цыплята...

Молодой дейханин усмехнулся:

— И в наш аул притащился один из этих пошчи — хочет продать и коня и оружие!

— А в Кызыл-Арвате комиссар Фролов попал в расставленные для него сети. Мятежники схватили его, выкололи ему глаза и изрубили саблями; золотоволосую голову и груди его жены пронзили штыками...

— Ох, палачи!

— Захватив власть в Кызыл-Арвате и в Ашхабаде, они так же зверски расправились с большевиками — членами советов и комиссарами. После этого мятежники начали войну против советской власти, двинулись по железной дороге на Теджен и дальше, в сторону

Мары. Но это еще не все. Мятежники не осмелились бы начать войну против народной власти, если бы их не поддерживали англичане. Как я слышал, английские войска идут им на помощь из Ирана и уже вступили на нашу землю. Вот какие дела, дейхане. Если придут сюда войска англичан, не останется у вас ни зерна, ни сыновей, ни свободы, ни чести. Иноземный враг высасывает из захваченной им страны все соки жизни, несет народу нищету, голод, слезы...

— Упаси аллах от такой беды!

— На аллаха надейся, а ослика все же спутай покрепче! — ответил Ашир народной поговоркой и, взяв в руки пиалу, начал отхлебывать из нее полуостывший чай.

Сары воспользовался этим, чтобы подкрепить сказанное Аширом.

— Когда я сидел в ашхабадской тюрьме, — заговорил он, прерывая молчание, — там у нас в камере был один старик, житель Индостана. Много рассказывал он о своей стране, захваченной англичанами. Там англичанин — и царь и бог. Даже простому солдату английского короля индусы должны кланяться в ноги. А о себе самом рассказывает он так: «Я, говорит, тоже дейханин, всю жизнь пахал землю. За неуплату долгов и налогов помещик отнял у меня и землю и воду. Продали с торгов и домишко. Сын работал на фабрике. Не поостерегся, сказал лишнее слово, и английский судья осудил его на каторжные работы. А дочь обесчестил английский чиновник, и ее бросили в дом терпимости. Остался я один, но и одного себя прокормить не мог: случалось, работал грузчиком, а больше ходил голодным. И решил покинуть родину. Да, видно, уж если опутают тебя силки несчастий, вырваться из них трудно. Пришел сюда — посадили в тюрьму...» Вот что такое власть чиновников английского короля, — закончил свой рассказ Сары. — Горька судьба у этого старика индуса, да и не только у него. Весь народ Индостана, как понаслышался я, стонет под ярмом английских чиновников, плантаторов и фабрикантов. И вот теперь думаю: если англичане захватят нашу страну, то для нас наступят, пожалуй, еще более тяжкие времена, чем при власти царских баяр и чиновников.

— А чтобы этого не случилось, — подхватил Ашир, — мы, дейхане, должны поддержать большевиков, партию Ленина. Противостоять иноземному врагу мы сможем только с помощью русского народа. Проклятье изменнику Эзиз-хану, мы должны обессилить его!..

— Как обессилить?

— Каким путем?

— Каким оружием?

— Всем народом! У народа есть такая сила, что возьмется он за землю — земля обратится в золото, возьмется за палку — и палка станет грозным оружием. Если весь народ поднимется на врага, перед ним ничто не устоит... Как ни страшен враг, а не сломить ему стальной силы советского народа, который поднялся на борьбу за свою народную власть. Мятежники будут разбиты. А если вы, дейхане, откажетесь повиноваться Эзиз-хану и будете помогать советской власти, то и победа наступит скоро. Я пришел к вам, земляки, не просто так, повидаться. Меня послал председатель нашего совета Иван Чернышев. Он просил передать вам, чтобы вы не падали духом из-за того, что совет и рабочие-красногвардейцы временно отступили в сторону Мары. «Пусть, говорит, дейхане помогают нам, чем смогут помочь. Мы, говорит, верим в их преданность советской власти, полагаемся на них, как на своих братьев, и будем, не щадя жизни, биться с врагами народа. При поддержке народа разгромим мятежников и скоро вернемся», — так он сказал. Вот поэтому я и говорю вам: всем дейханам надо подняться на защиту своей, народной власти. Ведь только при советской власти увидели дейхане свет справедливости. Такую власть надо беречь как зеницу ока. Со всех сторон раздались голоса:

— Правильно говорит Ашир.

— Его слова — наши слова.

— Мы сами и виноваты в том, что мятежники взяли верх.

— А ведь, ей-богу так! Сары, допивая чай, молча слушал, а затем сказал:

— Верно... Если бы все поднялись, разве удалось бы эзизовцам забрать у одного сына, у другого брата, у меня племянника? И угнали-то наших ребят какие-то пять паршивых конников Эзиз-хана. Надо было прогнать их из аула. Что такое Эзиз перед всем народом? По правде говоря, мы же сами и создали ему славу... Дали обмануть себя разными обещаниями, дали ему силу, — обманутый Артык вон и до сего времени ему служит, — а эта сила против нас же и обернулась. Всему виной наше неумение действовать сообща, защищать свои права... Но лучше поздно, чем никогда. Как говорит Ашир, и теперь еще не поздно помочь советской власти. Так давайте же действовать. Откажемся платить налоги проклятому хану! Придут эзизовские сборщики налогов — прогоним их из аула, спустим на них собак! Потребуем возвращения наших ребят с фронта, будем делать все для того, чтобы лишить силы наших врагов!

Слова Сары взволновали людей. Возбужденно зашумели дейхане:

— Пусть только Мамедвели-ходжа сунется требовать ханский налог — я заверну ему халат на голову! (Тонким халатом накрывали голову женщины)

— А ханскому сборщику налога я вобью зубы в глотку!

— Назначим нашим старшим Сары-ага!

— Правильно! Тогда не будет кидаться на нас всякий щенок!

— Ашир, возьми меня к себе в нукеры!

— Ашир, и я твой товарищ!

— И я!..

Выйдя на поле, жнецы так горячо принялись за работу, что казалось, они не колосья срезали своими серпами, а сражали врага. Над полем звучала песня.

Ашир ходил из аула в аул, проводил беседы с дейханами, и «нукеров» у него становилось все больше. Но не умолкал и голос Мамедвели-ходжи. Он тоже вел свои назидательные беседы в аулах, читал проповеди против советской власти и таких «безбожников», как Ашир, превозносил имя Эзиза. Тедженского хана и его белых союзников он изображал как главную опору ислама.

— О чистые сердцем рабы аллаха! — тянул ходжа писклявым голосом, широко раскрывая слюнявый рот. - Когда люди впадают в греховные заблуждения, когда они, следуя за безбожниками, пренебрегают истинной верой и шариатом, аллах обрушивает на них свой гнев. Мы переживаем теперь такое страшное время... Большевики отрицают единство бога и божественную силу пророка. Советская власть, отвергая коран, лишает богатства тех, кому даровано оно волей аллаха, заставляет женщин снимать халат с головы и яшмак со рта. Но налетает на поля саранча — появляются и скворцы, истребляющие ее; распространяется среди людей яд неверия — всемогущий аллах дает нам и противоядие. Против ужаса безбожия по воле аллаха создано справедливое правительство, преуспевает в делах защиты ислама наш Эзиз-хан. Однако есть еще в народе безбожники, шпионы большевиков. Взять хотя бы того обрусевшего, никогда не принимавшегося в счет уважаемых людей Ашира Сахата. Он старается отравить разум народа ядом своих безбожных речей. А я, как потомок пророка, именем аллаха призываю вас: не верьте словам вероотступников. У того, кто сражается за ислам, кто убивает подобных Аширу безбожников, покроется листвою и сухая палка... Эзиз-хан нынче на фронте, завтра он вернется, и тогда не сносить головы таким вероотступникам, как Ашир.

Проповеди ходжи сильно вредили работе Ашира. Неграмотных, темных людей пугали заклинания именем аллаха, пугал гнев Эзиз-хана. Надо было как-то заставить ходжу прекратить свои проповеди.

Как-то ночью Ашир приклеил себе усы, удлинил ресницы и брови и, нарядившись в форменную одежду нукера Эзиз-хана, пришел к Мамедвели-ходже. Он заявил, что послан из Ак-Алана расправиться с Аширом Сахатом и для тайного разговора повел ходжу в поле.

Аул уже спал. Свидетелем того, что произошло в пересохшем русле арыка, где уселись собеседники, была лишь луна, только что поднявшаяся над краем земли. Ашир дружески и проникновенно говорил ходже о необходимости жестоко расправиться с врагами ислама. И

вдруг он схватил ходжу за горло, опрокинул его навзничь и сел на него верхом. Ходжа захрипел, тонкие ноги его задергались в предсмертной судороге. Видя, что Ма-медвели потерял сознание, Ашир разжал пальцы и задумался: «Что пользы от того, что я прикончу этого жалкого прислужника баев и Эзиз-хана? Ведь завтра же всем станет ясно, что я убил ходжу за его проповеди против меня. Мести Эзиза я не боюсь. Но мне не скажут спасибо еще несознательные, не утратившие веры люди. Кое-кто, может быть, и возненавидит меня. А проводить в народе агитацию за советскую власть станет еще труднее...»

И Ашир отказался от намерения убить Мамедвели-ходжу. Когда тот немного пришел в себя, он пристально посмотрел на него и спросил:

— Ты узнаешь меня?

Трудно было узнать Ашира в облике усатого эзизовского нукера, но Мамедвели понимал, что только Ашир Сахат мог схватить его за горло.

— А... А... Ашир-джан... — заговорил он, заикаясь.

— Так, значит, у моего убийцы покроется листвой и обожженная палка?

— Я... я... со всеми моими пра... пра... праотцами... поступал неправильно!

Ашир снова взял ходжу за горло, но душить не стал, а только встряхнул его голову и сказал с презрением;

— Ты, нечисть! Я вот здесь, где ты лежишь, могу приготовить из тебя ужин шакалам. Но я не такой кровожадный, как ты. Мне противно пачкать руки в твоей грязной крови. Однако, если ты и впредь будешь читать свои гнусные проповеди против советской власти, то знай: тебе придется сдать то, что взял ты во временное пользование! (То есть отдать душу)

— Я... я... теперь я нигде не буду читать проповедей. Клянусь аллахом!.. Ашир-джан, хочешь — я буду выполнять твои поручения? Народ поверит моему слову.

— За кого ты считаешь народ? Кто поверит тебе, если ты станешь сегодня защищать человека, которого вчера чернил? Какой дурак волку доверит стадо? Плевать мне на пользу, которую может принести твое лицемерие... Повторяю: если будешь вредить советской власти — не потерплю. Вот этого не забывай! — угрожающе проговорил Ашир и, поднявшись на ноги, спокойно зашагал в аул.

После этого Мамедвели-ходжа надолго прекратил свои проповеди и почти не выходил из дома.

Глава восьмая

Двенадцатого августа, оставив товарища с лошадьми и оружием в кустарниках за городом, Ашир переоделся в халат простого Дейханина и пошел в город выяснить положение. Ему сразу бросилась в глаза растерянность, царившая среди баев и торговцев. Купец Котур все свои наиболее ценные товары спешно перевозил со склада в аул.

Повсюду слышались тревожные разговоры.

— Ахальские джигиты уже удрали в Ашхабад...

— Фронт из Чарджоу передвинулся в Байрам-Али. Большевиков теперь не остановишь...

— Говорят, белые в эту ночь заявятся в Теджен...

— Конец меньшевикам и эсерам...

Эти новости окрылили Ашира. Придя на вокзал, он увидел санитарный поезд, переполненный ранеными, и большой эшелон с классными вагонами. Штаб белых, оказывается, уже прибыл в Теджен.

Толстопузый Ораз-Сердар утешал встретивших его на вокзале баев:

— Уважаемые, возвращение нашего штаба в Теджен ничего не означает. Не подумайте, что мы разбиты. Ввиду того, что наши основные силы еще не прибыли, мы не хотим держать фронт в безводных песках под Чарджоу. Мы намеренно оттянули наши части в Байрам-Али, где есть вода и много хлеба, а большевиков оставили в пустыне. От Байрам-Али фронт не

двинется ни на шаг!

Ораз-Сердар воинственно потряс саблей в подтверждение своих слов. Ашир не поверил в его хвастливое заявление, но то, что сказал дальше командующий белым фронтом, заставило его насторожиться.

— Почтенные господа! — важно приосанясь, продолжал Ораз-Сердар. — Самое могущественное государство в мире, наша союзница Англия прислала нам на помощь свои храбрые войска. Через несколько минут вы сами увидите здесь их первый эшелон. Теперь мы не оставим большевиков не только в Байрам-Али и Чарджоу, но и в самом Ташкенте!..

Со стороны Ашхабада действительно появился поезд. Ораз-Сердар прервал беседу с баями и заковылял на кривых ногах к офицерам своего штаба. Через несколько минут поезд с грохотом подошел к вокзалу и остановился у перрона.

Ораз-Сердар встретил англичан с развернутым знаменем. Представитель английской миссии и начальник эшелона, выйдя из вагона, дружески поздоровались с ним, но держали себя, как старшие. Один из них, плотный, в белом костюме и пробковом шлеме, со стекляшкой в глазной орбите и стэкком в руке, вынул из белой перчатки розоватую руку и, протягивая ее, представился:

— Кэптэн Джонс.

Командир пулеметного батальона — высокий, худощавый человек лет сорока, в шляпе, френче, обмотках цвета хаки и такого же цвета рубашке с отложным воротником — не стоял перед Ораз Сердаром в положении «смирно», как полагалось стоять перед старшим, а расхаживал, задрав голову и бросая короткие и отрывистые, как птичий клекот, слова.

Ашир внимательно осмотрел эшелон. В теплушках вертелись, кусая друг друга, хорошо упитанные мулы. Половина эшелона состояла из платформ, груженных легкими полевыми орудиями и пулеметами. Особое внимание Ашира привлекли вооруженные одиннадцатизарядными винтовками индусы в коротких штанишках и рубашках с короткими, по локоть, рукавами — черные, с пропыленными лицами, на которых белели только зубы да белки глаз. Увлечшись, он не сразу заметил человека, который дважды прошел мимо него, осматривая его с ног до головы. Пройдя шагов десять, человек снова повернул обратно и, подойдя к часовому, стоявшему у бокового выхода с перрона, что-то сказал ему. Ашир почувствовал, что навлек на себя подозрение. Стараясь не выдавать своего беспокойства, он с безразличным видом прошел в самый конец перрона и смешался с толпой дейхан, глазевших на диковинных солдат англо-индус ской армии.

Дейхане удивленно покачивали головами:

— Гм, ей-богу, что это — войско?

— Невиданное дело! А может быть это эжит-межиты (Эжит-межиты (*араб.*) - антимусульмане), оборотни?

— Видно, в их стране не хватает материи.

— А что ж, отрежь пару рукавов — жене шаровары.

— Погляди на штаны: как бараньи курдюки, еле зад закрывают.

— Интересно, сами они понимают свое бормотанье?

— Животные — и те свой язык понимают, а они все же люди.

— По-моему, они из Хиндустана.

— А ты видел Хиндустан?

Безбородый дейханин посмотрел на своего бородатого соседа и усмехнулся:

— На шерстяном базаре.

Бородатый в свою очередь окинул пренебрежительным взглядом безбородого и сказал с насмешкой:

— Да, на том базаре шерсть дешево ли, дорого ли — покупают, а вот лысую кожу, говорят, и собака не лижет.

Так как безбородый задел бородатого первый, то он не обиделся на его слова и мирно продолжал: — Наверное, кто-нибудь позвал их сюда.

— Не будь дураком: дичь не зовет охотника.

- Так, по-твоему, это охотники?
- Погляди на ружья!
- Как бы не пришлось этим охотникам самим стать дичью!..

Эшелон снова загромыхал колесами, прерывая беседу дейхан. Он двинулся в сторону Байрам-Али.

Капитан Тиг Джонс остался с Ораз-Сердаром.

Появление английских войск вывело Ашира из равновесия. Срочная отправка на фронт первого же эшелона означала, что интервенты решили немедленно вступить в бой на стороне белогвардейцев. Все мысли Ашира сосредоточились на одном: хоть на время задержать следующий эшелон англичан, хоть немного помочь красногвардейцам подготовиться к встрече незваных гостей. Но он не знал, как это сделать. Кроме того, за ним явно следили, и это его беспокоило.

Ашир постоял немного, раздумывая, куда идти. Хотел было подлезть под вагон стоявшего на путях поезда, но тут же отказался от этого намерения. Нельзя было оставаться на вокзале — все расходились с перрона. В конце концов он решил, что ему как дейханину лучше всего направиться вдоль полотна железной дороги, пусть думают, что он идет в свой аул. Так он и сделал. Но возле дома Ивана Тимофеевича его догнали агенты контрразведки и, не слушая никаких объяснений, отправили в тюрьму под конвоем туркмена-милиционера.

Уже темнело. Милиционер вел Ашира тихой, безлюдной улицей. Ашир знал своего конвоира: это был человек глуповатый и очень жадный. Ашир хотел заговорить с ним, но он угрожающе направил на него дуло нагана:

- Иди, иди! Ашир не унимался:
- Ну, сегодня меня посадят, а завтра все равно отпустят. Не понимаю, какая тебе от этого корысть?.. За то, что отведешь в тюрьму, думаешь, получишь награду?
- Иди, говорю, и помалкивай!
- Наоборот, рано или поздно сволочи начальники доберутся и до тебя. Милиционер, помолчав, угрюмо сказал:
- Ты думаешь, я рад этому?
- Я бы на твоём месте, друг, совсем не служил этим белым начальникам. Нашел бы что-нибудь получше.
- Если бы не мое черное счастье, может быть, и я не служил бы.
- Вот об этом я и хотел сказать. Послушай моего совета — и будешь жить припеваючи.
- Э, нашел кого обманывать!
- Ты разве не знаешь меня? Я тебя обманывал?.. Слушай: купец Котур совсем растерялся — дал мне целый хурджун серебра, отнеси, говорит, в аул.
- Целый хурджун?
- Да. Но теперь эти деньги не достанутся ни мне, ни тебе.
- А где они?
- Видишь, что со мною их нет. Вон за тем мостом в кустах я спрятал их.
- Если я тебя отпущу, возьмешь меня в долю?
- По правде говоря, половину я тебе обещать не могу: надо же оставить и хозяину. Но можешь считать, что тысяча рублей в том хурджуне твоя.

Тысяча рублей! Конвоир в нерешительности остановился: неплохо получить такие деньги, но ведь тогда и самому придется скрываться.

Ашир подсказал ему, как выйти из положения:

— Ты возьми деньги и вернись в город. Около церкви выстрели два-три раза и скажи, что я убежал — вот и все. Кто же станет в такое время заниматься пустяками?

Подумав некоторое время, милиционер согласился отпустить Ашира, но потребовал, чтобы тысяча рублей выделена была ему немедленно.

Выйдя снова за город, они перешли железнодорожный мост и направились берегом арыка на запад. Ашир все время раздумывал, как бы сбежать. А милиционер все спрашивал:

— Ну что, не дошли?..

Аширу не терпелось завладеть наганом милиционера.

— Друг, — обратился он к своему конвоиру, — возьми сколько хочешь, но достань мне такой револьвер, как у тебя!

— Револьвер есть, только дома.

— Тогда дай этот.

— Этот нельзя. У этого номер записан. А тот, который дома, еще лучше: самовзвод.

— Говоришь — самовзвод? Самаркандский?

— Нет, такой же — наган.

— Наган? Никогда не видел такого револьвера.

Милиционер посмотрел на свое оружие:

— Наган — самый лучший револьвер.

— Ну-ка, дай погляжу.

Милиционер совсем забыл, кто его собеседник, и протянул револьвер Аширу. Тот взял его, повертел в руках, причмокивая губами от восхищения:

— Эх, вот это — оружие!

Он взвел курок:

— А теперь — если нажать?

— Не сомневайся, осечки не даст.

— А, ну тогда ложись! — и дуло револьвера направилось в грудь конвоира.

— Эй, эй! Ты с оружием не шути!

— Ложись, говорю, не то пропад!

Милиционер поднял руки, все еще не веря, что это не шутка. Но после того как Ашир ударил его ногой под колено, послушно лег лицом вниз. Шнурком от нагана Ашир связал ему руки, заткнул рот платком и, дав пинка в бок, сказал:

— Поди теперь расскажи своим хозяевам!..

На другой день ночью, взяв с собой пятерку верных людей, Ашир вышел на линию железной дороги между Тедженом и Такрымом. Теперь у него был необходимый инструмент, и он знал, как им пользоваться.

Под одним из мостов друзья расковыряли цемент, вывернули камни, перепилили брусья. Мост целиком разрушить не удалось, но выдержать тяжести паровоза он уже не мог. Как только со стороны Ашхабада показался поезд, друзья отбежали к своим коням и вскочили в седла. Поезд шел на большой скорости. Машинист заметил, что мост поврежден, но затормозить состав у него уже не было времени: паровоз опрокинулся, вагоны полезли один на другой. Раздался оглушительный взрыв. Пыль заволочла всадников. И точно в ответ со стороны Теджена послышалась орудийная канонада. Ашир с радостью воскликнул:

— Ну, теперь поганый Ораз-Сердар со своим штабом попадет к нам в руки!

Он не знал, что штабной поезд за час до этого успел проскочить в Каахка.

Еще не начинало светать. В темноте над Тедженом сверкали молнии и все больше разгоралось багровое зарево.

Ашир и его товарищи решили не возвращаться в аул. Они двинулись в обход Теджена на восток, чтобы поскорее соединиться с наступающими советскими войсками. Переезжая железную дорогу, они увидели эшелон с индусами, мчавшийся на всех парах к разрушенному мосту.

Потерпев поражение в боях за Чарджоу, белогвардейские части под ударами полков Красной Армии и красногвардейских отрядов Ивана Чернышова откатывались на запад. У Байрам-Али интервенты попробовали оказать им помощь, заняв оборонительные позиции частями англо-индусов, но на следующий же день были отброшены с большими потерями. После горячего боя советские войска заняли Мары, а через три дня были уже под Тедженом.

Ашир не ошибся. Канонада в стороне Теджена означала решительную атаку советских частей. Когда взошло солнце, Красная Армия вошла в город. Но в зарослях гребенчука,

северо-западнее Теджена, все еще шла перестрелка красногвардейцев с конницей Эзиза.

Артык со своей сотней держался в стороне. Через густой гребенчук он направился к городу, чтобы соединиться, наконец, с советскими войсками, но пулеметный огонь и ружейные залпы не дали ему возможности выйти на открытое место. Он остановил сотню и вдруг в наступающей цепи красногвардейцев увидел Алексея Тыж-денко.

— Алеша! — закричал он. Но в грохоте пальбы его голоса не было слышно.

Тыжденко со своими красногвардейцами шел на него в атаку.

Забыв о том, что он находится в гуще боя, Артык замахал рукой своим джигитам и поскакал к Тыжденко.

— Алеша, ха-у!.. — кричал он.

На этот раз Тыжденко услышал голос Артыка и, видимо, узнал его. Он крикнул своим бойцам, чтобы те прекратили огонь, и в тот же миг Артык выронил винтовку и, повалившись вперед, обхватил шею коня. Испуганный Мелекуш стал на дыбы и ринулся назад.

— Артык! Бабалы! — закричал Алеша. Артык, может быть, и слышал его голос, но повернуть Мелекуша у него не было сил. Он еле держался в седле.

Глава девятая

Эзиз, отступая вместе с белыми и англо-индусами, не раз проклял час, когда ввязался в общие действия. Теперь он окончательно убедился в правоте Джунаид-хана, который предупреждал его об опасности несвоевременного выхода на железную дорогу и потери самостоятельности. Военные операции по занятию городов, где коннице негде развернуться, а пулеметы бьют из-за каждого укрытия, — такие операции не по нему. Куда выгоднее сидеть в Ак-Алане, выжидая благоприятного поворота событий, и порой кидаться на беззащитные аулы.

Вернувшись в свое разбойничье гнездо, Эзиз отправил раненых, в том числе и Артыка, по аулам, выставил в направлении Теджена сильный заслон и вновь почувствовал себя в безопасности. У белых он взял достаточно оружия, а продовольственное снабжение своего отряда стал налаживать старым, испытанным способом. Собрав советников, ахунов, ишанов и мулл, он, расточая подарки и ласковые слова вперемежку с угрозами, заставил объявить себя верховным главой мусульман, после чего уже на правах высшего духовного лица — ахуна ахунов — издал указ о сборе с населения зеката (Зекат — подать в пользу духовенства).

Между тем положение белых было далеко не завидным. Если бы не помощь со стороны интервентов, после разгрома под Тедженом все их гнилое сооружение рухнуло бы в несколько дней. Но на Закаспийский фронт батальон за батальоном продолжали прибывать части заранее подготовленной в Иране англо-индусской оккупационной армии. Выгодные для обороны позиции под Каахкой были спешно укреплены. Тем не менее ашхабадские авантюристы не чувствовали под ногами твердой почвы. Страх перед Красной Армией, части которой сразу же, как только появились на фронте, создали перелом в ходе боев, заставил их стать на колени перед союзниками.

Девятнадцатого августа генерал Маллесон, возглавлявший миссию союзников в Иране, в последний раз принял Дохова — уполномоченного по иностранным делам ашхабадского «правительства». Дохов только недавно сменил сапоги на лакированные ботинки. На этот раз, несмотря на страшную иранскую жару, он явился к генералу в смокинге. Но размякшие от обильного пота стоячий крахмальный воротничок и манжеты уже сморщились и походили на мокрые тряпки, а белая манишка была расписана узорами пыли. Генерал не удивился необычному наряду «мистера Дохова», но с усмешкой подумал: «Мисс Элизабет оказывает на него благотворное влияние». Ему было известно, что Дохов большую часть времени и почти все деньги, получаемые из Ашхабада на дипломатическое представительство, тратил на кутежи с одной русской эмигранткой, связанной с английской разведкой.

Вместе с Доховым явился его советник по иностранным делам, граф Доррер, одетый по-летнему, в легкий чесучовый костюм и белые туфли. Генерал Маллесон принял обоих с

обычной дипломатической вежливостью, к Дррреру обращался запросто — «граф», но Дохова называл не иначе, как «сэр». Прежде чем начать деловой разговор, он предложил позавтракать, на что Дохов, у которого разламывало голову после вчерашнего кутежа, охотно согласился.

На столе, сервированном на английский манер, было мало закусок, но много вин и виски разных марок. Генерал разбавлял виски содовой водой, Дохов пил его в натуральном виде и скоро захмелел.

После завтрака генерал пригласил гостей в свой кабинет, усадил Дохова в кресло перед письменным столом и положил перед ним протокол, напечатанный на двух языках — английском и русском. Дохов блуждающим взглядом скользнул по первой странице, буквы двоились у него в глазах, лезли одна на другую. Вчитываться в содержание протокола и напрягать мозг не было особой необходимости: все пункты соглашения, точно сформулированные англичанами, были известны ему наизусть. За помощь оружием и войсками в борьбе против большевиков ашхабадские правители соглашались передать союзникам Закаспийскую железную дорогу, радиостанции в Красноводске и Кушке, все запасы хлопка и шерсти, все банки и контроль над финансами. Оставалось только подписать протокол, скрепляющий достигнутое в процессе переговоров соглашение. Но как ни был пьян Дохов, он все же понял странное вступление к протоколу, далеко выходящее за пределы его полномочий:

«Союзники и ашхабадское правительство считают себя полноправными разрешать вопросы, касающиеся не только Закаспийской области: свержение советской власти во всех местах Туркестана, оккупация союзниками Баку, передача союзникам Каспийского флота, обеспечение господства союзников на Каспийском море...»

В блуждающих глазах Дохова запрыгали слова:

«...право союзников полностью или частично уничтожить Среднеазиатскую железную дорогу».

Он с недоумением посмотрел на англичанина:

— Господин генерал, мы заключаем договор по поводу Закаспийской области...

— Сэр, — невозмутимо отвечал Маллесон, — человек, ожидающий яйцо от курицы, не платит отдельно за ее хвост. Закаспий — хвост Туркестана.

— Баку...

— Человек, покупающий дом, не купит его без дверей. Баку — его дверь.

— Разрушать железную дорогу...

— Вещь — моя. Что хочу, то и делаю с ней.

— Господин генерал!..

Маллесон недовольно перебил растерявшегося «дипломата»:

— Мистер Дохов! Кровь наших солдат мне дороже вашего благополучия. Наши войска могут уйти отсюда...

— Нет, генерал, нет! Ради бога»..

Генерал Маллесон понял, что Дохов прижат к стене. Открыв ящик письменного стола, он вынул и положил перед Доховым особое соглашение. Несколько протрезвевшие глаза Дохова прочли следующие строки:

«...После свержения советского правительства организуется Туркестанская автономная республика во главе с президентом, кабинетом министров, однопалатным парламентом...»

Прочтя бумагу, Дохов сразу повеселел и, не раздумывая уже, взял перо и подмахнул протокол.

Слуга внес и поставил на столик все то же виски и бутылочки содовой воды.

Дохов, позабыв о приличии, потянулся к большой черной бутылке с золотым британским львом на ярлыке, налил себе почти полный бокал и понемножку в два других бокала — для генерала и графа Доррера. Затем чокнулся с генералом, залпом опорожнил бокал, даже не поморщившись от обжигающего спирта, и с пьяным бахвальством сказал:

— Теперь мы выгоним большевиков не только из Закаспия, но и из Туркестана. Да

здравствуют союзники!

Вскоре развалившийся в кресле Дохов, уткнув подбородок в манишку, забормотал что-то невнятное, затем стал неприлично ругаться.

Граф Доррер шепнул ему на ухо, что он переходит границы. У Дохова изо рта потекла слюна. Он крикнул:

— Теперь все равно! Ха-ха-ха!.. — Выкатив глаза, он оглянулся: — А где же Лизавета?.. Лизавета! — рывкнул он и покачнулся.

Доррер взял его под мышки и уложил на диван.

Для генерала Маллесона, который спокойно прохаживался по кабинету, дымя сигарой, Дохов уже не представлял интереса. Он хорошо помнил данные своей разведки: «Дохов — член партии эсеров, в пятом году был выслан в Закаспийскую область, ограниченный, карьерист...» Будет послушным — может сделать карьеру; будет мешать — мастер колониальных захватов знает, как устранять подобных людей, чтобы они никогда не могли стать свидетелями.

Но от графа Доррера у генерала Маллесона не было особых секретов: тот был связан с англичанами с начала мировой война. Видя, что Дохов заснул, генерал перестал обращать на него внимание. Доррер выложил последние агентурные сведения; генерал в свою очередь сообщил своему резиденту несколько больше того, чем тот знал об английских планах в Средней Азии. Разложив на столе карту, он показал районы, захваченные атаманом Дутовым, и стал объяснять дальше схему подготовленных мятежей:

— Сейчас Дутов наступает на Актюбинск. А казаки Семиречья открыли фронт в Верном. Когда большевистское командование израсходует свои резервы на этих фронтах, выступят мощные резервы белого движения в Ташкенте, Самарканде, Фергане, отряды хорошо вооруженных и обученных басмачей под командованием белых офицеров... Вот отсюда, из Аулие-Ата последует удар на Арысь, — черкнул генерал пальцем по карте, — и железнодорожное сообщение между Ташкентом и Актюбинском будет прервано. Часть отрядов басмачей двинется из Ферганы на Чиназу и овладеет железнодорожным мостом через Сырдарью, Джунаид-хан направит свои отряды через Дарган-Ата к Чарджоу и с помощью отрядов эмира Бухары овладеет Аму-дарьинским мостом, чтобы прервать сообщение между Ташкентом и Каспием. Основные же силы эмира будут действовать вот здесь, на широких степных просторах между Аму- и Сырдарьей...

Граф Доррер был знаком с общим планом интервенции англичан в Закаспийскую область, но даже он не знал, что английское командование руководило всеми контрреволюционными организациями в Средней Азии. Он и понятия не имел о бесконечных караванах оружия и боеприпасов, которые шли не только из северо-восточного Ирана, но и с английских военных баз в Индии, через пограничную область Читрал.

Заговорили о планах создания «Юго-Восточного русского союза», который должен был существовать под английским протекторатом и охватить Оренбург, часть Урала и Сибири, Астрахань, Башкирию и весь Туркестан с Хивой, Бухарой и Закаспийской областью, а в будущем, для обеспечения выхода к морю, также Кубанскую и Терскую области. Удовлетворяя любопытство Доррера, генерал коснулся и «кавказского плана».

— Как вам известно, граф, — сказал он, складывая свою карту, — руководство действиями на Кавказе осуществляется нашей военной миссией генерала Денстервиля, имеющего свою резиденцию в северо-западном Иране. Там большую услугу оказал нам полковник Би-черахов со своими казачьими частями. По указанию генерала Денстервиля он перебросил казаков на Кавказ, чтобы предупредить занятие Баку и захват бакинской нефти германо-турецкими войсками. Ну и... с помощью полковника Бичерахова нашим друзьям муссаватистам, дашнакам, эсерам и меньшевикам удалось свергнуть в Баку советскую власть. Там сейчас установлена диктатура Центрокаспия...

Оборвав свою речь, он вернулся в кабинет, налил в бокалы виски и поднял свой:

— За будущее ваше губернаторство, граф! Они чокнулись.

Дохов вдруг поднялся на диване и уставился на них мутными глазами. Генерал нажал

кнопку звонка. В дверях показался адъютант. Дохов, шатаясь, подошел к столику и опять потянулся к черной бутылке.

— Господа...

Но генерал сказал адъютанту:

- Машину господину министру!

Граф Доррер и адъютант взяли Дохова под руки и, не обращая внимания на его протесты, потащили к машине.

Глава десятая

Под Каахкой завязались упорные, длительные бои. Штаб советского командования оставался в Теджене. Алеша Тыжденко все время находился в боях и только на третий день после занятия Теджена приехал в город по вызову Чернышева. Иван Тимофеевич сразу, как только Тыжденко вошел в кабинет, заметил, что тот чем-то расстроен. Поздоровавшись, он спросил:

— Что это ты, Алеша, такой невеселый? Надо радоваться победам, а ты точно на похоронах. Устал? Или, может быть, болен?

Тыжденко тяжело вздохнул.

— Нет...

— Так в чем же дело?

— Я совершил преступление.

Чернышев с удивлением посмотрел на Тыжденко: действительно, у него был подавленный вид.

— Преступление?

— Да. Такое дело — до самой смерти себе не прощу! И тебе не знаю, как теперь смотреть в глаза... Артык...

Чернышов вскочил со стула, схватил Тыжденко за плечи:

— Ты убил его?

— Не я, мои красноармейцы стреляли, но это все равно. Если б я раньше приказал прекратить огонь, он был бы сейчас вместе с нами.

Некоторое время оба молчали. Чернышов спросил:

— Убит?

— Не знаю.

— Рассказывай все.

Иван Тимофеевич сел на свое место за письменный стол. Взгляд его был задумчив.

Тыжденко рассказал, как было дело, и с болью закончил:

— У меня и сейчас еще звучит в ушах его голос: «Алеша! Алеша!» Как сейчас вижу: припадает он к гриве коня, обнимает руками его шею, а горячий конь встает на дыбы... Какой радостный был у него вид, когда он выехал к нам навстречу! Он шел к нам с открытой душой, а мы... встретили его пулей. Я слишком поздно узнал его.

— Да, жалко, — задумчиво проговорил Чернышов. — Он не был контрреволюционером. Горячая кровь толкнула его в лагерь врагов. А может быть, и моя ошибка...

— Что ты хочешь сказать, Иван Тимофеевич?

Чернышов не успел ответить. Вошел Ашир. Поздоровавшись, он с тревогой посмотрел на обоих. Иван Тимофеевич осторожно сообщил, что друг его ранен в бою, может быть, даже смертельно.

— Он ничего другого не заслужил, — твердо сказал Ашир, но сердце его сжалось от боли.

Иван Тимофеевич пытливо посмотрел на него.

— Ашир, не криви душой. Не ты ли говорил, что теперь, когда мы разделились с куллыхановцами, Артык обязательно будет с нами? Вот сейчас товарищ Тыжденко рассказал мне, что Артык пытался перейти к нам, но попал под пулю. — Он помолчал немного, затем

снова обратился к Аширу: — Вот что, Ашир! Как ни опасно сейчас появляться в аулах, особенно тебе, все же надо попытаться найти Артыка.

Ашир тотчас же с готовностью поднялся со стула. Чернышов продолжал:

— Если он согласен, если найдется хоть малейшая возможность, надо перевезти его в город. В случае тяжелого ранения в ауле он может погибнуть. Так или иначе, ты узнаешь о его положении и намерениях.

Спустя полчаса Ашир, захватив с собою пакет с бинтами и медикаментами и получив от фельдшера наставления, вышел из штаба. Он решил выехать в аул после захода солнца и, чтобы скоротать время, зашел на квартиру Мавы.

Самой Мавы дома не было. Майса встретила его радостно:

— Ашир-джан! Слава богу, опять посчастливилось встретиться на родине!

Ашир пошутил:

— Разве не все равно, где встретиться?

— Нет, Ашир. Лучше родины ничего нет!

— А какое место считаешь ты своей родиной?

Вопрос Ашира заставил Майсу задуматься. Она почти забыла Мехин-Кала, где родилась и выросла. Как во сне, вспоминался ей иногда аул у подножия гор, светлый говорливый ручей, возле которого она девочкой беспечно играла и резвилась. Жизнь в семье Халназара не вызывала у нее ничего, кроме ненависти и отвращения. Но там проснулась и окрепла ее любовь, и ей поэтому хотелось сказать: «Родина моя — аул Халназара». Не зная, что ответить, она с недоумением посмотрела на Ашира.

— В самом деле, Ашир, где же моя родина?

Ашир чуть не рассмеялся, но Майса смотрела на него серьезно, и он серьезно ответил:

— Майса, родина твоя обширна: Мехин-Кала, аул Гоша, Теджен, Чарджоу... Как говорит Иван, вся советская земля — твоя и моя родина. Не так ли?

— Да, и Мавы так говорит.

— А ты что думаешь об этом?

— Когда мы поехали в красном вагоне, а особенно, когда в Чарджоу загремело на небе и на земле, я думала, что пришел конец моему счастью. Но теперь я привыкла и к грохоту стрельбы и ко всему. По правде сказать, теперь я везде чувствую себя как дома...

В сумерках, сунув револьвер в карман, Ашир в простой дейханской одежде вышел из квартиры Мавы и двинулся знакомой дорогой.

Айна чуть не умерла от горя, когда Артыка привезли в похоронном кеджебе (Кеджеб — паланкин). Но Артык был в сознании, в глазах его светилась жизнь, и он мог даже немного говорить. Айна обрадовалась и, обняв Артыка, помогла снять его с верблюда.

Аульный знахарь приготовил лекарство и стал перевязывать рану. Пуля пробила бок, не задев кишечника, но кровоточащая рана, когда отодрали прилипшие к ней лоскуты материи, выглядела страшно. Артык терпеливо переносил боль и, чтобы не волновать Айну, мать и Шекер, при перевязке не издал ни звука. Наоборот, он даже ободрял их. Стонал он только во сне. Днем его не так мучила рана, как сознание неудачи, постигшей его как раз в тот момент, когда он был уже близок к цели и мог исправить свою ошибку. Он видел Алешу, Алеша видел его. Они даже слышали друг друга, их отделяла всего лишь небольшая открытая площадка, расстояние броска палки. Но... недаром говорится: «Беда—между бровью и глазом».

Артык не жаловался на судьбу. Во всем, что произошло, он винил только себя. «Пуля задела мне бок, — с горечью думал он, — а по справедливости она должна была ударить в сердце». Но какой-то голос твердил ему: «Нет! Тогда и в могиле ты не нашел бы покоя». И он мечтал: «Только бы стать на ноги, а цели своей я достигну!»

В долгие часы физических и нравственных мучений Артык рассказал Айне о своих сомнениях и ошибках. На рассвете, после одной бессонной ночи, он забылся тяжелым сном. Его разбудил стук копыт и ржание Мелекуша. Айна в это время кипятила за дверью чай. Она вошла и радостно сообщила о приезде Ашира. Забыв о ране, Артык поднялся на локоть.

— Ашир... Где же он? Зови его скорее сюда!

Ашир вошел, молча сел у постели Артыка и взял его за руку. Друзья впились глазами друг в друга и тут же опустили их, стараясь скрыть охватившее их волнение. На Ашира действовало мертвенно бледное лицо Артыка. Артыка до боли взволновало то, что Ашир, советский воин, приехал навестить его.

За чаем Ашир рассказал обо всем, что слышал в кабинете Ивана, — о том, что Куллыхан оставлен в Мары и там его будет судить революционный трибунал, что Алеша Тыжденко в отчаянии, думает, что Артык убит; Иван Тимофеевич признает, что ошибся, не понял сразу намерений хромого мирзы, а теперь желает только одного: чтобы Артык выздоровел и пришел сражаться вместе с ним против белых.

Артык в свою очередь посвятил Ашира во все свои самые сокровенные думы.

— Ашир, — сказал он в заключение, — просто признать свою ошибку — этого мало. Надо понять, в чем ошибка, чтобы исправить ее... К восстанию шестнадцатого года я примкнул не ради своей выгоды, в дни революции хотел сражаться не за себя. Хотя и невысокое у меня было положение — стремления мои поднимались выше Копет-Дага. Моей целью было освободить туркменский народ от гнета, завоевать дейханам свободу и лучшую жизнь... Душой я всегда был с Иваном, считал его своим старшим братом, наставником, Я никогда не сомневался, что он борется за правое дело, за народ. Но в совете у него сидели такие негодяи, как Куллыхан, и это помрачило мой разум. Куллыхан воровал наш хлеб в кооперативе, поддерживая баев; кроме этого я ничего не хотел ни видеть, ни знать. А Эзиз... Первое время его слова и дела казались мне направленными на благо народа.

Ашир не удержался от того, чтобы не упрекнуть друга:

— Когда я вернулся из России, разве я тебе не говорил?

Артык пошевелился неосторожно и на минуту замолк, морщась от боли. Говорить ему было трудно, но он продолжал:

— Ашир, не перебивай меня. В то время и ты понимал не больше меня.

— Почему не понимал? Разве я мало учился у русских?

— Хорошо, пусть ты революционер со дня рождения... Слушай дальше. Я лишил силы Халназара, избавил народ от старшины Бабахана. Мне казалось, что дейхане стали хозяевами своей судьбы. Все это было сделано мною, когда я носил зеленые погоны нукера Эзиза. Но это было похоже на погоню за тенью. Прошло немного времени — и место аульных баев, царских чиновников занял сам Эзиз. Оказывается, все его действия были направлены не на то, чтобы завоевать для народа свободу, а на то, чтобы самому сесть ему на плечи. В шестнадцатом году царь отнимал у народа скот, кибитки, людей, разорял дейхан налогами и поборами; теперь Эзиз делает то же самое. Сейчас он жестоко расправляется с правым и виноватым. Чтоб стать ханом Теджена, он пролил немало крови... Так вот ты понимаешь — в чем моя вина?

— Понятно.

— Нет, еще не понятно. Оказывается, мои глаза не видели дальше коновязи Мелекуша. Я ненавидел Кул-лыхана и не верил в силу Ивана, который защищает интересы народа. Я, как слепой, поддался обману Эзиза и вместе с ним боролся против совета. Я сам себе на лоб поставил позорное клеймо. Теперь — слишком поздно! — я понял, что народ может получить свободу только через советы...

— Иван говорит: лучше поздно, чем никогда. Он ждет тебя с нетерпением.

— Он ждет меня, но я виноват не только перед ним. Иван был прав, когда предупреждал меня, что, уйдя к Эзизу, я неминуемо стану врагом советской власти. И вот все случилось так, как он говорил: когда разоружали отряд Эзиза, я поднял оружие против тебя и Алеши, против советских солдат, вместо того, чтобы бросить винтовку и, хотя бы мертвым, остаться чистым и честным перед народом. Вот где моя главная вина!.. Ты говоришь, что Куллыхан предан суду. Если бы даже этого не случилось — Куллыхан теперь не помеха. Я и без того явился бы на зов Ивана, потому что этот зов моей совести. Но я должен искупить свое преступление перед народом. Я помогал Эзизу стать ханом Теджена, я

же и должен лишить его силы, избавить народ от этого страшного бедствия... Подожди, не перебивай меня, Ашир. Если бы вам даже удалось занять Ак-Алан, это еще не было бы концом Эзиза. Только я могу лишить его силы: я уйду от него и уведу с собой всех, кто заблуждается так же, как заблуждался я. Приду к вам не один — или кровью своей заплачу за свою ошибку! Передай это Ивану.

— Артык, ты преувеличиваешь свои силы. Ведь у тебя рана, и, как видно, тяжелая. Здесь ты можешь погибнуть., Иван поручил мне перевезти тебя в город. Там есть хорошие доктора, они тебя обязательно вылечат. Может быть, через пески...

— Нет! В свои силы я верю крепко, я не умру.

Обессиленный волнением и болью, Артык откинулся на подушку и закрыл глаза. Ашир не решался больше возражать. Он сожалел, что не может выполнить поручение Чернышева, но в глубине души был согласен с Артыком. Его вину он понимал и понимал желание друга самому ответить за нее перед народом, исправить тяжелые последствия своей ошибки. Артык тверд в своих решениях и честен в поступках. Так пусть и поступает, как подсказывает ему совесть.

Ашир снова взял руку Артыка, чтобы пожать ее. Тот открыл глаза и посмотрел на него горящим взглядом, глубоким и открытым. Казалось, стерлась с его души вся накипь и ржавчина, тяготившие его долгое время. Друзья обменялись крепким рукопожатием, как бывало раньше.

Видя, что беседа примирившихся друзей завершилась благополучно и что Артык задремал, Айна принялась хозяйничать, чтобы как следует угостить Ашира. Нурджахан поближе под села к нему, Шекер занялась своим рукодельем. Ашир, искоса наблюдая за Айной, заметил, что она немного пополнела и чуть изменилась в лице. Движения ее стали медленнее и спокойнее, как у женщины, которая готовится стать матерью. Он высказал свою догадку, обратившись с вопросом к матери Артыка:

— Тетушка Нурджахан! Наверное, уже готовитесь к тою?

Нурджахан удивилась зоркости Ашира. Еще не все соседи догадывались о том, что Айна беременна. Может быть, ему Артык сказал? Шекер тоже бросила недоумевающий взгляд на Ашира: «К какому тою? Не говорит ли уж он о свадьбе?..» Думая, что Ашир знает все, Нурджахан дала волю своему чувству:

— Ах, что может быть лучше такого тоя!.. Только, сынок, арбуз еще не разрезан. Кто знает, что в нем?

— От Айны я плохого не жду!

— И мы ждем мальчика. Даст бог, так и будет, — отозвалась Нурджахан, утирая слезы.

Теперь Айна смутилась, поняв, о чем говорил Ашир. Закрыв губы яшмаком, она торопливо вышла из кибитки. Шекер проводила ее сияющими глазами: «Неужели и у нас скоро будет маленький? А она даже мне ничего не сказала об этом...»

— Если Артык окажется слабым, — продолжал грубовато шутить Ашир, — он мне больше не друг!

Артык приоткрыл глаза. «Ты прав, — подумал он с горечью. — В таком положении у меня скоро ни одного друга не останется».

— Верно, Ашир-хан, — тихо сказал он. — И друзья и родственники у того, чья бабка на кону стоит. Не повезет в игре — не будет ни друга, ни покровителя. Вода в новом кувшине всегда холоднее, — переменить друга и тебе не мешает.

— Артык, ты это серьезно? — удивился Ашир. — Да ты в уме ли?

— Ты имеешь право на это, — продолжал Артык, отвечая скорее на свои мысли, чем на вопрос друга.

— Обязательно буду ругать, если окажешься слабее Айны!

— Ну при чем тут Айна?

Нурджахан первая догадалась, что Артык не понял, о чем шел разговор, и сказала:

— Артык-джан! Мы говорим о будущем тое.

— О каком тое?

Ашир рассмеялся:

— У тебя совсем голова замутилась. Я говорю: если у тебя будет сын, я твой друг по-прежнему, а если дочь так еще подумаю!

— Ты на мираж скачешь, — улыбнулся Артык, поняв свою ошибку, и облегченно вздохнул.

— Я не из тех людей, что видят новый месяц в облачный день!

— Ничего ты не видел. Это у моей матери язык не терпит.

Нурджахан круто повернула разговор:

— А ты, сынок, — обратилась она к Аширу, — когда свой той справлять будешь?

Несмотря на то, что Ашир ждал этого вопроса, от неожиданности у него мурашки "забегали по телу. Опустив голову, он с трудом преодолел смущение и еле слышно вымолвил:

— Для меня, тетушка Нурджахан, это еще не вынутый жребий: неизвестно, что выпадет на счастье.

— Ну, сынок, будешь мешкать, счастье само не придет. А ты не стесняйся, начинай свататься к девушке, которая тебе нравится. — Не к каждой посватаешься.

— Это почему же?

— А вдруг скажут — шапка набок съехала, мол, вдовец, и прогонят.

— Э, сынок, ты себя вдовцом не считай: детей у тебя нет, да и самому еще двадцати пяти не вышло. Кто про тебя скажет, что ты вдовец?

— А кого я пошлю сватом, тетушка Нурджахан? Кто у меня, кроме старухи матери? Одна надежда на Ар-тыка — когда-то я женил его, так, может, теперь он женит меня.

— Ты меня женил? — опять подал голос Артык.

— А кто же?

— Это надо спросить у Айны.

Вошедшая в кибитку Айна только улыбнулась из-под яшмака. Но Ашир не отставал:

— Скажи по чести, Айна, я женил Артыка или нет?

Айна опять улыбнулась и кивнула головой. Ашир обрадовался:

— Вот видишь! Артык ответил прямо:

— Ашир, хоть и не ты женил меня на Айне, но тебя я женю обязательно! Пусть только пройдет это смутное время...

Аширу нельзя было больше оставаться в ауле: к Артыку могли нагрянуть гости из Ак-Алана, а встреча с ними не сулила красногвардейцу ничего хорошего. Простившись, он вышел из кибитки, сел на коня и поехал в Теджен дальними тропами. Дорогой он думал о Шекер и о словах Артыка, сказанных на прощанье.

Не прошло и часу после отъезда Ашира, как в кибитку пожаловал новый гость — Гандым. О цели своего прихода он объявил сразу же, как вошел, едва Артык успел ответить на его холодное приветствие.

— Артык, я пришел сказать тебе, что завтра буду делить свой урожай.

«Что это сегодня нашло на Гандыма? — подумал Артык. Обычно с таким сообщением бедняки приходили к своим заимодавцам-баям, заранее зная, что все их зерно пойдет на уплату долгов, податей и налогов.

— Хорошее дело, дядюшка Гандым, — не выдавая своего удивления, отозвался Артык. — Как урожай нынче?

— Урожай... Половину семян птицы склевали, половину мыши поели. Что собрал — все на току. Приходи и ты завтра, заберешь свою, долю.

— Какую долю? Разве я пайщик в твоём посеве?

— Ты не пайщик, но хозяин твой, Эзиз-хан, мой издольщик.

— Дядюшка Гандым, если ты на меня в обиде, так скажи прямо, в чем дело, — сдержанно ответил Артык, уже догадываясь, что значит приход и такое поведение Гандыма.

Но тот, решив еще круче посолить раны Артыка, сказал:

— Артык, ты знаешь меня. Я не умею одно говорить, другое таить. Чтобы мой труд не достался такому негодяю, как Мамедвели-ходжа, уж лучше ты возьми: и коню корм будет, и матери в чем повалять тесто.

Если б Артык услышал такое от кого другого, он вынул бы из-под подушки револьвер и тут же застрелил бы обидчика. Но на Гандыма он сердиться не мог. Гандым имел право сказать так. И Артык после некоторого раздумья спокойно переспросил:

— Так когда, говоришь, будешь делить?

— Завтра, как солнце встанет, привязывай мешки к седлу и приезжай на гумно.

— Ладно, дядюшка Гандым. Сам я не могу еще сесть на коня, пришлю своего джигита. А ты не забудь предупредить и Мамедвели-ходжу.

— Будь спокоен, этот своего не упустит. Даже если ночью тайком будешь делить зерно, — он все равно придет. Но ты мне ближе, а с ним я рассчитаюсь сам.

— Значит, завтра жди, как солнце встанет.

— Вот и хорошо. И тебе немного достанется, и я буду спокоен. А то от Эзиза да от этого проклятого сборщика покою нет.

На рассвете джигит Артыка, ухаживающий за его конем, приехал на гумно Гандыма. Старик был прав: Мамедвели-ходжа уже давно был здесь и поглядывал на хлеб, как на свое добро. Собравшиеся тут же пайщики и заимодавцы Гандыма с озлоблением смотрели на эзизовца. Увидя джигита из сотни Артыка, Мамедвели ничего плохого не подумал. Наоборот, он надеялся, что Артык при случае скажет Эзиз-хану, как ревностно он, Мамедвели, собирает налоги.

Джигит, ни с кем не поздоровавшись, направил своего коня прямо к Мамедвели-ходже.

— Ты что, ходжам, тоже пайщиком тут? — грубо спросил он.

— Нет, сынок, — ответил ходжа, — я тут службу исполняю.

— Какую службу?

— Собираю зекат для Эзиз-хана и его всадников. Джигит перегнулся через седло и ухватил Мамедвели за ворот:

— Ты, пестроглазый черт! — крикнул он в посеревшее от страха лицо ходжи. — В царское время мы не могли избавиться от тебя, и теперь ты тянешь лапу к народному добру! А что, если я вот здесь, где стою, возьму твою поганую душу?

— Я... я... — хрипел Мамедвели, напрасно силясь вырваться из рук джигита.

— Замолчи!

Помутневшие глаза ходжи готовы были выскочить из орбит, как у мыши, которой наступили на хвост. Один из пайщиков Гандыма, пожалев его, хотел было броситься ему на помощь, но джигит остановил его гневным окриком. Он поднял ходжу, как пустой чувал, и бросил на солому. Желтая шапка Мамедвели полетела в сторону, халат завернулся ему на голову, худые ноги раскинулись, как сухие ветки саксаула.

— У баев бери свой зекат, — сказал джигит и грозно добавил: — А если еще раз покажешься на дейханском гумне, я твою Душу отправлю в ад!

Гандым крикнул:

— Эй, братишка! Неладно ты делаешь. Ходжам может пожаловаться Эзиз-хану. Что тогда будет?

— А пусть жалуется, если жизнь не дорога! — ответил джигит и ударил коня плеткой по крупу.

Гандым расхохотался своим полубезумным смехом:

— Эй, ходжам! Раскрывай же чувал!

Но до тех пор, пока топот коня не затих вдали, Мамедвели лежал в соломе, не шевелясь и не издавая ни звука.

Глава одиннадцатая

У подножья гор, недалеко от иранской границы, утопают в садах небольшой городок,

станция и аул Каах-ка. С юго-запада к ним вплотную подходят невысокие холмы; на юго-восток, в сторону Гарман Сагита, расстилается широкая открытая равнина, на которой отчетливо видна каждая движущаяся точка. Там, где холмы переходят в равнину, расположились английские войска. К северо-востоку от станции Каахка, в Старой крепости у Донуз-Чешме, где равнина переходит в горбатые барханы Кара-Кумов, стоял конный полк Нияз-бека. Район Каахки был очень удобен для обороны, и, может быть, поэтому английское командование решило именно здесь остановить наступление красных.

Командование Красной Армии, наступавшей с юго-востока, учло невозможность лобовой атаки на Каахку. По плану, разработанному штабом Чернышева, основные силы красноармейцев вошли в пески Кара-Кумов и, обойдя Каахку с севера, на рассвете двадцать шестого августа через Донуз-Чешме обрушились на конный полк Нияз-бека. Застигнутые врасплох джигиты Нияз-бека в беспорядке отступили в ашхабадском направлении, к станции Каушут. Конный отряд Ашира разрушил участок железной дороги между Каахкой и Каушутом и перерезал телеграфные провода. Главные силы Красной Армии до полудня вошли в аул Каахка. Красноармейская батарея открыла огонь по станции и сразу же подбила бронепоезд белых. Штаб Ораз-Сардара, все его войско и англо-индусские части интервентов оказались отрезанными от Ашхабада.

Ораз-Сердар, в полной растерянности перед сокрушительным натиском красных, готов был прекратить сопротивление и сдаться на милость победителя. Он посоветовался с англичанами и приказал выкинуть белый флаг. И не успело еще донесение об этом дойти до штаба Чернышева, как командиры красноармейских полков, решив, что одержана полная победа, прекратили боевые действия и вступили в переговоры с парламентарями. Но английское командование применило свою обычную вероломную тактику. Затянув переговоры ровно настолько, чтобы успеть перегруппировать свои части, оно бросило сильные пулеметные батальоны на фланги наступающих. Красноармейские полки в районе аула и станции Каахка оказались в свою очередь под угрозой окружения, и Чернышеву ничего не оставалось, как отдать приказ об отступлении.

Тыжденко, со своим кавалерийским полком прорвавшийся далеко на запад, очутился в самом тяжелом положении. Все утро он вел неравный бой с англо-индусами, которые превосходили красноармейцев численностью и, главное, силой огня, потерял почти половину состава полка и сам был ранен в ногу. Отходить пришлось через Донуз-Чешме в пески пустыни.

Стояла безветренная погода. Душный жар, поднимавшийся от раскаленных песков, томил хуже солнечного зноя. Красноармейцы изнемогали от усталости. От жары мутило в голове, от искрящихся на солнце песков до боли резало в глазах, пересохшие рты жаждали хоть капли воды. Но где там вода!.. Даже для Мавы, выросшего в песках, этот бесконечный знойный день казался нестерпимым. В бою Мавы потерял баклагу. Забыв о преследователях, он спешил и лег под узколистый куст черкеза. Горячий песок обжигал его, словно он попал в раскаленную печь. Губы слипались, точно смазанные клеем. Распухший язык не вмещался во рту. Мавы показалось, что над ним склонилась Майса и поднесла к губам пиалу с чаем. Он припал к ней, — раскаленный песок обжег ему губы.

Собрав последние силы, Мавы встал. Гряды песков закружились перед ним. Потом он увидел зеленый берег, поросший тенистыми деревьями, и целое море воды, как на Амударье. Вода, вода!.. Мавы бросился вперед и тут же упал. Он даже не узнал командира, когда тот, приподняв его за плечи, поднес баклагу к его губам. Как ребенок, прильнувший к материнской груди, обхватил он баклагу обеими руками и жадно припал к ней, но Тыжденко давал ему пить только небольшими глотками.

Когда Мавы пришел в себя, англо-индусов уже не было видно. Поняв бесполезность преследования красноармейцев, они повернули своих мулов обратно и скрылись за барханами.

Груженные хлебом караваны непрерывно шли в Ак-Алан. Специально выстроенные

амбары были переполнены, хлебом загружались огромные рвы. Эзиз, не таясь, говорил своим приближенным:

— Когда настанут зимние холода, можно будет поприжать и белых. За каждый чувал хлеба я возьму пушку.

Не простое дело — обеспечить войска продовольствием., когда хозяйство дейхан пришло в упадок. Эзиз понимал, что рано или поздно белое командование вынуждено будет обратиться к нему за помощью. Поэтому его сборщики в аулах зорко следили за тем, чтобы дей-ханское зерно прежде всего отсыпалось в ханский налог.

В накинута на плечи полосатом халате Эзиз стоял и смотрел на огромную, еще не замазанную яму, доверху наполненную пшеницей, когда в небе послышался странный рокочущий звук. Заслонив глаза рукой, он поднял голову. С запада приближалось что-то похожее на огромную птицу или стрекозу с желтыми крыльями. Эзиз сразу понял, что это и какой гость летит к нему, по воздуху в Ак-Алан, — об этом его предупредили... Между тем самолет, сделав круг над возвышенностью, ринулся вниз и плавно, как птица, опустился на равнине.

Один из Двух гостей, которые подъехали в сопровождении нукеров, был совсем незнаком Эзизу. Ни своей одеждой, ни красным, словно обожженным лицом, с большим носом он не был похож на русского. Но Ашир узнал бы этого человека с первого взгляда. Это был тот самый офицер английской службы, которого на станции Теджен встречал Ораз-Сердар — капитан Тиг Джонс.

Англичанин, дружески приветствуя Эзиза, сказал несколько фраз по-английски и, в то время как его спутник переводил их Эзизу, повел глазами вокруг себя. Его наблюдательный, острый взгляд не задержался ни на тедженском хане, ни на его отборных нукерах, с любопытством взиравших на спустившегося с неба иностранца, — он остановился на золотой россыпи пшеницы, сверкавшей на солнце. Для армии интервентов это было, пожалуй, более ценным, чем оружие, которое тащили английские мулы из Индии, и даже — чем все разно-шерстное войско белых ублюдков и самого Эзиз-хана. Тиг Джонс был достаточно опытным на Востоке политиком, чтобы не выдавать перед собеседником своих мыслей, но сейчас он не мог скрыть своей радости и горячо поблагодарил Эзиза, который собирал зерно в своих ак-аланских норах, подобно слепому кроту. Капитан был вполне уверен, что все эти запасы зерна пойдут на пользу не Эзизу, а оккупационной армии.

Тедженский район снабжал своим хлебом не только всю Закаспийскую область, но и Фергану, Самарканд. И теперь в деле продовольственного снабжения армии английское командование могло рассчитывать только на тедженский хлеб.

Тиг Джонс взял горсть золотистых зерен и медленно, с задумчивым видом ссыпал их обратно в яму. Ни его, ни Эзиза совершенно не интересовало, как были выращены эти чудесные зерна: пусть дейхане, трудившиеся в поте лица, остались голодными, зато ханские амбары и ямы полны зерна.

Эзиз впервые встретился лично с Тиг Джонсом, но еще раньше, из бесед с Абдыкерим-ханом, знал, что именно он, этот английский капитан, способен обеспечить ему блестящее будущее, и потому принял его, как самого почетного гостя.

В роскошно убранной коврами кибитке состоялась беседа наедине, в присутствии лишь переводчика, сопровождавшего капитана. Тиг Джонсу достаточно было короткого разговора, чтобы проверить все, что он знал об Эзизе. И он, спрашивая и слушая ответы Эзиза, делал свои выводы: «Слепая сила, которую легко повернуть в любую сторону, пойдет туда, куда ему укажут, и не свернет с указанного пути... К белым офицерам царской службы — таким, как Ораз-Сердар, относится с подозрением, а Джунаид-хану верит, как самому себе... Выше всех благ в жизни ценит свою ханскую власть и ради этой власти нарушит любые клятвы и обещания, пойдет с кем угодно и куда угодно...» Можно было только похвалить Абдыкерим-хана за умелую работу, за точность и правильность его наблюдений.

Стараясь всесторонне проверить Эзиза, Тиг Джонс спросил:

— Скажите, Эзиз-хан, вы здесь, в Ак-Алане, только держите оборону или порой и

нападаете на большевиков?

— Нет, не нападаю, — ответил Эзиз, — и не стану этого делать.

— Почему же? Вы получили такие указания от командующего?

— Нет, напротив, Ораз-Сердар приказал мне иногда нападать на город, беспокоить большевиков.

— Значит, вы не выполняете приказов командующего?

— Этого приказа не выполняю.

— Но почему?

— Я не настолько глуп, чтобы, нападая на город, попасть под удар главных сил красных, их пулеметов и пушек. Я делаю немалое дело и тем, что стою здесь крепко и не пускаю большевиков в аулы. Нападу я на них сегодня, завтра они привяжут своих коней над накопленным мною зерном. По-моему, командующий не понимает этого.

— А ведь вы, пожалуй правы, Эзиз-хан! Об этом я поговорю с Ораз-Сердаром. Так и держитесь, пока не будет новых указаний английского командования.

Интервенты не торопились с осуществлением своих планов, они выжидали время, мобилизуя силы, которые могли бы верно служить целям английской оккупации. Поэтому Тиг Джонс и дал такое указание своему союзнику. Правда, нежелание Эзиза выполнять приказы командующего наводило на серьезные сомнения: ведь точно так же этот хан мог в другое время отказаться выполнять и приказы английского командования. Но Тиг Джонс лишь на минуту задумался над этой проблемой и решил ее по-своему: пока Эзиз острое оружие, которым глупо было бы не воспользоваться, а если он откажется подчиняться, у английского командования всегда найдутся средства обезвредить его.

Беседа продолжалась. Тиг Джонс говорил начальническим тоном и временами хмурился. А Эзиз, всегда державший себя высокомерно и самоуверенно, все больше терял свое высокомерие перед представителем английского командования.

— Ввязался я в эту войну, двинул на фронт почти всех своих нукеров, — говорил он, стараясь расположить к себе англичанина, — полагаясь на то, что белыми офицерами все предусмотрено. И поступил глупо. Не подоспей английское войско, мы были бы втоптаны в землю. И пришлось бы мне с каким-нибудь десятком джигитов скакать в Ташауз, искать приюта у Джунаид-хана.

Он оборвал свою речь и пустился в любезности:

— Благодарение аллаху, вы подросли вовремя. Мы признательны вам от всего сердца. А меня вы еще не знаете, господин капитан. Я считаю своим долгом выполнять приказы английского командования. Вы можете на меня положиться. Под вашим покровительством, верю, и мне удастся достигнуть своей цели.

Тиг Джонс больше всего напирал на то, что Эзиз должен заготовить как можно больше зерна и никому не отпускать его без разрешения английского командования. Вместе с тем он дал понять, что услуги Эзиза будут щедро вознаграждены и что со временем он станет ханом не только Теджена, но и всех теке.

Эзиз велел разостлать перед гостем огромный, тонкой работы ковер со старинными узорами. Изумителен был этот ковер; под лучами солнца его восхитительные узоры играли всеми красками, как изумруды и яхонты.

— О-о, да это настоящий антик! — невольно вырвалось у Тиг Джонса.

Видя, что англичанин доволен, Эзиз, улыбаясь, сказал:

— Это маленький подарок от моей жены вашей супруге. Прошу вас, не сочтите за труд — примите, не сочтите за груз — возьмите с собой, на вашу летающую машину.

Если б Эзиз и не подарил этого ковра, Тиг Джонс постарался бы выманить его хитростью. Зная обычаи Востока, это не так уж трудно: похвалить искусную работу, потом попросить продать — и хозяин будет вынужден преподнести понравившуюся гостю вещь в подарок, и Тиг Джонсу ничего не оставалось, как учтиво поблагодарить его.

— Моя жена уже получила подобные произведения восточного искусства, — сказал он с притворным равнодушием. — Но я не решился бы огорчить вашу супругу отказом от ее

подарка.

Тиг Джонс хорошо понимал, что из всех произведений искусства, отправленных им в Лондон, этот изумительный ковер был бы лучшим украшением его квартиры. Однако он считал унижительным для себя рассыпаться в благодарностях перед каким-то туркменским ханом, и только добавил к своим словам:

— После победы мы постараемся отблагодарить вашу ханум не менее ценным подарком.

Прощаясь, они обеими руками пожали друг другу руки.

Проводив высокого гостя, Эзиз вернулся к яме и, глядя на зерно, подумал: «А в тебе есть божественная всемогущая сила!»

Но зерно собирал не один Эзиз. Его советники тоже не упускали случая набить свои закрома дейханским хлебом.

Алты-Сопы, не имевший раньше даже ишака, стал владельцем породистых коней, амбары его были забиты зерном, караваны тянулись к его жилищу. На своем канале Бек он чувствовал себя тоже маленьким ханом, самостоятельно разрешал все дела и споры.

Анна-Курбан Юмуртачи не обзаводился своим скотом, но вполне был сыт за счет зеката с аулов своего канала. И Гарри-Молла не упускал возможности поживиться и урывал свою долю из всего, что шло в казну Эзиз-хана.

Эзиз уже косо посматривал на своих приближенных и ждал только удобного случая, чтобы освободиться от них. Будучи неграмотным, как и все его советники, кроме Мадыр-Ишана, он окружил себя переводчиками, назначив кого секретарем, кого адъютантом в своем штабе. Все они были его безропотными слугами и пока открыто не воровали. Советникам было не по душе, что Эзиз доверял переводчикам все свои дела и все реже собирал свой диван. Сопы даже выразил однажды свое недовольство.

— Эзиз-хан! — сказал он. — Не эти ли люди сосали кровь туркмен в царское время? Теперь ты им снова даешь волю.

— На каждую охоту надо брать подходящую собаку, — важно ответил Эзиз. — Переводчики для нас — свет в темноте.

— Как бы потом тебе не пришлось кланяться им в ноги!

— Если для дела нужно, поклонюсь и Будде.

Алты-Сопы выпучил глаза. — Ладно, посмотрим... — буркнул он и пошел от Эзиза. Эзиз крикнул ему вслед:

— Посмотрим!

В эту минуту он был недалек от исполнения задуманного.

Среди переводчиков Эзиза было несколько русских белогвардейцев. Матвеев считался представителем белогвардейского штаба, но превратился в преданного слугу Эзиза. В Ак-Алане было всего пятьсот нукеров, но Матвеев сообщал в штаб, что у Эзиз-хана полторы тысячи всадников и три тысячи пехоты. Белогвардейцы без проверки отпускали Эзизу иденги и снаряжение на четыре с половиной тысячи нукеров. Несмотря на это, он весьма неохотно выполнял распоряжения белогвардейского штаба, а то и совсем не выполнял. Когда ему предложили выйти на железную дорогу, взорвать мост около станции Тапыр и совершить налет на Теджен, он ответил:

— Довольно с меня и того, что я держу заслон против Теджена. Когда ваши части подойдут к нему поближе, тогда и нападку на город.

Дейханский хлеб переполнял склады Ак-Алана и советников Эзиза, а деньгами, получаемыми от белых, «хан» набивал свои сундуки. Тратить их было некуда. Даже своим нукерам Эзиз не платил. Всем обеспеченные в Ак-Алане, они занимались открытым грабежом во время налетов на аулы и даже не вспоминали о жалованье. Главари их, следуя примеру своего хана, взявшего себе вторую жену — молодую светловолосую Сона-хан, — завели себе по две, по три жены.

Мадыр-Ишан тратил деньги не на женщин. Он сотни тысяч рублей отправлял своему

младшему брату. Иранская граница была всего в тридцати километрах от Теджена, охранялась плохо, и брат Мадыр, связанный с иранскими купцами, мог беспрепятственно перевозить товары в Мешхед и из Мешхеда контрабандным путем. Мадыр-Ишан получал немалые барыши.

В Ак-Алане человек, которого называли вором, подвергался истязаниям, а вызвавший гнев Эзиз-хана лишался жизни.

На всех дорогах Теджена Эзиз расставил свои посты. Однажды с одного из таких постов к нему привели подозрительного человека, который шел из Мары. Это был сильного сложения, высокий человек лет тридцати, с подстриженной бородой и закрученными усами. Никаких документов у него не нашли, а держался он смело и отвечал резко. Эзиз заподозрил в нем разведчика большевиков и стал раздумывать — сечь его плетью или сразу прикончить. И то и другое показалось ему недостаточно назидательной мерой наказания. По его приказу на лбу пойманного выжгли, как это делали с лошадьми, крестообразное тавро.

Эзиз посмотрел на обезображенного, клейменного человека и сказал:

— Вот твой удел! Пусть всякий, кто увидит это клеймо на твоём лбу, узнает: так я поступаю со всеми большевиками!

При штабе белых Эзиз держал своих связистов. Начальником этих связистов был Ташлы-толмач. Увидев его в Ак-Алане, Эзиз продиктовал Дурды сообщение о наказании «большевистского шпиона» и послал его вместе с Ташлы-толмачом в штаб.

Дурды, бывший одним из переводчиков Эзиза, с отвращением наблюдал все, что творилось в Ак-Алане. Разговоры с Артыком, который упрекал его когда-то в безволии и нерешительности, действовали на него сильнее, чем думал Артык. Теперь, навещая раненого Артыка, он узнал о его решении порвать с Эзизом, и это окончательно определило его путь. Под предлогом болезни он получил разрешение Эзиза уехать в аул, но перед этим воспользовался случаем еще раз побывать в штабе у белых и разузнать побольше о положении в Каахке, ставшем ключевой позицией фронта.

Ташлы-толмач часто приезжал в Ак-Алан. Вместе с ним и отправился Дурды, взяв поручение Эзиза к Ни-яз-беку.

Они ехали через Донуз-Чешме. Только недавно здесь были убраны трупы; еще чернели пятна крови на глинистой почве. Редко встречались люди у полуразрушенных кибиток и землянок. Дурды и его спутник остановились у колодца, по имени которого был назван аул, напоить коней. Изможденная женщина сидела на пороге разрушенного глинобитного дома. Полубезумными глазами смотрела она вокруг, ничего не видя и не соображая, и горестно причитала.

— Сыночек мой, дитяtko мое!.. — твердила она. — Мольбам бедняка и земля не внемлет. Разве не говорила я, что не пойдет на пользу мусульманам этот кабаний источник?! (Донуз-Чешме — кабаний источник) Лучше бы нам остаться в родном ауле и умереть голодной смертью...

Из Донуз-Чешме Дурды попал прямо в Каахку. С тяжелым чувством ехал он по улицам городка. Там, где недавно гуляли девушки и молодки в ярко-красных платьях, полуголые индусы прогуливали своих мулов. Каахка, славившаяся шелками, оливкового цвета халатами, фруктами, превратилась в военный лагерь. Ее сады загадили мулы и кони. Дома, где ткали шелка, стали солдатскими казармами. Во дворах дымились походные кухни. Голоногие индусы чистили оружие, резали баранов. Они были далеко от родных мест, но здесь они всем обеспечены; одежда на них чистая, бритые, лоснящиеся лица довольны... Но, приглядываясь к порядкам в лагере интервентов, Дурды заметил, что ни один индус не подходил к домам, где расположились английские офицеры. Только часовые с винтовками застыли у дверей. Англичане ходили мимо индусов, как бы не замечая их. Дурды подумал: «Вот она, хваленая английская демократия. Индус должен построить для англичанина хороший дом, приготовить для него пищу, почистить ему сапоги и одежду. Он должен своей кровью завоевать для него чужую страну. Но англичанин всегда будет смотреть на него как на низшее существо... В чем же вина индусов? В том, что у них кожа темного цвета?

Неужели и туркменам уготована такая участь? Нет, не бывать этому!»

Тщательно изучив расположение белых и английских войск, их штабов, Дурды поехал в Старую крепость, где стоял полк Нияз-бека.

Нияз-бек сидел в белой палатке, разбитой под холмом. Через узкую дверь в палатку падали косые солнечные лучи, подувал прохладный ветерок. Заднее полотнище было приподнято, земля полита водой. Несколько офицеров прохаживались снаружи, боясь зайти к Нияз-беку, который был в плохом настроении.

Когда Дурды вошел в палатку и подал Нияз-беку письмо Эзиза, тот лишь мельком взглянул на него и передал адъютанту, а конверт, задумчиво повертев в руках, разорвал на мелкие кусочки. Раздражение его не проходило, он не стал разговаривать и с Дурды, словно положение в лагере Эзиза его совершенно не интересовало. Только появление самолета вывело его из задумчивости. Это был, видимо, красный разведчик. Он пролетел низко над расположением полка и стал кружить над Старой крепостью. Со всех сторон послышалась беспорядочная стрельба.

— Прекратить стрельбу! — крикнул Нияз-бек сводим офицерам. — Ни одного выстрела!

Самолет сделал еще один круг над крепостью и улетел в восточном направлении.

Дурды удивился мрачному настроению Нияз-бека. Он не знал, что командира конного полка только накануне вызывали в штаб командования интервентов. Поспешное бегство Нияз-бека и сдача им Старой крепости и Донуз-Чешме вызвали подозрение у англичан. Они предлагали командующему передать дело в военный суд. Услышав об этом от Ораз-Сердара, Нияз-бек резко сказал:

— Военный суд для меня — дуло моего револьвера. Кто хочет допросить меня — пусть подойдет...

Нияз-бек вначале предполагал, что все дело в интригах Ораз-Сердара, в боязни, как бы Нияз-бек не занял место командующего войсками. Взаимное доверие между ними уже давно было нарушено. Но в беседе с глазу на глаз Ораз-Сердар открыл ему истинную причину такой придирчивости англичан.

— Тебя не столько обвиняют за твои теперешние действия, — откровенно сказал он, — сколько за твои старые грехи. Еще прошлой зимой ты, говорят, где-то заявил, что для тебя русский царь лучше английского короля. А еще лучше, — будто бы ты говорил, — надо объединиться с турками. Не знаю, откуда это стало известно англичанам.

Тут Нияз-бек вдруг вспомнил свою беседу с Хамид-беком и, закусив губу, покачал головой. Он понял теперь, что Хамид-бек, выдавая себя за турка, был в действительности английским шпионом.

— Они уже давно следят за тобой, — сердито продолжал Ораз-Сердар, — и требовали выдать тебя в их руки. Я воспротивился этому. Будь поосторожнее на язык.

Вот это сообщение Ораз-Сердара и было причиной подавленного настроения Нияз-бека. Опасаясь англичан, он уже начинал подумывать, не уйти ли ему с полком в глубь песков. В этих размышлениях письмо Эзиза приобрело вдруг особую ценность. Нельзя было терять связи с ним, наоборот — следовало привлечь его на свою сторону. И совсем неплохо было бы перетянуть в свой полк такого бравого джигита, как Артык, вместе со всей его сотней,

Нияз-бек спросил о здоровье Артыка и, узнав, что тот ранен в бок и лежит у себя дома, попросил Дурды передать ему самый сердечный привет. Разговорившись с Дурды, он коротко рассказал, что произошло с ним в последнее время. Хотел даже написать Артыку письмо, но, вспомнив, что за ним установлена слежка, отказался от этого намерения из боязни, что английская разведка может задержать Дурды и перехватить это письмо.

Дурды не вернулся в Ак-Алан. Из Старой крепости он поехал прямо к Артыку.

Эзиз вскрыл пакет, привезенный ему Ташлы-толмачом, осмотрел письмо со всех сторон и протянул переводчику. Ташлы медленно и внятно начал читать:

«От Ораз-Сердара — Эзиз-хану большой привет!

Эзиз-хан! Не пристало мне вмешиваться в твои дела, но по своей службе считаю долгом дать тебе совет...»

Совет Ораз-Сердара касался только Мадыр-Ишана и грязных дел этого советника Эзиза по хозяйственным делам. К тому, что было сказано в письме, Ташлы-толмач добавил свои наблюдения за деятельностью Мадыр-Ишана в Каахке.

Гнусавый голос и бегающие, лживые глаза Мадыр-Ишана давно не нравились Эзизу. Раздражала его и бесцеремонность, с которой советник запускал руку в казну Ак-Алана. Однако Эзиз видел, что Мадыр-Ишан приносит ему немало пользы сверх того, что разворовывает, поэтому воздержался от крутых мер в отношении него. Но он еще больше приблизил к себе Ташлы-толмача, сделав его поверенным всех своих тайных дел и замыслов.

Голова Эзиза в это время была занята другими делами. К нему приехали гонцы из Ташауза. Джунаид-хан писал, что англичане уговаривают его двинуться на Чарджоу, разрушить мост через Амударью и оказать помощь басмачам бухарского эмира. Эзизу уже были известны планы англичан: только за два дня до этого к нему приезжали два английских офицера. Они старались разведать силу его конницы, а главное — убедить его в необходимости выступить совместно с Джунаид-ханом. Эзиз-хан с почетом принял гостей, хорошо угостил их, но проводил без определенного ответа. После долгих раздумий он дал Джунаид-хану такой ответ: «Хан-ага! Я думаю, что опасно тратить наши силы, нападая на Чарджоу. Если ты спокоен за свое положение со стороны Хивы и если у тебя больше сил, чем нужно для твоего спокойствия, то лучше направь тысячу или хоть пять сотен джигитов сюда. Но прошу тебя направить их не белым, не Ораз-Сердару, а ко мне, в Ак-Алан. Нельзя доверять им узду наших коней. Они хотят использовать нас, а мы должны использовать их. Когда мы победим большевиков, это еще не будет означать, что власть — в наших руках. Все равно нам придется драться и с меньшевиками. Поэтому лучше полностью сохранить наши силы в теперешнее смутное время.

Многочтимый хан-ага! Конечно, мой ум короче твоего. Если твои намерения будут иными, дай мне знать об этом».

Глава двенадцатая

Ребятишки бегали по аулу и сообщали всем и каждому радостную весть:

— Поздравляем! У Артыка родился сын!

Из кибитки Артыка раздавалось: «Уа, уа!..» Крик ребенка наполнял гордостью Нурджахан, давно ожидавшую внука. Больше шестнадцати лет прошло с тех пор, как в последний раз появился в ее семье новорожденный. Новое существо, пришедшее в мир от Артыка и Айны, внесло с собой новое счастье в черную кибитку. Нурджахан суежилась, вся охваченная радостными заботами.

Голос ребенка ласкал и слух Артыка. В его жизни произошла перемена, полная глубокого смысла: теперь он — отец, это от него появилось потомство. В то же время он чувствовал себя как-то неловко, стеснялся поназывать на людях. Ему казалось, что каждый встречный скажет: «Ну Артык, как же тебе не совестно быть таким счастливым!» И Артык невольно улыбался.

Шекер делилась своей радостью с подругами. Родись этот ребенок два года назад, она сама побежала бы поздравлять аул. Но теперь она считала себя взрослой девушкой.

Конечно, больше всех радовалась сыну Айна. За полтора года уже третий раз совершался перелом в ее жизни: сначала она стала невестой Артыка, потом вышла за него замуж и, наконец, стала матерью. И каждый раз она испытывала новое счастье. Теперь ее особенно радовало то, что исполнились мечты Нурджахан и оправдались надежды Артыка.

Едва взошло солнце, как пришел служитель мечети. Стоя с западной стороны кибитки, он прокричал призыв на молитву, затем перешел на восточную сторону и прочел славословие аллаху. Это означало, что родился мальчик. Родись девочка, муэдзин не пришел

бы сюда славословить аллаха. Рождение девочки встречали с недовольством, заранее считали ее чужой в доме, чьей-то будущей рабыней. Иной отец девочки, услышав шепот: «Отрежь пуповину!» — ворчал: «Не пуповину отрежь, а горло ей перережь!»

Но Артык и Айна были бы рады и дочери.

Нурджахан установила перед кибиткой два котла с кипящим салом и тут же начала готовить праздничные пишие — лепешки из кислого теста. Она заранее готовилась к тою и теперь щедрой рукой раздавала всем приходящим урюк, кишмиш, сушеные финики, горячие лепешки. Более близким и почетным людям угощение завязывалось в платок. Вокруг кибитки Артыка разрастался веселый шум. Будь это мирное время, Артык не остановился бы перед тем, чтобы залезть в долги, но обязательно устроил бы скачки с призами. Однако сейчас этого нельзя было делать. Все же Дурды, взяв на себя руководство тоем, устроил скромные развлечения: состязание в стрельбе, игру в юзук, борьбу.

Артык уже был на ногах. Среди всех этих семейных радостей он ни на минуту не забывал об обещании, данном Чернышову через Ашира. В последние дни к нему один за другим приезжали эзизовские нукеры. Готовясь к надвигающимся событиям, Эзиз торопил своего сотника скорее прибыть в Ак-Алан, принять свою сотню. Прислал своего горца из Каахки и Нияз-бек, приглашая Артыка приехать к нему, если он уже в силах сидеть в седле. Но Артык твердо держался своего решения никогда больше не ступать на путь, которым шел Эзиз-хан, а о возможности службы в туркменской кавалерии Нияз-бека даже не думал. Единственно о чем он по-прежнему мечтал — повести за собой джигитов и соединиться с Красной Армией.

Своей мечтой он поделился и с Айной.

Как это ни опасно было для Дурды, Артык решил послать его в Теджен, чтобы договориться о времени и месте перехода в Красную Армию. В эту ночь он и Дурды уснули поздно, а вскоре после полуночи Артыка разбудил тихий голос за дверью:

— Артык! Эй, Артык!

Голос показался знакомый. Айна зажгла лампу.

Артык поднялся с постели, открыл дверь. В кибитку быстро проскользнул человек и поспешно захлопнул дверь за собой. Артык от удивления чуть не вскрикнул:

— Мавы!

Мавы испуганно взглянул на него:

— Тише, Артык!..

— Будь покоен, у меня ты в безопасности! Не бойся ничего!

При свете лампы Артык взглянул на Мавы испытующим взглядом. Красногвардеец был в простой дей-ханской одежде, — да в другой он и не мог появиться в ауле. Но выражение лица Мавы, все его поведение сильно изменились. Не успел он сесть, как тотчас заявил:

— Артык, меня послал к тебе Иван.

— Я и сам знаю, что не Куллыхан, — усмехнулся Артык.

Дурды, проснувшись, осторожно поднялся и внезапно обхватил Мавы сзади. Мавы хотел выхватить из кармана револьвер, но Дурды крепко держал его руки. Мавы возмущенно сказал:

— Артык, мужчина так не поступает!

Артык улыбнулся:

— Мавы, ты ошибаешься, так поступает настоящий мужчина!

Красногвардеец, наконец, вырвался и правой рукой схватился за револьвер. Дурды крикнул:

— Эй, чужак, стой!

Мавы, обернувшись, увидел знакомое улыбающееся лицо и крепко обнял Дурды. Когда он стал расспрашивать Артыка о здоровье и жите-бытье, голос его еще дрожал.

За чаем Мавы рассказал, как полк Алеши Тыжденко, отбиваясь от индусов, уходил через пески. Очутившись в знакомых местах, он с разрешения Тыжденко приехал в аул, чтобы узнать о здоровье Артыка и о том, когда он собирается перейти фронт. По дороге он

встретил Баллы и даже выстрелил в него, когда тот хотел его задержать, но промахнулся. Теперь Мавы боялся, что Артыку будет неприятность от Эзиза, если в ауле узнают, что к нему приезжал красногвардеец.

Артык успокоил его:

— Пока я дышу, не бойся ни Баллы, ни Эзиза. Расскажи лучше про Ивана и как идут дела на фронте.

Мавы сообщил, что знал, о положении на фронтах, а потом сказал:

— У Ивана большое горе: от одного рабочего, который пробрался к нам через фронт из Ашхабада, он узнал, что белые и англичане захватили в Красноводске двадцать шесть бакинских комиссаров.

— А как бакинские комиссары оказались в Закаспии? — спросил Дурды.

— Иван говорил, что это случилось так: белые захватили власть в Баку и, так же, как у нас, сейчас же позвали себе на помощь англичан. Все комиссары советской власти были арестованы и посажены в тюрьму. А потом в Баку ворвались германо-турецкие войска. Комиссары воспользовались суматохой, освободились из тюрьмы и сели на пароход...

Артык, ничего не знавший о событиях в Баку, прервал Мавы:

— Ну, хорошо, турок — это турок, а при чем тут германы?

— Разве ты не знаешь, что турки воевали на стороне германов? Они и теперь заодно. А на нашу страну зарятся не одни англичане. Германы и турки тоже рвутся сюда через море...

— Что же получается, Мавы? Англичане и германы будут захватывать нашу землю, а мы будем смотреть?

У Артыка искры сверкнули в глазах.

— Нет, — гневно сказал он, — этому не бывать! Теперь моя рука может держать оружие, и на Мелекуша я могу уже сесть. Вернешься к Ивану, скажи ему: биться будем за нашу землю!

— Хорошо, Артык, но я не кончил.

— Да, ты о комиссарах... Расскажи, послушаем.

— Так вот, сели они на пароход, хотели плыть в Астрахань, но пароход почему-то пришел в Красно-водск. Вот тут и попали они опять в руки белых и англичан. Английский генерал будто бы так сказал: «Хотя у комиссаров и нет оружия, у них есть язык, и они могут поднять народ. Большевики для нас безопасны только мертвые...» И приказал всех расстрелять. Тогда Фунтиков и капитан Тиг Джонс — тот самый, который был в Теджене вместе с Ораз-Сердаром, посадили всех двадцать шесть в вагон и в песках, между станциями Ахча-Куйма и Перевал, зверски расправились с ними...

Мавы умолк, но Артык не сводил с него глаз, и он продолжал:

— На другой день в ашхабадской газете было напечатано... — Мавы вынул из кармана обрывок газеты и протянул Дурды: — Читай!

Дурды с волнением начал читать сообщение:

— «Бакинские главари попали в наши руки, в их числе — самый известный среди них — Шаумян. Его называют кавказским Лениным. Это они яростно выступали против наших дорогих союзников, которые откликнулись на наш зов и освободили Баку... Теперь они в наших руках... Смерть большевикам!»

Дурды с отвращением бросил газету.

Артык молчал, подавленный страшной вестью. Мавы рассказал о том, как эта весть взволновала советских людей, какое озлобление к врагу вызвала у красноармейцев. После него горячо заговорил Артык:

— Только теперь я начинаю понимать, как был короток мой ум. Я читал, что раз свалили царя, то свобода уже в наших руках. Я не понимал, что врагами свободы являются не только Халназар-бай, Бабахан-арчин, но и Эзиз-хан, и ханы всего мира. Как дорого обходится нам свобода! И какие люди жертвуют ради нее своею жизнью! А без свободы нам лучше не жить на свете...

После короткого молчания он заключил:

— Выпущенная стрела и перед камнем не остановится. Если поднимается весь народ, ему никакой враг не страшен. Мавы, не горюй: мы непременно выполним то, за что боролись бакинские комиссары! Пусть здоровствует Ленин! А Ивану передай — отныне я выполняю только его приказания!

Речь Артыка прервал плач ребенка. Мавы с удивлением оглянулся.

— Что это — младенец или я ослышался?

Дурды положил руку ему на плечо:

— Мавы, у Артыка родился сын!

— Ну, вот это радость! Поздравляю, Артык! Сын, говоришь? Долгой жизни ему! Как называли его?

— Бабалы.

— Значит, в честь бабушки. А мы свою дочку назвали Джерен.

Голос сына и разговор о нем несколько успокоили и развеселили Артыка.

— И у вас ребенок? — спросил он Мавы. — Вот молодцы!

— Майса и в этом шуме-гаме не растерялась! Хотя и не сын, как у Айны, но мы свою дочку любим, как сына.

— Хорошо, Мавы. Говорю — молодцы вы с Майсой! Что ж, не пора ли нам подумать о сватах?

Беседа затянулась. Артык про себя не переставал удивляться тому, как переменился Мавы. Когда-то он на людях и слова не смел вымолвить, теперь свободно рассуждает о больших событиях в стране.

Дурды сообщил Мавы, что в Каахку прибыло много новых английских частей, начертил на листке бумаги схему расположения белых; передал также свой разговор с Нияз-беком, свидетельствовавший о разложении в лагере контрреволюции. По его словам, в народе росло озлобление против белых и интервентов.

Теперь необходимость поездки Дурды в Теджен отпала. Артык поручил Мавы передать Чернышеву, Аширу и Тыжденко, что, выкинув белый флаг, он со своей сотней подойдет к Теджену между пятнадцатым и двадцатым октябрём.

Мавы был неожиданным, но дорогим гостем для Артыка. На рассвете он уехал вместе с Дурды, который вызвался проводить его в Теджен знакомым кружным путем, а после полудня к кибитке подъехали два всадника в туркменских халатах. В одном из них Артык тотчас же узнал Чары Чамана — того самого караван-баши, которого Куллыхан посылал в Ташауз продавать оружие и который был освобожден Джунаидом по просьбе тедженских старейшин; на голове у него красовалась большая белая папаха. Артык узнал и другого всадника в черной каракулевой шапке, — это был тот же самый чужестранец, которого Артык когда-то видел у Эзиза, а затем встретил у Нияз-бека. Ни тот, ни другой из неожиданных гостей не внушал ему доверия. Если бы он встретился с ними в другом месте, то, может быть, и разговаривать не стал бы. Но древний обычай гостеприимства обязывал принять гостей подобающим образом.

Чужестранец заговорил, как давнишний знакомый.

— Артык Бабалы, я тебя очень хорошо знаю. Наверное, и ты помнишь меня. Правда, до сего часа нам не приходилось разговаривать, но я много слышал о тебе, и ты понравился мне с первого взгляда. Ты храбрый человек, и я не трус. Будем друзьями. Наш путь с Чары Чаманом пролегал мимо твоей кибитки, и я сказал: «Заедем, проведем Артыка». Я считал своим долгом поздороваться с тобой, спросить о здоровье. Я знал, что ты был тяжело ранен в бою с большевиками, и с радостью вижу, что ты, слава аллаху, в добром здоровье.

Артык настороженно слушал и только дивился его осведомленности.

— Гость, — отвечал он, — я знаю двух людей, похожих на тебя, но не могу понять: ты — один из них или же ты — третий, только похожий на них?

Чужестранец улыбнулся.

— Ты наблюдательный человек, Артык Бабалы. Не стану перед тобою таиться: я — и

тот и другой человек, которых ты видел. Бывает, что я становлюсь и третьим, которого ты еще не знаешь. Если хочешь воспользоваться временем для себя, то, прости меня, нет греха в том, что переменишь даже национальность.

«Человек, так легко меняющий имя и национальность, еще легче изменит своему слову и клятве», — подумал Артык. Поэтому, хоть и не подобало при первом знакомстве ставить такие вопросы, он спросил, не стесняясь:

— Что вынуждает тебя к этому? Чужестранец повел глазами вокруг:

— По этому поводу я хотел поговорить с тобою наедине.

Айна, не дожидаясь знака Артыка, вышла из кибитки приготовить чай. Ушел и Чары Чаман, якобы, взглянуть на коней. Чужестранец решил, что теперь можно говорить в открытую.

— Артык Балабы, — вкрадчиво начал он, — для простого человека, как ты, и для Эзиз-хана я — Абдыкерим-хан, афганец. Но с людьми, выросшими на городской воде, занимающимися политикой, я не могу откровенничать. Я — государственный человек.

— Разве нельзя открыто вести государственные дела?

— Нет, государственное дело, политика — все равно, что игра в карты. Кто сумеет подтасовать карты в свою пользу, тот и выиграл.

— Так... Но какое же я имею отношение к государственным делам?

Абдыкерим-хан ближе подсел к Артыку. — Когда в жизни народа происходят такие перемены, ты можешь играть даже большую роль, чем люди политики. Ты — местный житель. Если приезжие не будут опираться на таких, как ты, им не удержаться. Народ скорее пойдет за таким вожаком, как ты, знающим думы дейханства. Да, кстати, спрошу тебя: как ты смотришь на Эзиз-хана?

Артык подметил огонек коварства в глазах Абды-керима и потому ответил сдержанно:

— Ты, наверное, знаешь Эзиза не хуже, чем я.

— Да, я знаю Эзиза. Но мне важно знать твое мнение о нем.

— Разве Эзиз не мог сам поговорить со мной, вместо того, чтобы посылать постороннего?

Абдыкерим-хан с упреком посмотрел на Артыка:

— Артык Бабалы, я не заслужил таких обидных слов. Видно, ты и на самом деле не знаешь меня. Хотя я и меняю подчас свое имя и внешность, но я не из тех, кто способен понапрасну сеять раздоры между людьми...

Правда, ты простой человек, и обижаться на тебя нельзя. Но чтобы ты понял, почему я спрашиваю тебя об Эзиз-хане, я откровенно скажу тебе свое мнение о нем. Эзиз — деспот, который думает только о себе и ни с кем не считается. Ему нельзя доверять. Если он утвердится, то совсем забудет народ. Не думаю, что он кого-либо пожалеет, если ему станут поперек дороги. Я опасаюсь и за твою жизнь. Поэтому тебя нельзя мешкать, нельзя упускать удобного случая. Скажу прямо: не Эзиз, а Артык Бабалы должен быть предводителем народа.

Артык понял, что Абдыкерим-хан хочет заставить откровенно высказаться его самого, и ответил насмешливо:

— А Эзиз-хан согласится на это?

— Если не дашь подзатыльника, и ребенок не послушается.

— Ты считаешь, что у меня кулак сильнее, чем у Эзиза?

— С помощью Абдыкерим-хана ты не только Эзиза, но и Ораз-Сердара сможешь свалить.

— А в Абдыкерим-хане я должен видеть государство афганцев?

— Нет, более сильное государство. Скажу только тебе: в Абдыкерим-хане ты должен видеть Великобританию.

— Велик... брит?.. Не понимаю.

— Англию.

У Артыка волосы зашевелились на голове. Расстрел бакинских комиссаров встал перед

его глазами. Он в упор посмотрел на английского шпиона:

— Ты за кого меня принимаешь?

Несомненно, Абдыкерим-хан заметил угрозу и негодование в глазах своего собеседника. Несмотря на это, он еще ближе пододвинулся и невозмутимо продолжал:

— Артык, я сказал тебе, что времена меняются. Поэтому и карта земли должна измениться. Тебе известно, что Закаспийский фронт держит английская армия. Присоединение к английской карте твоей туркменской земли и всего Туркестана вполне возможно.

Артык хотел было что-то возразить, но Абдыкерим-хан поднял руку:

— Подожди немного. Вот что я хочу сказать тебе: твой народ может завоевать национальную свободу только с помощью Англии. Подумай и...

Артык перебил Абдыкерим-хана:

— И думать нечего. Волк с овцой не пьют из одного колодца. Видели мы на индусах английскую свободу. Они у англичан вроде тех мулов, что таскают на своем горбу их пушки и пулеметы. Сто индусов не смеют пройти мимо англичанина со стороны солнца. Уж не такую ли свободу собираются они дать туркменам?.. Нет, с англичанами мы никогда не станем друзьями! Лучше умереть, нежели питаться объедками собаки.

Но Абдыкерим-хан не обиделся на слова Артыка, а заговорил еще ласковее. Он рассказал, что английские войска пришли в Закаспий по приглашению ашхабадского правительства, что Дохов подписал в Мешхеде с генералом Маллесоном договор и что в силу этого договора англичане считают своей обязанностью помогать народам Средней Азии.

— Артык Бабалы, — говорил он, — я знаю, что ты не глуп. Это судьба, которая сильнее тебя. Не отворачивайся от счастья, которое само идет к тебе в руки!

— Абдыкерим-хан! — вспыхнул Артык. — Ты судишь по себе, но я не продаюсь! И туркмены сами найдут свой путь.

Видя, что Артык разгорячился и что убеждения на него уже не действуют, Абдыкерим-хан попробовал подойти к нему с угрозами.

— По-видимому, я ошибся, ты — глупый парень! — сказал он резко. — Ты воображаешь, что с тобой и твоим народом будут все время нянчиться? Что ты такое? Да и весь твой народ? Либо вы будете сражаться вместе с нами против большевиков, либо превратитесь в пыль под копытами английских мулов!

— Врешь! — крикнул Артык, окончательно выходя из себя. — Так может говорить только такой человек, как ты, у которого нет ни чести, ни родины. Благодарю бога, что ты — гость в моем доме! Если б ты встретился мне в другом месте, — не ушел бы от меня живым. Когда вернешься к своим хозяевам, скажи: Артык Бабалы не продает свою честь! И от туркменского народа, от всех честных людей моей страны передай им: пусть убираются отсюда как можно скорее, иначе от их голоногих солдат и мулов и следа не останется!

Абдыкерим-хан только тут понял, что продолжение разговора с Артыком может кончиться для него плохо.

Он молча посмотрел на молодого туркмена взбешенными глазами и, не попрощавшись, вышел. Артык схватился за револьвер, намереваясь пустить вслед ему пулю. Его остановило лишь впитанное с молоком матери уважение к обычаям гостеприимства. Но он не выпускал из рук револьвера, слушая удалявшийся топот коней. Безнаказанное исчезновение Абдыкерим-хана приводило Артыка в ярость. «Какой же это гость? — думал он. — Это убийца, ворвавшийся в мою страну. Таких надо беспощадно уничтожить!» Выйдя из кибитки, он приказал джигиту седлать Мелекуша. Айна взмолилась:

— Милый Артык, куда ты поедешь? Рана твоя еще не зажила. Потерпи дня два!

Встревоженная Нурджахан присоединилась к Айне. Артык успокоил женщин и, подойдя к джигиту, что-то сказал ему на ухо. Тот мигом вскочил на Мелекуша и только спросил у Артыка на прощанье:

— Которого?

— Обоих!

Мелекуш помчался стрелой.

Вернувшись в кибитку, Артык прилег на ковер, но никак не мог успокоиться. Неожиданное появление в кибитке шпиона и весь его разговор казались ему неслыханным оскорблением. Сердце Артыка горело. Он уже раскаивался, что послушал Айну и мать и не бросился сам в погоню. Его ничуть не страшило разоблачение его перед Эзизом, но не давала покоя мысль, что эта отвратительная заразная муха беспрепятственно летает в его стране.

Чтобы немного успокоиться, Артык взял на руки сына — от него так сладко пахло материнским молоком, — но вместо этого расстроился еще больше и стал разговаривать с маленьким Бабалы:

— Разве смогу я считать себя твоим отцом, если допущу, чтобы английская плеть упала на твоё нежное тельце? Неужели я позволю наложить на тебя цепи рабства?

Случись такое, ты всю жизнь будешь проклинать меня, а я и в могиле не найду покоя. Нет, сынок, нет! Мой долг — завоевать тебе свободную жизнь. Предки учили меня не быть рабом, и я исполню свой долг. Я не один. Есть советская власть, есть Иван, зовущий меня. Если смогу соединиться с Красной Армией, то никакой враг мне не будет страшен.

Артык крепко поцеловал сына.

В сумерки вернулся джигит.

По его виду Артык понял, что приказ им не выполнен. Джигит настиг только одного, второй усакал и скрылся в зарослях тростника. Поймав вопросительный взгляд Артыка, он снял охапку травы, притороченную к седлу, и бросил на землю. К ногам Артыка упала белая папаха.

— Мне больше был нужен другой, — хмуро проговорил Артык. — Но ничего! Избавиться от предателя — тоже польза. Придет время, и второй попадется мне в руки.

Это столкновение с английским шпионом ускорило решение Артыка сесть на коня. Абдыкерим-хан, конечно, сообщит обо всем Эзизу, англичанам и белым, не успокоится до тех пор, пока не уничтожит его. Но прежде чем оседлать коня, Артык задумался: что же делать с семьей? Эзиз или уничтожит семью или, в лучшем случае, прикажет перевезти ее поближе к себе и держать Айну, мать и Шекер в качестве заложников. Надо было перевезти их куда-нибудь подальше от Ак-Алана, Артык посоветовался с Айной. Та мужественно выслушала мужа и согласилась с его решением.

— Милый Артык, — сказала она, — что хорошо для тебя, то хорошо и для меня. Разлука с тобой, конечно, мне тяжела. Но ради тебя, ради благополучия народа я все стерплю. До твоего возвращения Бабалы будет мне утешением и поддержкой...

Матери и Шекер Артык не сказал всего, а лишь объявил о своем решении:

— Время тревожное, всякое может быть... Может случиться, что я поссорюсь с Эзизом, уйду от него. Тогда его нукеры станут искать и меня и вас. Поэтому я хочу перевезти вас подальше от проезжих дорог. Но кто бы вас ни спрашивал, говорите, что переезжаете в свой аул.

Он перевез свою кибитку в аул одного из своих друзей, в Гарры-Чирлу, и, прощаясь с Айной, сказал:

— Айна, жив буду — вернусь, погибну — пеняй на судьбу.

Айна припала головой к плечу Артыка и ответила спокойным голосом:

— Артык-джан, смелого и пуля не берет. Еще встретимся в счастливые дни...

А из черных глаз ее градом катились слезы.

Глава тринадцатая

Ночь на четырнадцатое октября приближалась к рассвету. Яркие еще горели звезды на темном, безлунном небе. На станции Мары стояло только два пустых состава, слышался легкий стук вагонных колес да короткие, отрывистые гудки маневрового паровоза.

Единственный классный вагон стоял в тупичке возле станции. По обеим сторонам его вышагивали красноармейцы с винтовками на плечах, и всякий мог понять, что это не простой вагон. Вот они встретились у буферов вагона, заговорили, поглядывая по сторонам и потирая зябнувшие руки.

Высокий узкоплечий красноармеец негромко обратился к своему товарищу:

— Да, Кулагин, а помнишь, какие муки терпели мы летом, когда губы трескались от огненного дыхания Кара-Кумов?

— Холодно становится, верно. Но все же хороша погода!

— Эх, сейчас бы под тепленькое одеяльце!

— Да вместе со своей Машенькой! — засмеялся Кулагин. — Все о ней думаешь?

— Думаю, — признался высокий красноармеец, — в последнее время даже вижу ее во сне. Как не думать?

— А она?

— Никогда не забуду, как прощались. Она обливается слезами, говорит: без тебя мне ничто не мило.

— Ты вот думаешь о своей Машеньке, а беляки думают о том, как лишить тебя жизни. А ты не забыл, как на станции Чарджоу я давал клятву командующему и от твоего имени?..

— Если б забыл, не держал бы в руках эту винтовку, — обидчиво возразил высокий. — Сколько было боев, и сколько беляков уложил я в песках Кара-Кумов? А кто привел в штаб «языка»?

Кулагин потрепал его по плечу.

— Не обижайся, я шучу. Вот расколотим тут беляков и интервентов и вернемся домой!

— И я уверен, что расколотим. Поскорее бы!

— Об этом, наверно, сейчас и толкуют на Военном совете. Член Туркестанского реввоенсовета прибыл, значит, серьезные дела начнутся...

В штабном вагоне и в самом деле шло заседание Военного совета Закаспийского фронта.

Чернышов делал доклад об общем положении на фронте.

— ...Наши части в результате трехмесячных непрерывных боев в безводной пустыне, — говорил он, обращаясь больше к члену Реввоенсовета, — сильно поредели, устали. Наступление на Каахку было неудачным, потери значительны. Очень плохо обстоит дело с питанием и обмундированием наших красноармейцев. Необходимо дать частям отдых, влить в них свежие силы, чтобы сделать их вполне боеспособными. Казанский полк, по решению Военного совета, уже переведен в Чарджоу. Там он находится на отдыхе, но в то же время держит заслон против бухарского эмира и Джуна-ид-хана. Туркестанский полк стоит в Байрам-Али, а Московский сводный — здесь, в Мары. Фронт держат лишь Жлобинский полк, пулеметные и артиллерийские части да небольшие отряды Красной гвардии... Между тем, по данным разведки, силы врага растут изо дня в день. На днях интервенты перебросили сюда из Ирана еще Двадцать восьмой индийский конный полк...

Он обратился к Меркулову:

— А ну-ка, товарищ начальник штаба, покажи схему расположения белых и интервентов, доставленную Дурды.

Воспользовавшись перерывом, член Реввоенсовета спросил Чернышева:

— Скажите, а каково положение в Теджене? Как относится туркменское население к советской власти и Красной Армии?

Чернышов ответил:

— Как вам известно, в Теджене сейчас хозяйничает Эзиз. Свиристует страшно. Большинство дейхан тянется к нам и готово помогать Красной Армии. Недавно к нам перешел один из мобилизованных Эзизом и служивший у него в качестве переводчика — Дурды.

Он принес нам отрядные сведения о настроениях туркменских дейхан. По его словам, самый отважный из командиров Эзиза готовится вместе со всей своей дейханской сотней

перейти на нашу сторону.— Он рассказал со слов Дурды о растерянности Нияз-бека и, указывая карандашом на отдельные точки разложенной Меркуловым на столе схемы, продолжал свой доклад:

— Вот это — Старая крепость. Здесь стоит конный полк Нияз-бека. На юго-востоке от него, вот здесь — Хэмпширский полк интервентов. По соседству с ним — «Волк», полк белых. Дальше стоят Пенджабский батальон и офицерская рота белых. К юго-востоку от Каахки расположился Двадцать восьмой индийский полк. За ним — «Лев» и другие полки... Как видите, силы белых и интервентов значительно превосходят наши. Если они перейдут в наступление, — а есть сведения, что это случится на днях, — положение на фронте следует считать угрожающим.

Чернышов умолк на минуту, словно раздумывая над тем, что он собирался сказать дальше, затем обратился к представителю военного командования республики:

— Товарищ член Реввоенсовета! Отношение к моим докладам со стороны Военного комиссариата Туркестана удивляет нас. Может быть, там забыли о Закаспийском фронте?

Высокий представительный человек с пышными усами удивленно взглянул на командующего фронтом. Затем он взял палочку и, обводя взглядом карты, развешанные по стенам салона, стал отвечать Чернышову:

— Надеюсь, товарищ командующий, что вам достаточно хорошо известно, что у нас в Туркестане не один Закаспийский фронт?

— Известно, товарищ член Реввоенсовета.

— И все же вы решаетесь бросить такой упрек Народному комиссариату республики?

— Я и сидящие здесь члены Военного совета отвечаем за положение на Закаспийском фронте, поэтому я и...

— Эти ваши слова еще больше удивляют меня. Уж не хотите ли вы объяснить мне, кто и за что отвечает? Полагаю, что уже по моему росту вы можете судить, что и не ребенок..

Почувствовав, что Чернышов собирается что-то сказать, член Реввоенсовета предупредил его возражения:

— Прошу вас теперь послушать меня. Он стал водить палочкой по карте:

— Атаман Дутов, выполняющий одно из наиболее важных заданий английского командования, вновь угрожает Актюбинску. Представляете ли вы себе, какими силами располагает Дутов и какие силы требуются нам, чтобы разгромить его? На Ферганском участке басмачи, выполняющие другую часть плана интервентов, день ото дня расширяют район своих разбойничьих действий. Эмир Бухары и Джунаид-хан, как вы сами только что докладывали, тоже представляют серьезную угрозу: оба стремятся взорвать мост через Амударью, прервать железнодорожное сообщение и в дальнейшем действовать объединенными силами. Положение на других окраинах России вам известно по газетам: центр пока не имеет возможности бросить необходимые силы на Туркестанский фронт. Вот вы и судите — возможно ли при таком положении ждать подкреплений из Ташкента? Военный комиссариат Туркестана сам не прочь бы получить помощь от Закаспийского фронта.

Сколько раз члены Военного совета упрекали Чернышева в том, что он не умеет убедить Военный комиссариат республики в необходимости послать подкрепления в Закаспий, не умеет требовать. Теперь, выслушав члена Реввоенсовета, они смущенно опустили головы. Зная о тяжелом положении на других фронтах, Чернышов и не думал просить подкреплений. И если он решился на такое выступление, так только затем, чтобы член Реввоенсовета сам авторитетно сказал о положении в Туркестане, а товарищи поняли, как обстоят дела. Почувствовал и член Реввоенсовета, что упрек командующего фронтом исходил не от него одного. Почувствовал по тому впечатлению, которое произвела на всех его речь. Поэтому свои заключительные слова он обратил к Чернышову, но поглядывал и на всех других участников совещания.

— Я понимаю тяжесть вашего положения, — продолжал он тем же серьезным тоном, — противник превосходит вас и в живой силе и в вооружении. Понимаю и то, как опасен для

вас Эзиз-хан, угрожающий разрушить железную дорогу у вас в тылу, в то время как белые и интервенты собираются не сегодня-завтра перейти в наступление. Мы в Ташкенте прекрасно отдаем себе отчет в том, что здесь, в Закаспий, положение очень трудное и сложное. Но что делать? Не могу обещать вам даже того, что Военный комиссариат сможет послать вам еще хотя бы один полк. Интервенты стремятся оттянуть основные наши силы сюда, на юг, чтобы дать возможность Дутову овладеть Актюбинском и Оренбургом, а после этого добить нас и здесь. Вот какие планы у них. Но как. ни трудно ваше положение, надо обойтись имеющимися у вас силами. Большевики умеют находить выход из самого трудного положения. Партия учит нас быть упорными в достижении поставленной цели, не впадать в панику и уметь побеждать даже при неравенстве сил. А в вашем лице, товарищ командующий, я вижу настоящего большевика и способного командира. Поэтому я твердо уверен, что вы справитесь с положением и сможете нанести сокрушительные удары белым и интервентам...

Его речь прервал резкий телефонный звонок: с фронта сообщили о начавшемся наступлении белых. И Военный совет тотчас принял решение двинуть резервы в бой. Телефонные звонки привели в действие все красноармейские части, стоявшие в Мары, Байрам-Али Чарджоу.

На восходе солнца первый эшелон Московского сводного полка вместе со штабным вагоном двинулся на запад.

Первые часы боя принесли белым ряд неудач. Было еще совсем темно, когда англо-индусские части выступили в направлении станции Душак. Дозоры Пенджабского батальона и Хэмпширского полка, подходя к станции с двух сторон, приняли друг друга за красных и открыли стрельбу. Неожиданная перестрелка испугала сытых мулов. Они подняли рев, задрав хвосты бросились в разные стороны. Пулеметы перевернулись, с треском попадали патронные ящики. Разрывная пуля попала в ящик с патронами. Патроны воспламенились. От горящего ящика стал гореть мул, и животные совсем ошалели.

Эта суматоха замедлила движение англичан. Бой начался с восходом солнца. Индусский конный полк, двигаясь у подножия гор, вышел к Душаку с юго-востока. В то же время с северо-востока показался конный полк Нияз-бека.

С двух сторон загрохотали пушки.

В вагон с боеприпасами попал снаряд. От взрыва задрожала земля. Громоподобное эхо прокатилось в ущельях гор. Густой дым огромным черным столбом поднялся в небо. Кони, верблюды, коровы, ошалевшие от грохота и огня, разбегались во все стороны. Как огненные факелы, метались в свете огромного зарева люди. Красногвардейцев и железнодорожных рабочих, убегавших со станции на холмы, взяла в штыки белая офицерская рота, а уцелевших изрубили шашками сипаи конного индусского полка.

Торжество белогвардейцев казалось полным. После короткой передышки они двинулись на Теджен. Но во второй половине дня на помощь отступавшим разрозненным красногвардейским отрядам подошли Казанский, Туркестанский и Жлобинский полки. Белые и интервенты не выдержали удара и покатались обратно, в сторону Каахки. Отступление превратилось в бегство. Трупы индусов и белогвардейцев усеяли степь.

В ночь, когда кончился бой в Душаке, начался бой в Теджене.

Город был беззащитен, весь гарнизон его ушел на фронт. Налет на Теджен был произведен по прямому требованию англичан, спасавших свои шкуры. Эзиз выступил одновременно с Аллаяр-ханом, бывшим царским офицером, служившим в «дикий дивизии» Калмакова, а теперь, подобно Эзизу, сколотившим свою банду и тоже мечтавшим о собственном ханстве.

Эзиз и Аллаяр-хан обрушились на город ночью. Не встретив почти никакого сопротивления, бандиты ворвались на улицы и ринулись в дома. Начался грабеж и разбой. Убивали, не разбирая, женщин, детей, стариков. Рубили трупы на части и вешали на деревьях. Насиловали девушек. Подожгли лучшие здания города, хлопковый завод.

Несколько бандитов из отряда Аллаяр-хана ворвались в дом врача. Врач вышел к ним в

одном белье, поднял руки:

— Я ни с кем не воюю. Мое дело — лечить людей. Пощадите мой дом!

Один из бандитов злобно оскалился:

— Ха! Ты лечишь людей? Вот как!..

— Я и твоему ребенку дам лекарство, если он болен. Тысячи людей получили у меня помощь. Не трогайте меня!

В это время послышался крик воспитательницы его ребенка, француженки. У врача помутилось в голове. Он не выдержал, крикнул:

— Какой разбой! Не трогайте женщин!

— Ах, разбой? Вот тебе!

Пронзенный пулей, врач опрокинулся навзничь.

Несколько нукеров Кельхана ворвались в школу, стоявшую на берегу реки. Там жил недавно окончивший Ташкентскую учительскую семинарию учитель-туркмен, тихий, скромный юноша, всегда занятый своим делом. Нукеры схватили его, сорвали с него одежду.

— Стойте, братья! — крикнул он. — Я тоже туркмен.

— Ты — вероотступник! Твоя доля — удар сабли!

— Отведите меня к Эзиз-хану. Если я виновен, пусть он судит меня!

— Подобных тебе мы и сами сумеем послать куда, следует!

Один из нукеров прицелился в учителя из ружья. Подоспевший Кельхан крикнул:

— Эй, бессовестный, стой!

Ружье выстрелило.

По счастью, пуля пролетела мимо головы учителя. Нукер перезарядил ружье, но Кельхан схватил его за руку:

— Остановись!

Учитель от страха лишился речи и ни слова не мог сказать Кельхану в свое оправдание. В конце концов его погнали в Ак-Алан вместе с женщинами и скотом.

Русского учителя той же школы, его жену и ребенка эзизовцы изрубили в куски.

Прибывший со стороны Душака кавалерийский отряд Тыжденко выбил бандитов из города.

Ашир стоял на улице, подавленный всем, что раскрывалось перед его глазами. Теджен горел. Искры пламени взлетали в темное небо, сверху хлопьями сыпалась копоть, как черный снег. Отблески пожарищ освещали все вокруг зловещим багровым светом. Растерянным взглядом смотрел Ашир в распахнутые ворота двора. Вон кто-то неподвижно лежит у порога дома, кто-то стонет, лежа наполовину в арыке. Тут валяется женское платье, там — подушка. Блестят в свете пожара золотистые волосы повешенного на дереве...

Подбежала Майса, за платье которой цеплялся охрипший от плача ребенок, кинулась на грудь Ашира.

— Ах, Ашир-джан, что за несчастье!.. — заговорила она, обливаясь слезами. — Я спаслась в подвале. А мои соседи...

Слезы душили ее, она вздрагивала всем телом.

— Какое зверство! Это позор для нашего народа...

Ашир хорошо понимал, чем питается это дикое зверство. Разве посмел бы Эзиз так зверствовать, если бы он не чувствовал за собой поддержки со стороны интервентов? Красная Армия покончила бы с ним и с белыми одним ударом. Ашир был также расстроен и возмущен, как и Майса. И будь сейчас перед ним Тыжденко, он нашел бы верные слова для оценки действий эзизовских бандитов, дал бы выход гневу своего сердца. Но Майсу надо было как-то успокоить. И Ашир сказал:

— Успокойся, Майса. Не бывает войны без крови и жертв. Даже через верблюжью колючку не переберешься, не поцарапав руки и ноги. А мы хотим перебраться в новый мир. Успокойся! На смену сегодняшнему нашему горю придет радость.

Наутро после этой кровавой ночи Артык приехал в Ак-Алан. Ужасное зрелище

потрясло его: из города вели коров, полуголых женщин, плачущих детей. Нукеры тащили подушки, ковры, одежду.

Аллаяр-хан пьянствовал в своей кибитке, распивая привезенное из города вино. Оттуда доносились крики и брань. В стороне, как попавшие к шакалам фазаньи курочки, испуганно жались русские девушки. Вместе с ними — француженка из дома врача.

Нукеры ходили разряженные, были почти неузнаваемы. Поношенная тужурка на Пеленге показалась Ар-тыку знакомой. Она напоминала ему тужурку Чернышова. «Может быть, его убили?» — мелькнула у него мысль.

Артык невольно схватился за револьвер, но сдержал себя. Подойдя к Пеленгу, он погладил сукно тужурки:

— Хорошая материя. Где ты достал?

— Это моя добыча.

— Э, да ты силен! Наверно, убил хозяина?

— Я немало убил там, но хозяина этой одежды не было дома. Какая-то рыжеволосая женщина хотела запугать меня.

— Ты прикончил ее?

— Нет, не успел. Это было возле станции. Я еле удрал от красного бронепоезда.

То, что Анна Петровна, очевидно, осталась в живых, несколько успокоило Артыка. Но он не в силах был смотреть на обезумевших от горя плененных женщин, на зарево горящего города. Он раскаивался, что не приехал в Ак-Алан раньше. Может быть, он сумел бы помочь Чернышеву, Аширу, Алеше... Где они теперь?

Планы Артыка снова рушились. Над Тедженом все еще клубился черный дым. Может быть, город выгорел и там никого не осталось? Что теперь делать. Идти на соединение с частями Красной Армии, как условились раньше, в Теджен или направиться в Мары?

И Эзиз смотрел на Артыка очень холодно. Может быть, Абдыкерим-хан успел уже побывать у него, и он готовит расправу?

Обдумав свое положение, Артык решил этой же ночью уйти со своей сотней из Ак-Алана в Теджен, а если там никого не окажется, двинуться дальше, в Мары.

После полудня стало известно, что красноармейцы без боя оставили Теджен и Душак. Немного раньше Эзиз получил приказ командования пройти песками к Мары. Артыка вполне устраивал этот поход: уж там-то, в песках, он сумеет увести свою сотню на соединение с частями Красной Армии!

К вечеру началось выступление эзизовских сотен из Ак-Алана.

Был в Ак-Алане один дошлый парень, выполнявший любые поручения нукеров. Он кипятил чай, готовил обед. Все двери вокруг были для него открыты. Сейчас он почему-то метался, как крыса, потерявшая свою нору. Когда Артык готовился вскочить в седло, этот парень подбежал к нему и что-то шепнул ему на ухо.

Артык изменился в лице. Постоял в раздумье, словно на что-то решаясь, затем быстро прицепил к колышку повод коня и обратился к своей сотне:

— Друзья, у меня спешное дело. Вы поезжайте потихоньку, я скоро вас догоню.

Видя, что его волнение передалось джигитам, он добавил:

— Не беспокойтесь, ничего не случилось. Просто сюда приехал один мой земляк, и мне надо с ним повидаться. Поезжайте. Я догоню вас раньше, чем вы скроетесь из виду.

Джигиты не возражали, но раньше чем успел Артык удалиться, двое рослых молодцов, по знаку остальных, спешили и последовали за своим командиром. Услышав их шаги за своей спиной, Артык улыбнулся: приятно было сознавать, что сотня ему верна и старается охранять его.

Быстрыми шагами подошел Артык к тюрьме, устроенной в обширной коровьей землянке, и тоном приказа обратился к сторожу-тюремщику:

— Открой дверь!

Тюремщик, толстый усатый человек с огромными глазами и выпяченным круглым, как барабан, животом, знал Артыка как одного из сотников Эзиз-хана. Но он не сразу взялся за

замок, а спросил:

— Кто тебе нужен?

— Здесь есть один негодяй по имени Сары, — ответил Артык. — Его мне и надо.

— Са-ары?..

Глаза тюремщика, казалось, полезли на лоб. Но Артык, словно не замечая его изумления и растерянности, понизив голос, сказал:

— Чего ты выпучил глаза? Да, мне нужен Сары.

— Са-ары?! — все так же растерянно повторил тюремщик.

Артык, делая вид, что не понимает его, крикнул:

— Да ты что твердишь, как кукушка?! Тебе сказано отворяй — так и отворяй!

— Разве ты не знаешь, какое ждет его наказание?

— Мне все известно!

— Его этой ночью — чик! — будут «проводить от собак»...

Артык чуть не вздрогнул, но быстро овладел собой и сказал:

— Теперь Эзиз-хан переменял свое намерение.

— Как переменял?

— Он вернул меня с пути, приказал доставить ему того большевика.

— Вот тебе на! Кому же мне верить? Эзиз-хан, уезжая, приказал Пеленгу сегодня же ночью «проводить его от собак».

— Э, халиф мой, да ты просто глуп! Допросить его еще надо! Мы ему сделаем это «чик» по дороге.

— Ну, тогда надо спросить Пеленга.

Сторож сделал движение в сторону, но Артык схватил его за плечо:

— Ты что, не знаешь меня или не веришь мне?

— Верю, но...

— А если веришь, так не задерживай! Ну, открывай! Живо!

В ту же секунду откуда-то появился Пеленг.

— Э, стража, — обратился он к тюремщику, — что это за шум тут у тебя?

Сторож облегченно вздохнул:

— Вот хорошо, что ты пришел, Пеленг-хан. Теперь разговаривайте сами.

Пеленг напыжился и, обернувшись к Артыку, спросил:

— В чем дело?

Артык стал объяснять:

— В нашем ауле был шпион по имени Сары-мираб. Я все собирался расправиться с ним. Хорошо, что он попал сюда. Эзиз-хан приказал этой ночью «проводить его от собак». А вот сейчас, когда мы выехали из Ак-Алана, зашел о нем разговор, и Эзиз-хан приказал мне: «Вернись, Артык, приведи этого негодяя. Сам поговоришь с ним как следует, а потом уложим его в песках...» Вот я и приехал за ним, а тут стоит такой верблюд — ничего не понимает и подчиняться не хочет... Пеленг-хан, я не в силах пронять этого дурака словами, ты уже сам прикажи.

Пеленг сердито посмотрел на сторожа и заорал:

— Ах ты, дурак из дураков! Что ж ты — не знаешь Артыка? Разве он вернулся бы, если б Эзиз-хан не приказал ему? Пеленгу всегда найдется, чем позабавиться: есть и другие «гости», которых придется «проводить от собак». Пусть и Эзиз-хан с Артыком потешатся там в песках... А ну, открывай, живо!

Тюремщик вывел Сары. Не глядя на него, Артык молча дал знак своим джигитам. Сары с ненавистью взглянул на Пеленга и Артыка и пошел, сопровождаемый джигитами.

Артык приказал одному из джигитов посадить пленника на коня позади себя, и когда подальше отъехали от Ак-Алана, натянул повод.

Они сидели на конях рядом, плечо к плечу, но Сары, отвернувшись, смотрел в сторону. Он не ответил на приветствие, не подал Артыку руки, не захотел отвечать на его вопросы. Артык в конце концов сердито спросил:

— Сары-ага, кем ты считаешь меня?

И тогда пленник, окинув Артыка гневным взглядом, ответил:

— Я считал тебя мужественным и честным юношей, но жестоко ошибся. Теперь вижу: снаружи ты разукрашен, а внутри набит всякой гадостью... Не терзай больше своего земляка. Вот просторы полей — я твой пленник. Ты выполняешь приказ своего хана, так кончай же скорее! Но не забудь: придет время, когда советские люди будут разыскивать Сары. Тогда все, что я переживаю теперь, падет на твою голову. Как ты ответишь Аширу?..

— Сары-ага!.. — воскликнул Артык и, не в силах сказать больше ни слова, обнял пленника.

Взгляды их встретились. Сары увидел то же радостно улыбающееся лицо Артыка, какое он видел, когда они оба, получив свободу, обнялись во дворе ашхабадской тюрьмы. И он пожалел, что наговорил так много обидных слов этому истинному другу, избавившему его от смерти. Но Артык был восхищен мужеством своего земляка, который так спокойно шел на смерть за счастье народа, и потому горькие упреки Сары он выслушал без обиды, как слушал бы своего отца.

Артык знал об агитации, которую вел среди дейхан Ашир. Знал он и о том, что Сары продолжал работу Ашира: прогнал эзизовских сборщиков налогов и готовил дейхан к восстанию против ак-аланского хана. Но про то, что Сары попал в когти Эзиза, ему сказали в последнюю минуту, когда нога его была уже в стремени Мелекуша. Рассказав Сары о своей стычке с тюремщиком, о разговоре с Пеленгом, Артык сообщил, какая участь ждала пленника этой ночью.

Сары и без того понимал, что его собирались «проводить от собак». Три дня, сидя в темной и сырой коровьей землянке, с минуты на минуту ждал он прихода своих палачей... Теперь он радостно вдыхал чистый степной воздух. Всюду, куда ни глянь, расстилались зеленовато-желтые кроны невысоких кустов саксаула, покачиваемые свежим осенним ветерком. В чистом прозрачном воздухе резвились неутомимые жаворонки, разливая свою нескончаемую песню. И, как провозвестник завтрашнего светлого дня, улыбалось своим румяным лицом клонящееся к закату солнце...

Конечно, одному только Артыку обязан Сары тем, что он увидит тот завтрашний светлый день. Ему захотелось вновь обнять своего избавителя. Но он вспомнил, что Артык остается в рядах врагов, и пристально посмотрел на эзизовского сотника.

— Артык, — негромко заговорил он, — ты отважный юноша. Не хочется верить в то, что ты таишь в сердце черное, хочешь зла дейханам. Они и теперь с любовью вспоминают тебя. А кроме того, ведь ты и не глупый парень... Но я не понимаю, как ты до сих пор не понял своей ошибки. Артык, мне жаль тебя.

Слова Сары задели незажившую рану в сердце Артыка. Он с волнением и болью стал объяснять свою ошибку:

— Сары-ага,—заговорил он, — с того самого дня, когда в моих руках оказалось вот это оружие, я чувствовал, что пошел неверным путем. Не раз пытался я прекратить эти муки, но до сих пор безуспешно. Ни словом, ни делом я не вредил советской власти. И говорю я сейчас об этом не для того, чтобы оправдать себя. Я стою во вражеском лагере — кто мне поверит? Но это — голос моей совести. Раз сделан этот шаг — его не возьмешь обратно. Это все равно, что вбитый в стенку ржавый гвоздь стараться выцарапать ногтями... Сары-ага! Вот эту встречу с тобой считай моим разрывом с Эзизом. Приеду в Мары и, чего бы это мне ни стоило, перейду на сторону Красной Армии. Я заверяю тебя, как отца, что то свое намерение я выполняю... А тебе желаю еще более успешной работы на пользу советской власти. Передавай привет землякам. Пусть не обижаются на меня. А теперь прощай! Да суждено будет нам более счастливо встретиться после победы! Сары крепко обнял Артыка:

— Верю тебе, Артык, как родному сыну, и радуюсь за тебя!

Одному из джигитов Артык приказал:

— Отвези Сары-ага в аул Гоша, потом догонишь нас.

А сам отпустил поводья и во весь опор помчался вперед.

Глава четырнадцатая

Разгромив интервентов под станцией Душак, части Красной Армии вынуждены были, однако, отказаться от преследования врага. Ухудшение положения на других фронтах, гибель боеприпасов на станции Душак во время пожара и, наконец, угроза разрыва коммуникаций заставили принять решение об отходе и перегруппировке сил. Налет Эзиза и Аллаяр-хана на Теджен показал, что бандитские формирования, руководимые интервентами, способны причинить немало вреда в тылу. Поэтому советские части, по приказу командования, без боя отошли до станции Равнина. Здесь фронт закрепился надолго.

После урока, полученного под Душаком, интервенты также не решались на новые боевые действия. Оставляемые Красной Армией города занимали главным образом белогвардейские отряды. Не дремал в то время и Эзиз. Налеты на беззащитные города обходились ему очень дешево и укрепляли за ним славу могущественного, беспощадного хана. Зверства, учиненные им в Теджене, он решил повторить и в Мары.

Путь до Мары сотни Эзиза прошли к северу от железной дороги, по пескам, конным маршем.

Вступив в пределы Марыйского оазиса, Эзиз недолго раздумывал над тем, где и как показать свою жестокость. В одном из аулов его нукеры захватили раненого Ата-Дяли. Эзиз вспомнил, что когда-то этот помощник Куллыхана принимал участие в разоружении его отряда и, как говорили, убил Халназара. По его приказу,

Ата-Дяли привязали длинными веревками к седлам двух коней. Кони устремились по широкой улице большого аула, волоча несчастного по земле. Тело Ата-Дяли превратилось в красное месиво, из разорванного живота вывалились внутренности.

Глашатаи разнесли по аулу слова Эзиза:

— Пусть никто не говорит, что не слышал: кто будет помогать большевикам, того ждет такой конец, какой постиг Ата-Дяли!

В тот же день весть о страшной казни Ата-Дяли распространилась среди населения. Жители аулов трепетали при одном имени Эзиза.

Слух о новых зверствах хана застал Артыка на марше: во главе своей сотни он двигался следом за основными силами Эзиза. У Артыка потемнело в глазах. «Что же это за изверг! — в отчаянии думал он. — Нет, дальше терпеть нельзя. Будь что будет, но я должен покончить с этим зверем!..» И он помчался разыскивать Эзиза.

Они встретились в малолюдном месте. Эзиз ехал верхом, его окружали Кизылхан, Кельхан и Мадыр-Ишан. В отдалении шла сотня Кельхана. Артык далеко опередил свою сотню и, подъехав шагов на десять к Эзизу, рывком остановил Мелекуша. Без единого слова приветствия, дрожащим, срывающимся голосом он спросил:

— Эзиз-хан, ты думаешь о том, что ты делаешь?

Взглянув в искаженное гневом лицо Артыка, Эзиз в свою очередь резко ответил:

— Артык, я не нуждаюсь в советчиках!

— Я не могу больше терпеть эти зверства, — сказал Артык. — Твоя расправа с Ата-Дяли...

— А ты кто такой, чтобы я давал тебе отчет в своих действиях?

— Сейчас ты узнаешь, кто я!

— Ата-Дяли — твой брат? Или ты продался большевикам?

— И это скоро узнаешь!

— Вот как!.. — Эзиз опустил веки, словно раздумывая, как поступить с бунтующим сотником, затем злобно сказал, что думал: — Кто убил Чары Чамана?

— Жаль, ускользнул от меня другой негодяй! Я хотел преподнести тебе его голову!

Эзиз понял, что Артык намерен раскрыть тайну тедженского хана, и тяжело перевел дыхание.

— Что ж, — глухо проговорил он, — откормишь ишака, он лягнет хозяина.

— Ишак от ишака учится есть нечистоты! — крикнул Артык.

— Молчи!

— У меня слова не краденые!

Эзиз, привстав на стременах, взмахнул плетью.

— После этого ты не командир, не джигит мне! Сдавай оружие!

— Я давно от тебя отказался! Ты изменник, предающий наш народ в руки иноземных врагов!.. Кто посмеет, подходи — вот оно, оружие!

— Кизылхан! Кельхан! — рывкнул Эзиз.

Кельхан не шевельнулся. Его сотня медленно подтягивалась сзади. Кизылхан, тронув коня, потребовал:

— Артык, сдай оружие

— Кизылхан, не говори, что не слышал: двинешься с места, получишь пулю!

В руке Артыка щелкнул взведенный курок нагана. Кизылхан остановился в нерешительности. Лицо Ма-дыр-Ишана покрылось смертельной бледностью.

— Артык, — сказал он примирительно, — не делай глупостей. Вот, ей-богу!..

Глаза Эзиза налились кровью. Не в силах больше сдержаться, он ухватился за рукоятку маузера. Артык, уловив движение, крикнул:

— Эзиз, если тебе не жаль своей жизни—убери руку!

Один из джигитов Артыка в это время подал голос:

— Артык, стреляй!

Эзиз с изумлением взглянул на сотню Артыка, точно впервые видел ее. Стало ясно, что не только Артык — вся сотня вышла из повиновения. И Эзиз задумался: не лучше ли снова пойти на мировую, чтобы потом учинить расправу над Артыком страшнее, чем с Ата-Дяли? Подавив kloкочущую злобу, он с усилием улыбнулся и сказал:

— Артык, я не стану равняться по тебе, — ты еще слишком молод, горяч. Позднее ты сам поймешь свою ошибку... Я знаю твою отвагу. Я тоже не трус. Но к чему нам радовать наших врагов? Пойми: я казнил Ата-Дяли не в отместку за Халназара, а для того, чтобы никому повадно не было помогать большевикам. Если это ошибка, давай спокойно все обсудим. Сейчас не время для сведения счетов. Я тебе прощаю. Пусть между нами все будет по-прежнему.

Увещевания Эзиза не тронули Артыка. Пока Эзиз говорил, он думал: «А что если в самом деле убить Эзиза вместе с Мадыр-Иваном и ускакать в Мары?..» —

Но трезвый голос говорил: «Нет, без боя не обойдется. Сотник Кельхан может вступить за них. Да и, кроме того, я обещал Ивану привести с собой своих джигитов. Это дороже головы Эзиза. Отсюда до фронта далеко: начнется свалка — не пробьемся...»

— Нет, Эзиз-хан, — сказал он, — напрасно ты хитришь и таишь свои намерения. Больше ты меня этой своей хитростью не обманешь. Я открыто и прямо заявляю тебе: мне с тобой не по пути. Я ухожу. Не советую удерживать меня: добра от этого не будет...—И, обернувшись к своим джигитам, он скомандовал:

— Кто мне друг — за мной!

Из сотни не отстал ни один, все двинулись за Артыком.

Артык не спеша ехал впереди на Мелекуше. Эзиз схватился за маузер. Он был метким стрелком, сбивал ворону на лету и не думал, что промахнется. Но Кельхан, дернув повод, встал перед ним и без стеснения предупредил:

— Эзиз-хан, воздержись: эта сотня развеет твой прах по ветру! И кроме того, нельзя с мужественным поступать трусливо.

Джигиты Артыка, обдавая Эзиза пылью, беспрепятственно уходили в сторону Мары.

Эзиз дрожал от злобы. Одно имя его наводит ужас на всех, а его вот здесь обдают пылью! Артык опозорит его на весь Теджен. А еще хуже будет, если он, собрав дейхан, начнет борьбу против него... Не имея времени на раздумье, Эзиз приказал:

— Кизылхан, Кельхан, на коней! Ведите свои сотни, сравняйте Артыка с землей!

Кизылхан, стоявший возле своего коня, нерешительно потоптался на месте. Кельхан

заерзал в седле и сказал:

— Эзиз-хан, не торопись! Сейчас к сотне Артыка не подойдешь — это огонь. А если подумать, так нельзя же открывать фронт в двух местах да еще против своих. Это плохо кончится... Артык не глуп. Пораздумав обо всем, он вернется. Оставь его в покое.

Еще не владея собой, Эзиз гневно посмотрел на Кельхана:

— Значит, ты не хочешь выполнить мой приказ?

— Эзиз-хан, мои слова еще не означают, что я отвернул свое лицо от тебя... Но... как хочешь, так и понимай!

— Кизылхан!

Не успел Кизылхан отозваться, как заговорил вдруг расхрабившийся Мадыр-Ишан.

— Хан-ага! Сказано: торопливость — от шайтана, терпение — от милосердного. Надо поступать обдуманно. Если одобришь, я напишу в штаб донесение об Артыке и его сотне как об изменниках. Пусть они расправятся с ними, как хотят. А мы давай не будем вступать в распрю с туркменами и подрывать свои силы. Ораз-Сердар сейчас же воспользуется нашей слабостью, и мы не достигнем своей цели.

Скрепя сердце, Эзиз принял совет Мадыр-Ишана и послал в штаб и командованию союзников рапорт об Артыке, обвиняя его в сочувствии большевикам.

На другой день Эзиз встретился с Нияз-беком. Тот откровенно высказал свою досаду по поводу ухода Артыка из отряда.

— Эзиз-хан, я в этом сотнике видел твою главную опору в народе, если иметь в виду дейханство. Теперь дело прошлое, но должен тебе сказать, что я имел намерение переманить Артыка в свой полк. Отважный джигит и настоящий командир, которого уважают и любят в народе. Конечно, Артык к тебе больше не вернется, но и не будет сидеть сложа руки. Такие люди не лежат в кибитке в дни борьбы. Он безусловно перейдет к большевикам. Как ты мог допустить такую оплошность!..

Слова Нияз-бека уязвили Эзиза. Слушая его, он чувствовал себя так, словно из его рук уплывает ханство. Да, если он растеряет лучших своих нукеров, ханство несомненно ускользнет из его рук.

— Ты слишком горяч, слишком тороплив в своих поступках, — продолжал упрекать его Нияз-без. — Ведь я предупреждал тебя, чтоб ты глаз не спускал с этого сотника. Жаль!..

Эзиз молча царапал ногтем землю. В тот же день Эзиза и Нияз-бека вызвали в штаб на совещание.

Продовольственное положение у белых чрезвычайно ухудшилось в эти осенние месяцы. Хлеба не хватало даже для снабжения войсковых частей. Ему и неоткуда было взяться. Интервенты обещали золотые горы ашхабадскому правительству, пока не добились подписания договора. Но как только они вступили в страну, вместо того, чтобы помогать, стали грабить ее. Генерал Маллесон вместо денег выпустил ничего не стоящие боны с печатью английской миссии. Расплачиваясь этими бонами, англичане скупали и переправляли через границу дорогие ковры, породистых коней, каракуль и другие ценности. А многолетние запасы хлопка и шерсти захватывали вообще без всякой оплаты. Ашхабадскому правительству ничего не оставалось, как взвалить все ярмо интервенции на народ.

На совещании в штабе был поставлен вопрос об обложении населения новыми тяжелыми налогами и установлении твердых цен на зерно. Эзиз неожиданно выступил против этих предложений, и сколько ему ни объясняли Фунтиков и Ораз-Сердар, что без этих мероприятий нельзя обеспечить войска продовольствием, он ничего не слушал.

— Я не для того проливаю кровь, чтобы грабить народ! — кричал он.

Сам он грабил дейханский хлеб, не платя за него ни копейки, и думал еще увеличить налоги. Его ак-аланские ямы были полны зерна, и он мог бы выгодно поставлять хлеб на армию. Твердые цены на зерно его никак не устраивали. А кроме того, он помнил указание Тиг Джонса не выдавать зерна интендантству белых, держать все запасы в распоряжении интервентов. Белое командование ничего не знало об этом.

Фунтикову не понравилось, что командующий унижается до споров с Эзизом. Он встал с места, дымя сигарой, и пренебрежительно бросил несколько слов. Мадыр-Ишан перевел Эзизу эти слова:

— Господин Фунтиков считает ненужным тратить время на споры. Он говорит: «Один Эзиз-хан ничего не значит; если большинство согласно, пишите постановление и кончайте с этим вопросом».

Эзиз вскочил с места, как ужаленный. Налитыми кровью глазами он посмотрел на отвернувшегося к окну Фунтикова.

— Ты скажи этому Пынтику, — в бешенстве крикнул он, — пусть издаст не одно, а сотню постановлений! Пусть министры всю бумагу испачкают чернилами! Но хлеб они по твердой цене не возьмут! Везде, куда достигает мое дыхание, я снесу голову с плеч всякому, кто пойдет против моей воли! Пусть это будет хоть сам господин Пынтик!

Ораз-Сердар и Фунтиков завертелись на месте. Мадыр-Ишан не нашел смелости точно передать все сказанное Эзизом и пробормотал что-то невнятное. Держа руки за спиной и важно раскачиваясь, Фунтиков процедил сквозь зубы что-то вроде: «Собака лает, караван шагает» — и многозначительно посмотрел на Нияз-бека. Мадыр-Ишан и его слова невнятно перевел Эзизу.

Нияз-бек в этом вопросе не высказывал своего мнения. Холодный взгляд Фунтикова он понял примерно так: «Это ты преподаешь уроки Эзизу...» В глазу Нияз-бека в свою очередь сверкнула угроза.

Эзиз быстро встал.

— Завтра — базар. На базар привезут хлеба сколько угодно. Кто спешит к своей смерти — пусть попытается подойти к этому хлебу с твердыми ценами! — сказал он и вышел.

Глава пятнадцатая

Фронт между Анненково и Равниной держался долго. Интервенты ограничивались обороной и как будто даже не думали переходить в наступление.

Главные силы Эзиза стояли в Байрам-Али, отдельные сотни изредка ходили в разведку. Сам Эзиз, оставив вместо себя в Байрам-Али Кизылхана, вернулся в Теджен. Зверства в Теджене вызвали гневный протест всего населения. Белогвардейские власти вынуждены были начать расследование, дело было передано в военный суд. Аллаяр-хан поспешил уйти со своей бандой на Мургаб, в Пендинскую степь, а Эзиз-хан воспользовался этим, чтобы всю ответственность переложить на Аллаяра.

В Теджене Эзиз не нашел Артыка и не слышал, чтобы его сотня появлялась в районе. Расставшись с Эзизом, Артык обошел Мары и направился прямо на восток, на соединение с Красной Армией. В Курбан-Кала он встретился с кавалерийским разъездом сипаев, — те приняли его сотню за эскадрон Нияз-бека. Когда около Анненково Артык встретился с конниками Нияз-бека, он заявил, что ведет сотню в разведку. Он уже знал; что красноармейские части стоят в Равнине, и осторожно выпросил, откуда и как удобнее подойти к ним.

Но командир этих конников, старый джигит с проницательным взглядом, узнал Артыка. Он отвел его в сторону и сказал:

— О том, что ты бежал со своей сотней, объявлено по всему фронту. Командование отдало приказ арестовать тебя, обещает большую награду. Но мне до этого никакого дела нет. Мы тоже сыты по горло и белыми, и англичанами. Придет время, может быть, и я последую за тобой.

Артык с недоверием смотрел на него. Заметив это командир конников уже совсем по-дружески предупредил:

— Гляди в оба, Артык, тебя стерегут. Будь я на твоём месте, я пока не спешил бы в армию большевиков.

— Что же советуешь мне — вернуться?

— Нет, но я думаю, что тебе сейчас не дадут дойти до большевиков. Тебя поджидают не только у линии железной дороги, но и в песках. И не один отряд.

— Так что же мне делать?

— Да разве мало места, куда можно уйти? На неделю, на две можно скрыться в пустыне.

— В пустыне?

— У скотоводов-сарыков, например, в Пендинских степях. Слышно, Аллаяр-хан там неплохо устроился.

И твои джигиты голодными не останутся.

Артык задумался. Командир ниязовских конников давал дельный совет. Но по глазам его было видно, что он хитрит, может быть, заманивает в ловушку. Поэтому

Артык, скрывая свои действительные намерения, ответил:

— Спасибо тебе, брат, за то, что предостерег меня, за дружеский твой совет. Но я не смогу грабить скотоводов, как это делает Аллаяр-хан. И мое намерение, если хочешь знать, вовсе не в том, чтобы присоединиться к красным войскам. Я хочу обойти все фронты и выйти к Чарджоу.

— Воля твоя, брат. Но я на твоём месте все же пошел бы прямо к сарыкам.

— Еще раз спасибо! Я пойду на Чарджоу. Пусть будет благополучен твой путь!

Артык повел свою сотню в пески, и шел прямо до тех пор, пока ниязовские конники не скрылись из глаз, а затем свернул в сторону Пендинской степи.

В эту осень холода наступили рано. Перед рассветом выпал первый легкий снег, немного морозило. В безоблачном небе ослепительно сияло уже высоко поднявшееся солнце. По равнине двигалось большое стадо куланов, перерезая путь сотне. Артык слез с коня. Десятка три куланов шли плотной массой, как одно тело, словно оправдывая поговорку: «Стадо куланов не выдаст ни одного хромого». Джигиты открыли стрельбу. Свист пуль перепугал куланов, но они не нарушили своего строя. Три из них остались лежать на земле.

Артык повеселел.

— Если аллах захочет дать своему рабу, то сам положит ему на дороге, — сказал он поговоркой. — Если б не куланы, что бы мы ели сегодня и завтра?

В несколько минут туши были освежены. Джигиты развели большие костры, нанизали на шомпола кусочки мяса и принялись жарить шашлык. У некоторых нашлись корка хлеба и соль. Свежее мясо подбодрило не евших целые сутки людей. Даже пронизывающий ветер не казался уже таким холодным.

Артык приказал приторочить к седлам остатки мяса, и сотня снова двинулась в путь.

Скоро хорошее настроение сменилось у Артыка озлоблением. Он шел теперь по следам банды Аллаяр-хана и только диву давался, как много зла мог причинить людям этот бандит за короткое время.

Аллаяр-хан завладел лучшими отарами овец сарыкских скотоводов. Он считал себя, по-видимому, полновластным ханом Пендинской степи. Путь его от колодца к колодцу был отмечен кровью. Тех, кто отказывался ему подчиняться, он расстреливал, вешал на колодезных журавлях или бросал в глубокие ямы пересохших колодцев. Его нукеры насиловали женщин и девушек. Сам Аллаяр, приревновав к одному из своих командиров женщину, увезенную им из Теджена, убил ее и приказал зарыть в песок вместе с этим командиром. Эта его жестокость вызвала разлад между ним и его нукерами. Один из командиров попытался свергнуть его.

Аллаяр-хан убил его обманным путем. После этого никто уж не смел поднять голос против Аллаяр-хана. Обо всем этом рассказали Артыку скотоводы-сарыки. Его сотню они приняли за правительственный отряд, посланный на борьбу с Аллаяр-ханом, — они подали жалобу на главаря бандитской шайки. Артык хорошо понимал теперь, что между белогвардейцами и английскими интервентами, между Эзиз-ханом и Аллаяр-ханом никакой разницы нет. Скотоводы охотно снабдили сотню Артыка продовольствием, познакомили с местностью и дали в проводники знающих людей. Артык послал к Аллаяр-хану в

сопровождении проводника одного из своих джигитов и через него потребовал, чтобы Аллаяр явился к нему или же покинул степь.. Аллаяр-хан приказал сбрить усы посланцу Артыка, отрезать хвост его коню и в таком виде отослал гонца обратно.

— Пойди скажи своему командиру: я поступаю так!

Джигит вернулся смущенный и растерянный. Губы у него были голые, словно он собирался лизать масло. Репица его коня, тоже оголенная, торчала култышкой.

Артык пришел в ярость. На рассвете следующего дня он напал на Аллаяр-хана.

Едва вошло солнце, как закипел сабельный бой. Бандиты не успели даже разрядить своих ружей. По холодному песку покатались срубленные головы, отсеченные руки. Полусотня, командир которой был убит Аллаяром, перешла на сторону Артыка. Видя явное превосходство противника, бандиты пустились в бегство.

Артык в этом бою потерял всего лишь четырех джигитов. Но к нему присоединилось сорок всадников с конями и оружием, и, кроме того, он получил возможность снабдить своих джигитов породистыми конями.

Скотоводы, избавленные от притеснений Аллаяр-хана, готовы были кланяться в ноги своему избавителю.

Артык решил дать несколько дней отдыха своим людям, чтобы двинуться затем на соединение с Красной Армией. Но отдыхать не пришлось. По старой жалобе скотоводов англичане выслали против Аллаяр-хана один эскадрон сипаев и офицерскую роту белогвардейцев. Вместо Аллаяр-хана этому отряду пришлось столкнуться с джигитами Артыка.

Оприближении отряда стало известно заранее: скотоводы с радостью сообщили, что идет помощь. Но для Артыка эти вести имели совсем другой смысл: он решил, что о переходе его в Пендинскую степь стало известно командованию белых и интервентов и что какой-то отряд брошен в погоню за ним. Путь, по которому шли индусы и белогвардейцы, пролегал между песками. Артык рассыпал по обеим сторонам дороги часть своих джигитов, а с остальными спрятался во впадине у колодца.

Рассвело. Сипаи и белогвардейцы, не высылая дозоров, двигались к колодцу плотными колоннами. Артык подпустил их на короткое расстояние и скомандовал:

— Огонь!

Около сотни ружей дали залп. Опрокидываясь вместе с конями, падая с них, охваченные паникой, индусы и белые офицеры метнулись назад. Пули подгоняли их. Джигиты Артыка, рассыпанные по обеим сторонам дороги, довершили разгром.

Артык поднял свою сотню на коней. Погоня закончилась, когда солнце находилось уже на порядочной высоте. Больше половины сипаев и белых офицеров было истреблено, два офицера взяты в плен. Многие джигиты Артыка вооружились одиннадцатизарядными английскими винтовками.

После трехдневного отдыха Артык повел свой отряд на соединение с Красной Армией. Подходя к Равнине, он выслал вперед двух всадников с белым флагом, а отряд остановил в нескольких верстах к юго-западу от станции. Советский бронепоезд молчал: ни одного выстрела не последовало. Всадники с белым флагом скрылись из глаз.

Прошло два часа, парламентареры не возвращались. Сердце Артыка наполнилось тревогой. «Неужели им не поверили, схватили их? — думал он, все больше волнуясь. — Может быть, хотят окружить нас и начать бой? Если случится такое несчастье, что мне делать? Сопротивляться, стрелять? Или же опять вернуться в пустыню, в Теджен? Нет, чтобы ни случилось, отступать нельзя. Я должен быть в Красной Армии — с Иваном, с Аширом, сражаться вместе с ними за советскую власть! Пусть убьют, но я не сделаю ни шагу назад...»

Прошел еще час.

Артыку стало душно и тесно в заросших саксаулом песках. Он решил послать еще двух джигитов. Когда они уже сели на коней, со стороны Равнины показалось пять всадников.

У Артыка радостно забилося сердце. Не выпуская из руки бинокля, он с волнением

следил за приближающимся отрядом. Вот всадники спустились в ложбину, на минуту скрылись из глаз, вот снова показались, значительно ближе. Артык узнал своих парламентариев. «Кто же еще трое?» Зоркие глаза Артыка, казалось, узнали двоих.

— Ашир!... Алеша!.. — закричал он и побежал навстречу.

Три всадника с красными звездочками на фуражках подъехали к нему.

Артык ошибся. Горячее желание видеть друзей обмануло его напряженный взгляд: перед ним стояли незнакомые ему бойцы. Но названные им имена оказались лучшим пропуском.

Часа через два Артык сидел уже в штабе сводного кавалерийского отряда у комиссара Алексея Тыжденко. Рядом стояли Ашир и Мавы. Тыжденко, выслушав горячую речь Артыка, улыбаясь, сказал:

— Ну что ж, придется отправить тебя в Чарджоу, к новому нашему командующему армией. Доложишь ему, как и что, получишь назначение себе и своей сотне.

— Новый командующий! Где найти? — спросил Артык.

Тыжденко опять улыбнулся и, подмигнув Аширу, ответил:

— Тебя проводят. Да ты командующего и сам знаешь: Иван Тимофеевич Чернышов.

Глава шестнадцатая

Артык приехал в Чарджоу в сопровождении красноармейца, посланного с ним Алексеем Тыжденко, и велел немедленно вести себя к командующему фронтом.

Увидев Артыка, Иван Тимофеевич подошел к нему и крепко обнял. От радости на глазах у него даже показались слезы. Не меньше был взволнован этой встречей и сам Артык.

В кабинете в это время находился начальник штаба Меркулов. Обращаясь к нему, Чернышев сказал:

— Приход Артыка к нам я расцениваю как начало окончательного и полного присоединения к нам туркменского народа, в первую очередь — дейхан. Эзиза нельзя сравнивать с Артыком. В диких глазах Эзиза — жестокость и подлость байско-феодальной верхушки, веками угнетавшей народ. В чистых глазах Артыка — душа его трудового народа. Когда я упустил Артыка, я ночи не спал. А теперь, когда вижу его подле себя, я вспоминаю свою молодость. Я вижу, как Артык, гордо подняв голову, идет впереди закованных в цепи повстанцев, окруженный саблями царской полиции и штыками конвойных солдат. Артык для меня не рядовой человек, а герой с сердцем льва, за которым пойдут тысячи.

Артык мало понял из того, что говорил Иван Тимофеевич, но почувствовал, что разговор идет о нем и что его хвалят. Он с укором сказал командующему:

— Иван! Ты плохо знаешь туркменский обычай. Не надо хвалить человека в глаза. Похвала сбивает с толку. Ты слышал, наверно, поговорку: захваленный мальчик подол пачкает. Пусть каждый покажет себя на деле!

Меркулов кое-что слышал об Артыке. Переход его на сторону Красной Армии и он расценивал как показатель того, что авторитет партии большевиков среди дейханской массы растет.

Офицеры, захваченные в плен Артыком, сообщили много ценных сведений о планах белых и интервентов.

Когда долгий разговор о фронте, об интервентах и бандитско-белогвардейских формированиях был окончен, Артыку предложили отдохнуть. Но он стал просить, чтобы ему немедленно дали назначение и отправили на фронт. Он горел нетерпением показать свою отвагу в рядах Красной Армии. Тогда Чернышев и начальник штаба приняли решение назначить Артыка командиром Туркменского кавалерийского полка, а комиссаром этого полка — Алексея Тыжденко.

Переход Артыка на сторону Красной Армии радовал всех. Но радость самого Артыка была несколько омрачена в первые же часы пребывания его в штабе Красной Армии. Он узнал, что Куллыхан, по приговору Революционного трибунала, расстрелян, но другой его

враг, бывший волостной Ходжамурад, почему-то оказавшийся в тылу Красной Армии, работает в интендантстве фуражиром.

Артык обратился к начальнику штаба:

— Товарищ, я прошу назначить переводчиком в мой полк Ходжамурада.

Иван Тимофеевич незаметно подмигнул Меркулову, который плохо понял, чего хочет Артык, и мягко ответил ему:

— Мы же назначили тебе комиссаром Алексея Тыжденко. Он будет тебе и переводчиком.

Но Артык продолжал настаивать:

— Может быть, Ходжамурад страдает там от одиночества. Если он будет в моем полку, среди туркмен, у него веселее станет на сердце.

— Артык, сейчас не время мстить, — строго заметил Иван Тимофеевич.

Артык возразил по обыкновению резко:

— Так зачем же вы деретесь с меньшевиками? Почему бы вам не помириться?

— Мы воюем с ними не из мести.

— Я тоже хочу расправиться с Ходжамурадом не за свои обиды. Он — враг всего народа. В нашем ауле у Халназар-бая не было более верной собаки, чем Ходжамурад. Разве ты об этом не знаешь? Чем он лучше хромого мирзы, которого вы расстреляли?

— Куллыхан совершил тяжелое преступление уже при советской власти. А Ходжамурад похож теперь на человека, у которого осталось одно на уме: «Побившего меня пусть бог накажет!»

— Это он сейчас такой. А чуть скопится у него жир в курдюке, он не сжалится ни надо мной, ни над тобой. Пока не убьешь змею — не избавишься от нее.

Меркулову стали ясны отношения между Артыком и бывшим волостным. Он объяснил Артыку, что если за Ходжамурадом имеются преступления против народа, следует сообщить о них в Ревтрибунал, и его привлекут к ответственности.

— Наши судьи строги и справедливы, — сказал он при этом. — Ваш волостной за все ответит. Но если я сейчас выдам тебе его, нас за это советская власть не похвалит.

Артык подумал немного и сдался:

— Ладно. Но пусть он не попадается мне на глаза. Если увижу его, не смогу сдержаться.

Чернышев, едва заметно улыбнувшись, переглянулся с начальником штаба и, пригласив с собой Артыка, пошел из штабного вагона.

— Буду твоим нукером, — сказал Артык, выходя на перрон, и зашагал рядом с командующим, плечом к плечу.

На станции кипела жизнь. Около депо стояло десятка полтора паровозов, из их труб клубами валил густой черный дым. По путям сновали, пронзительно насвистывая, маленькие маневровые паровозы, около них с флажками в руках сустились сцепщики. Красноармейцы из эшелонов, стоявших на запасных путях, бегали с котелками за кипятком или за обедом на кухню. Из некоторых вагонов доносились звуки гармошек, песни. Артык внимательно наблюдал за всем происходящим. Когда вышли на городскую улицу, стали попадаться люди в пестрых халатах и синих чалмах. По лицу они походили на туркмен, по одежде — на бухарцев.

Иван Тимофеевич предложил навестить Мавы, жившего недалеко от вокзала.

Мавы не было дома. Майса обрадовалась Артыку, как родному брату. Она не знала, куда и усадить его, чем угостить. Стала расспрашивать об Айне, Шекер, Нурджахан. Но у нее не повернулся язык спросить о семье Халназара. Она только спросила, улыбнувшись:

— А как живет Атайры-гелин?

Ей было известно, что в ауле не любят невестку-фалангу, но сама она никогда не забывала заступничества Атайры-гелин перед Халназаром.

Артык с удивлением смотрел на Майсу и не узнавал в ней прежней забитой мехинки. У нее ничего не осталось от былой застенчивости. Она и на мир смотрела теперь как-то иначе.

Наблюдая за ней, Артык особенно ясно видел, что значит для человека свобода. Ей никто не мешал теперь думать и поступать так, как ей заблагорассудится. Она уже сняла свой яшмак, вдвое уменьшила тяжелый борык и, пожалуй, кое в чем опередила Айну. Артык понял: это влияние города. Когда Майса взяла на руки проснувшегося ребенка, Артык попросил:

— Майса, дай-ка сюда Джерен!

Майса изумленно взглянула на него:

— Откуда ты знаешь, что ее зовут Джерен?

— Раз она родилась от Мавы и Майсы, какое же еще имя ей лучше подойдет?... — пошутил Артык. — Она будет вольной степной козочкой!

— Нет, тебе, должно быть, Иван сказал!

Иван Тимофеевич отрицательно покачал головой.

— Я сам не знал, как ее зовут.

Майса вдруг вспомнила:

— А! Это Мавы тебе сказал, Мавы! А Бабалы растет? Хорошенький?

— Он лежит на спинке и копытцами лягает звезды.

Покачивая Джерен, Артык опять пошутил:

— Майса, ты хорошенько ухаживай за Джерен. Вырастет — я возьму ее в невестки.

— Когда она вырастет, ты и знать нас не захочешь.

— Почему это?

— Скажешь, что она волосата, смешанной крови, дочь бывшей рабыни, байской наложницы... Да мало ли найдется причин?

— Сама же ты говорила, что больше нет ни рабынь, ни наложниц!

— Со старым не скоро покончишь.

— Будь покойна, они и слушать стариков не захотят. Бабалы, может быть, женится на бухарке, а Джерен выйдет замуж за русского.

— Ах! За русского?

— Что ты ахаешь? То ты выдаешь себя за большевичку, то боишься, что русские будут жениться на туркменках.

— Да нет, все же будет не так. Можно же найти равного себе и того, кто говорит на одном с ним языке.

— погоди, ты и сама не сумеешь разобраться, какой у них будет язык.

— Ой, Артык, что ты говоришь!

— Я жалею, что не знаю русского языка. Да и ты, должно быть, жалеешь. Даст бог, как только Бабалы сможет держать в руке карандаш, мы увидим его в русской школе.

Иван Тимофеевич, не вмешиваясь в горячий разговор, только слушал и, покручивая седеющий ус, весела улыбался. А у Артыка при воспоминании о сыне болезненно сжалось сердце. Айна, Шекер, мать — все предстали перед его глазами. Может быть, Айна все ночи не смыкает глаз, а мать льет слезы? Шекер, может быть, заболела, тревожась за судьбу брата? Правда, перед отъездом в Ак-Алан Артык предусмотрительно перевез семью в другой аул. Но что, если Эзиз уже разыскивает семьи перешедших на сторону большевиков и расправляется с ними?... Артык глубоко вздохнул, напуганный этой мыслью. Он старался не выдавать своего волнения, но был вне себя. Неизвестно, когда он вернется домой, да и вернется ли? А так хотелось вернуться победителем, со славой!..

По дороге к домику, где жила Анна Петровна, Артык попросил Чернышова:

— Иван! Говорят, тут неподалеку Амударья. Пока я здесь, покажи мне ее.

Чернышов привел Артыка на берег великой реки.

Желтоватая вода струилась, вся в движении всплесков, — нельзя обнять взглядом ее просторов. Не было видно конца железного моста, верх которого построен, как шатер. Из чрева моста, как из норы, с шумом выбежал поезд. Как он не обрушится? Каждый столб под мостом — как каменная кибитка. Вспомнив, как дрожат аульные мостки через неширокие арыки, когда проходят по ним верблюды с поклажей, Артык с восторгом воскликнул:

— Молодец строивший тебя мастер!

А потом, совсем неожиданно для Чернышова, задумчиво глядя на мест, заметил:

— Мы считаем, что от русского царя исходило все черное. А ведь и у него были дела великие.

Иван Тимофеевич понял, что хотел сказать Артык, и возразил:

— Да не русский царь его строил!

— А кто же?

— Русские ученые, инженеры, рабочие.

— А кто их учил?

Иван Тимофеевич похлопал Артыка по плечу:

— Артык, ты правильно думаешь. Если бы не пришли сюда русские, не было бы и этих мостов, не было бы школ, заводов, всей этой, правда небольшой, культуры и вы, наверное, продолжали бы жить аламанам. А может быть, сюда пришли бы англичане, и ты не смел бы пройти мимо своего господина со стороны солнца. Все это верно. Русский народ шагнул дальше, он не захотел мириться с цепями капитализма, он решил сам строить новую жизнь, без капиталистов, помещиков, баев, — такую жизнь, где не будет угнетения человека человеком. Поэтому он и сверг сначала царя, а затем и всех угнетателей, всех, кто привык жить чужим трудом. Я думаю, что ты теперь и сам почувствовал, что такое советская власть — власть рабочих и дейхан. Два года тому назад ты был бы несказанно рад освободиться от притеснений Халназар-бая, — теперь ты стремишься освободить весь туркменский народ от всех баев и ханов. Вот дай только покончить с врагами, и ты увидишь: свободный народ при советской власти будет вершить великие дела; они будут куда более величественны, чем даже этот красавец-мост...

Артык продолжал задумчиво глядеть на мост, на широкую реку.

От Амударьи во все стороны расходились каналы, каждый не меньше Тедженки. По реке плыли лодки с парусами и без парусов, один за другим шли громадные пароходы. С тяжело нагруженных барок, приставших к берегу, выгружали серебристую рыбу. А кругом — неоглядное море воды. Мутная, смешанная с глиной, она волнами набегала на берег, кружась и ворча, подобно возбужденному верблюду, втягивая в себя прибрежный песок, подмывала под самый корень деревья.

— Иван, здесь столько воды... — сказал Артык. — Откуда она течет и куда?

— Амударья берет начало с Памирских гор, чуть не от самой Индии. Она орошает земли Бухары, Чарджоуского края, дальше через Дейнау и Дарган-Ату течет в Хиву, в Ташауз; в Кара-Калпакию. Потом вливается в Аральское море.

— Арал?.. Это то самое море, которое называют ненасытным?

— Это верно, что оно ненасытное. Если бы оно насытилось, то разлив Амударьи достиг бы туркменских степей.

Достаточно было Чернышову напомнить о родных степях, как перед глазами Артыка возникла с детства знакомая картина. Широкие просторы — глазом не окинешь. Миллионы десятин прекрасной земли лежат в пыли. Из-за воды, из-за жалкого родника у подножия Копет-Дага ежегодно происходят убийства. Как мучается от безводья дейханин Туркмении! Жаждающие воды животные толпятся у редких колодцев. Изнуренные летней жарой путники умирают в безводных песках. А Амударья, облизывая берега, словно конь без узды, мчится в сторону ненасытного моря. Если бы Амударья потекла в степи Теджена, Ахала! Тогда дейханин не погибал бы от неурожая и голода. Вода, насытив плодородную землю, сделала бы всю страну цветущим оазисом.

Артык слышал, что Амударья — священная река, что воды ее — целительны. Поэтому ли, или повинаясь живому движению сердца, он воскликнул:

— О дивная, прекрасная река! Не будь же так безжалостна! Обрати милостивый лик свой к нашим пустыням! Там тысячи дейхан встретят тебя с радостью! Дай испытать нашим прекрасным землям твоих целительных вод, и весь мир расцветет!

Иван Тимофеевич улыбнулся. Артык посмотрел на него с укором:

— Зачем смеешься?

— Артык, у Амударьи нет ушей, чтобы услышать тебя.
Артык указал на каналы, идущие от реки:
— А это что — не уши?
— Разве земля, если ее не вспашешь и не засеешь, даст хлеб в ответ на простую мольбу?
Артык не знал, что ответить. Чернышев продолжал:
— Чтобы привести воды Амударьи в степи Туркмении, надо рыть каналы, сооружать плотины.
— У кого хватит на это сил?
— Советская власть это сделает.
— Легко говорить! Мне кажется, что твои обещания немногим отличаются от моей мольбы.
— Ты трудишься для того, чтобы снять урожай?
— Когда хватает воды, тружусь и снимаю.
— Надо потрудиться, чтобы хватало воды.
— Если бы я знал, что своим трудом смогу повернуть воды Амударьи в наши пески, я не выпускал бы из рук лопаты всю жизнь.
— На советской земле таких, как ты, сто миллионов и даже больше. А кроме того, на помощь человеку придет новая техника, машины. Когда страна перейдет на мирное положение, во много раз увеличатся наши возможности, и мы заставим течь Амударью в безводные степи.
— О, если бы слова твои оправдались!
Артык умылся водой Амударьи. Потом глазами голодного долго смотрел на мощные воды реки.

Глава семнадцатая

Эзиз, женившись в третий раз на молоденькой вдове из Чашгыне, жил в Ак-Алане беспечной жизнью. Между тем над его головой сгущались тучи. Белые, очевидно по указке англичан, явно искали повода устранить строптивного хана. Вновь было поднято дело о зверствах в Теджене, к нему прибавились материалы об убийствах мирных граждан в Мары. Представителя Эзиза в Мяне-Чаче арестовали. Но больше всего тедженского хана раздражали тревожные сведения, приходившие от Кызылхана, ставшего представителем Эзиза при штабе командования белых. Штаб уже три месяца не платил жалованья нукерам эзизовской конницы. Ораз-Сердар будто бы сказал: «Если Эзиз не вернется на фронт, ни одной копейки не дам». Кызыл-хан слал письмо за письмом, спрашивая, что делать. Эзиз в ответных письмах грозил Ораз-Сердару:

— Я ему, жирной свинье, весь его штаб опрокину! Но это была лишь пустая заносчивость.

Все чаще приходилось Эзизу задумываться над своим положением. Из последнего столкновения с Ораз-Сердаром и Фунтиковым он понял только одно: что ашхабадские правители и белое командование постараются при первой возможности прибрать его к рукам. «Ну ладно, — раздумывал он, — этот кривой Пынтик и Ораз-Сердар готовы сожрать меня. Другого от них я и не ожидал. Но что случилось с англичанами? Где обещанное Тиг Джонсом?»

Многого не понимал недалекий тедженский хан.

Тиг Джонс, перекачав в склады интервентов более половины награбленного Эзизом зерна, больше и думать не хотел о поддержке какого-то ак-аланского хана! В народе росло возмущение интервентами, при поддержке которых белые вели войну против Советского государства, а Эзиз-хан творил неслыханные жестокости. Ашхабадские рабочие открыто провозглашали: «Долой интервентов!»

Английское командование было озабочено тем, чтобы любыми средствами уничтожить кровавые следы своих преступлений. Для того им следовало убрать и Эзиза. В миссии

генерала Маллесона пришли к решению тайно захватить тедженского разбойника и переправить в Индию, а не удастся — уничтожить его на месте. Военная разведка Тиг Джонса уже действовала и в том и в другом направлении.

А Эзиз-хан гадал: «Где теперь Тиг Джонс, и почему он больше не дает знать о себе? В Мешхеде ли он, или в Ашхабаде, но должен же он знать, что белые начали наседать на меня!» И чем больше раздумывал он, тем безотраднее начинало представляться ему положение. Переход Артыка со своей сотней на сторону Красной Армии ослабил его. Другой сотник, Кельхан, тоже не проявлял прежней покорности, среди нукеров усиливалось брожение. А настоящей помощи ждать было неоткуда. Джунаид-хан находился в пяти шести сотнях верст от Ак-Алана. Бухара была не ближе. О помощи из Ирана или из Афганистана нечего было и думать — облака казались ближе, чем эти страны.

От всех этих тягостных дум Эзиз даже занемог. Словно он стоял на отвесной скале и, чувствуя, как почва ускользает из-под ног, задыхался от страха. Между тем события разворачивались с непостижимой быстротой и, как мчащийся с гор бурный поток, неумолимо вовлекали его в самый водоворот.

Эзиз решил идти напропалую — он вызвал своего помощника Ташлы-толмача и приказал:

— Поезжай к Ораз-Сердару и скажи: если он, не выдаст жалованья моим нукерам, не снабдит их, как полагается, теплым обмундированием, я отзову их в Ак-Алан. Пусть тогда на себя пеняет, если я открою фронт между Мары и Тедженом!

Когда Ташлы-толмач уехал, в Ак-Алан прибыли неожиданные гости. Из Ташауза, в сопровождении нукеров Джунаид-хана, приехали два турецких офицера. Оба они находились в лагере военнопленных в России и теперь, освобожденные из плена, явились к Эзизу с письмом Кязим-бека.

Эзиз познакомился с Кязим-беком, когда жил в Афганистане. Это был ловкий турецкий дипломат. Теперь он оставил дипломатическую службу в Кабуле и переехал в Туркестан. Ставя своей целью создание подвластного Турции большого государства мусульман Средней Азии, он разъезжал по всем областям и с помощью мусульманского духовенства всюду сеял семена пантюркизма.

Английская разведка внимательно следила за деятельностью Кязим-бека и пантюркистов.

Перед тем как навестить Джунаид-хана, Кязим-бек с почетом был принят эмиром Бухары и несколько дней прожил у него во дворце. В дружеских беседах с эмиром он не раскрывал турецких планов, но восторженно мечтал вслух о восстановлении эмиратов Бухары и Хивы, об объединении мусульманских стран под знаменем ислама и советовал не бояться трудностей, смело поднять «стяг пророка». Так же беседовал он с Джунаид-ханом и с теми же наставлениями в письме послал своих офицеров к Эзизу.

А через несколько часов после приезда турецких офицеров к Эзизу прискакал гонец из Теджена. Ему сообщили, что через Серахс прошел отряд афганцев с пулеметами, стороной обошел Теджен и направился к каналу Баба-Дайхан. Командующий фронтом Ораз-Сердар приказывал Эзизу задержать афганцев.

Не успел Эзиз выслать разведку навстречу неизвестному отряду, как в Ак-Алане появился Абдыкерим-хан с двумя всадниками. Он по-братски поздоровался с Эзизом. На голове у него была чалма с кистью, на плечах — мундир и погоны афганского офицера.

Эзиз с почетом принял Абдыкерим-хана, но смотрел на него с удивлением. Предупреждая расспросы, тот постарался сам объяснить свое новое превращение:

— Эзиз-хан, не удивляйся. Когда я в прошлом году уехал от тебя, повелитель Афганистана, оценив мою деятельность на благо ислама, дал мне офицерский чин. Я сейчас — офицер афганской армии.

— Откуда идешь?

— Из Афганистана.

— Куда?

— К Джунаид-хану.

— Теперь военное время Не опасешься белых?

— При мне сотня хорошо вооруженных людей. Я — представитель нейтрального государства. Никто не имеет права тронуть меня.

— А по какому делу идешь в Ташауз?

— Со мной сундук, данный мне афганским ханом для вручения Джунаид-хану. Что там — я не знаю. Открыть его никто не имеет права, кроме самого Джунаида.

Эзиз отказался от намерения выполнить приказ Ораз-Сердара, так как Абдыкерим-хан был его другом и ехал к другому другу — Джунаид-хану. Он даже рассказал Абдыкерим-хану, что получил приказ задержать его. Абдыкерим-хан с готовностью предложил:

— Эзиз-хан, какими бы мы ни были друзьями, я не хочу, чтобы ты терпел из-за меня неприятности. Если хочешь, — вот я, в полуфарсахе отсюда стоит мой отряд, — бери и передай в штаб!

— Абдыкерим-хан! — важно ответил Эзиз. — Я отрекусь и от союзников и от Ораз-Сердара, но не от тебя, не от Афганистана! Я тебя не задержу, будь спокоен. Но до Ташауза тебе не дадут добраться.

— Эзиз-хан, я еще раз повторяю: я — представитель нейтрального государства, которое ни с кем не воюет. Никто не осмелится тронуть меня... Однако мне пора в путь. Если хочешь что-либо написать Джунаид-хану — поспеши.

Эзиз не знал, что написать своему другу в Ташауз, и решил расспросить осведомленного человека о позиции афганского правительства, об отношениях его с белыми, англичанами и большевиками. Абдыкерим-хан коротко сообщил про соглашение афганского хана с бухарским эмиром, про то, что новый афганский хан, совершив дворцовый переворот, намерен освободиться от влияния англичан и заключить союз с Советской Россией, и, наконец, высказал предположение, что скоро, вероятно, Афганистан поднимется на войну с Англией. Эзиз мало что понял из всех этих противоречивых сообщений, но тотчас же заявил, что он останется в дружбе с Афганистаном. Абдыкерим-хану как раз это и нужно было узнать. Он предупредил Эзиза, что, только из дружеских чувств к нему позволил себе разгласить некоторые государственные тайны, и снова попросил поторопиться с письмом.

Немного мог написать Эзиз своему другу, так как и сам плохо понимал, что творится вокруг него. А мысли свои заключил словами: «Джунаид-хан, каково будет твое решение, таково — и мое». Он не сказал гостю, что в Ак-Алане находятся турецкие офицеры. Однако острые глаза разведчика видели и змею под землей.

В бумажнике Абдыкерим-хана были не только имена офицеров, но и их фотокарточки. Известно было ему и то, что офицеры прибыли к Эзизу с письмом от Кязим-бека. С целью узнать его содержание Абдыкерим-хан принял меры, о которых Эзиз и не подозревал.

Когда Абдыкерим-хан уехал, к Эзизу прибежал один хивинец. Он назвал себя Ходжаязом, сыном одного из ханских чиновников в Хиве, и рассказал, что в свое время вынужден был бежать, так как не мог снести тирании последнего хивинского хана — Исфендиара. Три года жил он в Афганистане, а когда услышал об убийстве Исфендиар-хана, решил вернуться в Хиву. Но в отряде Абдыкерим-хана его обижали, и вот он пришел под защиту Эзиз-хана и просит отправить его с каким-нибудь караваном на родину.

Хитрые, бегающие глаза Ходжаяза смотрели беспокойно, его тонкие пальцы то и дело перебирали подстриженную рыжую бороду. Жадными глазами смотрел Ходжаяз на Эзиза, на каждого, кого видел в Ак-Алане, на дома, на кибитки и даже на окрестности. Если б его встретил настороженный человек, он не медля схватил бы его за шиворот и спросил: «Ты чей шпион?» Но Эзиз ничего не заподозрил. Ему только не понравилась манера Ходжаяза во все совать нос и беспрерывно болтать. Но это еще не давало оснований отказать хивинцу в небольшой помощи, которую он просил.

Освободившись на время от болтливого Ходжаяза, Эзиз попросил Мадыр-Ишана прочитать письмо Кязим-бека.

Это письмо окончательно спутало все расчеты, все мысли Эзиза. От белого командования нельзя было ожидать ничего хорошего. Друзья-англичане словно отшатнулись от своего союзника. Абдыкерим-хан советовал опереться на Афганистан. А Кязим-бек тянул к Турции. Эзиз передумал все свои прежние думы, ни к какому решению не пришел и счел за лучшее положиться на опыт и изворотливый ум старого Джунаид-хана. Предложения Кязим-бека казались Эзизу весьма заманчивыми. Он и сам начинал борьбу, подняв знамя ислама. Но как получить помощь со стороны Турции, когда между ним и турками стоят интервенты?... .

Ходжаяз, словно нарочно, не давал Эзизу возможности спокойно обсудить положение с представителями Кязим-бека: куда бы ни прятался Эзиз, хивинец всюду его находил. Когда он уединился с офицерами в одной из своих кибиток, Ходжаяз вдруг появился перед ним и, всплеснув руками, сказал:

— Ах, Эзиз-хан, твоя слава перевалила через моря и горы! Эти гости, насколько я понимаю, турки!

Стараясь избавиться от него, Эзиз дал слово сегодня же ночью отправить его с караваном в Хиву. Но Ходжаяз под разными предлогами продолжал надоедать ему. Он был гостем, отдавшим себя под покровительство хана. Эзиз не мог прогнать его или приказать не совать носа куда не следует.

Пока Эзиз барахтался в болоте сомнений, из города от начальника связи пришло новое сообщение: «Из штаба прибыло двести всадников, чтобы настигнуть афганцев. Они сейчас выезжают к вам».

Эзиза охватила тревога: его другу угрожает опасность оказаться в руках англичан. К ним может попасть и его письмо, тогда окончательно раскроется его лицо. Не тратя времени на раздумье, Эзиз послал вдогонку Абдыкерим-хану всадника с наказом: «Будь осторожен! Белые скачут за тобой! Чтобы мое письмо не попало им в руки, верни его...»

Погоня достигла Ак-Алана. Эзиз хотел оказать гостеприимство всадникам, чтобы хоть немного задержать их, пока его человек догонит Абдыкерим-хана. Но приказ штаба был строг, и всадники, не останавливаясь в Ак-Алане, продолжали погоню. Хотя приказ в одинаковой степени касался и Эзиз-хана, он не тронулся с места, а присоединил к отряду лишь несколько своих нукеров.

Ходжаяз не давал Эзизу ни сесть, ни встать.

— О боже! Если Абдыкерим-хан вернется сюда, меня убьют, — хныкал он, ни на шаг не отставая от Эзиза. Но у того и без него было немало забот: надо было спрятать турецких офицеров: не лишне было принять меры, чтобы его самого не обвинили в связи с Абдыкерим-ханом.

Вскоре вернулся гонец. Абдыкерим-хан, возвращая письмо, велел передать Эзиз-хану: «За меня, брат, не беспокойся. Я не боюсь никого. Люди, которые вздумают меня задержать, сами опозорятся, вызовут гнев эмира Афганистана и наживут себе нового врага».

Конверт письма Джунаид-хану не был вскрыт. Но когда Эзиз и Мадыр-Ишан внимательно осмотрели конверт, им показалось, что цвет его как будто поблек. Однако ничего плохого они не заподозрили.

В сумерки Абдыкерим-хана со всем его отрядом и мулами привели в Ак-Алан. Хотя Абдыкерим и говорил Эзизу, что шел из Афганистана, мулы его не казались усталыми. Нукеры, снимавшие с них пулеметы, бормотали что-то на непонятном языке, которого ухо Эзиза в Афганистане не слышало. И мулы были гораздо крупнее тех, которые ему приходилось там видеть. Один из мулов, когда его развьючивали, стал брыкаться. Пулемет, загремев, упал на землю. Проходивший мимо Абдыкерим-хан стал стегать нукера плетью. Тело нукера покрылось рубцами, с голой шеи по-текла кровь.

Видя это, Эзиз улыбнулся, вспомнив про хивинца, и велел притащить его к Абдыкерим-хану. К его удивлению, рассвирепевший Абдыкерим только кивнул беглецу головой и приказал помогать развьючивать мулов.

Эзиз попросил у друга прощения за то, что в его владениях с ним случилась такая беда.

Абдыкерим-хан поспешил успокоить его:

— Друг мой, не волнуйся понапрасну: нигде и никто мне и ногтя не отрежет. Кончится тем, что Они задержат меня на четыре-пять дней и отпустят. Самое большее через неделю я снова буду здесь.

Ночью Абдыкерим долго не спал, раздумывая, привести ли ему в исполнение свои планы или нет. Как ни был проницателен Ходжаяз, он так и не мог разузнать точное количество нукеров у Эзиза. И Абдыкериму пришлось отказаться от своих намерений. А в это время Эзиз горевал в постели о печальном положении своего друга.

На другой день Абдыкерим-хана особым эшелоном отправили в Ашхабад. Но в тюрьму он не попал. Наоборот, прямо с вокзала он поехал в лучшую ашхабадскую гостиницу «Гранд-отель».

Глава восемнадцатая

Боеспособность эзизовской конницы падала. Оставшиеся в отряде Эзиза дейхане не хотели воевать против Красной Армии. Нукеры, посылаемые в разведку, никакой разведкой не занимались, а если и выезжали на линию фронта, так только затем, чтобы провести некоторое время в разъездах.

Об этом стало известно даже в полку Артыка.

Артык и его комиссар Тыжденко решили установить связь с Кельханом. Выполняя их задание, Ашир ночью пустился в опасную разведку. Когда выехали в пески, он отпустил своих конников и остался один. Винтовки у него не было, он шел только с наганом, пристегнутым к поясному ремню.

Было еще темно. В слабом свете звезд перед глазами Ашира мелькали то пышный хвост бегущей лисицы, то длинные уши или белые ноги зайца. Все дальше уходил он от железной дороги в пески пустыни. Изредка темноту прорезал длинный луч прожектора с бронепоезда и тотчас же угасал. Глухая, безмолвная тишина стояла вокруг. Жутковато было в этот час в безлюдной пустыне. Но ничто не страшило отважного разведчика. В этих местах обычно действовали разъезды конников Эзиза или Нияз-бека. Аширу надо было встретиться с одним из таких разъездов.

Не прошло и часу, как со стороны Байрам-Али, неподалеку от Гяур-Кала, показалась группа всадников. Все яснее доносилось фыркание коней, топот копыт. Ашир быстрым шагом пошел навстречу. Всадники спокойно приближались к спешившему к ним одинокому пешеходу. Передний скомандовал:

— Руки вверх!

Ашир покорно поднял обе руки. С первого же взгляда ему стало ясно, что всадники из отряда Кельхана. Командовал разъездом высокий, худощавый и остроглазый парень с тоненькими усиками, по прозвищу Сокоррак — Долговязый. Ашир узнал его. Но ни Сокоррак, ни другие двенадцать кельхановских нукеров не узнали Ашира.

Сокоррак спешил, впиваясь в Ашира острым взглядом, спросил:

— Ну, халиф, откуда идешь?

— Из Красной Армии, — спокойно ответил Ашир. Сокоррак вытаращил на него глаза:

— От большевиков?

— От них.

— Зачем ты пришел?

— Бежал.

— Врешь!

— Если не собираешься верить, так чего же спрашиваешь?

— А может быть, ты шпион?

— Шпион прятался бы, а я сам подошел к вам.

— Ну, ладно, говори, зачем пришел. Только правду!

— Я решил, что лучше быть в тюрьме Эзиз-хана, чем служить большевикам... Не

веришь — нечего и спрашивать. Отправь меня в штаб, там проверят. А если и этого не хочешь сделать, вот я, перед тобой — прикончи здесь. Для меня будет утешением уже то, что я умру от руки своих братьев.

— Ты из какой части?

— Раньше был в сводном отряде. Потом наш отряд влили в конный полк Артыка.

— А что делает сейчас Артык?

— Что должен делать перебежчик, чтобы заслужить доверие? Командует полком, пишет письма нукерам Эзиз-хана и Нияз-бека, стараясь подорвать их силу. Думает, обойдя Мары песками, напасть на Эзиз-хана.

Все, о чем говорил Ашир, было известно Сокорраку, и потому он поверил, что перед ним действительно перебежчик из Красной Армии. Но он решил послать его не в штаб и не к Эзизу, а к своему сотнику Кельхану. Отправляя Ашира под охраной двух всадников, он строго наказал им:

— Ведите его прямо к Кельхану. Пусть никто даже в нашем отряде не знает ни о его побеге, ни о том, что он взят нами. Если проговоритесь где-нибудь, не ждите добра!

Сокоррак со своими всадниками направился к Равнине, Ашира повели в сторону Байрам-Али.

Кельхан говорил с Аширом наедине. С первых же слов Ашир объявил:

— Я не перебежчик. Меня послал к тебе Артык. Он сказал мне: «Умри, но передай мои слова Кельхану». Ты сам знаешь, перейти фронт — это положить голову под меч. Я понял важность поручения Артыка и вот пришел, доверяя тебе свою жизнь. Или, во имя своей дружбы с Артыком, скажи мне о своих намерениях и помоги вернуться назад, или отправь, как шпиона, в штаб, а можешь и сам...

— Если ты сумел добраться до меня, на тебе не будет и царапины. Вернешься так же благополучно, как и пришел. Раз Артык послал тебя сюда, значит, он верит мне. И я не пощажу жизни ради него. Но ты скажи — что он просил передать:

— Артык сказал так: «Служа англичанам, Кельхан изменяет своему народу. Кельхан должен понять, что англичане коварны, а Эзиз мстителен, что с ним скоро расправятся. Ведь он не так глуп, чтобы верить лживым обещаниям Эзиз-хана. И неужели Кельхан все еще не убедился в том, что советская власть — народная власть? Если он перейдет в Красную Армию, перед ним откроется счастливая жизнь. Жду с нетерпением и Кельхана, который должен сбросить тяжелый груз со своих плеч, и всех его джигитов!»

Уже в тот день, когда Артык уходил со своей сотней, обдавая пылью разъяренного тедженского хана, Кельхан почувствовал, что не будь вокруг него верных ему джигитов, может быть, он уже поплатился бы головой за свою непокорность. Позднее, получив письмо Артыка, он решил присоединиться к нему. Теперь Кельхан, выслушав горячие слова Артыка, еще больше утвердился в своем решении. Он сказал Аширу, что в ближайшие же дни поведет на соединение с полком Артыка всю свою сотню. Затем откровенно рассказал Аширу все, что знал о положении белых и англичан. Рассказал и об острых разногласиях в штабе фронта: англичане отказались бросить свои войска в наступление, на чем настаивали белые, и ограничивались только обороной...

Проводив Ашира в пески, Кельхан стал обдумывать, как обеспечить безопасный переход своего отряда в расположение красноармейских частей. Но не успел он посоветоваться со своими командирами и преданными ему людьми, как в жизни его наступила перемена. Командующий фронтом Ораз-Сердар пригласил его в свой вагон и повел с ним откровенную беседу.

— Кельхан, — обратился он к сотнику, — я давно приглядываюсь к тебе и доволен тобой. Мне хотелось бы назначить тебя на более высокий пост, потому я и решил с тобой побеседовать. Прежде всего прошу тебя: будь со мной вполне откровенен. На все вопросы отвечай не стесняясь, как понимаешь.

Сотник понял слова командующего по-своему: «Ораз-Сердар, должно быть, пронюхал, что я собираюсь перейти на сторону большевиков, вот и допытывается хитростью, хочет,

чтобы я сам все рассказал...»

— Сердар-ага, что знаю — не скрою, — ответил Кельхан.

Заметив его смущение, командующий заговорил еще более горячо:

— Кельхан! Я тебе — как отец, доверяю полностью свое сердце, и ты не таи от меня ничего.

Кельхан совсем растерялся. «Ну, пропал!» — подумал он. А Ораз-Сердар, словно не замечая его состояния, продолжал:

— Пусть наш разговор останется в стенах этой комнаты. Я хотел бы, чтобы он был на благо туркменского народа.

— Сердар-ага! Я сын туркмена! — воскликнул Кельхан.

Этот ответ удовлетворил Ораз-Сердара. Он подвинул стул поближе к сотнику:

— Кельхан, я повторяю: пусть все, о чем мы будем говорить, останется между нами.

— Сердар-ага, хоть ты и приглядывался ко мне, а вижу, вовсе не знаешь меня; повторяю снова: я — сын туркмена!

— Молодец, Кельхан! — Ораз-Сердар пытливо взглянул в лицо собеседнику и осторожно начал: — В последнее время Эзиз-хан начинает вызывать у меня подозрения...

Кельхан, сразу поняв, о чем пойдет разговор, перебил командующего:

— У нас тоже.

— Значит, я не ошибся, — продолжал Ораз-Сердар. — Эзиз думает только о себе, о том, чтобы стать ханом над всеми туркменами. Он не понимает, что времена ханства кончились еще при жизни моего отца. Он только сеет распри среди туркмен.

— А почему ушел от него Артык? — не удержавшись, сказал Кельхан.

— Артык?..

— Он со своей сотней перешел на сторону большевиков. А сотню Артыка можно считать за полк. Мы ее потеряли из-за глупого зазнайства Эзиза.

— А, помню. Этот удалец в Пендинской степи разгромил сотню сипаев и нашу лучшую офицерскую роту.

— Сердар-ага, говорю вам: против сотни Артыка полк не устоит! А если Эзиз не изменит свою политику, то, пожалуй, большинство наших конников перейдет к Артыку. — Тут Кельхан почувствовал, что хватил через край в разговоре с командующим, но тот, видимо, был далек от подозрений и задумчиво произнес:

— Это ясно...

Помолчав немного, Ораз-Сердар протянул руку к столику, на котором стояла бутылка водки, налил рюмку и протянул ее Кельхану. По-видимому, он забыл, кто его собеседник. Кельхан с удивлением посмотрел на командующего:

— Сердар-ага... — нерешительно сказал он и тут же подумал: «Баяры пьют, а если и мне попробовать?» Он уже протянул было руку, но командующий сам выпил водку и заговорил почти шепотом:

— Я хочу обессилить Эзиза...

— А хватит силы на это?

— Отсюда мое желание поговорить с тобой. Конечно, если ты и другие сотники останутся с Эзизом, мне будет трудней.

— Если б дело было только за мной...

— Я считаю тебя за половину отряда Эзиза, а после этого разговора, — даже и всем его отрядом.

— Эзиз, — старый ворон, он не поддастся на пулю!

— Против ворона есть орел, — самодовольно произнес Ораз-Сердар, явно подразумевая здесь себя. — Достаточно орлу взмахнуть крылом — и от ворона только перья посыплются. А кроме того, есть лиса. У нее тысяча и одна хитрость. Не попадается ворон на одну, попадется на другую. Сейчас против Эзиза — орел и лиса.

— Если так, то...

— Эзиз никого не хочет признавать над собой. Он не выполняет приказов штаба,

вызывающе держит себя перед господином Фунтиковым, можно сказать, ни во что не ставит его. А у себя в Ак-Алане он, говорят, только развратничает, позоря ислам.

Кельхан с удивлением посмотрел на командующего: «Говоришь об исламе, а сам, видно, без бутылки и дня не можешь прожить».

Ораз-Сердар, посмотрев пьяными глазами на сотни-ка, продолжал:

— Наши союзники принимают меры к тому, чтобы изловить Эзиза. Их контрразведка уже действует. Имеются разные планы... Одним словом, через несколько дней ты кое-что услышишь.

При этих словах Кельхан снова почувствовал себя нехорошо. Раз уж вмешались англичане, добра не жди — Эзиза сцапают, да и его сотникам может nepoздopoвиться. Но командующий вдруг заявил:

— Я хочу назначить тебя начальником отряда вместо Эзиза.

У Кельхана сразу отлегло от сердца. Глаза его загорелись. Не зная, как благодарить командующего, что сказать, он по-иному взглянул на бутылку, в которой было еще больше половины белой жидкости, и неожиданно заявил:

— Сердар-ага, это что, питье? Надо бы попробовать!

Ораз-Сердар живо ухватился за бутылку:

— А ты когда-нибудь пробовал?

— Нет, Сердар-ага. Но раз хорошие люди пьют, почему бы и мне не попробовать?

Ораз-Сердар налил две рюмки и чокнулся:

- За удачу!

Водка обожгла внутренности сотника. Не помня себя, он вскочил задыхаясь:

— Сердар-ага, что это такое?

— Это водка — то же, что и вино.

— Значит, водка — огонь?

Ораз-Сердар встал, похлопал сотника по плечу:

— Кельхан! Отныне ты начальник тедженского отряда. Только пока нигде об этом не говори. Тайком готовь джигитов, настраивай их против Эзиза. Чтобы не мешал тебе и нам, надо незаметно схватить или уничтожить и Кизылхана. Через два-три дня, как только Эзиз попадет в наши руки, объяви джигитам о выдаче трехмесячного оклада жалованья и нового обмундирования.

Кельхан тоже поднялся. Под его длинными усами проскользнула горделивая улыбка:

— Сердар-ага, будь спокоен! На меня можно положиться.

В это время Ораз-Сердару подали телеграмму. Взглянув на нее, командующий хлопнул рукой по столу:

— Да озарятся очи твои, Кельхан! Хитрость лисы удалась — ворон в клетке!

В течение трех дней после этого Кельхан ничего не мог предпринять в отношении Кизылхана. Весть об аресте Эзиза вызвала в отряде волнения.

Кизылхан собрал командиров и потребовал немедленного нападения на штаб Ораз-Сердара. Кельхан выступил против него. Оба схватились за револьверы. Но вмешались другие, стали успокаивать сотников. Кельхан понял, что сгоряча допустил ошибку. По совету Ораз-Сердара, он должен был действовать с осторожностью лисы. Следовало согласиться с планом Кизылхана, но потребовать отсрочки. Нападение было бы отсрочено, а тем временем можно было бы сообщить о заговоре в штаб и арестовать Кизылхана. Кельхан поспешил исправить свою ошибку.

— Кизылхан, — миролюбиво заговорил он, — я погорячился, прости. Ты, конечно, прав! Но сейчас нам не дадут и пошевелиться. Сейчас следят за каждым нашим шагом. Пусть пройдет два-три дня, наши враги успокоятся, и тогда мы нападём.

Кизылхан молчал.

В тот же день Кельхан сообщил о намерениях Кизылхана в штаб.

Разгадал ли Кизылхан замыслы Кельхана, или решил действовать иным путем, но с

наступлением темноты он снялся со стоянки и ушел со своей сотней в неизвестном направлении.

Глава девятнадцатая

В разгар весны Артык со своею конницей все еще стоял на станции Равнина. Долгое бездействие раздражало его. Он не раз просился пойти в глубокую разведку, но Иван Тимофеевич, хорошо зная его характер, не разрешал. Он знал, что Артык не удержится, чтобы не ввязаться в бой. Если не встретит достаточного сопротивления, он пройдет до самого Байрам-Али, в результате подняв преждевременный переполох в стане белых, сорвет тщательно подготовляемое наступление. Он видел, что Тыжденко хорошо влиял на Артыка, но был уверен, что в боевой обстановке и Алеша не смог бы остановить его.

У Артыка заговорило самолюбие. Он думал: «Других посылают в разведку, а я что же — не справлюсь?..»

Весеннее солнце стояло высоко над землей. Артык медленно шагал в стороне от железной дороги, опустив голову. Удалившись от станции, он поднялся на бугор и посмотрел вокруг. Молодые травинки только что пробивались сквозь почву. Проснулось все живое. Мыши, ящерицы шмыгали повсюду. На песчанике видны были следы лисицы и зайца. В небе звенели жаворонки. Под ласковым весенним солнцем всякой твари — и свадьба и праздник.

Но Артыку теснило сердце. Несколько минут он неподвижно стоял на бугре.

Тыжденко, заметив, что Артык чем-то расстроен, потихоньку двинулся вслед за ним. Поднявшись на бугор, он подошел к Артыку и оживленно заговорил:

— Посмотри, Артык, как хорошо вокруг! Весеннее солнце пробудило землю и все живое на ней.

Артык, не меняя позы, еле слышно ответил:

— Вижу.

— А почему ты такой невеселый?

Артык пристально посмотрел на своего комиссара.

— Ты не знаешь причины?

— Нет.

— Если не знаешь, скажу: солнце, давшее жизнь всему живому, не дало ее мне.

— Но ты — живой?

— Нет, Алеша, я не живой. Сколько уже месяцев мы стоим здесь без дела, никуда не двигаясь.

— Я понимаю тебя, Артык. Ребенок торопится, а шелковица созревает в свое время.

— Нет, Алеша, я не ребенок. Я очень хорошо понимаю, зачем я бросил свою семью, родной аул и пришел сюда. Я знаю, что взоры моих близких все время обращены на дорогу. Конечно, это не так важно. Но народ?.. Кровожадные хищники продолжают терзать его грудь. Почему мы не спешим на его зов? Или мы боимся хищников? Почему нам не померяться с ними силами?.. Вот это меня и мучает

— Что, командование этого не понимает? Ты думаешь, у Чернышова душа не болит?

— Почему ж тогда мы столько времени стоим здесь?

Тыжденко положил руку на плечо Артыка:

— Друг мой, что важнее — открыть дорогу сначала на Ашхабад или на Москву?

— Кто сомневается в этом? Конечно, на Москву.

— Тогда слушай. Ты ведь знаешь, что атаман Дутов угрожает Актюбинску. Взятие Актюбинска белыми равносильно удару копы в бок Туркестану. Этого и добивался продавшийся интервентам Осипов, когда поднимал восстание в Ташкенте. Вот почему советское командование решило сначала покончить с фронтом Актюбинск — Оренбург и открыть путь между Ташкентом и Москвой. Основные силы Красной Армии брошены на Актюбинский фронт. Поэтому мы здесь и ограничиваемся пока обороной. Восстание

белогвардейцев в Ташкенте подавлено. Атаман Дутов уже получил здоровый подзатыльник. Знаешь новость: путь на Москву открыт! Теперь брат, — Алеша похлопал Артыка по плечу, — и ты скоро сядешь на своего Мелекуша и вволю поработаешь саблей!

Артык обнял Тыжденко.

— Это правда? Верно ли, что дорога на Москву открыта?

— Какое право имеет комиссар обманывать командира?

— Брат, когда ты был караульным в ашхабадской тюрьме, ты понимал такие вещи?

— А ты понимал?

— Я и теперь мало что понимаю.

— Ну, это не так. Давно ли ты думал добиться свободы для туркменского народа через Эзиза и ему подобных? А теперь ты — один из верных бойцов советской власти. Ты не хуже меня понимаешь теперь, с кем. надо идти и с кем бороться, чтобы добиться свободы и счастья.

— Ты ведь ученый, а я?..

— Верно, я больше читаю, чем ты.

— И я теперь читаю татарские и узбекские книги, но понимаю еще плохо. А на туркменском языке книг нет. По-русски же стою на месте, никуда не двинулся.

— Научишься, брат, всему!

Артык уже другими глазами посмотрел на зеленеющую равнину и вспомнил Амударью.

— Смотри, Алеша, как прекрасна наша земля! Чуть дождь упадет, солнце выглянет — сразу все зазеленеет. Если б вода, какие были бы здесь урожаи! А если бы провести сюда воды Амударьи, как говорил Иван, пустыня превратилась бы в рай.

— Так и будет! Мы с тобой взяли оружие ради свободы этой прекрасной земли, — мы будем и свидетелями того, как эти пустыни превратятся в цветущий сад. У нас светлое будущее!..

Командир и комиссар вернулись к своему эшелону. Джигиты играли на дутарах, пели песни.

Корда командир и комиссар подошли и сели, бахши запел песню на слова Махтумкули:

*Если скакун падет, то в пустыне — конец надежде.
Все же скачи, джигит, коль пред тобою простор.
Если погибнет муж, — мир счастлив пребудет, как прежде;
Значит, — счастье вкушай, коль его заметишь взор.*

*Есть такие юнцы, что и слова толком не вставят;
Есть и такие, что вмиг дыханьем камень расплавят.
Если отстанет конь, то джигита старость придавит:
Как на таком тихоходе мчаться во весь опор?*

*Сотня трусов слабей одного, в ком дышит отвага;
Храбрый в огонь и воду пойдет за народное благо:
Гляньте на подвиг труса: бежит он, жалкий бедняга,
За пыль от копыт приняв туман, сползающий с гор!*

Бахши кончил петь. У Мавы невольно вырвалось:

— Эх! Как будто он всю жизнь провел в боях!..

Ашир перебил его. Указывая на эфес своей кривой сабли, он спросил:

— Как думаешь, эту саблю мастер для чего сделал?

Мавы хлопнул ладонью по прикладу винтовки:

— А это для чего смастерили?

— Я другое хочу сказать. Разве не песня шахира наострила эту саблю? Его слова и на

меня действуют. Оружие — оружием, но.. — Ашир положил руку на сердце, — если это на месте, твое дыхание, как сказал шахир, и камень расплавит.

Песни смолкли, — другое привлекло внимание джигитов: со стороны Чарджоу пришел вагон командующего. Тыжденко побежал на станцию. Через несколько минут в вагон позвали и Артыка.

Иван Тимофеевич, здороваясь с Артыком, спросил:

— Как настроение, товарищ командир?

Артык взглянул на Тыжденко, решив, что комиссар уже передал командующему их разговор, но виду не подал и бодро ответил:

— Как у командующего, так и у командира.

— Ты не сердись на меня?

Артык уже с упреком посмотрел на Тыжденко.

— Может быть, что комиссар сказал тебе?

Тыжденко только пожал плечами, а Иван Тимофеевич, ничего не понимая, нахмурился:

— Я спрашиваю не комиссара, а тебя. Я отказал тебе в некоторых просьбах, — может быть, ты обиделся?

— Товарищ командующий! Бывает, что я не все понимаю.

Чернышов повернулся к Тыжденко, хотел что-то сказать, но Артык опередил его.

— Комиссар помогает мне, объясняет. Каков бы ни был приказ — я всегда готов его выполнить!

Прямая речь Артыка понравилась Чернышеву.

Он понял, что Тыжденко ведет неослабную работу, стараясь сделать из Артыка дисциплинированного командира.

— Артык Бабалы, — сказал он официальным тоном, — я могу сейчас исполнить одну твою просьбу: сегодня вечером с полусотней пойдешь в глубокую разведку.

Артык встал перед командующим в положение «смирно», поднес руку к папахе:

— Слушаю!

— По возможности воздерживайся от стычек, — продолжал Чернышов. — Главное — разведка. Нам мало знать о вооружении и численности врага. Надо знать все: о настроениях, о боеспособности частей. Поэтому надо постараться захватить в плен неглупого, осведомленного человека. Думаю, что вы справитесь с заданием. Готовьтесь!

— Готовы, товарищ командующий!

Артык и Тыжденко вышли из вагона и направились к своим конникам.

Было уже далеко за полночь. Полная луна плыла за редкой пеленой облаков. Конный отряд, обойдя Кур-ба-Кала с северо-запада, никого не встретил. Далеко на западе светились, как два глаза, огни паровоза. В песках были шакалы.

Тыжденко, ехавший рядом с Артыком впереди отряда, сказал:

— Артык, по-моему, мы уже на байрам-алийских полях. Дальше ехать опасно. Как бы не нарваться на конников Нияз-бека.

— А приказ командующего?

— Командующий не приказывал доходить до Бай-рам-Али.

— Но он сказал — привести человека, да еще умную голову.

— Если на обратном пути будем держаться ближе к железной дороге, то, возможно, и достанем такого человека. Мы сделали слишком большой заход, наверное, прошли их наблюдательные посты.

— А по-моему, вблизи железной дороги мы попадем под огонь поезда. Не думай, что Артык боится.

Но джигитам не устоять против него. Я видел, знаю...

— Что же делать?

— Пройти еще немного вперед.

— Хорошо, — согласился Тыжденко, но тревога его не улеглась: он чувствовал, что

Артык решил любой ценой выполнить приказ командующего и может ввязаться в рискованную схватку.

Прошло еще с полчаса. Артык вел отряд все дальше в глубь расположения противника.

Вдруг один из двух всадников, ехавших впереди дозором, поскакал обратно. Это оказался Ашир.

— Товарищ командир, — доложил он, — со стороны Байрам-Али показалась группа конных.

— Какой национальности?

— Туркмены.

— Заметили папахи?

— Нет, но кто-то из них поет по-туркменски.

Артык спешил отряд в ложбине, залег вместе с Тыжденко за гребнем бархана и стал наблюдать. Около двадцати всадников ехали не спеша. Они проходили в двухстах шагах, между отрядом Артыка и железной дорогой. Джигиты Артыка держали коням морды, чтоб те не заржали, и ждали приказа. Но приказа не было, Артык думал: «Что же делать? Стрелять — перебьешь половину, остальные уйдут. Погнаться — все могут уйти. Кони у них не хуже наших...»

Между тем всадники приближались. Тыжденко предложил пропустить их, отрезать с тыла. Но Артык, не слушая его, неожиданно встал во весь рост и закричал:

— Эй, джигиты! Хе-э-эй!

Всадники остановились. Артык снова крикнул:

— Сюда! Сюда-а!

При свете луны всадники видели только темный его силуэт на бархане. Они хотели было двинуться к нему, но вдруг все сразу спешились, и один из них на зов Артыка ответил:

— Сам подходи!

Артык, не колеблясь, шагнул вперед. Тыжденко бросился к нему, схватил за руку:

— Нельзя!..

— Почему нельзя? Это же — не политика!

Когда Артык попытался вырваться, на помощь Тыжденко подбежал Ашир.

Возиться было некогда. Чтобы не привлечь внимания всадников, Артык еще раз крикнул, и вновь послышался тот же ответ. Тогда Артык приказал Аширу:

— Иди к ним, не бойся. Скажи, что это я — Артык. Предупреди: тронутся с места — всех нанижу на пулю. У них только один выход: присоединиться к нам или погибнуть. А не поверят, пусть один из них подойдет, посмотрит.

Два всадника отделились от отряда и пошли навстречу Аширу.

Они не схватили Ашира, как предполагал Тыжденко, а начали разговаривать с ним и через минуту вместе с Аширом подошли к Артыку и поздоровались.

Артык узнал Токгу, одного из командиров эзизовской конницы. Токга с первых же слов заявил, что его всадники уже не первую ночь выезжают в степь, чтобы присоединиться к какому-нибудь красноармейскому разъезду.

Перебежчики рассказали, что Эзиз арестован, а Ни-яз-бек скрылся, что Кизылхан со своей сотней ушел с фронта и тедженским отрядом командует теперь Кельхан. Ахальские джигиты только и думают, как бы уйти с фронта, а многие хотели бы присоединиться к Артыку, да не знают, как это сделать. Артык спросил, не пострадали ли от руки Эзиза семьи джигитов, которые перешли с ним на сторону Красной Армии.

— Мы ничего об этом не знаем, — ответил Токга. — Сразу же после ареста Эзиза джигиты, приехавшие в Байрам-Али, говорили, что Эзиз посылал Пеленга в пески.

Эта весть заставила приуныть Артыка. Он знал, что Пеленг используется Эзизом для тайных убийств. Однако не время было думать об этом. Представлялся случай перетянуть к себе многих из отряда Кельхана. И Артык обратился к командиру перебежчиков:

— Ты, брат, возьми на себя ответственное дело: поезжай один назад. Передай от меня привет джигитам, подговори недовольных и постарайся привести их ко мне. Командование

Красной Армии знает, что многие из них воюют не по своей охоте. Им ничто не угрожает. Пусть только не мешкают. Начнутся бои — тогда перейти будет трудней.

Токга колебался:

— Если один вернусь, Кельхан снимет мне голову. Что я отвечу?

Артык усмехнулся:

— Тебя не надо учить... Мало ли что можно сказать! Скажи, что твои джигиты хотели убить тебя и ты спасся бегством. Кто тебя проверит?

Опасно было поручение Артыка. Но, чтобы доказать свою преданность, командир согласился. Артык написал джигитам коротенькое письмецо. Второе, заранее заготовленное письмо он тоже передал Токге с просьбой во что бы то ни стало доставить его Дурды. В этом письме Артык требовал, чтобы Дурды немедленно отправился в Ашхабад, разузнал там, что нужно, и послал ответ. О семье он не писал, но втайне надеялся, что Дурды и сам догадается сообщить все, что знает.

На восходе солнца, не сделав ни одного выстрела, Артык вернулся в Равнину с семьюдесятью всадниками.

Командующий крепко пожал ему руку.

Глава двадцатая

После отъезда Артыка все заботы о семье легли на плечи Айны. Продав кое-что, она купила несколько овец, а один из лучших своих ковров обменяла на стельную верблюдицу. В самом начале весны у кибитки появились ягнята и маленький верблюжонок. Ба-балы, обхватив за шею ягнят, — таких же ростом, как и он сам, — возился с ними. Черноухий верблюжонок, еще не умевший стоять на ногах, неуверенно, раскачиваясь, делал первые шаги и падал, как Бабалы.

Вот уже шесть месяцев прошло, как от Артыка не было вестей. Ходили слухи, что он перешел на сторону Красной Армии и что Эзиз разыскивает его семью, чтобы расправиться с ней. Тревога давила сердце Айны. Ночами она не могла спать, днем не находила себе покоя. Однако перед Нурджахан и Шекер она старалась не обнаруживать своей тревоги и даже успокаивала их.

В конце зимы выпали обильные осадки, весна наступила ранняя. В начале марта на склонах барханов уже зеленела песчаная осока. Воздух был наполнен свежестью. Между землей и смеющимся солнцем пели жаворонки.

Было ясное солнечное утро. Айна подоила верблюдицу, вернулась в кибитку и накормила Бабалы. Жизнь шла своим чередом, в доме ни в чем не было недостатка. Но какая-то непонятная тоска сжимала сердце Айны. Сама не зная для чего, она стала перебирать вещи в своем сундуке. В руки ей попался красный халат Артыка. При виде его она словно опьянела. «Ар-тык-джан!» — прошептала она, прижимая халат к груди, и, сама того не сознавая, запела песню, которую пела когда-то, будучи невестой Артыка:

*В белой кибитке моей постелив ковер,
Я наслажусь ли вдоволь тобой, Артык-джан?
Средь поцелуев, милый встречая взор,
Буду ли лоб твой нежить рукой, Артык-джан?
Иль мне в разлуке — о, до каких же пор? —
Плакать придется горькой слезой, Артык-джан?*

Слезы душили Айну, — она не могла больше петь. И вдруг глаза ее загорелись огнем. Руки нащупали что-то твердое и холодное... Наган! Айна жадно смотрела на револьвер. На лице ее появилась суровая непреклонность.

Это оружие оставил ей Артык. Недаром он учил ее заряжать револьвер и стрелять из него!

Завернув в платок наган и сумку с патронами, Айна вышла из кибитки. Нурджахан заметила сразу, что невестка изменилась в лице и куда-то торопится.

— Аю, Айна! Куда ты? — с тревогой спросила она. Айна в нерешительности остановилась, но быстро нашлась:

— Бабалы что-то ест плохо. Пойду в степь, поищу, нет ли дикого лука.

Айна прошла одну гряду барханов, другую и остановилась. Теперь можно было не опасаться, что звук выстрелов услышат в ауле. Взяв череп верблюда, она поставила его на бугорок и стала стрелять. При первом выстреле у нее дрогнула рука; когда нажимала спусковой крючок, глаза сами зажмурились. Сделав второй выстрел, она заметила струйку пыли, поднявшуюся возле черепа, и это обрадовало ее. Так, выпуская пулю за нулей, она разрядила двенадцать патронов, — четыре пули угодили в череп.

Убедившись, что она уже не боится стрелять и даже может попасть в цель, Айна набрала два пучка луку и вернулась домой.

Наступил вечер. Запад затянуло темной завесой пыли. Поднимался ветер. Встревоженная Нурджахан, подвязав к наружным кольям веревку, перекинутую через верх кибитки, натягивала ее, закручивая палкой. Увидев невестку, она засуетилась еще больше.

— Аю, Айна! Гляди — надвигается буря! Как бы не свалило кибитку. Давай скорее подтянем веревку!.. Шекер, дочка, а ты что стоишь? Неси же подпорки!

Айна взглянула на почерневшее небо и спокойно сказала:

— Напрасно тревожишься, мама. Такой черный ветер не бывает сильным. Только посуду запылит.

Быстро сунув наган и патроны в сумку для ложек, она все же вышла помочь свекрови.

— Ах, всегда вы с Шекер такие! — ворчала Нурджахан. — «Напрасно тревожитесь...» Обо всем надо заранее позаботиться. А у меня уж до всего и руки не доходят.

— Да не бойся, мама! Отдохни, мы с Шекер сейчас все сделаем.

Вопреки опасениям Нурджахан, черный вихрь, налетевший в сумерки, только поднял песок и золу около тамдыра, но кибитку даже не качнул.

Уже за полночь Айна в полусне услышала цоканье копыт. Первой ее мыслью было: «Артык!..» Она быстро встала. Шекер тоже приподнялась, проснулась и Нурджахан. Когда Айна зажгла лампу и отворила дверь, в кибитку ввалились два рослых эзизовских нукера в зеленых погонах. Айна не знала их — ни старшего, Пеленга, ни его спутника.

— Проходите, садитесь, — растерянно проговорила она, чувствуя, как слабеет все тело.

Пеленг, покручивая ус, окинул взглядом Айну, задержал глаза на прижимавшейся к матери Шекер и сказал:

— Нет, молодушка, мы не сядем.

— Тогда говорите, с чем приехали, с какими вестями.

— Вести наши... Ха-ха! Мы, молодница, приехали, чтобы... увезти вас.

— Куда?

— Вас вызывает к себе Эзиз-хан.

У Айны перехватило дыхание. Нурджахан и Шекер замерли от страха.

— Зачем?

— А это, когда приедете, спросите у него, — с усмешкой ответил Пеленг.

Эта усмешка и наглый взгляд Пеленга вернули Айне силу. Она вспомнила, что она — жена Артыка. Презрительно поджав губы, она спросила:

— Что же — Эзиз-хан, растеряв мужчин, набирает теперь женщин?

— Это, молодница, не твоего ума дело. Ты ведь жена Артыка?

— Хотите мстить Артыку — мстите ему самому, если сможете! При чем тут семья?

— И это не тебе разбирать! Ты с той вон девушкой, — Пеленг указал на дрожавшую от страха Шекер, — собирайтесь, сейчас поедем.

Нурджахан лишилась языка. Прижимая к себе дочь, она залилась слезами. Айна, внешне оставаясь спокойной, отошла к сумке, в которой лежал наган. Пеленг шагнул к старухе, оторвал ее руки от дочери и наклонился к Шекер.

Шекер обеими руками закрыла лицо. Пеленг оглядел ее и обернулся к своему спутнику:

— Неплохая девушка! Как думаешь, подходит для Пеленга?

— Да у тебя ведь есть жена.

— Гм! У хана три жены, пусть у Пеленга будет две!

Пеленг грубо оторвал руки Шекер от лица и поцеловал ее:

— Да здравствует Эзиз-хан!

Айна, пряча за спиной наган, крикнула:

— Негодяй, прочь руки от девушки!

— Ха-ха-ха! Пеленг еще никогда не убирал руки от Добычи. — И, обернувшись к своему спутнику, крикнул: — Чего стоишь? Хватай!

Нурджахан в ужасе закричала:

— Вай, дитя мое!.. Ой, люди, помогите!

От ее крика с плачем проснулся Бабалы.

Шекер изо всей силы рванулась из рук Пеленга и отбежала в глубину кибитки. Пеленг кинулся за ней. Раздался выстрел, затем прогремел второй, третий. Пеленг грохнулся под чувал с пшеницей. Его спутник с перепугу бросился было вон из кибитки, но вдруг остановился и вскинул винтовку. В это время в кибитку вбежал сосед — товарищ Артыка — и вонзил в спину эзизовскому нукеру нож. Винтовка выстрелила вверх, нукер упал.

Айна, как во сне, растерянно смотрела на ручеек крови, растекавшийся по ковру. Бабалы на четвереньках подполз к ней и ухватился ручонками за ногу. Но она все стояла.

Лишь крики Нурджахан вернули Айне сознание. Подняв Бабалы, она спокойно сказала:

— Мама, не надо кричать. О том, что сделано, нечего жалеть. Так поступать наказывал мне Артык!

Затем она обратилась к соседу:

— Возьмешься за казан — сажа пристанет. Вдобавок ко всем беспокойствам, которые мы причинили вам, я еще навлекла опасность на весь ваш аул. Видно, судьба такая! Сегодня же ночью мы уйдем отсюда. Может быть, это спасет вас.

Молодой дейханин решительно заявил:

— Пока Артык не вернется, никуда вы не тронетесь! Что будет, то будет! Пока я жив, никто вас не обидит: пусть Эзиз-хан придет хоть со всеми своими черноодежными! Не падай духом! Мы придумаем что-нибудь, чтобы подозрение в убийстве не пало на нас.

— Их кони и ружья — свидетели!

— Они теперь послужат и нам.

Слова молодого дейханина ободрили Нурджахан.

— Спасибо, милый, — сказала она. — Пусть в глазах твоих никогда не будет печали!

Глава двадцать первая

Следователь военно-полевого суда вызвал Эзиза на допрос. «Тедженский хан» никак не хотел примириться с положением арестанта. В камеру ему разрешили доставить кальян. Он и к следователю явился с ним. Когда ему предложили оставить прибор в соседней комнате, он заявил: «Где нет моего чилима, там нет и меня!» Эзиз старался хотя бы в мелочах показать, что он не простой арестант. На вопросы военного следователя он отвечал надменно.

Записав имя Эзиза Чапыка, год и место рождения, следователь перешел к делу.

— Эзиз-хан, — поставил он первый вопрос, — сколько людей вы казнили за время своего ханства?

Эзиз неторопливо зажег свой кальян, пустил струю дыма через голову следователя, затем спокойно ответил:

— Никого я не казнил. В острастку другим повесил только Хораз-бахши за то, что он распевал большевистские песни. Так это — терьякеш, он и сам готов был помереть.

— Может быть, вы потеряли счет убитым по вашему приказанию или забыли?

— Если забыл — напомни.
— По нашим сведениям — шестьдесят, семь человек.
— А сколько людей убито белыми и англичанами?
— Это к делу не относится... Что вы скажете насчет тедженских убийств? За что вы убивали людей, совершенно непричастных к большевизму — чиновников, врачей, учителей?
— Кто убивал в Теджене, уже выяснено: это дело рук Аллаяр-хана. Поэтому он и сбежал.

— Выходит, что вы ни в чем не повинны?
— Я ничего не совершил против правительства.
Среди тех, с кем по приказу Эзиза жестоко расправились его нукеры, были и люди, полезные белым и интервентам. Следовательно поставил вопрос и о них:
— Кто убил Менгли-хана и его сыновей Баба-хана, Бакылы-хана?
— Думаю, что кто бы ни убил, не ошибся — это был царский пристав!
— Кто застрелил арчина Бабахана?
— Артык Бабалы. Он бежал к большевикам. Об этом я подавал рапорт в штаб.
Следователь пристально посмотрел на Эзиза через очки:

— Эзиз-хан, я знаю, что некоторые ваши мероприятия были полезны, и не собираюсь возводить на вас напрасных обвинений. Например, вы велели убить Карагез-ишана за его помощь большевикам — и хорошо сделали. Он не входит в этот список. Вы выжгли клеймо на лбу одного большевика. Хоть это и не допускается нашими законами — мы не обвиняем вас в этом. Может быть, все шестьдесят семь повинны в связях с большевиками? Если вы это докажете, мы снимем с вас обвинение в преднамеренных убийствах.

Эзиз опять закурил и, подумав, снова стал отрицать свою вину. Следователь перешел к другому вопросу.

— На совещании в штабе вы оскорбили главу правительства господина Фунтикова, насмехались над ним.

— Если этот Пынтик попытается зажать меня в лапы, я не только над ним, но и над всеми его министрами насмеюсь!

— Вот это прямой ответ!.. Вы хотели свергнуть нынешнее правительство?
— Что ты сказал?
— С большевиками имели связь?
— С большевиками?.. Вот уже два года воюю с ними...
— Это я знаю, а в последнее время?
— Моя конница стоит на фронте против большевиков.
— Это вам так кажется. Половина вашего отряда уже вернулась в Теджен. Дело не в этом, я о другом хочу знать: у вас были представители других государств?
— Кроме белых, у меня никого не было.
— Эзиз-хан, если признаетесь, — облегчите свою участь.
— Если я попал к вам в лапы, то должен клеветать на себя?
— Я найду человека, который подтвердит это.
— Того, чего не было, никто не может навязать мне.

Следователь сделал знак переводчику, тот отворил дверь в соседнюю комнату. Вошел Ходжаяз. Эзиз побледнел, его брови дрогнули. Чтобы овладеть собой, он опять схватился за трубку своего кальяна. Следователь спросил свидетеля:

— Ходжаяз, что вы знаете о связях Эзиз-хана с большевиками?
Глаза Ходжаяза плутовато забегали:
— Я, по несчастью, попал к Эзиз-хану. Когда пришел в Ак-Алан, то увидел там двух турецких офицеров. Эти офицеры побывали в Ташаузе и у Джунаид-хана. Они приехали к Эзиз-хану с письмом Кязим-бека...

— Ах ты, лживая свинья! — крикнул Эзиз, вскакивая со стула.
Переводчик встал между ними, взял Эзиза за плечи и вежливо усадил его. Эзиз, тяжело дыша, сверлил Ходжаяза ненавидящим взглядом.

— Эзиз-хан, — сделал замечание следователь, — закон не разрешает оскорблять свидетеля.

— А закон разрешает подкупленным негодьям клеветать на честных людей?

— Правда ли то, что показал свидетель Ходжаяз?

— Такая же прямая, как серп.

— Так вы отрицаете свою связь с Кязим-беком?

— Я знать его не знаю!

Следователь велел увести Ходжаяза и перешел к следующему пункту обвинений: — Эзиз-хан, каковы ваши отношения с Афганистаном?

— Ни для кого не тайна, что я скрывался в Афганистане, когда бежал от царского правительства.

— Это нам известно. Меня интересуют ваши политические связи с Афганистаном в последнее время. Может быть, к вам приезжал кто-нибудь из афганцев?

— Нет.

— Абдыкерим-хана вы знаете?

Эзиза точно окатили холодной водой. Не зная, что ответить на вопрос следователя, он снова принялся раскуривать кальян. Следователь повторил свой вопрос:

— Может быть, Абдыкерим-хан ваш близкий друг?

— Он мой кровный враг! — неожиданно для самого себя выпалил Эзиз.

— Когда же он стал вашим врагом? Нам известно, что вы с ним были в очень хороших отношениях.

Эзиз пожалел о необдуманно сказанном слове и теперь размышлял, как увильнуть в сторону. Но следователь не давал ему времени:

— У вас был недавно афганский офицер. О чем вы беседовали с ним?

— С афганским офицером я ни о чем не говорил. Может быть, ты его называешь Абдыкерим-ханом? Я поймал его вместе со всем его отрядом и передал вам.

— Ну, положим, не вы поймали его, но это не важно... Скажите, что это было за письмо, которое вы дали Абдыкерим-хану для Джунаид-хана?

— Никакого письма я ему не давал. Следователь вынул из папки листок бумаги, исписанный рукой Мадыр-Ишана, и показал его Эзизу:

— Кто писал это?

Эзиз взглянул на листок. Это была точная копия его письма Джунаид-хану, он узнал свою вкривь и вкось выведенную подпись: «Эзиз Чапык». Все же он отказался признать это письмо своим.

— Я неграмотный.

По распоряжению следователя переводчик прочитал письмо вслух.

— Ваше письмо?

— Нет. Это письмо написано негодяем, подобным Ходжаязу, чтобы очернить меня.

— Итак, вы отказываетесь признать, что имели политические связи с Афганистаном через Абдыкерим-хана и хотели воевать против англичан на стороне Амануллы-хана?

— Так.

Следователь вызвал начальника караула и приказал привести арестанта из третьей камеры.

Эзиз-хан спокойно курил кальян, когда открылась дверь и в комнату в сопровождении конвойных с обнаженными шашками вошел... Абдыкерим-хан в арестантской одежде. Увидев Эзиза, он воскликнул:

— А, Эзиз-хан! Здравствуй!

Следователь предупредил его:

— Арестованный Абдыкерим-хан! Без моего разрешения вы не имеете права говорить... Скажите, сколько раз, где и когда вы встречались с Эзизом-ханом?

Абдыкерим-хан бросил на Эзиза страдальческий взгляд и ответил упавшим голосом:

— Первый раз осенью семнадцатого года, в Теджене, во второй раз — неделю назад, в

Ак-Алане.

— О чем вы говорили?

Эзиз яростно выкрикнул:

— Абдыкерим-хан!..

Следователь остановил Эзиза. Абдыкерим-хан с покаянным видом сказал:

— Эзиз-хан! Умен игрок, который понимает, что проиграл. Нет пользы скрывать то, что уже известно! — Потом он обратился к следователю: — Господин следователь, мы говорили о том, чтобы, заручившись поддержкой Турции и Афганистана, поднять Туркмению, Хиву и Бухару на войну против англичан. А письмо Эзиз-хана Джунаид-хану, в котором он сам заявляет об этом, было взято у меня при аресте.

— Врешь! — не в силах сдерживаться больше, прервал его Эзиз. — Да, я не сошелся с белыми и особенно с Ораз-Сердаром. Но генерала Молла Эссена и капитана Тиг Джонса я всегда считал своими друзьями. Если я еще жив, так этим обязан только им. А если умру, эту благодарность к ним унесу в могилу. Я уверен, что генерал Молла Эссен не позволит меня опозорить. Завтра капитан Тиг Джонс развеет в прах все ваши гнилые обвинения, а Эзиз-хану даст еще больше силы!

Следователь снова обратился к Абдыкерим-хану:

— Что вы можете еще показать по делу Эзиз-хана?

— Эзиз-хан — мой друг, — ответил Абдыкерим-хан. — Но я, как государственный деятель, не имею права говорить неправду. По-моему, мысли у Эзиз-хана — что весенний ветер, веют то в одну, то в другую сторону. Если утром он договорился присоединить Закаспийскую область к Афганистану, то к вечеру, когда меня арестовали и привезли в Ак-Алан, как это мне точно известно, уже продал Закаспий турецким офицерам...

Подобно раненому кабану с налитыми кровью глазами, Эзиз огляделся вокруг себя, и не найдя ничего более подходящего, схватил за горлышко свой кальян.

— Ах ты, шпион проклятый! — бешено рявкнул он и бросил кальян в Абдыкерим-хана.

Разрисованный кальян, подарок Джунаид-хана, ударившись в грудь Абдыкерима, не раскололся, но украсил арестантскую куртку шпиона и чесучовый костюм следователя мокрыми желтыми пятнами. Покачнувшись от удара, Абдыкерим-хан выхватил из кармана револьвер и навел его на Эзиза. Переводчик успел подтолкнуть его руку, — пуля ударила в потолок. На выстрел вбежали конвойные и караульный начальник.

— Уведите арестанта! — приказал следователь, указывая рукой на Эзиза.

Английские интервенты получили все, что могли, от «теДженского хана». Больше он им был не нужен, и больше его никто не видел.

Дурды в начале апреля приехал в Ашхабад. В столице Закаспия он увидел неожиданную картину: интервенты спешно покидали пределы области. Они уже бросили фронт и торопились уйти за иранскую границу. Куда девался заносчивый вид их офицеров! Один из них стоял возле подготовленного к отправке эшелона индусов и, хмурая обожженное солнцем красное лицо, кричал резким голосом.

Оказалось, Тиг Джонс со своим штабом уже уехал из Ашхабада. Абдыкерим-хан исчез. Гостиница «Гранд-отель» опустела. Дурды смотрел на панику, охватившую «хозяев» области, прислушивался к разговорам на улицах и ничего не понимал. Что случилось с англичанами, которые ликвидировали правительство Фунтикова, образовали «Комитет общественного спасения», а теперь и сами бегут из Закаспия? Вскоре Дурды узнал, что новые правители чуть не на коленях упрашивали генерала Маллесона:

— Наш фронт держится только благодаря вашей помощи. Если вы уйдете, мы погибли. Не уезжайте, мы подпишем с вами любое соглашение. Неужели Туркестан так мало значит для Англии?

Генерал, мастер колониальных захватов, на этот раз равнодушно слушал мольбы авантюристов. Члены комитета попробовали воздействовать на него с другой стороны:

— Ваше превосходительство! Вы сами говорили, что укрепление большевиков в Туркестане опасно для Индии. Если вы уйдете, большевики завладеют всем краем. Это и для

вас создаст угрозу. Пока не поздно, остановите свои войска...

Тогда генерал заявил более определенно:

— Возможно, что вы правы, но я не могу поступить иначе: мне приказано свыше. — Стараясь подбодрить своих верных слуг, он добавил: — Относительно Закаспийского фронта не беспокойтесь. Я передал свои полномочия генералу Деникину, и он окажет вам необходимую помощь.

Действительно, командование Закаспийским фронтом переходило к Деникину. Из Красноводска на фронт шли эшелоны полковника Бичерахова с войсками и дальнобойными орудиями.

За несколько дней пребывания в Ашхабаде Дурды узнал многое. Но видел он здесь перед собой лишь результаты более крупных событий, о которых еще не имел представления.

Туркестан соединился, наконец, с центром, с революционной Россией. На Амударью пришли регулярные, хорошо вооруженные и уже получившие боевую закалку части Красной Армии. Среди ферганских басмачей, которым красноармейские полки нанесли несколько крепких ударов, началось разложение. Дейхане с ненавистью смотрели на англичан, рабочие всюду брались за оружие. Туркменские джигиты, подобно Артыку, целыми отрядами переходили на сторону Красной Армии. Отряд Эзиза распался. Афганистан вступил в дружественные отношения с советским правительством, и война афганцев против Англии казалась неизбежной. Силы Красной Армии росли изо дня в день, планы англичан рухнули, и, чтобы спасти свою оккупационную армию от разгрома, у них не было иного выхода, как увести ее обратно в Иран.

Дурды понял, что положение в Ашхабаде представляет огромный интерес для командования Красной Армии, и поспешил в обратный путь. По дороге он заехал в отдаленный аул, где жила Айна со времени отъезда Артыка. Она уже немного успокоилась, ибо весть об аресте Эзиза-хана в один день облетела все аулы. Лишь только Дурды вошел в кибитку, как все обступили его. Даже маленький Бабалы потянулся к нему, что-то лопоча на своем непонятном языке.

Тут же в ауле Дурды поджидал командир отряда перебежчиков Токга. В ту ночь, когда Токга расстался с Артыком, он передал одно из его писем джигитам, а с другим помчался к Дурды в Теджен. Теперь, спрятав в кушак донесение Дурды, он, лишь только солнце склонилось к закату, погнал коня обходными путями в расположение Красной Армии.

Глава двадцать вторая

Донесение о положении в Ашхабаде, привезенное Токгой от Дурды, заставило командование Красной Армии принять окончательное решение о переходе в наступление в ближайшие же дни. Токга рассказал также, что отряд Кизылхана разошелся по домам, а в отряде Кельхана продолжаются волнения, причиняющие белым немало хлопот.

Иван Тимофеевич, чувствуя усталость и решив немного отдохнуть, послал вестового за Артыком. Когда тот вошел к нему в купе, командующий протянул ему руку:

— Здравствуй, Артык, садись. Сейчас я не командующий и ты не комполка. Мы — прежние Иван и Артык. Будем пить чай и разговаривать.

За чаем вспомнили встречи в маленьком домике Ивана Тимофеевича в Теджене возле железной дороги, погибшего Василия Карташова, прежнего Дурды, из которого вышел теперь ловкий разведчик, приехавшего из Баку Артамонова и самого Артыка тех времен, когда волостные отобрали у него любимого коня. Но говорили о старом уже новые люди. Невольно подмечая новые черты в Артыке, Иван Тимофеевич не мог не заговорить об этом.

— Да, друг, ты уже не прежний, — сказал он задумчиво.

— Иван, и ты ведь не прежний. Теперь ты Иван-сердар.

— Я не об этом. Смотрю вот на тебя и радуюсь: и понятия твои и взгляды на жизнь стали глубже.

— Я всегда буду благодарен за это тебе и Алеше Тыжденко.
— Но остались у тебя еще и кое-какие недостатки.
— Если есть, укажи.
— Прежде всего ты все еще очень горяч. Все остыть не можешь. Сердце у тебя всегда скачет впереди рассудка.

— А у тебя, Иван, сердце скоро высохнет от рассудка. У тебя иногда такой вид, что я подходить боюсь.

— Не поверю, — усмехнулся Иван Тимофеевич и продолжал: — А главное, ты все смотришь только на свой Теджен. Теперь надо смотреть и видеть намного дальше.

— Не понимаю.

Чернышев заговорил серьезно:

— Все мы считаем, что скоро покончим с Закаспийским фронтом. Но положение у нас останется тяжелым, если даже здесь мы и разобьем белых.

— Почему?

— Чтобы объяснить это, нужно время. — Чернышев взглянул на свои старые, из белого металла часы и щелкнул крышкой. — Ничего, есть еще время. Давай посмотрим на все четыре стороны... Наша восточная сторона — Бухарское ханство. Эмир бухарский, стремясь овладеть Чарджоу, угрожает нам сбоку. Хивинское ханство, на севере, уже начало войну против нас. Членов правительственной комиссии Туркестанской республики Джунаид-хан убил. Он стремится овладеть всем Хорезмом и Амударьинским округом. Юго-восточная сторона — Афганистан. Аманулла-хан начал войну с англичанами. Генерал Маллесон и без того, под предлогом, что мы угрожаем Индии, наводнил Иран англо-индусскими войсками. Не думаю, чтобы Аманулла-хан мог долго сопротивляться. А если в Афганистане опять станут хозяйничать англичане, то добра с этой стороны тоже не жди. Ну, а на юге у нас, сам знаешь, — враждебный Иран. Советскую миссию там арестовали, иранское правительство действует по указке англичан...

Артык сжал кулаки.

— Иран всегда дрожал перед туркменскими джигитами. Я с одним своим полком заставлю его склонить голову!

Чернышов улыбнулся.

— Нет, Артык, не удастся. Не забывай, что нынешний Иран — не Иран времен твоих дедов. А кроме того, за его спиной, как я уже сказал, стоит Англия. Англичане все еще хозяйничают в Баку. Сейчас они уходят из Закаспия, но могут вернуться, как только обеспечат себе прочный тыл. Да и не ушли они, по правде говоря. Их агенты, шпионы, подкупленные ими бандиты действуют повсюду. В Серахсе и под Кушкой опять появились басмачи с одиннадцатизарядками...

Быстро проглотив остывший чай, Иван Тимофеевич поднялся.

— Как видишь, положение у нас все еще сложное. Скажу теперь тебе, что ввиду всех этих обстоятельств Главное командование Красной Армии назначило командующим Туркестанским фронтом товарища Фрунзе и членом Реввоенсовета товарища Куйбышева. Как ни опасен враг, с помощью Советской России мы его победим!

Артык тоже встал и, прощаясь с командующим, вдруг решил задать ему тот же вопрос, который он задавал Тыжденко:

— Товарищ командующий, когда вы были машинистом на железной дороге, вы так же широко смотрели на мир?

Иван Тимофеевич, смеясь, похлопал Артыка по плечу.

— Товарищ комполка, тогда не было советской власти. Ну, об этом еще поговорим... А сейчас — на коня!

Было начало мая.

Около Курбан-Кала полк Артыка встретился с отрядом конников из армии Деникина. Противников разделяла цепь барханов, похожих на верблюжьи горбы. За барханами

расстилась равнина, поросшая маком и зеленой травой. Конники Артыка незаметно перевалили через барханы и обрушились на бежавших, не дав им времени открыть огонь. Обнаженные сабли блеснули в лучах только что поднявшегося солнца. В утреннем влажном воздухе загремело «ура». Два отряда вступили в рукопашную схватку.

Сверкали сабли, валились тела. Кони, оставшиеся без седоков, металась по равнине. Артык начал теснить одного всадника, другой сбоку навел на него наган. Но недруг не успел выстрелить: под саблей Алеши Тыжденко его рука с револьвером отлетела, как срубленная ветка с дерева. Саблю, занесенную над плечом Ашира, отбросил назад удар Артыка. А в следующий миг Мелекуш налетел на коня вражеского офицера. Оба коня поднялись на дыбы. Взлетели две сабли. Подскакивший сбоку человек ударил по сабле Артыка. Артык еле удержал в руке саблю, и было похоже, что ему придется проститься с головой. Но Мелекуш, словно чувствуя опасность для своего седока, вдруг упал на передние ноги, и кривая казачья сабля со свистом пронеслась над головой Артыка. Мелекуш поднялся и снова сошелся грудью о грудь с конем офицера. Опять взвились сабли. На этот раз молнией сверкнула сабля Артыка — и голова офицера покатила по траве.

Бандиты, не выдержав жестокого удара, повернули коней, но крупные ахал-текинские кони легко настигали их. Зеленая равнина окрасилась кровью.

После боя Тыжденко, оставшись наедине с Артыком, сказал:

— Товарищ командир! Храбрость украшает командира Красной Армии. Но и для нее имеются свои законы. Ты — голова части, судьба полка в твоих руках. А ты в жарком бою идешь впереди всех.

— Товарищ комиссар! А разве тело без головы может действовать?

— Вот об этом я и хочу сказать. Если с тобой случится несчастье, тело останется без головы.

— Алеша, ты ошибаешься. В той сотне, с которой я пришел к тебе, любой может заменить меня. А разве Ашир хуже?

— И Аширу и любому из твоих джигитов я доверил бы свою жизнь. Но речь идет о командовании полком, и тут уж никто из них заменить Артыка не может... А кроме того, насчет тебя я имею строгий наказ от штаба и лично от Ивана Тимофеевича.

Последние слова комиссара заделали Артыка за больное место. Он понял их как намек на свое прошлое, хотя Тыжденко и не думал об этом.

— Я про этот наказ знаю и без твоего напоминания, — сердито ответил он комиссару. — Проверяй, если хочешь, каждый мой шаг — мне все равно. Сердце Артыка никогда не делилось надвое. Шел по ложному пути, теперь вышел на правильный, но я весь тут! Если иду к какой-либо цели, так иду прямо, как совесть подсказывает и сердце велит. А если придется погибнуть на этом пути, то и смерть мне не будет горька!

Тыжденко стал разубеждать его:

— Что за слова, Артык! Разве мы с тобою не братья?

— Бывает, что ссорятся и братья!

— Постой... Если б командование тебе не доверяло, оно не назначило бы тебя командиром, не доверило бы тебе целый полк. У командования нет насчет тебя никаких сомнений: оно считает тебя одним из лучших командиров. Так что ты эти старые свои мысли выбрось из головы. Но я тебе должен сказать, что обязанностей комиссара ты не понимаешь. Комиссар — ближайший помощник командира. Его долг — не только воспитывать джигитов политически...

— Ты меня учи, если я думаю криво, — перебил Артык. — А прямо сидеть на коне и рубить саблей меня учить нечего!

Тыжденко, не видя иного способа подействовать на Артыка, строго сказал:

— В таком случае я требую от тебя, чтобы впредь ты действовал в бою согласованно, чтобы не...

— Ах, требуешь? Значит, приказываешь? — не слушая, опять перебил Артык. — Если так, я и знать тебя не хочу! С этой минуты или я — не командир, или ты — не комиссар!

Он вскочил, с места и хотел уйти, но Тыжденко обхватил его за плечи и рассмеялся:

— Да послушай же ты, чудак! Разве ты забыл, что мы с тобой еще во дворе ашхабадской тюрьмы побратались? О чем я говорю? Я обязан оберегать твою жизнь, ты — мою. Вот о чем речь!

— Тогда прости, брат,—улыбаясь, сказал Артык.— Чего только я не наговорил тебе! Правильно считает Иван, что сердце у меня скачет впереди рассудка... Алеша, если еще такое случится, ты мне ничего не говори, а толкни в бок покрепче — я пойму.

Друзья откровенно высказал и друг другу, что думали, и от этого их дружба стала еще крепче.

На следующий день, на рассвете, Артык повел свой полк на Гяур-Кала. За стенами этой крепости, сложенной столетия назад из огромных, в обхват, сырцовых кирпичей, пытались укрыться остатки разбитых частей Ораз-Сердара.

В двух-трех километрах севернее подымался блестящий купол мавзолея султана Санджара, восьмьсот лет тому назад выстроившего здесь город с миллионным населением, очаг науки, цветущий сад культуры. Этот город превратили в развалины ненасытная жадность и жестокость Чингиз-хана, Тамерлана, иранских шахов, хивинских, бухарских и афганских эмиров и ханов. Там, где когда-то кипела жизнь, выли шакалы. А теперь, когда туркменский народ, пережив те страшные времена, шагнул к новому свету, интервенты и белогвардейцы опять железными когтями вцепились ему в грудь.

Артык яростно налетел на Гяур-Кала. Он надеялся захватить здесь отряд Кельхана. Но Кельхан уже бежал. Артык не догнал его и в Мары.

Глава двадцать третья

На другой же день, после того как Кизылхан увел свой отряд в Ак-Алан, части Красной Армии одним ударом заняли Байрам-Али.

Весть о наступлении Красной Армии подобно весеннему ветру в один день разнеслась по Марыйскому и Тедженскому оазисам. Разбежавшиеся из белых частей, скрывавшиеся в аулах джигиты собирались и толковали, о том, как бы им перейти на сторону Красной Армии. Друзья Артыка и Ашира открыто вели свою работу. Тедженские дейхане решили послать к большевикам делегацию. Кизылхан отправил с ней письмо Артыку.

Дурды с двумя товарищами выехал в путь с низовьев Теджена, когда солнце клонилось к закату. Степь уже теряла свою яркую весеннюю окраску. Красные лепестки маков осыпались. Нежные листочки и стебельки трав пожелтели. Уже реже слышалось пение птиц. В небе парили лишь одинокие стервятники да орлы. Изнемогающие от жаркого солнца ящерицы си-дели на самых верхушках кустарников. Было душно. Но предвечерний ветерок, пролетая степью, уже дышал прохладой. То там, то здесь кружились вихри пыли, словно вздымались кверху руки.

Любуясь бескрайней степью, Дурды излил перед своими товарищами волновавшие его чувства:

— Какая у нас земля! Чуть дождь пройдет — и травы по колено. Если б хватило воды, эти поля давали б неисчислимый урожай. По обеим сторонам дороги тянулся бы сплошной сад. А воды у нас достаточно. Надо только соединить живые силы воды и земли. Почему интервенты рвутся к нам? Они лучше нас знают цену нашей земле. Они хотят высосать из нее все соки... Наши предки веками отстаивали ее от врагов. Если мы сегодня отдадим ее интервентам, мы будем недостойны наших отцов и дедов. Будущие поколения проклянут нас. Проклятья изменникам, продающим врагу нашу родную землю! Слава отважным, борющимся за счастье родины, не щадя жизни! — Дурды глубоко вздохнул и закончил уверенно: — Никому не отдадим мы своей земли! Чтоб отстоять ее, нужна сила. А сила сейчас на нашей стороне. Русский народ повернул колесо мира в сторону справедливости, совести, человечности. Он протянул свою руку и нам, туркменам. Мы от всего сердца пожмем эту могучую руку. А по поговорке: «Две руки вместе моют лицо» — мы золотыми

водами Амударьи оросим нашу землю.

Один из спутников Дурды внимательно слушал его, переживая те же чувства. Другой шутливо сказал:

— О Дурды, да ты скрытый клад! Жаль, что ты произнес свою речь не на собрании, а в степи.

— Ничего! — улыбнулся Дурды. — Весенний ветер разнесет ее по нашей стране.

Красноликое солнце зашло за горизонт. Стайки провожавших его облаков оделись в цветные наряды: красные, оранжевые, желтые, темно-синие. Радужный свет их заиграл на ветвях саксаула, на сыпучих песках.

Было уже за полночь, когда путники расположились на отдых. Разнуздав коней, они пустили их в травянистую ложбину, а сами легли на прохладный песок. Легкий теплый ветер гладил их усталые лица. Звезды мягко переливались в синем безлунном небе, навевая сон. Прислушиваясь к мягкому хрусту, с которым кони жевали сухую траву, Дурды с тревогой думал о том, где и когда им удастся соединиться с Красной Армией. Ходили слухи, что разбежавшиеся с фронта вооруженные белогвардейские конники грабят и убивают путников.

Незаметно для себя Дурды заснул, а когда открыл глаза, солнце уже поднималось над землей. Золотые лучи играли на песчаных склонах барханов. Уже с утра чувствовалось, что день будет жарким. Беспокойство охватило Дурды. Он быстро вскочил и крикнул:

— Эй, вставайте! Мы спали слишком долго!

Они не прошли и половины пути, а воды в бурдюках осталось только на один переход.

В жарких бескрайних песках было безлюдно. Только три путника встретились им в дороге. Один из них был Джепбар-Бурказ, бывший царский охранник, ставший потом верной собакой белых и интервентов. Они сказали ему, что едут торговать в Мары, но Джепбар, умевший читать мысли сквозь кости черепа, сразу сообразил, куда они держат путь.

— Знаю, знаю, — многозначительно кивнул он головой. — Умно поступаете! Англичане ушли, на белых надежды мало. Конечно, сговориться с большевиками — вернее. В штабе белых мне остались должны кое-что, вот я и иду получить свои денежки. А то бы ни за что не уходил от красных. Идите, дай бог вам удачи в пути!

Его редкие рыжие брови то поднимались, то опускались, а в серых бегающих глазах затаилась хитрость. Дурды вспомнил, что Джепбар после революции пятого года был провокатором кровавой распри утамышей и тохтамышей в Мары и резко ответил охраннику:

— Джепбар-бай, ты верно угадал. Мы едем к большевикам. Поди скажи об этом Ораз-Сердару. А то беги к своему новому хозяину — к генералу Маллесону в Мешхед. Можешь идти и еще дальше. Чем меньше останется в нашей стране таких, как ты, тем лучше.

— Ты это за кого меня принимаешь? — спросил Джепбар, еле владея собой.

— За подлого изменника, достойного презрения народа!

Джепбар зашарил рукой по поясу, нащупывая кобуру револьвера.

— Ах, ты так!..

— Хочешь биться — давай! — крикнул Дурды. — Вот чистое поле.

Его товарищи уже схватились за оружие. Но до схватки не дошло. Спутники Джепбара удержали его.

Противники с ненавистью посмотрели друг на друга и разъехались — Джепбар со своими спутниками в одну сторону, Дурды с товарищами — в другую.

Началась жара. Вода в бурдюках кончилась. Лучи солнца, как пламя, лизали лица и открытые шеи путников. Горячий воздух, поднимавшийся от раскаленных песков, стеснял дыхание. Взмывленные кони тяжело поводили боками. Путники торопились поскорее доехать до Ай-Горена. Там, в ложбине, было несколько колодцев, из которых раньше кочевники поили скот.

Но когда они добрались, наконец, до Ай-Горена, там не оказалось ни людей, ни скота. Никаких следов влаги — кругом одни солончаки. Связав уздечки, путники достали немного воды со дна одного колодца. Но эту воду невозможно было пить: она оказалась горько-соленой. Коня понюхали ее и, облизывая губы, отвернулись.

Снова бесконечно потянулись горбатые барханы, поросшие саксаулом, черкезом, селином. На песке виднелись отпечатки волчьих ног. Из нор выбегали испуганные лисицы, волоча пышные хвосты. Под кустами черкеза лежали зайцы. Путники были вооружены, но им и в голову не приходило охотиться. Они сами были добычей бескрайних песков, изрыгавших пламя. Губы их опухли, языки прилипали к небу.

Один из товарищей Дурды поднялся на стременах и, посмотрев вперед, где высился густо поросший бархан, сказал:

— Я выдержу только до того бархана. Если и за ним не окажется аула, лягу на песок и умру.

Они поднялись на бархан. За ним показались другие барханы... Путники молчали. Они с трудом держались в седлах, кони еле волочили ноги. Вдали показались движущиеся черные точки. Напрягая последние силы, Дурды и его товарищи погнали коней. Когда они настигли двух путников, ехавших на верблюдах, первое слово, произнесенное ими, было «Воды!»

К небольшому кувшину с водой прильнул один. Едва он судорожно сделал несколько глотков, как у него выхватил кувшин Дурды. Только смочил рот Дурды — кувшин уже очутился в руках у третьего. И все трое думали: «Как сладка вода!»

Один из встречных протянул руку вперед:

— Видите вон то дерево, на вершине которого висит белый лоскут? Это — Сеид-овлия. На юго-восток от него — ручей.

Не прошло и получаса, как путники добрались до шумного арыка.

Это была прозрачная вода Мургаба, который берет начало в горах Гиндукуша. Она уже прошла через Коу-шутбентскую плотину, была распределена по большим и малым каналам и здесь бежала по арыку бурно и своенравно, как на своей родине в Гиндукуше. По обоим берегам тянулись заросли камыша и гребенчука. Дурды жадно смотрел на бурливый арык, ожививший песчаные берега: «Где вода, там и жизнь!»

Отсюда уже недалеко было до аулов в низовьях Мары. За чаем путники обсуждали, как им подойти к аулам. Если там увидят вооруженных всадников, их могут принять за белых, схватить во время отдыха и даже убить. Всего безопаснее было идти в аулы без оружия. Поэтому они привязали винтовки ремнями к седлам, накинули на коней кошмы и поскакали дальше.

Начались плодородные марыйские поля. Повсюду виднелись тучные нивы, низкорослые фруктовые деревья. Небольшие каналы и арыки то и дело пересекали дорогу. Из зарослей камыша с шумом взлетали фазаны.

Путники остановились переночевать в кибитке на краю большого аула. Приютивший их дейханин, опасаясь белых, спрятал коней в глубоком овраге и только после этого вступил с гостями в беседу. Он был настолько беден, что даже не мог угостить их горячей пищей. Ничего не было у него ни постлать, ни накрыться. Дурды со своими товарищами спал на конских пополах.

На рассвете они опять сели на коней и почти до полудня ехали от аула к аулу, пока не оказались среди глинобитных домов, окруженных тенистыми садами. По улице, поднимая густую пыль, двигались арбы, шли навьюченные лошади, ишаки.

Внезапно кто-то схватил коня Дурды под уздцы.

— Стой! — раздался крик, но в голосе не было угрозы.

Сквозь пыль Дурды разглядел чье-то смеющееся лицо и тотчас узнал старого школьного товарища, служившего в Красной Армии фуражиром.

Узнав, откуда и куда едет Дурды, фуражир сказал:

— Считайте, что вы уже в штабе Красной Армии! Он привел их в свой дом, угостил как следует, а затем отправился с ними на вокзал.

Иван Тимофеевич радостно встретил Дурды, крепко пожал руку ему и его товарищам, расспросил их о положении в Теджене, Дурды прочитал ему обращение населения: тедженцы приветствовали Красную Армию и заверяли, что встретят красноармейцев как

братьев-освободителей. Было прочитано и письмо Кизылхана, который изъявлял готовность перейти со своим отрядом на сторону Красной Армии, где и когда ему будет приказано.

После недолгой беседы командующий поручил фуражиру позаботиться о делегатах.

— Не скупись, — сказал он при этом, — хорошенько устрой и корми гостей. Это — представители народа. Пусть отдохнут два-три дня. Патом, может быть, я доведу их до Джоджуклы, а дальше они поедут в аулы на конях.

Дурды попросил у командующего разрешения повидать Артыка. Тот ответил:

— Приходи завтра сюда в это же время. Артык будет здесь.

На другой день они встретились. Артык по-братски обнял Дурды и начал расспрашивать его о Теджене. Хотя после письма Дурды, переданного ему Токгой, он и был спокоен за семью, ему не терпелось поскорее услышать, что там случилось за последний месяц. Дурды понял его нетерпение, и сам заговорил об этом.

— Артык, у тебя в семье все благополучно. Айна и мать здоровы. Бабалы уже начинает ходить, лопочет... В ауле о них заботятся, как о родных.

Лицо Артыка засветилось радостью. Он спросил:

— А где они?

— Живут там же, где ты сам их поселил, — в ауле Гарры-Чырла, — ответил Дурды.—Они привыкли к этому аулу и проживут там до твоего приезда.

— Так значит, я не единственный сын своего отца!

— Дейхане любят тебя, как брата. Сары-мираб рассказал, как ты освободил его. А Кизылхан шлет тебе привет. Я передал его письмо командующему. Кизыл-хан просит простить его и разрешить перейти в Красную Армию.

Рассказ Дурды о том, как Айна убила Пеленга, заставила Артыка пережить и муку и гордость. Выслушав этот рассказ, он стал расспрашивать обо всех дейханах родного аула, о полях и нивах Теджена. Дурды видел, как соскучился он по родным местам.

Чернышеву не удалось довести делегацию до Джоджуклы в своем поезде. Белые уже от Гарыб-Ата начали разрушать железную дорогу. Дурды и его товарищам пришлось возвращаться опять через пустыню. В штабе хурджун Дурды набили газетами и брошюрами. Провожая делегацию, Чернышов сказал:

— Объявите населению Теджена: Красная Армия в скором времени выгонит из Закаспия белых и интервентов. Пусть помогают бить белых, кто как может. Джигитов Кизылхана мы считаем своими. Пусть постараются до нашего прихода не пускать белых в аулы. Джигитам, еще оставшимся у белых, передайте: мы не будем им мстить. Мы хорошо знаем, что большинство из них было обмануто. Идите и передайте от нас дейханам братский привет!

Вернувшись в Теджен, Дурды узнал, что делегатов уже разыскивает контрразведка белых: назначена награда тому, кто их выдаст. Дурды еще раз с ненавистью вспомнил Джепбара. И все же ночью он пошел на мельницу в Шайтан-Кала. Он был хорошо знаком с машинистом мельницы Аванесяном и его помощником Анналы. Аванесяна на мельнице не оказалось, но Анналы охотно согласился выполнить поручение и вызвал командира Ахальского кавалерийского полка Чары-Гельды. Тот долго не верил, что Дурды побывал в штабе Красной Армии. Потом сказал:

— Я поеду к Ораз-Сердару. Попрошу разрешения съездить к больному брату и скроюсь. А командирам сотен скажу, чтобы они при первых же выстрелах со стороны Мары разбежались. Ахальским джигитам достаточно сказать, что они могут разъехаться по домам со своими конями и оружием, — им больше ничего и не нужно. Они не хотят воевать. А за то, что ты по-дружески предупредил меня, — спасибо.

Глава двадцать четвёртая

После ухода с фронта отряд Кизылхана оказался в тяжелом положении. Джигиты не

хотели больше сражаться против Красной Армии. Из штаба Ораз-Серда-ра ежедневно приезжали с уговорами вернуться на фронт; Ораз-Сердар угрожал разоружить отряд, а командира, вместе с зачинщиками смуты, предать военно-полевому суду. Кизылхан всячески оттягивал окончательный ответ. Оставаясь в Ак-Алане, он просил дать ему время на переформирование отряда и, опасаясь нападения белых, держал вокруг лагеря дозоры.

Однажды на рассвете дозорные донесли, что со стороны песков приближается большой конный отряд. Джигиты схватились за оружие, бросились к коням.

Неизвестная кавалерийская часть приближалась густой, тяжелой волной. Земля гудела от топота сотен копыт. В серое предутреннее небо поднимались клубы пыли. Впереди на горячем ахал-текинце гарцевал всадник в белой туркменской папахе. Рядом с ним на рослом коне гнедой масти ехал русский в армейской шинели и фуражке защитного цвета.

Кизылхан издали узнал Мелекуша и крикнул: — Джигиты! Это Артык... Встретим его в строю! Полк Артыка и присоединившийся к нему марыйский конный отряд, не нарушая строя, поднялся на возвышенность, где выстроились полукругом джигиты Кизылхана.

Обнажив саблю, Кизылхан протянул ее рукояткой вперед Артыку и опустил голову. Поднявшееся в этот момент солнце ослепило глаза джигитам Кизылхана. Все затаили дыхание: «Хватит ли у Кизылхана мужества перенести унижение? Не снесет ли Артык ему голову?..» Кизылхан продолжал стоять в том же положении. И только по тому, как он тяжело дышал, видно было, что ему сейчас нелегко.

Артык был взволнован не меньше Кизылхана. Он не терялся перед сотней врагов, слезы были чужды ему, но здесь глаза его увлажнились. С трудом овладев собой, он принял саблю и тотчас же вернул ее Кизылхану. Кизылхан поцеловал холодную блестящую сталь и выпрямился.

Они положили руки на плечи друг другу. За их спинами прокатился вздох облегчения.

Седьмого июня части Красной Армии согласно приказу командующего должны были выбить белых из Теджена. Артыку предписывалось обойти город и ворваться в него с юга. Кизылхан получил приказание пройти со своими джигитами дальше на запад, чтобы ударить по тылам противника.

В этот день конники Артыка могли сами отдохнуть после перехода и дать отдых коням. Под вечер джигиты и командиры собрались вокруг бахши. Он затянул песню о красавице и влюбленном бедняке. Звуки песни и музыка разнеслись далеко по окрестности.

*Я влюблен, сдержать не могу
Этой песни моей в тоске.
Я заснуть опять не могу.
Роза! Твой соловей в тоске...*

Страстный призыв отвергнутого бедняка нашел отзвук в сердцах заглубевших воинов. То один, то другой из них выражал бахши одобрение.

— Джа-ан! Джа-ан! — раздавались восторженные крики слушателей.

Бахши запел вторую песню — «Акменгли», сложенную тем же любимым народным поэтом Кемине почти сто лет назад:

*Ты, руки опустив, идешь дорогой длинной.
Ты знаешь — ждет тебя ночлег в степи пустынной.
Ты отдохнуть легла, но талией осиной
И не касаешься земли ты, Акменгли!*

*Весною ранней ты заснула в колыбели, —
Два комара на грудь младенческую сели.
Ты выросла — и два бутона заалели
На персях, для меня раскрытых, Акменгли!..*

Артык сидел, сдвинув брови, и, не мигая, смотрел куда-то вдаль. Перед его глазами была Айна. Живые Картины прошлого вставали одна за другой: первые встречи, нетерпеливое ожидание в старом арыке, горячие объятия и поцелуи в тростниках. Тогда запретна была для них любовь, и дорогой ценой заплатила Айна за свою беззаветную преданность сердечному другу. Казалось, звуки дутара и пение бахши не доходят до слуха Артыка, но когда музыка оборвалась, он тяжело вздохнул и пришел в себя.

Вскоре после полуночи Артык сел на коня и повел полк в обход, чтобы выйти на рассвете к южной окраине Теджена. Дозоры белых приняли их за ахальцев. Перед восходом солнца загрохотали пушки: Красная Армия открыла огонь по позициям белых со стороны Геок-сюри. Белые, приняв это за направление главного удара, перебросили под Геок-сюри почти все свои части. Но полки Красной Армии, обойдя город, обрушили главный удар с юго-востока, со стороны песков. С юга на город развернутым строем ринулся полк Артыка. В то же время отряд Кизылхана, перерезав железную дорогу между Душаком и Тедженом, поднял переполох у белых в тылу. Ахальский полк белых, как и обещал его командир, при первых же залпах красной артиллерии ушел в сторону Ашхабада. А туркменская пулеметная команда в самый разгар боя повернула пулеметы и открыла огонь по белым. И не успело солнце подняться к зениту, как пехотные части Красной Армии уже подходили к Теджену.

Летнее солнце, словно намереваясь спалить все живое, пылало прямо над головами людей. Точно искры пламени наполняли раскаленный воздух, сверкали на солончаковой почве. Пламенное дыхание лета высушило травы. Все кустарники пустыни: гандым, саксаул, черкез, гребенчук, верблюжья колючка — утратили яркую весеннюю зелень, превратились в истомленные зноем, безжизненные, чахлые стебли.

Усталые, изнемогающие от жары красноармейцы еле тащили ноги. Вода во флягах давно была выпита, и наполнить их было негде. Все водоемы в Геок-сюри оказались отравленными. А караван верблюдов, посланный за водой в Джоджуклы, не мог вернуться раньше захода солнца.

Соппротивление белых было сломлено, гром артиллерийских залпов раздавался уже далеко за Тедженом. Но жажда и невыносимый зной отнимали у пехотинцев последние силы. Бойцы, выдержав напряженный бой, были не в силах бороться с жаждой, слабели с каждой минутой. Обессиленные, они все чаще спотыкались, падали на барханах, на берегах пересохших арыков и, поднявшись, снова устремлялись вперед, — остановить их было невозможно.

Мавы и Кулагин шли рядом. Немилосердный зной жег лицо и глаза Кулагину; трескались иссушенные губы, слабели ноги, он шатался как пьяный. Жажда мучила еще больше, чем зной. Но где достанешь воду в пустыне? Сверкающие солончаковые равнины манили миражем: казалось, что там сверкает под солнцем водная гладь. «Мавы, там вода, вода!» — кричал Кулагин и рвался к миражу.

Жажда томила и Мавы, но у него еще хватало сил идти самому и помогать товарищу. Он нес винтовку Кулагина, временами брал и его под руку.

Кулагин с таким трудом поднимал ноги, словно вытаскивал их из липкой грязи; язык во рту у него распух, он еле ворочал им.

— Ах, Сибирь!.. — мечтательно говорил он. — Какие реки, какие леса!.. Мавы, придется ли еще мне побывать на сорокаградусном морозце в Сибири, или... или я погибну, сожженный сорокаградусным зноем?

Мавы крепче взял его под руку, стал успокаивать:

— Кулагин, мы победили! Враг бежал, даже грома пушек не слышно. Мы не успеем и оглянуться, как будем в Теджене. А там воды — хоть плавай!

— Эх, лысый, когда вырастут у тебя волосы?

— Не так у нас говорят, да ладно, я понял тебя... Кулагин, что это сегодня с тобой? Ты никогда не боялся трудностей, все говорил о будущем...

— Мавы, я задыхаюсь... Почему так трудно дышать?.. Да, я не боялся трудностей... И

сейчас не боюсь... Я верю... Но... йо... трудно дышать!

Кулагин стал бредить:

— Мавы, где... ну где же Ирина?.. Она несла воду... Куда же она запропастилась?.. И-ри-на-а-а! — закричал он и, помолчав, усмехнулся: — Ха, вот это дело!.. Дайка скорее напиться, Ирина!.. Иди сюда, я расцелую тебя!..

Он резко пошатнулся и обнял винтовку за спиной Мавы.

Тогда Мавы положил левую руку Кулагина себе на шею, подхватил его под мышку правой рукой и повел дальше. Перед угасающим взглядом Кулагина стояли могучие, прекрасные лес? Сибири. И вдруг ему показалось, что кто-то поджигает эти леса. Он рванулся из рук Мавы, закричал:

— Мавы, дай винтовку!.. Стреляй!..

И тут же бессильно опустил голову на плечо Мавы. В эту минуту вдалеке показался караван, идущий с севера. Мавы всмотрелся и, убедившись в том, что караван направляется к ним, встряхнул товарища:

— Кулагин, воду везут! Воду!..

— Вода?..

Кулагин открыл глаза, посмотрел невидящим взглядом и вновь начал бредить: -

— Ири-на... пи-и-ить!..

Пехота не могла дальше двигаться. Командир, видя, что приближается какой-то караван, приказал остановиться на привал.

Все разлеглись, кто где: кто прямо на солнцепеке, кто под чахлым кустиком саксаула. Мавы положил друга под реденькую тень одного из таких кустиков, под голову подложил пучок сухой травы. А в это время появился Сары, бежавший навстречу красноармейцам впереди своего каравана. Не успел он и слова сказать командиру, как Мавы бросился к нему с криком:

— Сары!..

Они крепко обнялись. Посмотрев на обессиленных, истомленных жаждой красноармейцев, Сары сказал командиру:

— Примите наш дейханский караван с водой и хлебом-солью. Мы хотели встретить Красную Армию еще на восходе солнца, да белые помешали. Куда ни пойдём — навстречу ливень пуль. Пришлось вести караван на север, в обход.

Когда головной верблюд дошел до красноармейского привала, последнего верблюда огромного каравана еще не было видно. Радость бойцов была безгранична. Простую тепловатую воду из бурдюков они принимали как праздничное угощение.

Мавы понемногу давал пить своему другу. Кулагин хватал его за руку, требовал воды-еще и еще... Жизнь постепенно возвращалась к нему.

Наконец, он сел и сказал:

— Вот хорошо!.. Мавы, кто же это спас меня от смерти?

Мавы показал на дейханина, который протягивал Кулагину огромную лепёшку румяного чурека:

- Это наши тедженские дейхане пришли помогать Красной Армии. А вот их предводитель — Сары-мираб!

Кулагин поднялся на ноги и порывисто обнял дейханина:

— Кто красноармеец? Сын рабочего или крестьянина. За что он воюет? За счастливую жизнь рабочего и крестьянина. А крестьянин, когда нужно, приходит на помощь красноармейцу. Спасибо, дядюшка Сары! Этой вашей помощи в такой час мы никогда не забудем!

А Гандым, подошедший в это время с целым ворохом туркменских лепешек, которые нес он в скатерти и раздавал красноармейцам, бросился обнимать Мавы.

— Э, да это не халназаровский Мавы, — сказал он, оглядывая бывшего батрака, — это мой Мавы! Мой брат, мой отважный сын! А Мехинли... нет, твоя Майса... где она? Да, вы с Майсой подпустили-таки яду Халназар-баю!.. А там еще Атайры-гелин добавила! Ха-ха-ха!..

Привычный к смеху Гандыма, Мавы не смутился. Держа старика за плечи и глядя ему в лицо, он весело ответил на его слова:

— Гандым-ага, теперь наша пора!.. А Майса завтра приедет вместе с Анной Петровной, женой командующего. Ты заходи к нам, и если меня не будет дома, поцелуй за меня мою дочку Джерен.

В то время как Сары и Гандым угощали красноармейцев на привале, авангардные части Красной Армии уже вступили в город.

На базарной площади выстроились джигиты Кызыл-хана. После удачного боя все были веселы. Командиры Красной Армии во главе с командующим подъезжали к строю.

Кызылхан scomандовал: «Смирно!» — и поскакал навстречу командующему. Приняв от него рапорт, Чернышев обратился к джигитам:

— Джигиты тедженского отряда оправдали доверие командования Красной Агрмии и честно выполнили свой долг. Спасибо Кызылхану, спасибо вам... За проявленную в бою отвагу командование вручает вам боевое Красное знамя!

Меркулов подал знамя командующему, а тот передал его командиру отряда. Кызылхан опустился на одно колено, поцеловал край алого полотнища и, поднявшись, принес клятву:

— Товарищ командующий, принимая это славное знамя Красной Армии, я клянусь сражаться против белых и интервентов до полной победы. — Он обернулся к отряду и крикнул: — Клянемся все!

— Клянемся! — дружно отозвались джигиты. Алое полотнище пламенело на солнце, как знамя грядущих побед.

В этот день Дурды впервые увидел регулярные пехотные части Красной Армии. Они прошли далекий путь. Лица у красноармейцев были обожжены солнцем, губы потрескались от жары и пыли, потрепанные гимнастерки на плечах и спинах просолены потом. Но глаза на усталых лицах горели отвагой и уверенностью в победе. «Эти люди до конца преданы советской власти, — думал Дурды. — Их нельзя победить».

Артык получил у командующего разрешение на три дня съездить домой. На такой же срок командир полка дал отпуск Аширу.

Выехав на канал Кяль, Артык погнал Мелекуша прямо на запад.

Когда ветроногий конь пролетел мимо колодца, набиравшая воду Атайры-гелин шарахнулась сначала в сторону, а затем, узнав Мелекуша, закричала:

— Артык, остановись! Дай хоть посмотреть на коня!

Мамедвели-ходжа только что присел у арыка, чтобы совершить молитвенное омовение. Увидев мчащихся стрелою всадников, он решил, что едут за ним, и, не успев завязать шнурок штанов, кинулся домой. Споткнувшись о кувшин, Стоявший у порога кибитки, он упал, халат завернулся ему за голову. И тут же большой жук, гудя, с разлета шлепнулся ему в зад. Ходжа неистово завопил:

— Хай! Люди, помогите!

Сбежались соседи:

— Ходжам, что случилось?

Вытащив глаза, Мамедвели посмотрел вокруг.

— В меня стреляли!

— Кто стрелял?

Ходжа указал рукою на запад. Артык уже превратился в черную точку.

Из-под халата Мамедвели с сердитым гуденьем вылетел черный жук. Гандым еле сдерживался от смеха.

— Ай, ходжам! Черная пуля и верно попала в самую цель!.. Ходжам-ага, смотри, чтоб рана не загноилась...

В это время опять донесся голос Атайры-гелин;

— Большевики скачут!

Мамедвели простонал:

— Хай! Это за мной! Спасите!

Гандым покотился со смеху:

— Ходжам, лежащего и змея не трогает! Никто не тронет раненого! Ты только, пока рана не загноилась, приложи морковь!

И снова Атайры-гелин прокричала:

— Это Артык и Ашир!

Ходжа затрясся, как в лихорадке. А Гандыша словно позолотили лучом радости. Он сразу перестал хохотать и торжественно сказал:

— Люди, да озарятся очи ваши!

Плача, подошла мать Ашира.

— Где Артык-джан? Где Ашир-джан? — спрашивала она.

Но Ашир, соскочив с коня, уже шел к ней с протянутыми руками.

Соседи окружили Ашира. Гандым от радости готов был схватить земляка в охапку, поднять, закружить, но для этого ему теперь нужна была немалая сила. Амир словно вырос, раздался в плечах, окреп. Гандым одобрительно оглядел его и сказал:

— Молодцом, молодцом, Ашир, ты стал человеком! Ашир улыбнулся на его слова и ответил:

— Нет, Гандым-ага, я стал человеком еще в тот год, когда ездил в Россию на тыловые работы.

— Э-э, тогда ты был так плохо одет и лицо у тебя было худое, бледное... А теперь ты совсем молодец, я бы сказал, что ты похож на сердара.

— У нас в Красной Армии все такие.

— Да, видел я ваших воинов, видел! Все молодцы, как на подбор. Англичане-то и белые от них далеко удрали...

Победу Красной Армии праздновал весь аул. Резали баранов, ставили на огонь котлы. Послали за увесели-телем-бахши, а в ожидании его все больше народу собиралось вокруг Ашира. Даже дети слушали его с большим вниманием. Ашир рассказал землякам о Красной Армии, о ее победах и закончил свой рассказ словами:

— Наступают светлые дни, земляки. Перед нами открывается новая жизнь.

Лица дейхан словно осветились лучами счастья. У Гандыма выступили на глазах слезы, и он стал отирать их шапкой. Увидев это, Ашир спросил:

— Чего это так расстроился ты, дядя Гандым?

Гандым махнул рукой:

— Ах, что говорить! Был бы жив твой отец Сахат Голак — и он плакал бы от радости.

Глава двадцать пятая

Добрые вести, привезенные Дурды, успокоили Айну, мать и сестру Артыка. Но долгая разлука с ним становилась все более тягостной. Старая Нурджахан крепилась на людях, но, оставаясь одна, давала волю слезам.

— Сынок, родной! — причитала она. — Так видно, и помру, не увидев тебя. А может быть, уж и пала твоя головушка от злой вражеской сабли?..

Айна тоже втайне переживала страшную тревогу за жизнь Артыка. Но держалась она мужественно и всех подбадривала.

— Для Артыка смерть не позволена, — говорила она. — Потерпите, не сегодня-завтра приедет!

В этот день она с утра думала об Артыке и, убаюкивая Бабалы, тихонько напевала ему песенку, которую тут же сама и складывала:

*Спи, сыночек! Никому тебя не дам!
О тебе забыть не может твой отец.
Он верхом летит, как птица, по пескам;*

«Где мой сын?» — приехав, спросит твой отец.

*Скачет он, коня ретивого гоня; «Бабалы» —
он шепчет имя, твой отец;
А приедет, — соскочив едва с коня,
Вмиг тебя прижмет он к сердцу, твой отец.*

*К нам он мчится дни и ночи напролет;
О, скорее бы приехал твой отец!
Дом наш бедный светлым счастьем он зальет,
В сад пустыню превратит он — твой отец.*

Когда Бабалы уснул, Айна вышла из кибитки. Солнце уже перешло за полдень, тени начинали удлиняться. Стадо баранов, наполнивших животы холодной водой, поднималось из оврага. Их острые копытца глубоко погружались в песок. Пастушонок навьючивал свой двухдневный запас еды на темно-серого осла с обрубленным хвостом. Подле него сидел на задних лапах пестрый пес, свесив розовый длинный язык. Его глубокие глаза смотрели на пастушонка серьезно, точно говорили: «И мне отвечать за это стадо!» Не успел пастушонок сесть на осла, как пес, опередив его, степенно зашагал по тропинке. У колодца стояла, раздвинув ноги, верблюдица. Помахивая хвостом, она обнюхивала сосущего ее верблюжонка. Молодая женщина с красном платье с нашитыми на него листочками серебряных украшений несла ведро с молоком к куполообразной кибитке, стоявшей в середине южного ряда. В тени кибитки, облокотившись на подушки, пили чай старики.

В эти дни стояла страшная жара, но сегодня подул легкий ветерок.

Под навесом ткала ковер Шекер. Лучи солнца играли на серебряном шитье ее тюбетейки, на цветных стеклах подвесок. Ее бледное лицо было печально. Она тоже беспокоилась об Артыке. Но еще больше ее тревожили аульные сплетни о том, что ее «тронула рука». Кто знает, может быть, теперь никто не захочет взять ее замуж?

Айна посмотрела, ровно ли ткёт Шекер, подсела к ней и стала помогать. Пройдясь по основе один раз узелками, они вдвоем начали бить гребнями. Стук гребней напоминал топот конских копыт.

Нурджахан подсела с другой стороны и молча взялась за свою прялку. Ее корявые, натруженные пальцы ровно вытягивали пушистую прядь белой шерсти; веретено быстро кружилось в другой руке: нить получалась ровной, словно выходила из пасти змеи. Померкшими глазами Нурджахан смотрела на веретено и думала об Артыке. Наверное, всех ниток, которые спряла она за долгую жизнь, не хватило бы измерить расстояние, отделявшее ее от сына... Как всегда в такие минуты, помолчав, она обязательно заговорила бы об Артыке, вспомнив какой-нибудь случай из его жизни, или просто так, вздохнув, сказала бы: «Где-то скачет теперь наш Артык-джан?..» Но из кибитки слышалось хныканье Бабалы. Айна взяла его на руки и, убаюкивая, вышла на дорогу. В это время донесся топот коня. Айна обернулась. От волнения у нее сдавило горло.

— Вот и отец!.. — глухо вырвалось у нее.

Шекер выбежала из-под навеса. Едва успел Артык соскочить с коня, как его обняли с трех сторон. Нурд-жахан, не сдерживая радостных слез, произнесла только:

— Дитя мое!

А Шекер, чтобы скрыть слезы, прижалась головой к плечу брата.

Бабалы сначала отпрянул от отца и отвернулся. Айна стала уговаривать его:

— Ведь это отец, твой отец!

Ребенок внимательно посмотрел на Артыка и что-то залепетал на своем языке. Артык взял его на руки. Молочный запах Бабалы опьянил его, детский лепет звучал в его ушах музыкой. Не отрывая взгляда от заблестевших глазок ребенка, Артык прижал сына к груди. Бабалы гладил его лицо полными ручонками, перебирал пальцами усы и без конца что-то

говорил. Артык подбросил его вверх:

— Ну, мой Бабалы! Пока не подрастешь, все заботы и борьба — мне. А подрастешь, борьба — тебе, а отдых — мне.

Айна, над головой которой за последние шесть месяцев пронеслось столько тревог, нарядилась в шелковое праздничное платье, на грудь повесила звенящие серебряные украшения. Артык, глядя на ее нежное лицо, спросил с удивлением:

— Айна моя, неужели ты действительно застрелила Пеленга?

— Артык, — в свою очередь спросила она, — если б я не убила негодяя, разве могла бы я быть твоим верным другом? И разве ты не сделал бы того же, что сделала я?

— Я — другое дело.

— Ты хочешь сказать, что ты — мужчина. Но я тоже человек. Твоя честь — моя честь. Хорошо, что в это время схватили Эзиза, не то и я села бы на коня.

— А Бабалы?

— Бабалы вырос бы на коне и стал бы помощником своему отцу!

— Айна моя, ты — не женщина!

— Я жена и твой самый близкий друг. Жена отважного должна быть отважной. Какими глазами я смотрела бы теперь на тебя, если б далась им в руки?!

Артык ничего не мог возразить и только крепко поцеловал Айну.

Лучи солнца через открытый дымоход падали на край ковра. Обернутый мокрым полотенцем кувшин, казалось, сидел, как только что привезенная невеста. Айна налила из него в пиалу пенистого чала и протянула Артыку. От крепкого, перебродившего верблюжьего молока у Артыка захватило дух.

Скоро кибитка Артыка стала наполняться аульными жителями. Мужчины в грубых домотканых рубашках, в широких штанах и чекменях из верблюжьей кожи расселись на коврах, скрестив под себя ноги. За чаем разгорелась беседа. Пожилой человек с козлиной бородкой спросил Артыка:

— Говорят, большевики весь скот хотят общим сделать. Правда ли это?

— Послушаешь болтовню — погибнешь! Вот из-за такого вранья и пролито уже столько крови.

Артык как мог разъяснил политику и задачи советской власти. Скотоводы слушали каждое слово, как долгожданную добрую весть. Потом оживленно заговорили:

— Да, верно говорят, путь советской власти — наш путь!

— Советская власть была здесь год тому назад.

— А разве нас обижали?

— А что натворил Эзиз-хан за шесть месяцев!

— Лучших коней забирал, точно отцовское наследство!

— Да налоги тянул, как дым кальяна!

— А еще надо было угодить и советникам и толмачам!

После беседы за чаем скотовод с козлиной бородкой признался Артыку:

— Мы тебя, сынок, сперва порочили, твою тень забрасывали камнями. Думали, что ты отвернулся от веры отцов, отказался от мусульманского народа. Выходит, все это напрасно, ты оказался дальновиднее нас, неразумных.

Вкрадчивые слова напоминали речь Халназара. Артык нахмурился, но сдержал себя.

— Не дело говоришь, отец, — спокойно возразил он. — Если б все так думали, разве моя семья осталась бы жива в эти опасные дни! Здесь люди заботились о ней, как о своей родне. Я от души благодарю их за это.

Распрощавшись с гостями, Артык попросил соседа, который спасал его близких от эзизовцев, помочь Айне перебраться в аул Гоша, а сам стал собираться в обратный путь.

В свой полк Артык вернулся как раз накануне Душакского боя.

План овладения Каахкой был разработан штабом Красной Армии с учетом прошлогодних боев. Основные силы были брошены в обход Хивабада и обрушились на Каахку с юга и с запада. Белые, бросив бронепоезд, десятки эшелонов, дальнобойные орудия

и оставив больше тысячи пленных, бежали без оглядки. «Комитет общественного спасения» в Ашхабаде распался сам по себе. Ораз-Сердар сдал командование фронтом деникин-скому генералу Лазареву, а сам, прихватив с собой Ташлы-толмача, бежал в Иран.

Девятого июля Туркменский конный полк вошел в Ашхабад без боя. На Куропаткинской улице жители -города встретили джигитов цветами. На потных коней, на крепко сидящих в седлах всадников посыпались розы. Артык ехал впереди вместе с Алешей Тыжденко. Мелекушу была тесна Широкая улица. Натягивая поводья, он круто изгибал свою золотистую шею, подобную радуге. Один букет попал в грудь Аширу. Он поймал его и взглянул в сторону, откуда букет был брошен: светловолосая девушка в тонком шелковом платье усиленно махала ему рукой.

Ашир тоже помахал рукой девушке — она чем-то напоминала ему Шекер.

Глава двадцать шестая

Белые, разбитые на Закаспийском фронте, боясь, что астраханская флотилия ударит с моря, объявили Красноводск на осадном положении. Деникин, придавая особое значение Красноводску, гнал на Закаспий отряд за отрядом. Отступающие белые части взрывали за собой железную дорогу.

Но красное знамя Советов, рея в Ашхабаде — столице Закаспия, уже бросало свои алые отблески встепи, тянувшиеся вплоть до Красноводска.

Первого октября части Красной Армии овладели станцией Бами, в ста шестидесяти километрах к северо-западу от Ашхабада. Начались приготовления к наступлению на станцию Коч, которая была воротами Кизыл-Арвата, большого рабочего центра. Там были ремонтные мастерские Среднеазиатской железной дороги, в городе насчитывалось несколько тысяч рабочих.

Задача дальнейшего наступления усложнилась потому, что Чернышов для усиления Туркестанского северного фронта отправил Казанский полк и еще несколько отрядов в сторону Аральского моря. Эшелоны были посланы тайно. Кроме командира и комиссара полка, никто не знал, куда они направляются. В официальном приказе говорилось, что полк идет на отдых. Красноармейцам было запрещено выходить на станциях из вагонов. Составы с тщательно затянутыми брезентом платформами и наглухо закрытыми вагонами двигались только ночью.

К этому времени штаб Деникина успел подбросить на Закаспийский фронт пехотные подкрепления и дальнобойные орудия. В результате наступление красных на станцию Коч было отбито. Конный полк Артыка в боях был сильно потрепан и отступал через старинную крепость Карры-Кала, в семидесяти двух километрах к югу от железной дороги.

Вернувшись с полком в Бами, Артык получил из аула тревожные вести: в Теджене хозяйничал Ходжамурад. В крайнем раздражении Артык пошел к Чернышову.

— Товарищ командующий, ради чего мы проливаем кровь? — выпалил он сразу.

Чернышов удивился такому вопросу, но, думая, что Артык расстроен неудачей на фронте, спокойно ответил:

— Что поделаешь, товарищ командир, — война! Бывают и неудачи.

— Дело не в этом. Я спрашиваю: для чего мы кровь проливаем? — повторил Артык еще более резко.

Командующий внимательно посмотрел на него. Брови Артыка беспокойно дергались, ноздри раздувались.

— Артык, — мягко сказал Иван Тимофеевич, — садись выпей чаю, передохни.

— Если б мое сердце мог успокоить чай, я не пришел бы сюда!

— Артык, я не понимаю тебя.

— Товарищ командующий, и я не понимаю того, что происходит.

Чернышев уже давно отвык, чтобы с ним так разговаривали подчиненные. Его седоватые усы зашевелились.

— Товарищ командир полка! — строго сказал он. — Здесь не дом Ивана, а штаб командующего!

Артык сказал упавшим голосом:

— Да, забыл, товарищ командующий. Прошу простить! Я понимаю, — дисциплина... Но если и дальше так будет, я прошу отпустить меня из армии.

Иван Тимофеевич сразу смягчился и опять перешел на дружеский тон:

— Артык Бабалы, я вижу, у тебя нехорошие вести.

— Вот я и пришел сказать об этом, если вы не знаете.

— Говори.

Артык положил перед командующим письма, полученные из аула, и рассказал, что происходит в Теджене.

Ходжамурад, оставшись в Теджене, стал начальником уездной милиции. Собрав вокруг себя шайку подозрительных людей, он начал расправляться со всеми, кто когда-либо выступал против него. Ему достаточно было назвать их врагами советской власти. Среди арестованных оказался и больной Сары. Освободить того или иного арестованного можно было только за крупную взятку. Исчезнувший было волостной Хуммет тоже откуда-то снова появился. При выборах в аулсоветы проходит тот, у кого рука была широка на взятки и угощения. Под видом налога из аулов стадами гнали в город баранов, отбирали у дейхан последнее. Скотоводы стали угонять скот в пески, прятать или уничтожать его. Ходжамурад уже справил две свадьбы, где были и состязания и призы. Дейхане говорили: «Наши сыновья на фронте кровь проливают, а Ходжамурад гуляет за наш счет...»

Чернышов понимал теперь, почему Артык так возмущен.

— Артык, ты прав, — решительно сказал он, — такое положение, конечно, несовместимо с советскими законами. Я сегодня же напишу обо всем этом в областной ревком.

— Товарищ командующий! Зачем писать? Пошлите меня в Теджен, — не с полком, а с одной сотней, — и я в одну неделю наведу там порядок!

— А сколько у нас на фронте таких всадников, как твои? Сколько в области таких уездов, как Теджен? Если мы в каждый уезд пошлем по сотне всадников, что останется на фронте? А потом, это не годится — наводить порядок в мирной обстановке вооруженной силой. Тут нужна большая разъяснительная работа, к управлению надо привлекать само население.

— Это не бывший ли волостной — население, которое вы привлекаете к управлению? Я сам виноват! Мне надо было расправиться с ним еще раньше. — Артык уже почти не владел собой. Помолчав немного, он опять повысил голос: — Товарищ командующий, когда же у нас будет наведен порядок?

— Артык, — сказал Чернышов, — все будет сделано. Я прошу тебя немного повременить.

С минуту Артык стоял молча. Вдруг зашевелились губы, задвигались усы. Не произнося ни звука, он отстегнул от пояса кобуру с наганом и осторожно положил на стол. Потом решительно взглянул в лицо командующему:

— Пока глаза мои видят, совесть не позволяет показывать волку затылок. У меня болит сердце... Хотите — отдайте меня под суд, хотите — расстреляйте на месте. Я не пойду воевать, пока... Если же не сделаете ни того, ни другого, я найду оружие, найду джигитов... Ходжамураду и всей его шайке я летом устрою зиму или сам пропаду!

Ожидая ответа, Артык стоял без движения.

Чернышев, взволнованный этими словами, сказанными от чистого сердца, глубоко задумался и молча постукивал пальцами по столу. Только пушистые усы его беспокойно шевелились.

У Артыка не хватило терпения.

— Прощай, товарищ Чернышов! — твердо произнес он и решительно шагнул к двери, но Иван Тимофеевич поднялся и крепко взял его за плечи. И как ни старался он быть

ласковым, голос его прозвучал сурово:

— Артык! В мои обязанности не входит вмешиваться в дела тыла. Однако я приму все меры. Даю тебе слово! Считаю, что тедженские дела упорядочены. А ты немедленно возвращайся на фронт. Прошлый раз наше наступление на станцию Коч закончилось неудачно, на этот раз, может быть, возьмем Кизыл-Арват. Я уверен, что в этих боях ты проявишь особое мужество. После взятия Красноводска мы с тобой серьезно займемся делами области, заставим расцвести тот сад, который тебе так хочется видеть уже сегодня. Иди, будь здоров и возвращайся с победой!

Артык, ни слова не говоря, взял свое оружие. Командующий крепко пожал ему руку.

В тот же день в Теджен по настоянию командующего была послана чрезвычайная комиссия. Ей был придан отряд в пятьдесят всадников.

Глава двадцать седьмая

Чрезвычайная комиссия, в состав которой был включен и Дурды, вечером выехала из Ашхабада и на другой день прибыла в Теджен. Прежде всего она познакомилась с положением в городе. Несмотря на то, что цели комиссии никому не были известны, Ходжа-мурад сразу почуял неладное и на всякий случай отправил своего дружка Хуммета в Байрам-Али.

Председатель комиссии, член областного ревкома Артамонов, с первых же шагов столкнулся со странным положением. Председатель Тедженского ревкома заявил, что Ходжамурад является незаменимым работником, особенно для связи с аулами. Артамонов понял, что посаженное Ходжамурадом колючее дерево широко разбросало свои ветви и если его не вырвать с корнем, оно разрастется на весь уезд. Но он не забывал и опасности, которая могла быть вызвана слишком поспешными, крутыми мерами. Положение осложнялось еще тем, что, как ни старались члены, в комиссию не поступило ни одной жалобы на Ходжамурада. Не раз сам Артамонов вызывал на разговор о Ходжамураде местных работников и жителей, но не получал определенных ответов.

— О да!.. Ходжамурад крутоват, но в общем неплохой человек, — отвечали обычно председателю комиссии.

Ходжамурад не жалел подарков, чтобы расположить в свою пользу всех, чье слово могло иметь вес. Ему удалось позвать к себе домой даже командира отряда чрезвычайной комиссии. Он накормил его жирным мясом, напоил крепкой кишмишовкой, подарил маузер с двумя сотнями патронов. Уже на следующий день после приезда комиссии в ревкоме был сделан отвод Дурды как члену ее. Артамонов только дивился проворству бывшего волостного.

Первое заседание комиссии прошло бурно. Бывший австрийский военнопленный, носивший в кармане партийный билет, считал Ходжамурада опорой советской власти в Теджене.

— Ходжамурад, — говорил он, — является единственным подготовленным работником из местного населения, имеющим административный опыт. А нам в милиции именно такой человек и нужен. Положение и нужды местного населения он знает лучше, чем кто бы то ни было. Ходжамурад энергичен, навел порядок в аулах. Ему хорошо известно, кто и чем тут дышит. По-моему, такого работника нужно ценить.

Один из местных торговых тузов, явившийся на заседание от мусульманского бюро, заговорил резко, заносчиво:

— Я, ей-богу, не понимаю: почему поставлен вопрос о Ходжамураде? Большевистская власть дает возможность народу решать свою судьбу или нет? Ходжамурад — настоящий представитель туркменского народа. Очевидно, областной ревком обманут ложными донесениями. Я требую, чтобы комиссия оставила в покое Ходжамурада!

Дурды обратился к представителю мусульманского бюро:

— Господин Али-бек, прости... Ходжамурад смазал тебе сапоги или горло?

Али-бек вскочил с места, усы его задергались:

— Я представитель народа и не позволю оскорблять себя! Если каждый будет тут обливать меня грязью, то я не желаю участвовать в таком заседании...

Председатель комиссии прервал его:

— Али-бек, вы отвечайте на вопрос: какие у вас отношения с Ходжамурадом?

— Ответ вам у меня один: вывести Дурды из состава комиссии! Никому не дано права позорить людей, преданных советской власти!

Дурды насмешливо улыбнулся:

— Господин Али-бек, прошу тебя ответить еще на один вопрос. Сколько лавок ты имел в Ашхабаде?

Али-бек с криком поднялся и, вытащив свой мандат, бросил его на стол.

— Что у меня было и что есть — не тебе знать, отщепенцу! Пусть меня проверяет мусульманское бюро и ревком, а не комиссия, в которой участвуют такие проходимцы, как ты!

Председатель не успел ответить расхажившему торговцу. В дверях показалась Майса и нерешительно остановилась, на пороге. Дурды посмотрел на Артамонова. Тот махнул рукой:

— Входите, входите, товарищ!

Майса вошла. Она была в туркменском платье, но на лице её не было яшмака и на голове — покрывала. Кое-кто из мусульман с нескрываемым гневом посмотрел на нее. Майса внимательным взглядом окинула сидевших в клубах табачного дыма. Глаза ее с радостью остановились на лице Дурды. Она хотела что-то спросить, но Артамонов опередил ее:

— Ну, что вы ходите сказать, товарищ?

— Я слышала, что приехал Дурды, и пришла спросить его, не видел ли он моего мужа?

Дурды коротко сообщил ей, что Мавы жив-здоров, и обещал зайти к ней рассказать все, что знает о муже. Но тут выяснилось, что не одно желание узнать о Мавы заставило Майсу прийти на заседание комиссии.

— Ой, дорогой братец! — воскликнула она. — Скорей бы пришли Мавы, Артык и другие, не то Теджен сквозь землю провалится!

Артамонов, который хорошо говорил по-туркменски, насторожился:

— Почему Теджен должен провалиться сквозь землю?

— А как же ему не провалиться? Этот проклятый превратил его в дом разврата!

— Кто?

— О ком говорите, тот и есть. Из аула приводят молодых женщин, говорят, что они должны дать какие-то показания, — и не возвращают их ни к мужу, ни к родителям, а оставляют в доме какого-нибудь проклятого. Мы, говорят, еще должны допросить ее, а сами вокруг нее, как кобели вокруг суки. Да видано ли такое позорище! Я вот из тех женщин, которые собираются в женотделе у Анны Петровны Чернышовой. Всюду и везде мы говорим о свободе и равноправии женщин. А разве такая свобода нам нужна?

— Может быть, ты назовешь кого-нибудь из этих преступников?

— Ах, пусть провалятся их дома и они сами! Это делают люди все того же волостного, который раньше у нас в ауле всем заправлял, а теперь ходит здесь в больших начальниках!.. Этот негодяй — позор для советской власти!

Гневно сверкнув глазами, Майса повернулась к выходу. Артамонов ее не удерживал. На другой день Ходжамурад уже сидел за решеткой. Комиссия дала указание освободить Сары и еще нескольких, арестованных Ходжамурадом, а в отношении остальных произвести срочное расследование. Затем члены комиссии выехали в аулы.

После речи Артамонова на митинге в ауле Гоша выступали многие дейхане. Они рассказали все, что знали об арестованном Ходжамураде, горячо говорили о своих нуждах. Сары говорил не торопясь, обдумывая и взвешивая каждое слово:

— Сыны рабочих и дейхан кровь свою проливают за счастливую жизнь. Враг слабеет,

советская власть крепнет день ото дня. Дейханин теперь может говорить о своих желаниях и надеждах открыто, не боясь никого. Конечно, еще не совсем разрушена старая крепость. В советских учреждениях еще немало сидит старых волостных, арчинов, этих волков в овечьей шкуре. Это они мешают решить многие важные для дейхан дела. Постановление советского правительства о земле и воде все еще лежит в сундуке под замком. Дейхане хорошо понимают, что меня и таких, как я, не советская власть за решетку сажала, а вот эта кучка негодяев. Понимаем мы и то, что так не будет долго продолжаться. Даже когда выкорчевываешь старую колючку, и то приходится остерегаться — она царапается. Так и тут. Что в этом особенного? — Он передохнул и закончил свою речь обращением к членам комиссии: — Вы, товарищи комиссия, побывайте и в других аулах Тедженского уезда. Там скажут вам то же самое, о чем говорили мы. Правду теперь не трудно найти. А мы верим, что, как сказал товарищ Артамонов, наступят перемены и дейхане получают все то, что обещала им советская власть.

Артамонов обещал, что областной совет вынесет особое постановление по дейханскому вопросу, что аульные советы будут переизбраны в дейхане получают возможность решать свои дела на основе советских законов.

После собрания ему захотелось поговорить с одним бедно одетым дейханином. Он подошел к нему и спросил:

— Товарищ, как тебя зовут?

Дейханин посмотрел на председателя комиссии, на его пряди седых волос, выбившихся из-под фуражки, и неторопливо ответил:

— Меня зовут Гандым.

— А меня — Николай Матвеевич Артамонов. Будем знакомы!

Гандым с недоверием посмотрел на него:

— Ой, где ж ты нашел такое длинное имя? Да я и не выговорю его. Если не обидишься, буду звать тебя просто тебериш (Тебериш — то есть товарищ).

— Ладно, товарищ Гандым! Я хочу с тобой по-дружески поговорить; не стесняйся и не опасайся меня, говори все, что у тебя лежит на сердце.

— А чего мне тебя бояться, тебериш? Я ведь вижу, что ты не разгонишь мое стадо, не разорвешь мой халат. Чего мне бояться простого человека, когда я не боялся и самого царя? Что для меня старшина или бывший наш бай Халназар? Я бедный, простой человек, и с меня взять нечего. Когда нечего стало есть, — взял топор на плечо и пошел с народом на белого царя! А ты — наш, тебериш. Ты, говорят, один из тех, кто свалил царя. Давай поговорим, если хочешь.

Прямая речь Гандыма понравилась Артамонову.

— Молодец, товарищ Гандым! — похвалил он и спросил: — Как ты смотришь на советскую власть?

— А как приедет, так и смотрю. Если приезжает спесивый да злой, — чего ж мне радоваться? Ты не обижайся на это. Тебе я рад, как доброму гостю.

— Хорошо. А кем ты недоволен?

— Э-эх, тебериш! Еще много летит из города, нахлестывая коней, как будто за ними гонятся; поднимают пыль, чтоб народ запугать. Только я ведь тебе говорил, что я такой человек — не пугаюсь!

— Что же они делают в ауле?

— А что им делать! У меня им нечего взять. А других общипывают до голой кожи. Эх, как говорится, если начну считать...

— По-твоему, какая же власть лучше?

— Я уже сказал тебе, что мы воевали против царя. Против Советов, конечно, не пойдем. Но если велят напасть на таких, как Ходжамурад, я опять возьмусь за топор!

— Товарищ Гандым, у тебя есть надел земли и воды?

— Да, есть немного воды, на одного... И то, если останется от баев.

— Это почему?.. По советским законам и вода и земля принадлежит дейханам.

— Э-э, тебериш! Оттого, что виноград вспомнишь, во рту сладко не станет. Как ты ни говори, все равно водой распоряжаются баи. А без воды что в ней, в земле? Одна пыль.

— А чем же аулсовет занимается?

— Совет у нас двубожий и двурожий — байский сынок да святой ходжа.

— Кто?

— Баллы-хан. У него один бог — аллах, а другой — жена. Да еще третий был бог — тот самый хромой мирза, которого вы расстреляли. К нам Баллы стоит затылком, а лицом — к богам. Народ считает его хуже собаки. А Ходжамурад выбрал его арчином.

— По-твоему, кого бы надо выбрать в совет?

— Если по-моему, — схватил бы я за ворот байского сынка и отправил туда же, к Ходжамураду, а пестроглазого ходжу и близко не подпустил бы к совету. Я бы волостным поставил Сары, а баяром для народа — Артыка. Ты знаешь Артыка?

— Артыка?

— Наверно, знаешь! Он тоже, говорят, теперь начальник. Когда красные взяли Теджен, он приезжал к нам. Его зовут Артык Бабалы.

— А, Артык Бабалы! Командир Туркменского полка? Знаю.

— Командир чего, сказал?

— Атлыбаши (Атлыбаши — начальник конницы).

— Если знаешь, я б его на место губернатора посадил. Артык Бабалы — настоящий мужчина. Когда Баллы хотел отнять у меня пшеницу, он отстегал его плетью. А в голодный год он спас весь наш аул... Эх, как мы делили пшеницу Халназар-бая! Что делала Атайры-гелин! — Гандым громко рассмеялся и даже ухватился за плечо стоявшего рядом дейханина. — Эх, тебериш, ты бы посмотрел!..

Артамонов был доволен разговором с Гандымом, считая, что он отражает настроения дейханства, беднейшей его части. Но неожиданный смех Гандыма заставил его усомниться: «Нормальный ли это человек?..» В этот момент Гандыму вспомнился его погибший брат, его единственный красный верблюд, уведенный арчином Бабаханом, все обиды, которые вынес он на своем веку от начальства да баев, — и смех его перешел в рыдания, Артамонов с трудом успокоил его. Когда Гандым пришел в себя, он серьезно взглянул в глаза собеседнику:

— Тебериш, не удивляйся! Жизнь довела меня до этого... А кто я такой — знает Артык Бабалы, ты спроси его.

Видя, что Артамонов собирается уезжать, Гандым обратился к нему:

— У меня к тебе просьба: увидишь Артыка, передай привет от Гандыма. Да еще скажи: сынок его уже ходит. Наверное, он всегда думает о своем Бабалы. Может быть, и у тебя есть сын? Лучше б ты своими глазами увидел Бабалы. Ведь Артык обязательно спросит тебя о нем. Обидится, если скажешь, что не видел.

Артамонов похлопал Гандыма по плечу:

— Правильно рассуждаешь, товарищ Гандым. Если семья Артыка здесь, как же не повидаться с ней? Идем!

Дейхане аула не давали семье Артыка почувствовать его отсутствие. Перед дверью кибитки был сложен нарубленный для очага саксаул. Два откормленных барана жевали жвачку. Когда гости вошли в кибитку, Бабалы и в самом деле встал на ноги, качаясь из стороны в сторону и пытаясь шагнуть.

Взглянув на Айну, Артамонов подумал, что узкие, точно вычерченные брови Бабалы похожи на ее брови. Но в глазах мальчугана он увидел зрачки Артыка. Посмотрев на сжатые кулачки, он сказал:

— Э-э, ты будешь хорошим бойцом! Расспросив о жизни семьи, Николай Матвеевич хотел уйти, но Айна непустила его.

— Артыка дома нет, но есть Айна. Туркмены не позволяют гостю уйти, не отведав хлеба-соли. Посидите немного. Вот поговорите с матерью Артыка.

Николай Матвеевич сел рядом с Гандымом у очага. Айна расстелила перед ними

скатерть, поставила чай, свежий хлеб, полную миску холодного мяса. Нурджа-хан, не удовлетворившись тем, что гость рассказал уже об Артыке, несколько раз переспросила его о здоровье сына, об Ашире. Думая, что Артамонов плохо знает их, она с недоверием слушала его и расспрашивала о всех приметах Артыка.

— Боже мой, хоть бы вернулись они живыми, здоровыми!

Наконец, Николай Матвеевич, поблагодарив за угощение, поднялся — дела не ждали, надо было спешить в город. Айна дала ему вышитую сумочку для чая с просьбой передать Артыку. Николай Матвеевич стал с удивлением рассматривать искусную вышивку. Нурджахан сказала Шекер:

— Дочка, и ты принеси, — не найдется человека надежнее.

Шекер протянула Артамонову тюбетейку, которую давно уже держала в руках. Гандым спросил:

— А это кому?

— Это Шекер сшила Аширу, — ответила Айна. — Если одному пошлем подарок, другой обидится.

— Вот это хорошо! — одобрил Гандым. — Кто же, кроме тебя, сошьет тюбетейку Аширу?

Николай Матвеевич посмотрел на стыдливо улыбающуюся девушку. Но Гандым понял, почему Шекер заботится об Ашире, и сказал Нурджахан:

— Когда Артык и Ашир, бог даст, вернутся благополучно, устроим большой той.

У Шекер просияло лицо, когда она услышала, что мать с этим согласна. Скрывая волнение, она отвернулась, и Артамонову стало все понятно: по-видимому, тюбетейку неспроста посылают Аширу.

Сев на коня, Артамонов медленно тронулся в путь, все время оборачиваясь к кибитке: маленький Бабалы махал ему рукой вместе со всеми.

Глава двадцать восьмая

Белые ждали удара на Кызыл-Арват с востока и юго-востока. Но части Красной Армии двинулись через горы Копет-Дага, вдоль границы Туркменистана и Ирана, в глубокий обход. Всадники и пехота поднимались почти на тысячу метров над уровнем моря, шли дикими ущельями между отвесных скал, по тропинкам. Орудия пришлось тянуть на себе канатами. Это были естественные ворота в Туркмению и из Туркмении на юг, в Иран. В этих ущельях с нависшими скалами ходили и войска Александра Македонского, и арабы, здесь гремели копыта коней Чингиз-хана, сюда иранские шахи гнали свои полчища. Здесь же совсем недавно проходили и войска интервентов. А сейчас, попирая следы прежних завоевателей, шла непобедимая народная армия.

Артык с изумлением смотрел на дикие скалы, уходящие в поднебесье, на плодородные долины у подножий гор. На севере, за хребтом, уже наступала зима, а здесь еще зеленели чинары; на фиговых деревьях висел круглый инжир величиной с детский кулак, гибкие лозы дикого винограда были отягощены большими гроздьями. Круглые шапки невысоких гор, поросшие можжевельником, зеленели зимой и летом. В этих лесистых горах водились медведи и тигры.

После трехдневного трудного пути, перевалив вторично хребет Копет-Дага, Красная Армия неожиданно для белых обрушилась на Кызыл-Арват и овладела городом почти без потерь. Белые отступили так поспешно, что даже не успели разрушить железнодорожные мастерские.

Следующим рубежом, где белые собирались закрепиться и дать отпор наступающим частям Красной Армии, был Казанджик. На этот раз Чернышев направил основные силы на север, в пески пустыни, а на линии железной дороги для отвлечения противника оставил лишь небольшие отряды пехоты и кавалерии, бронепоезд и тяжелые орудия.

Было начало декабря. В пустыне люди и животные больше всего страдали от холода и

недостатка воды. Сильный ветер со снегом насквозь пронизывал бойцов, одетых в обветшалое обмундирование. С вечера шел мокрый снег, к утру пески замерзли, и ледяная корка хрустела под ногами пехотинцев. Но сотни туркменской конницы и роты красноармейцев неудержимо двигались вперед, сквозь снежную пургу и леденящий ветер, останавливаясь лишь на ночлег и короткие дневные привалы. Точно жалуясь, нескончаемо скрипели колеса арб, походных кухонь, орудий, зарядных ящиков. Похудевшие, тяжело груженные верблюды вытягивали шеи и шли торопливым, безостановочным шагом. .. Их черные глаза тянулись к колючкам, покрытым пухлыми шапками снега. Кони, у которых совсем уже втянуло животы, грызли удила и все шли и шли вперед, понукаемые всадниками.

Черные тучи, закрывшие с вечера луну и звезды, к полуночи рассеялись. Диск луны временами затягивался серой, как заскорузлая шкурка, пеленой. Ветер раскачивал кустарники, сдувая с них уже сухой от мороза снег. Конники и пехотинцы расположились на короткий отдых — только до рассвета.

Мавы на марше, разгоряченный ходьбой, почти не чувствовал холода. Но когда он лег на промерзлый песок, ледяной ветер забрался под ветхую шинель, прошел сквозь жухлую от пота гимнастерку и стал колоть его со всех сторон. Мавы теснее прижался спиной к Кулагину и сказал:

— Шайтан его возьми, хотелось бы знать — мерзнет ли сам мороз?

Кулагин толкнул его локтем в бок:

— Да разве мороз может мерзнуть?

— Чего ж он тогда все теплого места ищет? Ведь забирается не только под шинель, но и под рубашку!

— Видно, он хочет добраться до твоего немытого тела.

— А почему ж он тогда не забирается под твою рубашку?

— Я не такой неженка, как ты. А кроме того, я сибиряк, мороз мне родня.

— Поэтому ты и жмешься ко мне?

— А это оттого, что люблю тебя.

— По-моему, чем так лежать, лучше двигаться дальше.

— А по мне, так лучше поскорее бы в бой. Вот тогда жарко будет!

По соседству лежал Артык под одной буркой с Аширом. Мелекуш с хрустом жевал сухую осоку. Иногда ноздри ему забивало снегом, и тогда он сердито фыркал. Ашир, тоже прижимаясь к Артыку, мечтательно говорил:

— Вот зайдем Красноводск — и тогда по домам. Как по-твоему, скоро мы туда дойдем?

— Это будет зависеть от нас самих.

— Артык, я не узнаю тебя.

— Почему?

— Ты стал таким же рассудительным, как Иван! Артык ничего не ответил.

Усталость брала свое — разговоры бойцов обрывались на полуслове. Бивак затихал. Поговорив немного, заснули, согретьшись под буркой, и Артык с Аширом.

На рассвете сотни и роты снова двинулись в путь. Сверху, из серых туч, сначала сыпалась колючая снежная крупа, а потом хлопьями повалил снег. Неоглядные просторы пустыни покрылись белым покрывалом.

Под Казанджиком после короткого привала пехота с марша пошла в атаку на город. Белые открыли ожесточенный артиллерийский огонь. Красноармейцы залегли, легкие орудия начали обстреливать позиции белых. Артык повел конницу в обход и ворвался в город с западной стороны. Особый батальон Сибирского полка, перебив своих офицеров, перешел на сторону Красной Армии и помог овладеть городом. Это был один из батальонов русского корпуса, сражавшегося против немцев во Франции. Он вернулся на родину через Константинополь, но был направлен Деникиным на Закаспийский фронт.

Чернышев хотел одним ударом пробиться на Красноводск, чтобы оказать помощь бакинским рабочим, но это не удалось. Белые разрушили железнодорожный путь в районе

Небит-Дага. В Красноводск, как доносила разведка, прибывали новые деникинские части с Северного Кавказа.

Заслушав обстоятельный доклад Артамонова о положении в Тедженском уезде, облревком принял ряд важных решений по работе в аулах. Ночью, после окончания заседания в ревкоме, Николай Матвеевич выехал на фронт.

Всего несколько дней прошло с тех пор, как части Красной Армии заняли Казанджик. Утром, подъезжая к городу, Артамонов увидел, что все поле перед станцией изрыто снарядами. На станции стоял выведенный из строя броневик белых, на путях виднелись разбитые, полуобгоревшие эшелоны. Бой по всем признакам был жаркий. Резкий ветер заставлял красноармейцев ежиться. Но это не портило общего приподнятого настроения. В эшелонах играли гармошки, тренькали балалайки. Бойцы, собравшись в круг, азартно хлопали в ладоши, подбадривая неутомимых плясунов.

Артык радостно поздоровался с Артамоновым. Николай Матвеевич привез ему добрые вести из Теджена и из аула. Рассказы его о Бабалы заставили Артыка забыть обо всем. Когда он взял в руки переданную ему Артамоновым сумочку для чая, его охватила безудержная радость: вышивка Айны, следы ее искусных рук...

Чувства Артыка передались и Николаю Матвеевичу. Ему живо представились шумные бакинские улицы, небольшая квартирка на четвертом этаже и двое детей-погодков. Когда он сможет обнять их, прижать к груди?..

Артамонов пошел искать Ашира. Он нашел его одиноко стоящим в стороне от вагонов. Артамонов спросил:

— Товарищ Ашир Сахат, прости меня за вопрос: ты от кого-нибудь ждешь подарка?

Ашир с недоумением посмотрел на малознамого человека. Он знал от Артыка, что Артамонов ездил в Теджен, но какое это имело отношение к нему? Он коротко ответил:

— Ни от кого не жду.

— Почему так?

— Кто же у меня дома, кроме старой матери?

— Может быть, близкий друг или невеста?

Перед глазами Ашира мелькнуло лицо Шекер, он смутился, но тут же отогнал надежду от сердца: «Что может знать о Шекер этот незнакомец?» Вздыхнув, он сказал:

— Товарищи мои здесь, а невесты у меня нет.

— Вот уже никогда не поверю! Чтобы ни одна девушка не полюбила такого молодца?

— Разве до любви, когда идет такая война?

— Настоящей любви и война не помешает. К любящему и страх не идет. Не хочешь говорить, так я сам скажу: у меня есть подарок для тебя от одной девушки. Если не скажешь ее имя, не отдам. Девушка сама так наказывала!

Ашир даже не заметил, как у него вырвалось:

— Шекер!

— А говоришь — нет любимой!

— Разве я сказал, что есть?

— А Шекер?

— Шекер... Так ведь она сестра Артыка!

— А тебе она кто?

Ашир не отвечал: «Может, этот человек смеется надо мной?..» Когда же Артамонов показал расшитую шелками тюбетейку, ему захотелось вырвать ее из его рук. Однако он все еще не верил: «Может, это послали Артыку?..» Артамонов решил больше не мучить молодого джигита и протянул Аширу тюбетейку.

— Шекер послала тебе этот подарок с таким условием: «Если Ашир, — сказала она, — не потеряет ее и сам вернется здоровым, — тюбетейка его и я его; если же труд мой попадет в руки врагу...»

— Нет, Шекер не скажет так! — перебил Ашир, протягивая руку к дорожному подарку.

— Почему не скажет? Неужели ты допустишь, чтобы эта тюбетейка попала в руки врагу? Ведь это искусство Шекер — искусство твоего народа!

— Чтобы ни сказала Шекер — я ношу это оружие не для себя!

— Молодец, Ашир! На, надевай да хорошенько береги!

Ашир надел тюбетейку под папаху, и сразу ее тепло достигло сердца. В эти минуту он забыл обо всем на свете и, вдруг вспомнив, что забыл поблагодарить, крикнул вслед Артамонову:

— Эй, товарищ, спасибо!

Николай Матвеевич на ходу повернул к нему голову и улыбнулся:

— Что так поспешил? Можно б сказать и при следующей встрече!

Ашир снял тюбетейку, полюбовался вышивкой, потом поднес к лицу и прошептал:

— Душу отдам — тюбетейку не отдам!..

Придя в себя, он заметил вокруг какое-то странное оживление. Красноармейцы суетливо наводили порядок в вагонах, подтягивали ремни, тщательно осматривали обмундирование вплоть до пуговиц; кавалеристы проверяли седла, сбрую; санитарный врач пробежал на кухню. Ашир осмотрелся вокруг: нет ни Артыка, ни Тыжденко. Он подумал: «Может быть, это мне только кажется? Уж не лишила ли меня разума эта тюбетейка?» Но тут он увидел командиров, которые собирались на станции, тоже подтянутые, озабоченные, и сам побежал в сторону своей сотни.

Из помещения станционного телеграфа вышли командующий фронтом, командарм, начальники штабов; засуетились адъютанты, в разные стороны побежали ординарцы. Командующие о чем-то негромко разговаривали, то и дело посматривая в сторону Ашхабада.

Стоя неподалеку, Артык с улыбкой смотрел на ежившегося Тыжденко.

— Алеша, что с тобой? Мерзнешь?

— Да, пронизывает насквозь этот ветер.

— Я не теплее тебя одет.

Тыжденко признался:

— Нелегко оставаться спокойным. Куйбышев — член Реввоенсовета Туркестанского фронта, соратник Ленина.

Когда поезд подошел и остановился у перрона, Артыка тоже охватило волнение. Командующие и начальники штабов вошли в штабной вагон. Связисты тотчас же потянули провод в помещение телеграфа. Артык скользнул взглядом по окнам вагона. В одном из них он увидел человека во френче с широким лбом и зачесанными назад волосами. Артык узнал Куйбышева — за несколько дней до этого он видел его портрет в газете.

Немного погодя, Чернышев вышел из вагона. Заметив Артыка и Тыжденко, он подошел к ним, поздоровался. Артык спросил его:

— Товарищ командующий, а что, товарищ Куйбышев разговаривает с людьми, как вы с нами, или только приказывает?

Чернышев с улыбкой посмотрел на него.

— Это ты сам увидишь, когда он заговорит с тобой.

— Со мной?

— Да.

Артык сразу потемнел.

— Товарищ командующий, — с упреком сказал он, — разве вы сами не могли принять меры, какие нужно? Вы ведь знали, что я был в отряде Эзиза, служил белым.

Командующий сердито нахмурил брови:

— Артык Бабалы, эту глупую мысль надо навсегда выбросить из головы. Чтобы я не слышал больше таких разговоров! Товарищ комиссар, — обернулся он к Тыжденко, — вы неплохо воспитываете бойцов, но, видимо, не выполняете своих обязанностей в отношении командиров.

Тыжденко взял руку под козырек:

— Виноват.

Не ожидавший такого оборота дела, Артык смутился:

— Товарищ командующий, разрешите сказать?

— Говори.

— Комиссар тут не виноват...

— Нет! — оборвал его Чернышов. — Воспитание красноармейцев и командиров — первая обязанность комиссара. Товарищ Тыжденко, я вас серьезно предупреждаю!

— Слушаю, товарищ командующий!

Артык окончательно расстроился и даже не заметил, как Чернышов подмигнул Тыжденко и как хитро поблескивали глаза у обоих.

— Ну, ладно, — спокойно сказал Иван Тимофеевич, — идите к своему полку. Может быть, товарищ Куйбышев подойдет поздороваться с вашими бойцами.

Понутив голову, Артык направился в конец перрона. Когда Тыжденко догнал его, Артык сказал:

— Алеша, черное пятно, приставшее к моему лбу, сегодня запачкало и тебя. Я не хотел этого, ты прости меня!

— Артык, еще и минуты не прошло, как командующий сделал нам выговор, а ты опять за свое. Пойми, что у тебя на лбу не клеймо позора, а печать славы! Ты вот уже больше года вместе с нами громишь белогвардейцев. Что ж, ты хочешь, чтобы Тыжденко снова получил выговор?

— Никакое лекарство не излечивает проказу... Я совершил преступление против советской власти.

— Неправильно говоришь! Немного найдется людей, которые никогда не ошибались. А твоя ошибка, кроме того, — ошибка человека, который плохо разбирался в событиях. Ты смыл с себя грязь кровью врага, рискуя своей головой. Я, как Иван Тимофеевич, и слушать не хочу таких разговоров.

— Ладно, — согласился Артык, — больше не буду говорить об этом.

Куйбышев долго не выходил из вагона. Артык ждал его, думал, о чем он спросит и что ответить на его вопросы, старался успокоить себя. Он рассказал Аширу, что слышал от Артамонова, показал присланный Ай-ной вышитый мешочек для чая. Ашир многим показывал свою новую тюбетейку, но от Артыка утаил подарок его сестры. Когда он разглядывал мешочек, один из джигитов сорвал с него папаху. Как лысый хватается за голову, когда она у него обнажится, Ашир тоже схватился за голову. Ветер сорвал тюбетейку с его длинных волос, и он еле успел подхватить ее.

Увидев красиво расшитую шелками тюбетейку, Артык сказал:

— Так тебе тоже прислали подарок? Чего же молчал? Почему прячешь?

Ашир смущенно ответил:

— Да, брат, тетушка Нурджахан не забыла и меня. Артык понял, в чем дело, и подумал: «А ведь Ашир будет хорошим мужем Шекер!»

— Очень хорошо! — весело сказал он. — Я радуюсь за тебя...

Он умолк, заметив, что Куйбышев в сопровождении командующих направляется к его полку.

Приподнявшись на стременах, Артык скомандовал:

— По-олк, смирно!

Куйбышев одобрительно посмотрел на ровный строй туркменских джигитов, на ахал-текинских коней. Артык подъехал к нему с рапортом.

— Вольно! — сказал Валериан Владимирович и поздоровался с Артыком за руку.

Он беседовал запросто, как знакомый человек. Посмотрев в его большие спокойные глаза, Артык подумал, что в трудную минуту такой человек не растеряется, будет действовать мудро.

— Товарищ командир, — обратился к нему Куйбышев, — правительству известно, что красноармейцы Закаспийского фронта прошли с тяжелыми боями больше тысячи километров по безводным пустыням и трудным дорогам. До Красноводска — километров

двести пустыней, вероятно будет еще немало боев. Не чувствуют ли ваши бойцы усталости?

— Товарищ член Рев...воен...

— Называйте меня просто по имени.

— Товарищ Куйбышев, у нас есть поговорка: «В ножнах сабля ржавеет». Когда нет боев, джигиты больше устают. Наши дейхане отдыхают от полевых работ только после того, как сложат в омет последний пук соломы. Так и с белыми...

— Остается сложить их, как солому, в ометы? Так, что ли?

— Нет, у нас говорят: «Если твой враг муравей, будь готов биться со слоном». А к этому еще добавляют: «Но и слон ничто перед носорогом».

— Значит, вы верите, что мы скоро победим?

— Никто в этом не сомневается.

— Возьмете меня с собой в наступление? — шутливо спросил Куйбышев,

— Товарищ Куйбышев! Мы знаем, что вы всегда с нами, — зачем же вам самим переносить трудности и опасности похода?

— Это мне не впервые. Я хочу своими глазами видеть, как сражаются туркменские джигиты в рядах Красной Армии.

И это были не просто слова. Через несколько дней Куйбышев сел на коня и отправился в поход вместе с кавалерийским полком Артыка.

Глава двадцать девятая

Как ни укрепляли деникинцы Ахча-Куйму и. Перевал свежими резервами и дальнобойными орудиями, получив крепкий лобовой удар по линии железной дороги, они, опасаясь нового обхода, оставили обе станции без боя.

Советское командование направило основные силы в обход, через пустыню. Но чтобы отвлечь внимание врага, некоторые части Красной Армии были двинуты прямо вперед, по линии железной дороги. Среди кавалеристов чувствовался большой подъем.

— С нами товарищ Куйбышев! — говорили в рядах.

Конный полк свободным аллюром шел вдоль полотна железной дороги. Рядом с Артыком и Тыжденко на рослом ахалтекинце ехал Куйбышев. Его лицо вдруг сделалось задумчивым: он весь, казалось, ушел в себя. Гневом и непреклонностью сверкнули большие лучистые глаза. Не все знали причину его тяжелых раздумий, — об этом Тыжденко шепотом сказал только Артыку:

— Подъезжаем к тому страшному месту...

Следя за номерами телеграфных столбов, Куйбышев остановил коня на двести седьмой версте, между Ахча-Куймой и Перевалом, спешился метрах в тридцати от железнодорожной насыпи и сделал несколько шагов в сторону.

Кругом были пески — никаких примет, никаких следов того, что здесь в ночь на 21 сентября 1918 года были расстреляны по приказу английских интервентов и закопаны в этих песках двадцать шесть бакинских комиссаров.

Сняв фуражку, Куйбышев склонил голову и долго стоял молча. Артык, Тыжденко и джигиты полка также обнажили головы. Затем член Реввоенсовета обернулся к бойцам, повел по рядам затуманенным взглядом и произнес короткую речь:

— Дорогие товарищи, любимые наши друзья, бакинские комиссары!.. Центральный Комитет партии, Совет Народных Комиссаров, Ленин и Сталин поручили мне передать вам последнее прощанье... Злодейская расправа, учиненная здесь над вами английскими интервентами с помощью предателей-эсеров, вызвала гнев и возмущение в сердцах бакинских рабочих, в сердцах всех честных советских людей. Вы умерли смертью героев — за родину, за советскую власть. Ваши имена будут вдохновлять нас на борьбу и победу, ваши бессмертные образы будут жить в борьбе за счастливое будущее народа, а земля эта превратится в цветущий сад. Сияющий памятник, который мы здесь воздвигнем вам, будет напоминать людям о ваших славных делах, о трагической кончине. Прощайте, дорогие

друзья!..

Куйбышев низко поклонился и молча направился к своему коню. В молчании все двинулись дальше.

По донесению разведки, в Айдине стоял бронепоезд белых. Конный полк повернул на север, где совершали трудный переход главные силы Красной Армии, и все дальше уходил от железной дороги.

Наступала зима. На чистом, безоблачном небе ярко сияло солнце. Но его лишённые летнего жара лучи лишь слегка грели спины конников, а в лицо уже подувал холодный ветер — усталый путник, идущий с севера, с заснеженных равнин и лесов России. Седым паром окутывались головы разгоряченных коней.

Вскоре конный полк догнал и обошел пехоту.

Член Реввоенсовета, командир и комиссар полка ехали рядом. Полк легко проходил через впадины и горбатые барханы, поросшие лебедой и саксаулом. Увлажненные осенними дождями пески уже не мешали идти переменным аллюром. На сырой почве отпечатывались подковы и неподкованные копыта. Кони сердито фыркали, но шли резво, и только за ушами выступал у них пот беловатыми полосками пены.

Даже в эту пору у пустыни была своя прелесть.

Валериан Владимирович оживленно беседовал со своими спутниками. Оглядывая широкие просторы, он сказал:

— На казахские степи похожи ваши Кара-Кумы.

Артык удивленно спросил:

— А вы и Казахстан знаете, товарищ Куйбышев?

— Я родился в Омске, — ответил Валериан Владимирович, — но все мое детство и отрочество прошло в Гёкча-Тау. (Гекча Тау — Кокчетав).

— Гёкча-Даг, Гёк-Тепе, Гёк-Сюри, Гёк-Кёль, — вслух перебрал Артык знакомые названия и сказал: — Есть и у нас в Туркмении такие места.

— Значит, я не ошибся в своем сравнении?

— Товарищ Куйбышев, — снова спросил Артык, — тогда вы и казахский язык, наверное, знаете?

— Были у меня товарищи и русские и казахи, — ответил Куйбышев, — в детстве я умел говорить и по-казахски. Теперь почти все забыл. Конечно, не забываются такие слова, как сув, чёрек, бесбармак, агай, ай-гыр, шырагым!..

Артык улыбнулся, слушая, как чисто произносит казахские слова член Реввоенсовета. Видя, что Артыку это нравится, Куйбышев произнес еще несколько казахских слов.

Ахал-текинские кони тянулись к высоким кустам лебеды, но всадники дергали их за удила, прищипывали, и полк все тем же легким аллюром быстро продвигался вперед. Приближались к большому скотоводческому аулу у подножия Больших Балхан. Артык еще раньше, посоветовавшись с комиссаром, выслал вперед гонцов подготовить привал. Теперь из кибиток все население аула высыпало встречать Красную Армию. Впереди стоял высокий старик с белой окладистой бородой на темном, обожженном солнцем лице. Чуть позади него две хорошо одетые женщины держали на больших деревянных блюдах стопки румяных чуреков; сверху на чуреки было положено холодное мясо, сваренная баранья голова.

— Добро пожаловать! — сказал старик, когда Куйбышев, сойдя с коня, подошел к нему. — Отведайте наш хлеб-соль. Ждем вас как дорогих гостей.

Валериан Владимирович отломил кусочек чурека и пожал руку старику.

— Спасибо, отец

И в то время, как джигиты полка пробовали хлеб-соль, старик неторопливо начал речь:

— Туркменский народ веками не видел светлых дней и еще при наших дедах хотел сдружиться с русским народом. Я еще в ту пору, когда бегал за ягнятами босоногим мальчишкой, слышал от стариков, что один почтенный человек из туркмен, по имени Ходжа Непес, ездил к русскому царю Петру просить его взять под свою защиту наш многострадальный народ. Петр Великий оказал большую милость туркменам — послал

войско на их защиту, приказал оросить пустынные степи водами Амударьи, повернув реку в ее старое русло. Но вероломный хивинский хан хитростью завлек русских далеко в пустыню, и там они частью погибли в безводных песках, частью были истреблены ханскими нукерами... Немало пострадал наш народ от усобиц беков и ханов, от шахских войн, прежде чем обрел покой под защитой России. А вот теперь, когда в нашу мирную жизнь снова вторгнулся враг: и белые, и черные, и англичане, — великий русский народ опять пришел нам на помощь. От имени всех людей аула я от чистого сердца хочу поблагодарить представителя великого народа и крепко пожалть ему руку. — Старик обеими руками пожал руку товарищу Куйбышеву и, не выпуская ее, повел его в заранее приготовленную для встречи гостей шестикрылую кибитку.

В просторной, устланной коврами кибитке, куда вошли Куйбышев, Артык и Тыжденко, весело пылал огонь саксаула. В цветных чайниках уже был заварен чай. Возле кибитки кипели огромные котлы, в которых варился плов. Женщины начали наполнять из котлов деревянные чашки, разносить угощение по кибиткам, где расположились джигиты. У открытых дверей толпились любопытные. Сотням людей хотелось получше рассмотреть джигитов с красными звездочками на черных папах: с кибиток снимали их тростниковые и войлочные одежды. Больше всего любопытных взглядов устремлялось на представителя Реввоенсовета Туркестанской республики. В толпе возле шестикрылой кибитки слышался шепот:

- Почтенный и умный, видать, человек.
- Погляди, какие красивые у него глаза!
- А ведь ему нет еще и тридцати пяти!
- Дело не в годах, а в уме.

После угощения старейшина аула, тот же седобородый старик, надел на Куйбышева новый шелковый халат и белую папаху с длинными завитками. Стан ему опоясали шелковым тканым кушаком с красивой бахромой по концам. Зная, что на Востоке халатом награждают только самых почетных гостей, Валериан Владимирович принял халат и стал рассматривать чудесный кушак — искусную работу туркменских женщин. На конце кушака он увидел вышитый белым шелком узор, похожий на искусное сплетение букв, и обратился к старейшине аула:

- По-моему, этот узор сделан из арабских букв. Что же тут написано?
- Старик с улыбкой ответил:
- Если это письмена, пусть кто-нибудь прочтет, — у вас есть грамотные люди.
- Куйбышев показал вышивку Артыку, и тот с трудом прочел арабскую вязь:
- Рус... хал-кы-на... шех-рат!.. (Русскому народу слава)
- И вдруг со всех сторон уже совсем открытой кибитки зазвучало, как эхо в горах:
- Рус халкына шехрат!
- Куйбышев растроганно обнял улыбающегося старика.

В полночь Туркменский кавалерийский полк подошел к Айдину. Подтягивались красноармейские части, близился час атаки, но ординарцы, посланные на рассвете для того, чтобы связаться с пехотой, все еще не возвращались. Землю покрывал густой туман. Куйбышев высказал предположение, что пехота стоит где-нибудь, ожидая ординарцев с приказом, а ординарцы заблудились в тумане. Взяв с собой Артыка и нескольких джигитов, он сам выехал на розыски.

Когда Куйбышев находился с его полком, Артык ничего не боялся. Но как в таком тумане, с двумя десятками джигитов, охранять его жизнь? Даже в схватке с чеченцем Артык так не волновался, как в этот рассветный час. Однако решительность и спокойствие члена Реввоенсовета передались и Артыку.

Установили связь с пехотой. Тем временем погода прояснилась, и уже можно было определить позиции белых, наблюдать движение бронепоезда, наметить направление главного удара. Чтобы показать пехоте удобный путь для атаки, Куйбышев послал к ней

своего ординарца.

Как стало известно позднее, деникинский командующий фронтом, не поверив донесению разведки, что Красная Армия находится в четырех верстах от Айдина, приказал «арестовать паникеров». Но еще до выполнения этого приказа, с первыми лучами солнца, захотела артиллерия — и Красная Армия пошла в атаку.

Сражение было ожесточенным. Куйбышев в разгар боя появлялся то среди конницы, то среди пехоты. Артык не отставал от него ни на шаг. Каждую минуту он готов был своим телом прикрыть Куйбышева от врага.

Деникинцы бежали, оставив в Айдине много пленных, оружия и снаряжения.

Глава тридцатая

Вечером Артык медленным шагом прохаживался вдоль эшелона. Четыре вагона вперед, четыре назад — ходил он, опустив голову, погруженный в раздумье, не замечая прохожих, не слыша даже паровозных гудков. Он читал книгу своей жизни, с волнением перебирая ее страницы. Простой и прямой была эта дорога в детские и отроческие годы, но за последние три-четыре года становилась все более извилистой, местами терялась в какой-то непроходимой чаще. Читая последние страницы своей жизни, Артык чувствовал себя как в глухом лесу среди колючих кустов. Пришло время дать отчет во всех своих неверных шагах, в ошибках, совершенных перед тем, как встать в один ряд с самыми простыми и самыми великими людьми. Эти ошибки старался загладить Артык, давно уже встал он на новый путь, отважно бился с врагами народа за великие завоевания Октября — и наконец сделал решающий шаг: подал заявление с просьбой принять его в ряды Коммунистической партии. И вот теперь он перебирал страницы своей жизни именно потому, что подал такое заявление. Теперь на собрании коммунистов полка ему предстояло подробно рассказать свою биографию.

Все чаще Артык поднимал глаза на большой красный вагон, где при неярком свете керосиновой лампы шло партийное собрание.

За столом, накрытым красной материей, сидели члены партийного бюро — Кулагин, Тыжденко и Ашир. Сбоку от них, отвечая на вопросы, стоял Мавы. Проста была его биография, просто и скромно отвечал он и на вопросы коммунистов. Казалось, все ясно. Но вот Ашир поставил еще один вопрос:

— Товарищ Мавы, в своей биографии ты указываешь, что ты батрак. Но в бюро поступило заявление, что ты был сыном бая. Почему ты ничего не сказал об этом?

Мавы улыбнулся:

— Брось шутить, товарищ Ашир!

Такой ответ не удовлетворил Кулагина, и он строго напомнил:

— Здесь не место для шуток, товарищ Мавы. Обманывающий партию недостоин быть ее членом. Вопрос поставлен вам серьезно, отвечайте на него прямо: почему вы скрыли это в своей биографии?

Мавы с виноватым видом ответил:

— Товарищи, я ничего не хочу скрывать. Я забыл это путаное время своей жизни. Вопрос товарища Аши-ра Сахата я принял в шутку. А если говорить серьезно, так дело было так: Халназар-бай, чтобы спасти своих сыновей от мобилизации на тыловые работы, сказал мне, что будет считать меня своим сыном. Надо сказать правду: глуп я был в то время, поверил баю. А ему приемный сын только для того и был нужен, чтобы послать его вместо родных сыновей на тыловые работы. Вот за эту свою глупость я и расплачивался своим горбом. Хитрость бая понял я уж потом... Да, забыл сказать и об этом... Я бежал из аула... с женой бая — с Майсой...

Это искреннее признание заставило всех рассмеяться. Многим было известно, какой «женой» была Майса баю. Решив на этот раз подшутить над Мавы, Ашир с серьезным видом сказал:

— За это тебе придется ответить перед судом!

— Перед судом?..

В голубых глазах Мавы отразился испуг.

Тыжденко, сказав, что Ашир пошутил, поставил вопрос на голосование, и когда все коммунисты подняли руки, Мавы не поверил своим глазам.

— Так я теперь кандидат Коммунистической партии? — удивленно спросил он и крикнул: — «Да здравствует наша партия!»

Дошла очередь до Артыка.

Прочитали его заявление, анкету, рекомендацию. Артык начал рассказывать свою биографию. Ему было легко говорить о своем происхождении, о детстве и первых годах юности. Но когда он дошел до того, как стал нукером Эзиз-хана, хмурая тень легла на его лицо. Не утаивая ни одного из своих неверных шагов, он с горечью заговорил о поре заблуждений, о днях, когда он состоял во вражеском лагере и боролся против советской власти в рядах нукеров «тедженского хана»...

Тыжденко хорошо знал, как мучает Артыка совесть. Видя, с каким искренним и глубоким раскаянием говорит Артык о своих ошибках, он посоветовался с членами бюро и вдруг обратился к собранию:

— Товарищи, всем нам хорошо известна биография Артыка Бабалы. Об его ошибках и о том, как он смывает черное пятно своей биографии, не раз говорилось на наших собраниях. Поэтому я предлагаю прямо перейти к вопросам. У кого есть вопросы к Артыку Бабалы?

Артык такого оборота не ожидал. Ему казалось, что он еще не до конца раскрыл свое сердце. Растерянно смотрел он на коммунистов, все еще не понимая, почему Тыжденко прервал его горькую исповедь.

Коммунисты хорошо знали и биографию Артыка, и то, с какой отвагой сражался он против белых и интервентов в рядах Красной Армии. Ашир лучше, чем кто-либо, понимал душевное состояние своего друга, и сейчас ему было жалко его. Артыку поставили только несколько вопросов с целью проверить, насколько успешно занимался он в кружке политграмоты. А Кулагин, кроме того, спросил:

— Артык Бабалы, почему вы хотите быть членом коммунистической партии?

Артык понял, что это серьезный вопрос, и стал неторопливо, обдумывая свои слова, отвечать на него:

— Может быть, это и неуместно, но я хочу сказать, что на правильный путь меня вывели наш командующий Иван Чернышов, полковой комиссар Алеша Тыжденко и другие товарищи. Большое им спасибо за это, я буду дорожить дружбой с ними всю жизнь... А товарищу Кулагину я отвечу так: вот я целые сутки провел в боевой обстановке с членом Реввоенсовета, товарищем Куйбышевым. Он бывалый революционер и большой человек, а в бою он был всегда впереди, в самых опасных местах, воодушевлял бойцов. Каждым своим словом, каждым шагом он показывал, что для него нет ничего дороже в жизни, чем то дело, за которое борется Коммунистическая партия и советская власть. И я понял, что мало быть командиром Красной Армии, мне надо стать таким же, как Иван Чернышов, как Тыжденко, как товарищ Куйбышев, — большевиком, коммунистом. В боях за родину, за рабочую и дейханскую советскую власть я хочу быть всегда впереди, вместе с вами, товарищи. Вот почему я прошу принять меня в партию, если достоин..

Артык умолк и склонил голову. Он не видел, как голосовали его товарищи, но почувствовал: открывается новая страница в его жизни. И какая волнующая страница!

Никогда еще не переживал он такого радостного волнения. Когда он вышел из вагона и пошел вперед уверенными шагами, темная ночь показалась ему наполненной светом. Словно он ступил на порог сияющего чертога, где все сверкало в лучах яркого весеннего солнца!

После разгрома под Айдином деникинцы были уже не в состоянии остановить наступление Красной Армии. Это наступление задерживало только работы по восстановлению разрушенного белыми железнодорожного полотна.

Штаб Чернышева, с одобрения Куйбышева, решил использовать временное затишье на главном фронте для нанесения удара контрреволюционным бандам Джунаид-хана. В Хорезмский оазис был направлен конный полк Артыка

Артык знал, что один из сотников Эзиз-хана — Кельхан, бежавший в свое время с фронта, давно нашел приют у ташаузского хана. Теперь его банды свирепствовали между Ташаузом и юным оазисом — Дарвазой. Артык неожиданным налетом окружил весь лагерь бандитов. Кельхан склонил перед ним голову:

— Артык, я сбился с пути, обещания, данного тебе, не выполнил. Ты волен пролить мою кровь. Но если ты простишь меня, всю остальную жизнь я отдам тебе.

У Артыка не было времени долго разговаривать с Кельханом, поэтому он сразу объявил ему свое решение:

— Ошибающегося можно простить и исправить. Но ты потерял совесть, ты изменил народу, а от изменника хорошего ждать нельзя. Если я сегодня прощу тебя, завтра ты можешь вонзить мне нож в спину. Все же я сам не буду расправляться с тобой, как это делал ты и Эзиз, — на это у меня нет права. За свои преступления ты будешь отвечать перед судом революционного трибунала.

Один из джигитов, особенно возмущенный насилиями, которые творила банда Кельхана, потребовал немедленного наказания главаря:

— Наш ответ — кровь за кровь!

Тыжденко раньше Артыка остановил его:

— Кто дал тебе право вмешиваться в распоряжения командира? Расправляться, как дикарь, — дело дикарей! Ты забыл, что ты боец Красной Армии?

После того как Кельхана отправили под конвоем в Ашхабад, к Артыку пришли жалобщики. У одного бандиты угнали баранов, у другого забрали верблюдов, у третьего дом разорили. Девушки, насильно увезенные из казахских селений, заливались слезами. Артык объяснил, что не может задерживаться для разбора жалоб. Он назначил в аульный совет своего представителя, приказал вернуть потерпевшим отнятый у них скот и имущество, отправить к родным увезенных бандитами девушек и двинулся с полком на Ташауз.

Джунаид-хан половину своих сил держал на восточном берегу Амударьи, где они вели бои с частями Красной Армии, наступавшими из Чарджоу, а с другой половиной отряда находился в Хиве. Артык встретился с ним около Батырбента. Ошеломленный неожиданным ударом, Джунаид-хан с небольшой группой конников отступил в пески, надеясь пробраться в Афганистан. Услышав о бегстве хана, разбежались и все его банды. С частями Красной Армии, которые разгромили белогвардейцев в Каракалпакии под Нукусом, Артык встретился в Куня-Ургенче. Увидев впервые знаменитую семидесятиметровую башню возле мавзолея Шейх-Шерефа, он с удивлением подумал: «Как же это она стоит и не падает?» И спросил у старого дейханина:

— Отец, ты не знаешь, когда это выстроено?

— Кто знает! Говорят, миновала уже тысяча лет.

Тыжденко вмешался в разговор:

— Нет, отец, этой башне всего шестьсот лет. Артык недовольно посмотрел на комиссара и продолжал спрашивать старика:

— А кто строил?

Старик не успел ответить, как Тыжденко сказал:

— Кутлук Тимур.

— Алеша, ты отвечай, когда тебя спрашивают. Если никто из предков твоих здесь не жил, никто тебе об этом не рассказывал, откуда можешь ты это знать?

Тыжденко улыбнулся:

— Артык, ты сам говорил, что много знает тот, кто много видел, а не тот, кто много жил. Правда, я еще не много видел, но много читал.

Ответ комиссара задел за живое Артыка. Он подумал: «Эх, если б мне быть таким ученым, как он!..» Вместе они долго еще смотрели на суровый памятник прошлого. Артык

подошел к башне и постучал по блестящим камням рукой:

— Сколько времени прошло, а как новая! Честь и хвала твоему мастеру!

Старик, вытерев слезящиеся глаза, пояснил:

— Сынок, кирпич для нее приготовлен на кобыльем молоке. Камень дает трещину, а этот нет.

Объяснение старика вызвало улыбку у Тыжденко, но он промолчал, чтобы его не обидеть.

Когда Артык забирался на башню, он насчитал сто пятьдесят широких ступеней, а когда посмотрел сверху вниз, — старик показался ему не больше муравья. У него захватило дух от такой высоты.

Артык осмотрел и мавзолеи Тёребек-Ханум и Шейх-Шерефа. Он был в восторге от их архитектуры, красок, узоров на изразцах и еще раз пожалел о том, что так мало знает.

— Оказывается, я ошибался, когда говорил, что наши предки могли только ездить верхом да кочевать. Смотри, какие прекрасные строения! Алеша, ты много читал, может, что-нибудь и про это расскажешь?

Тыжденко тотчас же ответил:

— В тысяча двести двадцатом году арабский историк Якут ибн Абдулла, побывав в Ургенче, сказал: «Я больше этого, богаче этого, красивее этого города не видел». А ведь знаешь, Артык, он был построен почти за две тысячи лет до нашего времени. Много прошло здесь разных народов. Хорошо строили города родоначальники туркмен, — трои предки, Артык.

— Я слышал о Салырчагане, но о сельджуках ничего не слышал. Значит, эти места — наши?

— Теперь — ваши.

— А раньше?

— Я уже сказал, что было раньше.

— Где же тот город?

— Его семьсот лет назад разрушил Чингиз-хан.

— Алеша! Раньше разрушали, теперь разрушают, — когда же мы будем строить?

— Будем, Артык, будем. Наша дружба, наша борьба — порукой тому. Новый мир будет прекрасен!

— А сумеем ли мы выстроить такие города?

— Подожди, вот завоюем мирную жизнь, — будем строить еще красивее!

Мечта, овладевшая Артыком, вдруг унеслась в будущее... Вот протянулся от Амударьи через всю пустыню Кара-Кум широкий канал. Сколько воды! По берегам цветущие сады, города. Аула Гоша не узнать!.. Безудержный полет его фантазии вдруг замедлился. Дымящаяся линия фронта встала перед глазами. Алеша заметил, как на лицо Артыка легла тень. Но раньше, чем он успел спросить, Артык сказал:

— Алеша, на коней!

И пришел, наконец, долгожданный день — день, когда Красная Армия вышла на подступы к Красноводску.

Красноводск с двух сторон окружен горами, с третьей раскинулось Каспийское море. Надо было атаковать врага в лоб. Но здесь была крепость. Многочисленные ловушки, колючая проволока, батареи дальнобойной артиллерии были похожи издали на муравьиные кучи. Пятнадцать вражеских военных кораблей стояли на рейде под парами. «Дивизия тигра», полк «Волк», «Дикая дивизия» — таковы были названия белых частей. Деникинские генералы считали, что Красноводск неприступен.

В ночь на 6 февраля 1920 года Красная Армия начала атаку. После полуночи на полуострове Уфра послышалась редкая перестрелка. Но в следующую минуту ущелья гулким эхом отозвались на грохот орудийной пальбы.

Воздух наполнился запахом пороха. Загремели батареи над ущельем Гипс, куда прорвались пехотные части Красной Армии. Загрохотали пушки с полуострова Уфра.

Занимая удобные позиции на высотах, белые видели передвижение частей Красной Армии. Захватив чуть свет первые неприятельские окопы, красноармейцы не могли двинуться дальше, — снаряды и пули сыпались отовсюду дождем, преграждая путь. В особенности силен был шрапнельный огонь с кораблей. Но вот красноармейская батарея выдвинулась на высоту и повела огонь по судам, стоявшим на рейде. От одного удачного попадания загорелось судно, груженное боеприпасами. Густой дым поднялся к небу. С оглушительным грохотом начали взрываться ящики со снарядами, разливая огонь на другие пароходы, на берег. Пехота снова пошла в атаку. Это решило дело — среди белогвардейцев поднялась паника. Джигиты Артыка прорвались в город. Кони шли полным наметом. В руках всадников блеснули обнаженные сабли. С кораблей били шрапнелью. Один из снарядов разорвался под ногами у Мелекуша. Конь, подброшенный взрывом, опрокинулся, увлекая за собою Артыка. Тыжденко спрыгнул с седла, обнял за плечи и приподнял Артыка. Не отводя глаз от потускневшего лица друга, он повторял, почти не надеясь, на отклик:

— Артык! Да открой же глаза, Артык!.. Посмотри — мы гоним врага!

Словно возвращенный к жизни этими словами, Артык поднял веки. Но, видимо, он не мог понять, где он и что с ним. Со всех сторон гремело победное «ура».

— Артык, слышишь?

— Алеша!..

— Да, это я, Артык! Мы победили!

Артык поднял голову. По лицу его скользнул ясный луч сознания...

Ашир со своей сотней во весь опор мчался по берегу. Взрывной волной сбило шапку с его головы.

— Ой, беда! — вскрикнул Ашир и схватился за голову. Вслед за тем он расстегнул ворот гимнастерки, снял тюбетейку и сунул ее за пазуху. Тюбетейка сразу согрела его сердце. Взмахнув саблей, он крикнул:

— За бессмертную любовь! Сотня, вперед!

Было за полдень. Тихий ветер, разгоняя тучи, уносил их к южному краю земли. Сверкало зимнее морозное солнце. Спокойное море играло под его серебристыми лучами. Скопище пароходов, уходивших к западу, маячило на поверхности, моря далеким пугалом. Последний белогвардейский снаряд попал в нефтяную цистерну, и в районе станции вспыхнуло два пожара. Повалил черный дым. Среди этого дыма взвилось над городом красное знамя.

Раздалась торжественная музыка духового оркестра.

Артык смотрел на это алое знамя, и мысль его была широка, как никогда. Она обнимала и то, что видели глаза, — безбрежные дали Каспийского моря, и то, что осталось позади, вплоть до Амударьи. В ней был весь путь его — путь горячего стремления к свободе, к счастью народа, путь ошибок, раскаяния, испытания кровью, борьбы вместе с народом и несказанного счастья победы.

Конец